
A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

РОССІЯ

ПО

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

И

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. Семеновъ.

ТОМЪ V.

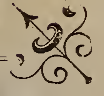
ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1869.

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

ТОМЪ V.

ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ.

Semenov, Dmitrii Dmitrievich

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ.

РОССІЯ

по

РАЗСКАЗАМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

и

УЧЕНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.

УЧЕБНОЕ ПОСОБІЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ.

СОСТАВИЛЪ

Д. СЕМЕНОВЪ.

ТОМЪ V.

ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1869.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

VII. ВЕЛИКОРУССКІЙ КРАЙ.

1. Алаунская возвышенность.

Алаунская плоская возвышенность, на которой расположены Новгородская, Тверская и частію сосѣднія губерніи, не поражаетъ ни громадностью и разнообразіемъ своихъ формъ, ни богатствомъ природы. Высочайшіе холмы ея, достигающіе едва 1000 ф. надъ уровнемъ моря, не могутъ идти въ сравненіе съ высокими пунктами Западной Европы. Алаунская плоская возвышенностъ противоположна также и плоскимъ возвышенностямъ Азіи. Она не песчаная, сухая пустыня, а напротивъ страна, самая обильная водами и лѣсами. Гранитные валуны, тянущіеся до самаго почти Углича, безчисленныя озера, топи и болота, питающія многочисленныя рѣки, между которыми первое мѣсто занимаетъ величайшая рѣка Европы — Волга, густые лѣса, извѣстные въ древности подъ названіемъ Волконскаго лѣса, тянущіеся по берегамъ Бѣлоозера, Мологи и Шексны, характеризуютъ поверхность описываемой мѣстности. Хотя непроходимые лѣса уже прочищены и съ каждымъ годомъ убавляются, потому что страна кипитъ дѣятельностью, а каналы, дороги и города требуютъ все болѣе и болѣе матеріала, хотя, безъ сомнѣнія, въ прежнія времена и лѣса и воды въ этой странѣ были гораздо обильнѣе, однакожъ и въ настоящее время едва $^{1}/_{10}$ часть цѣлой поверхности остается открытою и способною къ обработкѣ. Преобладающіе лѣса здѣсь — хвойные. Изъ лиственныхъ деревьевъ ростутъ береза, осина,

ольха, доставляющія матеріалъ только для топлива. Почва этой части Россіи не черноземная, а песчано-глинистая, мало плодородная; обработка хлѣбныхъ растеній никогда не вознаграждала труда жителей, которые постоянно нуждались въ привозѣ хлѣба изъ сосѣднихъ богатыхъ губерній. Гораздо успѣшнѣе идетъ здѣсь обработка фабричныхъ растеній — льна и пеньки. Еще надобно сказать о нѣкоторыхъ минеральныхъ богатствахъ этой страны. Болотная руда скрыта здѣсь почти вездѣ подъ болотами, но особенно богаты ею берега Мологи, около Устюжны и Череповецкаго уѣзда, такъ что вся эта страна извѣстна подъ именемъ Желѣзополья. Жители плавятъ руду въ ручныхъ печкахъ, разрѣзываютъ ее на прутья и потомъ перековываютъ въ гвозди, извѣстные на всѣхъ ярмаркахъ подъ названіемъ уломскихъ. Есть еще одно сокровище, кроющееся въ нѣдрахъ Волконскаго бора, на которое только недавно стали обращать вниманіе и которое разбросала здѣсь благотворительная природа, въ замѣнъ лѣса, быстро исчезающаго подъ неразсчетливымъ топоромъ русскаго крестьянина. Мы говоримъ здѣсь о каменномъ углѣ, показавшемся въ значительномъ количествѣ по всей Алаунской плоской возвышенности.

И такъ, страна эта повидимому не имѣетъ никакихъ особенныхъ выгодныхъ свойствъ, но тѣмъ не менѣе она еще за тысячу лѣтъ была засѣлена осѣдлыми славянскими племенами, образовавшими первое государство Руси; отсюда началась гражданская жизнь русскихъ племенъ; отсюда знаменитые новгородцы высылали первыхъ колонизаторовъ и въ дремучіе непроходимые лѣса и тундры сѣвера, и въ отдаленныя уральскія страны, и по Волгѣ, и по Днѣпру, и къ берегамъ Балтійскаго моря; здѣсь же возникли и первые торговые центры Россіи: Новгородъ, Псковъ, Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочекъ; тутъ же пролегалъ древнѣйшій водяной путь «*отъ Варягъ въ Греки;*» здѣсь впослѣдствіи проведены первые искусственные водные пути, первыя шосейныя и желѣзныя дороги. Что же было причиной тому? Отвѣтить не трудно, — географическое положеніе этой страны. Въ самомъ дѣлѣ, Алаунская возвышенность есть самое высокое центральное мѣсто среди равнины Европейской

Россіи; къ ней примыкаютъ со всѣхъ сторонъ всѣ четыре покатости нашей равнины; на ней берутъ начало всѣ важнѣйшія наши рѣки: Волга, Волховъ, Западная Двина, Сѣверная Двина и Днѣпръ; такимъ образомъ, на этой мѣстности сходятся и пересѣкаются всѣ важнѣйшіе торговые пути, соединявшіе и теперь соединяющіе Россію съ Западною Европою. Поэтому, не земледѣліе, не обработывающая промышленность, а *промышленность торговая* была источникомъ благосостоянія этой страны; поэтому же Алаунскую возвышенность можно считать *колыбелью русскаго народа*. Съ Алаунской возвышенности русская жизнь, подобно громадному океану, разлилась по всѣмъ направленіямъ: къ сѣверу, востоку, югу и западу, потому что ея разливъ слѣдовалъ по теченію рѣкъ, получающихъ начало на Алаунской возвышенности, которая и сама разливалась во всѣ стороны. Русскимъ, при своемъ движеніи, приходилось встрѣчать многія народности, дотолѣ имъ чуждыя, невѣдомыя; но могучее русское племя поглотило ихъ въ себя и многія изъ нихъ окончательно обрусило.

Какіе же водяные пути существовали издревле на Алаунской возвышенности и какіе возникли впослѣдствіи?

Въ отдаленныя времена, почти въ самомъ началѣ русской исторіи существовалъ здѣсь великій путь «*Отъ Варягъ въ Греки*», т. е. изъ Скандинавіи, и вообще изъ Западной Европы въ Византію, въ то время самую образованную страну на востокѣ. Путь этотъ шелъ отъ рѣки Ловати, чрезъ Западную Двину, въ р. Днѣпръ и Черное море, и къ сѣверу чрезъ оз. Ильмень, р. Волховъ, Ладожское озеро и рѣку Неву — въ Финскій заливъ. Славянскія поселенія, лежавшія на этомъ пути, сдѣлались промышленнѣе и просвѣщеннѣе другихъ. Но позже, когда южная Русь была опустошена татарами, а Византія клонилась къ паденію, путь этотъ былъ оставленъ, а торговля перенеслась къ востоку, въ бассейнъ Волги и Каспійскаго моря. Сюда ведетъ другой притокъ озера Ильменя — рѣка Мста и, какъ ее начало, р. Цна, которая вытекаетъ изъ той замѣчательной мѣстности, гдѣ не вдалекѣ беретъ начало р. Волга и притокъ ея Тверца. Прежде мѣстность эта была

гораздо богаче водою; при весеннемъ таяніи снѣговъ воды Цны смѣшивались даже съ водами Тверцы, т. е. образовывался какъ бы общій резервуаръ водъ, изъ котораго текли рѣки на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ другое время года суда переволакивались изъ Тверцы въ Цну по *волоку*, на протяженіи 12 верстъ. На волокахъ естественно образовывались поселенія, прежде всего для помощи при перетаскиваніи судовъ; потомъ на нихъ перегружались суда, а наконецъ перепродавались и товары. Такъ близъ волока между Цною и Тверцею возникъ Вышній-Волочекъ, теперь уѣздный городъ Тверской губерніи. Изъ Цны суда направлялись въ р. Мсту, гдѣ также должны были обходить волокомъ Мстинскіе пороги, а наконецъ суда собирались у верховья Волхова въ Новгородѣ, гдѣ сходились съ судами, идущими съ р. Ловати. Вотъ почему Новгородъ съ самыхъ древнихъ временъ цвѣлъ торговлею и богатствомъ. Онъ велъ обширную торговлю съ Западною Европою, особенно когда вошелъ въ союзъ Ганзейскихъ городовъ. Онъ получалъ товары чрезъ днѣпровскіе города изъ Византіи, и изъ Азіи по р. Волгѣ. Главный же предметъ его торговли былъ сбытъ произведеній его собственныхъ владѣній, и онъ одинъ только могъ снабжать Европу пушнымъ товаромъ, который тогда цѣнился очень высоко. Сталкиваясь съ образованными жителями Западной Европы и Византіи и цвѣтя богатствомъ и торговлею, новгородцы раньше другихъ славянскихъ племенъ устроили у себя гражданское управленіе. Но когда Новгородъ подчинился Москвѣ, и въ особенности, когда съ занятіемъ береговъ Балтійскаго моря Петромъ Великимъ былъ избранъ для заграничной торговли Петербургъ, торговля новгородская пала. Но водные пути, шедшіе прежде къ Новгороду, должны были теперь направиться къ Петербургу. Это обстоятельство не могло укрыться отъ взоровъ Петра Великаго. Онъ положилъ начало водяному сообщенію, прорѣзывающему всю восточно-европейскую равнину и соединяющему четыре моря съ четырьмя главными покатостями, прилежащими къ нимъ. Не одно соединеніе Волги съ Балтійскимъ моремъ было начато Петромъ; онъ хотѣлъ покрыть

всю Россію сѣтью каналовъ; онъ проектировалъ соединеніе всѣхъ восьми главныхъ водныхъ путей: Волги, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Мемеля, Вислы, Днѣпра и Дона. Многое было приведено въ дѣйствіе Великимъ и преемниками его, многое осталось еще въ чертежахъ, набросанныхъ Петромъ, и ждетъ еще благопріятныхъ обстоятельствъ, когда можно будетъ привести въ исполненіе гигантскіе планы Великаго Царя.

Изъ западныхъ водныхъ путей первое мѣсто принадлежитъ безспорно Вышневолоцкой системѣ, какъ самой древней, самой сложной и, можно сказать, единственной въ своемъ родѣ. Система вышневолоцкая чрезвычайно многосложна, потому что для нее, во первыхъ, на мѣстѣ древняго волока надо было прорыть каналъ; потомъ самыя рѣки Мста и Тверца по мелководію своему требовали разныхъ улучшеній; для этого устроены запасные резервуары воды, откуда, смотря по надобности, вода могла бы выпускаться и пополнять рѣки, т. е. устроены *шлюзы*. Кромѣ того и сама р. Мста требовала разныхъ улучшеній, чтобы быть вполнѣ судоходною. Эта большая рѣка (около 400 верстъ) бѣдна водою и порожиста; пороги встрѣчаются на всемъ ея теченіи и составляютъ пять группъ; но изъ нихъ опаснѣйшіе *Боровицкіе*, близъ города *Боровичи*, Новгородской губерніи; въ этой послѣдней группѣ, на протяженіи 30 верстъ, встрѣчается до 40 пороговъ. Пороги эти были прежде непроходимы; суда обходили ихъ волокомъ. Въ настоящее же время ихъ расчистили, срѣзали береговые мысы, о которые разбивались барки, увлекаемыя сильнымъ теченіемъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены *заплавни* (плавающія бревна для отраженія барокъ отъ скалъ) и т. д. Близъ пороговъ въ деревняхъ и въ самомъ городѣ *Боровичахъ* живутъ опытные лоцманы, которые обязаны проводить суда черезъ пороги. Такимъ образомъ проходъ барокъ черезъ пороги значительно облегченъ, но и теперь еще случаи крушенія бываютъ довольно часты; иногда погибаетъ до 60 судовъ въ годъ.

Постоянное обмеленіе устья Мсты и частыя бури на озерѣ Ильменѣ заставили для обхода озера соединить устье Мсты съ протокомъ Волхова, Малымъ Волховцомъ, обводнымъ каналомъ.

Каналъ этотъ называется *Сиверсовымъ*, по имени графа Сиверса, которому принадлежитъ мысль о проведенiи этого канала, или *Новгородскимъ*. Но нѣкоторыя неудобства для судоходства и по Сиверсову каналу, какъ-то: проходъ судовъ подъ арками постояннаго каменнаго моста въ г. Новгородѣ и заливанiе канала весенними водами озера, были причиною проведенiя еще другаго канала къ сѣверу отъ предъидущаго, по которому идущiя суда уже минуютъ Новгородъ; этотъ послѣднiй каналъ называется *Вишерскимъ*, отъ рѣки Вишеры, притока Волхова, которую соединяетъ онъ со Мстою.

Первое устройство вышневолоцкаго пути относится къ 1704 году, когда почти въ слѣдъ за закладкой Петербурга, Петръ Великiй изслѣдовалъ, проѣздомъ въ Москву, мѣстность Вышняго-Волочка. Отъ его взгляда не скрылось удобство и легкость къ соединенiю каналомъ двухъ рѣкъ, и онъ тутъ же повелѣлъ копать канаву, длиной въ 2¼ версты, между Цною, притокомъ Мсты, и Тверцою; это было зародышемъ теперешней вышневолоцкой системы, а черезъ 8 лѣтъ Тверецкiй каналъ былъ оконченъ и открытъ. Первое достовѣрное извѣстiе о судоходствѣ по каналу относится къ 1712 году. Нѣсколько вновь построенныхъ въ Казани кораблей были отправлены изъ Твери въ Боровичи, шли среди неимовѣрныхъ трудностей съ весны и до осени, и прибыли въ 1713 году въ Петербургъ. Цѣлое столѣтiе работали надъ Вышневолоцкою системою лучшiе знатоки своего дѣла, безпрестанно ее улучшая, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтiя достигла она того совершенства и тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, которые не разъ обращали на себя удивленiе знающихъ иностранцевъ. Долгiй опытъ и постоянныя работы научили обращаться бережливѣе съ водою для питанiя рѣкъ, и эта бережливость принесла такiе благопрiятные результаты, что теперь отправляютъ многочисленные караваны барокъ, которые прежде, раздѣливъ ихъ даже на половины, показались бы слишкомъ велики. Богатый запасъ воды дозволилъ увеличить грузъ. По прежнему уставу, барки не смѣли сидѣть въ водѣ ниже 12 вершковъ, теперь могутъ онѣ плавать по каналу,

сидя на 14 вершковъ въ водѣ. На четырехъ баркахъ можно теперь везти такое же количество грузу, которое требовало прежде не менѣе 5 барокъ; издержки провоза уменьшились на 20 процентовъ, и, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сберегается прекрасный корабельный лѣсъ.

Любопытно прослѣдить путь барокъ по каналамъ отъ Твери до Ильменя озера. Онѣ ходятъ не отдѣльно, но цѣлыми караванами. Когда такой караванъ соберется въ Твери или у одной изъ главныхъ пристаней Тверцы, тогда начинаютъ спускать въ Тверцу воду изъ Осугскаго и другихъ резервуаровъ, и барки отправляются вверхъ къ Вышнему-Волочку. Тянутъ ихъ обыкновенно лошади; на каждомъ суднѣ не болѣе трехъ человѣкъ прислуги. Только что караванъ прибываетъ въ Вышній-Волочекъ, тверецкій шлюзъ запирается, перемѣняется прислуга, берутъ лоцмана и 14 — 15 работниковъ, а вмѣсто тяжелаго, длиннаго руля — 4 балки, отъ 7 до 10 саж. длины, которыя служатъ веслами. Мачты снимаются также, и караванъ спускается цнинскимъ шлюзомъ въ озеро Мстино. Когда онъ весь спустится въ озеро, тогда открываютъ мстинскій шлюзъ; впрочемъ, во время полой воды этого не бываетъ, и озеро достаточно богато водой, чтобы поддерживать въ дѣйствіи обѣ вѣтви судоходства. Мста, куда входитъ караванъ изъ Мстина озера, наполняется водою изъ перваго и изъ своихъ собственныхъ резервуаровъ. Небольшая рѣчка дѣлается внезапно большою рѣкой, и несетъ барки черезъ всѣ пороги и отмели прямо къ озеру Ильменю. Когда караванъ проходитъ Мсту, тогда запираютъ мстинскій шлюзъ, а смотря по надобности, и другіе резервуары; на Тверцѣ же начинается такимъ же порядкомъ шествіе другаго каравана. Судоходство производится отъ половины апрѣля до половины октября, но понятно, что барки ходятъ не во все продолженіе этого времени. Воды Тверцы и Мсты надо беречь, и судоходство происходитъ по извѣстнымъ и опредѣленнымъ правиламъ.

Въ непосредственной связи съ вышневолоцкою системой находится еще Ладожскій каналъ, одинъ изъ самыхъ замѣчатель-

ныхъ и вѣковѣчныхъ памятниковъ безсмертнаго преобразователя Россіи. Только что положено было начало Вышневолоцкой системы, едва только начинала она выходить изъ пеленокъ, какъ уже онъ обратилъ вниманіе на Ладожское озеро, представлявшее своими подводными скалами и почти безпрестанными бурями многочисленныя препятствія для судоходства. Въ 1718 году начертанъ былъ планъ, а въ 1719 году начали уже рыть каналъ, для непосредственнаго соединенія Волхова съ Невой и для обхода Ладожскаго озера. Петръ не дожилъ до окончанія канала, строителемъ котораго былъ Минихъ. Каналъ былъ открытъ только въ 1732 году. Длина его 104 версты, ширина 10 — 14 саж., глубина его весною до 10 фут., въ обыкновенное время отъ $3^1/_2$ до 7 ф., такъ что суда могутъ сидѣть смѣло на $1^1/_2$ и $2^1/_2$ арш. въ водѣ. Его восточное устье впадаетъ въ Волховъ, западное — въ Неву. Каналъ подвергался безпрестанно улучшенію, а въ послѣднее время для устраненія тѣсноты въ этомъ каналѣ и для безостановочнаго движенія судовъ въ случаѣ его исправленія, проведенъ новый каналъ, ближе къ берегу озера. Староладожскій каналъ названъ каналомъ Петра Великаго, а Новоладожскій — каналомъ Александра II. Цѣлый рядъ городовъ и пристаней покрываютъ берега этого воднаго пути, большая часть которыхъ обязана своимъ происхожденіемъ или цвѣтущимъ состояніемъ водному пути, проложенному здѣсь Петромъ. Самую значительную роль между ними играютъ Тверь и Вышній-Волочекъ.

Тверь, безспорно, одно изъ самыхъ значительныхъ складочныхъ мѣстъ для торговли между Петербургомъ и низовыми странами. Тверь, благодаря своему выгодному положенію на большомъ волжскомъ торговомъ пути, играла всегда значительную роль въ русской исторіи, и ея значеніе, какъ посредницы между Великимъ Новгородомъ и низовьями Волги, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нерѣдко, для упроченія мира, призывались князья ея въ Новгородъ, потому что вольнымъ людямъ новгородскимъ хотѣлось быть въ ладу съ Тверью. Тверь сохранила и по нынѣшнее время свое значеніе въ волжской

торговлѣ. Волга и Тверца покрыты постоянно судами, потому что до Твери могутъ ходить уже суда съ значительнымъ грузомъ. Тверь служитъ складочнымъ мѣстомъ для волжской рыбы, хлѣба, желѣза и другихъ продуктовъ южныхъ провинцій и Уральскаго хребта, которые отправляются отсюда въ Петербургъ. Среднее число судовъ, приходящихъ въ Тверь, доходитъ ежегодно до 2000, съ грузомъ на сумму до 8 м. р. сер.

Вышній-Волочекъ менѣе столѣтія назадъ былъ почтовымъ ямомъ: въ 1760 году сдѣлали его городомъ, и англійскій путешественникъ Клеркъ, посѣтившій эти страны въ началѣ нынѣшняго столѣтія, говоритъ о Вышнемъ-Волочкѣ, какъ о самомъ значительномъ городѣ на всемъ протяженіи между Петербургомъ и Москвою. Здѣсь главное складочное мѣсто для хлѣба и другихъ естественныхъ продуктовъ южныхъ и среднихъ частей Россіи, отправляемыхъ въ Петербургъ. Желѣзная дорога, проходящая чрезъ Вышній-Волочекъ, поднимаетъ еще болѣе его благосостояніе; это замѣтно уже теперь: новые дома, лавки въ мѣстахъ при дебаркадерѣ говорятъ громко за усиливающуюся промышленную дѣятельность города, который будетъ скоро принадлежать къ числу самыхъ богатыхъ и промышленныхъ городовъ Россіи.

Шлиссельбургъ, лежащій у самаго истока Невы изъ Ладожскаго озера, служитъ послѣднею пристанью для всѣхъ судовъ, идущихъ въ Петербургъ по Вышневолоцкой системѣ и со среднихъ частей Волги по системамъ маріинской и тихвинской; число всѣхъ судовъ достигаетъ ежегодно до 20,000. Изъ Шлиссельбурга идутъ суда прямо Невой въ сѣверную столицу. Въ прежнее время по Вышневолоцкому пути проходило до 9,000 барокъ и плотовъ съ цѣнностію товара до 44 м. руб. сер.; но съ проведеніемъ николаевской желѣзной дороги перевозка товаровъ значительно уменьшилась, такъ что теперь по этой системѣ проходятъ только 2,500 судовъ, съ грузомъ на 12 м. р. сер., состоящимъ преимущественно изъ хлѣба, пеньки и дровъ.

Кромѣ Вышневолоцкаго пути, возникли впослѣдствіи еще три: Тихвинскій, Маріинскій и Александровскій. Мы начнемъ съ Тихвинской системы, начинающейся у Мологи. Излишнимъ будетъ напоминать, что начало ей, равно какъ и всѣмъ остальнымъ системамъ, положено было Петромъ. Онъ первый начерталъ планъ, который былъ сперва оставленъ безъ вниманія; предприняты были новыя работы, но всѣ онѣ не привели къ настоящей цѣли, и только въ царствованіе Императора Александра I возвратились вновь къ первоначальному плану Петра, къ соединенію рѣки Тихвинки съ Соминой, какъ къ самому легчайшему и удобоисполнимому. Работы начались въ 1802 году, но окончились не раньше 1828 года. Путь по тихвинской системѣ начинается отъ города Мологи вверхъ по рѣкѣ того же имени до ея главнаго притока Чагоды; Чагодой идутъ суда далѣе въ ея притокъ Горюнъ. Отсюда въ озеро Вожинское, въ Сомину, черезъ озеро Сомино и Эглино, и наконецъ каналомъ, въ 10 верстъ длины, до озера Лебидини, которое высылаетъ къ сѣверу Тихвинку, впадающую въ Сясь. Отсюда суда должны были бы идти Ладожскимъ озеромъ до Волхова, но чтобы предохранить богатые грузы товаровъ отъ волнъ бурнаго озера, правительство позаботилось о соединеніи Сяси съ Волховымъ каналомъ, для обхода Ладожскаго озера и для соединенія системы тихвинской съ вышневолоцкой. Сясьскій каналъ, оконченный въ 1827 году, есть ничто иное, какъ восточное продолженіе Ладожскаго. Длина его 10 верстъ, ширина 8 саж. 5 фут. Суда, плавающія по каналу не сидятъ въ водѣ ниже $1^1/_2$ арш. Между пристанями, на всемъ протяженіи Тихвинской системы, первую роль играетъ Молога, при впаденіи рѣки Мологи въ Волгу, откуда отправляются въ столицу лѣсъ, дровяной и строевой, и хлѣбъ, и Тихвинъ, торговля котораго поднялась особенно въ послѣднее время. Центромъ торговли и судоходства по тихвинской системѣ служитъ нижегородская ярмарка, и если эта система количествомъ судовъ далеко уступаетъ маріинской, о которой мы сейчасъ будемъ говорить, за то она превосходитъ послѣднюю цѣнностью груза. По ней

сплавляются колоніальные товары, дорогія произведенія внутренней и иностранной фабричной промышленности, такъ что нерѣдко маленькія тихвинки и соминки несутъ на себѣ грузъ вдвое болѣе цѣнный, и приводятъ въ обращеніе болѣе значительные капиталы, нежели тяжелыя барки маріинской системы.

Исходнымъ пунктомъ маріинской системы служитъ Рыбинскъ на Шекснѣ, впадающей въ Волгу, въ 32-хъ верстахъ ниже Мологи.

Шексна вытекаетъ изъ Бѣлоозера. Послѣднее почти всегда спокойно, чрезвычайно удобно для судоходства, и потому образуетъ одинъ изъ главныхъ членовъ третьей маріинской системы. Шексна — это начало воднаго пути Маріинской системы, которая была окончательно приведена въ дѣйствіе въ 1808 г., хотя еще въ 1711 г. Петръ Великій обозрѣвалъ эти мѣста, и предположилъ соединить каналомъ обѣ рѣки Ковжу и Вытегру, образующія и теперь главную нить этой водной системы. Суда идутъ отъ Рыбинска вверхъ по Шекснѣ до Бѣлоозера, мимо Череповца у впаденія Суды въ Шексну, гдѣ они забираютъ лѣсъ, хлѣбъ и различные фабричные продукты; потомъ озеромъ до впаденія въ него Ковжи, и изъ Ковжи, тремя каналами, въ Вытегру, впадающую въ самый юговосточный заливъ Онежскаго озера. Отсюда имъ предстоялъ бы еще путь къ Онежскому озеру до Свири, впадающей въ Ладожское озеро, но для предотвращенія несчастій на бурномъ озерѣ, начатъ былъ еще при императорѣ Павлѣ, для обхода Онежскаго озера, Онежскій каналъ, который приведемъ къ концу въ 1820 году. Изъ Онежскаго канала входятъ суда въ рѣку Свирь, протекающую пространство въ 190 верстъ, между Онежскимъ и Ладожскимъ озерами. Здѣсь угрожало бы опять баркамъ безпокойное Ладожское озеро, въ которое впадаетъ Свирь, но, благодаря настойчивости графа Сиверса, Свирскій каналъ уничтожилъ эту помѣху. Свирскій каналъ соединяется съ Сясьскимъ, и образуетъ не болѣе, какъ сѣверо-восточное продолженіе Ладожскаго канала, такъ что весь юговосточный берегъ огромнаго озера, начиная отъ устья Свири и до истока Невы, опоясанъ одною не-

прерывною линией каналовъ, въ 154 версты длины, къ которой въ самомъ центрѣ ея, у Новой Ладоги, примыкаютъ два главные водные пути, системы: вышневолоцкая и тихвинская.

Маріинскою системой Волга захватываетъ въ свою область далекій сѣверъ, и оживляетъ торговую дѣятельность многихъ городовъ по Онежскому озеру, которые до того времени были совершенно безъ значенія. Къ нимъ относится Петрозаводскъ, на западномъ берегу Онежскаго озера, Повѣнецъ, у самаго сѣвернаго залива его, и наконецъ Пудожъ на Водлѣ, впадающей съ востока въ озеро. Всѣ три пристани доставляютъ желѣзные товары, мраморъ, изразцы и яшмовыя вещи изъ ближнихъ сѣверныхъ камнеломенъ, и наконецъ лѣсъ. Огромные плоты еловыхъ, пихтовыхъ и лиственныхъ деревъ, изъ лѣсовъ губерній Олонецкой и Архангельской идутъ въ Петербургское адмиралтейство по Онежскому озеру и по Свири, на которой лежитъ еще значительная пристань — Лодейное Поле, отправляющая въ Петербургъ хлѣбъ, рыбу, дичину, желѣзныя издѣлія, точильные камни и лѣсъ. Но всѣ эти пристани затмѣваетъ собою богатый Рыбинскъ, главный исходный путь для торговли и судоходства между Волгою и Петербургомъ по всѣмъ вышеупомянутымъ водянымъ сообщеніямъ. Вся торговля по Волгѣ и по ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многоразличныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея.

Александровское водяное сообщеніе окончено въ 1828 году и соединяетъ Шекснусъ Кубенскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западный притокъ Сѣверной Двины. Эта водяная линія связываетъ съ Архангельскомъ Москву и Нижній, и наконецъ самый Петербургъ. Для Архангельска имѣетъ этотъ каналъ величайшую важность. Теперь легко можетъ доставляться изъ Архангельска лѣсъ и рыба, а изъ Тотьмы, по Сухонѣ, и Яренска, по рѣкѣ Югѣ, богатые запасы соли. Этимъ же путемъ сплавляются теперь въ архангельское адмиралтейство изъ Петрозаводска пушки, ядра и другіе снаряды. Въ центрѣ этого воднаго пути лежитъ Вологда, какъ разъ на перекресткѣ между

верхними частями Волги, устьями Невы и Сѣверной Двины. Вологда — городъ почти невѣдомый для жителей центральной Россіи, хотя это одно изъ самыхъ древнѣйшихъ населеній новгородскихъ въ Заволочьѣ. Вологда играла важную роль въ торговлѣ великаго Новгорода, и обѣщаетъ, ежели обратятъ только на это вниманіе, занять и въ наше время одно изъ первостатейныхъ мѣстъ между торговыми городами Россіи, какъ главный посредникъ между странами приволжскими и двинскимъ сѣверомъ. Уже въ 1828 году, немедленно послѣ открытія канала, Вологда отправила слишкомъ на 2 м. руб. разныхъ товаровъ. Развитіе ея торговли должно непремѣнно подѣйствовать на процвѣтаніе остальныхъ городовъ и пристаней, лежащихъ по Югу и Сухонѣ, и въ особенности на Устюгъ Великій, тѣснѣе всѣхъ остальныхъ связанный съ Вологдою.

2. Ладожское озеро.

Ладожское озеро, въ сѣверо-западной части Европейской Россіи, самое большое изъ европейскихъ озеръ, принадлежитъ къ бассейну Балтійскаго моря и прилежитъ къ С.-Петербургской и Олонецкой губерніямъ и Великому Княжеству Финляндскому. Пространство озера 336 кв. м. Наибольшая длина 196 вер., наибольшая ширина 119 вер. Среднюю глубину озера можно полагать въ 50 саж., но глубина эта распредѣляется неравномѣрно. Отъ южнаго прибрежья, у котораго озера мелководно, глубина возрастаетъ медленно и постепенно, такъ что въ южной половинѣ озера большею частію не превосходитъ 30 саж. Напротивъ, въ сѣверо-западной части озера глубина его быстро увеличивается и почти все пространство къ сѣверозападу отъ острова Коневецъ превосходитъ 50 саж., между тѣмъ какъ во многихъ мѣстахъ, какъ напр., между островомъ Валаамомъ и сѣверо-западнымъ берегомъ, глубина озера простирается отъ 100 до крайняго своего 122 саж. Дно озера состоитъ изъ довольно жидкаго или преимущественно коричневаго

цвѣта. Вода, вносимая въ озеро рѣками, очень мутна, но дистилируется озеромъ такъ, что въ глубочайшихъ частяхъ его, также какъ въ срединѣ и юго-западномъ углу, она весьма чиста и прозрачна. Берега озера имѣютъ довольно различный характеръ. Западный берегъ между Кексгольмомъ и выходомъ Невы состоитъ изъ глинистыхъ и суглинистыхъ наносовъ, окаймленныхъ песчаною почвою, съ многочисленными валунами. Близъ Кексгольма на берегахъ озера, есть еще пологія песчаныя возвышенности, скудно поросшія лѣсомъ. Отъ Кексгольма до параллели Коневца простирается еще верстъ на 30 по прибрежью, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ береговой линіи, возвышенный песчаный валъ, представляющій какъ бы слѣдъ стараго берега озера. Далѣе къ югу простирается низменный пустынный берегъ, отчасти болотнстый и поросшій густымъ лѣсомъ. При этомъ все прибрежье усыпано большими массами гранита и валунами. Южное прибрежье, между истокомъ Невы и устьемъ Свири, низменно и состоитъ изъ глинистой и болотистой почвы. Это низменное побережье имѣетъ отъ 3 до 30 вер. ширины и ограничено съ юга нѣсколько возвышенною утесистою окраиною известняковъ или плитняковъ. Восточный берегъ озера, отъ устья Свири до финляндской границы, или, лучше сказать, до финляндскаго селенія Каркула, весь низменный и состоитъ изъ глинистой и суглинистой почвы, которая на самой береговой линіи переходитъ въ песчаную, наполненную валунами. Совершенно иной характеръ имѣетъ прибрежье всей сѣверной или, лучше сказать, сѣверо-западной части отъ села Каркула до города Кексгольма. Здѣсь берега возвышенные, скалистые и состоятъ преимущественно изъ гранита, отчасти гнейса, сіенита и другихъ кристаллическихъ породъ, а также изъ мраморовъ и известняковъ. Все это скалистое прибрежье весьма изрѣзано и вся сѣверо-западная часть озера, не смотря на свою значительную глубину, довольно богата скалистыми островами, образующими цѣлые лабиринты у самыхъ береговъ озера. Самые значительные изъ острововъ озера: въ срединѣ сѣверной части озера Валаамъ и западнаго прибрежья озера Коневецъ.

Южнѣе параллели Коневца въ озерѣ почти нѣтъ острововъ, за исключеніемъ немногихъ весьма небольшихъ, находящихся въ самой южной части озера. Физіономія и происхожденіе обоихъ упомянутыхъ острововъ совершенно различны.

При самомъ входѣ въ гавань Валаама вниманіе путешественника останавливается на множествѣ гранитныхъ скалъ, изъ которыхъ однѣ еще омываются волнами, то являясь, то исчезая, другія уже совершенно и навсегда обсохли, но такъ гладки и голы, такъ недавно освободились отъ господства воды, что даже и лишаи не успѣли помѣститься на нихъ; на иныхъ зеленѣютъ изрѣдка десятилѣтніе подростки сосны, пустившіе корни въ вывѣтрившіяся поверхностныя части гранита, между ними стелются лишаи и мхи, и, наконецъ, далѣе въ бухтѣ, округленные скаты значительно высокихъ острововъ покрыты густымъ двадцатилѣтнимъ лѣсомъ.

Подобный видъ поверхности Валаама доставляетъ намъ очевидныя, осязательныя доказательства того, что онъ составился изъ многихъ отдѣльныхъ скалъ и острововъ, которые, поднимаясь изъ волнъ озера, постепенно сближались между собою широкими основаніями своими, и именно такъ, что первоначально между ними были проливы, потомъ проливы эти становились все уже и мельче, частью вслѣдствіе общаго поднятія, частью же отъ засоренія ихъ намывнымъ пескомъ, пока, наконецъ, на мѣстѣ ихъ остались однѣ песчаныя полосы и рытвины.

Сухопутныя растенія очень медленно разводятся на голой каменистой почвѣ; даже неприхотливые лишаи начинаютъ обростать голый гранитный валунъ, оставленный на сушѣ льдиною, не ранѣе десяти лѣтъ; поэтому, еслибъ въ первые годы существованія Валаама, мы взглянули на него сверху, то онъ явился бы намъ волнообразною площадью съ голыми, обнаженными хребтами и куполообразными гранитными возвышеніями, и съ песчаными, вьющимися между ними, долинами. При видѣ этой картины, мы непремѣнно сказали бы, что однѣ только песчаныя долины способны современемъ питать лѣсъ, и что на голыхъ

гранитахъ нѣтъ возможности его развести; не смотря однакожъ на то, скалы Валаама красуются теперь стройными вѣковыми дремучими лѣсами сосны, ели и березы. Глазъ наблюдателя съ перваго взгляда открываетъ причину этого явленія въ необыкновенной разрушаемости здѣшняго гранита, котораго поверхностныя части распадаются, образуя рыжаго цвѣта землю.

Прибрежья острова Валаама, по большей части скалисты и обрывисты, и только изрѣдка представляютъ отлогіе песчаные берега. На этихъ послѣднихъ послѣ бурь остаются полосы блестящаго тяжелаго песку, который монахи собираютъ и, промывъ на небольшихъ вашгердахъ, продаютъ въ столицу, какъ щегольской песокъ для засыпки письма. Этотъ песокъ ничто иное, какъ магнитный желѣзнякъ. И такъ валаамскій гранитъ содержитъ большое количество магнитнаго желѣзняку, который вмѣстѣ со всею горною породою раздробляется волнами и выбрасывается на берегъ, въ видѣ чернаго, блестящаго песку.

Островъ Валаамъ можно рекомендовать любителямъ ботаники; онъ оченъ богатъ растеніями, въ особенности тайнобрачными, лишаями, мхами, папоротниками, плаунами и хвощами, которые блаженствуютъ на вывѣтрившихся гранитахъ, подъ влажною тѣнью сосновыхъ, еловыхъ и березовыхъ лѣсовъ. Въ саду, разведенномъ на уступѣ отвѣсной скалы лѣваго берега гавани, въ защитѣ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, хорошо ростутъ липа, кленъ, дубки, яблони, груша, испанская вишня, смородина и малина. Пріятно видѣть, съ какимъ стараніемъ, даже любовью, ухаживаютъ иноки за фруктовымъ садомъ.

Другой островъ Коневецъ не великъ, всего около пяти верстъ длины и до двухъ ширины, и тѣмъ легче и точнѣе можно изучить его постепенное образованіе и развитіе, съ древнѣйшихъ, начальныхъ его формъ, до нынѣшней. Онъ весь наносного образованія, котораго послѣдовательныя эпохи возрастанія до такой степени очевидны, осязательны, что каждому геогносту желающему получить точныя понятія о формаціяхъ такого ро

необходимо прежде всего побывать здѣсь. Начнемъ родословную его съ корня и для этого взойдемъ на самую высокую точку острова, на Святую гору, которая въ верстѣ отъ монастыря, тянется въ видѣ узкой, до двухъ верстъ длиной, гряды, переломленной подъ тупымъ угломъ на два колѣна, изъ которыхъ одно концомъ смотритъ къ самому южному мысу острова, а другое къ сѣверному—Варгасы. Ширина ровной площадки хребта горы не болѣе двадцати саженей; съ каждой стороны она спускается довольно крутымъ бокомъ, такъ что высота всей горы до луговъ у ея подошвы будетъ до пяти саженей. Вся толщина горы состоитъ изъ желтаго песку, глины и мелкихъ, округленныхъ голышей, перемѣшанныхъ безъ всякаго порядка. На узкой и длинной площадкѣ хребта, разбросаны тамъ и сямъ округленные гранитные валуны, часто до трехъ аршинъ въ поперечникѣ, а по бокамъ горы лежатъ на горизонтальныхъ линіяхъ поясы изъ меньшихъ валуновъ. Высота и составъ сосѣдней Змѣиной горы точь-въ-точь тѣ же самыя, и каменные поясы ея лежатъ на тѣхъ же самыхъ уровняхъ.

Изъ всего, что досёлѣ сказано, ясно, что Святая и Змѣиная горы намывнаго, наноснаго происхожденія, и что онѣ были здѣсь первыми зачатками суши, двумя узкими островками, къ которымъ постепенно примыкали новыя полосы наносовъ, увеличившія наконецъ островъ до его теперешняго объема. Взглянувъ на карту Ладожскаго озера и замѣтивъ положеніе Коневца относительно къ западному берегу, мы найдемъ ключъ къ подробной геологической лѣтописи о происхожденіи обѣихъ горъ и цѣлаго острова.

Самые постоянные и сильные вѣтры на Ладожскомъ озерѣ сѣверо-восточные. Сила движенія волнъ, гонимыхъ этими вѣтрами, ослаблялась ударами о западные берега, отъ чего въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сихъ послѣднихъ должна быть полоса, въ которой движеніе волнъ отъ NO и O, встрѣчалось съ движеніемъ волнъ, отраженныхъ отъ берега; въ этой полосѣ, какъ въ нейтральной, отлагалось на днѣ все, что схватывали съ собою волны этихъ двухъ направленій; песокъ, округленные голыши,

глина, и весь этотъ матеріалъ слагался все въ большія и большія гряды, которыхъ возрастаніе ускорялось еще и тѣмъ, что дно озера постоянно приподымалось дѣйствіемъ подземныхъ силъ, и берега материка, увеличиваясь въ такой же мѣрѣ, подвигались все далѣе и далѣе къ востоку. Точно такое же явленіе, въ маломъ видѣ, можно наблюдать на всякомъ песчаномъ берегу, на который волны то набѣгаютъ, то, отразившись, стремятся назадъ и, встрѣтившись съ новыми, подымаются съ ними въ видѣ высокой гряды, которая уже нейдетъ ни впередъ на берегъ, ни назадъ въ море. Посмотрите на этотъ берегъ, когда море утихнетъ, и вы найдете именно на той полосѣ, гдѣ волны сталкивались, самую высокую и длинную гряду песку; иногда подлѣ нея, къ сторонѣ моря, другую такой же почти высоты, но короче и, наконецъ, множество низенькихъ и короткихъ грядокъ, параллельныхъ двумъ главнымъ или составляющихъ ихъ удлиненія. Такимъ же образомъ и на днѣ Ладожскаго озера образовалась, въ видѣ двухъ колѣнъ, переломленная гряда — Святая гора и отъ нея къ востоку, другая, меньшаго протяженія — теперь Змѣиная гора. Съ постепеннымъ обмелѣніемъ озера хребты этихъ горъ вынырнули слегка изъ воды и пловучія льдины, съ огромными гранитными валунами, въ нихъ вмерзшими, садились на нихъ на мель и оставляли тутъ навсегда свой грузъ, для геолога такой же понятный свидѣтель событій въ природѣ давно минувшихъ вѣковъ, какъ для археолога колонны, вазы, статуи, орудія городовъ и народовъ, стертыхъ съ лица земли геніемъ новыхъ эпохъ.

Съ теченіемъ времени, обѣ горы выставлялись надъ уровнемъ все болѣе, такъ что льдины, ударяясь объ уступы новыхъ береговъ, отлагали на нихъ валуны по прямымъ линіямъ, въ видѣ каменныхъ поясовъ или заваловъ, которые теперь мы находимъ на различныхъ высотахъ скрытыми отчасти въ дернѣ обоихъ скатовъ или боковъ Святой и Змѣиной горы. Наконецъ, осушились и основанія обѣихъ горъ и слились въ одинъ небольшой островъ, который продолжалъ возрастать, точно такимъ

же образомъ, до нашихъ временъ, и увеличиваться даже на нашемъ вѣку.

Чтобъ увѣриться въ томъ, что вся тепершняя площадь острова составлялась изъ полосъ наносовъ, постепенно, одна за другою, примыкавшихъ къ двумъ первымъ горамъ, мы совѣтуемъ путешественнику пройти отъ Святой горы прямо къ рыбачьему стану на восточномъ берегу, противъ маленькаго островка Журавль. Спустившись по скату этой горы внизъ и прошедши сырой лугъ у ея подошвы, вы встрѣчаете каменный завалъ, за которымъ снова спускаетесь по небольшому уступу; потомъ проходите еще одну полосу и на рубежъ ея новый каменный оплотъ, и это повторяется такъ часто, что вамъ не хотѣлось бы болѣе перелѣзать черезъ эти натуральные каменные заборы; вы даже нѣсколько устали, и идея, что эти заборы были нѣкогда береговыми каменными оплотами, вполнѣ прояснилась и созрѣла въ вашемъ умѣ. Въ чистой рыбачьей избѣ васъ радушно принимаетъ братъ-рыбакъ, натуралистъ по призванію, по охотѣ, знающій каждый камешекъ и исторію его. Онъ разскажетъ вамъ, что пять лѣтъ тому назадъ вода стояла шагахъ въ шестидесяти отъ его избы, и въ это время постепенно отступила шаговъ на триста, и съ тѣхъ поръ ни весною, ни осенью не понимаетъ новаго берега, потому что прибыль весенняя, въ этомъ морѣ прѣсной воды, вовсе нечувствительна; онъ укажетъ и канавку, которую онъ прорылъ для того, чтобъ по ней удобнѣе вытягивать лодку на сухое мѣсто; вы тутъ же увидите цѣлую гряду гранитныхъ валуновъ — ясный знакъ бывшаго здѣсь берега.

Какъ примѣту отступленія озера, отецъ іеромонахъ Антоній указалъ намъ еще полосу ольховаго кустарника; у каждой ольхи обрѣзанъ былъ штамбъ на одной и той же высотѣ, и къ нимъ привязывались, для ловли семги, тетивы съ крючками и съ наживкою изъ ряпушки, а другой конецъ отвозился на озеро. Теперь эти ольхи не понимаются болѣе водою и такъ густо обросли вѣтвями, что надобно было раздвигать и наклонятъ ихъ, чтобъ видѣть обрѣзанные штамбы.

Наконецъ, чтобъ увидѣть величественную, превышающую всякое воображеніе сцену валуновъ, занесенныхъ на островъ пловучими льдами, взойдемъ еще разъ на Святую гору. Поднявшись на ея хребетъ и спустившись потомъ по западному скату ея, вы очутитесь на высокой площади, до того заваленной огромными валунами, въ безпорядкѣ и грознолежащими одинъ на другомъ, что исполинскія ели только изрѣдка находятъ скудное помѣщеніе для своихъ корней; одни лишаи и мхи безпрепятственно стелются зелеными, сѣдыми и черными купами по ихъ грудамъ, довершая картину хаоса. Глазъ напрасно измѣряетъ величину то отдѣльныхъ валуновъ, то цѣлаго каменнаго моря, въ надеждѣ получить понятіе о силѣ, нагромоздившей его; но вы оставляете всякое соображеніе, когда, обратившись къ высокому мѣсту той площади, увидите на немъ такого исполина-валуна, передъ которымъ всѣ прочіе этого тартара просто камешки-малютки. Это знаменитый Конь-камень; онъ изъ сѣраго, такъ называемаго сердобольскаго граниту, съ кварцевыми жилами и многими глубокими трещинами, грозящими разрушеніемъ этому силачу страннику; наружнымъ видомъ онъ напоминаетъ скалу пьедестала Фальконетовой конной статуи Петра Великаго; его длина 13 аршинъ, толщина 9 аршинъ и высота 6; слѣдовательно, масса его равняется около 702 кубическимъ аршинамъ. Вычислимъ вѣсъ: 1 кубическій англійскій дюймъ сердобольскаго граниту вѣситъ 1 унцъ, 3 драхмы и 45 грановъ; русскій аршинъ равняется 28 англійскимъ дюймамъ; и потому 1 кубическій аршинъ этого гранита вѣситъ 67 пудовъ 6 фунтовъ и 10 унцъ; поэтому Конь-камень вѣсомъ до 47,173 пуда и 37 фунтовъ.

Климатъ на озерѣ довольно суровый. Температура воды рѣдко превышаетъ + 5° и 6° Р. Ледъ на озерѣ появляется съ наступленіемъ первыхъ морозовъ, т. е. въ октябрѣ; но озеро совершенно замерзаетъ только въ концѣ декабря, а въ иные годы всю зиму средина озера остается незамерзшею. Вскрывается озеро весьма поздно, а именно только къ половинѣ мая. Озерный ледъ иногда бываетъ очень толстъ, да и сверхъ того

наносимый вѣтромъ на мели, онъ сплочивается въ значительныя массы. Уровень озера подверженъ нѣкоторымъ колебаніямъ, которыхъ періодичность недоказана, и прежнее мнѣніе, что озеро подымается въ теченіи семи лѣтъ, а потомъ опускается столько же лѣтъ, оказалось неосновательнымъ. Бури на озерѣ не рѣдки, но при глубинѣ озера плаваніе на немъ довольно удобно, и опасности этого плаванія обыкновенно преувеличиваются. Растительность прибрежій озера скудная. Знаменитые прежде лѣса, покрывавшіе западный и сѣверный берега озера значительно вырублены, и пильные заводы существуютъ еще только по рѣкамъ Олонкѣ, Гуломѣ, Видлицѣ и Сальмисѣ. Нынѣ деревья рубятся уже верстъ за 150 отъ озера и сплавляются въ него весною. Ладожское озеро въ старѣйшихъ русскихъ лѣтописяхъ значится подъ именемъ Нево, а въ нѣкоторыхъ ганзеатическихъ договорахъ подъ именемъ Алдея. Названіе Ладожскаго озера получило оно въ первый разъ въ лѣтописи только въ 1228 г. Съ самаго начала русской исторіи Ладожское озеро имѣло для Россіи большую важность, по положенію своему на самомъ важнѣйшемъ торговомъ пути, связывавшемъ Новгородъ и ильменскихъ славянъ сначала съ варягами, а потомъ съ ганзеатическими городами. Устье Волхова и истокъ Невы изъ озера были главнѣйшими пунктами этого пути, и здѣсь то сосредоточивалась упорная борьба русскихъ со шведами за обладаніе озеромъ и всѣмъ торговымъ путемъ. Съ паденіемъ Новгорода и съ открытіемъ англичанами морскаго пути въ Россію черезъ Архангельскъ, Ладожское озеро утратило свое значеніе и вскорѣ послѣ того досталось шведамъ. Завоеваніе Петромъ балтійскихъ прибрежій и основаніе Петербурга дало новое значеніе (въ особенности послѣ устройства трехъ сѣверныхъ системъ каналовъ) ладожскому пути, какъ выходу товаровъ внутренней Россіи и Приволжья къ Балтійскому морю и къ новой столицѣ. Впрочемъ, собственно Ладожское озеро, обойденное Ладожскимъ каналомъ, въ отношеніи къ внутреннему судоходству отошло на второй планъ. Вслѣдствіе того, судоходство на Ладожскомъ озерѣ и до сихъ поръ не имѣетъ большаго разви-

тія и удовлетворяетъ только мѣстнымъ потребностямъ Ладожскаго прибрежья, да сверхъ того умѣренному транзиту отъ устья Свири къ истоку Невы. Пароходство на озерѣ развилось только въ послѣднее двадцатилѣтіе. Пароходы лѣтомъ держатъ непрерывное сообщеніе между С.-Петербургомъ, Свирью, Валаамомъ, Кексгольмомъ и Сердоболемъ, и перевозятъ не только пассажировъ, но и достаточное количество товаровъ. Буксировка судовъ пароходами мало развита. Изъ парусныхъ судовъ по озеру ходятъ гальоты той же конструкціи, какой они были устроены по голландскому образцу при Петрѣ Великомъ, и ладожскія соймы, вѣроятно, весьма мало отличныя по конструкціи отъ тѣхъ судовъ, на которыхъ плавали по озеру новгородцы. Въ Шлиссельбургъ приходитъ ежегодно до 600 судовъ съ грузомъ, состоящимъ изъ строеваго и дровянаго лѣса, досокъ карельской березы, дубильной коры, камня (гранита, кварцита, мрамора, булыжника, брусковыхъ оселковъ), графита, мѣди, олова, чугуна, желѣза, костей, ворвани, чухонскаго масла, рыбы соленой, шкуръ рогатаго скота и пр. Ладожское озеро богато рыбой, и рыбный промыслъ на озерѣ имѣетъ достаточное развитіе, особливо на южномъ прибрежье. До 400 соймъ занимаются здѣсь рыбнымъ промысломъ, и предполагаютъ, что съ Ладожскаго озера привозится рыбы въ столицу на сумму до 250,000 р. Осетры и тюлени попадаются въ озерѣ, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ. Ладожское озеро имѣетъ 70 притоковъ, изъ коихъ главные: съ запада Вокса (въ Финляндіи) съ востока: Свирь съ Пашею (Олонецкой г.), съ юга: Воронега, Сязь, Волховъ (Петербургской г.). Наконецъ на юго-западной оконечности своей озеро выпускаетъ изъ себя р. Неву. Самыя важныя изъ этихъ рѣкъ, послѣ Невы, Волховъ и Свирь, служащія истокомъ системъ Ильменя и Онежскаго озера въ Ладожское, и весьма важными путями сообщенія, такъ же какъ и Сязь. Остальныя имѣютъ значеніе рѣкъ, служащихъ для сплава лѣса въ Ладожское озеро.

3. На озерѣ Ильменѣ.

Изъ Ракомы я*) пошелъ къ Спасо-Пископцу (Спасъ-Епископецъ)**). На пути около Самокражи мнѣ попался спасо-пископскій крестьянинъ, ѣхавшій на лошади въ саняхъ.

— Не по пути ли, ваше степенство? спросилъ онъ меня. Коли по пути, подвезть можно.

— Я иду, почтеннѣйшій, въ Спасо-Пископецъ, отвѣчалъ я ему.

— Садись со мной,—сказалъ онъ:—на лошади въ саняхъ все лучше, чѣмъ ногами работать.

Я сѣлъ на сани и мы доѣхали до Спасо-Пископца. Узнавши, что здѣсь есть харчевня, гдѣ и чай найдется, я предложилъ Леонтію Ивановичу (такъ звали крестьянина) пойдти со мной чайку напиться, на что онъ согласился.

— Пойду, только лошадь на мѣсто поставлю,—сказалъ онъ:—сейчасъ приду.

За чаемъ я у него спросилъ: чѣмъ онъ занимается?

— Мы ловцы,—отвѣчалъ онъ:—я просто ѣзжу, а мой братъ *ватаманомъ*. Меньшимъ ватаманомъ, прибавилъ онъ, *въ двойникахъ*; а захоти: самъ двойникъ наберетъ.

Я сталъ спрашивать у него объ ихъ промыслахъ.

— Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами апостолы были рыбарями, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо зимой, — гораздо хороши!

— А зимой у васъ рыбу не такъ ловятъ, какъ лѣтомъ? спросилъ я, чтобъ какъ-нибудь вызвать его на разговоръ.

— Зимній ловъ, само собой разумѣй, не лѣтній, — началъ Леонтій Ивановичъ:—зимой скопляются тридцать два человѣка, а лѣтомъ въ двойникѣ бываетъ всего на все только двадцать.

---

*) Авторъ статьи.

**) Деревня на сѣверномъ берегу озера Ильменя.

Я, какъ самовидецъ, могъ повѣрить его разсказы, въ настоящее время, только про зимній ловъ; потому и сталъ спрашивать: какъ они зимой рыбу ловятъ?

— Настоящіе ловцы зимніе, я говорю, въ два невода ловятъ: это двойники, — началъ разсказывать Леонтій Ивановичъ, отъ времени до времени прихлебывая чаекъ: — вотъ соберется народъ, человѣкъ двадцать ловцовъ, или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастію, какъ запречь надлежитъ. Соберутся ловцы, человѣкъ двадцать, а больше станутъ собирать до тридцати одного ловца. Наберется скоро: на это дѣло охотника много у насъ! Послѣй того скопятся, да и спросятъ: кому быть ватаманомъ? — Положатъ на кого: на Ивана-ли Петрова, на Θедора-ли Васильева, всѣ къ тому Θедору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Θедоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли жъ нѣтъ его на ту пору съ ними, идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватаманомъ ловца ловкаго, да и знамаго: надо кнѣи (мотня, матка), снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: шестнадцать сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ; ну а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенька — всѣ 100 цѣлковыхъ отдашь; да за снасти цѣлковыхъ 50. Поэтому самому и выбираютъ ватамана знамаго, чтобъ ему въ городѣ все, что надо, въ долгъ дали. Приходятъ къ нему на домъ въ избу... А тотъ Θедоръ Васильевъ сидитъ, будто ничего и не знаетъ.

— Что вамъ надо ребята? скажетъ онъ такъ сурово. — Зачѣмъ пришли?

— А тѣ ему въ отвѣтъ: такъ и такъ: насъ скопилось тридцать одинъ человѣкъ съ сѣтьми и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватаманомъ. А коли нѣтъ тридцати одного ловца, то скажутъ: насъ собралось двадцать, тамъ что-ль, человѣкъ, али двадцать пять, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойникахъ ходить не приходится.

Тотъ, по обычаю, сперва наперво поломается: начнетъ говорить, что у меня де на то и разума не хватитъ, а безъ большаго разума какъ я за такое дѣло возьмусь?—Да это онъ такъ разговоры разговариваетъ, поговоритъ, и станетъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ:

— Кого же, мы ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ?

— Ну тѣ и положатъ, къ примѣру сказать, хоть на тебя, али тамъ на меня, али еще на кого: тотъ тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдетъ въ малые ватаманы. Тамъ большой ватаманъ скажетъ:

— Кому рѣльщикомъ быть?

— Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой человѣкъ. безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльщиковъ, кажинному ватаману по рѣльщику, а кажинному ватаману и кажинному рѣльщику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что воротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется тридцать два ловца, у кого есть сѣти, да лошадь, нанимаютъ рублей за десять серебромъ въ зиму казаковъ, такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ выберутъ, затопятъ (затеплятъ) Богу свѣчку, помолятся Богу, поцалуютъ образъ-икону. Помолясь, и ни одинъ уже ловецъ не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слово сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: недаромъ Бога цаловали! Помолясь Богу, сядутъ за столъ, выпьютъ винца (вино это и обѣдъ — большой ватаманъ покупаетъ, а послѣ съ добычи вычитаютъ). За столъ посадятъ большаго ватамана въ передній уголъ, а малый ватаманъ угощаетъ. Вотъ и скажетъ большой ватаманъ:

— Ну ребята, собираться тогда-то, а пока надо невода справить.

Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и скопится къ нему вся братія невода сшивать. Кажинный принесетъ съ собою свою сѣть шестнадцать сажень, сошьютъ въ четыре крыла: по два крыла на неводъ. А бо́льшій ватаманъ, человѣкъ бывалый, выбираетъ день легкій, гла́за, да и дурнаго

дѣла боится. Случается ватàманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ; если же плохъ — дожидается, пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ; а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ-о-бокъ ловить — у него тоня въ триста рублей и больше, а ты на рубль серебра!

— Ну, а выбравши день, у кого собираются? спросилъ я. Да и когда же день назначаютъ?

— А назначаютъ тотъ день у насъ зимніе ловцы, какъ только озеро станетъ, — продолжалъ Леонтій Ивановичъ: — всѣ сходятся къ большому ватàману, затопятъ свѣчу, выпьютъ винца, пообѣдаютъ, все тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, и съ того часу ватàманъ большой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени не смѣй слово сказать. Пообѣдаютъ и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлаютъ: своего счастья попытать; да и рыбу ту не продаютъ, сами съѣдятъ. Послѣ того уже ватàманъ скажетъ день, въ который скопляться на настоящій ловъ. Соберутся и поѣдутъ. Закинутъ тоню, вынутъ. Большой ватàманъ сказано всему хозяинъ: вынутъ тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ отдавать; мокрякъ и не смѣетъ ее дешевле спустить.

— Мокрякъ кто такой? спросилъ я моего разскащика.

— А мокрякъ изъ нихъ же бываетъ, по очереди, отвѣчалъ онъ: — Нынче одинъ мокрякъ, завтра другой, всѣ бываютъ, окромя ватàмановъ и рѣльщиковъ; для того нельзя имъ у себя денегъ держать. Какъ скажетъ ватàманъ мокряку цѣну, тотъ дешевле не можетъ продать; дороже — лучше для всей братіи, дороже продавай. А коли рыбаки ватàманской цѣны не дадутъ: мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день, другую: на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ, и пойдетъ къ братіи на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тонь закинутъ въ тотъ день — во всѣхъ онъ мокрякъ и всѣ деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватàманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Даромъ хоть отдавай

всю, пока ватаманомъ, никто слова сказать не скажетъ, только денегъ брать не можетъ.

— Да какъ же такъ? Ну онъ сойдется съ какимъ-нибудь обманщикомъ, будетъ говорить, что даромъ отдаетъ, а съ него деньги будетъ брать? спросилъ я.

— Этого на братіи сдѣлать нельзя, — убѣдительно сказалъ Леонтій Ивановичъ:—а почему этого на братіи сдѣлать нельзя, не сталъ онъ и разговаривать о такомъ, по его мнѣнію, невозможномъ дѣлѣ.

— Какъ скопится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ справѣ быть. Скопятся. Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: У тебѣ столько-то денегъ! А тотъ ловецъ, къ которому тѣ слова были, ему подаетъ деньги. Ватаманъ приметъ и положитъ на столъ. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ, кто въ мокрякахъ былъ, и всѣ деньги тѣ на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ къ примѣру двѣсти рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто что-ль рублей, на церковь Божію столько-то, за прогулы *) столько-то, на водку, если ловъ былъ хорошъ! И никто ему на то слово не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ! Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадью двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ кажинному ловцу самъ въ руки, и себѣ оставляетъ равную часть. Такія-то расправы бываютъ во всю зиму до четверга, пятницы, или субботы на масляной. Тогда ватаманъ велитъ быть большой расправѣ. Большая расправа бываетъ такая же, какъ малая, только большой ватаманъ отсчитаетъ на той большой расправѣ деньги, коли остались, что до этого и не бываетъ, за кнѣи, да за снасти, а на водку не откладываетъ, а послѣ скажетъ: «надо на церковь Божію отложить!» Если хорошъ былъ въ ту зиму ловъ,

---

*) На общіе прогулы, на угощеніе у большаго ватамана.

отложатъ больше: бываетъ рублей пятнадцать, а бываетъ и по рублю, и тѣ деньги отдаютъ попу, на Святой недѣлѣ, на церковь. И на то ему не говоритъ ни слова; развѣ какой изъ другаго прихода, такъ скажетъ: «дай мнѣ, ватаманъ, мою часть, не хочу я своей церкви обижать!» Ватаманъ и отдаетъ ему часть, а тотъ отнесетъ деньги эти въ свою церковь, а спорить не смѣетъ. Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ, да и спроситъ: «хотите-ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо имъ служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою сѣть, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Коли жъ все было ладно, ловцы ватамана поятъ водкой, а ватаманъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На тотъ пиръ никому, кромѣ той братіи, и придти нельзя; развѣ когда большой ватаманъ позоветъ... Пройдетъ масляница, въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ зубы полоскать; да такъ наполощутся, что во вторникъ, а то и въ среду опохмѣляться надо. Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ, пока забереги *) пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ, а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому обѣщались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой ужъ приходятъ къ ватаману своему.

Простившись съ Леонтіемъ Ивановичемъ, я хотѣлъ ѣхать на озеро посмотрѣть ловцовъ на мѣстѣ, да въ субботу былъ Николинъ день, вчера воскресенье; нынче не поѣхали.

9 Декабря. Спасо-Пископецъ.

На канунѣ я нанялъ лошадь съ проводникомъ ловцомъ, который чѣмъ свѣтъ разбудилъ меня, и мы вышли съ нимъ на улицу.

Почти передъ самымъ солнцемъ съѣхались на улицѣ въ

---

*) Забереги, т. е. когда вода покажется около береговъ.

Спасо-Пископцѣ три двойника. Каждый двойникъ стоялъ отдѣльно отъ другаго, и я сталъ около одного изъ нихъ, именно того, къ которому принадлежалъ мой провожатый. Большой ватаманъ подъѣхалъ, посмотрѣлъ на всю братію и не спѣша, степенно спросилъ:

— Всѣ наши здѣсь?

Ловцы переглянулись другъ на друга, и тоже не спѣша отвѣтили ему голосовъ въ шесть-семь: «Всѣ!»

— Ну, съ Богомъ! сказалъ ватаманъ, снялъ шапку, а за нимъ и вся братія, перекрестились нѣсколько разъ на востокъ, сѣли и поѣхали. Большой ватаманъ впереди, малый за нимъ, тамъ два рѣльщика и у каждаго у нихъ по пѣхарю, а за ними на четырехъ лошадяхъ ворота съ воротильщиками, на двухъ лошадяхъ съ кругами (толстыми веревками, сложенными въ круги), на шести лошадяхъ невода. Въ одно время съ ними отправились и другіе двойники, въ такомъ же порядкѣ, какъ и первый.

По отъѣздѣ ловцовъ, я съ своимъ товарищемъ пошелъ пить чай.

— Скажи пожалуйста, — спросилъ я своего проводника за чаемъ: — издалека пріѣхали эти ловцы?

— Да изволишь видѣть, ваше степенство, всѣ поозоры, кто ловцомъ, т. е. кто рыбу ловитъ, а кто рыбакомъ — кто рыбу покупаетъ; только всѣ въ озерѣ, всѣ озеромъ живутъ. А зимніе двойники на этомъ берегу, отъ Юрьева до Ретли *), а надъ всѣми ими Спасо-Пископецъ: сюда всѣ рыбаки скопляются.

Напившись чаю, мы поѣхали на озеро. Ильмень въ полую воду подходитъ къ самому Спасо-Пископцу, а сильною водою

*) Эти селенія слѣдующія: Спасъ-Пископецъ, Лука, Погостъ, гдѣ живутъ крылошане, Самокража, Ондворъ, Козыневo, Бабки, Морино, другое Морино, Ракома, Троица, Юрьево, Медвѣжья голова, Розшибъ, Три Отроки, Лѣсья Горка, Милославское (Милёславьсько), Моисѣевица, Егорій, Васильевское, Лукиншино, Сдринага, Картово, Донецъ, другой Донецъ, Верховье, Хотинъ, Либоѣжа, Гвоздецъ, Липица, Заболотье, Курицкая, Håволокъ. Еровица, Еронoвo, Ямокъ, Островокъ, Сергова, Завола.

и берега подмываетъ; въ послѣднія двадцать лѣтъ около Спасо-Пископца отмыло саженъ на двадцать. Старики помнятъ берегъ на версту дальше нынѣшняго. Когда вода сойдетъ, — до озера версты двѣ. Зимой нельзя замѣтить, гдѣ начинается озеро: такъ пологи берега.

— А какая вода лучше для ловцовъ, — спросилъ я своего спутника: — сильная или малая?

— Какъ можно! отвѣчалъ онъ: — въ малую воду рыба лучше ловится: рѣки мелѣютъ, рыба и сваливается въ озеро; а въ сильную—вся по рѣкамъ и разойдется, да въ рѣкахъ почитай все лѣто и живетъ; для насъ зимнихъ двойниковъ все едино, а для лѣтнихъ гораздо, гораздо хуже.

Выѣхавъ на озеро, мы взяли нѣсколько на востокъ отъ дороги на Ужинъ и, проѣхавши версты двѣ-три, увидали до восьмисотъ саней съ сѣдоками: на саняхъ, непремѣнно сѣдокъ хотя бы мальчикъ или даже дѣвочка.

— Зачѣмъ столько народу собралось? спросилъ я своего проводника.

— А рыбу покупать у двойниковъ-ловцовъ, отвѣчалъ онъ:— это все рыбаки. Сюда пріѣзжаютъ верстъ за пятнадцать, а то и больше.

Шумъ былъ страшный между рыбаками; но очень не многіе, не болѣе сотни, толковали о дѣлѣ, прочіе же разговаривали кой о чемъ; дѣти играли. Изъ толковавшихъ о дѣлѣ на первомъ планѣ стоялъ мужикъ, съ окладистой бородой, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, сверхъ котораго былъ надѣтъ на распашку тулупъ тоже дубленый.

— Всѣ двойники на озерѣ? спросилъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ.

— Теперь всѣ выѣхали! проговорили нѣкоторые.

— Ну, слушай! крикнулъ первый: — отступнова — рыбакамъ на кажинную дугу по гривеннику!

— Какъ можно по гривеннику! зашумѣли въ толпѣ: теперь ловъ хорошій! Не грѣхъ прибавить! Рубль пять надо дать! Три гривенника!

— Еще что тамъ врать! вскрикнулъ опять дубленный тулупъ:—сказано по гривеннику, и будетъ.

Въ толпѣ еще раздавалось: «Три гривенника! Четвертакъ! Хоть пяти-алтынный бы дать!» но тулупъ сталъ толковать съ своими, т. е. съ дѣловыми.

— Ну давай разсчетъ дѣлать: сколько рыбаковъ надо оставить, началъ тулупъ:—къ Спасо-Пископскимъ на двухъ по 8, да Егору Степанову 7; на Самокражу Семенову 6, да Ивану Петровичу 8...

— Къ Петру Семенычу можно прибавить,—сказали въ толпѣ.

— Будетъ и шести! заспорили другіе.

— Будетъ шести! сказалъ тулупъ: на Ретлю*) пять: онъ прошлую недѣлю плохо ловилъ: рыбаки за нимъ даромъ проѣздили!...

Такимъ образомъ, иногда немного поспоривъ, иногда настаивая, иногда уступая, онъ разсчиталъ на десять двойниковъ 68 человѣкъ рыбаковъ. — Кто на озерѣ останется? спросилъ онъ послѣ разсчета: — отходи.

Въ сторону отошло человѣкъ до восьмидесяти; сосчитали, бросили жеребій кому отходить; потомъ сосчитали, сколько дугъ осталось, и оставшіеся рыбаки на всякую дугу дали по гривеннику. Съ каждой дугой, т. е. запряженной лошадью долженъ быть кто-нибудь, хоть маленькая дѣвочка, въ противномъ случаѣ дуга лишается права на отступной гривенникъ.

Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ на тоню.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ я своего проводника:—за что же рыбаки платятъ отступнаго всѣмъ, кто пріѣдетъ на озеро?

— Такой законъ, ваше степенство, — отвѣчалъ мнѣ мой проводникъ:—всѣ рыбаки, сколько ни на есть, отъ Юрьева до Ретли, всѣ пріѣзжаютъ; а чтобъ даромъ не ѣздить, получаютъ,

*) На всемъ озерѣ десять большихъ ватамановъ-двойниковъ; всѣ они живутъ на западномъ берегу: въ Спасо-Пископцѣ 3, въ Самокражѣ 2, въ Милославскѣ 2, у Егорья 1, съ Малаго Бору (Борку) и съ Ретли 1. Есть еще одинъ съ Трехъ-Острововъ, у того въ двойникѣ 8 человѣкъ.

значитъ, по гривеннику. Да и всѣмъ даютъ, кто на озерѣ случится: коли хотите, подходите, и вамъ дадутъ,—прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— Нѣтъ, за это спасибо,—сказалъ я:—а скажи пожалуйста: зачѣмъ законъ такой положенъ? Вѣдь ихъ подводъ слишкомъ семьсотъ осталось, по гривеннику выходитъ слишкомъ семьдесятъ рублей,—эти деньги съ ловцовъ же выручаютъ.

— Безъ этого нельзя,—отвѣчалъ онъ:—имъ тоже хлѣбъ надо дать, оттого такой законъ изпоконъ вѣку и положенъ: мы за этимъ не гонимся! Да и правду сказать: не всегда столько народу и скопляется; другой разъ прiѣдетъ дугъ пятьсотъ, не больше.

— Скажи пожалуйста,—спросилъ я, немного помолчавъ:—я хочу купить у ловцовъ рыбы.

— Сперва, когда жеребiй трясли,—отвѣчалъ онъ:—можно бъ было: недостало бы жеребья — купилъ, а теперь ни за какiя деньги тебѣ ловецъ не продастъ: нельзя; всю рыбу продавай рыбакамъ, что по жеребью достались.

— Ну коли дешево дадутъ?

— Два дни все-таки не смѣй съ озера свозить, а на третiй день вези куда хочешь; только это ужъ плохо: поволочится по льду, лицо и сдастъ, да и прогулъ къ тому жъ.

— Какъ же рыбаки покупаютъ у ловцовъ,—допрашивалъ я проводника:—одинъ передъ другимъ цѣну набиваетъ, или столкуются прежде?

— Какъ можно набивать цѣну! отвѣчалъ проводникъ:—этакъ въ задоръ войдешь, и не вѣсть, что надѣлаешь, рыбаки тоже покупаютъ рыбу скопомъ: ты говоришь: покупаю, торгую на рубль, я говорю на два, тотъ на три; такъ и дѣлятъ всю рыбу.

— А если я скажу, что всю рыбу оставляю за собой,—сказалъ я, не понимая въ чемъ дѣло:—тогда какъ же другiе-то?

— Да не то,—проговорилъ онъ мнѣ съ досадою, видя мою непонятливость:—не то: сколько у кого капиталу, тотъ противъ капиталу и беретъ часть.

— А если я скажу, что у меня капиталу сто тысячъ, а у меня ихъ нѣтъ?

— Міръ не обманешь! отвѣчалъ онъ мнѣ, и я не сталъ больше на это возражать.

Проѣхавши версты полторы-двѣ по озеру, мы увидѣли ловцовъ, которые, вынувши одну тоню, ѣхали на другую.

Калякая съ своимъ товарищемъ, мы проѣхали за ловцами, ѣхавшими въ прежнемъ порядкѣ, еще версты полторы или двѣ; потомъ большой ватаманъ взялъ нѣсколько вправо, а малый влѣво, каждый съ своимъ неводомъ, рѣльщиками, пехарями и проч. Когда ватаманы разъѣхались на полверсты или немного менѣе, большой ватаманъ показалъ мѣсто *сливаломъ*—такъ называется съ сѣткой лопата, какъ мнѣ еще прежде объяснили.

— Становись здѣсь! сказалъ ватаманъ.

— Значитъ, нашелъ мѣсто, гдѣ задорку быть, т. е. «поддавкѣ,»—вполголоса проговорилъ мнѣ мой провожатый:—сейчасъ пехаря... ишь какъ пхутъ пехаря пешнями!

Въ самомъ дѣлѣ, пехаря молодецки работали своими пешнями (ломъ съ рукояткой) и разомъ пропехали задорокъ или поддавку, т. е. прорубили пролубь въ квадратный аршинъ.

— Здѣсь не пропхнуть въ задорокъ рѣль-то (шестъ), рѣль-то десять саженъ печатныхъ,—продолжалъ мой товарищъ:—здѣсь мѣсто мелкое.

Въ самомъ дѣлѣ, ватаманъ приказалъ прибавить еще пролубь аршина на два въ длину и на четверть въ ширину, такъ что эта пролубь имѣла форму лопаты. Потомъ спустилъ въ задорокъ свою рѣль, къ которой была привязана веревка въ палецъ толщиною — потомъ рѣльщикъ опустилъ свою. Пехаря, расходясь подъ тупымъ угломъ, чтобъ распустить неводъ почти во всю его длину, пробивали для ватамана и рѣльщика углы, т. е. дыры въ четверть кругомъ; ватаманъ пошелъ правою стороною, а рѣльщикъ лѣвой, оба съ кутой *), которою, опу-

---

*) Кута дѣлается изъ деревянной палки толщиной пальца въ два съ половиной и длиной аршина $2^1/_2$; къ одному концу придѣлываются вилочки,

ская ее въ углы, ловили рѣль и гнали впередъ; случалось, что рѣль не попадала на уголъ, тогда ватаманъ или рѣльщикъ, какъ случится, сякомъ*) щупали рѣль и проводили къ углу; иногда рѣль зацѣплялась подо льдомъ, рѣльщикъ наваливался на куту, рѣль спускалась ниже и проходила. Углы пехаря рубили одинъ отъ другаго на разстояніи саженъ девяти, а когда вышли тонкія веревки, къ нимъ привязали круги, т. е. толстыя веревки, за которыми тянутъ неводъ. Тонкія веревки *спускаютъ* руками, а толстыя *тянутъ вбротами* **). Малый ватаманъ въ тоже самое время дѣлалъ тоже самое, только стоялъ не съ правой стороны, а съ лѣвой, т. е. противъ большаго ватамана, а его рельщикъ противъ рельщика большаго ватамана. Когда они подошли одинъ къ другому, на половину или немного больше, они стали съуживать неводъ. Когда ватаманы сошлись, пехаря пробили высохъ (пролубь, аршина на два въ длину и четверти три шириной).

— Кольца! сказалъ большой ватаманъ.

Пехаря, не говоря ни слова, въ одну минуту прорубили четыре дыры, тоже въ четверть кругомъ, отступя отъ высоха на аршинъ.

— Это для чего? спросилъ я у товарища своего, съ которымъ мы подошли къ высоху.

— А вонъ видишь кольца—для нихъ,—отвѣчалъ онъ, указывая на четыре шеста, длиною аршина три, на концахъ которыхъ были на-крѣпко придѣланы желѣзныя кольца, вершка два съ половиною въ діаметрѣ.

— А эти кольца для чего?

— Нижнюю тетиву къ землѣ прижимать, не то вся рыба внизъ уйдетъ; станутъ неводъ вытягивать, вытянутъ близко къ

которыми захватываютъ рѣль и гонятъ впередъ, а съ другаго очень пологую дугу въ ширину груди; когда рѣль зацѣпитъ за ледъ, на эту дугу налягутъ, рѣль спустится ниже и ее легко гнать впередъ.

*) Сякъ — деревянный шестъ съ загибиной.

**) Ворота: утверждаютъ вертикально на саняхъ ось, на которую надѣваютъ бочку, на бочку же наворачиваютъ канатъ, а чтобы сани не двигались, къ нимъ привязываютъ топоръ, который вбиваютъ въ ледъ.

высоху, неводъ-то и привздынется, а какъ кольцами-то навалятся, рыбѣ—то въ нихъ уйдти и нельзя, а коли выскочитъ изъ одного невода, въ другой сигнетъ: все тутъ останется.

Стали показываться крылья невода.

— Держи кольца! громко сказалъ большой ватаманъ, становясь съ сливаломъ противъ высоха.

Колечники опустили въ колечныя дыры свои кольца и сильно на нихъ навалились.

Стали вытаскивать неводъ; по мѣрѣ того какъ вынимали изъ воды, его укладывали въ сани. Ловцы въ кожаныхъ передникахъ и въ тягухахъ (рукавицахъ, что воды не боятся) подошли, стали въ два ряда и начали тянуть неводъ; въ это время колечники сильно напирали на нижнюю тетиву своими кольцами, воротильщики вòротами тянули канатъ.

— Зазѣвался! крикнулъ большой ватаманъ на одного колечника, который, повернувшись на мгновеніе, далъ приподняться на четверть своему крылу.

Большой ватаманъ весело посматривалъ, съ какимъ-то достоинствомъ, выбрасывая сливаломъ ледъ изъ высоха, притащенный неводомъ.

Еще далеко было до кнѣи, а въ крыльяхъ уже много попадалось рыбы и вцѣпившихся раковъ; но ловцы на рыбу не обращали никакого вниманія: она оставалась на тѣхъ же крыльяхъ, только мальчики, которыхъ было здѣсь десятка полтора, увидавъ крупную рыбину *), бросались за нею. Бòльшею частью на мальчишекъ не обращали вниманія; только крикнетъ кто-нибудь изъ ловцовъ, коли ему мѣшаютъ:

— Куда ты, малецъ!... Э, пострѣлъ!

На что малецъ-пострѣлъ тоже съ своей стороны рѣшительно не обращалъ никакого вниманія, лѣзъ за другой рыбиной, на что тотъ же ловецъ не говорилъ ему ни слова.

---

*) Рыбиной называется *одна* рыба; *рыба* — имя собирательное.

Но возгласы были очень рѣдки, и ловцы, молча, сильно тянули неводъ: во всемъ было видно какое-то удивительное спокойствіе, величавость.

— Эко сколько этой дряни — раковъ набралось! сказалъ мой проводникъ.

— Отчего же дряни? спросилъ я.

— Да вѣдь ракъ вцѣпится въ неводъ, его и не отцѣпишь,— отвѣчалъ онъ: — случится весь неводъ стянутъ; такъ мы ихъ ногами мнемъ... руками ничего не сдѣлаешь.

— А вы раковъ не продаете?

— Кому на озерѣ продашь! А въ городъ везти нельзя: ракъ морозу боится.

На крыльяхъ больше и больше показывалось рыбы, мальчишки чаще и чаще бросались за большой рыбиной.

— Матка показалась, — сказалъ ловецъ.

— Кольца отнимай! отдалъ приказъ большой ватаманъ.

Пущенныя колечниками кольца почти вылетѣли изъ воды.

Стали вытаскивать матню. Рыба въ ней заполоскалась, забилась. Вытащивъ матню, отнесли ее отъ высоха сажени на двѣ и высыпали рыбу на ледъ. Большой ватаманъ подошелъ къ рыбѣ; къ высоху подошелъ малый ватаманъ; и его ловцы стали вытаскивать свой неводъ, тѣмъ же порядкомъ, только безъ колечниковъ; кольца были вынуты въ одно время съ первыми. Большой ватаманъ *сливаломъ* сталъ отбрасывать большую рыбу въ сторону, а рыбаки, наскобливъ топоромъ снѣгу, стали имъ пересыпать рыбу, чтобъ не смерзлась. Вынули матню малаго ватамана, и рыбу высыпали отдѣльно; большой ватаманъ и тамъ отбрасывалъ большую рыбу; рыбаки тоже пересыпали снѣгомъ. Большой ватаманъ что-то шепнулъ одному ловцу, на тотъ разъ бывшему мокрякомъ, и всѣ отошли, и рыбаки и ловцы, въ сторону.

— Теперь, ваше степенство,—училъ меня проводникъ·—коли хотите, можно поподчивать ватамановъ.

Я изъявилъ на это свое согласіе.

— Петръ Егоровичъ, Алексѣй Семеновичъ! сталъ онъ звать ватамановъ: — подойди-те сюда: вотъ его степе нство хочетъ васъ поподчивать

Къ намъ подошли четыре мужика, два ватамана и два рѣльщика, въ крѣпкихъ тулупахъ, въ осташковскихъ сапогахъ.

— Здравствуйте, ваше степенство! сказалъ мнѣ большой ватаманъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ и тотчасъ надѣлъ; онъ сознавалъ, что такому человѣку, какъ большой ватаманъ, непристойно стоять безъ шапки ни передъ какимъ лицомъ.

Всѣ мнѣ поклонились и тоже надѣли шапки; я имъ тоже поклонился.

— Что, ваше степенство? началъ большакъ: — пріѣхали посмотрѣть на наши промыслы?

— Да, пріѣхалъ полюбоваться, отвѣчалъ я.

— На наши промыслы много народу ѣздитъ взглянуть, — степенно сказалъ ватаманъ.

Мой проводникъ между тѣмъ досталъ два полуштофа водки, одинъ сунулъ, ни слова не говоря, рѣльщику, а другой откупорилъ.

— Забылъ — бѣда — стаканчикъ захватить, — торопливо проговорилъ онъ: — да и закусить не взялъ. Большой ватаманъ, дай рукавицу!

— У насъ и закусить найдется, — сказалъ ватаманъ, подавая рукавицу: — горячаго нѣтъ, а рыбничекъ *) у всякаго за пазухой; безъ того нельзя: цѣлый день не ѣвши нельзя; варить на озерѣ негдѣ, такъ хоть сухова пожуешь.

Мой проводникъ налилъ въ рукавицу водки и поднесъ большому ватаману.

— Подноси его степенству, — сказалъ онъ, отстраняя рукавицу и указывая на меня.

— Я не хочу, — отвѣчалъ я ему: — я привезъ водку васъ поподчивать.

*) Пирогъ съ рыбой.

— Намъ безъ васъ пить не приходится, — проговорили и ватамоны, и рѣльщики: — безъ хозяина какое питье! Безъ хозяина питья не бываетъ!

Я хлебнулъ; мнѣ подали начатый рыбникъ. Мой проводникъ долилъ и подалъ большому ватȁману.

— Будь здоровъ! сказалъ онъ мнѣ и полегоньку выпилъ.

Проводникъ, поднеся другому ватáману, откупорилъ другой полуштофъ, далъ рѣльщику рукавицу, исправляющую должность рюмки, налилъ въ нее водки, встряхнулъ, посмотрѣлъ на полуштофъ, еще подлилъ и отрывисто сказалъ: «пей!» Тотъ выпилъ; напослѣдокъ онъ выпилъ остальное и подалъ другому рѣльщику.

— Ну, ваше степенство, возьми у насъ рыбки, сказалъ мнѣ большой ватȁманъ.

— Сдѣлай одолженіе, продай!

— А много ли вашему степенству надо? спросилъ меня большой ватȁманъ.

— Да на уху только, — отвѣчалъ я.

— Объ этомъ тебѣ съ нами нечего разговаривать! Семенъ! сказалъ онъ, обращаясь къ моему проводнику: — отбери его степенству рыбки получше — на ушку, да лещика два-три побольше — зажарить.

Мнѣ не хотѣлось даромъ брать у нихъ ни рыбки на ушку, ни лещика зажарить; но мой Семенъ выбралъ рыбу что ни есть лучшую, вавязалъ въ платокъ и положилъ въ сани. Дѣлать было нечего. Я, сказавши *спасибо*, получилъ въ отвѣтъ «нѐ-начемъ», и поѣхалъ домой. На другую тоню ѣхать не хотѣлось: я прозябъ, да къ тому же мой Семенъ увѣрялъ, что мы подаренную рыбу живую довеземъ домой. «А изъ живой рыбы, сравнить нельзя, хороша уха!» Онъ положилъ рыбу подъ полу, и мы, въ самомъ дѣлѣ, ѣли уху изъ живой рыбы.

— Вотъ когда *патъ* бываетъ, — говорилъ мнѣ за ухой мой хозяинъ: — ватȁманъ веселъ бываетъ.

— А что такое патъ? спросилъ я.

— А это значитъ: тоню большую вытащитъ, — отвѣчалъ онъ: — бываетъ, матку и не вынутъ; такъ ватаманъ сливаломъ рыбу-то вычерпываетъ, пока матка не полегчаетъ.

4. Волга.

Величайшая изъ рѣкъ Европы — это наша рѣка Волга, кормилица народа русскаго. Не течетъ она изъ вѣчныхъ снѣговъ какихъ-либо высокихъ горъ, не образуетъ она шумящихъ водопадовъ на удивленіе міру; нѣтъ, падаетъ она съ высоты всего 840 футовъ и струи свои катитъ тихо и плавно; но за то имѣетъ свои картины, свои прелести, свои особенности, какихъ не встрѣтишь въ Западной Европѣ. Протекая слишкомъ 3,200 верстъ подъ различными градусами широты, она представляетъ большое разнообразіе какъ въ климатѣ, такъ и въ природѣ и даже въ самомъ населеніи. На верхнихъ частяхъ ея житель съ трудомъ прокармливается на своей неблагодарной почвѣ и заботливо закрываетъ на зиму свои немногія калѣки-яблони, а житель нижнихъ частей наслаждается благоуханіемъ миндальныхъ деревьевъ и любуется тяжелыми гроздями винограда.

Начало свое беретъ Волга изъ болотъ и маленькихъ озеръ на юго-восточномъ склонѣ Алаунской возвышенности, въ Тверской губерніи, въ Осташковскомъ уѣздѣ. Первоначально она зарождается въ родникѣ или въ колодезѣ четырехугольной формы, который окрестные жители зовутъ Іорданомъ. Когда-то стояла здѣсь часовня и колодезь привлекалъ къ себѣ много богомольцевъ, потому что вода, какъ ходила молва въ народѣ, помогала отъ желудочныхъ болей и накожныхъ болѣзней; теперь эта вода грязна и негодна къ употребленію. Изъ болотъ, питающихъ зачатокъ Волгу, каждое носитъ свое собственное имя; онѣ глубоки и часто нѣтъ никакой возможности добраться до ихъ дна. Въ старину, вѣроятно, всѣ онѣ были большими озерами и, можетъ быть, даже вся страна представляла когда-то одно огромное озеро съ многочисленными заливами, и нынѣшнія

мелкія озера, разбросанныя по всему этому пространству, не болѣе, какъ только остатки великаго когда-то водовмѣстилища сѣверной части Сарматской равнины. До сихъ поръ многія изъ этихъ болотъ есть ничто иное, какъ сокрытыя озера, покрытыя тонкимъ слоемъ ила и различными растеніями. Волга сначала течетъ небольшимъ ручейкомъ, но по выходѣ своемъ изъ озера *Волго*, замыкающимъ рядъ небольшихъ озеръ, становится уже рѣкой: соединившись же съ истокомъ озера Селигера, *Селижаровкой*, ширина ея доходитъ до 20 слишкомъ саженей. Течетъ она въ направленіи къ юго-востоку по ровной, слегка наклоненной плоскости; около *Зубцова*, при впаденіи *Вазузы*, перваго значительнаго притока своего, она поворачиваетъ къ сѣверо-востоку; тутъ ширина ея достигаетъ уже 30 саженей, такъ что отсюда ходятъ по ней довольно значительныя суда, благодаря чему, города *Ржевъ* и *Зубцовъ* занимаютъ не послѣднее мѣсто между приволжскими пристанями. При впаденіи *Тверцы*, втораго притока Волги, на правомъ берегу лежитъ *Тверь*, первый губернскій городъ и одно изъ самыхъ значительныхъ складочныхъ мѣстъ между Петербургомъ и низовыми странами, такъ какъ отъ Тверцы начинается Вышневолоцкая система, соединяющая прямо Волгу съ Балтійскимъ моремъ. Отъ Твери до г. *Мологи*, Волга съ многочисленными изгибами постоянно сохраняетъ свое сѣверо-восточное направленіе. У Мологи самый крайній сѣверный предѣлъ Волги; тутъ она подходитъ къ уваламъ, которые ее отбрасываютъ и заставляютъ повернуть почти подъ прямымъ угломъ къ юго-востоку. Этотъ сѣверный изгибъ Волги весьма важенъ: здѣсь она принимаетъ съ лѣвой стороны два притока: *Мологу* и *Шексну*, вдающіеся далеко на сѣверъ къ Ладожскому озеру и къ Бѣлоозеру, что дало возможность къ прямому соединенію средней части Волги съ Бѣлымъ и Балтійскимъ морями безъ посредства Вышневолоцкаго пути. Три водныя системы зависятъ отъ этого сѣвернаго изгиба, Тихвинская, Маріинская и Александровская, три системы, которыя оживляютъ сѣверъ и приближаютъ западъ. До этого изгиба Волга орошала губерніи Тверскую и Ярослав-

скую, далѣе она вступаетъ въ Костромскую. Между Ярославлемъ и Костромой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Волгѣ представляются затрудненія для судоходства, во время межени, отъ песчаныхъ мелей, перекатовъ и каменныхъ грядъ, не только не дозволяющихъ судамъ плыть съ полнымъ грузомъ, но заставляющихъ нерѣдко перекладывать значительную часть клади съ судовъ. Для облегченія судоходства, на всѣхъ меляхъ принимаются слѣдующія мѣры: мель обозначается поставленною на берегу *вѣхою* съ флагомъ, видимою еще издали. По всему же протяженію фарватера, направленіе его обозначается съ обѣихъ сторонъ, по теченію, *бакенами*, съ правой стороны красными, а съ лѣвой — бѣлыми. На меляхъ, особенно затрудняющихъ судоходство, нанимаются казною лоцмана, обязанные наблюдать постоянно за направленіемъ фарватера, разстанавливать условные знаки сообразно съ измѣненіемъ его и, наконецъ, проводить суда черезъ самыя мели.

При началѣ теченія Волги, берега ея довольно высоки и состоятъ или изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, или изъ известковыхъ пластовъ; но ниже Зубцова, за *Старицей*, высокіе берега оканчиваются и по обѣимъ сторонамъ разстилаются равнины. Вообще отъ Твери до Нижняго характеръ береговъ Волги одинъ и тотъ же: то съ одной стороны, то съ другой тянутся гряды флецовыхъ возвышенностей, приближающихся къ ней вмѣстѣ съ впадающими въ нее рѣками, или же возвышаются отдѣльно на плоской поверхности. Подъ часъ сопровождаютъ Волгу холмы съ обѣихъ сторонъ, или же оба берега совершенно плоски. Большія села лежатъ обыкновенно на холмистыхъ берегахъ Волги, стало быть, то на одной, то на другой сторонѣ, но по большей части на правой.

Вся мѣстность, лежащая по верхнимъ частямъ Волги, прикасаясь съ одной стороны къ финско-балтійской покатости, а съ другой — къ сѣвернымъ уваламъ, раздѣляетъ характеристическія особенности этихъ странъ. Гранитные валуны, безчисленныя озера, топи и болота доказываютъ ясное вліяніе финско-балтійской покатости, а суровый климатъ и густые лѣса—

близость сѣверныхъ уваловъ. Кромѣ того, мѣстность эта, при суровости климата, безплодна и даетъ мало матеріаловъ для производящей промышленности, а потому жители этой страны должны были пріискивать средства къ жизни не въ земледѣліи, а въ обработывающей и торговой промышленности. Природа, ставъ съ одной стороны мачихой для здѣшнихъ обитателей, съ другой — явилась самою любящею матерью: она заставила Волгу нести струи свои по этимъ грустнымъ, безплоднымъ полямъ. Не даромъ зовутъ тверитяне Волгу золотымъ дномъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, десятки тысячъ кормятся единственно ею: одни гонятъ лѣсъ, другіе строятъ суда, третьи ловятъ рыбу, четвертые, добывая болотную руду, подвозятъ къ пристанямъ свои желѣзныя издѣлія. Кромѣ этихъ главныхъ промысловъ явилось множество мѣстныхъ, заслуживающихъ вниманія своими размѣрами. Такъ въ селѣ *Кимры*, Корчевскаго уѣзда, и на 60 верстъ кругомъ всѣ крестьяне занимаются шитьемъ сапоговъ, которые идутъ на Нижегородскую ярмарку; въ *Торжкѣ* шьютъ на сафьянѣ золотомъ и серебромъ; въ *Осташковѣ* приготовляютъ разныя домашнія орудія изъ желѣза. Во многихъ селеніяхъ выдѣлывается также ежегодно нѣсколько тысячъ аршинъ миткаля и холстинки. Но послѣдняя отрасль промышленности далеко здѣсь не такъ развита, какъ въ слѣдующихъ двухъ губерніяхъ: Ярославской и Костромской.

Песчано-глинистая почва въ южныхъ частяхъ этихъ двухъ губерній производитъ успѣшно только ленъ и коноплю, большая часть котораго и идетъ на здѣшнія же фабрики. Здѣсь средоточіе полотнянаго производства, и притомъ не въ однихъ только городахъ; цѣлыя деревни, сотни тысячъ рукъ заняты этою промышленностью; ткутъ полотна, холстъ или выдѣлываютъ пряжу. Выдѣлкой пряжи занимаются даже дѣти; каждая дѣвочка съ семи лѣтъ уже начинаетъ прясть, а съ двѣнадцати — ткать. Промышленность эта, какъ сельское занятіе, существуетъ здѣсь съ незапамятной древности и было время, когда мы почти исключительно одни снабжали Европу и Америку нашимъ холстомъ. Но теперь здѣшняя полотняная промышленность падаетъ;

она вытѣсняется машиннымъ производствомъ, иностранными издѣліями и вкореняющимися въ крестьянскомъ быту требованіями на бумажныя издѣлія. Набойки уступили мѣсто ситцамъ, простой холстъ и крашенина — серпянкамъ и холстинкамъ. Теперь отъ насъ идутъ въ Западную Европу и Америку только толстыя ткани, парусныя; тонкія же, годныя для бѣлья, мы получаемъ сами изъ-за границы. Происходитъ это отъ дурной обработки льна. У насъ иногда тотъ же самый крестьянинъ и сѣетъ ленъ, и вымачиваетъ его, и чешетъ, а жена его и прядетъ, и ткетъ, и бѣлитъ. Весь этотъ процессъ совершается самымъ простымъ, стариннымъ способомъ, и оттого-то наши ткани выходятъ грубы, а нашъ ленъ, хотя и сбывается въ Западную Европу въ большомъ количествѣ, но идетъ тамъ только на грубый холстъ и на грубое полотно. Не смотря на очевидный упадокъ льняной промышленности, она все-таки и теперь занимаетъ первое мѣсто между всѣми родами обработывающей промышленности въ Россіи, и начинаетъ уже вводиться, въ Ярославской и Костромской губерніяхъ, раздѣленіе труда и возникаютъ уже обширныя отдѣльныя бѣлильни и ткацкія фабрики. Произведенія этихъ двухъ губерній могутъ быть раздѣлены на два рода: на *полотна* (холстъ) и *камчатныя ткани* (столовое бѣлье, полотенцы и т. д.). Производство первыхъ сосредоточивается въ Ярославской, вторыхъ — въ Костромской. Центръ полотнянаго производства — это село *Великое,* близъ Ярославля. Одно это село ежегодно приготовляетъ до 60 тысячъ кусковъ, а близъ него въ окружности занято однимъ ткачествомъ до 10 тысячъ человѣкъ, такъ что весь околодокъ ежегодно выдѣлываетъ полотна на 6 милліоновъ руб. сер. Въ селѣ Великомъ льняная промышленность достигла уже значенія настоящей мануфактурной промышленности: тутъ есть фабрики и заводы, здѣсь же и главный пунктъ торговли льняными издѣліями. Выдѣлка столоваго бѣлья сосредоточивается въ *Вичугѣ,* Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, гдѣ также устроены большія фабрики. Въ Вичугѣ льняная промышленность соединяется съ хлопчато-бумажною, т. е. приготовляютъ ткани на

половину изо льна, а на половину изъ бумаги. Въ этой дѣятельности участвуетъ отчасти и губернскій городъ Кострома.

Наравнѣ съ упомянутою промышленностью, въ Ярославской губерніи процвѣтаетъ съ давнихъ временъ и кожевенное производство, которое также занимаетъ много рукъ по деревнямъ, особенно въ Романо-Борисоглѣбскомъ уѣздѣ выдѣлывается значительное количество кожъ и овчинъ. Романовскія дубленки считаются лучшими въ цѣлой Россіи.

Сѣверныя же части этихъ двухъ губерній, прилегающія къ уваламъ и покрытыя обширными лѣсами и болотами, содержащими въ себѣ болотную руду и торфъ, указали, въ свою очередь, жителямъ разныхъ уѣздовъ на другіе пути къ благосостоянію. Городокъ Романовъ-Борисоглѣбскъ представляетъ одну непрерывную кузницу и слесарню; здѣсь даже приготовляютъ котлы для паровыхъ машинъ; въ Даниловскомъ уѣздѣ выдѣлываются удила, стремяна, подковы и другія принадлежности къ конской сбруѣ, расходящіяся по цѣлой Россіи; лучшіе топоры привозятся изъ заштатнаго г. *Плесса*, Костромской губерніи.

Въ Пошехоньѣ, по берегамъ Мологи и Шексны, по рѣкамъ: Костромѣ, Унжѣ и Ветлугѣ, крестьяне строятъ барки, валятъ и гонятъ лѣсъ, занимаются сидкой смолы, дегтя, приготовленіемъ лубковъ, мочалъ, рогожъ и разныхъ деревянныхъ издѣлій. Въ Ярославской губерніи лѣсу становится уже мало: нѣкоторые уѣзды почти совсѣмъ безлѣсны, каковы *Мышкинскій* и *Угличкій;* тамъ онъ едва удовлетворяетъ собственнымъ потребностямъ жителей. Въ несравненно большихъ размѣрахъ производится лѣсная промышленность въ Костромской губерніи.

Рѣка Кострома вмѣстѣ съ Унжей и Ветлугой, двумя болѣе восточными притоками Волги, текутъ съ вершинъ сѣверныхъ уваловъ. Принявъ въ себя Унжу, Волга дѣлаетъ новый изгибъ къ югу, какъ бы на встрѣчу своему главному южному притоку, Окѣ. Унжа протекаетъ самые лѣсистые уѣзды Костромской губерніи. Это одна лѣсная пустыня, по которой кой-гдѣ попадаются ряды деревушекъ. Хлѣбопашество здѣсь въ совершенномъ запущеніи; цѣлыя деревни не занимаются имъ вовсе и

получаютъ хлѣбъ изъ сосѣднихъ губерній. Зато вся ихъ дѣятельность обращена на лѣсную промышленность. Смолокуреніе составляетъ повсемѣстный промыселъ; добываніе же дегтя начинаетъ сокращаться и сосредоточивается въ немногихъ только заводахъ, такъ какъ деготь добывается изъ березы, а березовые лѣса не такъ распространены, какъ хвойные. На Унжѣ строится ежегодно большихъ судовъ до 300, а меньшихъ еще больше.

Слѣдующій притокъ Волги, *Ветлуга*, хотя и впадаетъ въ Казанской губерніи у Козьмодемьянска, но большая часть ея принадлежитъ Костромской губерніи. Берега ея покрыты большими липовыми лѣсами, въ которыхъ кроется главное богатство жителей пустынныхъ береговъ ея и гдѣ занялись главнымъ образомъ лычнымъ производствомъ.

Но въ настоящее время лыковое и мочальное производства далеко уже не имѣютъ тѣхъ размѣровъ, какіе они имѣли прежде. Главная причина уменьшенія промысла — это, конечно, оскудѣніе лѣсовъ противъ прежняго. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ берега Ветлуги и Унжи были покрыты дремучими непроходимыми лѣсами, но теперь, и отъ безпощадной и неправильной рубки, и отъ лѣсныхъ пожаровъ, лѣса рѣдѣютъ съ поразительною быстротою, такъ что крестьянину приходится иногда для рогожнаго промысла ѣхать верстъ за сто отъ своего села. Самое страшное и обширное истребленіе лѣсовъ производятъ лѣсные пожары, происходящіе отъ неосторожности звѣролововъ, пастуховъ и отъ выжиганія лѣса самими крестьянами для очистки мѣста.

Въ такіе пожары не только лѣса, но и деревни, и города, и скотъ, и самые люди подвергаются страшной опасности. По обширному лѣсному морю пламя разливается на десятки верстъ, наполняя почти весь край дымомъ и пепломъ. Такъ въ 1839 и 1841 годахъ два пожара истребили до 50 тысячъ десятинъ лѣса въ одномъ Ветлужскомъ уѣздѣ; сгорѣло нѣсколько селъ и заштатный городъ *Кадый*. Противъ этого бѣдствія нѣкоторые жители употребляютъ средство обратнаго пожара, т. е. зажигаютъ нарочно лѣсъ впереди огненнаго потока, чтобы такимъ образомъ оста-

новить тягу нагрѣтаго воздуха въ одну сторону. Кромѣ оскудѣнія лѣсовъ и вздорожанія мочала, вредитъ здѣшнему промыслу и конкуренція тѣхъ мѣстностей, откуда прежде не являлись рогожи. Такъ во многихъ городахъ Казанской и Пермской губерній ткутъ рогожи уже фабричнымъ способомъ. Вытѣсняются также рогожные кули — холстинными мѣшками, наконецъ, на подстилки и покрышки товаровъ стали употреблять, въ послѣднее время, цыновки, плетенныя изъ древесныхъ стружекъ или же веревочныя.

Вокругъ слитія двухъ великихъ рѣкъ, Волги и Оки, разстилается Нижегородская губернія, производящая въ изобиліи всякаго рода сельскіе продукты. Въ углу, образуемомъ сліяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, лежитъ *Нижній*, великій внутренній портъ Россіи, главный центръ торговли между Востокомъ и Европою, главное мѣсто сбыта сырыхъ продуктовъ Сибири, сѣверной Россіи и мануфактурныхъ произведеній центральной Россіи, Окскаго бассейна. Обширное судоходство по Волгѣ въ этихъ мѣстахъ занимаетъ много рукъ постройкою судовъ и бурлачествомъ. Главныя же занятія многочисленныхъ и богатыхъ селъ нижегородскихъ составляютъ различныя производства. Такъ напр., село *Мурашкино*, Княгининскаго уѣзда, извѣстно своими полушубками и тулупами; село *Лысково*, противъ г. Макарьева, имѣетъ до 200 водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ; села *Семеновскаго* уѣзда занимаются войлочными и деревянными издѣліями; въ *Ардатовскомъ* — много чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Села: *Ворсма* и *Павлово*, Горбатовскаго уѣзда, ежегодно приготовляютъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій на три милліона рублей серебромъ.

При самомъ выходѣ изъ Нижегородской губерніи, Волга принимаетъ двѣ рѣки: Ветлугу, о которой мы говорили выше, и *Суру*. Сура весьма важная рѣка въ этнографическомъ отношеніи. До самой восточной границы Нижегородской губерніи села и деревни были русскія, но, перейдя Суру, оставляешь славянскій край и вступаешь совершенно на иноплеменную почву, такъ что Сура составляетъ какъ бы этнографическій ру-

бежъ между славянскими, финскими и татарскими племенами. Хотя въ Нижегородской губерніи встрѣчаются уже чуваши, черемиссы и татары, но обрусѣлые, за Сурой же, эти народы сохранили чище, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неприкосновенными, свой бытъ, свою вѣру и составляютъ послѣ русскихъ главное народонаселеніе. Вся область Суры до самой Волги покрыта превосходнѣйшимъ черноземомъ и обширными липовыми лѣсами, что вызвало здѣсь обширное пчеловодство и лычное производство.

За Нижнимъ ширина Волги простирается уже почти на версту. Тихо катитъ она струи свои, но на самой серединѣ теченіе ея быстро, безпокойно и постоянно измѣняется, что чрезвычайно неудобно для пристаней. Лѣтомъ въ ней очень много мелкихъ мѣстъ, образующихъ безчисленныя песчаныя отмели, хотя глубина настоящаго русла нигдѣ не бываетъ ниже четырехъ саженей. Здѣсь же, за Нижнимъ, измѣняется и характеръ береговъ Волги. Съ правой стороны начинаетъ сопровождать ее высокій горный берегъ, поднимающійся на 150 футовъ и состоящій изъ флецовыхъ грядъ различнаго свойства: тинистаго, известковаго и песчанаго сланца, которыя, спускаясь крутыми стѣнами къ берегу, оканчиваются известью, рухлякомъ, гипсомъ, раковинами, и прорѣзываются широкими и глубокими дождевыми промоинами. Этотъ берегъ усѣянъ деревнями и селами. Съ лѣвой же стороны разстилается берегъ низкій, плоскій, почти непрерывной волнообразной равниной; онъ покрытъ лугами, болотами и нивами.

Части Волги отъ Нижняго до Казани имѣли всегда великое историческое значеніе. Такую важность давали ей не одни торговыя предпріятія, не одни многочисленныя суда, разносившія по струямъ ея въ продолженіи многихъ вѣковъ богатства Востока и Запада; здѣсь ея берега оглашались цѣлое столѣтіе воинскими криками и багровѣли ея струи кровью русскихъ и татаръ. Здѣсь боролись великіе князья и цари московскіе съ царями казанскими и потомъ, долгое еще время спустя, съ непокорными казанцами, которые пытались все сбросить съ себя

власть царя московскаго. Города: *Васильсурскъ*, *Чебоксаръ*, *Свіяжскъ*, лежащіе по большой дорогѣ, возникли во время этой долгой и упорной борьбы, чтобы служить въ началѣ оплотомъ отъ нападеній татаръ, а потомъ средствомъ держать въ покорности Казанскую область.

Казанская губернія лежитъ въ плодоносной части волжскаго бассейна; въ немногихъ частяхъ Россіи занимаются хлѣбопашествомъ съ такимъ рвеніемъ, какъ въ Казанской, гдѣ татары, черемиссы, чуваши и русскіе наперерывъ соперничаютъ другъ съ другомъ. Здѣсь воздѣлываютъ почти всѣ роды хлѣба: пшеницу, рожь, овесъ, ячмень, гречу, просо, которые даютъ самъ 10 и 12; конопель разводятъ вездѣ въ огромномъ количествѣ, равно какъ и всѣ обыкновенныя огородныя растенія. Между тѣмъ климатъ Казанской губерніи носитъ на себѣ вполнѣ сѣверный отпечатокъ: только въ концѣ мая становится тепло, и береза начинаетъ распускаться, а въ сентябрѣ снова наступаютъ морозы. Кромѣ своей превосходной почвы, Казанская губернія заключаетъ въ себѣ еще одно сокровище — это дубовые корабельные лѣса, особенно въ уѣздахъ Свіяжскомъ и Казанскомъ; эти уѣзды изобилуютъ превосходнымъ дубомъ въ такомъ количествѣ, что могутъ сравняться богатствомъ съ семью сосѣдними лѣсистыми губерніями, взятыми вмѣстѣ (Вятская, Пензенская, Нижегородская, Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская), хотя послѣднія превосходятъ ихъ почти въ 20 разъ пространствомъ. Эти дубовые лѣса всѣ идутъ на нашъ флотъ.

Въ семи верстахъ отъ Казани Волга поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу; немного ниже она соединяется съ величайшимъ своимъ притокомъ, *Камой*, стремящейся въ нее съ сѣверо-востока по луговой сторонѣ. Волны камскія отбрасываютъ Волгу къ юго-западу и это направленіе удерживаетъ она до самаго Царицына. Только въ одномъ мѣстѣ измѣняетъ она этому направленію, именно тамъ, гдѣ по нижнимъ частямъ Симбирской губерніи проходитъ Самарская гряда, идущая отъ уральскихъ предгорій. Волга не могла ее промыть и должна

была сдѣлать полукругъ, длиною въ 150 верстъ, образовавъ такимъ образомъ выступъ, извѣстный подъ именемъ *Самарской луки*, получившей это названіе отъ рѣки, въ нее впадающей, и отъ города, здѣсь расположеннаго. Правый берегъ Самарской луки, у Ставрополя, составляетъ самый возвышенный пунктъ горной стороны Волги, извѣстный подъ именемъ *Жигулевскихъ* горъ. Эти горы тянутся непрерываемою цѣпью или, лучше сказать, неприступною, почти отвѣсною стѣною, возвышаясь въ иныхъ мѣстахъ сажень на 80 надъ поверхностью воды. Иногда кажется, что видишь передъ собой остатки и развалины громадныхъ укрѣпленій, когда-то давно выстроенныхъ, и дѣло природы представляется удивительнымъ дѣломъ рукъ человѣческихъ; слои известковой формаціи въ крутыхъ утесахъ кажутся рядами старинной каменной кладки, точно башни и бойницы выступаютъ круглыми правильными очертаніями, и кое-гдѣ пробивается по нимъ зелень, какъ будто выросшая на развалинахъ. Ѣдешь вдоль берега — впереди выдается острымъ бокомъ утесъ, закрывая собою всю переднюю перспективу; оглядываешься назадъ, — назади, въ перспективѣ, выступаютъ рядами углы другихъ утесовъ, которые уже проѣхалъ и оставилъ за собою. Но вотъ разступаются горы и открывается цѣлый рядъ холмовъ; одинъ высится надъ другимъ, одинъ изъ-за другаго выступаетъ и все покрыто густымъ лѣсомъ, который кажется кустарникомъ на огромной высотѣ. И повсюду тишина и пустыня: въ иныхъ мѣстахъ виднѣются въ горахъ отверстія, будто пещеры; изрѣдка прерывается горная цѣпь узкою зеленою долиной, и въ долинѣ расположена деревенька, а съ боку утеса лѣпятся хижины и мазанки. На горахъ показываются большія хищныя птицы, на отмеляхъ красивыя красныя утки. Подъ *Сызранемъ* оканчивается Самарская лука, и Волга опять продолжаетъ свое теченіе къ юго-западу, и вновь появляется знакомый характеръ ея береговъ, который было оставилъ Волгу, когда она проходила Самарскую луку. Опять сопровождаетъ ее съ правой стороны горный берегъ, а съ лѣвой — луговой; только видъ праваго берега, отъ *Симбирска*, становится нѣсколько характер-

нѣе. Онъ окаймленъ почти сплошь высокими горами, поросшими лѣсомъ; изрѣдка въ лощинахъ попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутое прибрежье на нѣсколько верстъ въ ширину. Горы эти извѣстны у жителей подъ различными названіями, какъ-то: *Черно-Затонскія*, *Дѣвичьи*, *Змѣевы*, *Ушьи* горы и т. д. Поражаетъ также своимъ видомъ городъ *Вольскъ*, между Самарой и Саратовымъ. За нѣсколько верстъ до города начинаются высокія мѣловыя горы и бугры ослѣпительной бѣлизны; ближе къ городу онѣ разступаются въ видѣ громаднаго полукружія, облѣпленныя деревянными домиками, безъ малѣйшаго признака зелени, какъ будто покрытыя только-что выпавшимъ весеннимъ снѣгомъ. Въ этомъ полукружіи на склонѣ горъ и бугровъ раскинулся обширный и богатый Вольскъ, оканчиваясь книзу густыми садами, которыми славится городъ. Не доходя до города *Камышина*, Волга пробивается черезъ *Общій Сыртъ*, черезъ эту естественную границу между Азіей и Европой, который, прорѣзанный Волгою, примыкаетъ къ горнымъ грядамъ правой стороны Волги и сопровождаетъ ее вплоть до *Царицына*. Здѣсь же, между Камышиномъ и Царицыномъ, Волга приближается на весьма близкое разстояніе къ Дону, и соединена съ нимъ въ настоящее время желѣзною дорогою. Замѣчательно, что на огромномъ разстояніи отъ Казани до Царицына, простирающимся слишкомъ на 1,000 верстъ, въ Волгу не впадаетъ ни одна значительная рѣка. Горная, правая сторона образуетъ непроницаемую стѣну, которую не въ состояніи пробить ни одна рѣка, и только съ луговой стороны бѣгутъ въ Волгу нѣсколько незначительныхъ рѣчекъ; послѣдній притокъ съ этой стороны, *Еруславъ*, течетъ съ внѣшней окраины Общаго Сырта.

Замѣчательна также лѣвая приволжская обширная сторона. По сѣверной части ея тянутся отроги Уральскихъ горъ, то грядами, то плоскими возвышенностями и высокими степями; покрыты онѣ отчасти черноземомъ, большею же частью представляютъ степь съ густой, высокой травой. Дальше къ югу начинаются соляныя степи, принадлежащія уже къ тѣмъ сте-

пямъ, которыя сопровождаютъ Волгу ниже Царицына до ея устья. Долина Волги простирается здѣсь вездѣ въ ширину на семь и болѣе верстъ и въ этихъ мѣстахъ разливъ рѣки достигаетъ высшихъ своихъ размѣровъ, разстилаясь на 15 и 20 верстъ. Пролагаются новые пути, такъ называемые *Волошки*, и образуются безчисленные рукава, которые, во время половодья, подвержены безпрестаннымъ измѣненіямъ. *Старицами* называются стоячіе рукава, а *затонами* — многочисленные заливы, образуемые Волгой. Между рукавами много песчаныхъ мелей, мѣняющихъ безпрестанно свои мѣста, и множество большихъ и маленькихъ острововъ, покрытыхъ то лугами, то болотами. Никакая карта, никакія описанія не могутъ дать настоящаго понятія объ островахъ, покрывающихъ Волгу. Нужно быть самому здѣсь, нужно самому ихъ видѣть, чтобы понять всю очаровательную красоту ихъ, понять, какую жизнь придаютъ они широкой Волгѣ, которая подъ Саратовымъ простирается версты на четыре въ ширину. Кому приходится въ первый разъ плавать внизъ по этой царственной рѣкѣ, того особенно поражаетъ это раздолье водъ, это величіе картинъ, которое широкими чертами раскидывается передъ глазами на берегахъ ея. Иной разъ не одинъ десятокъ верстъ проѣзжаешь, не замѣчая жизни и движенія по берегамъ, но тѣмъ очевиднѣе становится тогда, какими источниками движенія служитъ эта великая рѣка для восточной и низовой Россіи и для всего края, къ ней прилежащаго, и какія силы вырываетъ она изъ земли, которую орошаетъ своими водами.

Пройдя Казанскую губернію, Волга орошаетъ Симбирскую, Самарскую и Саратовскую. Въ Симбирской губерніи климатъ уже умѣреннѣе казанскаго, и хотя зима здѣсь все-таки сурова, а вѣтры даже лѣтомъ пронзительны и рѣзки, но зато долгіе лѣтніе дни приносятъ съ собою жаркую температуру, и при 30° Р. растительность развивается весьма быстро. Вообще должно замѣтить, что нижнія части долины Волги, начиная отъ Казани, подвержены вліянію сухихъ и холодныхъ степныхъ вѣтровъ сосѣдней Азіи. Но огромное углубленіе, въ которомъ располо-

жена долина Волги, обращенная къ югу, впускаетъ во внутрь обширныхъ равнинъ теплый южный воздухъ, подъ вліяніемъ котораго смягчается суровый климатъ въ этихъ крайнихъ частяхъ востока Европы. Оттого-то встрѣчаются уже здѣсь многія южныя растенія и плоды, а дубъ, уроженецъ сѣвера, наоборотъ, задерживается здѣсь въ своемъ развитіи. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ замѣтно уже ощущаешь вліяніе юга. Лѣто жаркое, сухое, зима не очень суровая; весна очаровательная; осень короткая. Средняя температура лѣта $+14^{\circ}$, зимы -4°. Всѣ роды хлѣба даютъ здѣсь богатую жатву: рожь и пшеница родятся самъ 12, а просо даже самъ 30. Въ изобиліи найдешь тутъ арбузы, дыни и всякаго рода плодовыя деревья: яблони, груши, сливы, вишни, а въ окрестностяхъ Камышина встрѣчаешь уже тутовыя деревья и первыя попытки винодѣлія по Волгѣ. Южная природа прорывается еще замѣтнѣе въ окрестностяхъ Царицына; тутъ дикія груши становятся все чаще; сливы и дикій миндаль цвѣтутъ нерѣдко осенью во второй разъ, а тутовыя деревья ростутъ свободно безъ всякихъ предосторожностей. Подъ Царицыномъ почти уже нѣтъ сумерекъ; около осьми часовъ внезапно обрывается день и его накрываетъ ночь тихая, теплая, звѣздная.

При благословенной почвѣ, покрывающей большую часть Самарской и Саратовской губерній, и при легкости труда, хлѣбопашество составляетъ самую важную и доходную промышленность здѣшнихъ жителей. Въ урожайные годы избытокъ хлѣба, за собственнымъ потребленіемъ и за отдѣленіемъ запаса на сѣмена, часто простирается до семи милліоновъ четвертей; въ такое счастливое время одно Заволжье производитъ до полутора милліона четвертей пшеницы бѣлотурки. Почва такъ хороша, что нерѣдко засѣвали каждый годъ въ продолженіе 20 и 30 лѣтъ сряду одно и тоже поле пшеницей, безъ всякаго унавоживанія, и оно приносило постоянно богатую жатву. Только бы дождь былъ во время, только о дождѣ и молитъ народъ, ибо отъ него зависитъ вся жатва. Выпадетъ дождь во время и травы поднимутся въ ростъ человѣка. Унавоживаютъ землю только подъ

табакъ, разведеніе котораго составляетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, и преимущественно на лѣвомъ берегу Волги въ нѣмецкихъ колоніяхъ, весьма важную отрасль сельской промышленности. Въ однѣхъ колоніяхъ добывается ежегодно около 300 тысячъ пудовъ табаку разныхъ сортовъ. Въ лощинахъ Волжскихъ горъ разводятъ плодовые сады; но, къ сожалѣнію, должно сказать, что нерадѣніе и небрежность задерживаютъ эту промышленность наравнѣ со многими другими въ Россіи. Рядомъ съ земледѣліемъ распространено повсемѣстно въ этихъ частяхъ и скотоводство. Здѣшнія лошади, киргизской породы, не велики, не сильны, но хороши; овцы разныхъ породъ: русскія, валахскія и калмыцкія съ курдюками. Какъ садоводство, такъ и овцеводство находятся въ болѣе цвѣтущемъ положеніи въ нѣмецкихъ колоніяхъ; доказательствомъ этого можетъ служить то, что треть всего вывоза сельскихъ и мануфактурныхъ произведеній, изъ Саратовской и Самарской губерній, приходится на долю колоній. Главная нѣмецкая колонія—это *Сарепта*, находящаяся на правомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки *Сарпы*, которая всегда имѣла большое значеніе для края, какъ разсадница новыхъ промысловъ.

Между Царицыномъ и Сарептой Волга поворачиваетъ сначала къ востоку, потомъ къ юго-востоку и вступаетъ, наконецъ, въ пустынную Каспійскую низменность. Хотя отъ самой Сарепты Волгу не сопровождаетъ уже болѣе высокій нагорный берегъ, тѣмъ не менѣе, однако же, съ правой стороны возвышается степной берегъ, спускающійся къ рѣкѣ крутыми обрывистыми стѣнами. У *Черноярска* эти крутые берега поднимаются еще на 6 и 8 саженъ. Долина Волги образуетъ, въ этихъ нижнихъ частяхъ, низменность верстъ на 40 въ ширину, которая, заливаемая весною водой, представляетъ великолѣпное зрѣлище. Тогда на необозримой водяной поверхности возвышаются въ разныхъ мѣстахъ группы острововъ, между которыми скользятъ по рѣкѣ многочисленныя суда и ладьи. Волга раздѣляется здѣсь на нѣсколько рукавовъ, которые то соединяются, то снова расходятся. Главное русло Волги тянется

вдоль западнаго возвышеннаго берега степи, а главный рукавъ ея, *Ахтуба*, отдѣляется съ восточной стороны въ 20 верстахъ выше Царицына и бѣжитъ параллельно съ нею до самаго ея устья. Сама Волга, подъ *Ветлининской* и *Кононовской* станицами, чрезвычайно узка и даже не очень глубока, такъ что трудно предположить, чтобы такая, повидимому, ничтожная рѣка, разливалась цѣлымъ моремъ, заливая своими водами два большіе уѣзда: Астраханскій и Красноярскій.

Пустынныя степи, разстилающіяся по обѣимъ сторонамъ Волги, отъ Царицына до самаго Каспійскаго моря, вводятъ насъ прямо въ страну *Кипчакъ*, составлявшую когда-то часть царства потомковъ Чингисхана. Вся эта пространная область образуетъ большую песчаную низменность, постепенно понижающуюся къ Каспійскому морю; впрочемъ, нѣкоторыми площадями своими она лежитъ на нѣсколько сажень выше уровня моря и покрыта безчисленными и довольно высокими курганами. Трудно встрѣтить страну, которая была бы такъ однообразна и такъ бѣдна растительностію, какъ эта обширная степь, разстилающаяся по лѣвой сторонѣ нижнихъ частей Волги. Небо вѣчно ясное, вѣчно голубое, разстилается надъ этою печальною, глухою степью. Дождливое время составляетъ исключеніе. Лѣтомъ температура не спускается ниже 20 и 30° Р., и только холодные восточные вѣтры, не встрѣчающіе никакого препятствія, умѣряютъ жаръ, нестерпимый во время совершеннаго безвѣтрія. Ночи же зачастую бываютъ холодныя; зимы суровыя. Рѣзкіе переходы отъ холода къ жарѣ, недостатокъ воды, однообразное качество почвы не дозволяютъ флорѣ разнообразить свои виды. Большая часть растеній одѣты сѣрой, волосатой пеленой, защищающей ихъ отъ жгучихъ лучей солнца, отъ рѣзкой перемѣны температуры, и жадно втягивающей въ себя бѣдный запасъ атмосферной влаги. Отсюда этотъ грустный видъ, представляемый степями; вмѣсто веселой зелени видишь только грязную, сѣрую траву. Нѣтъ ни деревца, ни кусточка, красующагося своими зелеными листьями, на которыхъ можно бы было остановиться глазу; жесткая трава замѣняетъ здѣсь лѣсъ. Вес-

ною растительность, словно вызванная волшебнымъ мановенiемъ, идетъ быстрыми шагами впередъ и въ нѣсколько недѣль проходитъ различныя ступени своего возраста. Въ началѣ апрѣля съ первыми теплыми днями появляются первые вѣстники весны: тюльпанъ, птицемлечникъ и косатики; но уже въ половинѣ мая, особенно въ сухiе годы, степь походитъ на печальное пепелище, по которому кружатся и разносятся умершiе стебли сочныхъ растенiй. Въ августѣ наступаетъ новая весна для соляныхъ растенiй, которыя заканчиваютъ свою жизнь весьма поздно, нерѣдко въ началѣ ноября. Еще болѣе печальный, болѣе однообразный видъ представляетъ степь, тянущаяся по правой сторонѣ великой рѣки. Почва состоитъ изъ глины, безъ камней, пропитанная различными солями. Растительность здѣсь въ высшей степени скудна; ростутъ только однѣ полынныя травы, да и тѣ нигдѣ вполнѣ не покрываютъ поверхности, такъ какъ ростутъ онѣ отдѣльными клочками, изъ-за которыхъ выглядываетъ чахлая, тощая земля. Множество морскихъ, даже неокаменѣлыхъ раковинъ, ямы и озера съ соленою водою, свидѣтельствуютъ ясно, что когда-то вся эта страна была дномъ морскимъ. Природа, отнявъ у Астраханской степи одинъ свой даръ; замѣнила его другимъ: этотъ даръ заключается въ большомъ числѣ соляныхъ озеръ. Всѣ наши восточныя и центральныя губернiи снабжаются солью изъ этихъ озеръ; начинаются они на восточной сторонѣ устья Волги подъ *Красноярскомъ* и тянутся въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленiи. Самое большое изъ нихъ, состоящее изъ нѣсколькихъ озеръ, *Камышъ-Самарское*, а самое главное, откуда добывается соль, это озеро *Эльтонъ;* въ окружности оно имѣетъ 47 верстъ, а въ поперечникѣ отъ востока къ западу 20 верстъ. Бассейнъ озера содержитъ въ себѣ твердую соль на неизмѣримую до сихъ поръ еще глубину; ежегодная добыча соли простирается на 10 миллiоновъ пудовъ, такъ что озеро Эльтонъ вмѣстѣ съ пермскими соляными варницами и Илецкою защитою составляютъ главные соляные магазины Россiи.

Обитатели этихъ пустынныхъ степей низовья Волги: дикія лошади, стада сайгъ, лисицы, волки, большіе и маленькіе зайцы-скакуны, змѣи, ящерицы и другія. Рои жадной саранчи часто посѣщаютъ степи и въ одно мгновеніе съѣдаютъ ихъ растительное убранство. Гибельно дѣйствуютъ также, какъ на растительность, такъ и на пасущіяся стада, страшные вихри, помрачающіе воздухъ цвѣточною пылью, поднятою со степей. Но еще убійственнѣе бываютъ эти вихри, или *буруны*, зимой, продолжаясь нерѣдко до 3-хъ дней. При началѣ буруна снѣгъ сбивается въ большіе, глубокіе сугробы; съ усиленіемъ вѣтра, онъ поднимается выше, помрачаетъ солнце, такъ что ничего не видно, кромѣ густой, непроницаемой массы снѣга, которая кружится такъ, что нельзя открыть глазъ. Люди и звѣри дѣлаются какими-то шальными, теряютъ дорогу, блуждаютъ по цѣлымъ часамъ и погибаютъ отъ стужи и изнеможенія. Подобный бурунъ въ 1827 году загналъ весь скотъ Букѣевской орды, кочующей въ степи между Волгою и Ураломъ, на сѣверъ въ Самарскую губернію, при чемъ погибло 10,500 верблюдовъ, 280,500 лошадей, 30,480 штукъ рогатаго скота и 1,012,000 овецъ.

Къ числу феноменовъ, свойственныхъ этимъ степямъ, принадлежатъ *миражи*, бывающіе обыкновенно въ теплыя времена года. Солнечные лучи, отбрасываемые нагрѣтою поверхностью степи и преломляющіеся въ скудныхъ парахъ сухой земли, производятъ оптическій призракъ, вслѣдствіе котораго всѣ предметы, лежащіе внѣ предѣловъ горизонта, являются какъ бы на краю его и, притомъ, словно будто они стоятъ на водѣ и носятся по воздуху. Чѣмъ ближе къ нимъ подходишь, тѣмъ они все ниже спускаются, наконецъ пропадаетъ и полоса воды, на которой повидимому стоялъ предметъ, и тогда уже онъ является въ настоящемъ своемъ видѣ, только на гораздо дальнѣйшемъ разстояніи и не такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ его призракъ.

Скучныя Каспійскія степи были постоянно временнымъ мѣстопребываніемъ кочующихъ ордъ, такъ какъ всѣ народы,

шедшіе чрезъ Уральскія ворота, останавливались здѣсь, на низовьяхъ Волги. Послѣ *хозаровъ* образовалась здѣсь *Золотая Орда;* вслѣдъ за паденіемъ ея явились *ногайцы,* потомъ *калмыки;* послѣдніе до настоящаго времени кочуютъ на правомъ берегу Волги, а на лѣвомъ — *киргизы*. Оба эти народа разводятъ въ огромномъ количествѣ лошадей, овецъ, козъ и верблюдовъ. Своею обширною торговлею: шерстью, волосомъ, саломъ, овчинами и мерлушками, кожами и войлокомъ, киргизы и калмыки освѣщаютъ и согрѣваютъ многія сѣверныя губерніи восточныхъ равнинъ Европы, и ихъ цвѣтущее скотоводство на пустынныхъ низовьяхъ Волги имѣетъ самое благотворное вліяніе на почти столь же пустынныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ холодныя страны Сѣверной Двины.

Ниже Астрахани Волга совершенно раздробляется; вправо отъ нея идетъ глубокая рѣка *Бахтемиръ,* по которой ходятъ суда къ морю, сама же она остается влѣво, подъ названіемъ *Старой Волги,* дробясь на безчисленное множество протоковъ, которые, вмѣстѣ взятые, представляютъ совершенно спутанную сѣть, покрывающую приморскій край Астраханской губерніи. Здѣсь воды Волги точно будто заблудились и ищутъ пути въ неизмѣримой степи, разбѣгаясь по всѣмъ направленіямъ; ни одинъ притокъ не доходитъ до моря, не раздѣляясь на нѣсколько новыхъ, не слившись съ какимъ-нибудь другимъ и не принявъ новаго названія. Мелкія рѣчки то совершенно скрываются въ камышахъ, или между буграми, то сбѣгаютъ въ одинъ широкій разливъ, текутъ нѣсколько верстъ вмѣстѣ и вновь разбиваются на мелкіе протоки, впадающіе въ другіе или въ море. Всѣхъ устьевъ Волги полагаютъ около 200, которыя весною сливаются вмѣстѣ и образуютъ одну огромную равнину. Середина дельты состоитъ изъ многочисленныхъ островов, которые ежегодный разливъ обращаетъ въ богатыя пастбища. Вслѣдствіе слабаго состава почвы и вслѣдствіе сильнаго дѣйствія воды во время весенняго разлива, Волга безпрестанно измѣняетъ свое русло; путь, по которому въ иной годъ суда могли свободно ходить, заносится на слѣдующій годъ пескомъ. Черезъ годъ,

является уже на этомъ мѣстѣ подъ водой коса, затѣмъ выростаетъ на ней камышъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ островокъ украшается зеленымъ кустарникомъ. Нерѣдко также обрываются берега, вырывается и уносится растущій на нихъ лѣсъ, деревья разметываются по дну рѣки, на нихъ наметывается песокъ, илъ, и подъ водой, съ каждымъ годомъ, наростаютъ новые бугры. Такъ образовываются островки. Судоходство съ каждымъ годомъ встрѣчаетъ болѣе и болѣе затрудненій. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ Старая Волга была глубока и подымала большія суда; теперь она во многихъ мѣстахъ имѣетъ не болѣе 4-хъ футовъ глубины, и купеческія суда по ней ходить уже не могутъ. Путь отъ Астрахани до Каспійскаго моря въ высшей степени неудобенъ. Безчисленныя розсыпи мѣшаютъ въ сѣверный вѣтеръ до того, что тяжело нагруженныя суда принуждены иногда ждать вѣтра съ моря, который бы нагналъ воды на нихъ и сдѣлалъ бы проходы судовъ глубже. Устье Волги скрывается въ концѣ февраля, или въ мартѣ только тогда, когда дуютъ сѣверо западные, или западные вѣтры; въ противномъ же случаѣ ледъ нерѣдко держится до апрѣля.

Довольно взглянуть на карту, и нельзя не убѣдиться, что дельта Волги и Астрахань — одни изъ тѣхъ мѣстъ, которымъ природа указала быть средоточіемъ для размѣна идей между Востокомъ и Западомъ и складочнымъ мѣстомъ для ихъ торговли. Въ волжской дельтѣ, въ Астрахани сходятся два торговые пути: изъ Гинду-кхо и изъ Кавказа; наконецъ Каспійское море образуетъ третій путь, по которому отправляются товары изъ роскошныхъ странъ Персіи къ Волгѣ, и уже этою водною силой достигаютъ центра Россіи. Благодаря такому міровому положенію, дельта Волги и низовья этой великой рѣки славились всегда богатыми городами, и здѣсь всегда ханы разбивали свои ставки, около которыхъ селились торговые люди. Но какъ ни благопріятно положеніе Астрахани, торговля ея далеко не такъ блистательна, какъ бы слѣдовало ожидать отъ этой, послѣ Рыбинска и Нижняго, третьей великой волжской пристани. Торговля Астрахани сильно страдаетъ, во-первыхъ, отъ мелко-

водья устьевъ Волги, а во-вторыхъ, богатство города сосредоточено только въ рукахъ немногихъ семействъ; всѣ же выгоды торговли находятся въ рукахъ армянъ, которые всюду вмѣшиваются и все захватили въ свои руки, благодаря своему знанію восточныхъ языковъ.

Астрахань расположена на высокомъ волжскомъ островѣ; она окружена безчисленными рукавами и островами, покрытыми плодовыми садами и виноградниками. Съ колокольни собора открывается великолѣпнѣйшая панорама. Лежитъ внизу Астрахань съ своими широкими, красивыми улицами и каналами, обсаженными аллеями; далѣе разстилается гавань, покрытая кораблями и барками, и извивается широкая Волга, усѣянная безчисленными и зеленѣющими островами. Улицы Астрахани, расположенной на рубежѣ Европы, представляютъ собою необыкновенную пестроту; тамъ сидятъ на лавкахъ передъ своими домами *хивинцы* въ своихъ высокихъ овчинныхъ шапкахъ, или важно лежатъ молчаливые персіяне; тамъ идетъ быстрыми шагами армянинъ, а ему на встрѣчу русскій мужикъ въ своей рубахѣ; или, наконецъ, ѣдетъ верхомъ киргизъ, а за нимъ еще болѣе грязный и безобразный калмыкъ. Персіяне, живущіе въ Астрахани, занимаются обыкновенно коммисіонерствомъ для своихъ земляковъ въ Персіи, пользуясь ихъ неограниченнымъ довѣріемъ. Съ богатыми русскими купцами азіатцы не имѣютъ почти никакихъ сношеній, такъ какъ первые употребляютъ всѣ свои капиталы на рыбную ловлю.

Кромѣ торговыхъ дѣлъ, жители Астрахани и ея окрестностей занимаются шелководствомъ, винодѣліемъ, садоводствомъ и огородничествомъ, такъ какъ флора собственно Астрахани весьма богата и красуется самыми разнообразными и прекрасными цвѣтами и плодами; груши, яблони, вишни, сливы, виноградъ, персики, шелковица ростутъ здѣсь въ изобиліи; астраханскія дыни и арбузы считаются самыми лучшими.

Но самая важная и громадная промышленость жителей Астрахани — это рыбная ловля. Нигдѣ въ цѣломъ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ нью-фаундлендскихъ отмелей, не произво-

дится рыбная ловля въ такихъ размѣрахъ, какъ здѣсь по Волгѣ и Каспійскому морю. Она занимаетъ огромные капиталы, кормитъ десятки, даже сотни тысячъ народа, занимающагося ловлей, продажей, транспортомъ рыбы; она, наконецъ, продовольствуетъ во время долгихъ постовъ чуть-ли не всю Европейскую Россію. Рыба, ловимая здѣсь, раздѣляется на два рода: на *красную* и *частиковую*. Къ первой принадлежатъ: осетръ, бѣлуга, севрюга и шипъ; ко второй — лосось, стерлядь, бѣлорыбица, сомъ, щука и всѣ мелкія рыбы. Послѣ вскрытія рѣки, Волга кишитъ рыбой; гуляя въ морѣ, она часто подходитъ къ устьямъ и, отвѣдавъ прѣсной воды, стремится вверхъ противъ теченія. Самая главная и прибыльная ловля бываетъ весенняя, когда рыба мечетъ икру. Чтобы имѣть понятіе о количествѣ и цѣнности добываемой ежегодно рыбы на водахъ волжско-каспійскихъ, довольно сказать, что всей рыбы приблизительно ловится болѣе 10 м. штукъ; красной рыбы до 125,000 штукъ, а частиковой до 75 мил. пудовъ; икры добывается до 40 т. пудовъ, жиру до 200 т., визиги и клею до 10 т., всего на сумму 7 мил. руб. сер. Большая часть наловленной рыбы отправляется въ Петербургъ и Москву; значительное количество идетъ также черезъ Донъ и Черное море въ Константинополь и Малую Азію.

Прослѣдивъ все теченіе Волги отъ источниковъ ея близъ Балтійскаго моря и далѣе, по необъятному пространству Сарматской равнины, до впаденія ея въ Каспійское море, мы видѣли, какую разнообразную природу она сосредоточиваетъ на своихъ берегахъ. Мы видѣли, какъ по берегамъ ея безпрестанно смѣняются превосходные лѣса хвойные, липовые и дубовые, — прекрасными лугами, богатыми нивами и плодовыми садами, за которыми слѣдуютъ обширныя Каспійскія степи. Мы видѣли, какъ съ измѣненіемъ природы мѣнялись и занятія жителей. Такъ, до впаденія р. Оки, населеніе занято преимущественно мануфактурною промышленностью, потомъ до р. Сарпы — земледѣльческою, далѣе до устьевъ — скотоводствомъ, а на всемъ протяженіи, преимущественно же отъ Сим-

бирска — рыбною ловлею. Разнообразные дары природы прибрежьевъ Волги даютъ различныя средства къ существованiю ея обитателей. Доставляя средства къ занятiямъ, она въ то же время служитъ превосходнымъ путемъ для перевозки товаровъ, составляя средоточiе и главную водную линiю всей Европейской Россiи; отъ нея идутъ два водные пути на сѣверъ къ Бѣлому морю, три на западъ къ Балтiйскому, два на югъ къ Черному, а сама она впадаетъ въ Каспiйское. Потому-то на ней и процвѣтаютъ судоходство и торговля, потому-то берега ея и усѣяны богатыми селами и торговыми городами, служащими превосходными станцiями для обширной торговли между морями, омывающими границы Россiи, и оттого-то народъ русскiй, угадавшiй вполнѣ значенiе своей громадной рѣки, назвалъ ее *матушкой Волгой*.

5. Историко-географическое значенiе Волги.

Кому неизвѣстно, какую важную роль играютъ рѣки въ жизни народовъ. По берегамъ рѣкъ явились первыя человѣческiя поселенiя, здѣсь зачатки богатыхъ городовъ. Недаромъ же боготворили древнiе народы свои рѣки, недаромъ съ ними связаны всѣ главныя миѳологическiя вѣрованiя. Племена, населяющiя одну рѣчную область, соединяются ея отраслями невольно въ одно политическое тѣло, раздѣляютъ однѣ общiя выгоды, терпятъ тѣ же невзгоды. Рѣки — это главные этнографическiе рубежи; по нимъ, почти единственно, можно прослѣдить за древнѣйшими угасающими племенами и первыми колонизацiями новыхъ обитателей. Какъ бы общество ни было развито, какiе бы новые пути оно ни проложило, — пути естественные, по рѣкамъ, сохранятъ всегда свое значенiе, и на ихъ берегахъ, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ самой природой, останутся всегда главныя пристани и торговые рынки. Измѣняются странники — пути остаются тѣ же.

Такимъ великимъ двигателемъ въ исторіи восточныхъ равнинъ Европы была Волга. Рѣчная ея область занимаетъ безспорно самое важное мѣсто между всѣми рѣчными областями Европы. Все даетъ ей на это полное право: громадность, обиліе водъ, разнообразіе ея природы, вліяніе на историческое развитіе народовъ и наконецъ богатство историческихъ явленій, ей исключительно принадлежащихъ. За исключеніемъ Малоазійскаго полуострова, Волга была постоянно главнымъ, и почти единственнымъ, посредникомъ, соединявшимъ европейскій западъ съ азіатскимъ востокомъ.

Начинаясь близъ Балтійскаго моря, рѣчная долина Волги вдается отсюда въ континентальныя равнины восточнаго полушарія, а низовья Волги лежатъ уже въ области азіатскихъ степей, на большой военной дорогѣ народовъ, шедшихъ черезъ Уральскія ворота къ прибрежнымъ странамъ Понта: въ той области, гдѣ они всегда на нѣкоторое время, останавливались, прежде нежели подвигались далѣе на западъ. Въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, дикія орды врывались отсюда вверхъ по Волгѣ, въ центръ нашихъ равнинъ, угрожая Европѣ варварствомъ и порабощеніемъ. Такое мировое положеніе Волги, такая двойственность ея природы были причиной, что ея рѣчная область не имѣла почти никогда этнографическаго единства, составляющаго характеристическую черту Рейна.

Еще болѣе вліянія имѣла Волга на торговые пути между востокомъ, сѣверомъ и западомъ. Торговцы и промышленники знакомятъ насъ впервые съ ея рѣчной системой. Ежели берега Волги стонали въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ подъ варварскимъ игомъ, то за то здѣсь же основали себѣ жилища самыя замѣчательныя промышленныя племена, которымъ исторія обязана древнѣйшими сношеніями между сѣверомъ и югомъ, западомъ и востокомъ, и при томъ въ ту эпоху, когда еще не было никакихъ слѣдовъ, никакихъ зачатковъ благоустроенной государственной жизни на всемъ пространствѣ, занимаемомъ великими восточными равнинами Европы. На среднихъ частяхъ Волги, на ея низовьяхъ, существовали съ незапамятныхъ вре-

менъ богатыя складочныя мѣста для торговли, или великолѣпныя столицы, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь сидѣли промышленныя, торговыя племена, могущественные туземные властители или смѣлые пришельцы-завоеватели. Такъ процвѣтали на среднихъ частяхъ Волги Болгары, потомъ Казань и наконецъ Нижній-Новгородъ, а на ея низовьяхъ Атель, Сарай и Астрахань.

Долгое время была Волга рѣкой азіатско-европейской, покуда по ней двигались орды кочевниковъ, да восточные купцы изъ Азіи вовнутрь теперешней Россіи; не далѣе, какъ столѣтіе, только со времени великаго преобразователя Россіи, стала она рѣкой истинно-европейской и получила значеніе иное, болѣе высокое, — служить проводницей образованности и цивилизаціи въ центръ Азіи. По Волгѣ выслалъ Петръ въ Азію первое европейское войско; при немъ понесла она на своихъ струяхъ въ Каспійское море флотъ, построенный изъ уральскаго лѣса, и съ этого-то времени Волга стала не только главнымъ источникомъ богатства, кормилицей государства Россійскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ соединительницей двухъ горныхъ системъ, лежащихъ на восточныхъ границахъ Европы, Урала и Кавказа, обладаніе которыми единственно только и можетъ упрочить наше владычество въ Азіи и открыть туда дорогу намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и — цивилизаціи.

Уже размѣрами своими Волга принадлежитъ къ самымъ величавымъ явленіямъ природы европейской. Прямое разстояніе ея источниковъ отъ устья простирается на 225 геогр. миль; длина же ея теченія, со всѣми извилинами и изгибами, на $3{,}161\frac{1}{2}$ верстъ, тогда какъ длина теченія Рейна имѣетъ не болѣе 1,225 в., Дуная — 2,660 верстъ. Такой длинѣ соотвѣтствуетъ и величина поверхности, занимаемой ея рѣчною областью. Рѣчная область Рейна заключаетъ въ себѣ 3,600 кв. миль; Дунаю подвластно пространство въ 14,000 кв. миль; поверхность же волжской водяной сѣти захватываетъ пространство слишкомъ въ 30,000 кв. миль, превосходящее въ три раза поверхность Германіи. Такими обширными размѣрами рѣчной

области Волги легко объясняется ея полноводность. Она принимаетъ со всѣхъ сторонъ множество притоковъ и собираетъ весь богатый запасъ воды, накопляющійся въ источникахъ, разсѣянныхъ по великимъ восточнымъ равнинамъ, на протяженіи 1,400 верстъ въ длину, отъ запада къ востоку, и на столько же въ ширину, отъ сѣвера къ югу, между бассейнами Иртыша и Оби, Печоры, Сѣверной Двины, Невы, Западной Двины, Днѣпра, Дона и Урала. Но — что всего замѣчательнѣе — Волга несетъ, въ низовьяхъ своихъ, этотъ богатый запасъ воды по узкой рѣчной трубѣ, среди пустынь и степей, прямо въ жерло Каспійскаго моря. Волга протекаетъ девять губерній, принадлежащихъ къ лучшимъ, самымъ населеннымъ и плодороднымъ частямъ Россіи. Длина Волги, огромное пространство, занимаемое ея рѣчною областью, различные градусы широты, между которыми несетъ свои струи великая рѣка, обусловливаютъ чрезвычайно разнообразныя и многоразличныя явленія въ формахъ ея природы. Ежели житель Осташковскаго уѣзда, на источникахъ Волги, съ трудомъ можетъ прокормиться на своей неблагодарной почвѣ; ежели онъ заботливо закрываетъ на зиму соломой свои немногія яблони-калѣки, дабы защитить ихъ отъ жестокихъ морозовъ; то за то саратовецъ почти не знаетъ, что такое удобреніе почвы, и получаетъ безъ труда обильную жатву съ благословенныхъ полей своихъ, а въ Астраханской губерніи воздухъ наполняется благоуханіемъ миндальныхъ деревъ; въ ней растутъ шелковичныя деревья и висятъ на лозахъ тяжелые грозди винограда.

Всѣ губерніи по среднимъ и нижнимъ частямъ Волги могутъ считаться житницей Восточной Европы; прекрасные луга, богатыя нивы, плодовитые сады, превосходнѣйшіе дубовые и липовые лѣса смѣняютъ безпрестанно другъ друга, а по Волгѣ цвѣтетъ судоходство, торговля, и берега ея усѣяны богатыми селами и торговыми городами, которые служатъ станціями для обширной торговли между морями, омывающими съ четырехъ сторонъ великія равнины Восточной Европы.

6. Лѣсной пожаръ.

Многіе лѣсные пожары, при всей обширности своей, не производили на меня значительнаго впечатлѣнія, ибо случались въ тихое, безвѣтренное время, не слишкомъ въ большую засуху, проходя лѣсомъ, довольно чистымъ и рѣдкимъ. При этихъ условіяхъ, пожаръ идетъ низомъ и медленно; да и при вѣтрѣ, когда идетъ верхомъ, но безъ значительной засухи и по чистому, рѣдкому лѣсу, не загроможденному валежникомъ, видъ его не имѣетъ ничего слишкомъ поразительнаго; но для объясненія того ужаснаго впечатлѣнія, которое иногда производитъ онъ, разскажу о пожарѣ, бывшемъ при мнѣ въ страшную засуху, когда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ іюльскія жары, бури и грозы проходили безъ капли дождя, и когда всѣ низины, рѣчныя наволоки, поемники и даже топкія болота обратились въ какой-то пепелъ, покрытый сгорѣвшею травой, а лѣсной мохъ хрустѣлъ подъ ногами.

Надо замѣтить, что самая деревня, въ которой живу я, и еще шесть, сосѣднихъ съ нею, разбросаны небольшими оазисами въ неисходныхъ лѣсахъ, смежныхъ съ Макарьевскими и Семеновскими, гдѣ на каждую десятину открытой, пашенной или луговой мѣстности, вѣроятно, придется около сотни десятинъ лѣсовъ господскихъ и казенныхъ, и гдѣ при самой большой изъ деревень не болѣе двухъ сотъ десятинъ полей, расположенныхъ, какъ обыкновенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны деревни, всегда примыкающей другою стороною къ лѣсу, отстоящему отъ крестьянскихъ дворовъ и гуменъ не далѣе 50 или 100 саженъ. Я былъ захваченъ пожаромъ въ жары, при страшной сухости грунта въ лѣсахъ и болотахъ, и уславъ немедленно семью верстъ за 20, въ степное прибрежье Ветлуги, былъ свидѣтелемъ того страшнаго пожара, который намѣренъ описать читателямъ, чтобъ дать имъ приблизительное понятіе о драмѣ, разыгрывающейся въ то время,

когда имъ достается испытывать въ городахъ своихъ непріятный запахъ дыма, духоту въ воздухѣ, нѣкоторый мракъ, застилающій солнечные лучи, и когда самое солнце кажется какимъ-то красно-багровымъ шаромъ, а не блестящимъ свѣтиломъ, на которое въ другое время нельзя взглянуть безнаказанно.

Пожаръ пришелъ къ намъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, объятыхъ имъ на сотню верстъ, и приближался ломаными линіями и остроугольниками. Двѣнадцать тысячъ десятинъ лѣсу, на которыхъ разсѣяны сказанныя деревни, попались въ средину, между двухъ огромныхъ остроугольниковъ приближавшагося пожара и охваченныя съ трехъ сторонъ напирающимъ пламенемъ, которое угрожало совершеннымъ разореніемъ семи деревнямъ нашимъ, безпрерывно осыпаемымъ пламенными галками *), разносимыми бурей.

Уже бани нѣкоторыхъ деревень сгорѣли, и пожаръ нерѣдко врывался въ хлѣбныя поля, истребляя все на пути своемъ. Хотя крестьяне и вывезли имущество на паровыя поля и наскоро закидали землею, но безпрестанно осыпаемое падающими съ неба пламенными лапами хвойныхъ деревьевъ, имущество это нисколько не считалось въ безопасности, и караульные, сидя по очереди на кровляхъ домовъ и дворовъ, безпрерывно ожидали деревенскихъ пожаровъ, ибо зной дѣлался нестерпимъ на возвышенностяхъ и заставлялъ всѣхъ оставлять посты свои и искать освѣженія около неизсякшихъ еще рѣчушекъ, при которыхъ расположена большая часть деревень.

Опишу какъ самый пожаръ, такъ и средства тушенія, употребляемыя опытными лѣсниками, если только есть какая-либо надежда отстоять лѣсъ и нашлись свободныя руки, кромѣ занятыхъ спасеніемъ деревень и имуществъ.

Представьте себѣ сплошное пламя, пожирающее на пути своемъ весь сухой верескъ, валежникъ отъ ветроломовъ и разныхъ лѣсныхъ промысловъ, сухой мохъ, торфъ, стоячія сухары

*) Головни.

и самые сучья свѣжихъ деревьевъ, по которымъ оно взлетаетъ, какъ истинный змѣй Горынычъ, съ быстротою неимовѣрною, чему способствуетъ раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и изсушающая хвою и листья зеленыхъ деревьевъ отъ макушки до половины дерева, гораздо прежде, чѣмъ пламя подступитъ подъ пни корчащихся, трещащихъ и обливающихся смолою сучьевъ.

Хрускъ, трескъ, шипѣнье, свистъ и визгъ, предшествующіе пожару, далеко возвѣщаютъ о немъ, и при грозѣ, въ сухіе годы, жаркимъ днемъ, въ густомъ чапыжникѣ или на бору, заваленномъ валежникомъ, видъ обширнаго лѣснаго пожара бываетъ поразительно величественъ!

Прибавьте къ этому вой урагана, завыванье волковъ и другихъ звѣрей, спасающихся отъ гибели, раскаты грома, блескъ молніи, озаряющей мглу небесную; стонъ падающихъ исполиновъ, пламенными радіусами разсѣкающихъ воздухъ; дымъ, клубящійся мглистыми, багряно-синими, крово-красными волнами; кипучіе и пылающіе смольные фонтаны, тончайшими струйками бьющіе изъ каждаго излома лопнувшей коры огромныхъ хвойныхъ мачтовниковъ; пожираемыя пламенемъ громадныя ребра необъятныхъ костровъ (вѣтроломовъ по нашему), нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ исполинскими грудами въ десятокъ и болѣе сажень вышиною, въ нѣсколько десятковъ верстъ протяженія и въ сотню сажень поперечника. Эти страшные костры, покуда еще не охвачены пламенемъ, имѣютъ видъ отвратительныхъ остововъ допотопныхъ пресмыкающихся, въ непрерывной вереницѣ переплетенныхъ громадными, полуистлѣвшими, грязнобѣлыми костями своими, съ которыхъ отгнившая шкура гнусными лохмотьями виситъ и качается по волѣ вѣтра. И не въ пожаръ костры эти могутъ привести ночнаго путника въ содроганіе, представляя нерѣдко самые фантастическіе образы фосфорическимъ свѣтомъ своимъ, но въ это время они просто ужасны!...

Ночью, отъ росы и затишья, пожаръ обыкновенно стихаетъ и этимъ временемъ надо пользоваться и приступать къ стран-

ному для небывалыхъ, средству тушенія, встрѣчнымъ огнемъ, что называется клинъ клиномъ выгонять.

Встрѣчный огонь пускается вотъ какъ:

Собираютъ, по возможности, такое количество людей, какое можно собрать, не разбирая пола и возраста (разумѣется, не ребятишекъ), и ведутъ всю эту ватагу на встрѣчу лѣсному пожару по всему его протяженію. Выборные люди, лучше другихъ знающіе мѣстность или опытнѣйшіе въ пожарныхъ случаяхъ, рѣшаютъ, по направленію и обширности огня, отъ какихъ мѣстъ слѣдуетъ пустить встрѣчный огонь, чтобъ остановить ярость напирающей по вѣтру грозной стихіи.

Разставивъ народъ вдоль избранныхъ направленій, при чемъ, по возможности, пользуются дорогами, проселками, можачинами *), ручьями и тому подобнымъ,— всѣ, отъ мала до велика, начинаютъ сбивать мотыгами и заступами дернъ по сказаннымъ направленіямъ, и стараются образовать канавку или, вѣрнѣе, лунку, шириною около аршина, и отъ самой лунки начинаютъ зажигать сухой мохъ и подготовленные небольшіе костры сухихъ лапъ, шишекъ и проч. Однимъ словомъ, стараются искусственно поджечь всю линію, обойденную лункой и идущую вдоль дорогъ и всего вышесказаннаго. Зажигаемый искусственный пожаръ, не находя горючихъ матеріаловъ по протяженію лунки, дорогъ и пр., и не имѣя достаточной силы, при ползучемъ, въ началѣ, огонькѣ своемъ, перебросить пламя по вѣтру, чрезъ канавку, оберегаемую всѣми рабочимп, немедленно тушащими непріязненныя попытки его (для чего каждый рабочій имѣетъ въ рукахъ метелку изъ свѣже-нарубленныхъ, длинныхъ березокъ), ширится противъ вѣтра и ползетъ навстрѣчу коренному пожару и, такимъ образомъ, отжигаетъ все пройденное пространство, такъ что наземные матерьялы уже не могутъ питать ярость кореннаго пожара. По мѣрѣ расширенія своего и согрѣванія атмосферы, искусственный огонь становится силь-

*) Мокрыя, сырыя мѣста.

нѣе и сильнѣе; пройдя нѣсколько десятковъ саженъ въ ширину по всей отжигаемой линіи, онъ самъ уже дѣлается пожаромъ, а не искусственнымъ огонькомъ, и стремится все быстрѣе и быстрѣе на встрѣчу противнику, не смотря на противодѣйствіе вѣтра, который лишь опредѣляетъ направленіе отрываемыхъ, горящихъ лапъ и путь кореннаго пожара, идущаго по свѣжимъ, не отожженнымъ мѣстамъ, но не можетъ помѣшать медленному расширенію пламени, ползущаго съ травки на травку и только замедляемаго имъ въ наступательномъ дѣйствіи. Наконецъ, искусственный пожаръ вступаетъ въ палящую, огнедышащую атмосферу гонимаго вѣтромъ настоящаго пожара и яростно бросается на встрѣчу ему; бой по всей линіи оглашаетъ окрестность, по мѣрѣ смѣшенія противныхъ силъ. Эти мгновенія бываютъ торжественны!... Тутъ чудятся и артиллерійскіе залпы, и взрывы, и пламенные зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, напирающіе другъ на друга и борющіеся всѣми крутимыми жаромъ, переплетенными своими вѣтвями!... Однимъ словомъ— картина величественная, поразительная для глазъ и для слуха!...

Пламя вздымается стѣна на стѣну и, при страшныхъ порывахъ, проявляетъ мгновенно исчезающіе смерчи или столбы клубящагося пламени, винтообразно взвивающагося къ небу, и послѣ этой общей схватки, гдѣ рухнулъ ни одинъ величавый титанъ, презиравшій ярость всѣхъ урагановъ, все затихаетъ; пламя садится, и смрадъ, несжигаемый имъ, покрываетъ окрестность, чадитъ, выкуриваетъ глаза и стелется низомъ во мракѣ: однѣ необъятныя груды вѣтроломныхъ костровъ долго пламенѣютъ еще въ смрадномъ чаду, и отъ времени до времени садясь и рушась, извергаютъ милліоны искръ, исполинскими фейерверочными снопами разсыпающихся надъ пожарищемъ. Картина изъ грозно-величественной дѣлается грустною, тяжелою и печальною, какъ послѣ битвы. Такъ кончается лѣсной пожаръ, если неосмотрительные сторожа не перепустятъ его черезъ лунку, или при сильномъ вѣтрѣ и продолжительной засухѣ спавшая, сухая хвоя со стоячихъ деревьевъ не проложитъ новаго пути для ехидно-пресмыкающагося пламени, которое тотчасъ,

даже чрезъ нѣсколько недѣль, затаенное въ дуплахъ и старыхъ пенькахъ, но раздутое вѣтромъ, выползаетъ изъ тайниковъ своихъ и съ иглы на иглу, съ обломка на обломокъ, перебирается до свѣжаго лѣсу, гдѣ повторяетъ всѣ свои ужасы, если не будетъ перехвачено во-время.

Всего чаще и легче переходитъ оно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ближе къ лункѣ и первоначально отжигаемымъ линіямъ, гдѣ искусственное пламя ползло смиренно и не поспѣвало сжигать стоячихъ деревьевъ, но сушило ихъ и ускоряло осыпаніе хвои, которая, въ свою очередь, служитъ проводникомъ для новаго пожара.

Вотъ почему, если возможно, надо проводить отжигаемыя линіи чрезъ мелколѣсіе, легко и быстро подрубаемое вслѣдъ за искусственнымъ огнемъ, въ который и должно бросать этотъ молодятникъ, чтобы по обсыпающейся съ него хвои вновь не пробрался затаенный огонь. Еще лучше, по прекращеніи пожара, уничтожать совершенно, на нѣсколько сажень отъ лунки и всей бывшей охранительной линіи, все сгораемое, подрубивъ и сжегши или, при нѣкоторой цѣнности дровъ, стащивъ въ костры весь уцѣлѣвшій лѣсъ и лежачія колоды, для употребленія по надобности.

Надо замѣтить, что верховый пожаръ случается только при значительномъ вѣтрѣ, гонящемъ пламя стремительно; обыкновенно же пожаръ идетъ низомъ и поднимается лишь по однимъ сухарамъ и то весьма мѣшкатно; бываютъ, однако же, случаи, когда пожаръ не только бѣжитъ по вершинамъ, но переносится бурею изъ мѣста въ мѣсто, на большія пространства, что называютъ огненными клубами или шарами. Клубы эти ничто иное, какъ свившіяся, скрученныя жаромъ, пылающія лапы хвойныхъ породъ, оторванныя бурею или паденіемъ деревъ. Эти свившіяся лапы, частію обращенныя уже въ раскаленный уголь, частію еще горящія, чрезвычайно легки и несутся по вѣтру на большія пространства, роняя на пути своемъ пламенные обломки, возбуждающіе безпрерывные, новые поджоги, которые разрастаются въ свою очередь и представляютъ впереди

главнаго пожара множество мелкихъ. Послѣдніе грозятъ охватить со всѣхъ сторонъ тушащихъ, положеніе которыхъ дѣлается чрезвычайно опаснымъ и заставляетъ отступить отъ всѣхъ попытокъ къ спасенію лѣса. Это было со мною въ описанномъ пожарѣ, переносившемся нѣсколько разъ чрезъ отжигаемыя линіи и понудившемъ отстаивать лишь деревни и имущества, окончательно спасенныя почти неожиданнымъ дождемъ, лившимъ всю ночь.

7. Луговой берегъ Оки въ покосъ.

Есть время въ году, когда луговой берегъ Оки кажется еще красивѣе, еще разнообрэзнѣе нагорнаго берега. Время это — Петровки. Не мѣшаетъ вамъ сказать мимоходомъ, что луга эти въ общей сложности могутъ составить добрый десятокъ маленькихъ германскихъ герцогствъ; они проходятъ непрерывною лентою черезъ нѣсколько губерній, — однимъ словомъ, длина ихъ равняется длинѣ Оки. Въ ширину простираются они среднимъ числомъ верстъ на восемь, и оканчиваются тамъ, гдѣ начинаются лѣса и села. Ближе не селятся къ рѣкѣ, за водопольемъ. Къ іюлю пространство это представляетъ сплошное море травъ, въ которыхъ крестьянскіе ребятишки могутъ свободно прятаться, какъ въ лѣсу. Миріады душистыхъ цвѣтовъ и растеній разливаютъ въ вечернемъ воздухѣ свое благоуханіе. Въ знойный полдень, пестрое цвѣтное море какъ славно зыблется и переливается изъ края въ край, хотя вѣтеръ не трогаетъ ни однимъ стебелькомъ. Сюда-то въ Петровки стекается народъ изъ окрестныхъ деревень и толпы косарей, которыхъ заблаговременно нанимаютъ къ этому жители Комарева, Горъ, Болотова, Озеръ и другихъ. Въ нашемъ простонародьѣ покосъ считается празднествомъ. Все является сюда въ полной воскресной пестротѣ своей. Еслибъ собрать весь кумачъ, всѣ платки, поневы, пестрыя рубашки и позументъ, которые пестрѣютъ здѣсь во время покоса, можно бы, кажется, покрыть ими про-

странство въ пятьдесятъ верстъ окружности. Народъ располагается кучками, артелями или даже цѣлыми вотчинами, каждая семья подлѣ своей подводы, подлѣ котелка. Три недѣли сряду проживаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ. Подымитесь на нагорный берегъ — подымитесь ночью и взгляните тогда на луга: костры замелькаютъ передъ вами, какъ звѣзды; имъ конца нѣтъ въ обѣ стороны, они пропадаютъ за горизонтомъ... Съ восходомъ солнца весь этотъ луговой берегъ представляетъ картину самаго полнаго, веселаго оживленія. Косари выстраиваются въ одну линію и дружно звеня косами, начинаютъ подвигаться къ рѣкѣ, укладывая направо и налѣво тучные ряды травы, перемѣшанной съ клеверомъ, душистою голкой, кашкой, медуникой и сотнями другихъ цвѣтовъ. Такъ подвигаются они однакожъ цѣлыя двѣ недѣли, между тѣмъ какъ бабы и дѣвки, слѣдуя за ними съ граблями, ворочаютъ сѣно, или навиваютъ его островерхими стогами. Вотъ тогда-то полюбуйтесь этими лугами, — полюбуйтесь въ праздникъ, когда по всему ихъ протяженію несется одинъ общій говоръ тысячи голосовъ и одна общая пѣсня: точно весь русскій людъ собрался снова на какое-то семейное празднество! Давно уже наступила ночь, давно зажглись костры. Уже заря брежжетъ на востокѣ, уже серебряный серпъ мѣсяца клонится къ горизонту и блѣднѣетъ, а пѣсня между тѣмъ все еще не умолкаетъ... и нѣтъ, кажется, конца этой пѣснѣ, какъ нѣтъ конца этимъ раздольнымъ лугамъ. Пѣсню эту затянули еще, быть можетъ, въ далекой губерніи, и вотъ понеслась она, — понеслась дружнымъ, неумолкаемымъ хоромъ и постепенно разливаясь мягкими волнами все дальше и дальше, до самой Нижегородской губерніи, а тамъ подхваченная волжскими косарями, пойдетъ до самой Астрахани, до самаго Каспійскаго моря!... И если пѣсня эта, если видъ этихъ луговъ не порадуютъ тогда вашего сердца, если душа ваша не дрогнетъ, но останется равнодушною, совѣтую вамъ пощупать вашу душу: не каменная ли она?

8. Русскіе, какъ колонизаторы.

На громадной равнинѣ сѣверо-восточной Европы сталкивались и перемѣшивались представители самыхъ различныхъ вѣтвей человѣческаго рода. Здѣсь не было физическихъ преградъ къ ихъ смѣшенію, не было условій для замкнутаго, изолированнаго существованія,—тѣхъ условій, которыми, напримѣръ, объясняется на Кавказѣ вѣковое сожительство на весьма тѣсномъ пространствѣ нѣсколькихъ различныхъ по происхожденію племенъ въ ихъ первобытной чистотѣ, со всѣми особенностями языка и быта. Равнинность способствовала здѣсь слитію, объединенію. Вопросъ былъ только въ томъ, подъ вліяніемъ какой народности совершится это объединеніе. Племя славянское встрѣчалось здѣсь и съ огромнымъ племенемъ финскимъ, почти сплошною массою занимавшимъ весь сѣверъ и сѣверо-востокъ этой равнины, и съ племенами монгольскаго и тюркскаго происхожденія. Ясныя историческія свидѣтельства говорятъ о временномъ пребываніи на равнинѣ Европейской Россіи племенъ кельтическихъ и германо-скандинавскихъ; но если бы и не было этихъ свидѣтельствъ, изслѣдованіе языка русскаго заявило бы неопровержимыя доказательства въ пользу тѣснаго когда-то сближенія съ ними, въ пользу обмѣна словъ и понятій. Можно прослѣдить исторически распространеніе славяно-русской народности на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, поглощеніе этой народностію другихъ народностей; а это распространеніе русскаго племени на счетъ другихъ народностей имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Въ немъ заключается не одно количественное увеличеніе русскаго племени, не одно приращеніе его матеріальной силы, а побѣда европейской цивилизаціи надъ Востокомъ. Каждое финское или монгольское племя, распустившееся, такъ сказать, въ русской народности, поглощенное ею, представляетъ пріобрѣтеніе для всей великой семьи народовъ европейскихъ, которымъ ввѣренъ Провидѣніемъ двойной свѣ-

точъ христіанства и образованія, и которымъ предназначено идти во главѣ развитія человѣчества. Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи, Русь была тѣмъ же передовымъ бойцомъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя первые удары страшнаго монгольскаго нашествія, грозившаго снести съ лица земли только что образовавшіяся и еще неокрѣпшія начала европейской гражданственности. Русское племя сдержало волны азіятскихъ кочевниковъ, заставило ихъ отхлынуть назадъ и пошло вслѣдъ за отливомъ, намѣчая крестомъ, мечемъ и плугомъ границы Европы отъ Азіи, и распространяя предѣлы европейской территоріи на счетъ Востока. Важное значеніе вооруженной борьбы Руси съ Азіей оцѣнено и признано всѣми; но великіе результаты мирнаго завоеванія менѣе ясны, хотя ихъ слѣдствіе несравненно многозначительнѣе. Русское племя не отличалось исключительностью и нетерпимостью. Его распространеніе не уничтожало тѣхъ племенъ, которыя встрѣчались ему на пути. Племена финскія, на счетъ которыхъ особенно распространялась русская народность, не исчезали съ лица земли, не вымирали, приходя съ нею въ соприкосновеніе, какъ гибнутъ племена Сѣверной Америки при столкновеніи съ англо-саксонскою расою, какъ вымираютъ туземцы Океаніи вслѣдствіе поселеній между ними европейцевъ. Чужеродцы не обращались въ рабовъ, не причислялись къ существамъ низшей породы, не истреблялись огнемъ и мечемъ: на памяти исторіи нѣтъ истребительныхъ стремленій русскаго племени. Процессъ слиянія совершался путемъ мирнымъ, естественнымъ. На чисто славянской основѣ ложатся обрусѣвшія племена финскаго и азіятскаго происхожденія, принявшія съ христіанствомъ и русскій языкъ, и русскіе нравы. Тамъ, гдѣ русская народность соприкасалась съ народностью, уже рѣзко обозначенною, крѣпкою народностью, съ племенемъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ сознававшимъ основу своей особенности,

она и тамъ не пыталась насильственно сломать это упорное сопротивленіе. Лучшимъ доказательствомъ служатъ татарскія поселенія въ губерніяхъ Рязанской, Костромской, Виленской, Гродненской, Минской и т. д., сохранившія до сихъ поръ и свою вѣру, и свои обычаи, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ облегаютъ ихъ сплошныя массы русскаго населенія. Чѣмъ дальше идемъ мы мыслію въ древнюю исторію русскаго племени, тѣмъ менѣе встрѣчаемъ слѣдовъ замкнутости, непріязненнаго воззрѣнія на племена чуждыя. Исключительность, недовѣрчивость къ иноземцамъ, сознаніе своей рѣзкой противоположности выработались уже путемъ историческимъ, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ. Притомъ же это недовѣрчивое воззрѣніе на чужеземцевъ и теперь обращено болѣе къ западу, нежели къ востоку, болѣе вслѣдствіе религіозной, чѣмъ племенной нетерпимости. И теперь нѣмецъ, принявшій православіе, становится въ глазахъ народа русскимъ. Припоминая русскія фамиліи, принадлежащія или желающія принадлежать къ аристократіи, легко убѣдиться, что нѣмцамъ, татарамъ и грузинамъ одолжены мы большею частію знатнѣйшаго русскаго дворянства. Этою легкостью воспрининанія въ себя чуждыхъ элементовъ, способностью вбирать ихъ въ себя, переработывая все это въ свою собственную народность, какъ нельзя лучше объясняется быстрое размноженіе русскаго племени, легкое его распространеніе по необъятному пространству отъ Балтійскаго моря до Восточнаго Океана; объясняется также и то, что русское племя не есть чистое племя, а слѣдствіе соединенія различныхъ народностей, подъ условіемъ преобладанія народности славянской; что въ племени русскомъ преобладающая стихія есть стихія славянская, въ томъ также нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Съ самаго начала русской исторіи, среди постоянной борьбы съ Востокомъ, наши предки неизмѣнно сохраняли всѣ основные признаки европейскаго происхожденія, не утративъ ни одной его существенной черты. Въ этой-то крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіятскаго происхожденія, и состоитъ величайшая за-

слуга русскаго народа; поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнной побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской.

Другой вопросъ: видоизмѣнился ли первоначальный славянскій типъ русскаго народа отъ воспринятія имъ чуждыхъ элементовъ, или остался во всей чистотѣ? Налагая свою славяно-европейскую народность на племена чуждыя, претворяя ихъ въ себя, не подверглось ли русское племя нѣкоторому воздѣйствію со стороны подчинившихся ему низшихъ народностей? Русскій народный типъ есть ли повтореніе общеславянскаго типа, или это есть нѣчто новое, какъ напримѣръ, типъ француза или англичанина, въ которыхъ легко отличить преобладаніе одной изъ первичныхъ основныхъ образовательныхъ стихій, но легко также замѣтить и вліяніе остальныхъ элементовъ, а также слѣдуетъ признать и много такого, чего не отыщемъ ни въ одномъ образовательномъ элементѣ, и что было слѣдствіемъ ихъ соединенія? Едва ли можетъ быть впрочемъ сомнѣніе въ послѣднемъ. Приведемъ нѣкоторыя соображенія. Населенія губерній Московской, Владимірской, Ярославской, Костромской считаются безспорно лучшими представителями чисто-великорусскаго типа. Въ губерніи Владимірской инородцы составляютъ $^1/_{5419}$ часть всего населенія; въ Московской, менѣе $^1/_{146}$, но и то незначительное количество чуждой примѣси состоитъ изъ пришельцевъ, цыганъ и нѣмцевъ, которыхъ можно встрѣтить по всему пространству обширной Россіи; туземцовъ же не сохранилось ни малѣйшаго слѣда. Въ Ярославской губерніи инородцы составляютъ менѣе $^1/_{538}$; въ Костромской, менѣе $^1/_{268}$ всего населенія; исключивъ изъ счета въ обѣихъ губерніяхъ тѣхъ же нѣмцевъ и цыганъ, а въ Костромской сверхъ того и татаръ, какъ поселенцевъ позднѣйшихъ, мы найдемъ въ восточной части Костромской губерніи на границахъ съ Вятскою небольшое число черемисъ, еще уберегшихся, благодаря своему положенію, отъ русскаго вліянія, а въ западной части Ярославской — еще

незначительнѣйшій остатокъ кореловъ, въ половину уже обрусѣвшихъ; все же остальное пространство 4-хъ губерній занято русскимъ населеніемъ и притомъ такимъ, въ которомъ по преимуществу полагаютъ чистѣйшій типъ великорусскаго племени. Между тѣмъ на этой мѣстности, по единогласному свидѣтельству древнѣйшихъ русскихъ же источниковъ, сидѣли нѣкогда племена финскія, оставившія слѣды своего пребыванія въ мѣстныхъ названіяхъ урочищъ, рѣкъ и селеній. Въ русскихъ лѣтописяхъ, въ народныхъ преданіяхъ нѣтъ и слѣдовъ воспоминаній о нѣкогда бывшей борьбѣ финскихъ туземцевъ съ славянскими насельниками, а еще менѣе о вытѣсненіи туземцевъ далѣе къ сѣверу и востоку или объ ихъ истребленіи. Притомъ, вытѣсненіе могло совершиться только въ такомъ случаѣ, если бы славянскіе насельники двинулись большою, сплошною массою въ это пространство, гоня передъ собою туземныхъ обитателей края. Такое движеніе не могло пройдти незамѣченнымъ, остаться безъ рѣзкаго слѣда въ народной памяти или въ лѣтописяхъ. Движенія сплошною массою мы не находимъ и въ позднѣйшей колонизаціи русскаго племени, совершившейся на свѣжей памяти исторіи. Итакъ, туземное населеніе этихъ 4-хъ губерній не могло быть вытѣснено, еще менѣе истреблено. Чѣмъ жъ объяснить его исчезновеніе? Очевидно, ничѣмъ другимъ, какъ обрусеніемъ туземцевъ, слитіемъ ихъ съ славянскими поселенцами въ одинъ народъ, а въ этомъ случаѣ нельзя не предполагать ихъ участія въ образованіи народнаго типа, существующаго теперь въ этихъ губерніяхъ.

Ни одно племя, какъ бы оно ни стояло низко относительно образованія, не можетъ вполнѣ отречься отъ своихъ естественныхъ, природныхъ свойствъ; сливаясь съ другою народностію, принимая на себя ея характеристическія особенности, оно должно въ свою очередь передать ей нѣкоторыя черты своего типа. Болѣе внимательное этнографическое изученіе населенія вышеприведенныхъ 4-хъ губерній должно открыть ясные слѣды воздѣйствія финскаго элемента, его участіе въ образованіи народнаго типа. Что славянская народность, поглощая въ себѣ дру-

гія народности, способна въ свою очередь принимать на себя довольно сильное ихъ вліяніе, — то доказываетъ наблюденіе надъ населеніемъ Архангельской губерніи. За исключеніемъ крайняго сѣвера, занятаго съ одной стороны лопарями, съ другой—самоѣдами, да западной стороны, гдѣ живутъ корелы, уже частію подвергшіеся вліянію русской народности, все пространство Архангельской губерніи занято чисто-русскимъ населеніемъ. Извѣстный финнологъ Кастренъ въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ 1838—44 годовъ, изданныхъ по смерти его г. Шифнеромъ, представляетъ намъ различныя степени обрусенія лопарей и финновъ. «Въ кругу русскихъ, — говоритъ онъ о лопаряхъ, живущихъ около большой Мурманской дороги:—тотчасъ узнаешь молчаливаго, угрюмаго лопаря; но въ отношеніи къ другимъ лопарямъ, онъ уже почти русскій и владѣетъ русскимъ языкомъ, какъ своимъ языкомъ роднымъ; за отсутствіемъ своихъ пѣсенъ, онъ поетъ русскія; русскія игры, обычаи и нравы, нарядъ,уже приняты ими. Русское вліяніе оказалось въ хлопотливости, веселости, торговомъ духѣ этихъ лопарей, качествахъ несвойственныхъ тѣмъ изъ ихъ родичей, которые удалены отъ частыхъ сношеній съ русскими». Тотъ же Кастренъ опровергалъ мнѣніе о насильственномъ оттѣсненіи финскихъ поселенцевъ съ береговъ Бѣлаго моря русскими пришельцами. Въ числѣ прочихъ доказательствъ, онъ приводитъ слѣдующее: «Что русскіе поселились мирно, приняли въ себя народность финскую, а не искореняли ея, то доказывается и нечистотою русскаго языка архангелогородцевъ, наполненнаго финницизмами, и финскимъ обликомъ, безпрерывно попадающимся подъ русскою шляпою». Любопытный примѣръ этой смѣси русскихъ съ туземцами представляютъ ижемскіе поселенцы, на притѣсненія которыхъ такъ горько жалуются большеземельскіе самоѣды. Къ смѣси зырянъ и русскихъ, изъ которой образовались ижемцы, присоединились еще потомки нѣсколькихъ самоѣдскихъ семействъ, давно уже промѣнявшихъ кочевую жизнь на осѣдлую и породнившихся съ зырянами и русскими. Въ самомъ обликѣ отразилось вліяніе туземной примѣси, значительная степень укло-

ненія отъ великорусскаго племени. Еще съ большею ясностію видно вліяніе смѣшенія на юго-востокѣ. Кто не знаетъ, изъ какихъ разнородныхъ этнографическихъ элементовъ образовалось казачество на низовьяхъ Днѣпра, по Дону и по Уралу? Самое имя Торковъ, Берендеевъ, Ковуевъ и другихъ племенъ тюркскаго происхожденія, жившихъ въ Кіевской губерніи, исчезли изъ памяти народной, хотя въ лѣтописи нѣтъ слѣдовъ ихъ ухода или истребленія, и многія лица малороссійскаго казачества сильно напоминаютъ собою азіятскій обликъ этихъ исчезнувшихъ народцевъ. Довольно рѣзкое отличіе велико-русскаго племени отъ малорусскаго, можетъ быть, объясняется развитіемъ посторонних примѣсей на общей обоимъ славянской основѣ. Не даромъ же сѣверо-восточная часть славянъ русскихъ рано уже начинаетъ отличаться по характеру отъ юго-западной. Не даромъ въ лѣтописяхъ давно уже замѣчены особенности въ характерѣ жителей разныхъ областей, — особенности, отличающія, напримѣръ, рязанца отъ жителя области Суздальской, отъ москвича, а еще болѣе отъ смолянина или кіевлянина. Итакъ воздѣйствіе племенъ чуждыхъ на образованіе народнаго русскаго типа несомнѣнно.

9. Пища, одежда и жилище рязанскихъ крестьянъ.

Обыкновенно пища рязанскихъ крестьянъ весьма проста и однообразна: ржаной хлѣбъ, щи и каша составляютъ вседневный обѣденный и ужинный ихъ столъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдній часто не бываетъ. Ржаной хлѣбъ отличается хорошимъ качествомъ; иногда только отъ небрежнаго квашенья и печенья дѣлается неудобоваримъ; въ праздникъ пекутъ изъ ржаной муки съ примѣсью пшеничной, такъ называемые, пироги и лепешки. Щи, какъ въ постные, такъ и въ скоромные дни варятъ изъ квашеной капусты безъ всего, съ тѣмъ различіемъ, что въ скоромные прибавляютъ въ нихъ иногда сала или сметаны, или просто молока; о заправѣ щей мукою,

маслами и крупами немногіе имѣютъ понятіе и потому они выходятъ жидки и невкусны, вполнѣ суровыя. Каша бываетъ гречневая и пшенная, молочная и съ постнымъ масломъ или толчонымъ конопляным сѣменемъ во время постовъ; употребленіе каши уже служитъ признакомъ нѣкотораго довольства; что же касается мясной пищи, то это большая рѣдкость крестьянскаго стола и допускается только въ важные праздники. Рыбы, въ мѣстахъ удаленныхъ отъ рѣкъ, употребляютъ еще менѣе; въ общемъ употребленіи она только въ послѣдніе дни масляницы, въ зимній Николинъ день и въ праздникъ Благовѣщенія. Рыба употребляется соленая: бѣлужина и севрюжина, и свѣжая: плотица, окунь, ершъ, пискарь, язь, косарь, иногда щука и лещъ, вообще породы мелкихъ рыбъ, которыми изобилуютъ озера и рѣки губерніи. Овощи въ маломъ употребленіи по причинѣ отсутствія у крестьянъ хорошихъ огородовъ; картофель, который могъ бы служить весьма питательною и вкусною принадлежностью крестьянскаго стола, еще не въ общемъ употребленіи; его не вездѣ разводятъ и притомъ въ количествѣ недостаточномъ; еще менѣе можно встрѣтить горохъ, свеклу и огурцы; только капуста въ большомъ ходу, а также лукъ и рѣдька въ постные дни. Другихъ овощей крестьяне почти не знаютъ; фрукты идутъ въ продажу; а въ сѣверныхъ уѣздахъ объ нихъ не имѣютъ и понятія. Грибы въ большомъ употребленіи; безъ нихъ трудно обойтись крестьянину въ постные дни; но ягоды собираются только для продажи; развѣ дѣти воспользуются иногда случаемъ полакомиться ими, и притомъ, не разбирая, зрѣлы ли онѣ или незрѣлы, отъ чего всегда въ то время, когда поспѣваютъ ягоды и фрукты, существуютъ болѣзни желудка и поносы. Молочная пища употребляется мало; молоко и сметана служатъ болѣе для приправы щей и каши; кислое молоко ѣдятъ иногда, но болѣе дѣлаютъ изъ него творогъ, который такъ же, какъ и яичница, подается къ столу болѣе по праздникамъ. Съ другимъ приготовленіемъ пищи крестьяне незнакомы; развѣ блины дѣлаютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ихъ ѣдятъ обыкновенно на масляницѣ, иногда же и въ другіе дни. Въ большіе праздники и въ

особенности на масляной, количество съѣдаемой пищи, можно сказать, удвоивается, вслѣдствіе чего являются и вредныя послѣдствія невоздержанія; но есть времена въ году, когда, напротивъ, крестьянинъ, даже исправный въ хозяйствѣ, голодаетъ, и самое голодное для народа время, безспорно, Петровъ постъ: въ это время овощи еще не созрѣли, а заготовленная въ прокъ капуста бываетъ на исходѣ, такъ что обыкновеннымъ кушаньемъ въ этотъ постъ бываетъ квасъ съ зеленымъ лукомъ и огурцы, если они поспѣли. Къ довершенію всего, часто у крестьянъ къ этому времени недостаетъ даже хлѣба, и они прибѣгаютъ къ займамъ, или для насущнаго пропитанія молотятъ рожь, еще незрѣлую.

Зимняя крестьянская одежда состоитъ изъ армяка, сшитаго изъ толстаго домашняго сукна, сѣраго, бураго и чернаго цвѣтовъ; овчинной шубы, длинной (нагольной); теплой шапки и кожаныхъ рукавицъ съ шерстяными варишками. Рѣдко, развѣ въ сильный морозъ, крестьяне обвязываютъ себѣ шею небольшимъ пестрымъ бумажнымъ, небрежно свернутымъ, платкомъ; большею же частью она остается вовсе незащищенною отъ вѣтровъ и непогоды; этимъ пріобрѣтаютъ они съ малолѣтства полезную привычку, дѣлающею ихъ нечувствительною къ простудамъ и страданьямъ горла. Сверхъ нагольной шубы многіе изъ нихъ надѣваютъ еще другую, также овчинную, особенно, когда находятся въ извозахъ.

Лѣтняя одежда состоитъ изъ поniтковаго (Сткань изъ шерсти и льняной или посконной пряжи пополамъ) армяка, полукафтана и высокой поярковой шляпы, имѣющей коническую фигуру съ короткими полями. Исподнее платье такое же, какъ и вездѣ. Въ теплые или жаркіе лѣтніе дни армякъ вовсе не надѣваютъ, особенно во время полевыхъ работъ, и остаются въ однихъ русскихъ рубахахъ и портахъ.

Для обуви служатъ онучи, смотря по времени, шерстяныя или холстинныя, и лапти. Зажиточные крестьяне, особенно въ промышленныхъ уѣздахъ, носятъ сапоги съ высокими голенищами и подъ ними, зимою, длинные шерстяные чулки. Многіе,

особенно занимающіеся извозомъ, въ зимнее время носятъ шерстяныя валенки, высокія или низкія, на подобіе калошъ, смотря по средствамъ. Подобная одежда совершенно соотвѣтствуетъ требованіямъ климата, хотя, для свободнаго движенія членовъ, могла бы имѣть лучшій покрой; но если есть въ крестьянской одеждѣ неудобства, то относительно обуви: лыковыя лапти и онучи теплы, но не предохраняютъ ногъ отъ сырости и особенно вредны при зимнихъ оттепеляхъ. Длинные кожаные сапоги довольно рѣдки, можетъ быть, по дороговизнѣ ихъ, а частью потому, что, по словамъ крестьянъ, «на ноги тяжелы»; поэтому крестьяне лучше выносятъ мокроту ногъ, которой слѣдствія не такъ очевидны, нежели неудобства тяжелыхъ, но сохраняющихъ здоровье сапоговъ. Крестьянки особой теплой одежды не имѣютъ; она и для зимы, и для лѣта состоитъ изъ синей понитковой юбки (поневы) и верхней, довольно широкой, но не длинной одежды съ широкими, короткими рукавами, которую называютъ шушунъ. Покрой этой одежды вездѣ почти одинаковъ, различается только она въ разныхъ мѣстахъ названіемъ; въ однихъ мѣстахъ называется шушпанъ, въ другихъ сермяга, въ третьихъ ермакомъ (с. Пластиково) и надѣвается бóльшею частью при выходѣ со двора. Высокій, закрывающій грудь, ситцевый передникъ надѣвается для щегольства. Головной уборъ замужнихъ женщинъ, въ особенности въ степной сторонѣ, составляетъ, такъ называемая, кичка; это головное украшеніе рязанскихъ бабъ, безобразный и уродливый слѣдъ владычества татарскаго, оставшійся до нашихъ временъ, представляетъ необыкновенное разнообразіе въ своихъ формахъ; говорятъ, что каждый приходъ отличается одинъ отъ другаго кичками: въ деревняхъ Михайловскаго и Пронскаго уѣздовъ, лежащихъ на правой сторонѣ Прони, въ модѣ кички низкія (камолыя), на лѣвой сторонѣ Прони—рогатыя, въ Спасскомъ уѣздѣ—остроконечныя, близъ Рязани—широкія, въ Вышгородѣ (Рязанскаго уѣзда)—троерогія; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются кички досчатыя, на подобіе старинныхъ кокошниковъ, круглыя, четвероугольныя, прямыя и такія же съ выемками; въ Раненбургскомъ

уѣздѣ перевязываютъ кички большимъ полотенцемъ и заботятся, чтобы концы его какъ можно длиннѣе висѣли и пр. Кичка не прикрываетъ, а только тяготитъ и сжимаетъ голову; она начинаетъ уже выводиться даже въ степной сторонѣ; въ прочихъ же мѣстахъ видимо выходитъ изъ моды и замѣняется повязк изъ платковъ. Обувь, какъ у мужчинъ, состоитъ изъ лаптей и онучъ; зимой надѣваютъ войлочные, изъ шерсти, довольно прочно сваляниые, сапоги безъ кожанныхъ подошвъ; они очень теплы, но при первой оттепели войлокъ промокаетъ, и тогда трудно бываетъ высушить его. При дальнихъ зимнихъ отлучкахъ женщины сверхъ надѣваютъ шубу обычной одежды. Вообще женская одежда весьма недостаточна и, не смотря на привычку, слабый отъ природы женскій организмъ не можетъ не терпѣть отъ этого. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще, что крестьянки, особенно въ уѣздахъ, гдѣ развита отхожая промышленность, бываютъ обременены отправленіемъ тяжелыхъ работъ, не только домашнихъ, но полевыхъ и даже полицейскихъ; въ Спасскомъ, Касимовскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ очень часто встрѣчаются такія селенія, въ которыхъ, если остаются мужчины, то старики и дѣти; прочіе всѣ на долгое время уходятъ изъ своихъ деревень на заработки; въ этихъ селеніяхъ все хозяйство и все управленіе лежитъ на женщинахъ, которыхъ можно встрѣтить въ должности десятскаго, сотскаго и пр.; онѣ же, въ качествѣ проводниковъ, исполняютъ подводную повинность и т. п. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ, особенно въ прибрежныхъ селеніяхъ Оки, гдѣ крестьяне имѣютъ средства, при общемъ улучшеніи быта, улучшается и одежда женщинъ и облегчены ихъ труды. Вообще въ земледѣльческихъ уѣздахъ, гдѣ держатъ больше овецъ, одежда крестьянская теплѣе.

Одежда дѣтей, особенно малолѣтнихъ, еще недостаточнѣе женской. Ребенка, кромѣ грубой рубашки, окутываютъ въ пелену изъ какой-нибудь старой одежды; когда же онъ начинаетъ ходить, то одѣваютъ такъ же, какъ и взрослаго, и то не всегда, часто даже въ зимнее время онъ довольствуется одною рубашкою, и потому, чтобы укрыться отъ холоду, дѣти почти все

холодное время проводятъ на печкѣ; много дѣтей бываетъ жертвою подобнаго воспитанія.

Не смотря на отсутствіе роскоши въ домашнемъ быту, у нѣкоторыхъ промышленныхъ крестьянъ и особенно подгородныхъ, замѣтна любовь къ чистотѣ и порядку, чему послѣдніе, безъ сомнѣнія, учатся отъ своихъ сосѣдей горожанъ. Наклонность къ щегольству въ платьѣ очень свойственна рязанцамъ и годъ отъ году увеличивается. Въ Зарайскомъ, Михайловскомъ, Рязанскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ, гдѣ промыслы болѣе искуственные и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыльные, всякій сколько-нибудь исправный парень тянется изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть себѣ порядочное праздничное платье; иной, находясь на заработкахъ въ Москвѣ, Петербургѣ или даже Ригѣ и Таганрогѣ, старается пріобрѣсти себѣ въ этихъ мѣстахъ сколь можно выгоднѣе суконный казакинъ, зипунъ, плисовые штаны, красную рубаху, высокіе сапоги и пр. и тащитъ все это за 1,000 верстъ въ свою деревню, для того чтобы обновить въ праздникъ Благовѣщенія, день, къ которому обыкновенно возвращаются въ свою семью крестьяне, соединяющіе промышленную дѣятельность съ земледѣльческою. Женское населеніе, относительно щегольства, не отстаетъ отъ мужчинъ; во многихъ селеніяхъ крестьянки одѣваются опрятно и со вкусомъ, особенно въ прибрежныхъ Окѣ селахъ, гдѣ, кромѣ того, женскій полъ отличается и красивостью. Въ деревняхъ, между Пронскомъ и Михайловымъ въ большомъ ходу желтый цвѣтъ. Поневы и шушпаны холстинныя и суконныя бо́льшею частью свѣтло-желтаго цвѣта и очень нарядны, въ особенности при бѣлыхъ рукавахъ и голубыхъ или другаго цвѣта передникахъ.

Въ воскресные дни, особенно въ дни большихъ праздниковъ, въ семикъ и на масляницу, всѣ гуляютъ разряженные въ лучшіе наряды; широкіе сплошные галуны блестятъ на кичкахъ и во всей одеждѣ сельскихъ щеголихъ промышленныхъ уѣздовъ; вмѣсто серегъ къ ушамъ прицѣпляютъ бѣлые пушки изъ заячьихъ хвостовъ; красный и бѣлый цвѣтъ преимущественно принятъ въ нарядахъ; шубы, хотя бы овчинныя, покрываются чер-

нымъ плисомъ. Въ большихъ и промышленныхъ селахъ, лежащихъ на Окѣ, въ особенности замѣчается опрятность и щегольство въ одеждѣ: въ Дѣдновѣ, Любичѣ, Бѣлоомутѣ, Ижевскомъ и др. женщины носятъ сарафаны и шубейки, а если хозяинъ одѣвается въ сюртукъ, то и всѣ члены его семьи носятъ также городское платье. Покрой одежды мужчинъ въ этихъ мѣстахъ тотъ же, что въ городахъ у мѣщанъ, т. е. русскій съ примѣсью нѣмецкаго; при кафтанѣ и бородѣ носятъ картузъ; при плисовыхъ шароварахъ, заправленныхъ въ русскіе сапоги, пестрый жилетъ; нѣкоторые носятъ и долгополые сюртуки, но по большей части сибирки. Гораздо менѣе щегольства и вкуса въ одеждѣ въ селеніяхъ степной стороны; тамъ замѣтно преобладаетъ бѣлый цвѣтъ, всюду высокія, безобразныя кички, перевязанныя полотенцами, и вообще болѣе въ ходу простые наряды деревенскаго издѣлія.

Жилище поселянина, состоящее изъ разныхъ построекъ, представляетъ всегда фигуру четвероугольника, болѣе или менѣе продолговатую. Главное строеніе есть изба, стоящая обыкновенно лицомъ на улицу; въ одну линію съ нею ворота, потомъ амбаръ или плетень; по бокамъ и съ заду бани, погреба, конюшни, хлѣвы, загороды для скота и разныя другія пристройки. Амбары не всегда находятся въ чертѣ прочихъ строеній; есть много деревень, особенно въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ амбары стоятъ отдѣльно чрезъ улицу и за дворомъ.

Жилыя строенія состоятъ обыкновенно изъ двухъ избъ или срубовъ, стоящихъ бо̀льшею частью безъ фундамента и соединенныхъ между собою холодными сѣнями. Одна изба (теплая) назначается для жилья, а другая есть клѣть, въ которой хранится посуда, провизія, одежда и прочее имущество, а лѣтомъ въ ней живутъ. Впрочемъ, это главное строеніе крестьянина весьма разнообразно въ своихъ формахъ; иногда, вмѣсто клѣти, ставится другая изба съ печкой; гораздо же чаще встрѣчаются крестьянскіе дома, состоящіе изъ одной лишь избы и холодныхъ сѣней, гдѣ устроенъ небольшой чуланъ вмѣсто клѣти. На сѣверѣ губерніи избы строятся выше и раздѣляются дурно ско-

лоченнымъ поломъ горизонтально на двѣ половины, изъ коихъ въ верхней живутъ, а нижняя замѣняетъ клѣть и называется подполица. Въ Данковскомъ, Скопинскомъ, Пронскомъ и другихъ западныхъ уѣздахъ клѣть называется горницей, а иногда горенкой.

Размѣры избы соразмѣряются съ величиной семейства. Обыкновенно изба составляется изъ 15, 20 и болѣе вѣнцовъ; такимъ образомъ, средняя высота ея выходитъ отъ 4 до 6 аршинъ. Вообще, можно сказать, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ избы выше; но ширина и длина ихъ вездѣ одинаковы и заключаются отъ 6 до 9 аршинъ. Если взять избу средней величины, то она вмѣщаетъ въ себѣ пространство въ 144 кубическихъ аршина; въ каждой избѣ, въ сложности, живутъ по 8 человѣкъ; слѣдовательно, каждый пользуется пространствомъ, имѣющимъ въ длину и ширину 3, а въ вышину 2 аршина; если же принять въ соображеніе всѣ принадлежности избы и домашнюю скотину, которая въ теченіе зимы постоянно въ ней толкается, то можно составить себѣ понятіе о тѣснотѣ крестьянскихъ жилищъ. Главная принадлежность избы есть русская печь, сбитая большею частью изъ глины и въ деревянной оправѣ или сложенная изъ кирпичей; она лежитъ на деревянномъ опечкѣ, устроенномъ въ углу, подлѣ двери и занимаетъ, обыкновенно, шестую часть избы. Русская печь не вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію; если она съ трубой, то приспособлена болѣе для печенія хлѣба и приготовленія пищи, чѣмъ къ нагрѣванію избы *). Крестьяне это ясно видятъ, и вотъ причина, почему они избѣгаютъ печей съ трубами, желая нѣкоторымъ образомъ устранить ихъ недостатки другимъ неудобствомъ, болѣе удовлетворяющимъ назначенію печи въ зимнее время, т. е. нагрѣванію избы. Извѣстно, чѣмъ болѣе горячій дымъ, посредствомъ по-

*) Въ казенныхъ селеніяхъ приготовленіе пищи въ лѣтнее время производится въ небольшихъ сарайчикахъ, построенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ строеній; подобныхъ кухонь приходится по одной на три двора.

воротовъ въ трубѣ, задерживается въ печи, тѣмъ болѣе спадаетъ теплоты и на этомъ основывается превосходство курныхъ избъ предъ бѣлыми; кромѣ того, курныя избы удобнѣе потому, что сухи; напротивъ, избы съ печными трубами въ зимнее время всегда сыры, потому что печь не въ состояніи нагрѣвать надлежащимъ образомъ стѣны, и онѣ мокнутъ, осаживая влажность въ воздухѣ. Крестьяне жалуются также, что избы съ трубами угарны; если угаромъ назвать всякое испареніе или отдѣленіе газа, дѣйствующее вредно на организмъ, то весьма естественно, что въ избахъ, гдѣ живетъ домашняя скотина и находится въ броженіи приготовляемая пища и питье, гдѣ нечистота отъ людей, скота и домашнихъ птицъ, всеобщая неопрятность, вездѣ развѣшено для сушки бѣлье, платье и пр., а кругомъ заплѣсневшія гнилыя стѣны; то въ этихъ избахъ долженъ быть угаръ, и въ этомъ случаѣ дымъ, какъ средство противъ гнилости, уничтожаетъ его и очищаетъ избу, унося съ собой вредныя испаренія, ибо при топкѣ печи, обыкновенно отворяются двери.

Все это служитъ причиною, что крестьяне до сихъ поръ не оставляютъ курныхъ избъ; даже топятъ по черному тамъ, гдѣ устроены печныя трубы. Только стараніе о соблюденіи чистоты, отсутствіе скота и печь, хорошо сложенная изъ кирпича и большаго размѣра, позволяютъ хозяину вполнѣ воспользоваться тѣми выгодами, которыя доставляетъ бѣлая изба съ трубой.

Исчисляя выгоды курныхъ избъ, нельзя однакожь не признать ихъ весьма неудобными; онѣ дѣйствуютъ губительно на здоровье своею атмосферой, наполненною дымомъ и чадомъ, неровною температурою и сквознымъ вѣтромъ во время топки. По закрытіи дымоваго окна, изба бываетъ тепла; но за то утромъ температура почти равняется уличной; это заставляетъ крестьянское семейство одѣваться въ теплую одежду, отчего происходятъ и лишніе расходы.

Окна въ избѣ всегда дѣлаются на улицу; кромѣ того, часто бываютъ и на дворъ; ихъ числомъ отъ двухъ до пяти, часто маленькихъ, грязныхъ, съ закоптѣлыми, разбитыми стеклами,

едва пропускающими свѣтъ. Вмѣсто оконъ иногда дѣлаютъ отверстіе, величиною въ квадратный футъ (окно волоковое), и все это для того, чтобы какъ можно болѣе закупорить избы; тѣмъ болѣе, что двойныхъ рамъ почти не дѣлаютъ. Въ противоположной отъ оконъ стѣнѣ дверь въ холодныя сѣни. Зимой, когда дверь отворяется, внѣшній воздухъ проникаетъ въ избу и мгновенно охлаждаетъ нижнюю ея часть, которая, по своему устройству, и безъ того всегда холоднѣе; отъ всего этого у живущихъ въ избѣ нижняя часть тѣла находится въ температурѣ, часто близкой къ точкѣ замерзанія, тогда какъ голова, особенно когда изба только что истоплена, подвержена жару въ 20 и болѣе градусовъ.

Главными принадлежностями избы должны еще считаться лавки вокругъ стѣнъ и надъ ними полки; въ переднемъ углу образница, сбитая изъ досокъ, столъ съ ящикомъ, гдѣ хранится столовая посуда и пр. Во всѣхъ почти избахъ устроены полати, а въ нѣкоторыхъ можно встрѣтить и кровать для хозяевъ; но любимымъ мѣстопребываніемъ крестьянскаго семейства, особенно въ холодное время, служитъ печка. Крыши избъ вездѣ крыты соломой, съ тою только разницею, что въ нѣкоторыхъ благоустроенныхъ селеніяхъ, особенно въ Рязанской сторонѣ, ихъ кладутъ нѣсколько акуратнѣе, отчего они имѣютъ видъ болѣе благообразный; деревянныя крыши встрѣчаются болѣе въ селахъ, лежащихъ на берегу Оки и на большихъ дорогахъ, гдѣ постоялые дворы и зажиточное населеніе и гдѣ притомъ нѣтъ недостатка въ лѣсномъ матеріалѣ; болѣе всего встрѣчаются подобныя крыши въ Егорьевскомъ уѣздѣ. Для поддержанія теплоты въ избахъ зимою, ихъ обкладываютъ съ верху до низу соломой. Въ зимнее время въ избу пускается скотъ, въ особенности молодой; птица же имѣетъ всегда безпрепятственный входъ въ нихъ. Такимъ образомъ, описанная нами изба служитъ для крестьянина кухней, рабочей, столовой, спальней и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣвомъ; и въ этой-то тѣснотѣ и неопрятности, въ испорченномъ, душномъ воздухѣ и безпрестанно измѣняющейся температурѣ, въ теченіи продолжительной зимы и вообще холоднаго

времени, находитъ себѣ пріютъ и отдохновенье сельское населеніе. Если собственное жилище крестьянина въ столь дурномъ состояніи, то чего можно ожидать отъ его надворныхъ построекъ; и дѣйствительно, онѣ всегда гармонируютъ главному строенію двора. Крестьянскіе дворы вообще очень тѣсны; въ большей части селеній они занимаютъ мѣсто не болѣе 100 квадратныхъ сажень и на этомъ небольшомъ пространствѣ находятся всѣ строенія. Такой со всѣхъ сторонъ застроенный дворъ служитъ мѣстомъ накопленія навоза и очищается отъ него только однажды въ годъ, именно, когда наступитъ время для удобренія полей; отъ этого дворы крестьянскіе грязны до невѣроятія. Въ особенности дурны помѣщенія для домашней скотины; конюшни или сараи для лошадей, хлѣва для коровъ, катухи для овецъ, свиней и пр., очень часто раскрыты, съ дырявыми стѣнами, въ видѣ навѣсовъ, забранныхъ съ одной только стороны плетнемъ; зимой подобный хлѣвъ не защищаетъ скотину отъ холода, весной же въ немъ вѣчно стоятъ лужи навозной жидкости и дождевой воды. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одной изъ необходимѣйшихъ принадлежностей крестьянскаго быта, именно о баняхъ; онѣ находятся во многихъ селеніяхъ, какъ частная собственность, и потому устройство ихъ всегда и тѣсно, и неудобно; иныя представляютъ скорѣе какое-то закоптѣлое логовище, чѣмъ мѣсто для очищенія тѣла. Крестьяне, у которыхъ нѣтъ бань, парятся въ печахъ; это предохраняетъ ихъ отъ простудъ, но зимою составляютъ важную причину сырости строеній, слѣдовательно, производитъ еще большее зло. Бани такъ необходимы и привычны крестьянамъ, что на лучшее и болѣе соотвѣтствующее ихъ устройство слѣдовало бы обратить вниманіе, особенно у крестьянъ казенныхъ, гдѣ при каждомъ селеніи могли бы быть устроены бани, въ видѣ общественныхъ.

Какъ ни безотрадна представленная нами картина крестьянскаго жилища, но она вѣрна, хотя и не безъ исключеній; къ сожалѣнію, счастливыя исключенія еще довольно рѣдки; есть села, преимущественно въ Зарайскомъ и Егорьевскомъ уѣздахъ, гдѣ, при общемъ улучшеніи быта крестьянъ, сельскія строенія при-

няли довольно стройный видъ. Промышленные жители этихъ селъ отличаются въ домашней жизни склонностью къ обычаямъ, принятымъ горожанами; здѣсь довольно часто встрѣчаются двухэтажныя избы и другія строенія, на подобіе городскихъ домиковъ небогатаго мѣщанскаго сословія.

Причина дурной постройки крестьянскихъ жилищъ кроется въ дороговизнѣ и недостаткѣ лѣсовъ въ большей части губерніи, ограниченности средствъ крестьянъ и незнаніи ими лучшихъ потребностей жизни. Устраненіе послѣднихъ причинъ необходимо предоставить времени; что же касается до матеріаловъ, то, въ этомъ случаѣ, недостатокъ лѣсовъ можетъ замѣнить глина и кирпичъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и преимущественно у помѣщиковъ, кирпичныя и глиняныя строенія начали уже входить въ употребленіе въ сельскихъ постройкахъ; въ каждомъ почти уѣздѣ можно встрѣтить по нѣсколько деревень, гдѣ, при содѣйствіи помѣщиковъ, стали постепенно заводиться у крестьянъ строенія изъ глины и изъ кирпича; кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть камень, избы кладутся на каменномъ фундаментѣ, а также и большая часть надворныхъ нежилыхъ строеній, какъ-то: сѣни, горницы (клѣть), повѣти, котухи, погреба, клѣти, сараи, навѣсы, овины и проч. дѣлаются изъ бутоваго камня, на глинѣ, съ стропилами и соломенными крышами; подобныя постройки въ особенномъ употребленіи въ Данковскомъ уѣздѣ. Нежилыя строенія въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Сапожковскаго уѣзда (Дехтяныя-Борки, Андреевское и пр.) строятся также изъ глиносоломеннаго кирпича; они отличаются прочностью и дешевизной, такъ что нельзя не желать ихъ распространенія.

Срокъ служенія избы зависитъ отъ качествъ лѣса, постройки, содержанія и отъ фундамента; вообще же, можно положить, что изба, съ поддержкою, можетъ простоять около 40 лѣтъ. Установка собственно избы съ ея главными принадлежностями, смотря по размѣрамъ, качествамъ и цѣнности матеріала, обходится отъ 50 до 150 р. сер. Сѣни, клѣть и амбары строятся лѣтъ на 60 и стоятъ отъ 25 до 50 р. с.; плетневыя строенія,

хлѣва, овины и пр. не продержатся и 20 лѣтъ. Избы въ уѣздахъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся просторнѣе и выше, чѣмъ въ безлѣсныхъ; на постройку идетъ болѣе еловый и сосновый лѣсъ и отапливаются большею частью по бѣлому. Овины строятся по одному на два и на три двора; а бань приходится по одной на шесть дворовъ.

На отопленіе употребляются дрова, хворостъ, древесные коренья, солома, гречишная лузга, а иногда, въ сухое весеннее и лѣтнее время, и навозъ; но кизяка нигдѣ не дѣлаютъ. Дровъ на печеніе хлѣба и пищи и отопленіе расходуется около 4 саженъ въ годъ; хвороста и древесныхъ кореньевъ требуется среднимъ числомъ, не менѣе воза въ недѣлю; отопленіе соломой стоитъ столько же, сколько и хворостомъ, ибо требуется ее не менѣе 60 возовъ въ годъ; тамъ, гдѣ топятъ гречишной лузгой, пойдетъ оной до 5 четвертей въ зимній мѣсяцъ. Лѣсъ на строеніе крестьяне получаютъ отъ помѣщиковъ или складываются цѣлыми семействами и нанимаютъ десятину на срубъ, при чемъ вырубаютъ и мелкій лѣсъ на отопленіе. На освѣщеніе избы по принятому обычаю лучиною, требуется на зиму и на осень не менѣе трехъ возовъ; кромѣ того, у крестьянъ всегда явятся расходы на сальныя свѣчи, для хожденія въ хлѣва и въ другія хозяйственныя заведенія; такимъ образомъ, выйдетъ у нихъ не менѣе 5 фунтовъ сальныхъ свѣчей въ годъ; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ въ обычаѣ освѣщать избы конопляным̀ъ масломъ, выходитъ онаго не менѣе 20 фунтовъ въ годъ.

10. Народные предразсудки и повѣрья въ Рязанской губерніи.

Главная причина несовершенствъ, отпечатокъ которыхъ видѣнъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ вообще и во всемъ быту крестьянина, кроются, безъ всякаго сомнѣнія, въ томъ состояніи необразованности, въ которомъ находится сельское общество. Необразованность эта, доходящая иногда до крайня-

го невѣжества, причиною незнанія законовъ природы, а отсюда прямо проистекаетъ другое зло,—суевѣріе. Много примѣтъ и вѣрованій удерживаются, еще до сихъ поръ, между простымъ народомъ, останавливая успѣхи сельскаго хозяйства и вообще совершенствованіе быта крестьянина. Дни несчастливые и дни, въ которые работать считается грѣхомъ, строго соблюдаются народомъ и бываютъ очень часто причиною, что удобнѣйшее время для полевыхъ работъ упускается; время начала разныхъ полевыхъ работъ, посѣвъ и уборка хлѣба, заказы луговъ, сѣнокосы, все распредѣлено по извѣстнымъ днямъ календаря или, лучше сказать, по святцамъ; заказы луговъ, напримѣръ, во многихъ мѣстахъ начанаются съ Троицына дня; но, такъ какъ день этотъ бываетъ 10 мая и 15 іюня, то уборка сѣна часто бываетъ несвоевременна. Укажемъ на нѣкоторыя заблужденія, проистекающія прямо отъ невѣжества.

Въ Рязанской губерніи, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, удерживается между простымъ народомъ вѣрованіе въ знахарей и колдуновъ и многія другія суевѣрія, хотя въ борьбѣ съ здравымъ смысломъ великорусскаго мужика, вѣрованія эти много уже утратили своей силы. Колдунамъ приписываютъ возможность портить людей, конечно при содѣйствіи нечистой силы; они же могутъ и отвратить зло. Въ служители нечистаго попадаетъ обыкновенно, въ мнѣніи народа, какой-нибудь умный, но хитрый старикъ или, еще болѣе, злая, хитрая и молчаливая старуха; такихъ людей по наружности уважаютъ, но втайнѣ боятся и ненавидятъ; злое ихъ вліяніе на сосѣдей и знакомыхъ проявляется въ семейныхъ раздорахъ, разныхъ несчастьяхъ и въ особенности болѣзняхъ, припадки которыхъ непонятны для крестьянъ. Всѣ эти страшныя проявленія могущества колдуновъ слывутъ у крестьянъ подъ общимъ названіемъ порчи. Есть другой разрядъ людей, которыхъ считаютъ посвященными въ разныя знанія, посредствомъ коихъ они могутъ предотвратить разныя бѣды; къ нимъ въ особенности любятъ обращаться въ несчастіяхъ, болѣзняхъ и другихъ бѣдахъ бабы. Знахарь, обыкновенно, ловкій и находчи-

вый плутъ и за словомъ никогда въ карманъ не слазитъ; онъ успокоиваетъ глупую бабу разными двусмысленными или, еще чаще, совершенно безсмысленными рѣчами, утверждая вѣру въ нихъ таинственными обрядами, нашептыванiемъ на воду и проч. Если случится, напримѣръ, въ домѣ покража и хозяйка прибѣжитъ къ знахарю съ просьбой указать ей вора, то знахарь, получивъ предварительно извѣстную плату, успокоиваетъ бабу слѣдующей общей фразой: это у тебя укралъ человѣкъ со злобы, и т. п. Вредныя послѣдствiя, отъ вѣрованiя въ искусство этихъ знахарей, обнаруживаются болѣе всего въ болѣзняхъ; крестьянинъ не считаетъ себя больнымъ, пока въ состоянiи ходить; пренебрегая болѣзнью въ самомъ началѣ, когда силами самой природы, при небольшомъ воздержанiи и покоѣ, болѣзнь могла бы устраниться, онъ продолжаетъ подвергаться вреднымъ влiянiямъ и увеличиваетъ разстройство организма до того, что принужденъ себя признать хворымъ, т. е. лечь отъ слабости; тогда онъ ищетъ пособiя, но убѣжденъ, что средство, которое ему дадутъ для возстановленiя здоровья, должно излечить его вдругъ, и если ожиданiя его не исполнятся, то, не внимая никакимъ убѣжденiямъ, онъ признаетъ это средство недѣйствительнымъ и ищетъ другихъ. За совѣтчиками и лекарями никогда дѣло не стоитъ; между крестьянами и особенно между крестьянками, а если случится военный постой, то непремѣнно между солдатами, найдутся люди, которые, изъ разсчета на самое малое вознагражденiе, рады воспользоваться простотою бѣднаго мужика; эти знахари берутся возстановить здоровье больнаго посредствомъ разныхъ обрядовъ и дѣйствiй, основанныхъ на суевѣрiи, и доводятъ его своими лекарствами до состоянiя, въ которомъ уже трудно помочь.

Истерическiе припадки и падучая болѣзнь обыкновенно приписываются дѣйствiю нечистой силы. Сами одержимые этими недугами утверждаютъ, что они испорчены, и отъ этого обыкновенный болѣзненный припадокъ сопровождается у нихъ страшными, неестественными криками и воплями, въ особенности во время обѣдни, когда поютъ херувимскую. Эти кликуши до

сихъ поръ не переводятся въ простонародіи, но при содѣйствіи священниковъ онѣ уничтожаются съ каждымъ годомъ. Существуетъ еще одинъ весьма значительный обычай, начало котораго относится, по всей вѣроятности, ко временамъ языческимъ. Когда свирѣпствуютъ эпидемическія болѣзни, какъ то: холера, тифъ и др., а также въ случаѣ падежа скота, въ позднюю ночь, когда всѣ преданы сну, вдовы и дѣвицы, заранѣе согласясь, сбираются гдѣ-нибудь въ концѣ деревни; одѣты онѣ въ бѣлыя рубашки и ничѣмъ не подпоясаны; волосы расплетены и распущены и съ ними соха. Цѣль этаго сборища опахать деревню кругомъ и тѣмъ огородить ее отъ общаго дѣйствія. Шествіе открывается слѣдующимъ образомъ: впереди одна изъ дѣвушекъ несетъ небольшую икону, съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчкой; за нею другая впрягается въ оглобли и тащитъ соху, при чемъ прочія, подхватя эту соху съ боковъ, помогаютъ тащить ее; возлѣ сохи съ противоположной деревнѣ стороны, идетъ третья дѣвушка, вооруженная кнутомъ и, безпрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ нечистаго, противъ котораго и всѣ участвующіе вооружены, кто кочергой или ухватомъ, кто хворостиной или кнутомъ. Всѣ въ полголоса, на распѣвъ, читаютъ молитвы, а проходя близъ жилья молятся шепотомъ, что-бы не быть открытыми; случайный свидѣтель этого обряда или любопытный долженъ быть весьма остороженъ; если его замѣтятъ, то изобьютъ не наживотъ, а насмерть. При встрѣчѣ препятствія, преграждающаго путь: канавы, прясла и пр., всѣ начинаютъ колотить по немъ своимъ орудіемъ и въ изступленіи начинаютъ кричать: «что это заурядъ, чтобъ кровью смерти не унять»; потомъ преграду уничтожаютъ и идутъ далѣе. Случаи, вызывающіе этотъ полуязыческій обычай, довольно рѣдки, но предупредить ихъ почти невозможно, потому что затѣвающіе опахиваніе деревни, отъ страшнаго посѣщенія падежа или смерти, хранятъ затѣю свою въ глубокой тайнѣ.

Впрочемъ, должно сказать, что какъ колдуны, такъ и прочіе суевѣрные обряды, болѣе въ ходу между женщинами; му-

жики мало придаютъ значенія всѣмъ этимъ бреднямъ и часто смѣются надъ простотою бабъ, которыя позволяютъ знахарямъ морочить себя самымъ глупымъ образомъ.

Всѣ эти грубыя понятія и вѣрованія, проистекающія чисто отъ невѣжества, съ улучшеніемъ образованія, нравственности и самаго быта крестьянъ, при благодѣтельномъ содѣйствіи религіи видимо теряютъ свою силу и уничтожатся современемъ совершенно; но существуютъ еще между народомъ другаго рода обычаи и обряды: это различныя религіозныя вѣрованія, примѣты, пословицы, пѣсни и пр., которыя, какъ благословенное наслѣдіе предковъ, не забываются и строго исполняются во многихъ мѣстахъ губерніи. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, заимствовавъ разсказъ объ нихъ изъ превосходной статьи В. В. Селиванова.

Въ четвергъ на Страстной у нѣкоторыхъ крестьянъ въ обычаѣ ходить купаться въ проруби, чтобъ быть здоровымъ на цѣлый годъ. Въ этотъ же день сѣютъ капустную разсаду, чтобы мошка не истребила, и жгутъ соль для соленья ветчины, чтобы въ ней не заводился червь; въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресенье никто не спитъ въ деревняхъ; тѣ, которые не въ церквахъ—всю ночь молятся дома, предъ иконами. На Святой недѣлѣ не производится никакихъ земледѣльческихъ работъ: изстари замѣчено, кто, не уповая на милость Бога, боясь упустить время, сѣетъ въ великіе дни святой Пасхи, тотъ никогда не имѣетъ удачи.

Въ одинъ изъ первыхъ дней святой Пасхи священникъ съ причтомъ и образами обходитъ всѣ дворы селенія; въ каждой избѣ служится молебенъ и послѣ онаго образа устанавливаются въ переднемъ углу, а священникъ, дьячки и богоносы угощаются хозяевами; потомъ снова подымаютъ образа и выходятъ изъ избы, получивъ за молебенъ 10 или 15 к. с. и нѣсколько пироговъ и кусковъ хлѣба. Всякій приходъ имѣетъ положеніе, утвержденное обычаемъ, сколько давать пироговъ и кусковъ хлѣба; бабы жертвуютъ на образа холстъ. Когда всѣ дворы обойдены, образа идутъ къ часовнѣ, гдѣ опять служится

молебенъ; при чтеніи евангелія подъ епитрахиль преклоняетъ голову староста; а по окончанія молебна, священникъ благословляетъ одного изъ двухъ, назначенныхъ для начала пахоты, крестьянъ, при чемъ даетъ имъ по кругу хлѣба. По отбытіи образовъ начинаются народныя забавы: качели, пѣсни, хороводы и проч.

Воскресеніе Женъ Міроносицъ называется бабьимъ праздникомъ; въ этотъ день бабы служатъ молебны, дѣлаютъ складчину и устраиваютъ пирушку. Въ это же время устраиваются крестьянскія свадьбы, которыя, впрочемъ, во избѣжаніе расходовъ, совершаются болѣе въ храмовые праздники.

Первые раскаты грома служатъ признакомъ начала сѣва. Въ этотъ день всѣ бѣгутъ купаться; кто боится купаться, умывается чрезъ обручальное кольцо или изъ подойника, положивъ въ него яйцо: самой на здоровье и корова что бы побольше давала молока, да чтобы и куры неслись. Во время сѣва овса есть обычай приносить въ поле младенцевъ, которые, не смотря на возрастъ, долго не начинаютъ ходить; ихъ ставятъ на пашню и кругомъ обсѣваютъ овсомъ; это средство, по ихъ мнѣнію, укрѣпляетъ ножки младенца. Горохъ сѣятъ близъ проѣзжихъ дорогъ, чтобы прохожіе и проѣзжіе могли имъ пользоваться: есть повѣрье, что за это наградитъ Богъ хорошимъ урожаемъ.

23-го апрѣля, въ день св. Георгія, въ первый разъ выгоняется въ поле скотъ. Во многихъ мѣстахъ въ этотъ день служатъ молебенъ съ водосвятіемъ; для этого все стадо собираютъ къ часовнѣ; каждая хозяйка сгоняетъ свою скотину вербой, которую нарочно для сего сохраняютъ отъ заутрени Вербнаго Воскресенья; у часовни служится молебенъ, и когда освятятъ воду, все стадо прогоняютъ мимо священника, который кропитъ его святой водою.

Въ семикъ есть обычай наряжать березу. Женщины въ лучшихъ нарядахъ и молодые парни, изукрасивъ молодую срубленную березу бумажными и шелковыми платками, съ пѣснями несутъ ее въ ближайшую рощу, и тамъ водружаютъ

гдѣ-нибудь на луговинѣ; потомъ, разсыпавшись по березняку, ломаютъ вѣтви и плетутъ вѣнки, украшая ими голову; иныя свиваютъ на сучьяхъ, не отламывая вѣтвей, кольца въ родѣ вѣнковъ; въ эти кольца, противъ средины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, и два лица: баба и дѣвка кумятся; т. е. цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной, другая съ другой стороны; послѣ этого размѣниваются и между ними утверждается дружба навѣки, такъ что ссориться и браниться считается уже великимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ садятся кругомъ березки и ѣдятъ яичницу, а потомъ начинаютъ хороводы. Когда солнце сѣло, березку подымаетъ какой-нибудь удалой парень и несетъ въ деревню, сопровождаемый пѣснями веселой толпы; всѣ участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ идутъ послѣ сего къ рѣкѣ или пруду, и, снявъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ въ воду около берега и сквозь вѣнокъ, почерпнувъ воды, умываются; потомъ, взявъ опять вѣнокъ, бросаютъ его далеко въ воду; ежели вѣнокъ потонетъ, то бросившій его умретъ въ томъ-же году, а не потонетъ, — будетъ жить. Этотъ самый обычай повторяется и въ Троицынъ день; разница существуетъ только въ названіи: въ семикъ завиваютъ вѣнки, а въ Троицынъ день развиваютъ. Въ Духовъ день многія деревни имѣютъ обычай обходить поля съ образами; образа подымаютъ въ поля и тогда, когда долгое время стоитъ вёдро, вслѣдствіе чего земля просыхаетъ и останавливается ростъ хлѣба. По большей части день для поднятія образовъ избирается праздничный; отслушавъ утреню, берутъ образа, а въ особенности образъ Ильи Пророка, и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, идутъ въ деревню; возлѣ часовни служатъ молебенъ съ водосвятіемъ; потомъ обходятъ кругомъ дачи, по генеральнымъ рубежамъ, при чемъ священникъ кропитъ поля святою водою. Священнику платится міромъ, для чего собирается по нѣскольку копѣекъ съ души.

Въ праздникъ Вознесенья пекутъ лѣсницы. Это ничто иное, какъ продолговатыя лепешки изъ тѣста, въ видѣ лѣсенки; съ ними мужики, бабы и дѣвки идутъ въ свои поля, гдѣ каж-

дый, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приговаривая: «чтобъ рожь моя выросла также высоко»; послѣ чего лѣсенки съѣдаютъ.

1-го августа, въ праздникъ перваго Спаса (или Спаса медоваго), бываетъ крестный ходъ и, гдѣ освѣщается вода, пригоняютъ на ближайшій лугъ лошадей со всего прихода; по окончаніи молебна и освященіи воды, священникъ, проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ св. водою; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть рѣка, лошадей прогоняютъ вплавь чрезъ освященныя воды. Въ этотъ день пчеловоды приносятъ въ церкви, для освященія, первые соты; поэтому-то и день этотъ называется обыкновенно въ народѣ Спасомъ медовымъ.

Праздникъ Преображенія Господня (6 августа) называется вторымъ Спасомъ. Въ этотъ день всѣ садоводы выносятъ, для освященія, яблоки въ церковь; до этого же дня ѣсть яблоки считается грѣхомъ. Праздникъ Преображенья въ народѣ слыветъ подъ именемъ Спаса яблочнаго. 29 августа, въ день усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, не ѣдятъ ничего шарообразнаго, имѣющаго подобіе головы, ни картофеля, ни яблокъ.

1-е ноября, день Козьмы и Деміана, весьма чтимъ народомъ, особенно женщинами. Крестьянскія дѣвушки день этотъ считаютъ исключительно своимъ праздникомъ, также, какъ бабы воскресенье въ день Женъ-Міроносицъ. Точно также дѣлаютъ онѣ складчину и, на собранныя деньги, угощаютъ приходящихъ въ гости молодыхъ бабъ и другихъ гостей. Въ каждомъ дворѣ убиваютъ въ этотъ день непремѣнно на обѣдъ пѣтуха и курицу; поводъ къ этому заслуживаетъ вниманія. Еще весной, когда куры несутся и приходитъ пора сажать насѣдокъ для вывода цыплятъ, хозяйка баба идетъ по всѣмъ дворамъ своей деревни; войдя въ избу и помолясь, она обращается къ хозяйкѣ съ просьбою пожаловать ей курочку и кочетка; въ отвѣтъ на это, хозяйка даетъ ей пару яичекъ, которыя та, неблагодаривъ, кладетъ за пазуху и идетъ далѣе въ другую избу. Набравъ, такимъ образомъ, полную пазуху яицъ, баба возвращается домой и вечеромъ, послѣ захожденія солнца, по-

молясь, садится на лавку и, держа предъ собой въ шапкѣ собранныя яйца, говоритъ: «матушка Козьма Демьянъ, зароди цыплятъ къ осени, курочку и пѣтушка тебѣ зарѣжимъ»; послѣ этого она кладетъ яйца въ гнѣздо и сажаетъ курицу. И не по одному этому случаю призывается въ молитвѣ Св. Козьма и Деміанъ; каждая баба, принимаясь за какую-либо работу, всегда, перекрестясь скажетъ: «Козьма Демьянъ матушка, помоги мнѣ работать.»

Наканунѣ Рождества многіе, до появленія первой звѣзды, не ѣдятъ ничего. Въ этотъ день, съ утра въ избахъ начинаютъ печь блины, а молодыя бабы и дѣвки, собравшись гурьбой, ходятъ по улицѣ и кличутъ коледу; подойдутъ къ какой нибудь избѣ и запоютъ голосомъ протяжнымъ и заунывнымъ:

„Коледа, подай блина, — коледа,
Не подадите блина, — коледа,
Корову за рога, — коледа,
Подадите блина, прочь пойдемъ, — коледа."

Подъ звуки этой пѣсни окно отворяется и щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами; послѣ чего колядницы идутъ далѣе.

Въ праздникъ Рождества священникъ съ крестомъ и причтомъ обходитъ всѣ дворы своего прихода, и кромѣ небольшой платы деньгами, получаетъ, также какъ и дьячекъ, по пирогу. На третій день праздника начинаются святки, т. е. дни наряжанья, гаданья и пр. Бабы одѣваются мужиками, парни старухами, дѣвки цыганками и пр.; главныхъ условій два: чтобы нарядиться какъ можно уродливѣе и смѣшнѣе и чтобы наряженнаго нескоро узнали.

Подъ Новый годъ собирается толпа молодежи, ходятъ подъ окнами и кличутъ овсень или усень и, также, какъ въ коледу, выпрашиваютъ съѣстныхъ подачекъ. Если хозяина зовутъ Степаномъ, то затѣйщицы кличутъ авсеня, подойдя къ избѣ, поютъ:

„На Степанушкѣ куделюшка, да-ту-усень,
Да не сами завивались, да-ту-усень,
Завивала ему матушка, да-ту-усень,

Завивала, приговаривала, да-ту-усень,
Рѣки—озера разольются, да-ту-усень,
А кудри не разовьются, да-ту усень,
Не ломайся, да все подай, да-ту-усень,
Не тряси, да все поднеси, да-ту-усень,
Не пора-ли, сударь, игрицъ дарить, да-ту-усень,
Не рублемъ, не полтиною, да-ту-усень,
Золотою гривною, да-ту-усень."

Вечеръ подъ Новый годъ исключительно посвящается гаданьямъ, въ слѣдующемъ родѣ: когда бьютъ къ празднику свинью, то хвостикъ отъ нея прячутъ, и въ святочный вѣчеръ рѣжутъ поперегъ, кружечками, на нѣсколько частей. Каждый, участвующій въ гаданьи, получаетъ часть хвоста, вдѣваетъ ее на тычину и, занявъ мѣсто въ общемъ кругу, втыкаетъ предъ собой въ полъ. Послѣ этихъ приготовленій въ избу впускается собака и у кого перваго схватитъ кружечикъ хвостика, та особа непремѣнно или женится, или выйдетъ замужъ. Подслушиваютъ разговоры подъ окномъ: если послышится въ разговорѣ—рубаха, то жди смерти; если хомутъ, то лошадь недобрые люди сведутъ со двора, и тому подобныя. Хоронятъ золото, но не по рукамъ, какъ это водится въ купеческихъ домахъ, а ставятъ на столъ четыре блюда, въ одно кладутъ уголь, въ другое кусокъ глины отъ печки, въ третье щепку и въ четвертое кольцо. Потомъ подъ пѣсню:

„Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро прокачу;
Я у батюшкѣ во дому" и проч.

гадающая дѣвушка вынимаетъ на удачу изъ блюда судьбу свою: если вынется уголь, то ей предстоитъ дурная участь; если кусокъ глины, то смерть; ежели щепка, то мужъ будетъ старый, а если кольцо, то будетъ жить въ радости и мужъ будетъ молодой.

6-го января, въ день Богоявленія Господня, очень часто случается, что кто-нибудь, по окончаніи обряда погруженія креста, раздѣвшись донага, бросается въ Іорданъ и, окунув-

шись разъ, стремглавъ бѣжитъ въ избу, прямо на печь. Каждый съ Іордана возвращается домой съ кувшиномъ освященной воды. Богоявленскую воду сохраняютъ, употребляя отъ падучихъ и другихъ болѣзней; ее же выставляютъ въ поле, завидя приближеніе градовыхъ тучъ.

Масляница празднуется, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; каждый предается совершенной праздности или гульбѣ, а пресыщеніе, особенно въ послѣдніе дни, доходитъ до крайней степени. Въ послѣдніе дни масляной, послѣ обѣда, на которыхъ, какъ и вездѣ, главную роль играютъ блины, бабы и дѣвки, разрядявшись въ лучшіе наряды, цѣлыми кучами садятся въ пошевни, запряженныя тройками, и катаются по сосѣднимъ селеніямъ, поя пѣсни во все горло. Въ послѣднее воскресенье предъ великимъ постомъ всѣ просятъ другъ у друга прощеніе, если въ чемъ-либо, умышленно или неумышленно, обидѣлъ кого. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста хозяйка-баба замѣчаетъ, какого пола будетъ то лице, которое первое войдетъ къ ней въ избу; если это мужикъ, то овцы будутъ болѣе котить баранчиковъ, а если женщина, то ярочекъ будетъ болѣе.

Великій постъ соблюдается весьма строго. Рыбу ѣдятъ только въ Благовѣщеніе и въ Вербное воскресенье. Многіе не ѣдятъ даже масла. Младенцы, отнятые отъ груди, раздѣляютъ постъ на равнѣ съ взрослыми; грудью кормить младенца разсчитываютъ не по времени, но по постамъ; обыкновенно кормятъ грудью три поста: два Великихъ и одинъ успенскій, или два Успенскихъ и одинъ Великій.

Въ заключеніи укажемъ еще на нѣкоторыя примѣты. Птицы, прилетомъ своимъ, служатъ простому народу примѣтами во многихъ случаяхъ. Особенною любовью пользуются ласточки и голуби; поселяне вѣрятъ, что благодать Божія обитаетъ въ томъ домѣ, подъ кровлей котораго ласточки лѣпятъ свои гнѣзда и на дворъ котораго прилетаетъ болѣе голубей. Воронъ, напротивъ, одна изъ нелюбимыхъ народомъ птицъ; крикъ его считаютъ зловѣщимъ; онъ предвѣщаетъ покойника, если воронъ сядетъ на церковный крестъ и начнетъ каркать, и именно

съ той стороны прихода, куда онъ смотритъ; впрочемъ, не всегда, по мнѣнію крестьянъ, крикъ ворона пророчитъ недоброе: лѣтомъ онъ предвѣщаетъ дождь, а зимой—погоду. Соловьи первымъ своимъ пѣніемъ служатъ лучшею примѣтою, что удобное для пахоты время наступило; но если они начнутъ пѣть, когда лѣсъ еще не одѣлся, то не быть урожаю. Точно также, если горлинка заворкуетъ въ голомъ лѣсу, то коровы не будутъ давать молока. Грачи, когда они съ крикомъ вьются надъ гнѣздами, то сядутъ, то опять подымутся, предвѣщаютъ перемѣну погоды. Поздній прилетъ жаворонковъ служитъ примѣтою, что куры будутъ нестись. Когда много мухъ, то нужно ожидать большаго урожая гречи. Урожай орѣховъ предвѣщаетъ на будущій годъ урожай ржи. Для предохраненія хлѣба отъ мышей, крестьяне имѣютъ обыкновеніе въ скирды класть троицкіе пучечки, т. е. цвѣты, съ которыми слушали обѣдню въ Троицынъ день; появленіе въ большомъ числѣ мышей служатъ для нихъ признакомъ неурожая; мыши служатъ еще слѣдующею примѣтою: если онѣ станутъ въ избѣ ѣсть хлѣбъ сверху, — хлѣбъ будетъ дорогъ; если снизу, — дешевъ, а если средину,—цѣны будутъ среднія.

11. Сельскіе праздники.

Основаніемъ всѣхъ сельскихъ праздниковъ служатъ разныя церковныя постановленія. Каждый приходъ имѣетъ своего святого, представителя предъ Господомъ, или таинственную икону, ниспосылающую чудесныя исцѣленія вѣрующимъ. Въ тѣ дни, когда празднуется память святаго или чудотворной иконы, народъ стекается изъ всего околодка. Очень естественно, что на эти праздники сходятся люди не только за тѣмъ, чтобы молиться: молитвѣ посвящается только утро, остальное же время для торга и веселья.

Первая необходимая принадлежность сельскаго праздника— пиво и вино; поэтому, дня за два или за три предъ наступ-

леніемъ праздника, хозяева запасаются ими въ изобиліи, особенно пивомъ. О прочихъ праздничныхъ припасахъ и говорить нечего: ихъ бываетъ, особенно у крестьянъ зажиточныхъ, какъ говорится, вдоволь. Наканунѣ праздника каждый хозяинъ считаетъ своею обязанностью пригласить къ себѣ въ домъ священника съ святыми иконами, для служенія молебна. Затѣмъ совершается общій водосвятный молебенъ среди селенія. Самый праздникъ открывается торжественнымъ богослуженіемъ, на которомъ бываютъ богомольцы и изъ другихъ приходовъ. Многіе изъ нихъ, особенно старики и старухи, считаютъ своею обязанностью отпѣть молебенъ празднику. Во время совершенія литургіи, приходскій священникъ обыкновенно говоритъ своей паствѣ приличное празднику поученіе. По окончаніи службы всѣ расходятся по домамъ поздравляться съ праздникомъ. Мы сказали, что каждый домохозяинъ запасается на праздникъ всѣмъ въ изобиліи, и дѣйствительно, при входѣ въ крестьянскую избу, васъ поразитъ изобиліе праздничныхъ припасовъ. На столѣ у хозяина вы увидите въ то время всевозможную роскошь крестьянскаго быта. Тутъ есть и щи съ бараниной, и бокъ бараній съ кашей; тутъ вы увидите различные роды холоднаго, жаренаго, варенаго, печенаго и пр. и пр. На одномъ концѣ становится эндова съ пивомъ, а на другомъ штофъ національнаго (по выраженію нѣкоторыхъ). Хозяинъ потчуетъ гостей, сидя на особенномъ стулѣ отдѣльно отъ всѣхъ, а большею частью стоя. Гости бываютъ церемонны, пока находятся въ нормальномъ состояніи; ни одинъ изъ нихъ ни за что не возьметъ стакана въ руки безъ хозяина, не смотря ни на какія представленія и убѣжденія. Оттого многіе хозяева, не совсѣмъ осторожно исполняющіе желаніе своихъ гостей, еще ранехонько, какъ говорится, сваливаются съ ногъ долой. Впрочемъ, тогда гости уже не имѣютъ нужды въ хозяинѣ, потому что отправляются къ другимъ родственникамъ и знакомымъ, или просто гулять по базару. Базаръ необходимая принадлежность праздника. На этотъ день съѣзжается множество торговцевъ изъ окрестныхъ селъ и деревень съ разными деревенскими

лакомствами, какъ-то: пряниками, орѣхами, яблоками, рѣпой, морковью, огурцами и проч. Одни торговцы располагаются въ палаткахъ, другіе важно сидятъ на возахъ, приглашая къ себѣ громкимъ крикомъ и поклонами покупателей. Множество народа толпится около этихъ подвижныхъ магазиновъ; тутъ вы увидите и стариковъ, и старухъ, покупающихъ паточныя громовыя груздочки и сосульки своимъ внучатамъ; тутъ вы встрѣтите множество ребятишекъ съ огурцами или яблоками въ зубахъ; тутъ расхаживаютъ и сельскія красавицы съ молодцами, съ самодовольствіемъ щелкая каленые орѣхи. Тутъ притонъ разнаго пола и возраста праздничныхъ зѣвакъ, которымъ не удалось нигдѣ побывать въ гостяхъ и которые, отъ нечего дѣлать, толпятся около возовъ и балагановъ, зѣвая на народъ и подтрунивая надъ молодцами и дѣвицами.

Невдалекѣ отъ базара помѣщается праздничный хороводъ — цвѣтъ сельскихъ красавицъ и молодцовъ. Хороводъ тоже необходимая принадлежность каждаго деревенскаго праздника. Пестрота и вычурность праздничныхъ дѣвичьихъ нарядовъ поразительны; въ нихъ совмѣщаются всевозможные цвѣта, между которыми преимуществуетъ обыкновенно красный. Молодцы одѣваются проще; весь нарядъ ихъ состоитъ изъ красной александрійской рубахи, плисовыхъ широкихъ шароваръ, суконной чуйки синеватаго цвѣта и черной поярковой шляпы, съ воткнутымъ напереди павлинымъ перомъ, или обвитой кругомъ шелковой лентой. Толпа дѣвицъ и молодцовъ образуютъ собою большой кругъ, напереди котораго становятся дѣвицы, а назади молодцы. Пѣсни поются всѣми, и почти безъ умолку, до самаго вечера.

Сельскій праздникъ обыкновенно продолжается три дня; первый день праздника кончается шумно и, къ сожалѣнію, не всегда счастливо; часто изъ всей толпы подгулявшей молодежи образуется партія кулачныхъ бойцовъ и завязывается порядочная драка, для прекращенія которой сельское начальство принуждено бываетъ иногда прибѣгать къ мѣрамъ строгости. Послѣдніе два дня праздника въ сущности не отличаются отъ пер-

ваго дня; разница состоитъ только въ томъ, что въ эти дни меньше шуму и крику на улицахъ, потому что гости иногда уже пируютъ въ домахъ и выходятъ развѣ для того только, чтобы перейти въ гости, по приглашенію, въ другой домъ. Хороводы во второй день праздника не прекращаются и продолжаются иногда и до третьяго дня, особенно когда праздникъ случается во время свободное отъ работъ. На третій день праздничное веселіе затихаетъ: къ концу дня гости разъѣзжаются по своимъ домамъ, и праздникъ оканчивается.

Говоря о сельскихъ праздникахъ, нельзя не упомянуть о крестьянскихъ посидѣлкахъ.

По окончаніи молотьбы хлѣба, простой народъ начинаетъ, по заведенному порядку, приготовлять зимнія развлеченія. Во многихъ деревняхъ затѣваются ссыпки. За четыре дня до Козьмы и Демьяна, дѣвушки извѣстной деревни ходятъ по избамъ и собираютъ складчину; хозяева, побогаче и зажиточнѣе, даютъ говядины, поросятъ, куръ, яицъ, молока и хмѣлю. Собравши складчину, выбираютъ просторную избу и начинаютъ приготовленія къ празднеству: варятъ пиво и сусло, пекутъ пироги, приготовляютъ лапшу и въ самый день праздника открываютъ пиръ сытнымъ, жирнымъ обѣдомъ. Главными гостями на этомъ пиру, разумѣется, являются деревенскіе парни въ красныхъ рубашкахъ, обязанные принести вина для себя и хозяина избы, орѣховъ и пряниковъ для хозяекъ и затѣйщицъ пиршества. Послѣ обѣда начинается первая вечеринка, какъ бы репетиція и предвѣстница будущихъ святочныхъ посидѣлокъ. Какой-нибудь ухарь-парень, засучивъ по локоть рукава, играетъ на балалайкѣ и начинаются пляски и пѣсни, продолжающіяся всегда до третьихъ пѣтуховъ. Послѣ этого вечера начинаются, такъ называемыя, супрядки: какая-нибудь хозяйка-баба, накопившая много льну, ходитъ по домамъ и приглашаетъ дѣвушекъ помочь ей. Дѣвушки, одѣтыя за-просто, являются съ копылами и гребнями къ ней къ обѣду, послѣ котораго принимаются за работу и, такимъ образомъ, открывается первый вечеръ супрядокъ при тускломъ свѣтѣ лучины. Чтобы спорилась работа и

не слишкомъ надоѣдало шипѣнье веретена, нерѣдко запѣвается заунывная пѣсня, къ которой пристаютъ и праздные деревенскіе ребята; въ промежутокъ между работою разсказываютъ сказки и бывальщины, въ которыхъ часто принимаетъ участіе и самъ хозяинъ. Такая бесѣда продолжается иногда часовъ до 12 вечера, смотря по работѣ или, лучше, по количеству собравшихся ребятъ-сказочниковъ. Такъ однообразно тянутся эти супрядки, переходя изъ избы въ избу вплоть до рождественскаго сочельника. Нерѣдко такого рода посидѣлки, смотря по обстоятельствамъ, затѣваются и въ промежутокъ времени между святками и масляницей, иногда являются даже и на первыхъ недѣляхъ великаго поста. Въ исходѣ этихъ супрядокъ, предъ святками, бесѣды нѣсколько оживляются пріѣздомъ гостей-питерщиковъ: пѣсни поются какъ-то веселѣе, сказки смѣняются интересными разсказами о Питерѣ, изъ сосѣднихъ деревень являются гости — невѣсты. Мѣстныя дѣвушки, въ свою очередь, уходятъ въ гости, и самая цѣль вечеринокъ принимаетъ болѣе серьезный характеръ: питерщики выбираютъ себѣ невѣстъ, съ кѣмъ вмѣстѣ жизнь коротать, вмѣстѣ горе мыкать, съ кѣмъ жить, да поживать—по пословицѣ только, потому что женившійся питерщикъ въ концѣ великаго поста оставляетъ свою молодуху и снова идетъ въ Питеръ на работы.

Наканунѣ 24-го декабря копылы и гребни покидаются на долго, вплоть до 8-го января. Цѣль супрядокъ достигнута: питерщики выбрали себѣ невѣстъ; остается на святкахъ замысловатыми, комическими ряженьями окончательно расположить въ свою пользу сердце выбранной суженой; не даромъ же онъ навезъ изъ Питера цѣлую связку масокъ, самыхъ смѣшныхъ, самыхъ уродливыхъ, цѣлую дюжину расписанныхъ платковъ и нѣсколько пачекъ цвѣтныхъ, самыхъ яркихъ лентъ. На другой день Рождества начинаются святки или, лучше сказать, посидѣлки, называемыя посидками, иногда бесѣдами и даже бесѣдками. Выговаривается у хозяина самая просторная изба изъ цѣлой деревни вплоть до 4-го января, когда бываетъ послѣдняя посидка; рѣдко бываетъ, чтобы она переносилась въ другую

избу, развѣ случится въ домѣ несчастіе, умретъ кто-нибудь изъ хозяевъ. Въ большихъ селахъ и деревняхъ такихъ вечеринокъ бываетъ вмѣсто одной двѣ, иногда даже три въ одинъ вечеръ, смотря по народонаселенію и числу пріѣхавшихъ гостей. Не бываетъ посидокъ наканунѣ праздниковъ; за то въ праздники они бываютъ и многочисленнѣе и веселѣе, особенно, если деревня лежитъ по сосѣдству съ уѣзднымъ городомъ. Изъ уѣзднаго города приходятъ гости: канцеляристы, писаря становаго, почталіоны, привозятъ съ собою вино, чтобъ расположить въ собственную пользу мѣстныхъ ребятъ, всегда враждебно смотрящихъ на гостей не своего прихода и иногда затѣвающихъ съ ними на улицѣ страшную свалку. Изъ сосѣднихъ усадебъ приходятъ лакеи, приносятъ съ собою гитару, иногда даже скрипку, почему всегда живутъ въ ладу съ ребятами и нравятся дѣвушкамъ. Иногда, и весьма нерѣдко, сами помѣщики, со всѣми гостями, на нѣсколькихъ тройкахъ, въ кибиткахъ, пріѣзжаютъ смотрѣть, какъ веселится простонародье, и даже принимаютъ живое участіе въ ихъ удовольствіяхъ. Исключительная же привилегія веселиться предоставляется дѣвушкамъ; ребята обязаны ихъ развлекать и оборонять ихъ отъ незваныхъ и дерзкихъ гостей. Иногда, впрочемъ и молодухи, и то развѣ по просьбѣ пріѣхавшихъ господъ, вмѣшиваются въ толпу веселящихся; потому что, по общепринятому обыкновенію, замужнія женщины должны быть равнодушны къ пляскамъ молодежи и только могутъ, да и то тихонько, подтягивать ей въ пѣсняхъ.

Посидки эти рѣзко отличаются отъ супрядокъ; не говоря уже объ однообразіи послѣднихъ и веселомъ разнообразіи первыхъ, даже въ освѣщеніи, нарядахъ дѣвушекъ и самыхъ удовольствіяхъ существуетъ между посидками и супрядками большая противоположность. Первыя освѣщаются всегда и непремѣнно свѣчами, доставляемыми ребятами; послѣднія непремѣнно лучиной; нарядъ дѣвушекъ на супрядкахъ простой, домашній, на посидкахъ лучшій, праздничный сарафанъ и цвѣтныя ленты въ косахъ; на супрядкахъ рѣдко или почти никогда не слышно

ни балалайки, ни даже гармоніи, тогда какъ безъ нихъ и посидка не посидка, и потому на прямой обязанности ребятъ лежитъ, кромѣ доставки свѣчей, и доставка музыки.

12. Масляница.

Масляница — праздникъ самый общепринятый, самый разгульный. Она справляется во всѣхъ краяхъ и всѣми: и старый и малый равно въ ней участвуютъ. Кого изъ здѣшнихъ жителей (Ярославской губерніи, Пошехонскаго уѣзда, села Давишно) не встрѣтишь, всякій непремѣнно тотчасъ поздравитъ съ «широкою и веселою» и даже съ «честною» масляницею, какъ лучшимъ въ году праздникомъ, и пожелаетъ провести этотъ праздникъ со всякимъ удовольствіемъ и веселостью.

Масляница съ приготовленіями и проводами длится здѣсь съ недѣлю. Для пожилыхъ мужчинъ дней девять, а для молодежи дня четыре бываетъ самое веселое разгулье. Въ первые три дня Сырной недѣли, до четверга, дѣлаются приготовленія къ празднику, т. е. запасается пиво, вино и съѣстные припасы; молодежь приготовляетъ упряжку для лошадей, чиститъ и украшаетъ лентами, а если нѣтъ своей упряжки, то промышляетъ у другихъ лишнюю, чтобы было на чемъ выѣхать безъ стыда; дѣвицы приготовляютъ искусственныя горы, лодки, санки, на чемъ кататься. Молодежь готовитъ также шесты, съ которыхъ катаются парами на ногахъ, и качели. Эта потѣха опасная, ибо можетъ изувѣчить. Но что дѣлать! «Охота вить тѣшить, не бѣда платить!» Иной такъ удачно скатится, что и ребра затрещатъ, другой, не такъ-то удачно скатившись съ шестовъ, идетъ изъ-подъ горы съ кислымъ лицомъ и разбитымъ носомъ; другой поправляетъ руку; иной похрамываетъ обѣими ногами, а другой лежитъ и не встаетъ. Качели не лучше шестовъ для здоровья: и онѣ многихъ изувѣчиваютъ.

Первые два дня Великаго поста, понедѣльникъ и вторникъ, состоятъ въ проводахъ честной масляницы, т. е. въ опорожне-

ніи посуды, стеклянной и дубовой, отъ оставшагося вина и пива. Такъ и гоститъ у насъ масляница девять дней. Весьма многіе (разумѣется, изъ пожилыхъ), разстаются съ нею не ранѣе девяти дней; и многіе встрѣчаютъ ее съ радостью, съ восторгомъ, какъ лучшую гостью, а провожаютъ съ уныніемъ и вздохами.

Въ четвергъ на Сырной недѣлѣ, лишь только покажется свѣтъ, хозяйки во всѣхъ домахъ тотчасъ принимаются за свою работу, чтобъ въ этотъ день удоволить свой желудокъ какъ можно лучше; поспѣшно затопляютъ печи и начинаютъ стряпню: варятъ и жарятъ рыбу въ плошкахъ и на сковородахъ; дѣлаютъ пироги, приготовляютъ для пряженцовъ тѣсто и, когда придетъ время, пряжатъ ихъ въ маслѣ или пустые, или съ яйцами, или съ ягодами и рыбою. До полудня работы имъ по горло; потомъ садятся обѣдать. Тутъ всего вдоволь, всего по горло. Отобѣдавъ, всѣ идутъ на гулянье, гдѣ устроена гора и шесты или качели; тамъ катаются на чемъ попало, качаются и на качеляхъ; иные долго ѣздятъ взадъ и впередъ по улицамъ, человѣкъ по пяти въ однихъ саняхъ. Поѣздивъ въ своемъ селѣ, отправляются въ другое, въ третье, и такимъ образомъ, ѣздятъ до вечера; наконецъ, возвращаются домой шагомъ; лошадь, съ поникшею головою, и вся въ мылѣ, привозитъ хозяина. Здѣсь дорожные принимаются за ужинъ: садятся за столъ и ѣдятъ всего по-горло, такъ что къ завтрему ничего не остается.

Само собою разумѣется, что тѣ, которые катаются съ горы и на шестахъ или качаются на качеляхъ, громко поютъ веселыя пѣсни. Иногда поютъ и плясовыя пѣсни, и въ такомъ случаѣ, подъ звуки гармоній и балалаекъ, непремѣнно бываетъ скачка, т. е. пляска съ хлопаньемъ въ ладоши и громкими кликами.

То же происходитъ въ пятницу, субботу и воскресенье. Это время самаго разгульнаго веселья: молодежь наряжается точно такъ же, какъ въ святки, и такъ же проказничаетъ. Рядятся, напримѣръ, цыганами и мѣняются между со-

бою лошадьми, такъ искусно, что со стороны непремѣнно примешь ихъ за природныхъ цыганъ. Рядятся и масляницею слѣдующимъ образомъ: запрягаютъ десять лошадей и болѣе въ нарочно для того приготовленную большую повозку своего рукодѣлья; лошади впрягаются гуськомъ, одна за другою; на каждую изъ нихъ сажаютъ вершника въ рубищѣ, разодранномъ съ ногъ до головы, всего выпачканнаго сажею; одинъ вершникъ держитъ большой кнутъ своего издѣлія, другой метлу; вездѣ и даже на свои шеи навѣшиваютъ коровьи колокольчики и всякія погремушки; рогожную кибитку, всю запачканную, увѣшанную вѣниками, какъ будто унизываютъ жемчугомъ, и сажаютъ въ нее пьянаго человѣка, тоже испачканнаго сажею и въ разодранномъ рубищѣ, облитомъ пивомъ; подлѣ него стоитъ боченокъ съ пивомъ; противъ него раскрытый сундукъ съ съѣстными припасами: пирогами, рыбою, яйцами, аладьями и пряженцами; по другую сторону ставятъ штофъ вина, а въ руки даютъ ему большой бокалъ, наполненный виномъ. Этотъ пьяница пьетъ и ѣстъ на пропалую. Весь этотъ поѣздъ означаетъ, что масляница ѣдетъ домой. Нѣкоторые, искренно желая удержать масляницу хоть на нѣсколько еще времени, останавливаютъ пьяницу и упрашиваютъ погостить еще хоть денекъ; но онъ не соглашается, отговариваясь тѣмъ, что ему непремѣнно нужно нàскоро ѣхать въ Ростовъ на ярмарку и уѣзжаетъ въ другое селеніе.

Въ 1849 году поѣздъ масляницы совершался у насъ въ другомъ видѣ. Связали вмѣстѣ нѣсколько креселъ *) такъ, чтобъ они не могли раздвинуться; прикрѣпили по срединѣ ихъ и къ нимъ перпендикулярно длинную слегу, будто мачту; нижній ярусъ обвертѣли рогожами конусообразно, на подобіе пирамиды, а на верхнемъ ярусѣ, какъ-то посредствомъ веревокъ, прикрѣпили надѣтое на мачту колесо, чтобъ оно не могло опускаться внизъ на рогожную пирамиду, и покрыли его женскимъ

*) Креслами въ этомъ селѣ называются ледянки особаго устройства, а именно: небольшія деревянныя скамейки со спинками, установленныя на доскѣ, которая снизу подмораживается. На подобныхъ креслахъ катаются и съ горъ.

сарафаномъ, также конусообразно; на самомъ же верху мачты выставили флагъ бѣлый и красный изъ новины и какой-нибудь матеріи. Въ этотъ чудный поѣздъ впрягли лошадей двадцать; на каждую посадили по вершнику въ маскѣ и въ однообразной шутовской одеждѣ. Чтобы пирамида стояла крѣпче, не качалась въ ухабахъ и не упала на бокъ, поставили на кресла кругомъ мачты, у подошвы ея, самыхъ здоровыхъ мужчинъ. На колесо протянули веревочную лѣстницу и на него посадили самаго ловкаго шалуна, одѣтаго въ женское платье, съ большимъ кокошникомъ на головѣ и въ маскѣ. Впереди ѣхало нѣсколько всадниковъ, тоже наряженныхъ въ шутовское платье—цыганами. Какъ только шалунъ, вертящійся на колесѣ, подобно обезьянѣ, подалъ сигналъ къ отъѣзду, всадники тотчасъ же во весь опоръ поскакали по дорогѣ въ другое селеніе, а за ними двинулся съ мѣста весь поѣздъ, съ шумомъ и крикомъ, и потянулся по дорогѣ, куда поскакали верховые, только не такъ поспѣшно, а въ трусянку.

Во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ проѣзжалъ этотъ поѣздъ, его угощали за эту комедію такъ обильно, что поѣзжане возвратились домой съ изодранными масками.

Между тѣмъ пожилой народъ и старики, которые еще могутъ брести изъ улицу въ улицы, любя сивуху или полугаръ, домашнее пивцо или бражку, не обращаютъ никакого вниманія ни на проѣзжающихъ мимо ихъ нарядныхъ молодыхъ, ни на искусственную гору, ни на тѣхъ, которые ее окружаютъ, ни на пѣсни, скачку и пляску и ни на какое веселье, а помаленьку, не торопясь, бредутъ изъ дому въ домъ и поздравляютъ другъ друга съ честною, веселою и широкою масляницею. Если кто изъ нихъ и зазѣвается на удалыхъ весельчаковъ, то, другіе, взявъ зѣваку за руку, скоро оттаскиваютъ его отъ шумной и веселой толпы, увѣщевая такъ: «Эхъ, братецъ! какой ты зѣвограй! стоишь розиня ротъ; развѣ тутъ невидаль какая! Ну, посуди ты, братецъ, годится ли старику прильнуть къ молодымъ робятамъ! Ступай-знай въ свое мѣсто безъ оглядки. Лучше гдѣ-нибудь въ избѣ побалагуримъ, а съ молодыми ро-

бятами намъ нечо и связыватца. Бывали и мы молодцамъ-то дотолѣчи; и мы также шалили и баловали, какъ нончи и балуютъ наши дѣти и внучата».

Встрѣтивъ кого на пути, съ вѣжливостью зовутъ сосѣда съ собою въ артель, и если тотъ станетъ отказываться идти съ съ ними въ компанію, то говорятъ ему: «Эхъ, братецъ, какой ты упрямой! пойдемъ, пожалуйста, съ намъ вмѣстѣ: раздѣли же, пріятель, нашу компанію: не на вѣкъ вѣдь масляница-та намъ досталась; што припасено, выпьемъ и съѣдимъ все! не къ посту же беречи, припасы-те, братецъ! куда-жо дѣвать пиво съ виномъ, али въ постъ станемъ пить? въ постъ ужь не дадутъ! да и оборони Богъ отъ евтова грѣха насъ многогрѣшныхъ! дадутъ-то въ постъ только рѣдьки хвостъ, да и гложи ево знай! Вотъ дѣло-то, братъ, какое! Пойдемъ-те, братаны! нечего мѣшкать; бологo зовутъ, такъ не отговаривайся!»

Такъ всякій зоветъ къ себѣ встрѣтившагося съ нимъ сосѣда, и одинъ по одному столько ихъ наберется, что куда ни придутъ, тамъ вся посуда отъ нихъ застонетъ; всѣ пьютъ и ѣдятъ на-славу.

Наконецъ, послѣ такихъ проводовъ масляницы, любимаго праздника, что остается дѣлать гулякамъ до чистаго понедѣльника? За работы приняться не хочется, голова болитъ съ перехмѣлья. Ну и давай опять за то же: дай остановимъ масляницу хоть на денечекъ! Такъ и дѣлаютъ наши мужики. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста, еще ни свѣтъ, ни заря, а они принимаются за оставшееся вино и пиво — «немножко пополоскать во рту». Потомъ принимаются въ-плотную очищать всю посуду, до послѣдней капли, переходя артелью изъ дома въ домъ, и наконецъ, подъ вечеръ до того напьются, что иной едва ноги переставляетъ. Во вторникъ, по утру, опять принимаются за то же, только не такъ ужь проворно и не съ такою охотою, а съ тоскою и уныніемъ; въ вечеру же окончательно прощаются съ честной масляницей.

Молодой народъ совсѣмъ не такъ прощается съ этимъ праздникомъ и гораздо прежде стариковъ. Въ воскресенье Сырной

недѣли, когда уже смеркнется, часовъ около четырехъ вечера, всѣ собираются партіями, и каждый беретъ по снопу соломы, насмолятъ ихъ, воткнутъ каждый снопъ на особый шестъ, поставятъ эти шесты и. укрѣпятъ ихъ перпендикулярно къ землѣ, около дороги, въ дальнемъ разстояніи отъ селенія, зажигаютъ ихъ и дѣлаютъ порядочную сельскую иллюминацію и фейерверкъ; снопы замѣняютъ мѣсто ракетъ и гранатокъ. Жгутъ также смоляныя и дегтярныя бочки, разсохшіяся и уже ни къ чему негодныя. Такимъ образомъ, въ ночь на чистый понедѣльникъ наша молодежь масляницу совершенно сожигаетъ. И подѣломъ! — она того достойна.

13. Пóсидки.

8-го декабря. Спасо-Писконецъ.

Вчера я выѣхалъ изъ Новгорода на биржевомъ извощикѣ съ И. М. М., который проводилъ меня до Ракомы *).

Пріѣхавъ въ Ракому, извощикъ остановилъ лошадь у своего знакомаго мужика, а самъ пошелъ съ нами на *пóсидки*.

«Войдете, господа, Богу помолитесь», — предупредилъ онъ насъ на пути въ избу, въ которой были пóсидки.

Мы вошли; изба была просторна, въ ней не было ни одного стола; близъ передняго угла горѣлъ свѣтецъ съ лучиною; кругомъ стѣнъ по лавкамъ сидѣли дѣвушки, до двадцати пяти, и всѣ за пряжей. Дѣвушки были одѣты въ сарафаны и повязаны пестрыми бумажными платками по-московски, свернувъ платокъ косынкою и подвязавъ подъ подбородкомъ.

— Здравствуйте, красныя дѣвушки, — сказали мы, помолясь Богу.

— Милости просимъ, — проговорили другія, продолжая прясть.

*) Ракома очень старинная деревня: тамъ былъ дворъ Ярослава I; въ лѣтописяхъ объ ней въ первый разъ упоминается по случаю избіенія Ярославомъ Новгородцевъ.

— Надо дѣвушкамъ свѣчей купить, — сказалъ вполголоса извощикъ.

— Сколько? спросили мы.

— Да сколько хотите: какая дѣвушка понравится, той и затóпите.

— Намъ всѣ нравятся, можно всѣмъ затопить?

— Это еще лучше: значитъ, вся пóсидка понравилась.

Мы дали нашему наставнику три рубля и велѣли купить пять фунтовъ свѣчей шестерику. Онъ побѣжалъ.

— Садитесь, мóлодцы хорóши, къ нашимъ дѣвушкамъ, — сказала одна побойчѣй другихъ.

— Позволь мнѣ около тебя сѣсть, — проговорилъ я, подойдя къ одной дѣвушкѣ.

— Садись, рóдненькій, садись, — отвѣчала она, не много подвигаясь, чтобъ дать мнѣ мѣсто.

Между тѣмъ нашъ извощикъ принесъ свѣчей.

— На-те вамъ свѣчи и сдачу, — сказалъ онъ, подавая мнѣ то и другое. — Свѣчи пять фунтовъ стоятъ цѣлковый, вотъ вамъ два рубли.

— Затопляй свѣчи, — отвѣчалъ я, принимая сдачу.

Тотъ подошелъ къ свѣтцу, въ которомъ горѣла лучина, зажегъ пукъ свѣчей и, подходя къ дѣвушкамъ, предъ каждой ставилъ по свѣчкѣ между льномъ и личинкою *).

— Вамъ почтеніе сдѣлали, тихонько проговорила моя сосѣдка.

— Какое почтеніе? спросилъ я.

— А какъ же: съ васъ взяли цѣлковый за пять фунтовъ свѣчей: много брали, отъ того и уважили.

— А съ васъ сколько жъ берутъ?

— Мы не покупаемъ; покупаютъ наши мóлодцы; да покупаютъ они не фунтами, а по свѣчкѣ, по двѣ; такъ съ нихъ-

*) Здѣсь не употребляютъ гребня, а личинку, къ которой привязываютъ ленъ.

то берутъ за кажинную свѣчку 4 копѣйки; почесь, четвертакъ фунтъ-то обойдется.

Въ избу стали входить мо́лодцы хорбши, по одному, по два и больше. Каждый изъ нихъ, перекрестясь передъ иконой, говорилъ: «Здравствуйте, красныя дѣвушки!» и получалъ въ отвѣтъ привѣтливое: «здравствуйте, молодецъ хорошій!»

Многіе изъ нихъ затопляли свѣчи, ставили на личинки дѣвушкамъ; тѣ отвѣчали имъ поклономъ: «спасибо, добрый молодецъ», не прерывая работы; а коли пѣлась пѣсня, однимъ поклономъ, не прерывая и пѣсни. Затѣмъ молодцы садились около дѣвушекъ, только когда мѣсто не было занято другимъ; въ послѣднемъ случаѣ молодецъ, поставивъ свѣчку, отходилъ въ сторону или садился около другой. У многихъ дѣвушекъ горѣло по двѣ свѣчки. Дѣвушки въ полголоса разговаривали съ молодцами.

— Чтожъ вы, дѣвушки, не поете? проговорилъ кто-то изъ толпы молодцевъ безъ мѣстъ, т. е. изъ числа тѣхъ, которые стояли около дверей.

— Да попоемъ-те пѣсенокъ, попоемъ-те пѣсенокъ нашихъ! отозвалось нѣсколько дѣвушекъ изъ тѣхъ, какъ я замѣтилъ, около которыхъ не было молодцевъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли:

Не сиди-тко, Дунюшка, Дунюшка, поздно съ вечира,
Ты не жги-ль, Дунюшка, огня до билова дня.
Что до билинькаго до денечка, до краснова солнышка,
Что на утренній-то зари Дунюшка притомилася,
На тесовенькую кровать спать Дуня ложилася.
Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянъ.
Ни про батюшку Дунюшки сонъ, ни про ро́дную матушку,
Что повидился *) Дуни сонъ про мила дружка,
Про миляныкаго дружка, Дуни, только про Иванушка.
Вотъ сказа́ли только про не (во), — во даляхъ живя**),
Да не въ Питерѣ живя, ни въ славно́й Москвѣ,

---

*) Я заставлялъ эту пѣсню пропѣть нѣсколько разъ, и каждый разъ пѣли въ 6-мъ стихѣ *повидѣлся*, въ 8-мъ стихѣ *повидился*.

**) То есть живетъ въ далекихъ мѣстахъ.

Что работатъ мой милой въ Новѣгороди,
Да работу работатъ родненькой мой, ни тяжелую,
Ни въ работникахъ живя, милянькой, да онъ ни въ прикащикахъ.
Ёнъ живетъ мой милой — самъ хозяиномъ,
Ставитъ милянькой, ставитъ домы каменны.

— Славная пѣсня, — сказалъ я своей сосѣдкѣ. Въ самомъ дѣлѣ эта пѣсня мнѣ понравилась: ложилась Дунюшка не на простую кровать, а на тесовенькую; живетъ мой милой не въ работничкахъ, не въ прикащикахъ, — самъ хозяиномъ! да и не пустымъ дѣломъ милой занимается: ставитъ дома каменны!....

— Славная пѣсня, дѣвушка! нѣтъ ли у васъ еще, спойте.

— Какъ не быть у насъ пѣсенокъ хорошихъ! отвѣчала моя сосѣдка: — послушай, родненькой, послушай нашихъ пѣсенокъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли еще пѣсни, но на мою бѣду не совсѣмъ хорошія. Желая показать, что онѣ дѣвушки *полированныя*, затянули романсы. Впрочемъ, надо правду сказать, довольно трудно было узнать эти романсы: такъ были передѣланы и слова, а въ особенности голоса. Кстати прибавлю, что здѣсь поютъ превосходно; здѣшнія пѣвицы поютъ своими голосами и не насилуютъ ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Орлѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ: тамъ и женщины, и дѣвушки стараются пѣть потолще, т. е. по возможности контръ-альтомъ.

Пѣли между прочимъ и такую пѣсню:

Какъ сказали другу
Да на царскую службу!
Плакала — рыдала,
Слезы утирала,
Всеё ночь не спала...

Эту пѣсню я слышалъ въ Орловской и Новгородской губерніяхъ, и отъ солдатъ, и отъ женщинъ. Въ солдатскихъ хорахъ запѣваетъ одинъ, и передъ третьимъ стихомъ, т. е. передъ словами: «плакала — рыдала», какъ будто бросаются на пѣсню, врываются въ нее. Пѣвицы же *пристаютъ* къ пѣснѣ; тоже одна запѣваетъ, а остальныя начинаютъ пѣть, когда которой вздумается: одна со слова «царскую», другая съ «рыдала»,

третья съ «ночь не спала», какъ придется. Пѣсня идетъ свободно, легко; видно, что пѣсня поется, а не служба справляется. Моя сосѣдка разговаривала со мной, но продолжая въ тоже время участвовать въ пѣснѣ; бросивъ мнѣ нѣсколько словъ, начинала пѣть, разумѣется, съ того слова или даже слога, который тогда пѣлся.

— Походимте, дѣвушки, походимъ, повеселимъ молодцовъ! заговорили нѣкоторыя.

— Походимъ, походимъ!

— Ну, молодцы хорóши, ходите кто нибудь!

Не вставая съ мѣстъ и продолжая прясть, онѣ запѣли:

Какъ по первой по порошѣ,
Какъ по первой по порошѣ,
Ходилъ молодецъ хорошей.

При началѣ этой пѣсни, вышелъ одинъ молодецъ хорошій съ платкомъ, и сталъ ходить около пѣвицъ, при словахъ пѣсни:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Шелковой-то онъ платочекъ
Дѣвкѣ на колѣни...

Онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣна; та взяла, не спѣша погасила свои свѣчи и поставила прялку *) на лавкѣ къ сторонѣ и вышла на средину. Пѣсня, по обыкновенію всѣхъ хороводныхъ (или какъ здѣсь называются короводныхъ), оканчивалась поцѣлуемъ. Послѣ чего, когда молодецъ сѣлъ, стала ходить дѣвушка и бросила

Шелковый платочекъ
Парню на колѣнки.

Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвушку и началъ ходить подъ ту же пѣсню. Когда дѣло дошло до шелковаго платочка, онъ бросилъ его на колѣна моей сосѣдкѣ, а когда ей пришлось бросить этотъ платочекъ, она бросила на колѣна мнѣ. Дошла

*) Прялкой называютъ здѣсь данце съ личинкой, а настоящую прялку — самепрялкой.

очередь и мнѣ выбирать: желая за любезность сосѣдки, выбравшей меня, отплатить ей такою же любезностью, я вызвалъ ее же.

— Родненькій, послушай что я тебѣ скажу — сказала сосѣдка, садясь около меня: —у насъ такъ не водится: я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты ту жъ пору и мнѣ.

— Да отчего же не водится? спросилъ я.

— Да ужъ такъ у насъ не повелось,—отвѣчала она.—Пожалуйста, родненькій, теперь на первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хоть и меня.

Съ часъ продолжался хороводъ, потомъ опять начали пѣть простыя пѣсни: часу до перваго продолжались посидки, я не дождался окончанія и ушелъ не простясь.

14. Свадебные обряды въ Галичѣ.

Жители стариннаго Галича сохраняютъ постояннѣе многихъ другихъ городовъ древнія свои убранства; между прочимъ доселѣ ведется обычай вѣнчать дѣвушекъ въ жемчужной повязкѣ, похожей на корону, которая и называется вѣнцомъ. Повязка сія принадлежитъ богатому купцу Зиновьеву, и онъ съ охотою ссужаетъ ею всѣхъ невѣстъ, такъ что большая часть дѣвицъ въ Галичѣ вѣнчалась въ сей повязкѣ.

Свадебные обряды между галицкими горожанами напоминаютъ также любезную простоту нашихъ предковъ, и заслуживаютъ быть замѣчены, пока еще не исказились, или совершенно не изгладились отъ нововведеній, которыя, къ сожалѣнію, пробираются и въ самые отдаленные уголки Россіи.

Когда какой-нибудь отецъ семейства задумаетъ женить сына, то сзываетъ къ себѣ ближайшихъ родственниковъ и предлагаетъ на ихъ разсужденіе свое намѣреніе. Потомъ изъ среды ихъ выбираетъ самаго расторопнаго, рѣчистаго, котораго и посылаетъ сватомъ.

Сватъ, по приходѣ къ дому невѣсты, стучитъ желѣзнымъ кольцомъ у воротъ три раза, и, вызвавъ отца ея для переговоровъ,

объявляетъ ему о причинѣ своего посѣщенія. Отецъ невѣсты, какъ обыкновенно бываетъ, требуетъ времени хорошенько подумать о сдѣланномъ предложеніи, и съ тѣмъ отпускаетъ свата назадъ. По возвращеніи въ свѣтлицу, онъ спрашиваетъ невѣсту, любъ, али нелюбъ ей такой-то. На вопросъ сей она отвѣчаетъ однѣми слезами или двумя словами: на то воля родительская. Сказать свое мнѣніе считается величайшимъ неприличіемъ и неблагоразуміемъ. Заботливый отецъ развѣдываетъ о поведеніи и положеніи дѣлъ жениха. Когда вѣсти добрыя, и въ назначенное время явится сватъ за отвѣтомъ, его уже просятъ пожаловать въ горницу, сажаютъ за столъ, честятъ, угощаютъ, а настойчивый сватъ разными шутками и прибаутками старается скорѣе выманить у отца невѣсты согласіе на бракосочетаніе. Тогда зажигаютъ восковыя свѣчи предъ иконами; всѣ присутствующіе начинаютъ молиться, и отецъ невѣсты бьетъ съ посланнымъ по рукамъ. Сватъ тотчасъ же отправляется за женихомъ. По приходѣ послѣдняго, возобновляется тотъ же обрядъ, съ тою только разницею, что при немъ находится сама невѣста, которую отецъ отдаетъ жениху изъ полы въ полу. Святость сего богомоленія столь много уважается, что ни которая сторона, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ нарушить даннаго слова: всѣ увѣрены, что на измѣнившаго оному прольются всѣ бѣды и несчастія.

Съ сего времени женихъ каждое утро навѣдывается о здоровьи будущей своей супруги, а съ наступленіемъ вечера опять отправляется къ ней пить чай, въ сопровожденіи одного изъ своихъ родственниковъ. Въ переднемъ углу горницы, назначенной для пріема дорогаго гостя, приготовленъ маленькій столикъ, уставленный различными лакомствами, въ числѣ коихъ почитаются необходимостью пряники и каленые орѣхи. Ласковая теща съ низкими поклонами сажаетъ за столъ будущаго зятя, между тѣмъ проворная досужая сваха выводитъ невѣсту, убранную въ самый лучшій нарядъ: если она дочь человѣка зажиточнаго, драгоцѣнный жемчугъ въ видѣ сѣтки лежитъ на ея груди и покрываетъ ея голову: ее становятъ посреди свѣтлицы.

Ловкій женихъ беретъ свою суженую-ряженую за бѣлую ручку и ведетъ за столъ. Когда они усядутся, отворяютъ широкія ворота настежь, толпы народа всякаго пола и возраста приходятъ смотрѣть на сговоренную чету и слушать пѣсенки дѣвушекъ:

«Ты камочка, камочка моя,
«Ты камка мелкотравчатая,
«Не давайся развертываться
«Ни по атласу, ни по бархату,
«Ни по аксамиту на золотѣ.
«Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
«Хрущату камку развернулъ
«Всѣ узоры повысмотрѣлъ,
«Всѣ круги позолоченные.
«Какъ барскій сынъ волю взялъ,
«Онъ Аннушку за руку бралъ,
«Ивановну за бѣлую;
«Онъ повелъ за дубовый столъ,
«За скатерти бранныя,
«За яства сахарныя.

Большая часть галицкихъ свадебъ совершается осенью, а какъ въ это время бываютъ самыя темныя ночи, то должно замѣтить, что галицкія красавицы, которыя выходятъ днемъ не иначе, какъ закрывшись большимъ опахаломъ, и ставятъ въ безчестіе, если увидитъ ихъ въ лицо мужчина, оставляютъ на эту пору азіятскую свою застѣнчивость.

Наканунѣ дня, назначеннаго для бракосочетанія, всѣ невѣстины подружки собираются къ ней въ домъ, топятъ баню и съ пѣснями провожаютъ ее туда. Тамъ расплетаютъ ей косу, а она, по обыкновенію, плачетъ надъ нею, тогда какъ дѣвушки поютъ пѣсни:

«Не трубушка трубила рано на зарѣ,
«То плакала свѣтъ Аннушка по русой косѣ: —
«Ахъ ты, моя косынька, русая коса!
«Разобьютъ тебя, косыньку, на шесть доль,
«Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы...

Ввечеру женихъ привозитъ туалетъ (небольшой ящикъ съ зеркальцомъ), въ которомъ положены башмаки, чулки, мыло,

бѣлила, румяна и другія мелочи, и даритъ невѣсту, а та раздаетъ эти бездѣлки подружкамъ, которыя на дѣвичникѣ споютъ ей въ утѣху:

«Залетала пташечка
«Во соловью клѣточку,
«За серебряну сѣточку,
«За золочену рѣшоточку,
«За жемчужну переплеточку;
«А сама-то встоскуется,
«А сама-то взгорюется...

Или:

«Разлилась, разлелѣялась
«По лугамъ вода весенняя,
«Унесло, улелѣяло
«Чадо милое, дочь отъ матери, и проч.

Въ день свадьбы, лишь только начнутъ звонить къ заутренѣ, невѣста, вмѣстѣ съ молодыми родственницами своими, идетъ въ церковь служить молебенъ. Исполнивъ христіанскій долгъ и возвратясь домой, она испрашиваетъ благословенія у отца и матери. Послѣ этого укладываютъ приданое, которое, у достаточныхъ, состоитъ изъ жемчужныхъ уборовъ, парчевыхъ и шелковыхъ сарафановъ, душегрѣекъ, полушубковъ и т. п. Потомъ сбираютъ невѣсту подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей волосы, примачивая квасомъ, и братъ ея, по старинному заведенію, самъ обуваетъ ее, послѣ чего надѣваетъ на нее парчевую юбку и шубу, опушенную куницами или соболями, не смотря на то, что свадьба иногда бываетъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ: голову, сверхъ жемчужной поднизи, покрываютъ фатою. Для сбереженія невѣсты отъ дурнаго взгляда и другихъ ненароковъ, по старому повѣрью, сваха втыкаетъ украдкою ото всѣхъ иголку въ низъ ея платья и подпоясываетъ поясомъ, выплетеннымъ на подобіе сѣтки. Послѣ того уже надѣются, что къ ней не прикоснется никакое лихо, никакой дурной глазъ не сглазитъ.

Такимъ образомъ убранная невѣста дожидается жениха; онъ пріѣзжаетъ за нею въ сопровожденіи священника и большаго

поѣзда, состоящаго изъ холостыхъ его родственниковъ, которыхъ невѣста даритъ ширинками или тому подобнымъ, смотря по состоянію. Отправляясь въ церковь, строго наблюдаютъ, чтобъ не проѣзжать ни подъ какимъ видомъ мимо дома жениха, дѣлая часто для того большіе объѣзды. Самая невозможность избѣгать этого поглазья почитается худымъ предзнаменованіемъ.

По совершеніи священнодѣйствія, всѣ свадебные гости слѣдуютъ за молодыми въ домъ жениха, гдѣ бываетъ уже приготовленъ роскошный столъ. Во время пиршества новобрачную крутятъ, т. е. свиваютъ ей двѣ косы, и надѣваютъ на голову огромный кокошникъ. Изъ-за четвертаго блюда отводятъ молодыхъ на покой. Молодой садится на постелю и предъ нимъ съ рабскою покорностью и подобострастіемъ стоитъ супруга его въ ожиданіи приказаній. Тутъ, по завѣту блаженной старины, самовластный мужъ протягиваетъ ногу и молодая жена снимаетъ съ него сапоги. Изъ праваго выпадаютъ деньги, а изъ лѣваго плетка въ намекъ, что отъ мужа она должна ожидать и награды, и наказанія. Свадебные пиры нерѣдко продолжаются по двѣ недѣли и болѣе; самые бѣдные не смѣютъ праздновать менѣе шести дней.

15. Старообрядцы и раскольники.

Въ старые годы грамотныхъ людей на Руси было очень мало, а полуграмотные переписчики церковныхъ книгъ, по невѣжеству, вносили въ нихъ самыя грубыя ошибки. Къ тексту, исполненному такого рода ошибками, предки наши постепенно привыкали. Черезъ два-три поколѣнія ошибка переписчика дѣлалась уже святынею для набожныхъ людей, строгихъ ревнителей обряда и буквы. Такая порча книгъ началась издавна: такъ называемые «худые номоканунцы» были у насъ еще въ XII вѣкѣ.

То же самое и относительно обрядовъ. Отъ недостатка книжнаго наученья не только міряне, но и духовные путались во

множествѣ сложныхъ обрядовъ. Это особенно замѣчалось въ Новгородѣ и Псковѣ. Оттуда и пошли по сѣверной Руси обряды, не согласные съ древними греческими, неизвѣстные въ южной, кіевской Руси, но получившіе значеніе неприкосновенной святыни въ глазахъ ревнителей старины сѣвернаго края. Таковы: сугубое аллилуія *), двуперстное сложеніе, ходы посолонь **) и пр. На сѣверѣ, то есть во всей Великой Россіи, всѣ эти обряды стали сильно распространяться и утверждаться съ 1410 года, или со времени раздѣленія русской митрополіи на двѣ половины, московскую и литовскую; окончательно же они утвердились во времена первыхъ московскихъ патріарховъ. Ослабленіе связей съ Константинополемъ и потомъ полная независимость московской церкви обусловливали невмѣшательство восточныхъ патріарховъ въ великорусскія церковныя дѣла; между тѣмъ литовская половина на Руси до конца XVII столѣтія зависѣла вполнѣ и непосредственно оть цареградской патріархіи и всегда находилась въ болѣе тѣсныхъ связяхъ съ восточными православными церквами, чѣмъ московская. Этимъ объясняется замѣчательное и въ наше время явленіе: въ южно-русскихъ областяхъ не было и нѣтъ испорченныхъ обрядовъ и не образовалось раскола: до сихъ поръ въ Малороссіи и западномъ краѣ расколъ чуждъ коренныхъ жителей и содержится одними выходцами изъ Великой Россіи.

Еще при Иванѣ Грозномъ искаженіе обряда и буквы въ Московскомъ государствѣ было уже такъ велико и такъ повсемѣстно, что обратило на себя вниманіе самого царя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ отвратить дальнѣйшую порчу книгъ малограмотными переписчиками признано было книгопечатаніе. Стали печатать книги въ Москвѣ, но по тѣмъ невѣрнымъ спискамъ, которые были во всеобщемъ употребленіи. Самое же исправленіе книгъ отлагалось отъ времени до времени. Смутное время, въ началѣ XVII вѣка, и послѣдствія его надолго задержали дѣло

---

*) Сугубое аллилуія — двукратное аллилуя.

**) Ходы посолонь — хожденіе по теченію солнца, съ востока на западъ.

рѣшительнаго исправленія книгъ. Такъ и шло дѣло до половины XVII вѣка.

Въ это время бархатную мантію съ золотыми источниками надѣлъ Никонъ Мордвинъ, родомъ изъ села Вельдеманова *), человѣкъ обширнаго ума и непреклонной воли, «особинный другъ» царя Алексѣя Михайловича. Онъ принялъ рѣшительное намѣреніе, во что бы то ни стало, исправить книги и исправленными одновременно и повсемѣстно замѣнить порченныя, какъ печатныя, такъ и рукописныя. Въ 1654 году Никонъ издалъ *Служебникъ*. Въ немъ отмѣнялись нѣкоторые обряды, къ которымъ привыкли и попы, и міряне въ продолженіе не одного столѣтія. Ужасомъ поражены были люди набожные, строгіе ревнители старины и обряда; для ненабожныхъ было все равно. Недовольство патріархомъ обнаружилость тотчасъ же. И гдѣ же? Рядомъ съ патріархіей, въ кремлевскихъ теремахъ, на половинѣ набожной и благочестивой царицы Марьи Ильинишны.

Воспитанная въ старыхъ обрядахъ, свято чтимыхъ Милославскими и всѣми ихъ родственниками и свойственниками, набожная, но не наученная книжной мудрости, царица съ негодованіемъ встрѣтила Никоновы «новшества». Всѣ окружавшіе ее, самые близкіе къ ней люди, недоброхотно смотрѣли на дѣло Никона. Старикъ Соковнинъ, ея ближайшій совѣтникъ, завѣдывавшій ея частнымъ хозяйствомъ; сыновья его, бывшіе при царицыномъ дворѣ; его дочери, Морозова и княгиня Урусова, самыя любимыя царицею боярыни, сверстницы ея по воспитанію; вся родня ея, то есть Милославскіе, Хованскіе, были истые ревнители обряда и старины. Съ ненавистью смотрѣли они на Никона и хулили его дѣло въ царицыномъ теремѣ. Самъ духовникъ Марьи Ильинишны, благовѣщенскій протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, прежде пріятель Никона, теперь явно ему воспротивился и много недобраго внушалъ своей духовной дочери о «новосоставленныхъ, Никономъ измышленныхъ», обрядахъ.

---

*) Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, на горѣ Тяпкиной.

Главные соборяне кремлевскихъ соборовъ были однѣхъ мыслей съ царскимъ духовникомъ. Такимъ образомъ, при самомъ началѣ церковнаго раздора, во главѣ противниковъ Никона стали царица московская съ ближними къ ней людьми и самое высшее бѣлое духовенство московскаго кремля.

Царь и бояре, кажется, принимали въ этомъ дѣлѣ мало участія. Современи изданія *Служебника*, Алексѣй Михайловичъ безъ малаго два года почти безъ выѣзда находился въ Литвѣ, побѣдоносно воюя съ польскимъ королемъ.

Изъ кремлевскихъ теремовъ полился расколъ по московскимъ улицамъ, а изъ Москвы, изо всѣхъ заставъ ея, разлился во всѣ стороны по городамъ, по селамъ и деревнямъ. По городамъ во главѣ раскола стало также высшее бѣлое духовенство. Въ числѣ первыхъ расколоучителей видимъ протопоповъ и поповъ: Никиту въ Суздалѣ, Аввакума — въ Юрьевцѣ, Лазаря— въ Романовѣ, Даніила — въ Костромѣ, Логгина — въ Муромѣ, Никифора въ Симбирскѣ, Андрея — въ Коломнѣ, Серапіона— въ Смоленскѣ, Варлаама — въ Псковѣ и пр. По селамъ пріобыкшіе къ старому обряду попы сначала преспокойно положили новоисправленныя книги на клиросахъ, и не заглядывая въ нихъ, пѣли службу по старому. На первыхъ порахъ сельскій народъ и не замѣтилъ перемѣны. Но въ монастыряхъ, гдѣ иночествующая братія была относительно развитѣе и разумнѣе приходскаго духовенства, новый обрядъ былъ принятъ. Въ монастыряхъ служили по новому, въ приходахъ — по старому. Народъ, видя такую рознь, соблазнялся. И пошли толки. Между тѣмъ монахи, патріаршіе десятильники и заказчики доносили святѣйшему, что сельскіе попы «ему ослушны: по новымъ книгамъ его исправленія службы Божіей въ приходныхъ церквахъ не поютъ». По такимъ доносамъ начинались розыски: съ поповъ, уличенныхъ въ службѣ по Іосифовскимъ книгамъ, брали денежныя пени, сажали ихъ по монастырямъ подъ началъ, упорнѣйшихъ держали въ монастырскихъ поварняхъ на цѣпяхъ. Иногда ослушниковъ воли патріаршей смиряли и батогами. Наказанія ожесточали, и попы дѣлались упорнѣе, думая, что страдаютъ

за правду, за старую отеческую вѣру. Стали нѣкоторыхъ, болѣе вліятельныхъ, посылать въ ссылки. Народъ смотрѣлъ на нихъ какъ на мучениковъ за «старую вѣру», укрѣплялся въ стояніи за старину и слушать не хотѣлъ никакихъ увѣщаній о покореніи волѣ святѣйшаго Никона. А между тѣмъ изъ Москвы, изъ палатъ и хоромовъ политическихъ враговъ патріарха, бывшаго тогда почти полновластнымъ правителемъ государства, неслись по сельщинѣ и деревеньщинѣ недобрыя вѣсти: «Никонъ старую вѣру рушитъ!...». И задумались православные. Задумались и въ Москвѣ, и на Волгѣ, и на Сѣверѣ, и въ Сибири.

И встарь, какъ и теперь, русскій народъ каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ и близко касающееся его домашняго быта, его собственныхъ дѣлъ, объясняетъ по-своему. Объясненія бывали и бываютъ иногда до крайности нелѣпы, но они всегда замѣчательны, какъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій даннаго времени. Такъ было и при исправленіи церковнаго обряда Никономъ.

Откуда эти «новшества»? Кто возбудилъ Никона рушить старую вѣру? Чье велѣніе творитъ онъ? Такіе вопросы двѣсти лѣтъ тому назадъ задавали себѣ на Руси ревнители старины. Первымъ виновникомъ оказался, разумѣется, «діаволъ, всегда искій кого поглотити, исконный пакостникъ роду христіанскому.» А за нимъ — папа римскій, которому на этотъ разъ, разумѣется, и въ голову не приходило ничего подобнаго. Въ то время и Великоруссы и Южноруссы были страшно озлоблены противъ поляковъ и римскаго костела. Въ Московскомъ государствѣ у всѣхъ еще на свѣжей памяти были недавнія событія смутнаго времени и фанатическое звѣрство римскихъ католиковъ въ самыхъ стѣнахъ кремля. Люди Московскаго государства были современниками польскихъ неправдъ и неистовствъ при варварскомъ, насильственномъ, кровавомъ обращеніи Южноруссовъ и Бѣлоруссовъ въ унію. Малороссія только что поддалась «подъ высокую руку» православнаго царя, избѣгая польско-католическаго ига. Царь въ Литвѣ побѣдоносно мстилъ обиды и многія неправды польскаго короля и пановъ рады. Уже Вильна и Гро-

дно были наши, сама Варшава трепетала въ ожиданiи очереди сдѣлаться московскимъ пригородомъ. Москвитяне находились въ напряженномъ состоянiи. Всякое зло приписывалось ненавистнымъ полякамъ и markознямъ римскаго двора и iезуитовъ. Эта ненависть поддерживалась и усиливалась разными сочиненiями, писанными въ литовской Руси, съ цѣлiю охранить православiе отъ католицизма. По тогдашнимъ московскимъ понятiямъ, злѣе, душепагубнѣе латинства во всемъ мiрѣ другой ереси не было. И пустили враги Никона по народу слухъ нелѣпый, но за то быстро распространившiйся отъ Днѣпра до Байкала и повсюду принятый за истину, нетребующую доказательствъ. «Поляки, да римскiй костелъ, чрезъ врага Божiя Никона, хотятъ замутить русскою землею». И пошли по народу одни толки за другими. И пошла по людямъ мiрская молва, что по морю морская волна. И было много смятенiя въ людяхъ.

«Никонъ, толковали, прiемшiй латинскiй (четвероконечный), крыжъ, ругаяся истинному и животворящему кресту Господню, трисоставному, осмиконечному, нашилъ его, святынѣ и Богу Всевышнему ругаяся, на своихъ башмакахъ, да скверныма своима ногама ежечасно попираетъ святое знаменiе, его же бѣси трепещутъ и еже вселенную утверди.»

«Никонъ, говорили, отметнувъ святый жезлъ Петра чудотворца, повелѣ его своимъ страдникамъ въ нуждную яму вкинути, а на своемъ скверномъ жезлѣ змiи антихристовы нѣмецкою хитростiю устроя и егда свою литургiю богоотметную служитъ, благочестивые и христоподражательнiи людiе во очiю зрятъ, яко не святый омофоръ, но нѣкiй мерзкiй и престрашный, чермный змiй на плещахъ его виситъ, ползая и трегощуще».

Таковы были народные толки о Никонѣ. И раздался по городамъ и селамъ, по лѣсамъ и пустынямъ, тотъ самый ясакъ (кликъ), который лѣтъ сорокъ до того «воздвигъ отъ сна уснувшихъ», по выраженiю Минина. Ясакъ тотъ былъ: «погибаетъ вѣра православная!» Еще живы были старики, что въ юности порадѣли дѣлу земскому, ходили съ Кузьмой Захарьевичемъ, да съ княземъ Дмитрiемъ Михайловичемъ очищать Москву «отъ

польскихъ людей и отъ русскихъ воровъ». «На то ли мы боронили святоотеческую, православную церковь, говорили они теперь, — чтобы съ Никономъ отступникомъ зловѣрію послѣдовать и впадше въ смрадную яму еретичества, душами и тѣлесами погибнуть?» Противленіе патріарху до того дошло, что не только по многимъ церквамъ царствующаго града Москвы, но и въ самомъ Успенскомъ соборѣ, священники и причтъ не переставали служить по-старому, по-Іосифовски. При самомъ служеніи патріарха въ этомъ храмѣ, священникъ Иванъ Нероновъ не допускалъ чтецовъ троить аллилуію и много разъ спорилъ о томъ съ самимъ Никономъ, къ явному соблазну богомольцевъ. Нероновъ былъ въ милости при дворѣ, и Никонъ въ то время еще не рѣшился строго поступить съ нимъ. «И мнози, говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ раскольническихъ писателей, яко отъ священныхъ, тако и отъ мірскихъ, о того (Никона) новинахъ смущахуся, и великія молвы и мятежи въ Россійской земли совершаху».

А между тѣмъ чума ходила по Россіи и были повсемѣстные неурожаи. Страшная была гибель народа. Мы, современники холеры, не можемъ вполнѣ представить всѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось моровое повѣтріе 1654 года. Города опустѣли; посадскіе люди и крестьяне, которые не умерли, разбрѣлись врознь. Хоронить было некому; трупы гнили въ домахъ: иныя деревни вымерли поголовно. Поля остались не засѣянными, кустарниками поросли. Оттого голодъ пошелъ, и на все непомѣрная дороговизна. Народъ молился, женщины по ночамъ таинственно опахивали селенія, мужчины по обѣту строили «обыденныя» церкви, обрѣтались чудотворныя иконы и, какъ гласятъ благочестивыя преданія, избавляли цѣлые города отъ мора. Народъ страдалъ и всю бѣду сваливалъ на того же Никона. «То — Божіе наказаніе, говорилъ онъ, за то, что многіе христіане, послѣдуя за Божіимъ врагомъ, отринули святоотеческіе завѣты и преданія». Стояли необычайные морозы, были страшныя бури, градомъ выбивало поля, а на небесахъ то-и-дѣло видимы были знаменія: столбы кровавые ходили, солнце

меркло, явилась огромная звѣзда съ метлой... «Зрите, православные, зрите знаменія гнѣва Господня, излія бо Вышній фіалъ ярости своея, грѣхъ ради нашихъ. А за то всеблагій Творецъ родъ христіанскій наказуетъ, что многіе пошли по слѣдамъ врага Божія и Пречистыя Богородицы — волка Никона!»

И малая доля подобныхъ толковъ, проникая въ крестовую патріаршую палату, могла бы смутить всякаго, носившаго жемчужныхъ херувимовъ на головѣ и бархатную мантію на плечахъ; но не таковъ былъ Никонъ. Онъ ужь по природѣ своей никакъ не могъ своротить съ разъ избраннаго пути, никакъ не могъ сдѣлать какой-либо уступки, словомъ ни одного шага назадъ. Препятствія лишь усиливали его энергію, и онъ, писавшійся «*Божіею милостію великимъ государемъ и патріархомъ*», всѣмъ объемомъ души вѣрилъ въ свое божественное право не только учить, но и повелѣвать. За отсутствіемъ царя, онъ правилъ государствомъ, и передъ нимъ, вельдемановскимъ мордвиномъ, крестьянскимъ сыномъ, волей-неволей преклонялись гордые, заносчивые, родословные люди Московскаго государства. Боярская дума думала такъ, какъ хотѣлось Никону. Во всѣхъ приказахъ творилась воля его; для непокорныхъ же тюремъ и застѣнковъ было не занимать стать. Врачъ душевный каралъ тѣлеса и каралъ тяжко. Непокорные попы томились въ ссылкахъ или въ монастырскихъ поварняхъ и погребахъ съ цѣпями на шеѣ. Дрожали и вельможи. Сама царица не считала себя вполнѣ безопасною.

Никонъ счелъ нужнымъ строго, властію всей церкви, утвердить исправленный обрядъ. По правиламъ это возможно было лишь посредствомъ помѣстнаго собора. Собору же быть безъ воли и личнаго присутствія государя, по тѣмъ же правиламъ и по всѣмъ бывшимъ примѣрамъ какъ въ русской, такъ и въ византійской церкви, нельзя. А государь все въ Литвѣ. И невольно медлилъ Никонъ, досадуя, давая волю гнѣву, и въ то же время, постясь, молясь и нося тяжелыя вериги, умерщвлялъ плоть свою. Въ это время онъ начиналъ уже дѣятельную переписку съ восточными патріархами. Объ уступкахъ, о снис-

хожденіи, объ умиреніи народа патріархъ и не помышлялъ, онъ презиралъ народъ и его желанія не меньше, чѣмъ въ послѣдствіи Петръ.

Какъ скоро Алексѣй Михайловичъ воротился въ Москву, Никонъ созвалъ соборъ русскихъ архіереевъ (1656), еще разъ утвердившій новоисправленный обрядъ, приравнявшій двуперстіе къ ересямъ несторіевой и армянской и проклявшій крестящихся двумя перстами. Тогда же, для повсемѣстнаго прекращенія службы по старому, Никонъ приказалъ по всѣмъ приходамъ, и городскимъ, и сельскимъ, отобрать старыя книги. Поступая такимъ образомъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду примѣръ патріарха Филарета, не только повсюду отобравшаго, но даже и сжегшаго *Уставъ*, напечатанный въ Москвѣ въ 1610 году. Но что удалось отцу царя, то не прошло благополучно при сынѣ вельдемановскаго мордвина. Двуперстники на соборную анаѳему отвѣчали анаѳемой, а разосланнымъ для отобранія старыхъ, свято чтимыхъ книгъ «по многимъ городамъ и селамъ не отдавали, и служить по нимъ не переставали.» Посланные мѣстами прибѣгали къ насиліямъ; бывали драки и даже увѣчья изъ-за книгъ, а изъ нѣкоторыхъ церквей мірскіе люди тайкомъ брали старыя книги, и какъ драгоцѣнность, уносили съ собой въ лѣса, въ пустыни, въ тундры отдаленнаго сѣвера. До крайности крутая мѣра отобранія старинныхъ книгъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства потрясла всѣхъ, а особенно людей простыхъ. «Какъ же, говорили они, — вѣдь по этимъ книгамъ столько лѣтъ божественную службу правили, вѣдь по этимъ книгамъ святыя тайны совершали и насъ освящали, а теперь эти книги не въ книги? По этимъ книгамъ святые отцы Богу угодили, а теперь онѣ негодны стали. Кто же правѣе, кто же святѣе: святые отцы и преподобные, или Никонъ?» Вразумлять такъ говорившихъ, что таинство и души человѣческія освящаются не внѣшнимъ обрядомъ, и не старыми или новыми книгами, а вѣрою и благодатію, что исправленіе обряда необходимо, было совершенно невозможно. Простые сердцемъ и не книжные люди этого не понимали, да и понять не

могли. Что же вышло? Всѣ люди набожные, всѣ люди, преданные церкви, уклонились отъ Никона и образовали *расколъ*. Сюда принадлежало преимущественно простонародье, особенно женщины. Напротивъ, люди, болѣе или менѣе равнодушные, приняли все введенное Никономъ. Сюда принадлежало большинство людей высшихъ классовъ тогдашняго общества. Не легко было и имъ переучиваться креститься: по привычкѣ, усвоенной съ младенчества, правая рука все складывала для крестнаго знаменія два перста; но понемногу эти люди пріобрѣли навыкъ креститься по-новому.

Никонъ въ своихъ дѣйствіяхъ опирался на авторитетъ восточныхъ православныхъ патріарховъ и надѣялся на нихъ какъ на каменную стѣну. Но люди Московскаго государства грековъ ставили ни во что. Въ XVII столѣтіи патріархи, митрополиты, архимандриты, монахи и купчины греческіе то и дѣло къ намъ ѣздили: привозили они четки іерусалимскіе, иконы, камешки отъ святыхъ мѣстъ Палестины, и въ замѣнъ того получали червчатые бархаты веницейскіе, дорогіе аксамиты и алтабасы, сибирскихъ соболей, кафимскій жемчугъ и золотые ефимки. Чтобы получить побольше милостыни отъ набожнаго царя и благочестивыхъ его подданныхъ, греки возбуждали ихъ къ большей щедрости преувеличенными нерѣдко разсказами о паденіи православія на Востокѣ. «Отъ тѣсноты и гоненія Агарянскаго, говорили они,—померче православія свѣтъ на Востокѣ; только во единой Москвѣ, семъ третіемъ Римѣ, истинная вѣра сіяетъ яко свѣтило.» Такія рѣчи приходились русскимъ людямъ по сердцу; онѣ льстили народному самолюбію. Иные греки говорили: «къ вамъ въ Москву надо ѣздить учиться благочестію». Это еще болѣе радовало русскихъ и прибавляло хорошіе лишки къ милостынѣ, подаваемой «разоренными грекамъ». Но уважать грековъ не уважали. Слова «суть же Греци льстивы (то есть обманщики) до сего дня», со временъ преподобнаго Нестора не выходили изъ сознанія русскихъ людей. Бывшіе въ Москвѣ греческіе патріархи и митрополиты (1649—1654), видя рознь московскихъ обрядовъ съ греческими, не одобряли ее и совѣ-

товали Никону поскорѣе приступить къ рѣшителькому исправленію. Аѳонскіе старцы тоже говорили, что московскій обрядъ не хорошъ и жгли книги московской печати. Русскій народъ не слушалъ ни патріарховъ, ни аѳонскихъ монаховъ, за то послушалъ старца Арсенія Суханова, своего русскаго, посланнаго царемъ и Никономъ на Востокъ досматривать тамошніе обряды. Сухановъ все, что видѣлъ, описалъ въ своемъ *Проскинитаріи*, и списки съ этого сочиненія быстро разошлись въ народѣ. Въ немъ русскій паломникъ описалъ всѣ несходства обряда греческаго съ нашимъ, но еще болѣе описывалъ небреженіе грековъ къ обряду. А для русскихъ людей это больше всего значило. Равнодушіе грековъ къ памятникамъ святыни, сообщенія ихъ съ иновѣрцами, несоблюденіе постовъ въ томъ строгомъ видѣ, въ какомъ установились они въ послѣднее время у насъ на сѣверѣ, странная для московскаго глаза одежда духовныхъ лицъ и самихъ монаховъ, ношеніе мірянами европейскаго платья, — все это до глубины души возмущало Суханова, и онъ съ наивностію стариннаго паломника записалъ свои впечатлѣнія. Никогда не пользовавшіеся добрымъ мнѣніемъ нашихъ предковъ, греки, съ по вленіемъ Сухановскаго *Проскинитарія*, упали еще ниже. Въ тоже время узнали на Руси, что многіе греки признали главенство папы римскаго, что изъ самихъ константинопольскихъ патріарховъ иные склонялись къ латинству, что въ Константинополѣ нѣкоторые греки уклонялись и въ кальвинство.

«У Грековъ вѣра пестра,—говорили двуперстники:—по взятіи турскимъ салтаномъ Царьграда православіе у нихъ погибло, и они теперь, подъ личиною православія, содержатъ ереси: латинскую, кальвинскую и армянскую.» «А Никонъ къ намъ хочетъ вводить сію пеструю вѣру!» говорили другіе. И когда указывали имъ на восточныхъ патріарховъ, сѣдящихъ на апостольскихъ престолахъ, что и они содержатъ тѣ самые обряды, которые Никонъ теперь велѣлъ на Москвѣ исполнять, что эти патріархи вполнѣ одобрили новыя книги,—слушать ничего не хотѣли двуперстники, начитавшіеся *Проскинитарія*, и отвѣчали увѣщателямъ: «знаемъ мы тѣхъ патріарховъ, знаемъ мы, какъ

они съ богомерзкими Турками сь одного блюда мясо ѣдятъ »
Задавали себѣ русскіе люди, ревнители старины и стараго обряда, вопросъ: православны ли греки? и всегда почти рѣшали такой вопросъ отрицательно. Вѣдь сами же греки сказывали, что имъ надо ѣздить въ Москву учиться православію, а теперь хотятъ насъ учить.

«Сказываютъ,—толковали на Руси и въ домахъ, и на базарахъ, и на другихъ многолюдныхъ собраніяхъ, — сказываютъ, что и крещены-то греки не въ три погруженія, а обливаны, какъ обливаютъ въ римскомъ костелѣ. А крещеніе такое нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе. И въ черкаскихъ городахъ (Малороссіи) тоже обливаютъ, и въ Кіевѣ водится таже ересь, и у Бѣлорусцевъ, а все отъ того, что тамошніе люди всегда были подъ греческимъ цареградскимъ патріархомъ, а не подъ нашими, православными. Оттого святѣйшій Филаретъ, патріархъ московскій, и велѣлъ крестить Бѣлорусцевъ совершенно.»

«Вездѣ нарушена вѣра православная, только въ Московскомъ государствѣ до дней нашихъ стояла она твердо и сіяла яко солнце. А теперь и у насъ врагъ Божій Никонъ хочетъ ее извести...» — «Чтó же это значитъ? Къ чему все это идетъ?» спрашивали грамотѣевъ скорбные, упавшіе духомъ люди. Грамотѣи раскрывали свято почитаемую народомъ и опороченную Никономъ *Книгу Вѣры*, собирали вокругъ себя кружки, и возгласивъ: «внемлите православные!» такъ читали и толковали:

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія Божія Слова бысть развязанъ сатана, и Римъ отпаде со всѣми западными церквами отъ восточныя церкви. Въ 595 лѣто по тысящи жители въ Малой Руссіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы, за ручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкве. Егда же исполнится 1666 лѣтъ, да нѣчто бы отъ прежде бывшихъ винъ зла нѣкаковаго не пострадати и намъ.»

Роковой годъ приближался. Число 666 есть число апокалипсическаго звѣря... Не народился ли въ лицѣ Никона антихристъ? Такой вопросъ возникъ у двуперстниковъ и былъ рѣшенъ по-

ложительно. Возненавидѣли Никона всѣ отъ мала до велика, и не было ему другаго имени, какъ врагъ Божій, да антихристъ. А онъ строилъ себѣ свой Воскресенскій монастырь, по подобію великой іерусалимской церкви, спорилъ съ боярами, поссорился и съ царемъ. Самовольно оставивъ престолъ святителя Петра, засѣлъ онъ въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ и ни шагу въ Москву. Между тѣмъ расколъ церковный съ каждымъ днемъ развивался болѣе и болѣе. Государь то и дѣло изо всѣхъ концовъ царства получалъ челобитныя на Никона съ просьбою возстановить нарушенный имъ обрядъ. Двуперстники твердо были увѣрены, что долго созываемый соборъ для суда надъ Никономъ отвергнетъ его «новшества»... Соборъ, какъ нарочно, собрался въ роковомъ 1666 году. Никонъ былъ осужденъ, но всѣ распоряженія его по исправленію обряда одобрены и утверждены, а ревнители старины преданы анаѳемѣ...

«Погибло православіе!» завопилъ народъ, ревностно преданный старинѣ. И былъ стонъ и плачъ по селамъ и деревнямъ, и въ лѣсахъ и пустыняхъ.

Стали ждать съ часу на часъ трубы архангела. «Міръ кончается, антихристъ явился, близокъ часъ страшнаго суда Христова!» говорили повсюду.

При такомъ настроеніи умовъ совершился въ русской церкви *расколъ старообрядства*. Но однѣ раскольническія общины рѣшились остаться вовсе безъ поповъ. «Самъ Христосъ, говорили они,—будетъ для насъ невидимымъ святителемъ, какъ непреложно есть Онъ невидимый глава церкви православной». «Сами себя освящайте, сами себя священники бывайте»—эти слова Златоустовскаго *Маргарита* сдѣлались теперь для нихъ основнымъ пунктомъ догматствованія. И не отвергая священства по принципу, они отвергли его по факту. «Благодать Божія взята на небо, сказали они, нѣтъ болѣе священства, ни освященія и не будетъ его до кончины міра, она же не закоснитъ». Такъ образовался расколъ *безпоповщины*, вскорѣ распавшійся на многіе толки. Безпоповщина рѣшительно отвергла бракъ. Идеаломъ ея было общество монаховъ, самый суровый

аскетизмъ и все-подавляющая мертвая обрядность. Послѣдователи этого толка явились первоначально въ Заонежскомъ краѣ, въ Поморьѣ, въ лѣсахъ сѣвера и Сибири, вдали отъ городовъ и большихъ селеній, среди пустынной, унылой, мертвенной природы. Эта суровая, мрачная природа имѣла не малую долю вліянія на ту суровость міросозерцанія, которую истые безпоповщинскіе раскольники всецѣло удержали даже до дней нашихъ.

Не то было въ городахъ и большихъ селеніяхъ, и вообще въ мѣстахъ, гдѣ было больше жизни, гдѣ изстари тѣснѣе были завязаны узы общественныя и семейныя. Тамъ образовалась такъ называемая *поповщина*. Послѣдователи ея не чуждались міра и связей семейныхъ, считали ихъ необходимыми, считали правильное благословеніе брачнаго сожитія, т. е. таинство брака. Они твердо держали въ своей памяти, что бракъ, какъ и другія таинства, пріемлемыя православіемъ, должны, по слову Спасителя, существовать до скончанія міра. Поэтому считали необходимымъ священство, считали еще болѣе необходимымъ имѣть поповъ, какъ совершителей таинствъ.

16. Русскій купецъ XVII столѣтія.

Иностранцы описываютъ нашихъ купцовъ большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться былъ искони характеристикой русскаго торговца. Если вещь стоила рубль, купецъ непремѣнно запроситъ за нее десять рублей, смотря по лицу, которое у него покупаетъ. Отъ этого многіе, желая купить большую пропорцію товара, приходятъ въ лавки, не иначе, какъ въ сопровожденіи знатоковъ, на которыхъ они впрочемъ не всегда могли положиться, потому что эти знатоки бывали въ стачкѣ съ купцами, и взявши съ покупателя за то, чтобъ сторговать съ него дешево и хорошо, возьмутъ тоже съ купца, чтобъ помочь ему обмануть покупателя. Божиться въ торговлѣ было ни почемъ, хотя божбамъ русскихъ купцовъ никто не-

вѣрилъ ни изъ ихъ соотечественниковъ, ни изъ иностранцевъ, и даже замѣчали, что чѣмъ болѣе русскій купецъ божится, тѣмъ скорѣе обманываетъ. Иногда торговецъ, расхваливая свой товаръ, ссылался на покупателей, называлъ ихъ по именамъ, подтверждалъ слова свои божбою, а на самомъ дѣлѣ обманывалъ. Поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ: часто русскій надѣлялъ иностранца подкрашенными мѣхами; а иногда покупатель придетъ въ лавку и начнетъ торговать вещь, купецъ запрашиваетъ за нее большую цѣну; покупатель даетъ менѣе; купецъ какъ будто не слышитъ и уходитъ прочь, потомъ начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ желанію покупателя; но въ самомъ дѣлѣ, онъ ловко успѣетъ обмѣнить вещь, такъ что покупатель самъ этого не замѣчаетъ и беретъ не то, что торговалъ прежде. Подобные поступки не казались русскому предосудительными; онъ оправдывалъ себя пословицею: «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!» — пословицею, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы затверживали ее.

Замѣчательно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи охотнѣе покупали у иностранцевъ, чѣмъ у своихъ; но русскіе купцы умѣли сами прикидываться иностранцами къ удивленію посѣщавшихъ насъ чужеземцевъ. Такая смѣтливость и изворотливость торговаго человѣка была причиною, что правительство давало купцамъ политическія порученія: напримѣръ, въ 1650 году велѣно было во Псковѣ набрать торговыхъ, знающихъ людей и послать въ Ригу, Ревель и шведскія владѣнія, чтобъ вывѣдать о политическихъ дѣлахъ Швеціи.

Не должно приписывать плутоватость русскаго торговца какой-нибудь народной порчѣ. Нѣтъ: это было необходимое условіе той степени образованности, на которой еще стояла Россія, и обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе торговли. Торговля, какъ и всякая другая вѣтвь человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя положенія. Въ первобытныя времена она была соединена съ разбоемъ и набѣгами; на низкой степени цивилизованнаго общества, она нераз-

лучна съ коварствомъ и обманомъ, и чѣмъ выше общество становится на пути нравственнаго и умственнаго образованія, тѣмъ болѣе и торговыя отношенія принимаютъ характеръ честности. Но иностранцы, изображающіе совершенно справедливо нашихъ купцовъ въ столь грязномъ видѣ, не были однако и сами вполнѣ изъяты отъ того же взгляда на дѣло торговли. Герберштейнъ сознается, что русскіе, обманывая иностранцевъ, въ свою очередь покупаютъ у нихъ за тринадцать червонцевъ вещи, которыя стоятъ не болѣе одного или двухъ. Иностранцы смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно по ея невѣжеству, потому что русскихъ можно было легко обманывать; русскіе купцы не довѣряли имъ и платили имъ тою же монетою. Притомъ наша торговля встрѣчала безчисленныя препятствія и затрудненія, заставлявшія купца быть всегда въ страхѣ и смотрѣть на свой промыселъ какъ на войну, ибо онъ вездѣ видѣлъ покушенія на свое достояніе и выгоды. Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣдѣнія и враждебности ко всему остальному. Если иноземцы старались держать русскаго купца въ невѣжествѣ, то и власть не желала, чтобъ русскіе сближались съ европейцами и ѣздили въ чужіе края. Торговыхъ лицъ отпускали съ товарами за границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукою и съ особымъ дозволеніемъ, которое получить было не легко. Если бы торговецъ вздумалъ поѣхать самовольно за-границу, то у него отбиралось все имущество, родственниковъ его подвергали пыткамъ, допрашивая, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ, а послѣ пытокъ отправляли въ ссылку. Впрочемъ, уложеніе сдѣлало исключеніе въ пользу жителей порубежныхъ городовъ; отъѣздъ за-границу былъ смягченъ для нихъ. Иностранцы, которые могли бы заводить у насъ какія-нибудь промышленныя заведенія и знакомить Россію съ техникою товаровъ, покупаемыхъ русскими купцами у иностранцевъ, не поощрялись отъ правительства достойнымъ образомъ; да притомъ и правитель-

ство не могло имъ довѣрять, потому что къ услугамъ его всегда готовы были явиться шарлатаны, авантюристы, съ единственною цѣлью — обмануть невѣжество и довѣріе.

Такимъ образомъ, купцы наши постоянно были во мракѣ относительно большей части того, чѣмъ торговали, страшились обмана, недовѣряли, были обманываемы и, въ свою очередь, обманывали.

Совмѣстничество власти чрезвычайно останавливало дѣятельность торговаго класса. Царская казна имѣла въ своихъ рукахъ не только значительныя вѣтви торговли, но и вообще вела торговлю всѣми предметами: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляла въ Архангельскъ и промѣнивала на заграничные товары и тѣмъ подрывала купцовъ, торговавшихъ тѣми же товарами. Никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ на торговомъ поприщѣ. Купецъ, явившись на ярмарку въ Архангельскъ, не смѣлъ торговать, прежде чѣмъ не окончится торговля царская. Этого мало. Обычай выбирать изъ купленныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе виды для царской казны не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простоемъ и ожиданіями. Наконецъ и то, что оставалось на долю купца, было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Множество случаевъ, когда купца могла постичь конфискація всего его имущества, внушали ему вѣчную боязнь; русскіе купцы страшились обращаться явно съ большими капиталами и сохраняли ихъ втайнѣ, дабы сберечь копѣйку про черный день, когда постигнетъ ихъ опала или невзгода и отнимутъ у нихъ все явное имущество. Этому обычаю прятать деньги также не мало способствовало тогдашнее понятіе вѣка, поставлявшее все народное богатство исключительно въ звонкой монетѣ; власть старалась сосредоточить въ своемъ владѣніи какъ можно больше золота и серебра; торговцы, собирая деньги, подражали въ этомъ власти. Торговецъ былъ всегда

подъ надзоромъ власти какъ ребенокъ, не могъ составлять никакихъ соображенiй, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; такъ напримѣръ, онъ не могъ заключить никакого договора съ иностранцемъ, ибо не зналъ, утвердитъ ли, или не утвердитъ его власть. Необезпеченный закономъ, онъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей, которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. «Русскiй купецъ, говоритъ одинъ англичанинъ,—раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскiй чиновникъ, чтобъ взять у него что получше, и притомъ даромъ. Собиратели пошлинъ непремѣнно постараются сорвать съ торговца что-нибудь лишнее. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки. Посадскiя общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленiе. Воеводы и приказные люди, подъ разными предлогами сохраненiя порядка, хватали торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали насильно товары, били торговцевъ батогами; стакивались съ ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточныхъ торговцевъ; воеводы и подъячiе, не смотря на явную лживость иска, заводили дѣло съ тѣмъ, чтобъ обирать купцовъ. Правда, правительство не лишало посадовъ права жаловаться на этихъ судей и правителей; намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводъ, жалобы, въ которыхъ посадскiе грозили разбрестись розно. Правительство дѣйствительно старалось ограничить своевольство воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ. Въ 1620 году имъ запрещено не только участвовать въ торговлѣ, но даже покупать что-нибудь у посадскихъ, исключая съѣстнаго. Но эти ограниченiя ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти беззаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года, для избѣжанiя проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ воеводскихъ налоговъ; но, вопервыхъ, воеводы и

приказные все-таки имѣли возможность чинить свои налоги, а вовторыхъ, въ приказѣ, который долженъ былъ охранять ихъ, сидѣли такіе же подъячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимыхъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ, утучняя подъячихъ плодами своей изворотливости прежнихъ лѣтъ. Жалобы посадовъ на свое начальство поступали въ руки подъячихъ приказа, которые тянули дѣло по нѣсколько лѣтъ; воевода, на котораго жаловались посадскіе, смѣнялся, а вмѣсто его былъ присылаемъ другой и поступалъ такъ же, какъ и прежній. Но не только воеводы и подъячіе утѣсняли торговцевъ; случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ наѣзжалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались, дѣло длилось; съ нихъ брали взятки и, наконецъ, изъ приказа присылали воеводѣ грамату, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства. Купецъ терпѣлъ и отъ своего же брата, коль скоро онъ былъ выбранъ въ таможенники и дѣлался нѣкоторымъ образомъ чиновнымъ человѣкомъ; таможенники, по свойству и дружбѣ, пропускали безъ пошлинъ своихъ, а съ чужихъ брали лишнее, чтобъ наверстать недоборъ.

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность перевозки торговыхъ грузовъ, и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ и на сухихъ путяхъ, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, не смотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, онъ всетаки былъ бѣденъ.

---

17. Волжскіе бурлаки.

На всемъ пространствѣ теченія Волги, съ началомъ навигаціи, идутъ по обѣ стороны безчисленныя суда, нагруженныя товарами. Перевозка сухимъ путемъ хотя бы и могла доставить въ болѣе скоромъ времени товары къ мѣсту ихъ сбыта, но купцы предпочитаютъ водяной путь, какъ сопряженный съ меньшими издержками, хотя болѣе продолжительный и несовсѣмъ безопасный. Каждое судно поднимаетъ отъ 25 до 30 тысячъ пудовъ, и потому, при быстротѣ водъ, при множествѣ препятствій, производимыхъ вѣтрами и неблагопріятными мѣстностями, требуетъ для движенія своего много рабочихъ рукъ. На каждую тысячу пудъ обыкновенно надо бываетъ по четыре или по пяти работниковъ. Число это увеличивается съ возвышеніемъ цѣны перевозимаго товара, и чѣмъ дороже товаръ, тѣмъ легче купцу употребить на перевозку его болѣе издержекъ и нанять болѣе работниковъ, чтобъ только скорѣе доставить его на мѣсто. Вотъ эти-то работники, силою которыхъ приводятся въ движеніе на Волгѣ суда, и извѣстны подъ именемъ *бурлаковъ*.

Работники на судахъ раздѣляются на три главные разряда: *лоцманы*, *водоливы* и собственно такъ называемые *бурлаки*. Между простыми бурлаками различаютъ еще *шишку*, *коснаго* и *кашевара*.

Лоцманъ управляетъ рулемъ; онъ долженъ знать въ совершенствѣ весь фарватеръ Волги, всѣ перекаты ея. Рѣка эта ежегодно измѣняетъ свое дно, и потому, кромѣ знанія мѣстности, лоцманъ необходимо долженъ имѣть такой навыкъ, чтобы по отливу и цвѣту воды отличать глубокія мѣста отъ мели. Отъ Астрахани до Нижняго лоцманы получаютъ до 120 р. с., отъ Астрахани до Саратова — до 50 р. с., отъ Нижняго до Рыбинска — 20 р. с. На пароходахъ же плата имъ доходитъ отъ 250 до 500 р. с. Лоцмана смѣняютъ, если онъ раза два посадитъ судно на мель. Власть его сильнѣе власти хозяина: по

рѣшенію артели, онъ наказываетъ виновнаго бурлака линьками или розгами. Лоцмана почти всегда можно узнать по новой красной рубахѣ, сапогамъ, неизмятой шляпѣ и сѣрому или синему суконному кафтану. На завозѣ лоцманъ имѣетъ помощника, который называется *корщикомъ*, т. е. кормщикомъ. Изъ корщиковъ обыкновенно дѣлаются современемъ лоцманы.

Водоливъ представляетъ на суднѣ интересъ хозяина товара: ему довѣряется грузъ, состоящій на его отвѣтственности; у него же хранятся деньги на харчи бурлакамъ. Первая обязанность его состоитъ въ отливкѣ воды, набирающейся во время пути въ «посудину»; но онъ льетъ воду только тогда, когда заняты всѣ прочіе рабочіе. При попутномъ вѣтрѣ воду отливаетъ простой работникъ. На его обязанности также лежитъ поправка поврежденій на суднѣ. За все это онъ получаетъ плату почти вдвое противъ обыкновеннаго рабочаго и, сверхъ того, хозяйское продовольствіе. Такъ, напр., отъ Астрахани до Нижняго онъ получаетъ 60 р. с., а до Саратова—40—45 р. с.; чтобы сдѣлаться водоливомъ, бурлаку нужно заслужить особенное довѣріе хозяина. Хорошій бурлакъ можетъ года черезъ два попасть въ эту должность. Бывали примѣры, что водоливомъ становился человѣкъ, пробурлачившій всего одинъ годъ.

Водоливъ обязанъ слѣдовать съ грузомъ до самаго мѣста назначенія. У него хранятся документы рабочихъ. Онъ можетъ быть изъ одной артели съ бурлаками, но всегда нанимается отдѣльно на путину, по особенному контракту. Ему даже поручается иногда и наемъ рабочихъ. Примѣры плутовства водоливовъ, въ ущербъ хозяину, очень рѣдки. Водоливъ могъ бы на пути продать часть груза, напр., пшеницы; но рѣдко рѣшается на это, боясь, что бурлаки выдадутъ его. На тихвинкахъ нѣтъ водоливовъ.

Послѣднее должностное лице на суднѣ есть кашеваръ. Кашеваръ нанимается артелью. Обыкновенно это бываетъ мальчикъ, подростокъ лѣтъ 11. Даже на 100 и болѣе человѣкъ готовитъ кушанье онъ одинъ, подъ надзоромъ и съ нѣкоторою помощію водолива.

Обязанность прочихъ бурлаковъ — проводить судно бичевою, когда нѣтъ попутнаго вѣтра. Плата имъ полагается отъ Астрахани до Нижняго 28 —40 р. с., до Саратова же 14 — 20 р. с.

Одинъ бурлакъ, называемый шишкою или дядькой, идетъ всегда впереди. Въ шишки выбираютъ обыкновенно самаго сильнаго мужика, для приданія большаго дѣйствія усиліямъ прочихъ работниковъ. Позади всѣхъ идетъ такъ называемый косной, обязанность котораго ссаривать (сбрасывать) бичеву съ деревъ или вообще отстранять всѣ тѣ преграды, которыя бичева встрѣчаетъ на пути. Косныхъ на суднѣ бываетъ двое; когда одинъ идетъ, другой остается на суднѣ для разныхъ подѣлокъ. За свою работу косные получаютъ отъ Астрахани до Саратова отъ 17 до 23 р. с., а до Нижняго отъ 34 до 47 р. с.

Наши бурлаки кормятся отъ своего промысла, сколачиваютъ деньгу, обезпечиваютъ подати. Такъ у нихъ и идетъ годъ за годомъ. Кромѣ обезпеченнаго на извѣстный періодъ времени положенія при помощи заработной платы, бурлакъ, при усердіи къ дѣлу, можетъ въ скоромъ времени достигнуть званія водолива, представителя той хозяйственной должности, съ которою сопряжено большое жалованье, и сравнительно меньшіе труды. Потомъ онъ начинаетъ грезить о лоцманствѣ, которое равномѣрно можетъ быть для него доступно, если онъ съумѣетъ высказать свои познанія и способности въ дѣлѣ командованія судномъ. Вмѣстѣ съ жалованьемъ онъ выговариваетъ у хозяина право имѣть при себѣ извѣстный грузъ разной поклажи, входитъ въ мелкій торгъ, пускается въ обороты и, упрочивъ, въ продолженіи болѣе или менѣе длиннаго періода времени, свое состояніе, записывается въ гильдію или дѣлается чѣмъ-то въ родѣ фермера, нанимая пустопорожнія земли и обработывая ихъ при посредствѣ нанятыхъ рабочихъ.

Въ бурлачествѣ должно отличать два разряда, рѣзко различающіеся между собою, какъ по условіямъ труда и заподряда,

такъ и по относительной тягости промысла. На мѣстѣ эти разряды получили названіе верхнихъ бурлаковъ, изъ которыхъ только послѣдніе заслуживаютъ вполнѣ названіе волжскихъ, потому что дѣятельность ихъ обнимаетъ почти все теченіе Волги, отъ Рыбинска до Астрахани. Обнимая такое огромное пространство, въ которомъ совершается главное торговое движеніе нашего царства, и въ тоже время служа главною двигательною силою для судовъ, отправляющихся противъ теченія, нижнее бурлачество естественно стягиваетъ къ себѣ во время судоходства рабочія силы почти изо всѣхъ губерній, лежащихъ какъ на самой Волгѣ, такъ и на всѣхъ наиболѣе значительныхъ ея притокахъ. Верхнее бурлачество, напротивъ, отклоняется отъ Волги, соприкасаясь съ нею только въ ея верховьяхъ, вообще неспособныхъ поднимать значительные грузы, а потому не требующихъ и значительной двигательной силы, тѣмъ болѣе, что здѣсь мышечная сила людей въ этомъ случаѣ большею частію замѣнена лошадьми, лучше исполняющими эту тяжелую работу. Такая замѣна, почти невозможная на средней и нижней Волгѣ, здѣсь совершена уже давно, вслѣдствіе большаго развитія техническаго судостроенія и вслѣдствіе лучшаго состоянія береговыхъ дорогъ. Верхнее бурлачество существуетъ по всѣмъ воднымъ системамъ, соединяющимъ Рыбинскъ съ С.-Петербургомъ.

Кромѣ того, вѣтвями бурлачества можно считать работу на судахъ по Камѣ, Окѣ, Цнѣ и другимъ значительнымъ притокамъ.

Верхніе бурлаки приходятъ большею частію изъ Тверской и Ярославской губерній; иногда, впрочемъ, вверхъ за Рыбинскъ ходятъ въ незначительномъ числѣ и низовые бурлаки, преимущественно изъ Вятской и Костромской губерній, какъ лежащихъ наиближе къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ распространено бурлачество.

Что касается нижнихъ бурлаковъ, то подвижное населеніе ихъ гораздо разнообразнѣе и пестрѣе. Здѣсь бурлачествомъ

занимаются крестьяне губерній: Костромской, Вятской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской. Кромѣ того, множество бурлаковъ ходитъ на Волгу изъ губерній: Владимірской, Рязанской, Пензенской и Тамбовской.

Бурлаки выходятъ на Волгу немедленно по вскрытіи рѣки и многіе изъ нихъ занимаются своимъ промысломъ до Покрова (1 октября). Къ мѣсту отправленія судна бурлаки идутъ или сухимъ путемъ, или водою; но иногда сокращаютъ водяной путь, минуя большія извилины рѣки.

Большинство бурлаковъ — великороссіяне, православнаго вѣроисповѣданія. Раскольники никогда не идутъ въ бурлаки. На средней Волгѣ много встрѣчается татаръ, казанскихъ и симбирскихъ. Судохозяева, впрочемъ, неохотно принимаютъ ихъ, а иные даже и вовсе не берутъ, или даютъ имъ меньшую наемную плату; основываясь на томъ, что татары слабосильнѣе русскихъ; русскіе бурлаки съ своей стороны тоже не любятъ работать съ татарами; иные даже вовсе не идутъ на то судно, гдѣ наняты татары, говоря, что «татаринъ лѣнивъ, да еще и золъ, пищу тоже принимаетъ особнякомъ, не крещеный, — значитъ, не рука». Въ послѣднее время появились бурлаки, хотя въ очень небольшомъ числѣ, изъ черемисъ и чувашей; большею частію, однако, они бываютъ только добавочные, т. е. нанимаются на пути, хотя, впрочемъ, мѣстные жители меня увѣряли, что они работаютъ иногда безъ русскихъ.

Въ бурлаки идутъ обыкновенно отъ тягла, но иногда пускаются и одиночки, которые тогда сдаютъ свою землю для обработки сосѣду, за извѣстную плату.

Если отецъ взрослыхъ сыновей въ состояніи еще работать, то онъ остается дома, и всѣ сыновья его идутъ бурлачить; если же старикъ дряхлъ, то дома остается при немъ одинъ изъ сыновей; наконецъ, если въ семьѣ нѣтъ сильныхъ рабочихъ рукъ, кромѣ самого хозяина, уходящаго на Волгу, тогда онъ, уходя, нанимаетъ для дома работника. Бабы отправляютъ въ бурлацкихъ селеніяхъ всѣ домашнія и полевыя работы,

кромѣ пахоты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и сѣнокоса, ко времени которыхъ мужчины стараются возвратиться на время домой.

Бурлачить начинаютъ обыкновенно очень рано. Мальчикъ 11 лѣтъ принимается уже на судно кашеваромъ. На коноводныхъ машинахъ нанимаютъ къ лошадямъ также мальчиковъ лѣтъ 13 — 15. Имъ платятъ помѣсячно отъ 3 до 4 р. с., да сверхъ того выдаютъ лапти. Есть даже полные бурлаки въ 15 лѣтъ; рабочіе бываютъ обыкновенно братья или близкіе родственники взрослыхъ бурлаковъ, которые съ своей стороны ручаются за нихъ, и, въ случаѣ ихъ болѣзни или недуга отъ лямки, обязываются нанять на свой счетъ другаго работника, который замѣнилъ бы больнаго. Всѣ такіе разнаго возраста рабочіе получаютъ обыкновенно на судахъ одинаковую плату, представляютъ различную рабочую силу. Исключеніе по величинѣ платы составляетъ только бурлацкій работникъ, т. е. нанятый другимъ бурлакомъ на его рискъ: такой работникъ получаетъ обыкновенно менѣе, нежели самостоятельный.

Бурлаки на обыкновенныхъ судахъ нанимаются провести извѣстное, пустое или нагруженное, судно отъ одной пристани до другой. Путь, такимъ образомъ совершаемый ими, называется путиной.

Путины (рейсы) дѣлятся на дальнія и короткія. Первыми называются путины въ Рыбинскъ, Астрахань, Царицынъ, Дубовку, Камышинъ, Саратовъ, Екатериноштадтъ (Баронскаго), Балаково и Самару. Короткими путинами именуются тѣ, которыя совершаются между Рыбинскомъ и Нижнимъ, Казанью, Симбирскомъ, Самарою и т. д. Дальняя путина беретъ у бурлака мѣсяца три времени, а при противныхъ вѣтрахъ и больше. Изъ Астрахани суда доходятъ до Нижняго въ два мѣсяца; но если противные вѣтры часты и продолжительны, то путина эта отнимаетъ недѣль 16. Короткія путины обыкновенно продолжаются не болѣе четырехъ недѣль. Дальняя путина дѣлается обыкновенно одна во все лѣто, и рѣдко двѣ, а короткихъ — двѣ, три, иногда и болѣе.

Кому посчастливилось сдѣлать три путины, тотъ всегда

почти собирается уже домой, и немногіе пускаются въ четвертую. Нѣкоторые ограничиваются даже одною путиною: ярославцы, напр., съ послѣднимъ льдомъ спускаются въ Самару или Саратовъ, продолжаютъ тамъ первую, самую дорогую путину до Рыбинска, послѣ чего уже не ходятъ на судахъ, а отправляются домой для полевыхъ и т. п. работъ. Здѣсь, какъ и во всемъ, видна коммерческая смѣтливость ярославскаго населенія, умѣющаго пользоваться большими барышами. Также точно русскіе изъ Чебоксаръ дѣлаютъ одну раннюю путину, какъ наиболѣе дорогую и имъ сподручную, а потомъ пилятъ лѣсъ, что и составляетъ ихъ главное занятіе: вообще бурлачатъ они, по ихъ показаніямъ, только потому, что раннею весною еще не сплавленъ лѣсъ, нужный имъ для пиленія.

Двѣ путины совершаетъ большая часть бурлаковъ Вятской губерніи: они идутъ весною по рѣкамъ Бѣлой и Чусовой въ Каму до Лаишова, потомъ въ новую путину до Рыбинска, и затѣмъ возвращаются домой. Бурлаки одной какой-нибудь мѣстности не всегда совершаютъ однѣ и тѣ же путины; направленія и пространство послѣднихъ зависитъ отъ ряды: куда больше даютъ, туда бурлакъ и нанимается. Иногда путина, по особенному уговору, совершается далѣе первоначально уговореннаго пространства; напр., изъ Нижняго вмѣсто Ярославля въ Рыбинскъ. Тогда разсчетъ производится отдѣльно по первой и по второй путинѣ.

По совершеніи одной путины, бурлаки обыкновенно отправляются, если не найдутъ въ пристани работы, или, если ряды слишкомъ низки, въ другую, гдѣ, по слухамъ, грузятся суда. По дорогѣ бурлаки иногда заѣзжаютъ къ себѣ домой, и оттуда отправляются далѣе по случаю; если нельзя на мѣстѣ нанять лодку, то поджидаютъ на берегу попутной пароходной баржи или пробѣга, т. е. лодки, возвращающейся изъ какой-нибудь пристани съ бурлаками или безъ нихъ. Въ Юрьевцѣ на берегу ожидала такимъ образомъ, при моемъ проѣздѣ, цѣлая артель уже нѣсколько дней. На пароходныхъ баржахъ цѣна довольно высока; за проѣздъ отъ Рыбинска до Нижняго (двое

сутокъ) берется по 30 коп. съ души; но цѣны на пробѣгѣ очень низки и завясятъ отъ уговора, который заключается очень скоро. При мнѣ брали отъ Нижняго до Казани съ бурлака 5—10 коп. сер., отъ Чебоксаръ 3 — 6 коп. сер. и менѣе съ души; на дощаникѣ изъ Рыбинска въ Нижній (сутокъ 5 ѣзды) 10 коп. сер. При этомъ пассажиры-бурлаки обязаны сами грести, мѣняясь на каждой перемѣнѣ. Бабы, какъ не гребцы, платятъ немного больше такъ же, какъ и тѣ, которые не хотятъ грести. Мнѣ говорили, что иногда толпа бурлаковъ, возвращавшихся домой, вмѣсто найма воруетъ лодку, и въ ней спускается по Волгѣ. Иногда покупаетъ для возврата невыработавшихъ бурлаковъ лодку, какъ для нищихъ, рыбинскій городничій (по его собственному показанію). Обязываютъ къ тому и хозяевъ, если путина была тяжела, и они обыкновенно соглашаются на то.

Всѣ путины бурлаковъ раздѣляются на перемѣны. Перемѣнами называются извѣстными пространствами плеса, на которыя раздѣляется вся Волга. Пространства эти не равны: въ верхнихъ частяхъ Волги они короче, обыкновенно заключая въ себѣ около 25 верстъ, а въ низовьѣ и длиннѣе и тяжелѣе, потому что вода тамъ гораздо быстрѣе. Перемѣнъ считается отъ Рыбинска до Нижняго 19, а отъ Нижняго до Астрахани 60. Для обозначенія перемѣнъ служатъ не только жилыя мѣста, но также какой-нибудь камень, урочище и т. п. Въ дѣйствительности на этихъ перемѣнахъ не бываетъ никакихъ смѣнъ, за исключеніемъ гребцовъ на дощаникахъ; перемѣны составляютъ только часть извѣстной путины, и служатъ для разсчетовъ. Всякая перемѣна принимается равною каждой другой въ счетѣ; такимъ образомъ путины раздѣляются при разсчетѣ больныхъ и т. п. на столько частей, сколько въ ней считается перемѣнъ, и за уплатою пройденныхъ на нихъ или рулевыхъ, которые тоже работаютъ отъ перемѣны до перемѣны *). На послѣдней

---

*) Въ народѣ есть преданіе, что эти перемѣны учреждены Екатериною Великою (а по другимъ — царями), которая, спускаясь внизъ по Волгѣ,

перемѣнѣ извѣстной путины производится и разсчетъ бурлакамъ, хотя бы эта перемѣна находилась и вдали отъ жилья, и уже оттуда они отправляются по домамъ или на другую работу. Такимъ образомъ движеніе бурлачества и вообще распорядокъ ихъ занятій и сдѣлокъ совершается не случайно, а слѣдуетъ извѣстнымъ правиламъ, заранѣе опредѣленнымъ обычаемъ и привычкой и находящимся, вѣроятно, въ связи съ прежнимъ экономическимъ состояніемъ поволожья.

Внутренняя организація бурлачества также чрезвычайно стройна и наглядно выражается, какъ большая часть работъ русскаго простонародья, въ артеляхъ, имѣющихъ, впрочемъ, свои особенности. Эти бурлацкія артели составляются безъ всякаго формальнаго условія между ея членами (артельщиками), добровольно принимающими обязанность равнаго труда для общаго заработка. Этимъ ограничиваются взаимныя ихъ отношенія. Разумѣется, не всѣ артельщики трудятся одинаково: между ихъ работой иногда бываетъ большая разница, зависящая отъ степени физической силы, отъ прилежанія того или другаго работника. Плату, однако, получаютъ всѣ равную, не включая и выборнаго главы артели или десятника. Артели составляются обыкновенно въ самыхъ мѣстахъ подряда: зимою въ деревняхъ, селахъ и извѣстныхъ городахъ, куда пріѣзжаютъ приказчики отъ судохозяевъ для найма рабочихъ, лѣтомъ — въ тѣхъ приволжскихъ городахъ, гдѣ существуютъ такъ называемые бурлацкіе базары. Иногда бурлаки выходятъ уже изъ дому сформированною артелью, хотя, впрочемъ, это очень рѣдко. Артели состоятъ изъ 10 — 45 человѣкъ; но даже на пристаняхъ — чаще встрѣчаются бурлаки небольшими группами, человѣка по 4, по 5 и 6 въ каждой. Изъ такихъ мелкихъ до найма артелей и составляется, при наймѣ рабочихъ на большое судно, одна большая рабочая артель, въ которой число людей опредѣ-

велѣла принимать за перемѣну часъ пройденнаго ею пространства; но такъ какъ она въ нижней Волгѣ, по силѣ теченія, плыла скорѣе, то и перемѣны, тамъ вышли больше.

ляется количествомъ груза на суднѣ; такъ на макшанахъ (низовыхъ судахъ, ходящихъ только до Рыбинска и поднимающихъ 50,000 пуд. груза) бываютъ артели даже въ 150 человѣкъ. Артельные бурлаки, кромѣ главнаго теченія Волги и Камы, употребляются до Москвы съ одной стороны (по Окѣ) и до Соминой пристани — съ другой. Далѣе на сѣверъ и западъ бурлачество не существуетъ въ чистой его формѣ.

Каждая значительная бурлацкая артель имѣетъ своего десятника или выборнаго отъ артели, которому поручается закупка провизіи. Въ верхнемъ бурлачествѣ десятникъ называется артельщикомъ. Деньги на харчи выдаются каждый разъ хозяиномъ. Съ десятникомъ отправляется для контроля посыльный (одинъ изъ членовъ артели). Если артель на суднѣ велика и состоитъ изъ бурлаковъ двухъ различныхъ деревень, тогда съ одной стороны идетъ десятникъ, а съ другой — посыльный; если же артель изъ многихъ деревень, тогда съ десятникомъ идетъ самъ хозяинъ или его приказчики. Вверхъ по Волгѣ, къ Бѣлоозеру, посылается съ артельщикомъ водоливъ.

Десятникъ часто обсчитываетъ своихъ товарищей или хозяина, смотря по тому, на своихъ или хозяйскихъ харчахъ артель. На плутни десятниковъ бурлаки часто жалуются: «Отнимаютъ-де кровомозольныя деньги». Въ Самарѣ, впрочемъ, бурлаки отвергали плутни десятника и утверждали, что «нашъ братъ» всегда ходитъ съ нимъ, и потому покупка совершается вѣрно.

Десятникъ не пользуется никакими особенными правами или выгодами сравнительно съ прочими бурлаками. Исключеніе изъ этого составляетъ тотъ случай, когда его посылаютъ изъ деревни пріискать работу въ Нижній. За труды, за проѣздъ и за расходы на харчи десятникъ, нашедшій работу, получаетъ обыкновенно по 1 р. ас. отъ каждаго работника; такъ какъ иногда онъ заподряжаетъ отъ 70 до 100 человѣкъ, то такое вознагражденіе оказывается значительнымъ. Кромѣ того, онъ часто получаетъ тайный барышъ отъ хозяина. За такую взятку десятникъ понижаетъ иногда даже наемную плату до возмож-

ной степени. По окончаніи путины артель своему десятнику выдаетъ «на лапти» деньгами отъ 1 — 2 руб. асс. Десятника въ малыхъ артеляхъ (напр., изъ пяти человѣкъ) не бываетъ. Такъ, напр., не бываетъ его часто на дощаникахъ, при гонкѣ судовъ внизъ (въ Балаковѣ) или при сплавѣ лѣса (у вятичей, въ Саратовѣ). Судохозяева обыкновенно стараются нанимать въ работники бурлаковъ одной деревни или, по крайней мѣрѣ, людей, знающихъ другъ друга и ручающихся одинъ за другаго; но и безъ того круговою порукою артель обязывается отвѣчать хозяину за всякую неустойку каждаго изъ своихъ членовъ, напр., если бурлакъ захвораетъ или сбѣжитъ, то артель обязана нанять на свой счетъ другаго рабочаго. Зимнія артели подряжаются обыкновенно посредствомъ своихъ выборныхъ: лѣтнія, напротивъ, лично или сообща договариваются съ хозяиномъ. По окончаніи путины и послѣ разсчета прекращается взаимная связь между артельщиками. Одни изъ нихъ идутъ домой, другіе вступаютъ въ новыя артели и подряжаются на новыя путины.

На первую путину бурлаки подряжаются зимою, тотчасъ послѣ Рождественскихъ святокъ (къ новому году), также около Крещенія, и весною, въ началѣ великаго поста. Хозяева вообще для договора и найма выбираютъ то время, когда крестьянинъ нуждается въ деньгахъ, слѣдовательно, при взносѣ податей, оброковъ, во время рекрутскаго набора и проч. Они пріѣзжаютъ для этого всегда въ опредѣленное мѣсто, куда передъ тѣмъ собираются изъ окрестныхъ селъ и деревень и крестьяне, занимающіеся бурлачествомъ. Въ Вятской губерніи сборнымъ пунктомъ служитъ городъ Орловъ; хозяева пріѣзжаютъ туда къ Крещенію. Костромскіе и нижегородскіе бурлаки рядятся большею частію весною, при началѣ великаго поста, судохозяева пріѣзжаютъ рядить ихъ въ посадъ Пучежъ, въ Чернорѣцкую волость, Балахнинскаго уѣзда; въ Лысково, и т. п. Въ другихъ мѣстахъ, (въ Тамбовской губеніи напр.), рядятся даже осенью. Чаще всего однако ряда совершается раннею весною, въ началѣ судоходства. Бурлаки подряжаются или поодиночкѣ или

цѣлою артелью. Въ послѣднемъ случаѣ, артель, составившаяся дома, выбираетъ изъ среды своей десятника и посылаетъ его въ извѣстное мѣсто, гдѣ находится бурлацкій базаръ: въ Нижній Новгородъ, Промзино городище и т. п. пріискать ряду. Иногда такимъ посыльнымъ бываетъ простой артельщикъ, не десятникъ; десятникъ же назначается послѣ пріисканія ряды.

Лѣтомъ бурлаки рядятся въ приволжскихъ и прикамскихъ городахъ и селахъ: въ Рыбинскѣ, Нижнемъ, Лысковѣ, Чистополѣ, Лаишевѣ, Симбирскѣ, Балаковѣ, Саратовѣ и т. д. Подрядившіеся окончательно отправляются обыкновенно сейчасъ въ шинокъ запивать ряду и получать задатокъ, изъ котораго часть, слѣдующая на уплату податей, поступаетъ въ руки присутствующаго тутъ же сборщика податей или старосты. Разумѣется, это бываетъ только съ бурлаками зимними и то съ тѣми, которые подряжены дома, въ своемъ селѣ.

Въ задатокъ выдается обыкновенно половина договорной платы, иногда и больше, а иногда и меньше. Величина задатка много зависитъ отъ степени довѣрія хозяина къ работникамъ; артельщикамъ, которые ручаются другъ за друга, выдаются бо́льшіе задатки, нежели тѣмъ, которые не могутъ дать такого ручательства. Но преимущественно на увеличеніе задатка имѣетъ вліяніе мѣра потребности въ деньгахъ со стороны подряжаемаго: обыкновенно, чѣмъ больше задатокъ, тѣмъ меньше самая наемная плата. Поэтому-то наибольшіе задатки берутъ зимніе бурлаки, какъ особенно нуждающіеся въ деньгахъ, а наименьшіе получаютъ рабочіе, нанимающіеся лѣтомъ; имъ выдается въ задатокъ $^1/_3$ наемной платы, иногда даже 2 и 3 р. сер. Лѣтомъ, когда бурлакъ уже побывалъ на работѣ и запасся всѣмъ нужнымъ, онъ иногда нанимается и безъ задатка; но тогда беретъ уже высшую заработную плату. Такіе случаи впрочемъ бываютъ иногда и весною у запасливыхъ. Задатокъ необходимъ бурлаку для тѣхъ затратъ, какія онъ долженъ сдѣлать до поступленія на судно: изъ задаточныхъ денегъ уплачиваются подати, оброкъ, повинности, покупаются лапти, лямка

и т. п. Рогожныя лапти стоютъ 4 к. сер., хорошая лямка отъ 2 до 3 руб. асс., подержанная 30 к. сер.

Договаривавшіяся стороны, т. е. съ одной стороны судохозяинъ, съ другой—судорабочіе, заключаютъ между собою письменный контрактъ, заявленный у маклера судоходной расправы. Съ одной стороны именуется наниматель, а съ другой—всѣ лица, составляющія артель (*). Предъ отправкой, бурлаки обыкновенно приходятъ міромъ къ начальнику водяной коммуникаціи, чтобы убѣдиться, вѣрно-ли прописаны въ контрактѣ словесныя условія. На тихвинкѣ, впрочемъ, бурлаки подряжаются безъ контрактовъ, по однѣмъ тетрадямъ, имѣющимъ силу договора.

Не смотря на такого рода обязательство, иногда, если наемныя цѣны поднимаются на базарѣ, бурлаки, нанятые прежде по дешевымъ цѣнамъ, приходятъ къ хозяину и объясняютъ, что на суднѣ они идти не могутъ, потому-что больны; однако, при этомъ забранныхъ въ задатокъ денегъ, если онѣ и неотработаны ими, не возвращаютъ, говоря, что издержали. Хозяева рѣдко преслѣдуютъ такія плутни законнымъ порядкомъ, увѣряя, что формальный искъ невыгоденъ для нихъ.

Судно приводится въ движеніе четырьмя способами: бичевою, завознымъ якоремъ, веслами и парусомъ при попутномъ вѣтрѣ.

Бичевою называется веревка, которой одинъ конецъ укрѣпляется на возвышенности мачты, а другой протягивается чрезъ воду на берегъ, гдѣ бурлаки, захлеснувъ за веревку лямки (**) и, налегая на нихъ всѣмъ корпусомъ, чтобъ тяжестью тѣла пособить усиліямъ ногъ, идутъ мѣрнымъ шагомъ, таща

---

*) Контракты бываютъ различной формы, смотря по роду судна. Въ нихъ съ мельчайшими подробностями высчитаны и опредѣлены обязанности судорабочихъ, хотя онѣ и не исполняются.

**) Лямкою называется кожа, вырѣзанная въ длину $2\frac{1}{2}$ и болѣе аршина, а въ ширину посрединѣ на четверть и по концамъ на вершокъ; концы ея соединяются веревкой, которая посредствомъ привязанной къ ней палочки захлестывается за бичеву. Отъ слова лямка, бурлаковъ называютъ также *лямочниками*.

за собою судно. У судна малаго размѣра бываетъ только одна шеренга бурлаковъ; у судна большаго размѣра бичева раздѣляется на два конца; ее тянутъ гусемъ двѣ шеренги лямочниковъ.

Чтобъ не кряхтѣть отъ изнеможенія, не дремать и не спотыкаться отъ усталости, они бодрятъ другъ друга разными понуканіями и, главнымъ образомъ, развлекаются пѣснями.

Бурлаки выступаютъ впередъ только правой ногой: тяжесть труда не дозволяетъ имъ заносить лѣвую ногу далеко впередъ. Придвинувъ лѣвую ногу къ правой, они снова дѣлаютъ маленькій шажокъ правой ноги. Отъ этого равномѣрнаго шаганья, сопровождаемаго для развлеченія притопываніемъ, общее колебаніе цѣлой шеренги бурлаковъ то вправо, то влѣво чувствительно для каждаго. Но если случится, что который-нибудь изъ нихъ, забывшись или задремавъ на ходу, перемѣнитъ ногу, то такое отступленіе не можетъ укрыться отъ товарищей. Чтобъ заставить соннаго идти въ ногу, но въ тоже время чтобы не терять времени на то, чтобъ остановиться, оборотиться и отыскать виновнаго, артель перестаетъ пѣть начатую уже пѣсню, и затягиваетъ общимъ же хоромъ извѣстный припѣвъ:

Сѣно — солома!
Сѣно — солома!
Сѣно — солома!

и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока шаганье не приведется въ надлежащій порядокъ.

Нѣтъ ничего обременительнѣе, какъ тянуть бичеву въ сильный противный вѣтеръ, при которомъ судно подвигается впередъ въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ едва на нѣсколько верстъ (при благопріятныхъ обстоятельствахъ бурлаки проходятъ бичевою около 40 верстъ въ сутки). Иногда порывы вѣтра отбрасываютъ бурлаковъ назадъ, и тогда ужъ нужно бросать якорь, чтобъ не уничтожить плодовъ тяжкой работы, ибо судно, не повинуясь ихъ усиліямъ, дѣйствіемъ вѣтра и теченіемъ подвигается назадъ.

Не разъ приходится видѣть и то, что бурлаки, въ погоду, выбившись на берегу изъ силъ, не могутъ сдѣлать впередъ ни шагу подъ бичевою. Судно парусило въ мачту (которая сплачивается изъ пяти и изъ семи деревъ сажень въ 12 длины) и несло на низъ; бичева тащила за собой бурлаковъ,—но они не уступали. Перекинувъ лямки вмѣсто груди на спину, бурлаки обращались лицомъ къ уносимому напоромъ воды судну, и длинною шеренгою усаживались по береговымъ пескамъ; навалившись всѣмъ корпусомъ на лямку, они жалобно, не смотря ни на дождь, ни на вѣтеръ, пѣли:

Охъ, матушка Волга,
Широка и долга!
Укачала, уваляла —
У насъ силушки не стало.

Нужно имѣть очень крѣпкое здоровье и особенно крѣпкую грудь, чтобъ вынести тяжкую работу: отъ ступанія съ усиліемъ по мягкому, разсыпающемуся песку, у бурлаковъ на ногахъ растягиваются жилы; каменный грунтъ бываетъ причиной, что они портятъ себѣ ноги, накалывая или вывихивая ихъ; отъ сильнаго налеганія грудью на лямку развивается чахотка, а отъ постояннаго наклоненія головы, къ ней притекаетъ кровь, отъ чего у бурлаковъ портятся глаза. При суводняхъ и вообще быстрыхъ теченіяхъ отъ нѣкоторыхъ мѣстъ, обыкновенный комплектъ бурлаковъ для судна бываетъ недостаточенъ, и хозяева на этотъ случай увеличиваютъ число ихъ.

Другой способъ движенія судна — завозня; она состоитъ въ томъ, что двѣ маленькія лодки на веслахъ поочередно завозятъ впередъ судна якорь, бросая его на дно; одинъ конецъ каната, къ которому привязанъ якорь, остается на суднѣ, гдѣ бурлаки, привязавъ къ канату свои лямки, ходятъ въ длину судна по палубѣ, подвигая судно къ тому мѣсту, гдѣ лежитъ якорь; въ это время лодка успѣетъ уже завезти на значительное разстояніе другой якорь, къ которому бурлаки такимъ-же образомъ подтягиваютъ судно, и такъ далѣе; одна и та же работа по-

вторяется безъ измѣненій, пока берега Волги не сдѣлаются удобными для того, чтобы тянуть судно бичевой. Завозня употребляется въ такомъ только случаѣ, когда берега круты, обрывисты и чрезвычайно высоки, такъ что тянутъ бичеву не довольно безопасно, или когда они покрыты лѣсомъ, гдѣ бичеву нужно часто ссаривать или отдавать назадъ.

Когда судно идетъ вверхъ завозомъ, то самое занимательное зрѣлище, смѣсь смѣха и горя, представляетъ этотъ случай, когда судно сядетъ на мель, и бурлаки силятся на якоряхъ перетащить большую расшиву чрезъ огрудокъ. Лоцманъ, обыкновенно въ красной рубахѣ и разряженный впухъ, разгорячаетъ усердіе бурлаковъ къ болѣе усиленному труду. Они должны непремѣнно весело хоромъ распѣвать удалыя бурлацкія пѣсни, не падать духомъ и во что бы ни стало сдвинуть судно съ мели. Лоцманъ, не отходя отъ своихъ кресѣлъ, не выпуская изъ рукъ правила, самъ подпѣваетъ народу, громко командуетъ: «веселѣе братцы», надсѣдается отъ крику, и время отъ времени утѣшаетъ провозглашеніемъ, что судно двинулось. «Пошелъ! батюшки, пошелъ!! пошелъ ходомъ!!! Пой, ребята, пой веселѣй!!»

И ребята, доселѣ полуугрюмо распѣвавшіе сиплыми голосами извѣстные припѣвы: «Нейдетъ! Нейдетъ!! Ау, да ухъ!!» сбираются съ новыми силами, и, перемѣнивъ старую погудку на новый ладъ, вмѣсто:

Пошли да повели,
Правой лѣвой заступи!

поютъ уже:

Вотъ пошелъ, таки пошелъ.
Онъ пошелъ, да и пошелъ!
Онъ и ходомъ, ходомъ, ходомъ,
Ходомъ на ходу пошелъ!

Если бурлаки, вытягивая снасть, вытащатъ якорь, нисколько не отдалившись отъ земли, они снова приходятъ въ уныніе, снова принимаются за старую пѣсню:

Ой разъ, ой разъ,
Еще разикъ; еще разъ!

Вглянись, другъ,
Возмись вдругъ,
Да и у — ухъ!!

А если и тутъ неудача, то для приданія куражу подпѣваютъ хоромъ.

Сорвали, сорвали,
Сорвали, да сорвали,
Ты опять говори,
Что сорвали, сорвали!

Но усилія все превозмогаютъ, и судно, тѣмъ ли, другимъ ли, подачей ли, *) неволей ли, или свойкой, или чигенемъ **), снимается таки съ земли.

На веслахъ бурлаки спускаются по теченію большею частью въ весенній разливъ.

Бѣгъ на парусѣ — самая счастливая пора для бурлака: онъ въ это время свободенъ отъ великихъ занятій, и отдыхаетъ отъ тяжкихъ трудовъ своихъ; поэтому неудивительно, что самая жаркая молитва бурлака — молитва о попутномъ вѣтрѣ.

И что за счастливое созданіе бурлакъ, когда, послѣ утомительныхъ дней тяжкаго труда, Господь пошлетъ попутный вѣтеръ: лети, отдыхай и спи сколько угодно душѣ; а для истомленнаго бурлака это истинная благодать! Попутный вѣтеръ въ одномъ плесѣ; боковой вѣтеръ, дующій совершенно накось, можетъ быть одинаково попутенъ и для судна, идущаго съ верху, и для судна, отправляющагося къ низу; но такъ какъ попутный вѣтеръ гораздо нужнѣе для этого послѣдняго, то про встрѣчное судно, идущее на парусахъ въ то время, когда низовое судно принуждено ихъ, по безполезности, спустить, говорится, что оно идетъ чужимъ вѣтромъ.

На Волгѣ мнѣ часто попадались встрѣчныя суда: лямочники, издали еще завидѣвъ дымокъ нашего парохода, сообщали объ этомъ открытіи лоцману: «глядька, дядя, огнёва бѣжитъ».

---

*) Косякъ каната съ якоремъ, по которому ведутъ судна вверхъ рѣки.
**) Стягъ или бревно, которымъ сдвигаютъ лодки съ мелей.

И лоцманъ, подтянувши синій кушакъ, расправивъ усы и бороду, съ усмѣшкою выжидалъ появленія огнёвы, которую всѣ бурлаки считали близкой родней чертовой кобылѣ, какъ зовутъ у насъ на Руси паровозы.

— Миръ, Богъ на помочь! кричали мы расшивѣ неизмѣнную фразу волжской вѣжливости.

— Вамъ Богъ на помочь! отвѣчали въ одинъ голосъ улегшіеся брюхомъ по борту бурлаки.

— Чье судно? спрашивали мы, желая удовлетворить естественное любопытство.

— Нижегородско! отвѣчалъ обыкновенно водоливъ, всегда почти сиплымъ голосомъ.

— Да чье нижегородско? Съ чѣмъ оно?

— Балахниньско! пояснялъ водоливъ.

— Да чье балахнинское?

— Кузмича дяди Антропа!

Пароходъ подвигался впередъ, росшиву уносило, мы расходились и не узнавали ничего. И всякій разъ намъ были одни и тѣже отвѣты.

Встаютъ для работы бурлаки утромъ чрезвычайно рано, до свѣта; въ восемь часовъ они завтракаютъ, послѣ завтрака до двухъ часовъ опять работаютъ, въ два часа обѣдаютъ, потомъ, до заката вечерней звѣзды — зарницы, опять на работѣ; поужинавъ, ложатся спать.

Время сна бурлаковъ измѣряется зажженною на ночь свѣчою; какъ скоро половина свѣчи сгорѣла, водоливъ будитъ бурлаковъ, прерывая самый сладкій сонъ, который не успѣлъ еще укрѣпить ихъ силъ, и они снова должны идти на работу.

Пища ихъ состоитъ изъ щей, каши и солонины; запасаются также бурлаки на дорогу квасомъ и медомъ, который составляетъ ихъ необходимое лакомство.

Счастіе бурлаковъ, если, съ помощію попутнаго вѣтра, они скоро достигнутъ мѣста, издержавъ на харчи небольшую часть своей заработной платы; но при постоянно противныхъ вѣт-

рахъ, которые заставляютъ ихъ часто стоять на одномъ мѣстѣ, у нихъ немного остается отъ заработка.

Горе тому бурлаку, котораго въ этихъ страшныхъ трудахъ застигаетъ болѣзнь! Безжалостные хозяева отдаютъ ему заработанныя деньги и паспортъ, и высаживаютъ на берегъ, гдѣ ни попало. Не удивительно поэтому, что бурлаки дорогу свою по Волгѣ называютъ путиной: не легко пройти имъ отъ Астрахани до Нижняго, куда должны прибыть въ 70 или въ 75 д., обыкновенно къ Ильину дню. Такъ какъ они нанимаются по контракту и обязываются поставить товаръ въ срочное время, то чѣмъ ближе этотъ срокъ, тѣмъ болѣе купецъ старается понуждать бурлаковъ, и они въ это время въ сутки спятъ не болѣе двухъ часовъ, а иногда менѣе. Послѣ столькихъ лишеній, послѣ столькихъ ночей, проведенныхъ безъ сна, какъ не увлечься бурлаку бѣдными наслажденіями, какія представляются ему въ городахъ! Очень часто бурлакъ проматываетъ весь свой ничтожный заработокъ, для котораго онъ рисковалъ жизнью. Но ни одинъ изъ городовъ не пользуется между бурлаками такою славою, какъ Астрахань, гдѣ нерѣдко, облитыя ихъ собственнымъ потомъ и кровью, деньги проживаютъ они въ нѣсколько дней. Край ихъ производитъ одинъ только хлѣбъ; въ Астрахани по дешевой цѣнѣ продается рыба, любимая ихъ пища, разнообразные плоды, виноградное вино; на каждомъ шагу соблазны. Вотъ отчего они прозвали Астрахань «разбалуй - городкомъ».

Бурлакъ, побывавшій въ Астрахани, повидавшій Нижній и на своемъ вѣку видавшій всякіе виды, теряетъ ту смиренную фантазію, которая характеризуетъ мирнаго пахаря. Веселое разгулье большихъ городовъ, увертливые повороты на суднѣ во время плаванія, разнаго рода знакомства «въ жегуляхъ» съ жегулевскими промышленниками, безпрестанный отпоръ опасностей отъ бурь и садки на мель, — все это снимаетъ съ неотесаннаго мужика прежнюю кору неподатливости и необщительности, и обращаетъ его въ ловкаго, развязнаго, а подъ часъ и въ забубеннаго хвата. «Мы наволжались», хвастливо говоритъ бурлакъ и этимъ даетъ замѣтить, что теперь онъ не

дастъ никому себя провести, а самъ понимаетъ, «чему, гдѣ и какъ быть надоть!»

Грамотныхъ между бурлаками почти нѣтъ; нѣкоторые изъ нихъ увѣряли меня, что такихъ никогда и не бываетъ, потому что грамотный всегда найдетъ работу получше бурлацкой лямки; по этому же самому классъ судорабочихъ и представляется въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ съ точки зрѣнія административной: невѣжество дѣлаетъ бурлаковъ упорными противниками всякихъ улучшеній, какъ частныхъ, такъ и государственныхъ, если только они видятъ въ нихъ даже временную и кажущуюся личную потерю. По всему поволожью, бурлаки дружно возстаютъ противъ пароходства, желѣзныхъ и даже шоссейныхъ дорогъ, иногда противъ коноводныхъ машинъ, противъ густаго населенія края, гдѣ они работаютъ, и даже попадались такіе, которые считали пожаръ прямою для себя пользою. Жалобы и мнѣнія подобнаго рода особенно сильно выражаются по близости къ Астрахани, въ нижнемъ поволожьѣ, гдѣ оригинальныя сужденія высказывались съ наибольшею горячностью.

Бурлаки, по возвращеніи домой, со своихъ лѣтнихъ работъ въ плесѣ занимаются различными ремеслами, если кто что-нибудь умѣетъ: такъ, кузнецъ зимою снова принимается за кузнечную работу; портные, какъ напр. нехайковцы, Муромскаго уѣзда, зимою занимаются крестьянскимъ портняжничествомъ; въ Костромской губерніи многіе бурлаки зимою прядутъ ленъ; въ Чебоксарахъ пилятъ дрова, что даже продолжаютъ и лѣтомъ, отправляясь на суда только весною; муромскіе бурлаки скупаютъ, по примѣру отцовъ, у крестьянъ Зарайскаго и Михайловскаго уѣздовъ деревья, изъ которыхъ гнутъ дуги, сплавляемыя ими потомъ къ нижегородской ярмаркѣ на собственныхъ, купленныхъ складчиною, или чужихъ судахъ; но главная масса бурлаковъ, какъ-то тамбовскіе, пензенскіе, симбирскіе и самарскіе, зимою ничего не дѣлаютъ, кромѣ молотьбы, рубки дровъ и другихъ домашнихъ работъ, и то, если крайне необходимо. Бурлачество здѣсь, хотя и съ трудомъ, доставляетъ довольно для прожитія семьи, чего нельзя сказать про сѣверныя губер-

нiи, менѣе плодородныя, но болѣе развитыя по своимъ потребностямъ.

Бурлачествомъ занимаются только тѣ изъ крестьянъ, которые не могутъ иначе употребить времени, свободнаго отъ ихъ полевыхъ работъ; часто промышленное населенiе или жители богатыхъ землями и угодьями мѣстностей не участвуютъ въ этомъ занятiи. Ни матерiальныя выгоды, ни моральныя условiя этого промысла не представляютъ его особенно вожделеннымъ для государства. Бурлачество образуетъ бродячее, невѣжественное, предоставленное случайностямъ населенiе, истрачивающее свои силы на такое занятiе, которое большею частiю можетъ быть исполнено животными или машинами: бурлакъ замѣняетъ собою лошадь или вола, и вообще можетъ быть поставленъ въ категорiю тягловаго скота. Поддерживать поэтому бурлачество искусственнымъ образомъ значило бы поддерживать самое невыгодное для государства употребленiе силъ въ то время, когда чувствуется недостатокъ въ трудѣ и рабочихъ во многихъ отрасляхъ нашей промышленности.

18. Лѣсопромышленники.

Пишу къ вамъ изъ гнѣзда раскольниковъ-старообрядцевъ, изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутаго берега извилистой, прихотливой въ своемъ теченiи рѣки Ке́рженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губернiи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающiе берега Ке́рженца и его притоковъ, кормятъ большую часть населенiя цѣлаго уѣзда. Столичный или степной житель съ трудомъ представитъ себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ, даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрѣдили прежнiя непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей, оленей, раскольниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, давшихъ самому Семенову свою особенную мѣстную пословицу: «Хорошъ городъ Семеновъ, да въ немъ денежка мягка!»

Изъ большаго, бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ, я вздумалъ проѣхать въ Хохалы, деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лыковской дачи, прилежавшей къ Кѐрженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ, и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія.

Всѣ крестьяне Лысковской волости занимаются исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты, и сплавляютъ ихъ до устья Кѐрженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другаго кромѣ охоты, которою, впрочемъ, занимаются очень немногіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя, повидимому, немного нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотой, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи: ни зарубки, ни затѣсинки, все бревно какъ будто отполировано.

По берегамъ Кѐрженца и поблизости къ нему всѣ крупныя, большемѣрныя деревья уже повырублены, и въ настоящее время рубка идетъ по притокамъ, рѣчкамъ Черной и Вишнѣ, отъ селеній верстъ на 20 и на 30. Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ зимницахъ; въ деревняхъ остаются только бабы да ребятишки. Здѣшній крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства существованія.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10 декабря, и узнали, что только дня за два крестьяне имѣли возможность перебраться въ лѣса, и то только самые заботливые и отважные, потому

что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этихъ лѣсныхъ дикарей. Не обинуясь оставляю это названіе за здѣшними обитателями: мнѣ удалось быть въ мѣстахъ, не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предпріимчивости и коммерческихъ оборотовъ; тамъ строятся большія суда — бѣляны, на которыхъ сплавляются лѣсныя издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ, напротивъ, кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Керженца, ничего не видалъ и не знаетъ: единственное окошко, черезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальной міръ Божій — село Лысково, капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ, срубленный руками лысковскаго мужика.

Лѣсничій нашелъ мнѣ извощика, который брался довести къ зимницамъ на Черной, но признавался, что былъ тамъ всего одинъ разъ и дорогу плохо помнитъ.

Мы пріѣхали къ зимницамъ ночью; начали окликать находившихся въ зимницѣ, но утомившійся на работѣ народъ спитъ крѣпко, и мы насилу могли вызвать хозяина. Оказалось, впрочемъ, что до той зимницы, въ которой мы предполагали ночевать, было съ добрую версту, но это не бѣда; намъ указали дорогу, и мы скоро добрались до ночлега.

Въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть внѣшняго вида зимницы; замѣтилъ только, что мы остановились передъ небольшимъ и невысокимъ зданіемъ. Черезъ окошко или, попросту сказать, дыру, въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и входомъ, свѣтился яркій огонь съ теплины, разложенной внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ ярко пылавшій внутри землянки огонекъ, и отраду обѣщалъ нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ пробраться къ нему, но съ непривычки это было несовсѣмъ легко; долго принаравливался я, какъ бы пролѣзть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую, и

потомъ, по возможности согнувшись, вдвинуться внутрь всѣмъ тѣломъ.

Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ ту же минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, который захватывалъ дыханіе и невыносимо ѣлъ глаза. Почти ползкомъ сталъ япробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая какое-нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькій древесный отрубокъ и сѣлъ на немъ около очага. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣли меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы, и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣрою бревенчатый срубъ, вышиною въ ростъ человѣка. Пола не настилается, потолокъ же выводится изъ бревенъ нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землею, прорубается окно или, вѣрнѣе, дверь около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатыя дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда онѣ затворены, оставался свободный выходъ для дыма поверхъ дверецъ, и въ тоже время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуха снаружи, чрезъ что зимница очень скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. Къ стѣнѣ, противоположной входу, черезъ всю зимницу дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ нихъ ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною, и наполняется до краевъ землею. Этотъ очагъ замѣняетъ печь: на немъ всю ночь непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату; на немъ же варится пища. Вотъ общій внутренній видъ и устройство зимницы.

На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей, довольно просторные и, кажется, даже болѣе удобные, нежели то по-

мѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ впередъ его навѣсомъ; подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей.

Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчиные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны — одѣяломъ, грязные лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что и на мнѣ лежалъ уже слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣснотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!...

Старшій хозяинъ зимницы былъ высокій, тощій, костлявый старикъ, лѣтъ 80-ти. Онъ лежалъ съ краю и не измѣнилъ своего положенія при нашемъ приходѣ, даже не привсталъ. Сынъ его такой же высокій, но широкоплечій, здоровый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ добрымъ лицомъ и длинной рыжей бородой, поднялся съ мѣста и встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ. Остальные, лежавшіе на нарахъ, были работники хозяина. Они молча посматривали на насъ, но мы знали, чѣмъ развязывается языкъ русскаго человѣка, и приказали принести изъ саней большую бутыль, взятую нарочно съ этою цѣлью. Впрочемъ, къ крайнему моему удивленію и удовольствію, ни старикъ-хозяинъ, ни его сынъ, ни двое работниковъ не хотѣли даже попробовать вина, не смотря на всѣ наши убѣжденія. Спутникъ мой, знавшій всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ, послалъ звать ихъ изъ сосѣднихъ зимницъ, но пьющими оказалось только трое или четверо; между ними особенно отличался бывшій ратникъ, сначала очень забавлявшій, а потомъ надоѣвшій мнѣ своими разсказами о томъ, какъ они стояли съ дружиною въ Хохлахъ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мало пьютъ водки, и въ празднич-

ныя гулянья ограничиваются больше брагой и хмѣльнымъ медомъ.

Мало-по-малу завязалась оживленная бесѣда. Не отвергнувшіе нашего угощенія уже затѣвали пѣсню, но и прочіе, видя нашу простоту и радушіе, оросили осторожность и повели откровенный разговоръ; одинъ только нашъ старикъ-хозяинъ оставался молчаливъ и, какъ видно, недоволенъ совершавшеюся передъ его глазами пирушкой.

— Вотъ пить да гулять, такъ, пожалуй, на всю ночь рады, а работать такъ насъ нѣтъ! брюзжалъ старикъ.

— Небось, мы на все поспѣемъ, — возражалъ ратникъ. — Вотъ какъ, бывало, у насъ ротный....

— Ладно, ротный. Знай про себя: слыхали!

— Что, видно, братъ, дѣдушка-то не любитъ вамъ давать воли: не дастъ лѣниться-то! сказалъ я.

— Да ему что, сполагоря: отъ него только и есть, что ну, да проворнѣй! до свѣта подниметъ, заснуть не дастъ, а самъ-отъ небольно за топоромъ кланяется, только понукаетъ людей да покрикиваетъ!... отозвался одинъ изъ работниковъ.

— Ладно! поживи съ мое, да поломайся съ мое, а тутъ и говори, — сердито возразилъ старикъ.

— Да мнѣ-то что? все едино: я не на него работаю, на себя, — продолжалъ ратникъ. — Пущай ты, — обратился онъ къ одному парню: — ты коренной работникъ, на жалованьи, а я что вывезъ, за то и денежки получилъ.

Въ это время слуга подавалъ мнѣ трубку.

— Да ты уголекъ подай ему, — обратился къ нему ратникъ. — Какъ мы бывало въ походѣ или въ Хохлахъ, у насъ эти трубки.... сколько! все уголькомъ раскуривали.

— Ну, ребята, давай запоемъ нашу ратницку.... Я начну...: слушай.

— Ну, зазѣвалъ! сердито промолвилъ старикъ, непріязненно посматривая на расходив-шагося ополченца. — Деньги забирать али орать, такъ мастеръ, а къ работѣ нѣтъ.

Я попросилъ сына старика растолковать мнѣ, на какихъ условіяхъ работаетъ на него ратникъ и прочіе его работники.

— У насъ, видишь ты, какой порядокъ заведенъ: вотъ я теперь знакомство веду съ лысковскими торговцами, это по нашей лѣсной части. Вотъ я у нихъ тамъ, у котораго ни-на-есть деньги и забираю, тамъ пятьсотъ ли, тысячу ли рублей, да вотъ этакимъ и раздаю: кому 60, кому 70 ассигнаціями: ему деньги нужны, въ домъ ли, на подушны ли, а достать не на-чемъ, вотъ онъ и забираетъ впередъ, а тутъ зиму-то на меня и зарабатываетъ: рубитъ. Тамъ весна придетъ, какая цѣна на лѣсъ обнаружится, сколько бревенъ кто вырубитъ, по тому его и разсчитываю. А то какъ работника нанимаю на всю зиму, на счетъ того: ужъ онъ дѣлай, что велю....

— Какъ ты говоришь, какая цѣна обнаружится? развѣ работникъ не дѣлаетъ напередъ съ тобой условія: почемъ ему получать съ бревна?

— Да какъ онъ сдѣлаетъ условіе? я и самъ-то не знаю, какая цѣна откроется, это ужъ какъ лысковскіе купцы какую цѣну назначатъ.

Такимъ образомъ вся лысковская волость или, лучше сказать, весь лѣсный промыслъ по Керженцу — жертва монополіи капиталистовъ села Лыскова.

Ни у одного изъ крестьянъ лысковской волости нѣтъ настолько денежныхъ средствъ и предпріимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ, и потомъ, сплавивши плоты до устья Керженца или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, больше семейный или смышленный крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и проситъ у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленникъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но зато весною, когда плоты пригнаны и когда крестьянинъ проситъ окончательной раздѣлки, онъ, по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющими своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну, и, разумѣется, получаетъ лѣсъ

крайне дешево. Точно также и крестьянинъ, забиравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно порядкомъ раздававшій впередъ другимъ бѣднѣйшимъ малосемейнымъ и менѣе его смышленымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ отъ хозяина, и наровитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Однимъ словомъ, въ этой торговлѣ взаимное довѣріе основано на обманѣ и взаимный обманъ на довѣріи: я тебѣ вѣрю деньги, потому что ты даешь мнѣ возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другаго, и я тебѣ позволяю меня обманывать за то, что ты довѣряешь мнѣ деньги и тѣмъ даешь возможность обмануть другаго. Почти въ такой формулѣ можно привести отношенія лѣсопромышленниковъ по Керженцу. Разумѣется, при этомъ, гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копѣйки. И эта зависимость рабочихъ рукъ отъ капиталистовъ и произволъ послѣднихъ въ опредѣленіи цѣнности труда у насъ въ Россіи встрѣчается не только здѣсь, но весьма часто.

— Сколько же можетъ выработать въ зиму мужикъ съ одною лошадью? спросилъ я нашего хозяина.

— Да ретивый рублей сто на ассигнаціи замотаетъ черезъ зиму–то.

— Что же вы дѣлаете лѣтомъ?

— Лѣтомъ, извѣстно, около дома: хлѣбопашествомъ занимаемся, да хлѣбъ–то у насъ больно плохо родится: семьи–то не прокормишь. Плохіе наши достатки!... Только зима–то и кормитъ. Да вотъ нонѣ какая стоитъ: Микола прошелъ, а мы только–что въ лѣсъ–отъ выѣхали. Вотъ зимушней зимой, нечево сказать, благодаренье Богу, поработали, а нонѣ плохо.

Зима въ иныхъ краяхъ — отдыхъ для крестьянина, время лѣни и лежанья на печи, а здѣсь это самая работящая, самая страдная пора. И здѣшній мужичокъ ждетъ ее и любитъ ее, какъ свою кормилицу, не смотря на кровавый потъ, на всѣ лишенія и страданія, съ которыми добываетъ свой насущный

хлѣбъ! Онъ охотно разстается и со своей семьей и съ чистой, просторной избой, съ радостью идетъ въ эту дымную, курную лачугу для того, чтобы выработать средства существованія.

— А вѣдь, чай, тошно иной разъ по семьѣ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Ничего, не тошно! вдругъ отозвался старикъ.

— Какъ, дѣдушка, неужто не подумается о домѣ? Ну, ты вотъ старикъ, ты нажился со своей старухой, а вотъ тутъ молодые ребята, у нихъ, чай, жены остались, тоже, чай, грустится.

— Вотъ есть о чемъ! безъ бабы лучше.... Ну ихъ!... Отъ нихъ никакого прока нѣтъ. На смерть ихъ не люблю.

— Что ты, дѣдушка, за человѣкъ? сказалъ я со смѣхомъ: — водки не пьешь, бабъ не жалуешь; что же ты любишь?

— Что люблю? хлѣбъ, — рѣзко отвѣчалъ старикъ. — А въ бабахъ пути нѣтъ: я вотъ со второй живу. Сказать тебѣ, я на крестинахъ былъ у теперешней-то моей хозяйки. А лучше безъ нихъ, завсегда скажу, что лучше. Да будетъ вамъ орать-то, — обратился онъ къ развеселившимся неумолкавшимъ пѣсенникамъ. — Ишь, складъ-отъ какой! Ложились бы спать, а то завтра продрыхните.

— Да ты бай, бай свое! возразилъ ратникъ. — Вотъ кабы дѣдушка Петръ былъ, тотъ бы господъ позабавилъ; тотъ бы и выпить не отсталъ и пѣсенку бы завелъ, даромъ что старикъ. А вотъ, братцы, какъ въ Хохлахъ, такъ тамъ пѣсни совсѣмъ неэки, что у насъ. Вотъ нѣтъ дѣдушки Петра, вотъ бы мы съ нимъ....

Это имя дѣдушки Петра уже поминалось не первый разъ. Между сторонними посѣтителями зимницы былъ и его сынъ, который также отказался отъ предлагаемой чарки, и промолвилъ:

— Вотъ кабы батюшка былъ, онъ бы выпилъ, ужъ и съ вами бы побаялъ.

— Ужъ бы, братъ, дѣдушка Петръ, ужъ тотъ бы, братъ, выпилъ и господъ бы уважилъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

Надо полагать, что этотъ дѣдушка Петръ старикъ весе-

лый, говорунъ и балясникъ и человѣкъ видно бывалый. Гдѣ же онъ?

— А онъ ушелъ на лыжахъ верстъ за семь проминать дорогу черезъ болото. Гдѣ болото худо промерзло и только сверху застыло, такъ тамъ дѣдушка будетъ прорубать, чтобы болото глубже замерзло и дорога для возки бревенъ сдѣлалась удобна. Тамъ есть старая брошенная зимница; онъ и ночуетъ въ ней одинъ одинешенекъ.

— Видно, этотъ дѣдушка не только лясы точитъ, а и работать мастеръ?

— И, да онъ за троихъ молодыхъ сработаетъ, даромъ что старъ, — подтвердило нѣсколько голосовъ.

Жаль, что не привелось мнѣ видѣть дѣдушки Петра.

— Скажи, пожалуйста, — обратился я къ своему собесѣднику: — зачѣмъ вы строите такія дымныя, грязныя зимницы? не лучше бы построить избушку съ печью?

— Нѣтъ, изба съ печью будетъ несподручна. Вѣдь цѣлой день мы въ лѣсу, зимница стоитъ пустая, настынетъ; пріѣдешь, перезябнешь, печку надо растапливать, когда еще растопится, закроешь ее, днемъ-то изба настыла, сырость пойдетъ да угаръ. А тутъ пріѣхалъ: огонь запалилъ, зимница-то мигомъ нагрѣется, и самъ вокругъ огонька-то обогрѣешься и одёжа просохнетъ, ни сырости, ни угару нѣтъ, — важно. Опять цѣлую ночь около огонька лежишь; къ лошадямъ ли сходить, сейчасъ огонь есть; уѣдешь утромъ-то, загребешь уголья, ночью пріѣхалъ, еще огонекъ-отъ все держится, только разгреби да вздуй. А избу— нѣтъ, никакъ невозможно по нашей работѣ.

— Развѣ вы цѣлый день не пріѣзжаете въ зимницу?

— А какъ же, цѣлый день въ лѣсу. Вотъ утромъ всталъ, пообѣдалъ да и на работу, вечеромъ пріѣхалъ, — ужинъ.

— А днемъ ничего и не ѣдите?

— Да когда ѣсть-то? Нѣтъ, не ѣдимъ.

— И хлѣба не берете съ собой?

— Нѣту. Да какъ его брать-то? морозы-то пойдутъ, замерзнетъ такъ, что и не угрызешь.

— Что же вы ѣдите?

— Что? хлѣбъ, щи варимъ, когда съ забѣлой; молоко хлебаемъ, коли есть; ну, кашу когда.

— А вотъ теперь, въ постъ?

— А вотъ посмотри ужо, станемъ обѣдать. Что въ постъ-отъ? хлѣбъ, да горохъ варимъ, когда кашицу съ грибами, болотники у насъ прозываются; да, правда, рѣдко же кашицу-то, все больше горохъ хлебаемъ.

Между тѣмъ кое-кого изъ нашего общества уже сталъ одолѣвать сонъ; спутники мои, пригрѣтые огонькомъ, давно уже храпѣли; изъ числа четырехъ пѣсенниковъ осталось только двое на сценѣ, и тѣ, кажется, допѣвали послѣднюю пѣсню, покачиваясь и съ полузакрытыми глазами. Я видѣлъ, что во снѣ нуждался и мой собесѣдникъ, и посовѣстился долѣе отрывать его отъ этого не послѣдняго блаженства для работящаго человѣка, да и мои глаза какъ-то тяжело смотрѣли на свѣтъ. Устроившись, какъ могъ, удобнѣе на нарахъ, я думалъ уснуть, но напрасно: и пѣсенники утихли, и дольше всѣхъ бодрствовавшій ратникъ умолкъ, съ послѣднимъ воспоминаніемъ о Хохлахъ уткнулся головой въ стѣну и захрапѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и всѣ спали кругомъ, и меня сильно клонило ко сну, но явились тысячи новыхъ и такихъ докучныхъ собесѣдниковъ, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, какъ я ни призывалъ его.

Съ завистью посматривая на сладко спящихъ сосѣдей, съ мучительной головной болью, развлекая себя лишь подкладываніемъ дровъ въ теплину да наблюденіемъ за струями дыма, вившагося подъ потолкомъ, провелъ я эту безпокойную ночь, и когда часы показали пять, разбудилъ старика, и заботливо предупредилъ его, что скоро будетъ свѣтать, и я полагаю, что имъ пора готовить себѣ обѣдъ. Къ моему величайшему удовольствію, старикъ со мной согласился, разбудилъ сына и работника и самъ сталъ обуваться. Работникъ сначала съ зажженой лучиной сходилъ задать корму лошадямъ, потомъ сплеснулъ себѣ водою лицо и руки,—послѣ чего они показались мнѣ еще грязнѣе, — перекрестился на маленькій мѣдный образокъ,

висѣвшій у входа, снялъ одинъ изъ котелковъ, налилъ въ него воды, всыпалъ гороху, покрылъ крышкою и, прицѣпивши деревяннымъ крюкомъ къ жерди, повѣсилъ его надъ огнемъ. Затѣмъ онъ взялъ другой котелъ и началъ класть въ него что-то изъ мѣшка.

— Что это такое? спросилъ я у него.

— Гуньба.

— Что?

— Гуньба, земляная рѣпа.

— Что за земляная рѣпа? покажи-ка братъ.

Оказалось, что это былъ просто картофель. Работникъ залилъ его водою и поставилъ къ огню варить. Далѣе я видѣлъ, какъ онъ досталъ валявшуюся гдѣ-то мутовку и, поплевавши на ладони, началъ ею мѣшать горохъ. Пока и то и другое кушанье варилось, одинъ за другимъ поднялись со сна и прочіе работники.

Проснулся и нашъ ратникъ, но уже угрюмый и молчаливый.... Когда варево было готово, хозяева усѣлись вокругъ котла и принялись обѣдать; сначала ѣли горохъ, потомъ вареный картофель съ хлѣбомъ и солью. Старикъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, не смотря на свою худобу, и я готовъ былъ повѣрить, что онъ точно больше всего на свѣтѣ любитъ хлѣбъ. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ артели; хотя работникъ, забиравшій у хозяина деньги впередъ, и живетъ въ его зимницѣ, но пищу каждый приготовляетъ себѣ отдѣльно. Пообѣдавши, всѣ, по приказанію старика, стали запрягать лошадей, и чуть стало свѣтать, уѣхали въ лѣсъ на работу. Зимницы никогда не запираются и не было примѣра, чтобы изъ нихъ что-нибудь пропало: правда, не на что и покорыститься. Мы тоже собрались въ обратный путь. Недалеко отъ зимницы встрѣтили нашихъ знакомцевъ и пріостановились, чтобы попрощаться съ ними. Лица у всѣхъ такъ были грязны и закоптѣлы, какъ у угольщиковъ, но и при дневномъ свѣтѣ я не замѣтилъ ни на одномъ сердитаго или недовольнаго выраженія: всѣ смотрѣли добродушно, весело и привѣтливо. Сердитый и брюзгливый

вчера старикъ здѣсь, въ лѣсу, оказался весельчакомъ и говоруномъ.

— Будете проѣзжать нашей-то деревней, заѣзжайте опять къ намъ, — сказалъ старикъ: — да слушай, баринъ, — прибавилъ вчерашній ненавистникъ женщинъ, приклоняясь ко мнѣ съ лукавой улыбкой: — пугни старуху-то мою; скажи, что молъ и меня и сына подъ судъ отдашь. Ничего, пошути, молви. Пусть ихъ тамъ думаютъ, что будетъ.

Онъ вызвался даже проводить насъ и указать кратчайшій путь. Дорогой болталъ безъ умолку: видно было, что лѣсъ, въ которомъ старикъ провелъ всю свою жизнь, веселилъ и оживлялъ его. Онъ разсказывалъ про своего дѣдушку, который нѣсколько десятковъ лѣтъ провелъ отшельникомъ въ этомъ самомъ лѣсу, и умеръ на стосороковомъ году; указывалъ и мѣсто, гдѣ была хижина старца.

Какъ видно, пустынникъ былъ зараженъ расколомъ, потому что полиція сильно его преслѣдовала; его брали и представляли къ архіерею, но старецъ такъ былъ хилъ и изнуренъ годами, постомъ и молитвами, что архіерей, по словамъ разсказщика, ужаснулся; думалъ, что къ нему привезли мертвое тѣло и велѣлъ отпустить его.

Замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ разспрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанныя въ плотъ. Плоты здѣсь собираются небольшіе, для удобства сплава по извилистому, не широкому Кѐрженцу. Берутся двѣ длинныя слѣги или толстыя жерди, поперекъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ, потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слѣги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слѣгъ, а потомъ крѣпко стягиваютъ между собою внутренніе концы каждыхъ двухъ верхнихъ слѣгъ, — плотъ готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку около дюйма толщиною распариваютъ

на огнѣ и, когда она дойдетъ до извѣстной степени гибкости, тогда ее, еще горячую, одинъ беретъ въ руки за тонкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость. что послѣ того легко свивается въ кольцо. Ко вскрытію воды всѣ вырубленныя бревна уже свезены къ рѣкѣ и связаны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ по теченію.

Когда ни одного плота не осталось уже на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревъ сплачиваютъ особенный плотъ, называемый харчевымъ, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшими для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнуть съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и связать, если какимъ—нибудь образомъ разобьется. Въ этомъ путешествіи тоже не мало труда и лишеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную весеннюю воду, чтобы столкнуть плотъ съ мели; нерѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ или ходить на трубку, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко засѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить никакимъ другимъ способомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: врываютъ на берегу въ землю перпендикулярно освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубу, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго вынута; потомъ весь плотъ обвязываютъ канатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать канатъ около трубки. Этотъ—то способъ и называется ходить на трубку. Путешествіе на харчевомъ плотѣ продолжается нѣсколько недѣль, и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается шалашъ и постоянно горитъ теплина. На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсной дикарь въ суровой и вѣчной нуждѣ и тяжелой, мало вознаграждаемой работѣ! И знать, очень

тяжекъ его трудъ и велика забота о насущномъ хлѣбѣ, что, не смотря на постоянную жизнь среди природы, такъ располагающую къ мистицизму, воображеніе его спитъ крѣпкимъ сномъ; здѣсь нѣтъ никакихъ повѣрій, по крайней мѣрѣ, я не могъ добиться ни отъ кого никакого представленія даже о лѣшемъ. Нельзя полагать, чтобы народъ, живущій въ лѣсной глуши, былъ чуждъ суевѣрія и языческихъ преданій; но ему некогда думать о такихъ вещахъ, нѣтъ досуга для воображенія. Зато нужда развиваетъ корыстныя желанія, и здѣсь сильная вѣра въ клады; изъ устъ въ уста переходятъ разсказы, изъ рукъ въ руки какіе-то списки, въ которыхъ указываются примѣты для отысканія клада; здѣсь много крестьянъ, у которыхъ кладоисканіе превратилось въ какую-то болѣзнь.

19. Офени.

Проѣзжая по большимъ и проселочнымъ дорогамъ Россіи, вамъ, я думаю, не разъ пришлось встрѣтить неутомимыхъ ходаковъ съ большими черными коробами, привязанными крѣпкими ремнями къ ихъ выносливымъ спинамъ. При видѣ этихъ коробейщиковъ невольно возникали въ головѣ вашей вопросы: что это за люди? Отчего встрѣчаешь въ нихъ повсюду все тотъ же типъ малорослаго человѣка съ хитрымъ, осторожнымъ взглядомъ, маленькіе глазки котораго такъ пытливо на васъ устремляются, точно сразу хотятъ опредѣлить, что вы за человѣкъ и какъ надо съ вами обращаться.

И не съ одними коробами встрѣчали вы ихъ: часто сильная лошадь везетъ, около своего хозяина, цѣлую лавочку товара, нагруженнаго на телѣгу и тщательно прикрытаго клеенкой или кожей.

И человѣкъ, и лошадь, и телѣга, все это знакомо, все это носитъ одинъ, давно вамъ извѣстный отпечатокъ.

Откуда эти люди, появляющіеся во всѣхъ концахъ Россіи, начиная нашими внутренними губерніями и кончая Сибирью и

Кавказомъ, — эти вѣчные жиды Россіи, никогда, кажется, не отдыхающіе?

Осенью вы ихъ встрѣтите по деревнямъ заманчиво развертывающихъ свой товаръ передъ сотнями мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ глазъ. И чего только у нихъ нѣтъ! Вы найдете и ситецъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, и синеватый каленкоръ, и желтоватый миткаль, и множество пестрыхъ разной величины платковъ, а мелочей и не перечесть! Вотъ, молодая бабенка, съ раскраснѣвшимися щеками, примѣряетъ цѣлую связку красныхъ, какъ ея щеки, бусъ. Дѣвушка скромно торгуетъ какую-то яркую ленту и серьги, темнозеленыя стекла которыхъ блестятъ изумрудомъ на солнцѣ. Деревенскій модникъ роется между книгъ и останавливается на заманчивомъ разсказѣ: *Гуакъ или непреоборимая вѣрность;* а сосѣдъ его, бойкій парень, выбираетъ себѣ гармонику, мастерски что-то на ней наигрывая. Бабушка, вся сгорбленная, пробирается во второй рядъ обступившихъ разнощика крестьянъ и, черезъ плечо какой-то худенькой дѣвчоночки, подаетъ торговцу мотокъ грубыхъ нитокъ, прося вымѣнять на него образъ Козьмы-Безсребренника, разсказывая при этомъ старческимъ хриплымъ голосомъ, что она дала угоднику обѣщаніе вымѣнять его на свою пряжу. Никто, разумѣется не слушаетъ старуху; всѣхъ болѣе занимаетъ зажиточный крестьянинъ, торгующій шелковый поясъ.

— Такъ по рукамъ, что-ль? говоритъ твердымъ, самоувѣреннымъ голосомъ крестьянинъ.

— Хоть еще полтинникъ прикиньте, — отвѣчаетъ кланяясь торговецъ: — вотъ те Христосъ, четвертакъ и наживаю!

— Полно, полно, борода, чай рубликъ лишній съ меня тянешь.

— По рублику бы брали, не такъ бы торговали, — замѣчаетъ, смѣясь и лукаво щурясь продавецъ.

— Ну чтожъ, берешъ аль нѣтъ?

— Не могу, себѣ въ убытокъ.

— Хоть грѣхъ пополамъ, четвертакъ еще накину и слитки мои, — продолжаетъ крестьянинъ, не выпуская изъ рукъ кушака.

— Чего лѣзете, — кричитъ онъ сердито на мальчишекъ. Но тѣ все-таки протискались и вьются у росписныхъ пряниковъ и пробуютъ свистульки въ видѣ невиданныхъ птицъ, небывалыхъ звѣрей и двуногихъ коней. Баба среднихъ лѣтъ, толкая ихъ локтемъ, уноситъ росписную, лоснящуюся олифой, деревянную миску и платокъ съ синими разводами по черному полю; все это куплено ею вмѣстѣ съ пряникомъ, надъ которымъ работаютъ беззубыя десны ея груднаго ребенка.

— А ложекъ, тетка, не берешь? спрашиваетъ торговецъ, переводя свои хитрые глаза съ богатаго покупателя на удаляющуюся.

— Не беру, — отвѣчаетъ степенно баба, отступая во второй рядъ.

— Ну, кстати, всѣ за гривенникъ хошь?

— Больше четырехъ семитокъ не дамъ,—все также серьезно говоритъ баба.

— Эхъ тетка! Скупенька ты больно, да ну ужъ такъ и быть, давай свои четыре семитки.

Баба останавливается и подаетъ четыре крупныя двухкопеечныя монеты, которыя скоро исчезаютъ въ прочной старой кожанной мошнѣ торговца, вмѣстѣ со многими другими рублями и гривениками, долго наживаемыми крестьянами и бережно ими припрятанными на этотъ случай. Словомъ, торгъ идетъ на славу, товару для всѣхъ и про всѣхъ.

И подымается опять вопросъ: откуда это разнообразіе товара, эти размалеванныя лубочныя картины, изображающія Бобылинъ, греческихъ героинь, на ряду съ Паскевичами, Ермоловыми и мученіями грѣшниковъ въ аду? Эта росписная посуда подлѣ конфектъ съ затѣйливыми билетиками? Эта груда тесемокъ и колецъ на ряду съ кипами образовъ, тщательно завернутыхъ? Гдѣ, какъ и на какія деньги покупается все это?

Спросите вы малороссіянина, что это за торговецъ? Онъ назоветъ вамъ его варягомъ. Бѣлорусъ—маякомъ. На сѣверо-востокѣ Россіи они слывутъ подъ именемъ торгованныхъ, въ Сибири — суздаловъ, на Кавказѣ — вязниковцевъ. Сами себя они

называютъ мазыками или мясыками. Общеупотребительное же ихъ названіе *офени или ходебщики*. Откуда явилось у насъ названіе «офени» — сказать довольно трудно. Тихонравовъ приводитъ для объясненія его слѣдующія три толкованія, существующія у самихъ офеней. «Офени говорятъ, во первыхъ, что гдѣ ихъ соберется двое или трое, они называютъ себя мясыками, а мясыки были народъ, кочевавшій по Волгѣ. (Дѣйствительно въ IX вѣкѣ кочевалъ по Волгѣ народъ Яссы или Ясыки), отъ котораго они будто и заимствовали свое названіе и языкъ свой. Другое преданіе говоритъ, что торговцы венгры, изъ города Офена, первые стали называться здѣсь офенями, а потомъ это названіе перешло и къ мѣстнымъ ходебщикамъ. По третьему преданію, названіе офеней производится отъ того, что греки, начавъ вести въ значительномъ размѣрѣ торговлю съ Русью, явились сюда въ видѣ переселенцевъ изъ Аѳинъ, и потому назывались Аѳенями, *Аѳинеи* или по здѣшнему, мѣстному произношенію офенями. И дѣйствительно, въ XV стол. было большое переселеніе грековъ, между прочимъ и къ намъ на Русь, и названіе Аѳинянъ или офеней могло перейти отъ нихъ къ здѣшнимъ ходебщикамъ, имѣвшимъ съ ними торговыя сношенія; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и донынѣ въ искусственномъ офенскомъ языкѣ много словъ, взятыхъ прямо съ греческаго.»

Родомъ всѣ офени изъ Владимірской губерніи и большею частью бывшіе оброчные помѣщичьи крестьяне; но, чрезъ свой промыселъ, они совершенно отдѣлились отъ крестьянъ и получили своеобразный типъ, манеру, языкъ и одежду. Послѣдняя особенно отличается отъ крестьянской и напоминаетъ скорѣе одежду нашихъ бывшихъ дворовыхъ людей: черный сюртукъ старомоднаго покроя, такой же жилетъ съ блестящими металлическими или стеклянными пуговицами, черныя брюки и фуражка составляютъ нарядъ офена. Все это хорошо прилажено, надѣто аккуратно, систематически, такъ что, разъ взглянувъ на этого чернаго небольшаго человѣчка, вы почувствуете, что, встрѣтивъ его черезъ нѣсколько лѣтъ, вы не найдете въ его

внѣшности почти никакой перемѣны, вы сознаетесь, что онъ вполнѣ доволенъ своимъ костюмомъ и не желаетъ измѣнять его Та же аккуратность и нѣмецкое тупое самодовольство проглядываютъ и во всей его обстановкѣ. Проѣзжая Ковровскимъ, Вязниковскимъ и Шуйскимъ уѣздами Владимірской губерніи, уѣздами, исключительно наполненными селеніями офеней, вы встрѣтите множество домовъ, рѣдко отдѣляющихся своей постройкой отъ избъ нашихъ деревень. Эти чистенькіе домики напоминаютъ прежніе деревенскіе, помѣщичьи дома съ мезонинами. На нихъ вы найдете разныя вычурныя украшенія, въ родѣ оленьихъ роговъ, самой рѣдкой породы. На окнахъ встрѣтите миткальныя занавѣски и герань, промежъ двойныхъ рамъ разные сухіе травки и цвѣточки. Это дома офеней. Въ этомъ уютномъ, опрятно выкрашенномъ домикѣ, плотно замкнутомъ, какъ и его хозяинъ, пришедшій на побывку, офеня чувствуетъ себя вполнѣ хозяиномъ послѣ долгаго удачнаго или неудачнаго странствованія. Тутъ онъ можетъ надѣть свой любимый пестрый, восточнаго покроя, халатъ на ватѣ и помыкать работниками и женою, разряженной въ доставленныя имъ обновы. Одѣваетъ онъ жену не въ сарафанъ, а въ платье, ситцевое, шерстяное, а иногда шелковое, и въ большой шалевой (шерстяной) или бумажный платокъ съ пестрыми узорами. Женщины и дѣвушки надѣваютъ этотъ платокъ на голову, распуская концы его до пояса. Вообще нарядъ офенскихъ женщинъ, какъ и онѣ сами, не отличается красотой. Жены и дочери офеней, по большей части, такъ же малорослы, какъ и сами офени, вертлявы и утратили совершенно типъ нашихъ дородныхъ красавицъ: нѣтъ у нихъ тоже и той статности и плавности, которыя встрѣчаешь въ другихъ деревняхъ. Самыя красивыя изъ нихъ могутъ быть названы только миловидными и больше подходятъ къ типу нашихъ мѣщанокъ. Какъ пользуется офеня своей побывкой—виднѣе всего изъ описанія г. Безобразова, которое мы и приведемъ цѣликомъ: «По дорогѣ (изъ Вязниковъ до Метеры) большею частью встрѣчаешь торгашей-ходебщиковъ, попарно съ ихъ женами. Эти, вездѣ разсѣянныя по тропинкамъ и полямъ, парочки, пре-

дающіяся мирному удовольствію прогулки и погруженныя въ тихую, интимную бесѣду, пріятно поражаютъ глазъ и порадовали бы насъ мыслію о тихомъ счастьѣ семейной жизни, которое вкушаетъ все это народонаселеніе, если бы такая идиллія не разлеталась мечтою при мысли, что всѣ эти домашнія радости озаряютъ офеню въ теченіе 2 и 6 недѣль, послѣ одиночнаго скитанія въ теченіе цѣлаго года, часто двухъ, трехъ, пяти лѣтъ. Это не семейная жизнь, а побывка на дому посреди вѣчнаго шатанья и холостой жизни. Не столько своей семьей, сколько побывкой наслаждается офеня. Протерпѣвъ всякія невзгоды и лишенія, вездѣ ежась и изгибаясь, онъ здѣсь самъ себѣ хозяинъ. Отрадно чувствовать себя хозяиномъ, быть у себя дома, имѣть кому приказать, передъ кѣмъ похвастаться, кого удостоить своей компаніи, наконецъ, имѣть минуты покоя, въ которыя нѣтъ обязанности напрягать всѣ свои умственныя силы на плутни или на защиту отъ чужихъ плутней, — эта отрада велика для человѣка, котораго вся жизнь есть скитаніе по чужимъ домамъ и дорогамъ, пролѣзаніе во всякія щели, выпрашиваніе товара и кредита, натираніе себѣ всякихъ мозолей, физическихъ и нравственныхъ. И надо видѣть, съ какою нѣгой предается офеня наслажденію побывки. Ему важно не то, что у него есть жена, а то, что можно ее показать; и вотъ онъ наряжаетъ и чинно выходитъ съ нею на показъ. Чрезвычайно забавляли меня разсказы ямщиковъ, какъ хвастливы офени, когда они возвращаются домой съ дальней стороны. Иногда нѣсколько тысячъ верстъ пройдетъ офеня пѣшкомъ, а къ самому дому надо непремѣнно подъѣхать на лошадяхъ. Ѣдутъ офени на парѣ, вдали отъ деревень хоть и шагомъ, и въ деревню надо всегда въѣхать вскачь, пофорсистѣе; передъ въѣздомъ въ деревню часто стрѣляютъ изъ своихъ ружей, чтобы въѣздъ былъ великолѣпнѣе.»

Домой офени возвращаются, начиная съ мая мѣсяца, для того, чтобы запастись новыми товарами на холуйскихъ и другихъ ярмаркахъ, начинающихся во Владимірской губерніи 9-го мая (ярмарка въ селѣ Пункахъ, Шуйскаго уѣзда); но большая

часть изъ нихъ является только въ іюнѣ, къ Тихвинской ярмаркѣ (26 іюня, въ селѣ Холуѣ). Это одна изъ самыхъ значительныхъ холуйскихъ ярмарокъ, на которую, кромѣ шуйскихъ, ивановскихъ и александровскихъ купцовъ, съѣзжается много и московскихъ. Вообще на холуйскихъ ярмаркахъ (4 раза въ году) офени преимущественно запасаются своимъ разнообразнымъ товаромъ; эти ярмарки составляютъ средоточіе офенскаго народонаселенія, и офени являются на нихъ главными покупателями. Холуй есть ничто иное, какъ небольшая слобода Вязниковскаго уѣзда (въ 4 верстахъ отъ Шуи), красиво расположившаяся по обоимъ берегамъ рѣки Тезы (въ 6 верстахъ отъ впаденія Тезы въ Клязьму). Имѣетъ она характеръ, общій всѣмъ нашимъ торговымъ селеніямъ: избы замѣнены въ ней двухъ-этажными, деревянными домами на манеръ постоялыхъ дворовъ, съ свѣтелками, мезонинами и пристройками. Ярмарки помѣщаются въ деревянномъ, хорошо устроенномъ гостиномъ дворѣ, 14 корпусовъ котораго заключаютъ въ себѣ болѣе четырехъ-сотъ лавокъ. Одну часть народонаселенія слободы составляютъ временно-обязанные, другую—казенные крестьяне. Но тѣ и другіе носятъ только названіе крестьянъ; никто изъ нихъ не занимается земледѣліемъ, а всѣ отъ мала до велика иконописцы и снабжаютъ офеней невѣроятнымъ количествомъ образовъ, дешевизна которыхъ превосходитъ всякое вѣроятіе: за сотню иконъ въ 8 вершковъ величиною офеня платитъ только 2 рубля.

Торгъ на холуйскихъ ярмаркахъ идетъ преимущественно оптомъ, то есть продаютъ офенямъ цѣлые куски миткалей, ситцевъ, шерстяной и шелковой матеріи (послѣднія появляются преимущественно на Тихвинской ярмаркѣ). Въ Холуй привозятъ московскіе купцы, средней руки, всѣ залежавшіеся въ московскихъ лавкахъ товары: сукна, плисъ, шерстяныя и шелковыя ткани, а вмѣстѣ съ ними и разныя мелочи: серьги, кольца, пуговицы, гребенки, помаду, духи, перчатки, мыло отъ угрей и загару и тому подобное. Они же сюда доставляютъ чай и сахаръ, и снабжаютъ офеней безсмертными твореніями въ родѣ Милордъ Георгъ Англійскій, Битва русскихъ съ кабардинцами,

Гуакъ, Анекдоты о Балакиревѣ, и разными другими не менѣе заманчивыми для народа книгами, которыя продаются тутъ десятками или на вѣсъ вмѣстѣ съ пачками и стопами лубочныхъ картинъ, разнообразіемъ своихъ сюжетовъ, превосходящихъ всякое описаніе. Тутъ же шуйскіе и ивановскіе купцы снабжаютъ офеней всевозможными тканями, начиная съ запарныхъ, смывныхъ ситцевъ по $4^1/_2$ коп. за аршинъ и до тонкихъ ситцевъ, доходящихъ до 28 коп. за аршинъ.

Деревянныя издѣлія составляютъ также не маловажный предметъ торговли ярмарокъ. Г. Лядовъ говоритъ, что Холуй есть едва-ли не единственное мѣсто въ Россіи, куда привозится такое громадное количество деревянной посуды. Дѣлается эта посуда за рѣками Волгой и Бѣлой и доставляется сначала въ село Пурехъ (Нижегородской губерніи) и въ другія близъ него лежащія деревни, тамъ красится, олифится и уже совсѣмъ готовая появляется въ Холуѣ.

Мы уже говорили, что здѣсь же продается громадное количество иконъ суздальской живописи, надъ которыми работаютъ цѣлыя селенія Вязниковскаго уѣзда: Холуй, Метера и Палеха.

Немало доставляется и телѣгъ на ярмарки, потому что ходебщикъ, накупивъ или набравъ въ домъ разнаго товара, покупаетъ и новую подъ него повозку.

Большая часть офеней не имѣетъ собственнаго капитала, а забираетъ товары въ долгъ у купцовъ и фабрикантовъ, довѣріе которыхъ успѣли заслужить вѣрнымъ выплачиваніемъ капитала вмѣстѣ съ условленными процентами. Проценты эти составляютъ тайну ихъ торговли; если кто изъ непосвященныхъ спроситъ, какъ велики они бываютъ, ему отвѣтятъ: «Объ этомъ только душа берущаго, да дающаго знаетъ!»

Есть капиталисты, которые деньгами снабжаютъ мелкихъ офеней, такъ называемыхъ хозяйчиковъ, и тѣ ужъ на наличныя деньги закупаютъ нужный для нихъ товаръ. Все это дѣлается на совѣсть, по простымъ роспискамъ и записямъ. Возвращаясь на родину за новымъ товаромъ, торговецъ расплачивается съ ссудившимъ его купцомъ и набираетъ вновь у него товаровъ

въ кредитъ на большую противъ прежняго сумму. Случается нерѣдко, что торговецъ, занявшій нѣсколько тысячъ, по возвращеніи объявляетъ себя несостоятельнымъ и платитъ купцу 15 коп. за рубль. Но купцы осторожны и никогда не даютъ офеню, начинающему только торговать, большой суммы денегъ, и обыкновенно снабжаютъ его плохимъ товаромъ, ставя его въ счетъ вдвое противъ стоимости. Желая заслужить довѣріе купцовъ, офеня всегда вѣрно расплачивается первые годы, и со всякимъ годомъ купецъ увеличиваетъ сумму довѣряемаго капитала, а доставляемые ему барыши обыкновенно такъ велики, что въ нѣсколько лѣтъ покрываютъ даваемый капиталъ, такъ что купецъ, при самомъ дурномъ окончаніи сдѣлки, теряетъ только проценты и то не всѣ. Есть хозяева, которые нанимаютъ отъ себя прикащиковъ и поручаютъ имъ свои товары для развоза и продажи по разнымъ губерніямъ. По возвращеніи домой, прикащики даютъ отчетъ въ своей торговлѣ, послѣ чего получаютъ слѣдуемое имъ жалованье. Хорошо торговавшимъ хозяинъ обыкновенно увеличиваетъ жалованье или дѣлаетъ ихъ счетчиками. День разсчета у офеней называется *дуваномъ*. Если прикащики привезли хорошіе барыши хозяину, то онъ устраиваетъ имъ угощеніе, причемъ идетъ попойка съ пѣснями и катаньемъ и продолжается сутокъ двое и болѣе.

Въ прежнее время не только весь товаръ отпускался ходебщику въ кредитъ, но часто фабрикантъ прибавлялъ еще къ нему незначительную сумму наличныхъ денегъ, давая этимъ возможность торговать совершенно бѣднымъ людямъ. Но теперь купцы стали меньше довѣрять подобнымъ сдѣлкамъ и неохотно отпускаютъ свой товаръ въ долгъ, вслѣдствіе чего офенство замѣтно падаетъ. Къ тому же многіе изъ офеней, составивъ себѣ большіе капиталы, приписываются къ мѣщанству. Говорятъ, что болѣе 500 офенскихъ семействъ выселились за послѣднее время изъ Вязниковскаго уѣзда, и многія изъ нихъ поселились въ Сибири.

Г. Безобразовъ приписываетъ слѣдующимъ причинамъ упадокъ офенской торговли:

«Развитіе правильныхъ путей и способовъ сообщенія, говоритъ онъ, развитіе мѣстной торговли въ отдаленныхъ краяхъ имперіи, по необходимости должны упразднять промыселъ торговцевъ - ходебщиковъ, основанный на непостоянствѣ и невѣрности общественныхъ условій торговли. Успѣхи промышленности стали требовать болѣе точныхъ и правильныхъ способовъ сбыта и болѣе опредѣленныхъ условій для коммерческихъ сдѣлокъ, — способовъ и условій, которыя бы болѣе поддавались точному разсчету и заранѣе принятому плану, ибо безъ точности разсчета и предначертаннаго плана операціи не можетъ обходиться современемъ по преимуществу механическая форма фабрикаціи. Лучшіе фабриканты теперь избѣгаютъ офеней; иные даже систематически не хотятъ имѣть съ ними никакого дѣла и предпочитаютъ имѣть постоянныхъ гуртовыхъ покупщиковъ въ мѣстныхъ торговцахъ и пересылать имъ товаръ собственнымъ попеченіемъ. Кредитныя сдѣлки, преобладающія въ дѣлахъ съ офенями, стали весьма невѣрны; онѣ вѣроятно и не были никогда вѣрны, но прежде легче отпускался товаръ на вѣру, безъ всякяхъ документовъ, чѣмъ теперь: требованія торговли были иныя. Большая часть офеней не знаетъ грамоты; память и сноровка въ обращеніи, знакомство съ товаромъ замѣняютъ для нихъ всякіе письменные счеты, книги и записки; но съ успѣхами просвѣщенія, едва ли будутъ въ состояніи безграмотные торговцы конкурировать съ грамотными, какъ ни изумительны фокусы памяти и наблюдательности, придуманные взамѣнъ письма.»

Да, желѣзныя дороги сдѣлали большой переворотъ въ нашей торговлѣ и привлекли постоянныхъ торговцевъ въ мѣста, менѣе всего ожидавшія подобнаго появленія. Легкость доставки товаровъ развила другую, болѣе серьезную торговлю, и теперь только въ какомъ-нибудь селѣ или деревнѣ, лежащей въ такихъ мѣстахъ, гдѣ помѣщикъ съ ужасомъ подумываетъ о предстоящей ему поѣздкѣ въ уѣздный городъ, и его воображеніе рисуетъ вѣрную картину предстоящихъ ему мукъ въ видѣ непроѣзжаемыхъ мостовъ, рытвинъ, наполненныхъ грязной водою, — только

въ мѣстахъ, гдѣ тридцать верстъ бываютъ памятнѣе всего пути отъ Петербурга до Москвы, ждутъ еще съ нетерпѣніемъ офеню съ неразлучнымъ его коробкомъ. Для подобныхъ мѣстъ онъ и теперь еще является какимъ-то добрымъ геніемъ, надѣляющимъ всякаго необходимымъ и даже прихотнымъ. Всѣ знаютъ, что офеня хитеръ и беретъ рубль на рубль и болѣе; но всѣмъ тоже извѣстно, что, не будь его, большая часть нашихъ помѣщицъ и теперь еще насидѣлись бы безъ снурковъ, иголокъ и тому подобныхъ всюду необходимыхъ вещей, горничныя не могли бы щеголять такъ часто новыми серьгами и ожерельями, купленными на подаренные гривенички, крестьянки не знали бы, кому сбыть свои нитки, холсты, ленъ,телятъ и тому подобное. Офеня, по русской пословицѣ: «Доброму вору—все въ пору», беретъ все за полцѣны или мѣняетъ на товаръ, который ставитъ втрое противъ его стоимости. «*Не надуешь, не продашь*» обратилось въ девизъ ихъ; даже дѣти ихъ проникнуты этимъ правиломъ, какъ это видно изъ разговара г. Максимова съ 12-ти лѣтнимъ бойкимъ сыномъ ходебщика, побывавшимъ уже съ отцомъ на торгу.

— Чай и ты плутовать будешь? спросилъ его г. Максимовъ.

— Нельзя безъ того, — отвѣчаетъ мальчикъ смѣло и безъ запинки.

— Какъ же такъ?

— Тятька научитъ: онъ это умѣетъ.

— Да вѣдь это нехорошо, грѣшно это дѣлать. — Мальчикъ посмотрѣлъ на меня во всѣ глаза, въ которыхъ такъ и свѣтились сомнѣніе и невѣріе въ слова мои.

— Надуваньями денегъ не наживаютъ; за надуванье въ тюрьму сажаютъ, въ Сибирь ссылаютъ.

— У тятьки денегъ много; въ тюрьму садятъ за долги, слышь; а въ Сибирь посылаютъ, кто убьетъ кого.

— Отъ кого же ты узналъ все это?

— Всѣ сказываютъ. Я давно это знаю.

— Что же они говорятъ?

— Да говорятъ, что нельзя не обманывать, потому — народъ очень глупъ.

— Какой же народъ?

— Всякій. Пуще-то, слышь, всѣхъ барыни глупы очень: ихъ, сказываютъ, обманывать всѣхъ легче: надо-де только поддакивать всѣмъ имъ. Товары выкладывать имъ всѣ на показъ: безпремѣнно, сказываютъ, выберутъ тогда....

При такомъ пониманіи торговли не мудрено, что офенство падаетъ.

Чтобы легче можно было надувать покупателей, офени выдумали свой особенный языкъ, по большей части состоящій изъ замѣненія одного русскаго слова другимъ Г. Тихонравовъ находитъ, что въ этомъ искусственномъ языкѣ встрѣчается очень много греческихъ словъ; это, по его мнѣнію, подтверждаетъ приводимое имъ мнѣніе насчетъ происхожденія офенской торговли отъ афинянъ, появившихся торговцами въ Россіи въ XV стол.

Какъ офени относятся къ своему изобрѣтенію, можно видѣть изъ слѣдующаго разговора г. Максимова съ офеней-хозяйчикомъ:

— А что, дружище, говорятъ, у васъ языкъ есть свой какой-то; да я этому не вѣрю: на что онъ вамъ?

— Надо.

— Да врешь, вѣдь ты хвастаешься? «Вѣдь вотъ-молъ, я и худъ человѣкъ, да два языка знаю».

— Пиши, что я сказывать тебѣ стану. Напишешь—завтра любому мазыку покажи: въ одномъ словѣ фальшъ сдѣлалъ — съ меня пара пива.

— Ладно, идетъ!

— А коли всѣ слова скажу — четверть водки съ тебя, и съ закуской!

— Идетъ, идетъ!

Нѣсколько сотенъ словъ записались въ тотъ же день.

— Дешево ты, другъ любезный, продалъ.

— Дорого ты, сердечный пріятель, купилъ.

— По писанному-то я скоро выучу всю науку.

— Попробуй-ка, выучи! У меня на этомъ старуха, баушка, зубы всѣ съѣла, а не выучилась: съ тѣмъ и померла.

— Я не бабушка, у меня память молодая, здоровая.

— Да и на какой ты чортъ слова наши учить станешь?

— А чтобы вашъ же братъ не надувалъ потомъ.

— Не стоитъ же, паря, шкурка выдѣлки: и съ глазами надуютъ, не то съ языкомъ

— Самъ торговать стану, офенствовать.

— Ну, такъ слушай слово мое: языкъ нашъ на работѣ самой только и въ память идетъ; безъ того слова наши что пузыри лопаются, забываешь.

Чтобы пояснить разницу между офеней—хозяйчикомъ, мелкотой и прикащиками крупныхъ хозяевъ, мы опять обратимся къ путевымъ запискамъ г. Максимова и приведемъ то мѣсто, въ которомъ онъ описываетъ встрѣчу свою съ прикащикомъ, торгующимъ отъ хозяина. Прикащикъ этотъ прожилъ три года въ Оренбургской губерніи и идетъ домой на побывку. «Товарищъ мой, — говоритъ г. Максимовъ: — изумилъ меня своею юркостью, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ моментъ не сосредоточивались на одномъ предметѣ; безпрерывное движеніе рукъ и подергиваніе плечъ обличало привычку къ спѣшнымъ и торопливымъ работамъ.

— Стало быть, вы офеня? спрашиваетъ г. Максимовъ Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ: — Мазыка.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять медвѣжьи взгляды на меня и снова короткій отвѣтъ: — Съ коробами мелкота ходитъ; здѣшные.

— А вы то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣздимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо простилъ меня: И опять молчитъ, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, растравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь — опять не разсердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможется.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ?

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну, да врешь-же, парень! перебилъ его нашъ ямщикъ, давно уже прислушивавшійся къ нашему разговору. — Прогостишь-то ты, чай, до Макарьевской ярмарки, а тамъ тебѣ велѣно въ Нижній ѣхать, товары принять, да и везти ихъ на мѣсто, къ хозяину».

Офеня нашъ упорно молчалъ: обидчивый такой, суровый. Спасибо ямщикъ! думалось мнѣ — поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнимъ братомъ водишься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ быть, и самъ въ былыя поры, офенствовалъ.

Это, какъ видите, ужъ не тотъ простодушный офеня-хозяйчикъ, отъ котораго такъ легко было вывѣдать все нужное г. Максимову, это типъ офени, хорошо понявшаго свое ремесло со всѣми тайными его изгибами и лазейками и положившаго себѣ за правило молчать обо всемъ этомъ. Офени, чуть было не засадившіе г. Максимова какъ бродягу злоумышленника, когда они поняли, что онъ дѣлаетъ изслѣдованія ихъ быта, стояли, какъ и этотъ прикащикъ, за секреты своего ремесла.

Побывку прикащиковъ крупныхъ хозяевъ г. Максимовъ описываетъ слѣдующимъ образомъ.

«Тѣмъ же дешевымъ и легкимъ путемъ пѣшаго хожденія пришелъ я въ Ляндахъ (село Вязниковскаго же уѣзда), но не могъ отыскать себѣ квартиры въ домѣ съ офенями: всѣ свѣтелки, отдѣльныя отъ хозяйскаго помѣщенія, построенныя обыкновенно надъ дворомъ и воротами, всѣ эти горницы заняты были гостями. Здѣсь гости эти, возвратившіеся домой послѣ долгой разлуки, да еще въ добавокъ, съ порядочными деньгами и подарками въ семью свою, гости эти жили и отдыхали отъ тоскливой, сосредоточенной, однообразной жизни прикащика на

чужой сторонѣ. Въ рѣдкомъ домѣ, по этому случаю, не была сварена брага и пиво, въ рѣдкой избѣ, съ ранняго утра, не стоялъ угаръ отъ множества приготовляемыхъ кушаньевъ, и маслянныхъ, и жирныхъ; рѣдкая деревня не наполнена была запахомъ жаренаго, отъ начальной околицы съ овинами до выѣздной околицы съ банями. Видимо, и хозяева былы ради гостямъ, видимо, и сами гости не поскупились расположить хозяевъ въ собственную пользу. Загулъ и пьянство были всеобщіе, начиная отъ дряхлыхъ стариковъ и кончая ребятами—подростками 15 лѣтъ. Подчиванья и угощенья начинались съ ранняго утра, съ того времени, когда подавались хозяйками плавающіе въ маслѣ блины и оладьи; не переставали продолжаться они и въ то время, когда все это снималась со стола, и заканчивались они обѣдомъ съ бараниной, поросятиной, лапшей и пирогами. Послѣ обѣда гости-офени обыкновенно спали и, подкрѣпившись силами, сходились вечеромъ у кабака или въ другой избѣ, и снова пили и пьянствовали до поздней ночи. Восемь дней я прожилъ между ними и во все это время только видѣлъ долгое, систематическое пьянство. Только раннимъ утромъ удавалось мнѣ разговаривать съ офенями о дѣлѣ; въ остальное время я слышалъ отъ нихъ нѣкоторыя откровенныя и закулисныя подробности, но въ рѣдкомъ и маломъ числѣ.»

Г. Безобразовъ говоритъ, что пьянствомъ Холуй превосходитъ всѣ другія села Вязниковскаго уѣзда, причемъ приводитъ одну изъ видѣнныхъ имъ сценъ, характеризующую вполнѣ, до какого безобразія доводитъ это пьянство жителей этихъ торговыхъ селъ.

Намъ приходится еще указать на причину, заставившую жителей Ковровскаго, Вязниковскаго и отчасти Шуйскаго уѣздовъ обратиться исключительно къ офенству. Причина эта заключается въ скудной ихъ почвѣ: голый камень, песокъ и болото дѣлаютъ ее совершенно неспособной къ земледѣлію. Известковаго камня такъ много на поверхности земли, что она кажется совершенно бѣлою. Причину эту вполнѣ сознаютъ и

сами офени, какъ это видно изъ слѣдующаго разговора г. Максимова, шедшаго съ офеней изъ Вязниковъ въ Холуй.

— Все-то здѣсь песокъ, все-то одно Божье дерево, ни ржи не видать, ни ячменю: видно не сѣютъ ихъ?

— Не сѣютъ совсѣмъ почти.

— Да вонъ и болота пошли, на болотахъ озерки, что лужи расплылись, длинныя такія и рыбныя, думаю.

— Заводями зовемъ; а рыбы въ нихъ нѣтъ никакой.

— Много мѣстъ на Святой Руси видѣлъ я, а такихъ печальныхъ, такихъ горемычныхъ, Богомъ обиженныхъ не видывалъ.

— Наши мѣста еще хуже (офеня былъ изъ Ряполова).

— Могутъ-ли быть хуже этихъ?

— А потому и могутъ, что у насъ все болота, все зыбуны, все заводи. Здѣсь хоть рѣка есть (Клязьма), и хорошая рѣка, песокъ есть; а мы и тѣмъ обездолены...

— Скучно же вамъ жить!

— Отчего нашъ народъ на чужую сторону весь потянулся, какъ вы думаете?

— Вы это лучше меня понимаете, вамъ и книги въ руки.

Офеня мой снисходительно улыбнулся и отвѣчалъ.

— Оттого народъ и ходитъ въ чужіе люди, что дома жить нельзя: ничего ты съ нашей горемычной землей не подѣлаешь, хоть зубами ты ее борони, да слезами своими поливай. Такъ-то!

— Ну да, братъ, и повадка тутъ большую силу имѣетъ,— вмѣшался ямщикъ. — Вѣдь и вы, что и другой кто — какъ бараны: одинъ поглянулся, такъ и всѣ за нимъ шарахнулись.

— Ярославцы въ московскихъ и петербургскихъ гостиницахъ живутъ половыми ... замѣтилъ я.

— Къ чему же ваша рѣчь клонится? спросилъ меня офеня, и въ вопросѣ его прозвучалъ тотъ же тонъ снисходительнаго вниманія и благосклонной, милостивой уступки, которымъ обыкновенно отличаются всѣ немногознайки, но хвастуны и спорщики.

— А къ тому моя рѣчь клонится, что, если завелся половой изъ ярославцевъ и удалось этому половому сдѣлаться бу-

фетчикомъ, то, ужъ скоро и навѣрное, весь трактиръ будетъ наполненъ ярославцами.

— Да ужъ ты, братъ офеня, что ни толкуй, а повадку вамъ эту, насчетъ дальней торговли, Синельниковъ да Дунаевы дали. До нихъ — сказывала старуха матушка — рѣдкій который изъ вашихъ офенствовалъ. У Дунаевыхъ, сказываютъ, офенскія артели десятковъ до двухъ доходили, и гдѣ-гдѣ, работники ихніе не таскались! Потомъ, вѣдь ужъ васъ на мѣсто-то усадили, да велѣли къ городамъ приписывать и торговать тамъ, гдѣ указъ засталъ. Съ тѣмъ, братъ, и получай! Малаго ребенка пришли— не обманемъ. Что бы вы до Дунаева сдѣлали, — продолжалъ ямщикъ, — коли бы онъ не указалъ на красные товары?

Офеня молчалъ.

— Ничего бы не сдѣлали, хотя и богомазы подлѣ васъ живутъ: иконами-то немного бы наторговали.

— Иконы мѣняютъ, а не продаютъ, — поправилъ офеня.

— Ну, да вѣдь на деньги же, братъ, мѣняютъ-то. А ты на словахъ-то меня не лови: знаю самъ, что знаю. А ты скажи мнѣ, отчего ты самъ-отъ торгуешь?

Офеня продолжалъ упорно молчать.

— Ну, такъ я скажу за тебя: торгуешь ты, чай оттого, что, поди, у тебя хозяинъ своякъ, братъ двоюродный, а можетъ и дядя родной. А что ужъ онъ изъ одной съ тобою деревни, такъ это братъ вѣрно его слово, — сказалъ ямщикъ, кивая на меня.

— Отгадалъ! сказалъ офеня, снисходительно улыбаясь.

— Да ужъ мы это тебѣ, какъ по печатному вѣрно такъ!

Эта скудость почвы и малоземельность Владимірской губерніи сравнительно съ ея народонаселеніемъ заставили жителей (и всегда отличавшихся бойкимъ и промышленнымъ характеромъ) предаться исключительно одной, удобной для нихъ торговлѣ, *офенству*.

Ремесло нелегкое и требующее сильнаго здоровья и неутомимости. Какъ трудно дѣлать большіе переходы пѣшкомъ, испыталъ отчасти г. Максимовъ, когда шелъ на ярмарку съ добрякомъ офеней-хозяйчикомъ. «Мы шли на торжокъ: онъ съ

коробкомъ за плечами; я — съ аршиномъ въ рукахъ. Памятны мнѣ и безутѣшная, тоскливая мѣстность, по которой мы шли; пылная дорога, въ деревняхъ ломанныя гати, прорѣзывающія дорогу по болотамъ; ржавыя болота, эти топкія — сырыя даже и въ то время, когда два почти мѣсяца стояли жары невыносимыя, породившія значительное число лѣсныхъ пожаровъ за Волгой и по Волгѣ. Длинныя заводи по этимъ болотамъ, заводи, которыя то кажутся рѣшительнымъ озеромъ, то, безъ всякой видимой причины, узятся въ рѣку, иногда въ ручеекъ, который соединяетъ одну заводь съ другою и такъ, какъ будетъ въ безконечность. Тамъ, гдѣ заводь уже, встрѣчали мы мостикъ, утлый и трусячій (и ѣздятъ по немъ, да мало — и то храбрецы); за мостомъ находили мы опять изрытую, крѣпко подержанную гать съ погнившими бревнами, съ кое-какъ умятымъ и приложеннымъ валежникомъ. Выходили въ ложбину, сухую и душистую отъ недавно скошеннаго сѣна; тащились въ гору, по большей части, глинистую и невысокую, на которой думалъ я встрѣтить родную рожь съ васильками, ячмень, пшеницу; но встрѣчалъ только плохо-принявшіеся кустарники, словно послѣ сильнаго лѣснаго пожара. Съ горы мы опять спускались въ ложбину и опять шли по болоту.

Я начиналъ изнемогать, уставать съ непривычки: шли мы уже двадцатыя версты. Надавленныя плечи (хотя и не было на нихъ никакой тяжести) болѣзненно ныли, подгибались колѣни, слышалась острая боль въ пяткахъ и въ подошвахъ. Выломилъ я себѣ палку, сталъ опираться — не помогла и она. Товарищъ мой весело шелъ, круто забирая привычными ногами, шелъ онъ въ гору, я отставалъ отъ него, и отставалъ на значительные промежутки. Хотѣлъ ложиться, но слышалъ съ горы предостерегающее наставленіе:

— Не ложись, все дѣло испортишь: не дойдешь потомъ; это ужъ работа такая — знаю я ее!

— И кому знать? и кричалъ ему въ свою очередь снизу: Не могу идти, умираю!

— Раньше смертнаго часу не помрешь. А ты понатужься,

укрѣпись еще — недалечко: верстъ съ пятокъ осталось. У бабушки Лукерьи горячимъ всполоснемся, щецъ потреплемъ, молочка. Важно будетъ!

— Силъ моихъ не хватаетъ!

— Была, знать, у тебя сила, когда мать на рукахъ носила; а ты бы по моему пѣсню запѣлъ.

— Голосъ не пойдетъ.

— А ты попробуй! Не такую, стало быть, пѣсню пѣлъ.

— Всякія пробовалъ: не выходитъ.

— А выходитъ, значитъ, то, что въ дорогѣ ты иди ровнымъ шагомъ, не прибавляй, не укорачивай — хорошо будетъ.

— Слыхалъ я и это, да теперь ужъ поздно.

— Поздно потому, что село близко. А то мужики-богомольцы, слыхалъ я, на траву ложатся и ноги кверху подымаютъ, что оглобли: отливаетъ кровь — помогаетъ.

— И я такъ же сдѣлаю.

— Не смѣши, Христа-ради! На извощичью телѣгу похожъ станешь: вороны закаркаютъ.

Но вотъ наконецъ и село, и бабушка Лукерья съ горячимъ, и теплыя полати, и крѣпкій сонъ. Вотъ и торжокъ въ полномъ цвѣту и разгарѣ, по обыкновенію шумливый, живой и разнообразный. Приладили и мы изъ досокъ прилавокъ, вколотили четыре кола, навѣсъ отъ дождя и солнышка сдѣлали. Разложили на прилавкѣ вздоръ всякій,—для бабъ и дѣвокъ: пуговки, ленточки яркихъ цвѣтовъ, а на пущій соблазнъ зеркала раскрыли съ портретами: Рюрика съ молоткомъ, Святослава съ мечомъ; для большаковъ: кожанные кошельки съ изображеніемъ: взятія Варшавы — съ одной стороны, и Паскевича — съ другой; для попадьи и поповенъ: стекляные ящички, бумажныя нитки, шелкъ, коробочки съ бисеромъ, наперстки, колечки (серебрянныя и волосяныя съ бисеромъ, цыганскаго дѣла), курительныя свѣчки московскаго дѣла, и проч. и проч....

Принесъ мой хозяинъ всего товара на 62 р. сер., а продалъ на 129, умѣя и обмануть во-время и надуть подчасъ!»

Превозмогая усталость, зной и холодъ, проходитъ офеня

тысячи верстъ, напрягая всѣ свои умственныя и физическія силы, чтобы зашибить побольше деньжонокъ, сдѣлаться хозяиномъ и отдохнуть, заведя своихъ прикащиковъ. Часто, во время тяжелаго пути, въ его усталой головѣ бродятъ грустныя мысли: онъ думаетъ объ оставленной имъ семьѣ, о дѣтяхъ, незнающихъ почти отца, о молодой женѣ, на которую падаетъ вся тяжесть крестьянскихъ работъ и заботъ.... Много грустнаго промелькнетъ подъ часъ въ этой хитрой головѣ. Но, разумѣется, чаще всего онъ думаетъ, какъ бы похитрѣе надуть покупателя или своего хозяина. Да какъ было прежде и не думать офенѣ объ этомъ: нужно было внести ему оброкъ, произвольно налагаемый помѣщикомъ, котораго онъ былъ крѣпостнымъ; заплатить вдвое за взятый имъ товаръ; оставить денегъ на житье хозяйкѣ, да сколотить нѣсколько сотенъ, чтобы было на что поставить за себя рекрута, въ случаѣ надобности. Онъ зналъ, что чѣмъ больше онъ будетъ заработывать денегъ, тѣмъ больше придется платить ему процентовъ за занимаемый капиталъ, тѣмъ большій положитъ на него оброкъ помѣщикъ, а о выкупѣ онъ и думать не смѣлъ! Извѣстно, что крестьяне села Иванова только съ 1827 года могли выкупаться на волю, внося за себя невѣроятныя суммы, до 20,000 руб. съ души. По громадности этой цифры можно предположить, что не малый выкупъ пришлось бы внести и офенѣ, въ случаѣ даже если бы помѣщикъ и согласился отпустить его на волю.

Предоставляю читателю рѣшить, приходится ли, взвѣсивъ все это, жалѣть объ упадкѣ офенства съ точки зрѣнія торговли; для наблюдателя же типъ офени будетъ всегда интересенъ наравнѣ съ типомъ нашего двороваго человѣка и другими, по счастью для цивилизаціи, исчезающими типами.

20. Долгій извощикъ.

Въ этомъ легкомъ эскизѣ хочется мнѣ обрисовать, хотя общими чертами, одинъ изъ самыхъ характерныхъ и симпатическихъ типовъ русскаго простаго народа, притомъ типъ, ко-

торый съ каждымъ годомъ стирается все болѣе и болѣе; это— именно типъ такъ называемаго *долгаго извощика.* Тѣснимый дилижансами, почтой, особенно же ненавистной ему чугункой, онъ забивается дальше и дальше въ глушь, въ сторону отъ новыхъ путей сообщенія, подобно несчастному туземцу американскихъ степей, тщетно пытающемуся уйти отъ обгоняющей его отовсюду цивилизаціи; отого въ настоящее время очень не часто можно встрѣтить эту типическую физіономію въ ея неподдѣльно сохранившемся видѣ.

Сфера, которая по преимуществу окружаетъ долгаго извощика, сфера проселочныхъ дорогъ, глухихъ селъ и деревень, пока еще сохранила въ себѣ болѣе естественности, народности и свѣжести; на нее еще не сѣлъ чуждый деревнѣ, какой-то городской, промышленный осадокъ, пока только портящій ея цѣльную натуру, но, конечно, неизбѣжный для дальнѣйшаго движенія впередъ. Сама природа тамъ какъ-то болѣе русская, по крайней мѣрѣ болѣе безъискусственная, представляющая наблюдателю болѣе чертъ для вѣрнаго изученія простонародной жизни: тамъ нѣтъ ни шоссе, ни форменныхъ фраковъ съ свѣтлыми пуговицами, не слышно словъ, звучащихъ не по-русски, рѣдко видна даже бритая фигура въ нѣмецкомъ платьѣ; тамъ все бороды, тулупы, лапти, взъерошенныя соломенныя крыши, дымныя хаты, все чистая, коренная, старинная Русь, въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ она, безъ всякаго сомнѣнія, была и при Иванѣ Калитѣ, и при Борисѣ Годуновѣ, и при Петрѣ I. Большія дороги, какъ извѣстно, проложены оффиціально, съ различными административными цѣлями; онѣ должны идти отъ города до города, движеніе на нихъ очень разнохарактерное; эти пути, черезъ которые, хотя медленно, расползывается по широкому лику нашей Руси все новое, иноземное, непахнувшее старинными преданьями; черезъ это самое деревни, прилегающія къ большимъ дорогамъ, получили особенный оттѣнокъ, наглядѣлись, наслушались многаго такого, о чемъ не всегда слышатъ въ проселкахъ, и вообще, какъ говорится, понатерлись. Но, помимо этихъ узаконенныхъ почтовыхъ дорогъ, суще-

ствуютъ у насъ въ Россіи извощичьи, торговые и просто деревенскіе тракты, пробитые безъ всякихъ правительственныхъ распоряженій, безъ плановъ и бумагъ, одною практическою необходимостью,— какіе—споконъ вѣка, какіе—уже впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія потребностей въ сообщеніяхъ. Эти тракты большею частью минуютъ города, не составляющіе ихъ прямой цѣли, но за то не мало сокращаютъ путь, проходя, рѣшительно гдѣ попало: то полевою межой, то околицей, то низомъ, то надъ рѣчкою, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не провели бы столбовой дороги, и на которыя указали нужда и давнишній опытъ. Бывалый долгій извощикъ знаетъ всѣ эти запутанные свертки и объѣзды на цѣлыхъ сотняхъ верстъ, какъ свое собственное поле; знаетъ, гдѣ обыкновенно сноситъ мостъ въ паводокъ, гдѣ можно проѣхать бродомъ, и гдѣ въ какое время на гати не пролѣзешь; знаетъ, какимъ косогоромъ держать, чтобъ не повалить на бокъ повозку; словомъ, это своего рода сухопутный лоцманъ, достойный удивленія не меньше всякаго лоцмана норвежскихъ шкеръ.

На этихъ проселочныхъ дорогахъ лежатъ почти всѣ богатыя многолюдныя селища Россіи, всѣ ея старинныя народныя гнѣзда. Мнѣ кажется чрезвычайно характеристичнымъ положеніе этихъ большихъ русскихъ селъ: они не разбросаны то тамъ, то сямъ, поодиночкѣ и въ раздробь, но лежатъ какими-то поясами, цѣлыми залежнями; ѣдете вы долго пустыми полями, безъ воды, безъ дерева, вдругъ наѣзжаете на большое село; посмотрите направо—села, посмотрите налѣво—опять села, и конца имъ не увидите.... Всѣ лежатъ на одномъ и томъ же валу — просто, рукой подать—и съ своими лѣсами и ручьями тянутся на много верстъ вдоль нагорнаго берега какой-нибудь Рати или Тима. Тутъ нѣтъ идиллическихъ эффектовъ швейцарскихъ шоссе, или игрушечнаго вида голландскихъ вычищенныхъ и выскребленныхъ деревенекъ; издали вы не распознаете даже скирдовъ гуменника отъ самыхъ избъ; все кажется безпорядочною толпою навозныхъ кучъ, разбросанныхъ на удачу и нашвыренныхъ другъ на друга. Только однѣ церкви бѣлѣются въ разныхъ мѣстахъ на густомъ

фонѣ лѣсовъ, уменьшаясь и тускнѣя, по мѣрѣ своего отдаленія; куда вы ни оглянитесь, непремѣнно вездѣ увидите церковь, и сейчасъ передъ вами ясно, словно вырѣзанную, сверкающую крестами и всю облитую солнечнымъ свѣтомъ, а тамъ, вдали, едва синѣющую на туманномъ горизонтѣ. Но общее мѣстоположеніе этихъ селъ, во всякомъ случаѣ, очень живописно, особенно, какъ посмотришь, какъ сползываютъ они по крутымъ обрывамъ и скатамъ къ питающей ихъ рѣкѣ, запруженной въ разныхъ мѣстахъ мельницами и плотинами, и потому часто разлившейся въ цѣлыя озера. Снизу хорошо будутъ видны вамъ и бѣлые, стройные стволы березоваго лѣса, и махающія крылья вѣтряныхъ мельницъ, столпившихся въ кучу, и утлыя избенки, картинно прилѣпленныя къ желтымъ глинянным оврагамъ, подтыканныя и покривившіяся на бокъ; а между ними змѣей вьющаяся наверхъ дорога для водоносокъ, на которой съ трудомъ можно стоять; словомъ, все, что только придвинулось и прилегло къ быстро текущей внизу рѣчкѣ....

Много такихъ селъ и деревень приходится видѣть, странствуя по скучнымъ проселочнымъ дорогамъ; всѣ онѣ похожи другъ на друга, какъ два брата-близнеца, и, казалось, должны бы были скоро надоѣсть своего безконечною монотонностью; но вслѣдствіе долгой привычки получаешь какое-то особенное сочувствіе къ ихъ родному, нехитрому виду, и всегда смотришь съ теплою душою, какъ на старыхъ, добрыхъ своихъ друзей.

Долгаго извощика никакъ нельзя смѣшивать съ почтовымъ ямщикомъ: эти двѣ личности почти діаметрально противоположны другъ другу. Почтарь гораздо болѣе горожанинъ, чѣмъ извощикъ; у него замашки и вкусы фабричнаго мастероваго; онъ не выпускаетъ изо рта люльки съ корешками, онъ франтитъ красной рубахой съ откоснымъ воротомъ, павлиньимъ перомъ, заломленной на ухо шляпой; у него много молодечества, ухарства, онъ кутитъ и веселится на послѣдній грошъ, бьется на кулачки. Во всѣмъ этомъ воспитываетъ его и казарменная, артельная жизнь въ кругу подобныхъ ему забубенныхъ ребятъ, и самый родъ его ѣзды: прокатить, что есть духу, какого-нибудь курьера на

отчаянной тройкѣ, такъ чтобъ лошади, какъ говорится, брюхомъ землю мели, лихо при этомъ присвистнуть и пригикнуть, не знать разницы въ днѣ и ночи — вотъ достоинства хорошаго почтаря. Его ничто не пріучаетъ къ порядку, тишинѣ, обдуманности; одинъ день онъ спитъ въ полдень, а въ полночь трясется на облучкѣ, подъ дождемъ и вѣтромъ; другой день онъ долженъ бросать ложку, которою зачерпнулъ борща, для того, чтобъ идти затягивать супонь коренному или мазать повозку для нетерпѣливаго проѣзжаго.... Онъ и ѣстъ и спитъ не во время; вся его жизнь проходитъ какъ-то ненормально, на поспѣхахъ. Съ лошадьми своими онъ не можетъ такъ сблизиться и сродниться, какъ долгій извощикъ; съ сѣдоками и того менѣе; тройка у него большей частью хозяйская; на ней ѣздитъ всякій, кому случится, а сѣдоковъ онъ столько развозитъ за одну недѣлю, что и считать некогда; развѣ ужъ какой-нибудь гоголевскій дантистъ, у котораго руки самой природой для ямщиковъ устроены, заставитъ вспомянуть лишній разъ нехорошимъ словомъ. Все это невольно развиваетъ въ почтарѣ тотъ духъ безпорядочнаго удальства, быстроту и беззаботность, о которыхъ мы говорили; онъ словно солдатъ въ военное время: его жизнь вся въ нынѣшнемъ днѣ; выпить послѣ работы полосьмушки водки, да завалиться спать гдѣ-нибудь на сѣновалѣ или въ уютномъ мѣстечкѣ, подъ старыми санями,—дальше этого рѣдко простираются планы его вседневныхъ наслажденій.

Совсѣмъ не то нашъ долгій извощикъ; весь онъ переполненъ степенностью; никогда вы его не увидите второпяхъ и впопыхахъ; все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ, съ глубоко мысленнымъ вниманьемъ, не спѣша, такъ что въ ту минуту кажется, будто какая-нибудь ременная подпруга или сѣделка составляетъ исключительный предметъ всей его заботливости. Съ сѣдокомъ своимъ онъ входитъ въ какія-то дружественныя, интимныя отношенія; онъ имъ отчасти овладѣваетъ на все время долгой, однообразной поѣздки, и изъ-подъ его вліянья не совсѣмъ легко освободиться. Очень рѣдко вы заставите его ночевать тамъ, гдѣ онъ никогда

не ночевалъ, или не кормить тамъ, гдѣ у него былъ перевалъ споконъ вѣку; онъ самъ себѣ давно написалъ вѣрный маршрутъ, и всякая стоянка у него освящена давнимъ обычаемъ. Ему теперь довольно трудно измѣнить старой рутинѣ; во всякомъ знакомомъ постояломъ непремѣнно есть у него какой-нибудь дядя Архипъ и сватъ Гаврила, который съиздавна состоитъ съ нимъ въ разнообразныхъ коммерческихъ отношеніяхъ, и котораго кредитъ долгому извощику дороже всякаго сѣдока. Дядя Архипъ, часто по нѣскольку лѣтъ сряду, пишетъ мѣломъ на рубленой стѣнѣ ему одному понятные крестики, палочки и кружочки, за которые въ свое время извощикъ высыпаетъ ему изъ грязной кожаной кисы, сколько причтется, засаленныхъ бумажекъ, обтертаго серебра и тяжелыхъ мѣдяковъ. И надо сказать правду, почти никогда не злоупотребляетъ извощикъ такимъ смѣлымъ довѣріемъ своего кредитора: какъ бы далеко ни загналъ его случай, въ Ставрополь ли, на Моздокъ, въ Одессу или въ Нижній на Макарья, съ купеческимъ товаромъ, — никогда онъ не надуетъ, по своей волѣ, знакомаго дворника; онъ дождется-таки оказіи, которая принесетъ его опять въ ту сторону, и при первой доброй выручкѣ, разочтется съ нимъ вполнѣ честнымъ манеромъ.

— А, это ты, Митюха, — говоритъ довольно хладнокровно дворникъ Архипъ, растворяя настежь ворота подъѣхавшему извощику, съ которымъ онъ не видался года два, и потомъ слегка приподымая свою теплую шапку. — Что давно не видать?.... за тобой еще никакъ тридцать рублевъ съ пяткомъ состоитъ: санишки, помнится, по запрошлую зиму, на Спиридонъ-поворота, у меня купилъ... Отдавать, что ли, будешь, аль подождать еще?...

— Да ужъ потерпи, Архипъ Сидорычъ, — говоритъ извощикъ жалобнымъ голосомъ: — работа-то наша нонче плоха; возилъ вотъ вино съ пристани, да лѣшій какой-то пошутилъ, цѣлый ящикъ отрѣзалъ: вино то дорогое, братецъ ты мой; вотъ что! и получать ничего не пришлось, да и своихъ еще съ полтиною двѣнадцать отсчиталъ... Просто напасть!...

— Вотъ, гостинцу своей хозяйкѣ купилъ,—скажетъ онъ черезъ нѣсколько времени, когда мы ужъ будемъ тянуться по пустымъ полямъ. — Безъ того нельзя, баринъ, хозяйское дѣло; постъ у насъ нонче совсѣмъ голодный, новой капустки еще нѣтъ, а лѣтошняя вся поперепрѣла... только и ѣды—что квасъ съ хлѣбомъ...

Долгій извощикъ очень рѣдко пристращается къ пьянству, или, какъ говоритъ простой народъ, рѣдко *зашибается водкой;* отъ водки онъ, конечно, не отказывается: онъ выпьетъ рюмку, двѣ и больше, съ такимъ же наслажденьемъ, какъ всякій опытный гастрономъ, особымъ манеромъ сморщится и крякнетъ, когда она разомъ кинетъ въ пріятный жаръ озябшій желудокъ, и всегда ужъ отпуститъ по поводу ея какую-нибудь готовую прибаутку. Послѣ водки везетъ онъ какъ-то радостнѣе, веселѣе, а ѣстъ такъ, что надо диву диваться... Какъ засядетъ за столъ, рядкомъ съ другими бородами и тулупами, да пододвинется къ деревянной расписанной чашкѣ, изъ которой паръ такъ клубомъ и валитъ, такъ только знай хозяйка подставлять новыя блюда. Господи! какъ подумаешь, чего только не съѣстъ нашъ извощикъ на хорошемъ, богатомъ постояломъ, гдѣ онъ заплатитъ за свой обѣдъ мѣдную полтину... Вотъ похлебалъ онъ горячихъ щей съ саломъ такъ усердно, что отъ него самаго паръ сталъ валить, какъ отъ горшка; при щахъ онъ смамонилъ такую скибу ржанаго хлѣба, которую едва удержишь въ одной рукѣ... Ну, ожидаешь, что этимъ и кончатся его обѣденные подвиги... Не тутъ-то было: хозяйка ставитъ на столъ холодную солонину, блѣдную и непросоленную, похожую на скверную говядину; со всѣхъ сторонъ мѣрно протягиваются къ ней корявыя руки и обдираютъ догола огромную кость; помакивая каждый кусокъ глубоко въ истолченную соль, съ тѣмъ же невозмутимымъ равнодушіемъ тихо, не торопясь, кончаетъ нашъ извощикъ и солонину... На столѣ является лапша, крутая, какъ клестеръ, вдобавокъ еще съ бараниной.

— Хозяйка, а дай-ка-ся кваску! съ усиліемъ говоритъ извощикъ, слегка отваливаясь къ стѣнѣ и чувствуя, что солонина

подходитъ подъ самую душу. Подаютъ ему квасу-суровца, бѣловатаго, мутнаго, отвратительнаго вкуса, хуже всякой испорченной воды; подаютъ въ мѣдной яндовѣ, зеленой, какъ снова выкрашенная крыша; беретъ онъ ее за оба носика, припадаетъ губами, усами, бородою и даже носомъ—иначе никакъ нельзя приловчиться—иначинаетъ дуть этотъ квасъ; дуетъ, дуетъ, яндова переходитъ изъ горизонтальнаго положенья почти въ вертикальное, но не отстаетъ нашъ извощикъ... Только слышны его мѣрные не спѣшащіе глотки... а ужъ надъ яндовой давно стоитъ въ ожиданьи протянутая рука бородатаго сосѣда. Когда кончится это гомерическое испиванье, и начнутъ мыться въ томъ же квасѣ другіе носы и другія бороды,—тяжко вздохнетъ нашъ извощикъ, какъ будто совершилъ необыкновенно важное дѣло, оботретъ рукавомъ усы и съ серьезнымъ видомъ примется за лапшу; лапшу онъ истребитъ такъ, какъ истребилъ щи и солонину; онъ какъ будто чувствуетъ себя призваннымъ свыше для уничтоженія до тла всего, что хозяйка вынимаетъ изъ печи; по крайней мѣрѣ, онъ считаетъ себя рѣшительно не въ правѣ оставить недоконченнымъ обѣдъ, за который заплочена имъ полтина кровныхъ денегъ; съ аппетитомъ, конечно, онъ уже тутъ не держитъ никакихъ совѣтовъ, а полагаетъ напротивъ, что самъ аппетитъ необходимо долженъ сообразоваться съ поставленными на столъ кушаньями. Лапша опять подойдетъ ему подъ душу и дышать станетъ еще тяжелѣе, чѣмъ прежде; но суровецъ опять зальетъ ее, распустится кушакъ, перехватывающій полушубокъ, и за лапшою въ тотъ же самый терпкій, невѣдающій устали, желудокъ пойдутъ объемистыя ложки пшенной каши, со влитыми въ нее щами и сухими корками. Если даетъ хозяйка творогу съ молокомъ, и творогъ съ молокомъ отправится туда же, куда и каша, будетъ медъ — и медъ не минетъ своей судьбы. Словомъ, глядя на это мощное хладнокровное истребленье всего и вся, просто потеряешь надежду когда-нибудь и чѣмъ—нибудь насытить эти дѣвственные желудки: это не горячая, лихорадочная аттака перваго голода, которая скоро остываетъ; это—твердое, тихое, увѣренное въ себѣ шествіе, дышащее непобѣ-

димою силой и не сознающее никакихъ преградъ. Послѣ такого обѣда не спать невозможно; отягченный желудокъ самъ повалитъ человѣка на лавку или на печь, и въ тотъ моментъ человѣкъ только властенъ подбросить себѣ зипунъ подъ голову. Онъ уснетъ, какъ наѣвшійся змѣй-боа, проснется только черезъ нѣсколько часовъ, когда пищу нѣсколько оттянетъ отъ сердца. Такъ ѣстъ русскій человѣкъ, послѣ хорошей работы. Но, какъ бы то ни было, въ этомъ нѣтъ ничего безпорядочнаго, безпутнаго; это — каждодневный святой обычай, ничуть не похожій на бездомное разгулье почтаря, на его безтолковую, пьяную пѣснь, шатающуюся походку, водку, текущую по бородѣ...

Среди долгихъ извощиковъ мнѣ также очень рѣдко случалось встрѣтить плута; я думаю, ихъ спокойныя привычки, строгая опредѣленность ихъ промысла, наконецъ извѣстная степень нравственнаго развитія — произвели это доброе вліяніе на прямоту ихъ характера. Они даже съ рѣчью своей, съ своимъ словомъ поступаютъ довольно осторожно, и пустыхъ болтуновъ или вралей вы среди ихъ найдете, какъ странное исключенье. Напротивъ того, въ поступкахъ и въ обращеньи вообще всякаго русскаго мужика, не забитаго и незагнаннаго—долгаго же извощика въ особенности — вижу я чувство какого-то достоинства, не театральнаго и накладнаго, а дѣйствительнаго неподдѣльнаго достоинства; увѣренная, мѣрная поступь, непринужденная осанка, выраженье простоты, доброты, и въ тоже время твердости въ красивомъ, нѣсколько воинственномъ профилѣ,—все это придаетъ настоящему типу русскаго мужика что-то особенно мужеское; отъ него дышетъ здоровьемъ, свѣжестью, силою; сознаешь, что этотъ необдѣланный матеріялъ можетъ быть годенъ на самую благородную работу, что въ этомъ грубомъ тѣлѣ бьется теплое, честное сердце.

— Ну добро, добро... авось къ девятой пятницѣ товару заберешь... говоритъ милостиво дворникъ и идетъ опять къ рубленной стѣнѣ отмѣнить мѣломъ еще палочку и еще крестикъ. Этого впрочемъ мало: въ большой нуждѣ и *хорошему человѣку* дворникъ готовъ дать въ долгъ, пожалуй, даже ло-

шадь, рублей въ 60 или 100, безъ всякой опаски. Своихъ барышей онъ, конечно, при этомъ не забываетъ, и на санишки, купленныя въ Спиридонъ-поворота, и на сторублевую лошадь, и на всякую мѣрку овса, взятую въ долгъ, онъ не преминетъ накинуть изрядный процентъ, не то чтобъ математически высчитанный и строго соразмѣренный съ капиталомъ, а такъ, просто на глазъ, какъ ему Господь на душу положитъ. Но со всѣмъ тѣмъ безъ такого кредита долгіе извощики почти не могли бы отправлять своего скромнаго промысла; извощикъ — часто бѣдный мужикъ, котораго все имущество заключается въ одной тройкѣ; онъ ѣдетъ на заработки безъ всякихъ капиталовъ, и, если скоро не сыщетъ работы, долженъ даромъ проѣдаться въ городѣ и кормить лошадей дорогимъ лавочнымъ кормомъ. Тутъ обыкновенно онъ впутывается въ первые долги, которые потомъ растутъ съ каждой новой бѣдой: одинъ разъ ось пополамъ, другой разъ колеса расшинятся, лошадь захромаетъ, не то совсѣмъ упадетъ; такіе случаи не рѣдко приключаются въ дорогѣ, и безъ мѣловыхъ крестиковъ дяди Архипа бѣднягѣ пришлось бы иногда хоть повозку среди поля бросать. Кромѣ этихъ, чисто экономическихъ, причинъ упрямое самоволіе долгаго извощика въ дѣлѣ отстановокъ и ночлеговъ объясняется его оригинальнымъ взглядомъ на отношенія извощика къ пассажиру; я уже намекнулъ разъ, что онъ смотритъ на своего сѣдока, какъ на вещь, преданную въ его полную власть, какъ нѣкотораго рода товаръ, который онъ обязанъ доставить въ цѣлости за извѣстную плату, и потому онъ не терпитъ никакого вмѣшательства съ вашей стороны въ его безмолвныя распоряженія. Въ его глазахъ, вы—совершенно профанъ въ извощичьемъ дѣлѣ, и оттого каждый совѣтъ—скорѣе выкармливать, подгонять лошадей и т. п., для него есть личное оскорбленіе, обидное недовѣріе къ его путеводительскому генію. Отъ глубины негодованья, онъ, можетъ быть, ничего не отвѣтитъ на ваше безполезное нравоученіе, но подаритъ васъ за то самою презрительною изъ улыбокъ, и нѣкоторое время будетъ глядѣть на васъ съ большимъ недоброжелательствомъ, съ подозрѣньемъ, какъ

на врага, посягнувшаго на его неотъемлемыя права; сдѣлаетъ же онъ все—таки посвоему: не станетъ запрягать раньше, чѣмъ лошади поѣдятъ овесъ, и въ ненужномъ, по его мнѣнію, мѣстѣ никогда не подгонитъ. Торопливость ему особенно ненавистна; добрая половина его жизни проходитъ въ странствованьяхъ по различнымъ концамъ православной Руси, и онъ никакъ не согласится весь вѣкъ спѣшить и метаться, какъ угорѣлый. Спѣшить еще можно, когда есть впереди близкая цѣль, близкій отдыхъ отъ напряженныхъ усилій; но долгій извощикъ твердо знаетъ, что десятки лѣтъ пройдутъ для него совершенно однообразно, въ тѣхъ же самыхъ занятіяхъ, съ тѣмъ же самымъ горемъ, и потому хочетъ обезпечить себѣ извѣстнаго рода спокойствіе даже среди своего безпокойнаго промысла. Съ чего ему не досыпать ночей и не доѣдать куска, когда это составляетъ единственное доступное ему удовольствіе? Онъ никогда не въ состояніи взглянуть на поѣздку сквозь ваши очки; вы смотрите на нее, какъ на дѣло переходное, ненормальное, какъ на неизбѣжную трату дорогаго времени, стараетесь привести ее къ скорѣйшему окончанію, чтобъ мирно предаться вашимъ обыденнымъ занятіямъ; между тѣмъ какъ для долгаго извощика эта самая ѣзда есть постоянное, нормальное содержаніе всей почти жизни. Лошадямъ его также не одинъ день ѣздить... Онъ знаетъ, что и ихъ жизнь пройдетъ въ вѣчныхъ вытягиваньяхъ на гору, въ спускахъ съ горы, въ легкой рысцѣ, въ нуканьяхъ и тпруканьяхъ; онъ знаетъ, что ему долго еще будутъ нужны эти вѣрные кони, носильцы и кормильцы его, безропотно дѣлящіе съ нимъ всѣ труды и невзгоды; оттого онъ никогда не хочетъ нудить и торопить свою покорную, терпѣливую тройку. Онъ смотритъ на нее съ любовью, иногда чисто идиллическою, какъ на свою семью, какъ на надежныхъ испытанныхъ друзей, готовый, въ случаѣ нужды, не раздумывая, подставить за коня свою собственную спину. Послушайте его, когда онъ начинаетъ вамъ разсказывать о какомъ-нибудь своемъ гнѣдопѣгомъ меринѣ, издохнувшемъ лѣтъ пять тому назадъ, право, другіе не съ боль-

шимъ чувствомъ будутъ вспоминать о своихъ потерянныхъ дѣтяхъ.

— Не конь былъ, а чортъ.... скажетъ задумчиво извощикъ, съ грустью покачивая головою. — Съ такимъ конемъ нигдѣ не пропадешь, онъ нигдѣ тебя не выдастъ.... Съ виду только на него смотрѣть, такъ печь печью: на ногахъ не высокъ былъ, а преширокій, пресильный; грудь котломъ—хомутъ не сыщешь,— грива по самую землю виситъ, щетки на ногахъ какъ у медвѣдя.... То есть, хоть самому-бъ въ гробъ лечь, какъ онъ издыхать сталъ.... Гризь его давно въ заднихъ колѣняхъ грызла, а тутъ я его еще постомъ великимъ, въ оттепель, въ конецъ посадилъ; грязюха тогда пренеблагородная случилась, смола смолой, такъ за колесомъ и гналась.... По животъ по самый лошадь уходила; а онъ себѣ знай претъ въ одиночку весь возъ, пристяжныя только для славы за нимъ идутъ.... Ну, и околѣлъ.... Эхъ, жалости-то сколько было!... Полежитъ это онъ, полежитъ, глазами на меня посмотритъ — а глаза у него совсѣмъ какъ у дурака стали — да все будто подняться хочетъ... Сунется на ноги стать, а ноги то у него словно безъ костей сдѣлались, словно соломенныя, такъ подъ нимъ и подламываются.... Что-жь, милый ты человѣкъ, метался это онъ, метался, храпѣлъ, храпѣлъ, а самъ все на меня поглядывалъ; должно быть, ему тошно голубчику пришлось, такъ легости себѣ просилъ. А ужъ я какъ, кажется, вкругъ его обхаживалъ! за отцомъ роднымъ такого призира не бывало: и масла-то ему съ солью давалъ, и дегтю вливалъ.... Ничего, другъ, не сдѣлалъ.... околѣлъ.... охъ околѣлъ!... Брюхо такъ разнесло, словно вотъ надулъ кто его изъ нутра; не приведи Богъ, какъ я тогда объ немъ печаловался.... Какъ-то былъ ужъ очень хорошъ, баринъ, брата роднаго лучше.... Одно слово—вездѣ выносилъ. — Эхъ, такъ то есть жалко мнѣ коня, что и сказать не можно! заканчивалъ онъ, съ нѣкоторымъ отчаяньемъ махнувъ рукою.

Всѣ привычки, весь *норовъ* своихъ лошадей долгій извощикъ изучилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ; онъ давно знаетъ, чего какая боится, что какая любитъ; ласковое дружественное обра-

щеніе его съ ними сдѣлало ихъ такими кроткими, безотвѣтными и работящими животными; онѣ умны и догадливы въ высокой степени; онѣ, кажется, понимаютъ не только жесты, но всякое слово своего друга-хозяина; въ свою очередь, и онъ объясняется съ ними почти какъ съ людьми: онъ ихъ пристыживаетъ и усовѣщиваетъ въ случаѣ какой-нибудь оплошности; онъ точитъ наединѣ съ ними разныя прибаутки, ласкаетъ ихъ, теребя холку, потрепливая по мускулистой шеѣ, потягивая за хрящеватыя уши ...

— Ну, что, ты, медвѣдь, умаялся?... умаялся, чортъ.... говоритъ онъ съ неподдѣльною любовью, осматривая коренника.—Небось, проголодался, ѣсть хочешь... Ну, постой, потерпи: сейчасъ и ѣсть тебѣ дамъ....

И смышленая лошадь будто понимаетъ ласку, начиная лизать и слегка дергая зубами овчину знакомаго тулупа, добирается до бороды, до волосъ и ихъ осторожно путаетъ своей доброю, умною мордой. А извощикъ, осклабляясь отъ внутренняго удовольствія, ворчитъ про себя.

— Ишь, разыгрался, чортовъ сынъ; цаловаться лѣзетъ....

Всѣ эти спокойныя привычки не могутъ не отражаться на нравственномъ характерѣ долгаго извощика; онъ бываетъ запечатлѣнъ какою-то особенной трезвостью и честностью духа; вкусы его всегда мирные и простые: онъ почти никогда не позволитъ себѣ увлечься ребяческой слабостью къ чему бы то ни было; онъ всегда достаточно строгъ къ самому себѣ, всегда разсчетливъ и, главное, необыкновенно семейственъ; изъ своего скуднаго заработка онъ всегда ужъ припрячетъ хорошую долю своей семьѣ, оставленной гдѣ-нибудь далеко, въ глухой деревушкѣ. Онъ про нее вспоминаетъ часто во время своего долгаго, тихаго странствованья по чужой сторонѣ; если ему попался хорошій сѣдокъ, человѣкъ словоохотливый, *простой*, онъ съ нимъ непремѣнно войдетъ въ пространные розсказни о своей бабѣ, о своихъ парнишкахъ, сообщитъ ему свои незатѣйливые планы на счетъ ихъ пристроенья,—какъ Нефедку онъ думаетъ отдать годочка на два къ бондарю, «въ бондарномъ мастерствѣ излов-

читься», а изъ Сидорки хочетъ кузнеца сдѣлать.... «Потому, баринъ, дѣлу это его мужицкому не мѣшаетъ....» добавитъ онъ, не сомнѣваясь, что будущность Нефедки и Сидорки должна сильно васъ интересовать. «Пахать-таки онъ паши, а мастерство свое знай; поле-полемъ, а кузня своимъ чередомъ: лишній грошъ, чай, никогда не бѣда, баринъ, а ужъ того пуще въ нашемъ мужицкомъ житьѣ...»

Случается иногда, что судьба загоняетъ извощика въ родную его сторону, въ свой околотокъ; онъ даже нарочно подождетъ такого случая, чтобы хоть разъ въ годъ навѣстить покинутый домъ.... Тогда особенно пріятно смотрѣть на его постепенное оживленіе, по мѣрѣ приближенія къ знакомымъ мѣстамъ; онъ дѣлается добродушнѣе и болтливѣе обыкновеннаго; вы увидите, что въ ближайшемъ городкѣ онъ неминуемо попроситъ у васъ цѣлковыхъ два денегъ, изворотится изъ лавки съ мѣшкомъ какой-нибудь сушеной тарани и связкою бубликовъ; все это тщательно завернется имъ въ суконный зипунъ, и еще тщательнѣе уложится подъ передокъ; на честной физіономіи извощика вы примѣтите послѣ того совершенное довольство самимъ собой, словно онъ исполнилъ невѣсть-какую святую и радостную обязанность. Вы его не спрашивайте, зачѣмъ онъ сдѣлалъ эти покупки: въ его глазахъ это такой многоцѣнный, дорогой подарокъ, что онъ постоянно будетъ у него на умѣ, и общительный извощикъ не утерпитъ, чтобъ не подѣлиться съ вами по поводу этого своими пріятными чувствами.

Во всякомъ случаѣ, долгій извощикъ—одинъ изъ самыхъ передовыхъ людей своего сословія. Онъ видѣлъ и Иванъ Великій съ царемъ-колоколомъ, и кіевскія пещеры; прикладывался онъ тамъ къ мощамъ св. угодниковъ Божіихъ. Бывалъ нашъ извощикъ и въ Польшѣ, среди жидовъ, и въ Малороссіи, гдѣ арбузы по грошу, и въ Крыму у татаръ, гдѣ винограду—ѣсть не хочу, переѣзжалъ Волгу въ Саратовѣ и Оку въ Серпуховѣ, барки и струги тамъ видѣлъ, съ хлѣбомъ и дровами; можетъ разсказать, гдѣ почемъ какой хлѣбъ продается, гдѣ народъ обходителенъ, гдѣ какой чему обычай; чего самъ не зналъ, о томъ

добрые люди разсказали; мало-ли онъ повстрѣчаетъ на своемъ вѣку разнаго народа изъ разныхъ краевъ? Тамъ хозяинъ постоялаго разскажетъ ему, какъ прошлаго года на Дранныхъ Дворахъ монашку разбойники ножомъ зарѣзали; въ другомъ мѣстѣ странникъ убогій повстрѣчается, новый Аѳанасій Никитичъ, котораго хозяева накормятъ ради Христа, а онъ въ благодарность учнетъ святыя мѣста имъ расписывать.... Услышитъ иногда кавалера съ подвязанною рукой, пробирающагося на побывки, какъ онъ краснобайничаетъ объ Сабастополѣ и Агличанкѣ и о разныхъ другихъ чудесахъ....

Всего услышитъ извощикъ: нынче-то, завтра—другое; незанятый никакимъ спѣшнымъ, неотлагательнымъ дѣломъ, онъ самъ очень любитъ вести бесѣды съ гостями постоялыхъ дворовъ, съ своими пассажирами и со всѣми, съ кѣмъ придется; только онъ любитъ бесѣду разумную, степенную, гдѣ можно ему научиться и было-бъ что послушать. Все это не можетъ не влiять благодѣтельно на развитiе его понятiй и вобще на его умственное и нравственное образованiе. У извощика вы замѣтите особую пытливость, любознательность, посильное стремленье къ объясненiю того, что онъ видитъ и знаетъ. Онъ очень религiозенъ, какъ по преданьямъ старины, такъ и по исключительнымъ обстоятельствамъ своей жизни. Весь его промыселъ, весь небольшой барышъ, который почти одинъ прокармливаетъ семью его, вся, стало быть, его судьба зависитъ чисто отъ случая; ночная буря съ проливнымъ дождемъ, невылазная грязь, дороговизна корма и много иныхъ, неважныхъ для другихъ, обстоятельствъ для него могутъ служить источникомъ непоправимой бѣды: онъ выѣзжаетъ въ хорошую сухую погоду, а Богъ знаетъ, что его ждетъ впереди... На дорогѣ много случаевъ: могутъ и ограбить и стащить что-нибудь, и поломка какая сдѣлается, и лошадь можетъ заболѣть, и мало-ли еще чего? Оттого онъ каждый разъ съ молитвою обращается къ Богу; онъ никогда не выѣдетъ съ постоялаго двора, не перекрестившись съ искреннею набожностью, и во время пути на каждомъ сильномъ толчкѣ поминаетъ всегдашнюю заступницу свою, Матушку Божью, и

всѣхъ ея святыхъ угодниковъ. Почти передъ каждой часовенкой съ полинялымъ образомъ останавливаетъ онъ тройку, снимаетъ свою теплую шапку и, перекрестившись благоговѣйно, не спѣша, отпускаетъ въ поднесенный кошелекъ старый грошъ, вынутый изъ его скудной, тощей мошны, и еще долго послѣ этого кланяется и крестится на полустертый образъ, что-то тихо нашептывая и чего-то прося отъ всего своего простаго сердца.... Также смиренно и аккуратно одѣляетъ онъ нищихъ и нищенокъ, которые сидятъ у дороги съ деревянными чашками, дико взывая при приближеньи экипажей.

Долгая ѣзда, все равно, какъ пастушеская жизнь, сильно развиваетъ поэтическій элементъ простаго человѣка.... Спокойно лежа на своемъ облучкѣ и предоставивъ опытнымъ и умнымъ лошадкамъ слѣдовать знакомой дорогой, часто проводитъ долгій извощикъ подъ открытымъ небомъ и яркія весеннія утра, полныя звуковъ и запаху, и тихія звѣздныя ночи посреди пустыннаго поля, и зимніе морозные дни.... Все теплое, чистое души его затрогивается и будится свѣжимъ дыханіемъ природы, вдали отъ мелочной заботы дня; онъ полюбитъ природу, какъ свою мать, онъ будетъ смотрѣть въ бездонную глубину неба съ религіознымъ благоговѣніемъ и искать тамъ мыслію тѣхъ образовъ, съ которыми такъ дружно свыкся еще въ неразумномъ дѣтствѣ. Лежитъ онъ въ задумчивости, думая и о томъ, что такое значатъ эти безчисленныя звѣзды, что какъ глаза глядятъ къ намъ сверху, и о томъ, какъ Господь произращаетъ каждое древо; мелькнетъ, можетъ-быть, у него неясный вопросъ о будущей судьбинѣ самого его, его многолюдной семьи и всего міра Божьяго, припомнятся бѣды житейскія, плохой урожай и обиды старосты; припомнится молодая жена,—которую не видалъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ,—злополучная, трудовая жизнь бѣдняка.... и тихо, незамѣтно сорвется съ сердца унылая русская пѣснь и разольется, замирая и дрожа, по далекому полю, навѣвая грусть и тоску на всѣхъ, кто ее заслышитъ.

21. Инородцы Казанской губерніи.

Татары. Казанскіе татары, безъ сомнѣнія, составляютъ лучшую вѣтвь между всѣми племенами, происшедшими отъ смѣшенія монгольской крови съ турецкою; нельзя въ такихъ свойствахъ не признать благотворнаго вліянія волжскихъ болгаръ, которые въ этомъ племени похоронили свою національность.

Послѣ русскихъ самую значительную часть населенія Казанской губерніи составляютъ татары: число ихъ простирается до 450,000 человѣкъ обоего пола; они живутъ во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ трехъ; но наиболѣе сгруппированы въ Казанскомъ, Мамадышскомъ, Тетюшскомъ, Чистопольскомъ и Лаишевскомъ. Казанскіе татары по физическимъ своимъ особенностямъ принадлежатъ къ числу красивыхъ породъ. Монгольскій элементъ проявляется въ нихъ весьма слабо: большею частію только въ узкомъ разрѣзѣ глазъ и длинныхъ, отстающихъ, тонкихъ ушахъ.

Татары казанскіе сложены хорошо и собой красивы, роста вообще средняго, широкоплечи, имѣютъ правильный и продолговатый овалъ лица, прямой, тонкій носъ; скулы ихъ не выдаются такъ рѣзко, какъ у чисто монгольскихъ племенъ; широкая грудь и стройный станъ съ толстой и короткой шеей обнаруживаютъ силу и здоровье. Болѣе зажиточные и ведущіе беззаботную жизнь купцы, муллы, подъ старость становятся дряблы и толстобрюхи.

Татары всѣ носятъ короткія бороды и брѣютъ головы, за исключеніемъ немногихъ служащихъ. У татаръ не ростутъ густые волосы на бородѣ; она не занимаетъ всю нижнюю часть лица, какъ у русскихъ, а тонкимъ и рѣдкимъ слоемъ ростетъ около нижней челюсти.

Татарки отъ природы недурны, но одежда и недѣятельная жизнь, особенно богатыхъ, дѣлаютъ ихъ очень неловкими и неразвязными. Даже бѣдныя татарки изъ полевыхъ работъ участвуютъ только въ жнивѣ хлѣба и сгребаніи сѣна, между тѣмъ

какъ чувашка постоянно, а русская женщина весьма часто, пашутъ и боронятъ. Занятія татарокъ большею частію ограничиваются мелочнымъ хозяйствомъ, пряденіемъ, тканіемъ; есть, впрочемъ, изъ нихъ золотошвейки; онѣ дѣлаютъ недурные тюбитейки или ермолки и ичеги (спальные сапоги); богатыя же татарки живутъ совершенно по восточному, исключительно для лѣни. Чѣмъ богаче и именитѣе татаринъ, тѣмъ болѣе скрываетъ онъ женъ своихъ. Жизнь богатой татарки можетъ служить доказательствомъ, что скука и бездѣятельность заставляютъ толстѣть и жирѣть. Рукодѣліемъ никакимъ она не занимается, развѣ только въ старости иногда кое-что дѣлаетъ въ хозяйствѣ: молодыя же исключительно заняты своимъ желудкомъ и нарядами.

Татарку преимущественно портитъ несчастный обычай густо намазывать лицо бѣлилами и румянами, сурмить брови и рѣсницы для того, чтобъ глаза, и безъ того черные и блестящіе, казались еще болѣе яркими. Въ довершеніе этого обезображиванія, женщины красятъ свои прекрасные зубы чернильно-орѣховымъ настоемъ, а ногти размалевываютъ отваромъ изъ череды и квасцовъ. Въ такомъ жалкомъ видѣ представляется теперь красота татарки, между тѣмъ какъ первообразцу ея — арабской красавицѣ говаривали, какъ обыкновенный комплиментъ: уста твои пунцовы, какъ геннахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновая кость.

Казанскіе татары до сихъ поръ сохраняютъ еще много характеристическаго: они живутъ отдѣльно отъ русскихъ и другихъ племенъ, крѣпко держатся своихъ преданій и обыкновеній. Случается и до сихъ поръ, что казанецъ величаетъ себя *бургарлыкомъ* (булгариномъ). Въ самой Казани татары живутъ въ особыхъ двухъ слободахъ — въ Старой и Новой татарской; конечно, въ эту часть города они были вытѣснены побѣдителемъ.

Въ старину они ставили дома свои по восточному, среди двора, обнесеннаго со всѣхъ сторонъ заборомъ; теперь не только въ городахъ строятся по планамъ, а есть и деревни правильно выстроенныя, но и тутъ татаринъ старается сколько возможно скрыть

свое жилище отъ глазъ прохожаго; обыкновенно передъ окнами низенькой своей избенки онъ насадитъ крыжовника или другихъ какихъ-нибудь густо ростущихъ кустовъ.

Домъ зажиточнаго татарина раздѣляется на двѣ половины: переднюю и заднюю; между ними находятся сѣни, предназначенныя для домашняго богомолья. Передняя изба также раздѣляется на два отдѣленія, мужское и женское; въ каждое изъ нихъ ведетъ особая дверь; вмѣсто стульевъ и скамеекъ, по стѣнамъ расположены, какъ и у русскихъ, широкія нары, на которыхъ за занавѣсками лежатъ пышныя пуховыя постели. Въ печь вмазывается котелъ для варенія пищи. На печи же стоятъ мѣдные вылуженные или жестяные кувшины: одинъ мужу, другой женѣ. Законъ запрещаетъ имъ умываться изъ одного. За печью тазъ для умыванья и два полотенца: одно для рукъ, другое для ногъ; остальное убранство горницы — шкапъ съ посудой и чайнымъ приборомъ. Татары очень любятъ фарфоръ, особенно ярко раскрашенный. Нѣсколько сундуковъ, окованныхъ расписанною жестью, и бухарскіе ковры заключаютъ убранство комнатъ. Только у самыхъ богатыхъ въ домахъ европейская мебель и зеркала, да и то только въ парадныхъ комнатахъ, больше на показъ, чѣмъ для потребности. Задняя изба назначается для работы и содержится вообще черною; здѣсь въ окнахъ, даже у достаточныхъ людей, вмѣсто стеколъ часто вставлены коровьи пузыри. Даже и у небогатыхъ людей въ маленькихъ избахъ за печкой всегда оставляется небольшой уголъ, гдѣ сидитъ, когда бываютъ гости, за занавѣской хозяйка.

Большинство татаръ нельзя, однакожъ, похвалить за чистоту и опрятность, хотя съ виду и кажется въ татарской избѣ все чистымъ: печь бѣла, полъ у мало–мальски исправнаго татарина покрытъ незатѣйливымъ ковромъ или цыновкою; но при этой обстановкѣ оборотная часть медали кажется еще темнѣе: безпрестанно случается, что въ одной и той же посудѣ стирается грязное бѣлье и подается кушанье. Чистоплотности отъ татаръ можно бы, казалось, ожидать вслѣдствіе частыхъ омовеній, предписываемыхъ закономъ; но на дѣлѣ не то: ясное доказательство

неопрятности татаръ заключается въ томъ, что у нихъ чаще, чѣмъ у другихъ племенъ, здѣсь живущихъ, встрѣчаются разныя накожныя болѣзни, порождаемыя неопрятностію.

Одежда у татаръ восточная, а на востокѣ не придерживаются въ покроѣ одежды формы, указываемой самою природою, т. е. конструкціи человѣка. Тамъ чѣмъ одежда шире, тѣмъ лучше. Голая выбритая голова татарина непремѣнно покрыта ермолкой; муллы, мудериссы (профессора) и хаджи, т. е. совершившіе путешествіе въ Мекку, носятъ, сверхъ того, бѣлую чалму. Рубашка татарская длинная, бѣлая, холщевая, или же изъ синей крашенины. Штаны широкіе, длинные, запущенные концами въ сапоги или подъ онучу. На ногахъ носятъ большею частію лапти, и только городскіе, да живущіе по Волгѣ и Камѣ обуваются въ сапоги. Сверхъ тюбитейки, смотря по времени года, надѣвается: зимой—бѣлая поярковая шляпа, лѣтомъ — малахай, невысокая шапка въ видѣ конуса изъ бѣлаго войлока. Поверхъ рубашки надѣваютъ безрукавый камзолъ или зилянъ, доходящій до колѣнъ и сшитый обыкновенно изъ зеленой или желтой нанки, а у богатыхъ изъ пестрой шелковой или полушелковой канфы; затѣмъ пропорціонально степени мороза идутъ—халатъ, подпоясанный гаруснымъ или шелковымъ кушакомъ, и, наконецъ, шуба. Казанскіе татары купцы носятъ обыкновенно поверхъ зиляна нанковый или суконный кафтанъ, похожій покроемъ на русскій купеческій, за пазухой всегда шелковый платокъ. Эта скромная одежда отличается у богатыхъ только тѣмъ, что сукно тоньше и кафтанъ вообще опрятнѣе. Но за то они носятъ много цѣнныхъ аксесуаровъ: кольца съ алмазами, толстыя золотыя цѣпи, опоясываются ременнымъ поясомъ, во всю длину украшеннымъ массивными серебряными, разнообразной формы, бляхами, которыя какъ знаки зодіака, схватываютъ дородную талію какого-нибудь креза; богачи, сверхъ того, щеголяютъ ермолками, вышитыми золотомъ и жемчугомъ, — шапками, опушенными дорогимъ бобромъ.

Татарка любитъ наряжаться, какъ и всякая женщина, если не въ большей степени: русская баба, даже и зажиточной се-

мьи, преспокойно ходитъ въ крашенинномъ сарафанѣ безъ прикрасъ; у татарки же обыкновенная ея одежда длинная до пятъ ситцевая рубашка всегда съ ярками оборочками и разнообразными прикрасами. Обкладки и уборки по подолу непремѣнно находятся у каждой, какъ ни была бы груба и дешева рубашка, и какъ ни стара была бы женщина. Послѣ рубашки непремѣнная принадлежность костюма — нагрудникъ съ позументами, унизанный серебряными монетами. Подъ рубашкою носятъ шальвары, но не всѣ и не всегда. Самая верхняя одежда — зилянь; вмѣсто зиляня теперь впрочемъ чаще носятъ просто халатъ изъ парчи, шелковой матеріи или изъ китайки съ длинными съуживающимися къ концамъ рукавами. Халатъ накидывается на голову и служитъ такимъ образомъ вмѣсто чадры; на голову бѣдныя повиваютъ узорчатыя по концамъ полотенца, а у богатыхъ есть шелковые колпаки въ видѣ повязки съ дорогою бахрамою, позументами и драгоцѣнными камнями, или бархатныя шапочки, отороченныя соболемъ; обувь составляютъ ичеги, вышитыя шелками или золотомъ, и тонкія полотенца, въ которыя обвертываютъ ноги; бѣдныя носятъ лапти и онучи; послѣднія дѣлаются иногда изъ козлиной кожи. Богатыя женщины носятъ, кромѣ того, много украшеній: ожерелья, серьги, браслеты, въ косу вплетаютъ монеты, на каждый палецъ надѣваютъ золотыя кольца — съ каменьями, на лѣвое плечо — богато украшенную каменьями и монетами перевязь; вконцѣ перевязи есть маленькій карманъ, куда кладется мелко написанный Алкоранъ.

Гастрономическій вкусъ татаръ — все мучнистое, все жирное и сладкое. Небѣдные татары чаще ѣдятъ лапшу, пельмени; тѣ же, которые не имѣютъ состоянія, какъ-то поселяне, варятъ муку въ водѣ съ солью (толканъ) и ѣдятъ это утромъ вмѣсто чая, а за обѣдомъ салму (мучные шарики, иногда съ мясомъ разваренные въ водѣ), лепешки изъ гречневой муки; вечеромъ опять варятъ болтушку; по праздникамъ лакомятся лошадиннымъ мясомъ или бараниной. Самый общительный татаринъ не станетъ съ русскимъ ѣсть мяса; надо, чтобы живот-

ное было заколото татариномъ, который, перерѣзывая горло, произноситъ молитву (бисъ миляхъ) «во имя Божіе.»

Часто случается, что, приходя въ русскій трактиръ, татаринъ приноситъ съ собой курицу, кусокъ говядины и отдаетъ ее зажарить или тутъ же самъ закалываетъ птицу съ бисъ-миляхъ. Дома богатые татары ѣдятъ, кромѣ сказанныхъ блюдъ, пироги съ зелеными огурцами, жаркое, сухіе плоды, съ чаемъ жирныя лепешки. Татары, живущіе въ городѣ Казани, не ѣдятъ почти совсѣмъ конины. Это невкусное кушанье въ употребленіи только у сельскихъ татаръ, которымъ на убой обыкновенно продаютъ старыхъ, едва живыхъ лошадей. До чаю всѣ вообще татары страстные охотники; быть можетъ, это потребность желудка послѣ ихъ жирныхъ обѣдовъ; но замѣчательно, что пристрастіе къ чаю и ко всему сладкому не уничтожаетъ въ нихъ, какъ въ русскихъ крестьянахъ, склонности къ вину; не смотря на заповѣдь пророка и запрещенія муллъ, татаринъ любитъ выпить, оправдываясь тѣмъ, что пьетъ не вино, а бальзамъ (по просту ерофеичъ, т. е. настой травъ на винѣ). Подъ этой вывѣской есть въ Казани татарскій кабакъ; впрочемъ, они не стѣсняются заходитъ и въ русскій. Любопытна сура, которую говоритъ магометанинъ въ доказательство того, что онъ не пьянъ. «О вы, невѣрующіе! Я не почитаю того, что вы почитаете, и вы не почитаете того, что я почитаю, и я не буду почитать то, что вы почитаете, и вы не будете почитать то, что я почитаю. Вы имѣете свою религію, а я имѣю свою религію.» Послѣ этого вѣрно многіе прибавляютъ: «а пить будетъ вмѣстѣ.» Татары, какъ вообще всѣ восточные жители, очень гостепріимны, и первое угощеніе — чай; они готовы утопить въ чаѣ гостя; есть разсказы о невѣроятномъ количествѣ чая, вливаемомъ въ татарскіе желудки, — разсказы, затмѣвающіе собою также знаменитый въ этомъ родѣ русскій купеческій желудокъ.

Трактирная жизнь татарину очень по сердцу: въ этомъ, можетъ быть, проявляется любовь восточнаго жителя къ кофейнямъ. Въ трактирѣ татаринъ обыкновенно выпиваетъ нѣсколько рюмокъ бальзаму и множество бутылокъ пива. Выпить

въ теченіе дня 10 — 15 бутылокъ у татарина не считается гастрономическимъ подвигомъ; за пивомъ распѣваетъ онъ свои пѣсни или слушаетъ органъ, куритъ табакъ, а у себя въ домѣ курить не позволяется. Пьяные татары не такъ скоро ссорятся, какъ русскіе; за то ужъ если драка случится, то унимается она нескоро.

Не всегда и старики татары становятся умѣреннѣе въ пищѣ, питьѣ и прочихъ обыкновенно затѣмъ слѣдующихъ наслажденіяхъ: богатые татары очень часто заходятъ въ кондитерскія пить шоколадъ съ огромнымъ количествомъ ванили. Невоздержность въ пищѣ и ея качествахъ производятъ то, что татары преимущественно страдаютъ болѣзнями живота и печени.

Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ не очень высоко,— гораздо ниже русскаго, а тѣмъ болѣе чуваша. Во многихъ татарскихъ селеніяхъ, особенно расположенныхъ къ востоку отъ Казани, татары вовсе не занимаются земледѣліемъ: они сдаютъ свои земли русскимъ, чувашамъ или вотякамъ въ годовое владѣніе за деньги или изъ половины.

Татаринъ — достойный потомокъ древнихъ болгаръ: его стихія — торговля. Земледѣлія онъ не любитъ; лишь только заведется у него хоть небольшой капиталъ, онъ сейчасъ же пускается въ торговлю. По своей смѣтливости, расторопности и небольшой совѣстливости, многіе изъ татаръ быстро обогащаются. Послѣднее условіе относится больше къ незначительнымъ торговцамъ, большіе же торговые дома, напротивъ, ведутъ свои дѣла вполнѣ добросовѣстно, обладаютъ знаніемъ и готовностію покинуть рутину; — первый высказавшій мысль о необходимости въ Казани биржи для правильнаго хода торговыхъ дѣлъ былъ татаринъ. Татары вообще хитры, плутоваты, по природѣ весьма наклонны къ воровству. Въ судебныхъ мѣстахъ по уголовнымъ дѣламъ попадается болѣе татаръ, чѣмъ другихъ племенъ, живущихъ въ Казанской губерніи.

Татары получаютъ образованіе почти исключительно черезъ своихъ муллъ. Муллы учатъ дѣтей не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ деревушкахъ за ничтожную плату. Маль-

чикъ выучивается арабскому языку и изучаетъ Коранъ. Татаринъ отдаетъ сына въ ученье, когда тому минетъ 7 или 8 лѣтъ. Курсъ продолжается по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Въ теченіе этого времени учитель обыкновенно объясняетъ своимъ ученикамъ разныя татарскія книги, издаваемыя въ Казани. большею частію изъясненія на Коранъ въ стихахъ и прозѣ, знакомитъ и съ нѣкоторыми гражданскими книгами, какъ-то: «Наставленіе въ торговлѣ» Мухаметъ-Эфенди и проч. Тѣ мальчики, которые готовятся въ муллы, оканчиваютъ иногда свое образованіе въ Бухарѣ. Кромѣ арабскаго языка, необходимаго татарину, чтобы разумѣть Алкоранъ, а также чтобы щеголять высокимъ и ученымъ слогомъ, который состоитъ въ прибавленіи арабскихъ словъ къ татарскимъ, татары занимаются персидскимъ и бухарскимъ языками, необходимыми для торговыхъ сношеній съ восточными народами. Учитель и вмѣстѣ мулла не живетъ въ училищѣ, а для надзора избираетъ одного изъ лучшихъ учениковъ. Ученье идетъ круглую недѣлю, начинаясь каждый день съ разсвѣтомъ, и только въ четвергъ въ полдень до утра субботы оно прекращается.

Вообще первая ступень образованія — грамотность достаточно распространена между татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать. Татаринъ, не знающій грамоты, презирается своими соплеменниками и какъ гражданинъ не пользуется уваженіемъ. Въ 1802 году основана въ Казани татарская типографія, въ которой печатаются на восточныхъ языкахъ книги въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Русскихъ книгъ на татарскій языкъ почти не переводятъ; въ теченіе всего этого времени переведены нѣкоторыя по распоряженію начальства, какъ напримѣръ: объ оспопрививаніи, о мнимо-умершихъ, и т. п.

Татары имѣютъ свою литературу, впрочемъ небогатую. Фуксъ говоритъ, что молодые татары болѣе заняты торговлею и заводами, чѣмъ умственною дѣятельностію. Для примѣра, приводимъ одну татарскую пѣсню помѣщенную въ переводѣ Фукса въ его сочиненіи: «О казанскихъ татарахъ.»

«Разсвѣтъ-ли, разсвѣтъ-ли теперь? Видитъ-ли кто-нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ-ли кто-нибудь друга, какъ я жду ее?

«Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Іосифъ любилъ Зюлейку, столько люблю я тебя.

«Брови твои черны, какъ цвѣтъ чернилъ Корана; твой ростъ красивъ, красота твоя совершенна; меня съ тобою и тебя со мной соединитъ-ли когда-нибудь Господь?

«Я сидѣлъ подъ деревомъ, когда оно было увѣнчано цвѣтами: я дремалъ подъ тѣнью его, и ты была предметомъ моего сновидѣнія.

«Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; единъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее.

«Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: нерожденіе человѣка ты, ты — упадшая съ небесъ.

«Свѣтъ намъ приносятъ солнце и луна; ты свѣтлѣе ихъ; только развѣ гуріи восьми раевъ могутъ поспорить съ тобою.»

Мусульманинъ разомъ можетъ имѣть четырехъ законныхъ женъ, но очень немногіе и изъ богатыхъ татаръ имѣютъ болѣе двухъ законныхъ женъ, а бѣдные болѣе одной.

Сватьбы татаръ обыкновенно устраиваются черезъ свахъ. По закону запрещено жениху видѣть невѣсту прежде, чѣмъ она сдѣлается его женою. Но этотъ суровый законъ не соблюдается; сваха всегда доставитъ случай тайкомъ видѣть другъ друга желающимъ вступить въ бракъ. Послѣ такого смотрѣнія посылается съ предложеніемъ сваха, а положительный отвѣтъ объявляется обыкновенно при первомъ посѣщеніи жениха. Въ случаѣ согласія, тотчасъ же договариваются о калымѣ. Калымъ платится по состоянію; въ Казани у богатыхъ татаръ онъ доходитъ до 1,000 руб. сереб.; половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ приданое; другая половина послѣ сватьбы удерживается родителями невѣсты на случай развода. Разводъ дозволенъ Кораномъ; для этого нужно только взять у муллы разводное письмо. При этомъ, если мужъ бросаетъ жену, то весь калымъ остается въ ея пользованіи;

если же жена захочетъ развестись, то возвращаетъ половину, выданную ей при помолвкѣ.

Мужъ, удалившій жену, обязанъ давать ей содержаніе въ теченіе $4^1/_2$ мѣсяцевъ. По смерти его, жена, съ которою онъ развелся, имѣетъ право на полученіе $^1/_8$ части имѣнія.

Со дня помолвки женихъ ежедневно посылаетъ своей невѣстѣ подарки, смотря по достаткамъ: наряды, вещицы изъ серебра и золота и проч. Въ день же сватьбы непремѣнный подарокъ — кадка меду и кадка топленаго коровьяго масла для свадебнаго пира, который тѣмъ и начинается, что подаютъ на блюдахъ медъ и масло; гости на хлѣбъ намазываютъ того и другаго и ѣдятъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Свадебные пиры назначаются за недѣлю до брака и бываютъ ежедневно по очереди у родныхъ жениха и невѣсты; одинъ день собираются женщины *), а другой мужчины. Всѣ эти праздники и пиры чрезвычайно скучны и продолжительны, особенно собранія женщинъ, которыя, нарядившись съ возможною роскошью, усаживаются, поджавъ ноги на ковры, разостланные по полу, смотрятъ другъ на друга, безконечно говорятъ о нарядахъ и при всемъ этомъ ѣдятъ съ волчьимъ аппетитомъ. Пиръ впрочемъ только и состоитъ въ безпревывной ѣдѣ; но не даромъ обходится это угощеніе: каждая пріѣхавшая гостья должна подарить что-нибудь невѣстѣ, если, впрочемъ, она имѣетъ на это средства: бѣдныя, напротивъ, разрядившись въ чужое платье, пріѣзжаютъ на эти пиры и сами получаютъ денежные подарки. По осмотрѣ подарковъ начинается угощеніе: чай, разныя сласти и ужинъ, открывающійся знаменитымъ медомъ и масломъ: затѣмъ слѣдуютъ пироги, пилавы, жаркія и пирожныя — всего до 20-ти блюдъ, всѣ прежирныя, и ни одно блюдо не пропускается. Такіе пиры длятся по 10 и болѣе часовъ. Подобнымъ образомъ пируютъ и мужчины и точно такъ же начинается свадебный

---

*) Невѣста не участвуетъ на пирахъ, и женихъ со времени помолвки не ходитъ въ домъ невѣсты.

обрядъ. Поужинавши, татары начинаютъ на разные тоны откашливаться; это значитъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина; потомъ встаютъ и на разостланную скатерть кладутъ деньги для невѣсты. Сборъ этотъ называется «щербетомъ», оттого, что встарину онъ клался въ кубокъ съ щербетомъ и отдавался невѣстѣ. Этотъ подарокъ относитъ отецъ и, возвратясь, говоритъ, что дочь его деньги приняла, или, другими словами, согласна на замужство; тогда мулла спрашиваетъ о томъ же у жениха, а о калымѣ у отца, и вслѣдъ за этимъ начинаетъ молитву.

Молитва во время вѣнчанія (хютбе): «Хвала Богу, облаготворившему насъ способностію говорить и изъясняться, удостоившему насъ красотою рѣчи и вліяніемъ слова. Онъ, Всевышній, создалъ все на пользу человѣка. Онъ запретилъ все, что не полезно, и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ и запретилъ развратъ. Онъ, Всевышній, говоритъ (въ Алкоранѣ): берите себѣ въ супружество изъ женщинъ таковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре. О Вѣчноблагодатный! Намъ принадлежитъ воздаяніе благодарности Тебѣ за милости Твои! О Руководитель всещедрый! На насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружескіе! Путеводительствуй насъ, Господи, къ довольству и совершенству и запечатлѣй всѣ наши дѣянія твоимъ совершенствомъ. Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога кромѣ Аллаха — единаго, безтоварищнаго, и что Махометъ Его рабъ и посланный, одаренный всѣми превосходствами предъ смертными. Да будетъ благословеніе Божіе надъ лучшимъ изъ Его твореній — Махометомъ, посланнымъ отъ Бога съ чудесами, и надъ его семейство́мъ, святыней, освящающей истину. Богъ, направляя насъ на путь истины — на исламъ, опредѣлилъ супружество границею между позволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говоритъ пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословіе Божіе: супружество есть мой суннетъ; кто отвергаетъ мой суннетъ — не принадлежитъ мнѣ. Женящійся есть любящій, взятая въ замужество—любима, а калымъ между ними долженъ быть на осно-

ванiи обоюднаго согласія. Благослови чету, испроси милосердіе и благо Господне, ибо Онъ всемилосердый и милостивый!»

Затѣмъ мулла говоритъ: «По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы, и по суннету великаго пророка Махомета–Мустафы, да будетъ благословеніе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ по правиламъ секты имама Азима и по согласію имама Абу–Юсуфа–Алкази, и имама Махомета, сына Аль–Хасана, и прочихъ имамовъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ и при столькихъ–то руб. калыма, такой-то (отецъ невѣсты) соглашаешься–ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность (отцу или родственникамъ), тому–то въ замужество по правиламъ мусульманскихъ вѣроисповѣданій за такого–то, сына такого–то?» Отвѣтъ: «Согласенъ — выдаю».— «Ты, такой–то (отецъ жениха) довѣренный со стороны *) сына своего, соглашаеться-ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ-то количествѣ калыма — въ законное замужество за своего сына?» Отвѣтъ: «Согласенъ, беру». Послѣ этого бракъ считается освященнымъ,

Новорожденному ребенку на третій или четвертый день даетъ имя мулла. Родильницу навѣщаютъ женщины, приносятъ ей при этомъ на зубокъ деньги, какъ у русскихъ, да сверхъ того чаю и сахару, сколько кто можетъ, а новорожденному даютъ рубашки. На 4–мъ или 6-мъ году *) малютку обрѣзываетъ мулла; при этомъ читается Алкоранъ.

Когда татаринъ сильно занеможетъ, то призываютъ муллу; онъ читаетъ 36-ю суру изъ Алкорана (о воскресеніи мертвыхъ). Когда муллы нѣтъ, то это же дѣлаетъ какой-нибудь старикъ

---

*) Ни женихъ, ни невѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ; поэтому отцы ихъ при свидѣтеляхъ служатъ довѣренными лицами для совершенія бракосочетанія и къ нимъ уже адресуются какъ къ самимъ жениху и невѣстѣ, если же нѣтъ отцевъ то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники или хорошіе знакомые.

**) Только не въ четный годъ, иначе, по предразсудку татаръ ребенокъ долженъ преждевременно умереть.

или старуха *). Умершаго кладутъ на столъ ногами въ ту сторону, гдѣ Мекка. Тѣло закрываютъ тремя покрывалами; мулла читаетъ Алкоранъ (67-ю суру). Татары долго тѣлъ покойниковъ не держатъ, всего только 12-ть часовъ, и русскій трехъ-дневный законъ въ этомъ случаѣ весьма часто не соблюдается, не смотря на то, что на татарскій языкъ переведены брошюрки «О летаргіи». Покойника выносятъ на кладбище на лубкѣ; передъ мечетями останавливаются и читаютъ коротенькую молитву.

Въ могилѣ выкапывается нишь или устраивается сводъ, куда и кладутъ трупъ въ саванѣ на правый бокъ лицомъ къ Меккѣ. Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи, ни питья. По прошествіи трехъ дней, мулла, знакомые, родственники приглашаются на обѣдъ; тоже бываетъ въ 7-й, 40-й день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла ежедневно и даже по нѣскольку разъ читаетъ на дому Алкоранъ, что продолжается 6 недѣль, такъ же какъ и раздача милостыни. На могилахъ татары ставятъ памятники; бѣдные—простые четыре-угольные срубы, родъ домиковъ изъ дерева или камня; надъ могилой сажаютъ березки; у богатыхъ тутъ же становятся камни съ надписями. Эти надписи на арабскомъ языкѣ и всегда начинаются и оканчиваются воззваніемъ къ Богу, напримѣръ:

«Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Все, что живетъ, должно вкушать смерть...»

«Мы принадлежимъ къ Богу и къ нему возвращаемся. Въ смерти много ученія....»

Татары строго соблюдаютъ *Рамазанъ* — мѣсячный постъ: но постъ этотъ боится только солнца; ночью же, при свѣтѣ благосклонной луны, татары наѣдаются и напиваются до-сыта. Тотчасъ по закатѣ солнца казанскіе татары толпами идутъ въ трактиры. Больнымъ и находящимися въ дорогѣ разрѣшается

---

*) Во время чтенія отходной умирающаго постоянно окликаютъ съ тѣмъ, чтобы напоминать ему, что онъ достоинъ повторять, если можетъ: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магомета, его пророка».

поститься въ другое время или вмѣсто поста кормить бѣдныхъ. Для земледѣльческаго класса этотъ постъ, когда онъ приходится въ рабочую пору, бываетъ крайне изнурителенъ. Въ знойный лѣтній день пахарь не смѣетъ освѣжить себя глоткомъ воды, или сколько-нибудь подкрѣпить силы пищею. Ночь съ 26-го на 27-й день поста (Алкадръ) считается мусульманами особенно торжественною, потому что въ нее, по преданію, данъ былъ Алкоранъ и, по ихъ вѣрованію, ангелы въ это время сходятъ на землю для исполненія Божескихъ предопредѣленій. Самый постъ установленъ въ память дарованія правовѣрнымъ Корана. Въ 27-й же день, то есть въ конецъ рамазана *), бываетъ праздникъ — *Байрамъ*. Кромѣ молитвы, этотъ день чтится раздачею милостыни. Милостыня раздается двояко: явно и тайно; послѣдняя особенно заповѣдана магометанамъ. По закону своему, магометанинъ долженъ отдать бѣднымъ, какимъ бы то ни было образомъ, $^1/_{10}$ часть своего имѣнія; но здѣшніе татары не считаютъ при опредѣленіи этого процента недвижимаго имущества.

Курбанъ, или праздникъ жертвоприношенія, бываетъ всегда 10-го числа послѣдняго мѣсяца (Зулькада). Празднество начинается моленіемъ и оканчивается хорошимъ обѣдомъ, для котораго въ жертву приносятъ овецъ и коровъ; при этомъ жертвенное животное положенное головой къ Меккѣ, закалывается непремѣнно хозяиномъ дома, кто бы онъ ни былъ.

Этими двумя праздниками оканчиваются религіозныя торжества татаръ. Религія ихъ обязываетъ еще совершать странствованія въ Аравію—въ Мекку. Богатые казанскіе татары ежегодно туда отправляются черезъ Москву и Одессу. Поклоненіе это обходится имъ не менѣе 1,000 руб. сер. Побывавшіе въ Меккѣ пользуются особымъ уваженіемъ; за городомъ еще встрѣ-

---

*) Случается, что этотъ день празднуется позже, оттого что никто не видитъ новой луны, а календарямъ татарскіе ахуны, какъ видно, не вполнѣ довѣряютъ.

чаютъ здѣшніе татары возвращающагося изъ святаго путешествія.

Общественные праздники слѣдующіе: Сабанъ и Джуюнъ. Сабанъ (плугъ) праздникъ весны и земледѣлія. Въ деревняхъ его отправляютъ, какъ лишь сойдетъ снѣгъ съ полей; въ Казани позже, когда вода сойдетъ съ луга (на берегу озера Кабана), на которомъ обыкновенно справляется этотъ пиръ. На сабанъ собираются татары для игръ — борятся, скачутъ, бѣгаютъ въ обгонку. Въ числѣ не только зрителей, но и участниковъ бываетъ много русскихъ. Женщины татарскія, закутанныя въ свои халаты, смотрятъ на сабанъ издали; аристократки же ихъ даже и не ѣздятъ. Но за то богатые татары и татарки посѣщаютъ балы, маскарады, театры *); но выносятъ-ли они изъ театра живое впечатлѣніе и добрую мысль?.... Едва-ли.... Они черезчуръ отторгнуты отъ нашей жизни и ея интересовъ. Казанскіе татары городскіе всѣ хорошо знаютъ по-русски, но татарка, знающая нашъ языкъ, — большая рѣдкость. Русскому языку они не учатся, а узнаютъ его только изъ ежедневныхъ сношеній съ русскими. Христіанъ почитаютъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа и они ѣдятъ мясо свиньи, питающейся всякой падалью. Богослуженіе наше, по ихъ понятіямъ, заключается только въ колокольномъ звонѣ и поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ. Молодые татары иногда заходятъ въ кирку, вѣроятно, слушать органъ и странные татарскому горлу звуки нѣмецкаго языка.

Изъ всего сказаннаго видно, что русскій элементъ мало коснулся татаръ. Масса татарскаго народа по своей грамотности стоитъ въ образованіи выше русскихъ, но это не касается купцовъ и мѣщанъ казанскихъ, которые въ этомъ отношеніи ниже русскихъ тѣхъ же классовъ, потому что до сихъ поръ

---

*) Женщины сидятъ въ ложахъ съ занавѣсками подъ газовыми покрывалами.

Коранъ удерживаетъ татаръ на первой ступени образованія, на грамотности.

Коранъ налагаетъ на своихъ исповѣдниковъ печать отчужденія отъ христіанскихъ обществъ и христіанской образованности. Поэтому казанскіе татары мало участвуютъ въ общественной жизни русскихъ: ихъ не занимаютъ, не интересуютъ вопросы, дорогіе каждому русскому. Даже въ экономическомъ бытѣ татаръ проглядываетъ также особность, не смотря на то, что мѣсто жительства должно было бы, кажется, связывать ихъ интересами общими, т. е. русскими. Важнѣйшіе и вліятельнѣйшіе татары по связямъ и по состоянію живутъ въ самой Казани, гдѣ поселились отдѣльно и составляли до послѣдняго времени свое городское общество. Небогатые сельскіе обыватели находятся еще въ большемъ соприкосновеніи съ господствующимъ народонаселеніемъ и тѣснѣе связаны съ нимъ въ своихъ интересахъ; но богатые и по торговымъ своимъ дѣламъ и связямъ держатся больше средне-азіатскихъ государствъ и вообще востока. Не говоря уже о Коранѣ, который такъ рѣзко оттѣняетъ татаръ отъ русскихъ какъ въ семейномъ, такъ и гражданскомъ бытѣ, и историческія воспоминанія татаръ, время ихъ политической самостоятельности, не могли изчезнуть въ три вѣка совершенно безслѣдно. Эти воспоминанія какъ ни слабы, какъ ни безсильны, но въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, однакожъ, высказываются и проявляются. Хоть, напримѣръ, въ войну 1854—1856 годовъ, въ татарскомъ народѣ ходилъ говоръ, что вотъ явится турецкій султанъ на помощь и возстановитъ Казанское царство. Малая привязанность татаръ къ державѣ русской высказалась въ это время въ равнодушіи и холодности ихъ на призывъ правительства содѣйствовать общему благу. Укажемъ въ этомъ случаѣ, напримѣръ, на слѣдующій фактъ: въ наборы 1855 года въ одномъ Мамадышскомъ уѣздѣ, изъ принятыхъ рекрутъ, бѣжало до 200 человѣкъ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ были покровительствуемы казанскими богачами татарами, которые на свой счетъ старались отправлять ихъ въ Бухару. Бѣглецы—рекруты, на вопросъ о причинѣ побѣга, обык-

новенно отвѣчали, что сражаться съ своими единовѣрцами противно ихъ совѣсти.

Чуваши. Между инородцами Казанской губерніи самый многочисленный народъ послѣ татаръ—чуваши. Общее число чувашъ въ Россіи довольно велико: около 570,000 душъ обоего пола; они живутъ въ четырехъ губерніяхъ: наибольшее число ихъ въ Казанской губерніи (330,000), потомъ въ Симбирской, Оренбургской и Саратовской. По мѣсту жительства чуваши раздѣляются на верховыхъ,—которые живутъ въ Ядринскомъ, Козьмодемьянскомъ и Чебоксарскомъ уѣздахъ Казанской губерніи, и низовыхъ — живущихъ въ остальныхъ уѣздахъ и другихъ губерніяхъ.

Вопросъ о племенномъ происхожденіи чувашей подверженъ спорамъ: одни полагаютъ, что они принадлежатъ къ финскому племени, что языкъ ихъ есть финское нарѣчіе, образовавшееся подъ вліяніемъ тюркскаго и славянскаго языковъ. Другіе же считаютъ его чисто тюркскимъ нарѣчіемъ съ примѣсью словъ арабскихъ и персидскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, чувашскій языкъ имѣетъ много словъ, которыя или совершенно сходны съ татарскими, или только разнятся въ окончаніяхъ, либо въ начальныхъ звукахъ. Въ пользу послѣдняго мнѣнія важнѣйшимъ доказательствомъ служитъ еще сходство грамматическихъ формъ татарскаго и чувашскаго языковъ; такъ напр. чувашскій языкъ, какъ и всѣ турецкія нарѣчія, не имѣетъ родовъ, отрицательная частица не ставится въ срединѣ глагола, имена прилагательныя, придаваемыя къ существительнымъ, не измѣняются въ своихъ оконніяхъ и проч.

Новѣйшія изысканія объ этомъ вопросѣ подтверждаютъ послѣднее мнѣніе, не отвергая, что въ языкѣ чувашей видно присутствіе вліяній разныхъ народовъ: это объясняется географическимъ положеніемъ ихъ т. е. сосѣдствомъ съ черемисами, мордвою и проч. и вообще политическою судьбою этого народа.

Имя чувашъ не встрѣчается у русскихъ лѣтописцевъ ранѣе 1551 года; объ немъ не упоминаютъ также и арабскіе писатели, которымъ такой многочисленный народъ не могъ быть неизвѣ-

стенъ; поэтому полагаютъ, что чуваши въ старину извѣстны были подъ другимъ именемъ.

Въ древности, на той мѣстности, по которой нынѣ разсѣяны чуваши, обитали три народа: болгары, хозары и буртасы. Положительныхъ доказательствъ о тождествѣ котораго-нибудь изъ нихъ съ нынѣшними чувашами нѣтъ; нѣкоторые оріенталисты думаютъ впрочемъ, что чуваши и буртасы одинъ и тотъ же народъ. Свѣдѣнія о буртасахъ весьма скудны. По словамъ арабскихъ и персидскихъ писателей, буртасы жили на правомъ берегу Волги, между хозарами и болгарами, въ нынѣшнихъ Симбирской и Саратовской губерніяхъ, у нихъ было два города: Буртасъ и Сиваръ. Народъ этотъ былъ полукочевой: зиму проводили буртасы въ деревянныхъ домахъ, а лѣтомъ на кочевьяхъ; они были хорошіе земледѣльцы и звѣроловы. Буртасы славились грабежемъ и страшнымъ варварствомъ; напримѣръ, у нихъ существовалъ слѣдующій странный обычай, извѣстный, впрочемъ, въ Хорасанѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи: избранному въ цари туго сдавливали поясомъ горло и спрашивали, сколько лѣтъ хочетъ онъ царствовать, и ежели онъ жилъ болѣе, чѣмъ сказалъ, то его тотчасъ убивали. Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о буртасахъ, однакожъ, видно: 1) что чуваши частію и до нынѣ живутъ въ буртасской землѣ; хотя большая ихъ часть и отодвинулась къ сѣверу, но это случилось въ XIII вѣкѣ, когда въ эту мѣстность нахлынули монголы и заставили ихъ укрываться въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ потомъ этотъ народъ и одичалъ; 2) въ словахъ буртасъ (жить, быть осѣдлымъ) и сиваръ (сивырь отъ сиварсъ—спать, отдыхать)—корень чувашскій; 3) быть можетъ также, что названіе чувашъ произошло просто отъ какого-нибудь родоначальника; подобныхъ странныхъ именъ у нихъ много: Тумашъ, Бурнашъ, Кубасъ, Чурасъ, Кудашъ и проч. Названія эти и до сихъ поръ сохранились въ деревняхъ Ядринскаго и Козьмодемьянскаго уѣздовъ. Русскіе въ отдаленное время, кажется, называли иногда чувашей буртасами: и по настоящее время существуютъ въ Казанской

губерніи нѣсколько селъ, подъ названіемъ Буртасы (въ Цивильскомъ и Свіяжскомъ уѣздахъ).

Сами чуваши о происхожденіи своемъ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія; ихъ преданія весьма безтолковы и нисколько не могутъ навести на мысль объ ихъ прошедшемъ; ихъ историческія знанія не только что вздорны, но и бѣдны: напримѣръ, только образованнѣйшіе изъ нихъ знаютъ о всемірномъ потопѣ, о смѣшеніи языковъ, коихъ насчитываютъ 77, и изъ нихъ только шесть: татарскій, чувашскій, русскій, черемисскій, мордовскій и калмыцкій считаютъ заслуживающими вниманія; а затѣмъ въ ихъ преданіи живетъ, что они были подъ властію татаръ, сбивчиво толкуютъ о взятіи Казани и о Пугачевскомъ бунтѣ.

Монгольскія черты лица въ чувашахъ хотя не такъ ясны, какъ у татаръ, но все–таки даютъ особый складъ лицу чуваша: покатый нѣсколько назадъ лобъ, выдающіяся скулы и разрѣзъ глазъ составляютъ самыя крупныя особенности. Тѣлосложеніе чуваша не обнаруживаетъ въ немъ большой физической силы: большею частію чуваши небольшаго роста, сухощавы и апатичны; лица ихъ блѣдны, не имѣютъ вовсе живыхъ красокъ, такъ что вообще чуваши некрасивы; между мущинами еще попадаются изрѣдка недурныя лица; некрасивы же собой особенно женщины. Онѣ такъ сложены, что сразу не отличишь женщину отъ мущины? Говоря вообще о физическихъ свойствахъ чувашей, нельзя не указать на нѣкоторыя причины слабости ихъ силъ, а именно 1) ранняя женитьба мущины и поздняя женщины; отъ этого происходитъ значительная непропорціональность въ лѣтахъ мужа и жены: послѣдняя обыкновенно бываетъ лѣтъ на 5 старше мужа; въ такихъ бракахъ участвуетъ разсчетъ не отдавать изъ хозяйства по возможности дольше прилежную работницу; 2) физическіе труды, несоразмѣрные съ организаціею женщины, также ослабляютъ ея силы; наконецъ, 3) не можетъ остаться безъ вліянія на физическое развитіе этого народа и то, что чуваши живутъ неопрятно, въ весьма дурныхъ помѣщеніяхъ, и употребляютъ преимущественно мучнистую пищу.

Одежда почти сходна съ русскою: разнится лишь покрой рубахъ и женскій головной уборъ.

У чувашекъ рубашки всегда бываютъ вышиты разноцвѣтными шерстями или бумагою по подолу, вокругъ шеи и около груди; у незамужнихъ нагруди одна вышивка, на подобіе креста съ вѣнкомъ, а у замужнихъ двѣ. Покрой кафтана, который носится и мущинами и женщинами, одинаковъ съ русскимъ, цвѣта бѣлаго, сѣраго или темно-коричневаго; онучи черныя и очень толстыя, такъ что ноги ихъ имѣютъ совершенно форму бревенъ: таковъ вкусъ чувашей и чувашекъ — такія толстыя ноги имъ очень нравятся. Чуваши, какъ мущины такъ и женщины, носятъ еще кожаные чулки, сверхъ которыхъ надѣваются лапти. Эта послѣдняя обувь носится ими во время пашни или когда отправляются они въ дальнюю дорогу.

Въ старину чуваши брили голову и носили совершенно татарскій костюмъ. Татары женились на чувашкахъ, да и теперь случается, что некрещенная чувашка выходитъ за татарина. У женщинъ головной уборъ—*хопша:* у низовыхъ чувашъ она высокая, какъ буракъ, у верховыхъ низенькая, едва закрываетъ лобъ и виски. Хопша украшается мелкою монетою въ нѣсколько рядовъ.

По бережливости своей чуваши исполняютъ совѣтъ политической экономіи: они дѣлаютъ сбереженія, но за то у нихъ издержки и употребленіе нисколько не отличаются разумнымъ разсчетомъ. При равной зажиточности съ русскимъ, пища чуваша гораздо грубѣе и менѣе питательна, чѣмъ у русскаго; хлѣбъ печется большею частію изъ ржаной муки на сывороткѣ и оттого бываетъ киселъ; щи (яшка) варятъ безъ говядины, съ крупою, сверхъ того лѣтомъ съ борщевникомъ, а зимою съ квашеной капустой; часто также кладутъ лепешки изъ тѣста и забѣливаютъ яшку молокомъ или смѣтаною. Мясную пищу они употребляютъ весьма мало, чаще всего такъ называемый *ширтанъ*—родъ колбасы, начиненной овечьимъ мясомъ и съ масломъ поджаренной; молочныхъ скоповъ, по неудовлетворительному скотоводству, не дѣлаютъ; небольшое количество молока идетъ

въ пищу, сметана—на деланіе сухаго домашняго сыра, а коровье масло, кромѣ пищи, идетъ еще на смазку колесъ. При этомъ послѣднемъ странномъ употребленіи, чувашъ разсуждаетъ такъ: деготь хотя и дешевле масла, да оно свое, некупленное.

Изъ растительной пищи употребляютъ картофель, грибы, которые никогда не очищаютъ ни отъ земли, ни отъ червей, у каждаго почти чуваша для питья есть пиво, до котораго они большіе охотники; пиво это очень жидко и здабривается, по чувашскому вкусу, хмѣлемъ въ такой пропорціи, чтобы послѣ одного, двухъ ковшиковъ, оно не оставалась для головы безъ отуманивающихъ ощущеній. Пиво пьютъ не только мущины, но женщины, старухи, дѣвки и дѣти. Вино чуваши хотя и любятъ, но, по дорогой цѣнѣ, оно покупается только богатыми, а чуваши вообще скупы, такъ что вино у нихъ составляетъ принадлежность только большихъ праздниковъ. Мущины всѣ курятъ табакъ, изъ женщинъ только старухи, да и то съ лекарственною цѣлію—отъ зубной и грудныхъ болей. Вообще матеріяльный быть чувашей далеко ниже житья русскаго крестьянина; чуваши чрезвычайно неопрятны и къ тому еще, какъ сказано, скупы или, вѣрнѣе сказать, боятся показывать, что у нихъ есть деньги. Селенія чувашскія расположены обыкновенно въ лѣсахъ, оврагахъ, въ котловинахъ, вдали отъ населенныхъ дорогъ; даже и на большихъ дорогахъ чувашскія станціи всегда въ сторонѣ въ нѣсколькихъ верстахъ. Избы ставятся въ безпорядкѣ. Только съ 1839 г. стали наблюдать за постройкою по планамъ. Села чувашскія имѣютъ два и три названія. Церковно и священнослужители живутъ обыкновенно въ отдѣльныхъ слободкахъ, которыя называются по имени престольнаго праздника; кромѣ церковнаго названія, есть по нѣскольку чувашскихъ: такъ въ Чебоксарскомъ уѣздѣ большая часть селъ имѣетъ по 2 и даже по 3 названія. Избы свои чуваши топятъ по черному. Бѣлыя избы съ дымовою трубою вводятся понемногу, но до сихъ поръ онѣ въ весьма небольшомъ количествѣ—преимущественно по большимъ дорогамъ. Въ 1839 году, въ Ядринскомъ

уѣздѣ, у чувашей было 14,964 курныя избы; изъ нихъ въ теченіе 21 года передѣланы на бѣлыя 1,106, т. е. около $^1/_{14}$ части.

Внутренность чувашскаго дома слѣдующая: вокругъ стѣнъ устроены нары въ видѣ скамеекъ; у бѣднаго чуваша, кромѣ наръ, въ избѣ не найдешь другой мебели. Печь въ курныхъ избахъ дѣлается изъ битой глины; полъ всегда черенъ, какъ уголь. Да и все прочее болѣе или менѣе подходитъ къ этому цвѣту. Непремѣнную принадлежность чувашскаго дома составляетъ пивоварня, для чего на дворѣ отгораживается закоулокъ. Лѣтомъ чуваши живутъ въ лачугахъ, а въ избахъ только пекутъ хлѣбъ. Въ лачугахъ лѣтомъ приготовляется въ котлахъ пища, вокругъ огонька разставляются деревянные пеньки, и тутъ-то чуваши предаются сладкому far niente, курятъ трубочку и говорятъ о томъ, кто что видѣлъ и слышалъ на базарѣ или въ городѣ.

Не у домашняго только очага любятъ чуваши собираться; идти на базаръ и на торжокъ, обыкновенно устроенный на большой дорогѣ, чувашъ считаетъ обязанностію; когда даже нѣтъ прямой надобности, онъ поѣдетъ только за новостями. Любовь чуваша къ городамъ, большимъ селамъ, любовь поглазѣть на нихъ часто вводитъ чуваша въ убытки. Пріѣдетъ, напримѣръ, къ нему покупщикъ хлѣба и дастъ на мѣстѣ хорошую цѣну, не всякій чувашъ воспользуется этимъ; многіе сами повезутъ за 80 или болѣе верстъ, возьмутъ меньшую цѣну, чѣмъ ему давали у себя дома, не считая путевыхъ издержекъ, и все это только для того, чтобы побывать въ Лысковѣ и т. п. мѣстахъ. Всѣ чуваши, богатые и бѣдные, живутъ такъ грязно, что неопрятность ихъ возмутительна: изъ котла, въ которомъ варится пища, пьютъ люди, овцы и телята; тутъ же моютъ маленькихъ ребятъ и стираютъ бѣлье. Нечистота жилищъ и неопрятность суть главныя причины господствующихъ между ними болѣзней; такъ многіе изъ нихъ страдаютъ воспаленіемъ глазъ и преждевременною ихъ слабостію; чесотка также между ними встрѣчается безпрестанно бань они;

почти не имѣютъ; между чувашами нерѣдко попадаются взрослые, которые отъ рожденія едва-ли два раза мыли свое тѣло.

Чуваши обращены въ христіанство въ царствованіе Елисаветы Петровны. Число некрещеныхъ чувашей въ настоящее время незначительно, всего до 1,300. Некрещеные чуваши обыкновенно приписываются къ мечети, но въ нее не ходятъ, а молятся по своему, по языческимъ обрядамъ. Магометанскаго у нихъ сохранилось только принятіе присяги потатарски въ слѣдственныхъ дѣлахъ и еще нѣкоторые обычаи, напримѣръ, они допускаютъ многоженство, празднуютъ пятницу, брѣютъ головы, не ѣдятъ свинины, но за то не ѣдятъ и лошадинаго мяса. Большая часть чувашей, особенно живущіе массами (Ядринскаго и Цивильскаго уѣздовъ), христіане только по названію; исполненіе обрядовъ нашей церкви для нихъ тягостно, и они всячески стараются отъ этого отдѣлаться копеечкой. Постовъ обыкновенно не соблюдаютъ; работаютъ по воскресеньямъ и даже въ большіе праздники, какъ напр. въ Рождество и другіе, а между тѣмъ, по старой привычкѣ, празднуютъ пятницу.

Лучшіе результаты оказали на чувашей промышленныя сношенія съ русскими, какъ вообще на развитіе, такъ особенно на экономическій ихъ бытъ; послѣднее, конечно, досталось чувашамъ не даромъ. Тѣ изъ чувашей, которые живутъ среди русскихъ близъ торговыхъ и промышленныхъ мѣстъ, замѣтно избѣгаютъ непрямыхъ сношеній, т. е. барышниковъ и кулаковъ; обыкновенно они сами везутъ свой хлѣбъ для продажи на пристаняхъ; но такіе составляютъ пока еще счастливое исключеніе; большинство же ни къ торговлѣ, ни къ промысламъ не имѣетъ особаго влеченія. Чуваши по преимуществу земледѣльцы; такъ, изъ 48,000 душъ мужескаго пола, живущихъ въ Ядринскомъ уѣздѣ, занимаются промыслами 2,400 человѣкъ; въ томъ числѣ главнѣйшія занятія: бурлачество—до 800, торговля — до 100, портныхъ — 140 человѣкъ.

Ремесленность между чувашами ограничивается дѣланіемъ самой необходимой домашней посуды, какъ-то: кадокъ, бочекъ и т. п.

Ремесленная и торговая дѣятельность въ ихъ сторонѣ находится въ чужихъ рукахъ, преимущественно—сосѣднихъ нижегородцевъ. Ничтожное развитіе торговыхъ и промышленныхъ занятій зависитъ частію отъ незнанія языка, отъ скупости и осторожности, которыя удерживаютъ ихъ рисковать копейкой и наконецъ отъ лѣни. Чувашъ скорѣй меньше поѣстъ, чѣмъ выйдетъ зимой изъ теплой хаты. Правительствомъ принимаются, впрочемъ, дѣятельныя мѣры для распространенія ремесленныхъ знаній между чувашами; такъ въ 1858 году въ одномъ Ядринскомъ уѣздѣ отдано около 50 мальчиковъ, преимущественно сиротъ, для обученія разнымъ ремесламъ: шитью одежды 23, кузнечному 15, овчинному 5, телѣжному 4, валяльному 1; сверхъ того, 49 мальчиковъ находятся въ Казани у разныхъ ремесленниковъ: для обученія кузнечному мастерству 9, выдѣлки овчинъ 19, шитью полушубковъ 6, колесному 2, столярному 8, малярному 3, кладкѣ печей 2.

Между чувашами богаты весьма немногіе, но за то и нищіе весьма рѣдки; вообще зажиточность ихъ стоитъ выше зажиточности татарина, гдѣ обѣ крайности встрѣчаются чаще, особенно послѣдняя, т. е. нищета. Доказательствомъ болѣе равномѣрнаго распредѣленія достатковъ между чувашами служитъ отчасти исправный платежъ податей.

Русскій языкъ до сихъ поръ еще не довольно распространенъ между ними; тѣ, которые живутъ среди русскихъ, почти всѣ говорятъ и понимаютъ по русски, но это не относится къ большинству, живущему отдѣльно. Въ коренной Чувашландіи — въ Цивильскомъ и Ядринскомъ уѣздахъ, они сохранили болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ свой національный характеръ и говорятъ особеннымъ нарѣчіемъ. При изученіи русскаго языка, одно изъ важнѣйшихъ затрудненій для чуваша — русское произношеніе: чувашское горло не можетъ ясно произносить рѣзкихъ звуковъ. Чувашъ ихъ постоянно смягчаетъ, онъ всегда изъ *в* сдѣлаетъ *ф*, изъ *б* — *п*, изъ *д* — *т*. Надо также замѣтить, что чуваши часто притворяются, что не понимаютъ по русски, и извлекаютъ изъ этого свои выгоды. Прежде чу-

ваши особенно дорожили дружбою русскихъ, которые, съ своей стороны, находя это очень выгоднымъ, также заискивали ихъ короткости. Чувашъ, сближаясь съ русскимъ, какъ рыцарь, даетъ обѣтъ неразрывной дружбы, въ знакъ чего договаривавшіеся о дружбѣ обмѣнивались подарками, отдавая другъ другу самое лучше изъ этого, что каждый имѣлъ. Русскій, купивъ на базарѣ какую-нибудь бездѣлицу, спѣшилъ къ другу, который всегда отдаривалъ по царски — за шапку, за кушакъ, давалъ корову, лошадь или нѣсколько ульевъ пчелъ. Еще болѣе русское вліяніе должно развиться между чувашами, когда будетъ больше сельскихъ и приходскихъ училищъ, въ которыхъ учатъ Закону Божію, читать, писать и ариѳметикѣ. Учителя въ этихъ школахъ обыкновенно или семинаристы, или священники, обучающіе, за особую плату.

До сихъ поръ еще чуваши неохотно отдаютъ въ ученье своихъ дѣтей; въ этомъ случаѣ необходимо приневоливаніе; одна мать, у которой сына хотѣли взять въ школу, объявила, что скорѣе удавитъ его, чѣмъ пуститъ учиться; ей погрозили судомъ; послѣ чего она сама привела сына, и это имѣло такое вліяніе, что тотчасъ же явилось столько охотниковъ учиться, что некуда было ихъ дѣвать. Грамотность вообще мало распространена между чувашами. Училища существуютъ съ 1839 года. Въ настоящее время ихъ 9 въ Ядринскомъ уѣздѣ; въ 1839 году учениковъ было 17.

1845 . . . не болѣе . . . 55,
1857 . . . . . . до . . . 200, или

одинъ ученикъ приходится на 164 человѣка.

Черты народнаго характера, въ которыхъ особенно высказывались варварство и дикость чувашей, кажется, уже изчезаютъ. Въ настоящее время почти не слышно о чувашской мести тащить непріятелю сухую бѣду, то есть вѣшаться на дворѣ своего врага съ тѣмъ, чтобы по поводу мертваго тѣла нагрянуло въ этотъ дворъ временное отдѣленіе земскаго суда. По скупости чувашей, кражи случаются часто между ними; чу-

вашъ любитъ также обмануть, иногда и не изъ жадности, а только изъ удовольствія надуть, особенно русскаго.

Въ старину съ чувашами ихъ побѣдители обходились весьма некротко, оттого послѣдніе удалялись изъ жилыхъ мѣстъ, строились въ глуши, въ оврагахъ, лѣсахъ. Чувашъ и теперь недовѣрчивъ и робокъ, вездѣ боится обмана, такъ что и до сихъ поръ не иначе рѣшится на какое-нибудь коммерческое дѣло, какъ потолковавши сперва со стариками и съ своей братіей. Большое значеніе имѣли прежде у нихъ такъ называемые *коштаны*, т. е. ходатаи по дѣламъ отъ цѣлыхъ обществъ. Находя званіе адвоката очень выгоднымъ, коштаны и теперь всячески стараются поддерживать себя въ мнѣніи общественномъ, отыскиваютъ себѣ работу, т. е. затѣваютъ пустые процессы и обираютъ съ міра деньги. Если чувашъ подрядился на что-нибудь, то надо спѣшить заключить съ нимъ письменное условіе, и тогда уже можно дѣло считать вѣрнымъ, потому что чувашъ до крайности боится всего писаннаго, а еще болѣе всякой власти. Здѣсь кстати разсказать слѣдующій характеристическій случай, приведенный Сбоевымъ. «Попадья торгуетъ рыбу на базарѣ въ с. Андреевскомъ. Чувашъ запросилъ что-то очень дорого. Попадья разгорячилась и стала браниться: «Побойся Бога, чувашская лопатка, вѣдь это неслыханная цѣна!» — «Эхъ, мачка, что Бога-то бояться, вѣдь Богъ не писарь». Нравственныя качества чуваша такъ еще мало развиты, что поступками его управляютъ или страхъ наказанія, или тупыя преданія отцевъ, ихъ предразсудки и повѣрья. На клятву чуваша, напримѣръ, полагаться нельзя. Онъ солжетъ безъ малѣйшаго укора совѣсти, но при этомъ не переступитъ липоваго колышка, если его заставятъ это сдѣлать въ подтвержденіе его словъ. Онъ добръ отъ природы; пьяный или выведенный изъ себя, мстителенъ и золъ, какъ звѣрь: многимъ, конечно, случалось видѣть не только въ захолустьѣ, но и на большихъ дорогахъ, болѣе цивилизованнаго чувашенина — ямщика, когда онъ съ дикою радостію, съ какою-то страстью долго и больно бьетъ морду своей измученной лошади.

Изъ игръ любимая въ *лычки*. Въ долгіе зимніе вечера дѣвушки сходятся вмѣстѣ работать; въ ихъ сборища приходятъ молодые парни и подъ конецъ вечера затѣваютъ игры; берутъ пучекъ лыкъ и концы раздаютъ по рукамъ и потомъ разбираютъ: у кого концы одного и того же лычка, тѣ цѣлуются.

О развитіи чувашскаго народа вообще можно сказать, что оно стоитъ пока очень низко; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ихъ языкъ, — языкъ бѣдный, скудный, особенно въ выраженіи отвлеченныхъ понятій. Въ немъ всего полторы тысячи словъ. Когда приходится чувашу сказать о томъ, что выходитъ изъ круга его понятій, онъ прибѣгаетъ не къ головѣ, а къ горлу и жестамъ. Скудость воображенія, чувства, понятій яснѣе всего высказывается въ ихъ пѣсняхъ.

Шумитъ, шумитъ дубровушка:
Зачѣмъ-же все шумитъ она.
Сучки родить собирается.
Шумитъ, шумитъ камышекъ:
Зачѣмъ шумитъ онъ все?
Колѣнца ставить думаетъ...
Шумитъ народъ, волнуется:
За чѣмъ-же тотъ народъ шумитъ?
Души прибавлять думаетъ.
Далъ мнѣ батюшка ворона коня,
Дай впрягу, подумалъ я!
Дубовой колодой конь сдѣлался...
Далъ мнѣ батюшка корову бѣлую, —
Нутко подою, — подумалъ я!
Березовой колодой она сдѣлалась...
Далъ мнѣ батюшка овцу,
Сниму шерсть съ нея, подумалъ я!
Гнилушкой красной она сдѣлалась...
Далъ мнѣ батюшка кушакъ шелковый,
Дай подвяжу, — подумалъ я!
Лыкомъ кушакъ сдѣлался....
Далъ мнѣ батюшка платокъ шелковый,
Дай подвяжу, подумалъ я!...
Кленовымъ листомъ платокъ сдѣлался.

Пытъ, пытъ перепелка!
Куда летишь, перепелка?
Въ Каргалы я лечу.
А что дѣлать въ Каргалахъ?
Торица есть, говорятъ.
Дорога-ль торица?...
Да рубль двадцать, говорятъ.
Въ Цывильскѣ есть сто саней
Въ нихъ нѣтъ-ли дѣвушки?...
Въ нашемъ селѣ одинъ садъ,
Въ одномъ саду восемь дѣвушекъ,
Восемь да всѣ бѣленькихъ,
А та изъ бѣленькихъ, которую я люблю, черновата.

Вотъ еще пѣсни изъ новѣйшихъ, написанныя какимъ-нибудь обрусѣвшимъ писаремъ.

Мы, чуваши, родились
И у Волги поселились.
А живемъ при ней давнымъ давно.
А ученые хлопочутъ
Откуда мы происходимъ?...
Мы чуваши — такъ чуваши,
Намъ пріятели Татары
И языкъ у насъ чувашскій.
Въ грусти, въ горѣ и несчастьи
Мы бѣжимъ скорѣе къ Торѣ,
Въ Киремети закалаемъ
Молодыхъ телятъ, коровъ,
Чтобы Тора далъ здоровья,
Чтобы Тора далъ намъ счастья.
Мы не знаемъ не писать,
Не умѣемъ и читать.
Мы къ священнику бѣжимъ,
Что намъ дѣлать при несчастьи?...
Такъ живемъ мы и доселѣ,
И видимъ все-таки свое счастье
Да понюхиваемъ и табакъ.
У насъ есть домашній скотъ:
Кони, свиньи, куры, пчелы,
Овцы, гуси и быки,
Утки, яйца и молоко,
А домашній скотъ мы продаемъ,
Чтобы скопить побольше денегъ.

Вотъ, наконецъ, пѣсня рекрута, не лишенная нѣкотораго поэтическаго колорита:

Ахъ, мой батюшка, ахъ, моя матушка! былъ бы я гусенекъ, полетѣлъ бы я на свою родину!
Былъ бы я за воротами, — заперся бы я крѣпкими запорами.
Луна свѣтитъ на землю, по землѣ пролегаетъ путь.
Звѣзды всходятъ надъ дорогою, по дорогѣ мы идемъ;
Вьюжно валитъ свѣгъ клочьями — точно наши кудри,
Ливмя льетъ дождикъ на землю — точно наши слезы;
А по Волгѣ плывутъ льдины — точно наши трупы.
На землѣ стоитъ дубъ старый—это нашъ отецъ,
Стоитъ старая береза—это наша мать.

Въ заключеніе надо сказать, что въ народномъ характерѣ чувашей есть прекрасныя свойства, особенно важныя для общества: чувашъ трудолюбивъ и усердно исполняетъ разъ принятую обязанность.

Не было примѣровъ, чтобы солдатъ чувашъ бѣжалъ или въ чувашской деревнѣ скрывались бѣглые съ вѣдома жителей. Чувашъ хорошій земледѣлецъ; поля его раньше прибраны, лучше унавожены, а хлѣбъ прежде обмолоченъ, чѣмъ у русскаго или татарина.

Черемисы—одни изъ самыхъ древнихъ обитателей изъ здѣшняго края: о нихъ упоминаетъ еще Несторъ и указываетъ мѣсто ихъ жительства. Надо полагать, что народъ этотъ обиталъ отъ Оки, на востокъ до предѣловъ Вятки и Перми, а къ югу до нынѣшней Симбирской и Пензенской губерній. О поселеніяхъ ихъ съ достовѣрностію можно только сказать, что черемисы, какъ народъ полудикій, жили дробно, разбросанно, такъ же какъ и понынѣ они селятся — небольшими деревушками; въ послѣдней четверти XII столѣтія, лѣтописи наши упоминаютъ объ одномъ черемисскомъ городѣ, Кокшаровѣ. Городъ этотъ былъ завоеванъ новгородскими выходцами и на его мѣстѣ впослѣдствіи основанъ нынѣшній Котельничъ.

Хотя новгородцы и утвердились въ нынѣшной Вятской губерніи, однако долго еще они должны были бороться съ тамошними туземцами, между которыми сильнѣйшими были черемисы;

они во все продолженіе самостоятельнаго существованія Хлынова (Вятка) неоднократно заставляли жителей этого города выдерживать сильныя нападенія. Память этихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ.

Подчиненные со времени основанія Казани татарамъ, черемисы вмѣстѣ съ ними были дѣятельными и опасными противниками русскихъ. Лѣтописцы наши, разсказывая о походахъ на Казань и область Вятскую, всегда выставляютъ черемисъ на первомъ планѣ. По покореніи Вятки Іоанномъ III, необходимость общей защиты заставила черемисъ еще тѣснѣе соединиться съ татарами. Особенно войнолюбивы были луговые черемисы: живя въ дремучихъ лѣсахъ, они занимались исключительно звѣриною и рыбною ловлями и жили «аки дикія», прибавляетъ лѣтописецъ.

Лѣтописи наши смѣшиваютъ не только чувашей и черемисъ, но иногда называютъ тѣхъ и другихъ татарами: такъ въ грамотѣ 1669 года, данной на владѣнье разными угодьями Кинярской волости, чуваши Козьмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ названы горными служилыми татарами *)

Въ Ядринскомъ уѣздѣ въ настоящее время нѣтъ ни одной души черемисъ, между тѣмъ какъ въ старинныхъ актахъ говорится о бывшихъ здѣсь черемисахъ. Тутъ, впрочемъ, можетъ быть и не замѣна имени одного народа другимъ, а и то, что черемисы оставили мѣста эти и бѣжали въ луговую сторону, когда появились здѣсь русскіе. На это обстоятельство указываетъ отчасти прозвище, которое даютъ низовые чуваши верховымъ, называя верховыхъ—черемисскимъ отродьемъ.

Черемисы живутъ въ Царевококшайскомъ, Козьмодемьянскомъ, Чебоксарскомъ, Казанскомъ и Мамадышскомъ уѣздахъ. По мѣсту жительства, ихъ дѣлятъ на луговыхъ и горныхъ.

---

*) Нѣкоторыя изъ селеній Ядринскаго уѣзда носятъ чисто татарскія названія: Татаркасы, Таторянъ, Калмыкъ-касы, Пашкуры. Между тѣмъ нѣтъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній о томъ, были-ли въ этихъ мѣстахъ татары.

Горные черемисы по наружности изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ самые красивые. Они ловки, проворны, имѣютъ правильныя лица, и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ болѣе развиты, чѣмъ ихъ собратья-луговые. Живутъ гораздо опрятнѣе не только луговыхъ черемисъ, но и чувашей, хотя по достаткамъ они чуть-ли не бѣднѣе послѣднихъ. Внѣшнія постановленія и обряды россійской церкви горные черемисы усвоили себѣ какъ нельзя лучше. Приверженность ихъ къ обрядной части религіи, быть можетъ, выше, чѣмъ у русскихъ.

Луговые черемисы, лѣсные, какъ ихъ иногда называютъ, рѣзко отличаются отъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ на правой сторонѣ Волги. Горные черемисы почти исключительно занимаются земледѣліемъ; луговые-же, живя среди лѣсовъ, на землѣ тощей, распаханной изъ—подъ хвойнаго лѣса, не получаютъ достаточнаго вознагражденія за свой тяжкій трудъ. Оттого важнѣйшее ихъ занятіе—охота. Черемисъ оставляетъ свой домъ обыкновенно на нѣсколько недѣль, и съ ножемъ и топоромъ и ружьемъ идетъ въ глушь лѣса на сотню верстъ. Кусокъ хлѣба и трубка — единственный его запасъ въ этомъ походѣ.

Подобныя отлучки, осуждающія на уединеніе и лишенія всякаго рода, отразились и на характерѣ этого народа. Черемисъ непонятливъ, грубъ и угрюмъ; холодъ и сырость пристрастили его къ вину и огню. Гдѣ бы ни остановился черемисъ, онъ сейчасъ же разводитъ огонь, лѣтомъ отъ комаровъ, зимой отъ стужи, и затѣмъ уныло садится предъ комелькомъ съ своей трубочкой.

Для попойки черемисъ броситъ всякую работу, какъ бы ни была она нужна; разъ добравшись до вина или пива, онъ не оставитъ его до тѣхъ поръ, пока не будетъ капельки. У пьянаго вино не доброе; онъ буянитъ и неистовствуетъ.

Въ домашней жизни черемисы такъ же неопрятны и скупы, какъ чуваши; въ послѣднемъ они, кажется, ушли далѣе чувашей. Сходство ихъ съ послѣдними этимъ не ограничивается. Они такъ же кротки и боязливы предъ начальствомъ, какъ и чуваши; исправно платятъ подати; вслѣдствіе скупости, какъ

горные, такъ и луговые. Черемисы прячутъ деньги: тайкомъ отъ домашнихъ зарываетъ ихъ черемисъ-хозяинъ въ землю.

Въ одеждѣ черемисъ по мѣстностямъ есть незначительные оттѣнки. Крещеные носятъ кафтаны изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, обшитые иногда толстымъ синимъ снуркомъ; лѣтомъ же надѣваютъ родъ балахона изъ посконнаго холста съ множествомъ по подолу и по концамъ рукавовъ обкладокъ изъ кумача; на ременномъ поясѣ съ боку висятъ ножны для ножа; тутъ же вкладывается огниво и посредствомъ желѣзной дужки прицѣпляется топоръ. Исподнее платье тоже бѣлое; рубашки вышиты шерстями или цвѣтными нитками. Женщины носятъ такой же почти костюмъ, за исключеніемъ пояса, а головы, вмѣсто шапокъ, окутываютъ бѣлымъ холстомъ, который наматывается на какую-то подставку въ родѣ лопаты съ выдающимися рогами или углами; этотъ головной уборъ иногда унизывается монетами. Дѣвушки же надѣваютъ простыя бѣлыя косынки; въ косы вплетаютъ снурки, бисеръ, деньги; на шеѣ тоже носятъ монеты и бисеръ; въ ушахъ — проволочныя серьги, по нѣскольку паръ и очень длинныя, а на груди изъ сыромяточной кожи четыреугольникъ, унизанный монетами. На рукахъ — кольца и мѣдные браслеты. На ногахъ всѣ носятъ толстѣйшія черныя онучи и, наконецъ, лапти.

Ѣдятъ черемисы дурную пищу, большею частію салму, яшку, кислое молоко, нѣкоторые овощи, рѣдьку и лукъ. Хлѣбъ лѣтомъ обыкновенно пекутъ въ золѣ. Въ праздники ѣдятъ мясо, ватрушки и т. п. Постовъ луговые черемисы не соблюдаютъ; празднуютъ пятницу и только немногіе — воскресенье. Болѣе сытную пищу составляетъ лошадиное мясо, мясо оленей, бѣлокъ, зайцевъ, разныхъ птицъ, въ томъ числѣ и сорокъ и галокъ. Квасу почти не дѣлаютъ, а если и есть у нѣкоторыхъ, то кислый и жидкій; за то ихъ пиво и медъ очень хмѣльны и имѣютъ даже одуряющія свойства. Избы черемисъ строятся вятскими кукарами и построены плохо; окошки малыя, потолки выстланы кругляками. Полъ обыкновенно бываетъ выстланъ не пиленными досками, а тесанными, которыя при этомъ

не плотно пригнаны, и, въ заключеніе всего, полъ не имѣетъ нижняго наката.

Свадьбы черемисъ по церемоніалу имѣютъ много схожаго съ чувашскими; разница выказывается въ мелкихъ подробностяхъ, которыя существуютъ даже и по мѣстностямъ. За невѣсту платится калымъ отъ 1 — 60 руб. Жениться стараются, лишь только минуютъ законныя лѣта и отбудутъ рекрутства. Самая свадьба, т. е. ея церемоніалъ, также преимущественно заключается въ угощеніи съ тою разницею, что горные больше ѣдятъ, а луговые больше пьютъ; сверхъ того, въ собираніи денегъ то съ жениха, то съ невѣсты, то съ родителей, подъ разными предлогами и даже для доказательства любви. Самый обрядъ у некрещеныхъ заключается въ молитвѣ присутствующихъ, въ перемѣнѣ головнаго убора невѣсты, которая для свадьбы, разумѣется, разодѣта во все лучшее. Этотъ народный костюмъ очень схожъ съ чувашскимъ. Достаточный женихъ также одѣтъ франтомъ, и чаще въ русскомъ костюмѣ — плисовыхъ штанахъ и красной рубахѣ.

Кромѣ пятницы, праздники ихъ слѣдующіе:

Таронъ іолъ — на святкахъ. По вечерамъ въ это время выходятъ на дворъ и хватаютъ впотьмахъ за ноги овецъ для узнанія будущаго: когда попадется голая, значитъ, будетъ счастіе, и наоборотъ. *Сюарня* — масляница. *Конь-кече* настрастной недѣлѣ въ среду. Въ этотъ день не кормятъ скота, чтобы онъ лѣтомъ не ломалъ лѣсъ; взаймы ничего не даютъ; на слѣдующій день, т. е. въ четвергъ, бываютъ большіе поминки усопшихъ (сюртъ — кече); въ семикъ тоже самое. *Агапарэмъ* — (на Пасхѣ) молятся объ урожаѣ хлѣба. *Кишаль* — празднество по окончаніи жатвы.

Обрядъ погребенія заключается преимущественно въ молитвахъ; умершаго кладутъ на лубокъ по татарскому обычаю, даютъ ему денегъ на тотъ свѣтъ на всякій случай, зажигаютъ при этомъ много восковыхъ свѣчъ и зарѣзываютъ курицу. Поминки по усопшемъ сходны съ чувашскими.

Вотяки въ небольшомъ числѣ живутъ въ Мамадышскомъ и

Казанскомъ уѣздахъ. Народъ этотъ въ физическомъ отношеніи принадлежитъ къ слабымъ племенамъ. Вотяки малы ростомъ, сухощавы; черты лица ихъ очень напоминаютъ чухонцевъ. Въ блѣдной и тощей физіономіи вотяка только и замѣчаешь его быстрые маленькіе глаза.

Занятіе ихъ—охота и земледѣліе. При своей отчужденности и племенной замкнутости они еще очень скупы. Скирды хлѣба стоятъ у нихъ иногда до тѣхъ поръ, пока не сгніютъ. У вотяковъ весьма распространено обыкновеніе продавать хлѣбъ въ скирдахъ немолоченый. Обычай этотъ держится, не смотря на запрещеніе правительства. Земледѣліе у вотяковъ стоитъ на низкой ступени. Запашки небольшія. Важнѣйшія причины дурнаго состоянія земледѣлія — множество праздниковъ въ страдное время, обыкновеніе начинать сѣнокосъ только послѣ 20-го іюля, вслѣдствіе чего сталкиваются часто сѣнокосъ съ жатвою, и, наконецъ, малокормный, мелкій и слабый скотъ.

Большею частію вотячка доитъ свою корову разъ въ день; скоповъ молочныхъ, разумѣется, у нихъ нѣтъ, а также выкармливанія скота въ пищу. Вотяки живутъ грязно, въ бѣдныхъ, дымныхъ лачугахъ, едва загороженыхъ, чаще безъ всякихъ надворныхъ строеній. Вотяки отличные охотники и любятъ свой лѣсъ, какъ луговые черемисы; охотятся преимущественно на бѣлокъ съ ружьемъ; волковъ ловятъ капканами, а лисицъ отравою. На медвѣдей ходятъ немногіе. Пища вотяковъ столько же грубая и не питательная какъ и у чувашей; до вина большіе охотники. Изъ овса они гонятъ плохое вино, называемое *кумышкою;* на видъ кумышка не чиста, имѣетъ непріятный запахъ, но ближе обыкновеннаго хлѣбнаго вина къ цѣли, потому что не только опьяняетъ, но и одуряетъ человѣка.

Языкъ вотяцкій схожъ съ черемисскимъ. Какъ чуваши и черемисы различаются по языку, смотря по мѣсту жительства, такъ и у вотяковъ языкъ въ верховьяхъ р. Вятки разнится отъ того, которымъ говорятъ живущіе въ низовыхъ частяхъ этой рѣки.

Религія некрещеныхъ вотяковъ подвергалась различнымъ

вліяніямъ. Древнія вѣрованія сталкивались съ миѳологіею чувашей, черемисъ, съ магометанствомъ, наконецъ съ христіанствомъ; отъ всѣхъ этихъ вліяній, вотяцкая религія, туманная и сбивчивая вначалѣ, кажется, совершенно потемнѣла. Въ основаніи религіи, какъ и всюду, лежитъ дуализмъ — доброе начало и злое. То и другое имѣютъ многочисленныя развѣтвленія. Вотяки вѣрятъ въ будущую жизнь; у нихъ есть рай и адъ съ горящею смолою. Впрочемъ вѣра въ рай не очень крѣпка; они больше просятъ земныхъ благъ, чѣмъ боятся будущихъ мученій. Религіозные обряды и праздники ихъ просты и многочисленны. Молятся въ началѣ полевыхъ работъ, молятся по окончаніи ихъ, празднуютъ Пасху. Вообще, всѣ ихъ пиршества составляютъ родъ богослуженія и связаны съ религіозными понятіями.

Вотяки самый суевѣрный народъ изъ здѣшнихъ инородцевъ; у нихъ вездѣ бѣда: среда и пятница несчастные дни, обѣденное время тоже, отъ цвѣтенія шиповника до Августа — нехорошее время. Перебираясь черезъ воду, вотякъ непрѣменно броситъ горсть травы и скажетъ: «не держи меня». Бракъ очень простъ. Жену покупаютъ; обрядъ вѣнчанія у некрещеныхъ заключается въ томъ, что даютъ женящимся выпить священнаго вина. Вотякъ смотритъ на жену какъ на рабочую силу, потому дорожитъ въ женщинѣ только прилежаніемъ къ работѣ.

Какъ вотяки самый чуждающійся, нелюдимый народъ, такъ мордва, ихъ соплеменники, изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ, самый общительный и наиболѣе слившійся съ русскими. Они охотно ходятъ въ церковь и исполняютъ всѣ ея обряды; слѣды ихъ языческихъ вѣрованій совершенно слабы и выказываются только въ поминкахъ.

Число мордвы въ Казанской губерніи простирается до 164 т., они живутъ въ 3-хъ уѣздахъ: Свіяжскомъ, Татюшскомъ и Чистопольскомъ. Образъ жизни этого племени совершенно русскій; они усердные хлѣбопашцы.

Мордва народъ сильный и красивый; всѣ говорятъ по-русски и даже свой родной языкъ пестрятъ исковерканными рус-

скими словами, а мѣстами и вовсе его забыли. У мордвы, кажется, есть большія врожденныя способности къ изученію языковъ; многіе свободно говорятъ по-татарски и по-чувашски. Одежда мущинъ совершенно русская, а у женщинъ нѣсколько разнится головнымъ уборомъ, который состоитъ изъ повязки, унизанной монетами и бляхами. Дѣвушки заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ и убираютъ ихъ лентами и монетами.

Помѣщаемъ здѣсь молитву мордвина: «Истинный Пасъ (Боже), Высокій Пасъ! Дали намъ хлѣбъ насущный, дай все, что я прошу у Тебя: дай лошадку, чтобы хлѣбъ пахать, аминь. Пасъ, и скотину создай, Господи, такую, какую тебѣ угодно, создай тоже такъ, чтобы могла соху возить, аминь. И создай, Господи, ребенка, чтобы помогалъ мнѣ пахать землю, и поболѣе дѣтей. Что я прошу — создай, Господи, а паче всего хлѣба. Сохрани, Господи, отъ колдуна и клеветника. Аминь.»

Въ пѣсняхъ и сказкахъ мордовскихъ болѣе жизни, чѣмъ у чувашскихъ, болѣе толку, проглядываетъ даже и поэтическій элементъ — идеализированіе женщины; напримѣръ:

«Жилъ былъ собака Демонъ; у него было тридцать друзей— разбойниковъ; вотъ и вздумали они пріѣхать Абыза грабить. Пріѣхали къ воротамъ, а ворота были заперты. Собака разбойникъ — Демонъ съ товарищами къ Абызу на дворъ, а богатый Абызъ съ женою въ банѣ парился. Вышелъ Абызъ изъ бани и пришелъ въ избу; разбойники его встрѣтили и хотѣли сжечь. Абызъ началъ ихъ просить жалобно: — «подождите, братцы, жену мою; она вамъ отдастъ золотую казну». Вошла въ избу Абызова жена, поклонилась на три стороны, на четвертую сама взошла и однимъ словомъ ихъ остановила. Разбойники всѣ стали въ пень, обезумѣли и начали на колѣняхъ просить, чтобы она ихъ выпустила изъ избы; а со двора слѣда не найдутъ. Начали разбойники Абызову жену опять просить, чтобы отпустила ихъ со двора; а изъ деревни слѣда не найдутъ. Тутъ они пали передъ Абызихой ницъ лицомъ и отдали ей все свое добро.»

22. О мочальномъ промыслѣ.

Въ лѣсахъ, покрывающихъ значительное пространство сѣверной Россіи, отъ береговъ Унжи и Ветлуги до Камы, встрѣчается не мало липъ, на истребленіи которыхъ основанъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ русскихъ промысловъ, *промыселъ мочальный*. Онъ состоитъ въ заготовленіи необходимыхъ въ русскомъ быту рогожъ разнаго рода, кулей, луба, мочалъ, лаптей и такъ называемыхъ сторожковыхъ снастей. Мочальнымъ промысломъ занимаются въ слѣдующихъ 8 губерніяхъ: Вятской, Костромской, Казанской, Нижегородской, Вологодской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской.

Лѣтнею порою, по вступленіи сока въ дерево, когда лубъ свободнѣе отъ него отдѣляется, — что бываетъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, села, — деревни и *починки* *) начинаютъ пустѣть: крестьяне идутъ въ мочальники, забирая съ собою женъ своихъ, дѣтей и лошадей. Тогда, въ глуши лѣсовъ, куда только съ трудомъ и изрѣдка можетъ достигнуть наблюдательное око лѣсохранителей, начинается и ревностно производится порубка всѣхъ встрѣчающихся липъ, изъ которыхъ рослыя даютъ лубъ и мочала, а молодыя, равно какъ и вѣтви и верхушки большихъ деревъ—одно только лыко, или немоченную липовую кору.

Рубкою липъ крестьяне занимаются нѣсколько недѣль, перенося въ это время зной, безпокойство отъ комаровъ и мошекъ и вліяніе болотъ, въ которыя они иногда погружаются по самый поясъ; лошади же ихъ нерѣдко погибаютъ при стаскиваніи лубьевъ; но все это естественно и обычно, а потому и не служитъ поводомъ къ жалобамъ и не отвращаетъ отъ производства. Съ каждымъ новымъ годомъ повторяется одно и тоже: тѣ же ожиданія, тѣ же бѣдствія и тѣ же удачи или неудачи.

Со срубленныхъ деревъ снимается кора; снятіе ея однако же не всегда бываетъ равно успѣшно. Для того, чтобы снятіе коры могло легко производиться, нужна теплая погода при дож-

*) *Починки* — селище менѣе 5-ти дворовъ.

дяхъ; ибо — говорятъ промышленники, — тогда кору *вѣтромъ откачиваетъ*, *дождемъ отмачиваетъ*, *тепломъ отпариваетъ*. Когда же дождей нѣтъ и бываетъ стужа, тогда липа соку не даетъ, и кора не отстаетъ отъ дерева, «хоть топоромъ ее руби», какъ выражаются мочальники.

Работа мочальниковъ вообще состоитъ въ слѣдующемъ. Подрубивши липу такъ, чтобы она не совсѣмъ упала, но держалась на комлѣ и уперлась сучьями въ землю, размѣряютъ ее на лубья, смотря по ея толщинѣ и возрасту. Если окружность комля имѣетъ шесть четвертей, то отмѣриваютъ снизу три аршина для сухаго или *крышечнаго* луба, а далѣе—для *мочальныхъ лубьевъ* по шести аршинъ, и таковыхъ съ одного дерева снимаютъ два, три, четыре, иногда и пять лубьевъ, смотря по длинѣ его, не обращая вниманія на толщину въ отрубѣ, хотя бы таковая вышла въ 3 и даже въ 2 вершка. Потомъ, обобравъ крупные сучья и даже вѣтви, складываютъ все въ одну трубу, что называется скалою. Скалы эти крестьяне стаскиваютъ въ ручьи, рѣчки, болота и пруды, заблаговременно приготовленные въ казенныхъ дачахъ. Лубъ, моченый въ проточной водѣ, бываетъ бѣлѣе; при недостаткѣ же въ водѣ, лубья отъ засухи чернѣютъ. Самые пруды крестьяне сохраняютъ и передаютъ какъ бы наслѣдственное имѣніе, стаскивая въ нихъ лубья иногда за 20 и болѣе верстъ.

Въ мочищахъ лубья остаются до заморозовъ, т. е. до конца сентября и до октября мѣсяца: тогда они вынимаются и развѣшиваются на козлахъ, гдѣ и остаются до саннаго пути, во время коего уже отвозятся домой. Тутъ ихъ вѣшаютъ или кладутъ на полъ, въ особой, крѣпко натопленной избѣ, и когда вытечетъ съ нихъ вода, то раздираютъ на тонкія ленты. Чѣмъ болѣе вымочены лубья, тѣмъ лучше и тоньше снимаются мочальныя ленты, и болѣе изъ нихъ выдѣлывается рогожъ.

Для тканья рогожъ имѣется станъ: четырехсторонняя рама, съ обыкновеннымъ, самымъ простымъ бердомъ, чрезъ который оснуются мочальныя ленты. Утокъ же пропускается сквозь него посредствомъ большаго челнока такимъ же образомъ, какъ и

при тканіи холста. Смотря по назначенію своему, рогожи дѣлаются разнаго рода, и въ торговлѣ встрѣчаются подъ разными названіями: есть рогожа *парная*, *рядная* или *цыновка*, *кулевая*, *крыщечная* или *таевка* (вѣроятно отъ таить, скрывать,) *парусовка*, *табачная* и *карточная*, или карташовка. Кромѣ того употребляются еще въ Костромской губерніи и другія названія рогожъ: *полуторная*, *полупарная* и *берестовка*.

Еще въ 1483 г., какъ видно изъ грамоты того времени, лубъ въ Россіи замѣнялъ иногда хартію (пергаментъ) или писчую бумагу; нынѣ же кому не случалось по крайней мѣрѣ слышать о лубочныхъ картинахъ! Но главная въ наши дни польза отъ луба состоитъ въ употребленіи его на крыши разныхъ крестьянскихъ построекъ и на покрытіе низовыхъ судовъ. Сухіе, или крышечные лубья снимаются съ толстомѣрныхъ деревъ, однако же не очень старыхъ, у комля въ 2, $2^1/_2$ и 3 сажени высоты. По снятіи ихъ, они оставляются на мѣстахъ до заморозовъ или до перваго выпавшаго снѣга; тогда же, по очищеніи съ нихъ желѣзными скоблями наружной неровной коры, зажигаютъ стружки и нагрѣваютъ лубъ, при чемъ два человѣка держатъ оный по концамъ. По мѣрѣ того, какъ въ лубѣ оказывается влага или теплота, его поворачиваютъ, и когда онъ выпрямится, т. е. перестанетъ быть кругловатаго или трубочнаго вида, его кладутъ подъ гнетъ и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ не высохнетъ. Длина луба въ торговлѣ бываетъ отъ 9 до 12, а ширина отъ 5 до 8 четвертей. Всѣ лубья таковой ширины идутъ въ продажу вмѣстѣ, безъ разбора, и сотня ихъ, составляя на вѣсъ около 60 пудовъ, продается отъ 9 до 11 руб. 50 коп. сер. Лубъ, который хотя на палецъ уже пяти четвертей, называется *аршинникомъ*, и продается особо. Тотъ-же, который уже аршина, — не сушится, потому что онъ для крышъ уже не годится; онъ идетъ въ мочища и употребляется на мочала, для приготовленія которыхъ лубья мочальные раздѣляются на куски, шириною вершковъ въ 6. *Лубомъ мочальнымъ* называется тотъ, который идетъ въ мочища и, по вынутіи изъ воды, употребляется на мочалу для

плетенія рогожъ. Этого рода лубья обыкновенно на срубленномъ деревѣ отмѣряются длиною въ 6 аршинъ. Съ одного такого луба выдѣлывается по 5 таевокъ или по 6-ти и 7-ми парусовокъ и по 7-ми или 8-ми карташевокъ; кулевыхъ же рогожъ выходитъ вполовину менѣе противъ таевочныхъ, потому что онѣ и больше и плотнѣе.

Смотря по той части дерева, съ которой снимается лубъ, онъ называется *снятымъ съ комелеваго кряжа*, *подкомелевымъ*, *вершиннымъ* или, наконецъ, *снятымъ съ большихъ сучьевъ*. *Сторожковою снастью* называется канатъ, или веревка, плетеная изъ лыка. Для этихъ сторожковыхъ, или судовыхъ снастей вьются въ избахъ веревки, толщиною въ палецъ, изъ коихъ потомъ, на деревянномъ стану, на открытомъ мѣстѣ, посредствомъ простаго колеса, сплетаются канаты какой угодно толщины, точно такъ же, какъ вьются пеньковыя веревки.

Изъ мочальныхъ веревокъ дѣлаются такъ называемые *сѣнные кошели*, на подобіе сѣти съ большими ячеями, для набивки сѣномъ при кормленіи лошадей.

Для *лаптей* лыко покупается ношицами (пучками) разной величины, такъ что иная ношица стоитъ не болѣе гривенника, между тѣмъ какъ большая продается и въ семь разъ дороже. Начинивъ лыко, дѣлаютъ заплетку, потомъ лапоть надѣвается на колодку, оправляется и ковыряется. Онъ оснуется въ однорядку. Женскій лапоть отъ мужскаго отличается только тѣмъ, что онъ дѣлается поменьше. Работа цѣнится въ столько же, сколько стоитъ лыко, и посредственный мастеръ можетъ изготовлять въ день пять паръ. Малыхъ дѣтскихъ лаптей десятокъ купишь и за гривенникъ, между тѣмъ какъ десятокъ большихъ, смотря по отдѣлкѣ, можетъ стоитъ до 2 р. 50 к. ассиг. (бол. 70 к. сер.) Оптовая и исключительная торговля лаптями вообще, сколь мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ. На Нижегородскую ярмарку лапти привозятся не цѣлыми судами, но какъ придаточная кладь, по одной или по нѣскольку тысячѣ при другомѣ товарѣ. Тутъ они покупаются по 6 р. и 7 р. асс. (по 2 р. сер.) сотня, а продается врозь пара по 8 к. асс. Въ иное

время требуется въ недѣлю до 3-хъ паръ порядочныхъ лаптей, которые портятся наиболѣе, когда бываетъ *топталица*, т. е. когда послѣ оттепели слышится подъ ногами шорохъ. Въ Кинешмскомъ уѣздѣ Костромской губерніи есть казенное село Семеновское, которое, съ окружающими его деревнями, занимается преимущественно выдѣлкою лаптей. Лапти эти во множествѣ вывозятся на тамошніе базары, почему и самое это село въ народѣ извѣстно подъ названіемъ *лапотнаго*. Увѣряютъ, что какъ здѣсь, такъ и въ помѣщичьемъ селеніи Малвитинѣ, на каждый зимній базаръ доставляется до 100,000 паръ лаптей; тѣ, которые продаются въ Молвитинѣ, по выдѣлкѣ своей считаются лучшими.

Лапти въ Россіи чисто національная обувь, и уже въ X вѣкѣ русскіе лѣтописи упоминаютъ о *лапотникахъ* по случаю того, что болгары носили сапоги *). Не безъ основанія, конечно, лапоть, плетеный изъ липоваго лыка, признается самою удобною обувью: они ложатся по ногѣ и не жмутъ ея; намокнувъ же, скоро просыхаютъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ липы, и гдѣ крестьяне не знаютъ или не хотятъ знать веревочной и соломеной обуви, они принуждены бываютъ прибѣгать къ корѣ другихъ деревъ, именно къ березовой скалѣ и берестѣ и къ лыкамъ, снимаемымъ съ лозы и съ бредины. Но лапти, дѣланные изъ бересты, хотя довольно носки — жмутъ ногу, и, особенно намокнувъ, дѣлаются жесткими; плетеные же изъ лозы и бредины, имѣя болѣе гибкости, плотнѣе ложатся на ногѣ. Однакожъ первые, побывавъ въ водѣ, чернѣютъ, а послѣдніе отъ сырости краснѣютъ.

Лѣсъ ободранныхъ липъ также употребляется въ дѣло. Въ немаломъ количествѣ изъ липоваго дерева выдѣлываются дощечки для иконнаго писанія, которыя съ Ветлуги отвозятся въ

---

*) Добрыня, дядя Владиміра, увидѣвъ въ 985 г. на плѣнныхъ болгарахъ сапоги, сказалъ: «иже суть всѣ въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ». Лаврентіевскаго списка Несторова лѣтопись, изд. Тимковскаго М. 1824 г. ст. 52.

Вязниковскій уѣздъ Владимірской губерніи, и тамъ продаются по находящимся при р. Тезѣ селеніямъ, обитаемымъ иконописцами. Такъ напр. въ одно село Холуйскую Слободу, ихъ доставляется каждую зиму до 1,200 возовъ, въ село Мстеру около 300 возовъ, и т. д. Весь этотъ на образа идущій липовый лѣсъ можетъ быть оцѣненъ въ годъ примѣрно въ 300,000 р. ассиг., ибо возъ липовыхъ дощечекъ въ 18 и 20 пуд. продается рублей по 30.

Другое примѣчательное издѣліе, о коемъ тутъ можно упомянуть, суть липовые складные черемисскіе стулья, которые дѣлаются въ Царевококшайскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, и продаются на Нижегородской ярмаркѣ рублей по 35 асс. (10 р. сер.) сотня. Теперь ихъ въ Нижній стали привозить менѣе, такъ что въ 1840 г. этихъ черемисскихъ стульевъ только человѣкъ у трехъ было по тысячѣ; прежде требованія на оные и доставка была значительнѣе. Въ Казани, куда эти стулья привозятся верстъ за 80, они покупаются по 25 и даже по 23 к. асс. штука; продаются тамъ они десятками, а на возъ кладется отъ 25 до 40 штукъ.

Липовое же дерево идетъ на иконостасы и для рѣзной работы, въ особенности на тѣ дощечки, которыя употребляются въ ситцевыхъ фабрикахъ для набивки красокъ на миткали, также на разную мебель и домашнюю утварь, какъ-то: на кадки, корыта, складни *), липовыя сковороды и разную другую посуду, и, наконецъ, на жженіе золы.

Лѣсныя узаконенія нынѣ стараются ограничить непомѣрное истребленіе липовыхъ деревъ, и слѣды сего ограниченія уже замѣчаются въ торговлѣ; но совершенное, хотя и временное воспрещеніе мочальнаго промысла, даже въ случаѣ возможности, было бы совершенно неумѣстно. Дерево, достигнувъ опредѣленнаго возраста, истлѣваетъ, и то, чѣмъ не пользуется человѣкъ, гибнетъ по законамъ природы. Къ тому же какое стѣс-

---

*) Такъ называются складывающіяся вмѣстѣ двѣ чаши.

неніе произошло бы въ быту русскаго селянина и торговца, когда бы онъ долженъ былъ вдругъ отказаться отъ мочальныхъ издѣлій, состоящихъ въ столь тѣсной связи съ первыми потребностями его жизни. Крышу свою онъ кроетъ лубомъ, ходитъ онъ въ лаптяхъ, плетенныхъ изъ лыкъ, третъ себя въ банѣ мочалкой, стелетъ подъ себя рогожу, ссыпаетъ хлѣбъ онъ въ кули, просыпаетъ муку сквозь рѣшето лыковое.... Однако же какъ ни велики потребности, удовлетворяемыя мочальнымъ промысломъ, безотчетное истребленіе липы не можетъ быть терпимо; а потому желательно было бы поощреніе выдѣлки такихъ предметовъ, которые могутъ замѣнить издѣлія мочальныя. Такъ напр. полезно бы было споспѣшествовать:

a) введенію новаго рода крышъ, для уменьшенія потребности въ лубѣ;

b) распространенію веревочной и всякой другой обуви вмѣсто лыковой;

c) умноженію льняныхъ, пеньковыхъ и другихъ посѣвовъ волокнистыхъ растеній и выдѣлкѣ грубыхъ, шерстяныхъ тканей, могущихъ служить для паковки товара и подъ насыпку хлѣбовъ, въ замѣнъ рогожъ и кулей и т. п.

23. Лубочныя картины.

Вообще, подъ названіемъ лубочныхъ картинъ разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры, но и лицевыя тетрадки; текстъ въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умѣ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощенаго художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ слывутъ лубочными, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (металлографія), и теперь рисуются на камняхъ (литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на это отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, снятая съ липы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзьбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у грековъ *βίβλος*, у римлянъ liber собственно значило лубъ; потому что въ частномъ употребленіи для письма болѣе служили дощечки изъ бѣлыхъ деревъ. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамента, бомбицыны и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ намъ, что въ обители препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаменѣ, но на берестахъ.

Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ псковской правой граматы 1483 года обнаруживается, что на лубѣ чертили планы землямъ. «И княжій бояринъ Михайло, да Климента соцкой тое воды досмотрѣли, да на лубъ выписали и передъ осподою положили, да и велись бы по *лубу*», т. е. межевались бы по лубочному плану. Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: «въ 1577 году государскіе *лубы* изъ покореннаго Новгорода отвезены были къ царю въ Москву,» Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 г., лубъ замѣнялъ бумагу; ибо пасквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на лубкѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать эстампы. Но слово это принято въ употребленіе не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзьбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей мягкаго, бѣлаго и неструистаго, называются также лубами, какъ и самая липа въ Рязанской губерніи донынѣ слыветъ лубомъ. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались обронно разныя картинки сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній образчикъ этой ксилографіи, хранившійся у президента спб. Академіи Художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ академикомъ Ѳ. Г.

Солнцевымъ: это отломокъ отъ дуба, толщиною $1/4$ аршина; на немъ обронно вырѣзано изображеніе какого-то князя, вѣроятно, святаго, котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, повидимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ изображеніями, находились въ московскомъ древлехранилищѣ Погодина. Образное письмо предшествовало буквенному.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ въ западной Европѣ библія для бѣдныхъ (biblia pauperum, bible des pauvres) съ эстампами грубой работы. Подражали этому и у насъ въ Россіи. Хотя впослѣдствіи ксилографія уступила мѣсто металлографіи и литографіи, деревянныя доски замѣнились металлическими и камнями, но названіе лубочныхъ усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинамъ того же пошиба, между тѣмъ — какъ оно собственно принадлежитъ только эстампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Этому соотвѣтствовало между прочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи, и выставлялись при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говоритъ, будто лубочныя картинки, или такъ называемые листы, одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ, и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставлялись на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щепетильныя лавочки. Заподлинно неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло *на листахъ*, какъ видно изъ подписи священника этой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи. Прихожане сего храма старожилы помнятъ еще такую выставку до построенія каменной ограды; по ихъ свидѣтельсву, первая прекратилась не ранѣе 1805 или 1806 г. Какъ бы то ни было, но подобныя обстоятельства, взятыя въ совокупности, легко

могли дать поводъ къ названію простонародныхъ картинокъ лубочными, такъ что и другіе эстампы плохой работы обыкновенно слывутъ лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ суздальскихъ, не по производству ихъ въ Суздалѣ, но по разнощикамъ ихъ суздальцамъ, и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ панковъ, а въ Осташковѣ—богатырей, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героевъ и знаменитыхъ особъ.

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ называемой черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало разъединялись нравами и обычаями, когда завѣтныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣ же у крестьянина, купца и боярина. Въ это время такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты и въ боярскія хоромы, и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безмысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Не думайте впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ русскихъ путешественниковъ, видѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими московскаго издѣлія. «И тѣ и другія,—говоритъ онъ,—рѣшительно въ одномъ стилѣ; но во французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому что онѣ, дѣйствительно, лучше французскихъ.»

24. Промышленная выставка въ Костромѣ.

Самыя наглядныя понятія о производительности извѣстнаго края даетъ намъ выставка. Обходя и осматривая различные предметы выставки, мы можемъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ

осмотрѣть и познакомиться со всѣми произведеніями промышлености цѣлой страны. Подобная выставка была устроена въ Костромѣ лѣтомъ 1863 года, во время пребыванія въ этомъ городѣ покойнаго Государя Наслѣдника. Выставка помѣщалась въ зданіи губернской гимназіи, и поражала присутствующихъ своимъ разнообразіемъ и въ высшей степени систематическимъ распредѣленіемъ предметовъ, и наконецъ, представленными каждымъ производителемъ дѣльными записками, въ которыхъ излагалось современное состояніе и условія каждаго производства Костромской губерніи и состояніе заведенія, представившаго свои издѣлія.

Обзоръ выставки начался съ предметовъ сельскаго хозяйства и крестьянской промышлености, расположенныхъ въ большой комнатѣ, по правую руку отъ параднаго входа. Здѣсь выставлены были всѣ главнѣйшія земледѣльческія орудія, употребляемыя въ Костромской губерніи, какъ самыя простыя, такъ и улучшенныя, — образцы главнѣйшихъ продуктовъ костромскаго земледѣлія. Здѣсь же г. Лугининъ, ветлужскій предводитель дворянства, объяснилъ весь процессъ лыковаго и мочальнаго производства, начиная отъ срубленной липки до изящной цыновки, употребляющейся на покрышку нашихъ зимнихъ дорожныхъ возковъ и кибитокъ. Эта отрасль промышлености принадлежитъ почти исключительно Ветлужскому уѣзду, доставляющему рогожи, цыновки и лубочные короба чуть не на всю Россію и отправляющему эти издѣлія на громадныя суммы за границу, преимущественно черезъ Архангельскъ. Но въ настоящее время лыковое и мочальное производство далеко уже не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло прежде и еще въ 30-хъ годахъ. Главная причина уменьшенія промысла — это, конечно, оскудѣніе лѣсовъ противъ прежняго. Еще лѣтъ 30 тому назадъ берега Ветлуги и Унжи были покрыты дремучими, непроходимыми лѣсами; но теперь и отъ вырубки, и отъ лѣсныхъ пожаровъ, лѣса рѣдѣютъ; приходится лѣсъ вывозить 25 верстъ и далѣе, а для рогожнаго промысла ѣхать даже верстъ за сто.

Прекрасныя войлочныя издѣлія мы имѣли случай видѣть и въ

Ярославлѣ, но здѣшнія издѣлія показались намъ лучшаго качества. Кромѣ войлочныхъ пальто и сапогъ были еще сапоги съ брюками изъ цѣльнаго войлока, вещь въ высшей степени полезная зимой и получившая, говорятъ, давно уже право гражданства въ здѣшнемъ обиходѣ. Промышленность эту вызвало къ жизни и содѣйствовало ея развитію удѣльное начальство.

Но одинъ столъ, покрытый блестящими бронзовыми и серебряными бездѣлушками, свѣтящимися камнями самоцвѣтными, обращалъ на себя особенное вниманіе. Это были сидоровскія и красносельскія издѣлія, извѣстныя всей Россіи и расходящіяся по всѣмъ ея уголкамъ, благодаря ловкимъ и тароватымъ прасоламъ, переходящія даже западную нашу границу въ Галицію, гдѣ они очень хорошо извѣстны тамошнимъ русскимъ крестьянкамъ, которыя познакомились съ ними черезъ евреевъ.

Издѣлія эти—настоящее искушеніе для крестьянокъ по всей Великой, Малой и Бѣлой Руси, и это очень хорошо знаютъ прасолы, разъѣзжающіе по селамъ, деревнямъ и хуторамъ для закупки по мелочамъ прасольскаго товара. Да, и какъ устоять противъ такого искушенія, когда какая-нибудь серьга полька, или кольцо змѣйки продается по 4 к. сер. за штуку? Ловкій прасолъ искуситель—вертитъ у ней передъ глазами серьгу съ цвѣтнымъ камешкомъ или колечко съ бирюзой, и вотъ переходитъ къ нему собранная въ теченіе года щетина или перо птичье, или тряпье. Ничего, повидимому, это не стоитъ, а въ массахъ представляетъ громадныя суммы. Издѣлій Сидоровскихъ и Красносельскихъ продается и расходится въ годъ на сумму 300,000 руб. Столъ, на которомъ были разложены образцы ихъ, поражалъ своею пестротой и разнообразіемъ. Тутъ были кольца по 20 к. асс. за сотню, серьги по 3 коп. за десятокъ, были серьги съ поддѣльнымъ бирюзовымъ камешкомъ по 4 коп. за штуку, серьги змѣйками по 10 коп. и т. д.

Весьма красивы были еще деревянныя чашки крестьянскаго издѣлія, расписанныя самыми разнообразными узорами, которыя отправляются въ довольно значительномъ количествѣ за границу. Онѣ тамъ въ большомъ употребленіи. Въ нихъ насыпаютъ для

продажи чай и кофе, и онѣ слывутъ тамъ подъ именемъ китайскихъ и японскихъ.

Но оставимъ крестьянскія издѣлія и перейдемъ къ произведеніямъ заводской и мануфактурной промышлености.

Въ числѣ продуктовъ заводской промышлености Костромской губерніи, особеннаго вниманія заслуживали произведенія химическаго томскаго завода г. Шипова. Эта отрасль нашей народной промышлености такъ важна, такая предстоитъ ей еще громадная будущность и такое обширное поле дѣйствій, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подолѣе, дабы показать нашимъ читателямъ, съ какими затрудненіями и препятствіями приходится бороться русскому заводчику на каждомъ шагу и при каждомъ его начинаніи; но вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какія еще богатства нетронутыя, не изслѣдованныя, кроются въ нѣдрахъ нашей дорогой родины, какъ они ждутъ опытныхъ рукъ, капиталовъ и извѣстной доли вниманія, чтобы привести въ движеніе весь этотъ бездѣйствующій избытокъ нашихъ производительныхъ силъ, и тѣмъ создать новые источники нашего народнаго богатства.

Томскій химическій заводъ А. П. Шипова извѣстенъ качествомъ своихъ продуктовъ, которые высоко цѣнятся нашими фабрикантами. Въ имѣніи, гдѣ въ настоящее время находится томскій химическій заводъ, много лѣсовъ, удаленныхъ отъ Волги, и вслѣдствіе этого малоцѣнныхъ по затруднительности сбыта. Владѣльцу пришла въ голову мысль обратиться къ обработкѣ лѣснаго матеріала и такихъ цѣнныхъ изъ него продуктовъ, которые до того времени получались въ значительномъ количествѣ изъ-за границы.

Первымъ дѣломъ было устройство сухой перегонки дерева въ большихъ размѣрахъ съ 20 желѣзными коробами, вмѣщающими каждый по 350 куб. фут. дровъ, для полученія пригорѣлой уксусной кислоты и добыванія сахара-сатурна, употребленіе котораго весьма распространено при окраскѣ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій. Къ этому же времени относится еще постройка свинцовыхъ камеръ, для добыванія и

концентрированія сѣрной кислоты, какъ необходимаго дѣятеля при производствѣ сахара-сатурна. Возникли большія мастерскія и сушильни, устроено водяное колесо въ 15 силъ, какъ двигатель разныхъ приводовъ для размельченія марены и для другихъ производствъ. Но не прошло года, и заводъ подвергся опасности прекратить свои дѣйствія. Открывшаяся въ 1853 году война задержала и почти, можно сказать, прекратила подвозъ сѣры—главнѣйшаго матеріяла для производства сѣрной кислоты. Нужно было употребить всѣ старанія, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, и владѣлецъ завода вмѣстѣ съ своимъ директоромъ успѣли выйдти побѣдителями. Имъ принадлежитъ честь первой попытки, добывать въ Россіи сѣрную кислоту изъ отечественнаго матеріяла. И извѣстно, что въ Англіи, не смотря на дешевизну сѣры, добываютъ сѣрную кислоту изъ мѣдныхъ и желѣзныхъ колчедановъ, и вотъ они приступили къ поискамъ для открытія залежей колчедановъ. Пришлось учить и пріохочивать окрестныхъ крестьянъ искать и доставлять колчеданъ на заводъ, пришлось опредѣлять самый выгодный и практическій способъ полученія изъ него сѣрной кислоты, приспособить для этого печи, передѣлать свинцовыя камеры.

Въ концѣ лѣта 1853 года начались поиски, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Залежи были открыты и въ окрестностяхъ завода, и въ разныхъ мѣстахъ Костромской губерніи, по берегамъ рѣкъ: Волги, Меры, Унжи, Неи, Немды и другихъ, такъ что въ 1854 году началось производство сѣрной кислоты изъ колчедановъ, и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Примѣру томскаго завода послѣдовали и другіе, и залежи колчедана открыты и разработываются уже въ губерніяхъ: Ярославской, Казанской, Нижегородской, Новгородской и Калужской. Такимъ путемъ получилъ значеніе и сталъ цѣнностію матеріялъ, о которомъ прежде здѣсь не знали, и въ которомъ не подозрѣвали полезности. Чтобы судить о значеніи этого матеріяла въ дѣлѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, достаточно указать, что одинъ томскій заводъ употребляетъ его болѣе 40,000 пудовъ. Эти условія доставили нашему народному хозяйству пользу тѣмъ, что под-

держали фабрикацію сѣрной кислоты, понизили цѣны на нее болѣе чѣмъ на 2 руб. съ пуда, и доставили окрестнымъ крестьянамъ нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ заработковъ. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія этого прекраснаго заведенія. На выставкѣ были образцы гарансина, краппа, бѣлаго сатурна, купороса, шиповской соли и квасцовъ.

Въ этомъ же отдѣленіи выставки находились и образцы смолистаго сланца, находящагося въ Костромской губерніи, по Волгѣ, въ огромномъ количествѣ. Продуктъ этотъ весьма важенъ. Изъ него можно добывать газъ для освѣщенія, парафинъ, и наконецъ, весьма цѣнный продуктъ анилинъ. Но это все еще, покуда, въ будущемъ; теперь же при всеобщемъ застоѣ въ торговлѣ и фабричной промышлености, трудно рѣшаться на затрату капиталовъ и при томъ весьма значительную. Дай Богъ, чтобы настала минута благопріятная, когда богатства, кроющіяся въ нѣдрахъ нашего дорогаго отечества, выйдутъ на свѣтъ, и когда капиталы наши безъ боязни станутъ пускаться на ихъ разработку.

Въ числѣ произведеній мануфактурной и заводской промышлености, нельзя было не обратить вниманія на издѣлія механическаго заведенія полковника Шипова. Выставлено было нѣсколько паровыхъ машинъ и пожарныхъ трубъ прекрасной отдѣлки.

Большая комната, непосредственно слѣдующая за той, гдѣ находились машины, занята была произведеніями хлопчато–бумажной, льняной, кожевенной и нѣсколькими образцами костромской ремесленной промышлености. Здѣсь были прекрасные образцы китаекъ, бязи широкой и узкой и дабы. Все это производится, главнѣйшимъ образомъ, въ Кинешмскомъ уѣздѣ, гдѣ хлопчато-бумажная промышленость начала быстро развиваться съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, послѣ упадка полотнянаго производства, преимущественно около села Вичуги и по окрестнымъ деревнямъ. До сихъ поръ еще существуютъ старинныя фирмы Миндовскихъ, Коноваловыхъ, Разореновыхъ, положившихъ начало этой промышлености въ Вичугѣ. Фирма Миндов-

скихъ можетъ считаться родоначальницей хлопчато-бумажнаго производства въ Костромской губерніи. Подобно большей части основателей здѣшнихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, Иванъ Ивановъ Миндовскій былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Первоначально занимался онъ выдѣлкой суровой китайки до 1824 года. Вышедши въ этомъ году на волю, онъ записался въ 3 гильдію, расширилъ производство, и къ китаечному присовокупилъ еще выработку миткалей, нанки и канифасовъ. Съ 1835 года, когда требованіе на китайку стало уменьшаться, фабрика Миндовскихъ стала работать дабу разныхъ цвѣтовъ и суровую бязь разной ширины, отъ 8 до 14, 18 и 22 вершковъ. Главный сбытъ дабы и бязи на Ирбитской ярмаркѣ, откуда она идетъ въ Сибирь, Киргизскую степь, на линію и на Кавказъ. Фабриканты объяснили Цесаревичу ходъ своей торговли, настоящее положеніе ихъ дѣлъ, опасную конкурренцію на Кавказѣ и въ прикаспійскихъ мѣстностяхъ вообще, со стороны англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили весьма интересное и утѣшительное свѣдѣніе, что со времени замиренія Чечни и Дагестана сбытъ туда издѣлій значительно усилился.

Относительно размѣровъ хлопчато-бумажной промышлености Костромской губерніи, имѣемъ мы свѣдѣнія чрезвычайно различныя. Оффиціальная цыфра гласитъ $2^1/_2$ милл., по другимъ же свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ словъ людей, достаточно, кажется, знакомыхъ съ дѣломъ, сумма всего производства заходитъ далеко за 5 милл. Разницу эту можно объяснить тѣмъ, что первая цыфра относится, можетъ быть, только къ фабричному производству, вторая же обнимаетъ собой и фабричное и крестьянское. Послѣднее также здѣсь весьма значительно. Но какъ бы то ни было, а принявъ въ соображеніе, что десятки тысячъ народа кормятся здѣсь хлопчато-бумажною промышленостью, что въ связи съ нею находится благосостояніе другихъ отраслей промышлености и многихъ крестьянскихъ промысловъ, конечно, призадумаешься надъ дорогой цѣной хлопка, и невольно мысленно перенесешься въ страны, откуда намъ и можно и должно и легко получать хлопокъ, — была бы добрая

воля и поболѣе энергіи и заботливости у всѣхъ насъ о развитіи нашей отечественной промышлености.

Образцы льняной пряжи, полотенъ, коломенокъ и камчатнаго товара были представлены извѣстными по цѣлой Россіи фабриками Зотова, Брюханова, Дьяконова и Менгденъ. Изяществомъ рисунковъ и превосходнымъ качествомъ обратили на себя вниманіе скатерти и салфетки послѣдней фабрики, находящейся въ Кинешмскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Никольскомъ. Фабрика эта существуетъ уже около 60 лѣтъ. Работала она первоначально только дюжинныя салфетки съ переборами, безъ машинъ, изъ домашней пряжи и болѣе для собственнаго употребленія. Остававшійся товаръ продавался затѣмъ безъ всякой отдѣлки гуртомъ въ Москвѣ. Съ 1827 года, фабричное производство было по разнымъ обстоятельствамъ остановлено и возобновлено только въ 1830 году. Высокій сортъ пряжи, тщательный выборъ узоровъ, бдительное наблюденіе за производствомъ работъ и строгая отчетливость въ окончательной отдѣлкѣ товара обратили вниманіе иностранцевъ на издѣлія Менгденской фабрики, и въ 1832 году заключено было съ голландскимъ купеческимъ домомъ Смитъ–Энгбертъ и Комп. условіе доставлять ему товаръ, что продолжается и до сихъ поръ. Любопытно было бы знать, всегда ли этотъ товаръ продается иностранцами за товаръ русскаго издѣлія. Въ 1834 году открыто складочное депо въ Ригѣ, существующее до сихъ поръ, гдѣ издѣлія фабрики пользуются постоянно хорошимъ сбытомъ, не смотря на большой привозъ заграничнаго товара. Фабрика постоянно имѣла станы съ деревянными и чугунными машинами Жакарда. Ткачи были прежде крѣпостные дворовые люди владѣльца, и ни одинъ изъ нихъ не былъ отдаваемъ въ ученье. Не было ни одного посторонняго мастера, ни изъ русскихъ, ни изъ иностранцевъ; но не смотря на то, ткачи менгденскіе отличались своимъ искусствомъ, и одинъ изъ нихъ получилъ въ 1853 году на московской мануфактурной выставкѣ похвальный листъ. Фабрика употребляла прежде для тканья льняную пряжу, ручную пряжу, покупаемую въ Кинешмѣ, и машинную русскую и заграничную;

въ настоящее же время работаетъ только изъ русской машинной пряжи. Бѣленіе издѣлій производится выщелачиваніемъ простою золой и на солнцѣ, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ, ускоряющихъ процессъ бѣлѣнія. Впрочемъ, фабрика работаетъ теперь далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ прежде, не болѣе какъ на 10 станахъ. Невзгоды, постигшія все вообще наше льняное производство, отразились и на этой отрасли льняной промышлености.

Кожевенное дѣло имѣло также нѣсколько замѣчательныхъ представителей. Были образцы прекрасной юфти сапожнаго товара, галицкой замши.

25. Село Холуй.

Село, или слобода Холуй, находится въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ 30 верстахъ отъ Вязниковъ, въ 42-хъ отъ Шуи, съ населеніемъ въ 1,000 душъ. Жители этого селенія имѣютъ отличительный характеръ быта отъ другихъ сельскихъ крестьянъ, и по жизни и по занятіямъ они чужды тѣхъ трудовъ и заботъ, съ которыми соединена жизнь русскаго крестьянина .. Оброковъ не платятъ, хлѣбопашества не имѣютъ; слѣдовательно, съ плугомъ и сохою вовсе не знакомы; рѣдкій найдется, кто бы умѣлъ запречь лошадь или вспахать землю, посѣять и собрать хлѣбъ. Сборъ съ лавокъ *) и площади во время ярмарокъ обезпечиваетъ ихъ отъ всякаго рода повинностей; занятіе домовъ подъ квартиры пріѣзжающими на ярмарки тоже даетъ имъ значительные доходы (полагаютъ до 6 т. р.); но *главная* ихъ промышленость есть *иконопись*. Съ малыхъ лѣтъ до глубокой старости, житель Холуя

*) Въ гостиномъ дворѣ считается болѣе 400 лавокъ; но доходомъ съ лавокъ казенные крестьяне не пользуются, потому что гостиный дворъ находится на помѣщичьей землѣ. Доходу съ ярмарокъ собираютъ до 10 т. руб. сер.

не разстается съ кистью, имѣя оную постоянно въ рукахъ. Управляя ею машинально, безъ призванія и одушевленія, онъ становится жалкимъ труженникомъ рода человѣческаго. Прямо можно сказать, что холуйская иконопись состоитъ изъ самаго низкаго и грубаго мастерства *), и заведеніе школъ для живописи въ такомъ мѣстѣ, какъ Холуйская слобода, необходимо въ настоящее время. Иконопись въ Холуѣ доведена до неимовѣрной скорости: нѣкоторые мастера написываютъ иконъ, мѣрою въ 8 вершковъ, *долично*, т. е. одно платье, по 600 иконъ въ недѣлю, — другой мастеръ тоже написываетъ въ недѣлю 600 лицъ. Пишутся они на доскахъ изъ липы, сосны, ели, ольхи и осины. Краски разводятся на яичномъ бѣлкѣ, и все написанное тотчасъ покрывается олифой, и икона готова. И что, вы думаете, стоитъ сотня такихъ иконъ? Два рубля серебромъ; за то уже не спрашивайте правильности въ письмѣ, прочности въ краскахъ: дешевизна цѣны васъ обезоруживаетъ. А какое огромное количество въ Холуѣ напишется иконъ, это достойно удивленія: отъ *полутора до двухъ милліоновъ* въ годъ. Вы спрашиваете, куда же сбывается вся эта масса?... а *офени* или ходебщики? Они то каждую ярмарку пріѣзжаютъ въ Холуй, нагружаютъ иконами десятки, сотни возовъ, и развозятъ по всѣмъ мѣстамъ обширной Россіи. Есть заводчики, которые по подрядамъ доставляютъ значительное количество иконъ въ монастыри; работа для монастырей производится не такъ, какъ для офеней, гораздо тщательнѣе и правильнѣе, и цѣна иконамъ гораздо выше. Зимою, послѣ Рождества, особенно въ великій постъ, привозится въ Холуй изъ–за Волги крестьянами каждую недѣлю на базаръ отъ 40 до 200 возовъ дски (т. е.

---

*) Въ селѣ Палехѣ, отстоящемъ отъ Холуя въ 30 верстахъ, иконопись находится въ лучшемъ состояніи. Жители Палеха, имѣя дѣла съ Москвой и Петербургомъ, доставляютъ туда иконы по большей части письма греческаго и производятъ торговлю въ обѣихъ столицахъ. Въ послѣднее время они довели мастерство свое до совершенства, работая на маслѣ со всею тщательностію, и особенно въ миньятюрномъ видѣ, гдѣ правильность и отчетливость изумительны.

досокъ, на которыхъ пишутся иконы — липовыхъ, ольховыхъ, осиновыхъ, еловыхъ и очень мало кипарисовыхъ). И каждый крестьянинъ почитаетъ за необходимое правило съ своего воза приложить одну доску въ церковь: такихъ прикладовъ накапливается въ годъ болѣе *трехъ* тысячъ штукъ.

Въ Холуѣ пять ярмарокъ: четыре публикованныхъ: Тихвинская 26 іюня, Фроловская 18 августа, Введенская 21 ноября и Никольская 6 Декабря, — пятая не публикованная, которая бываетъ передъ масляницей въ суботу. Ярмарки въ селѣ Холуѣ начали существовать ранѣе 1800 г., но публикованными стали только съ 1837 года. Главная изъ нихъ Тихвинская, на которую привозится значительное количество товаровъ, московскихъ, шуйскихъ и ивановскихъ фабрикантовъ и торговцевъ, потому собственно, что оставшійся товаръ послѣ ярмарки весь отправляется прямо уже на Нижегородскую ярмарку водою съ холуйской пристани. Зимнія ярмарки, Введенская и Никольская, тоже бываютъ довольно значительны. На холуйскихъ ярмаркахъ хорошо торгуютъ книгами и картинами; въ 1853 году лавокъ книжныхъ было 6, товару привезено на 30 т. р. сер., продано на 25 т. Эта торговля здѣсь замѣчательна какъ по количеству, такъ и по качеству книгъ: покупатель офеня, иногда безграмотный, не требуетъ самъ, какихъ именно ему надобно книгъ, а беретъ тѣ, какія ему предлагаетъ книжный торговецъ, и тутъ-то отпускаются во всѣ концы Россіи тысячи экземпляровъ самой изящной литературы, какъ-то: Битва Русскихъ съ Кабардинцами, Приключенія Милорда Георга, Могила Маріи, и проч. Но самый замѣчательный изъ товаровъ по количеству — деревянная посуда.

Холуй есть едва ли не единственное мѣсто въ Россіи, куда привозится такое огромное количество деревянной посуды, начиная съ огромныхъ чашъ, въ которыхъ человѣкъ легко и безопасно можетъ держаться на водѣ, до милліоновъ ложекъ и веретенъ. Посуда эта: чашки, скрыни, ставцы, блюда, тарелки и ложки, дѣлается за Волгой, и оттуда Бѣлою привозится въ село Пурехъ и лежащія близъ онаго деревни, кра-

сится и олифится (т. е. наводится лакомъ), и отдѣланная вывозится на ярмарки въ Холуй. Покупается она здѣсь тоже офенями; торговецъ-офеня иногда одинъ покупаетъ до 20 возовъ и болѣе, и отправляетъ ее для продажи болѣе въ южныя и западныя губерніи и къ Петербургу. Холуйскія ярмарки, говоритъ г. Несытовъ, особенно важны и даже необходимы для сбыта ситцевыхъ товаровъ; потому что большая часть офеней, или ходебщиковъ, съѣзжаются на эти ярмарки, и составляютъ главныхъ покупателей. Десять лѣтъ (писано 1851 г.) тому назадъ, значительность этихъ ярмарокъ была такъ велика, что фабриканты большую часть своихъ товаровъ сбывали за наличныя деньги; а если и имѣли и кредитную продажу, то срокъ ея ограничивался мѣсяцами тремя. Въ послѣднее время кредитная торговля достигла значительной степени, которую можно опредѣлить платежемъ 8 — 18 мѣсячнымъ.

26 Село Богородское.

Село Богородское находится верстахъ въ 40 отъ Нижняго Новгорода въ Горбатовскомъ уѣздѣ, на самой большой дорогѣ. Въ этомъ прекрасно устроенномъ селѣ 4 каменныя церкви, 800 домовъ, въ томъ числѣ 6 каменныхъ, и больше шести тысячъ жителей.

Богородское расположено на совершенно ровномъ мѣстѣ при нѣсколькихъ прудахъ; дома въ немъ большіе, помѣстительные. Здѣсь бываютъ еженедѣльные базары по субботамъ и ярмарка 8 сентября, на которую привозится на 5,000, а продается на 3,000 р. сер. Торговыхъ лавокъ 18.

Это село было дано въ помѣстье Козьмѣ Минину «за московское очищенье», 20 января 1615 года. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Козьму и сына его Нефедья тѣмъ помѣстьемъ въ вотчину — «за его, Козьмину,— какъ сказано въ грамотѣ, — многую службу.»

Стряпчій Неѳедъ Козьминъ Мининъ умеръ бездѣтнымъ, вы-

морочную вотчину взяли на государя, потомъ она пожалована была князю Якову Куденетовичу Черкасскому. Отъ князей Черкасскихъ по наслѣдству перешло оно въ родъ Шереметьевыхъ. Въ 1861 г. крестьяне этого села, конечно, вышли изъ крѣпостной зависимости.

Земля около села очень хороша, но лѣсу совсѣмъ нѣтъ. Онъ вырубленъ въ прошломъ столѣтіи; теперь мѣстами попадается молодой березнякъ и осинникъ, годный лишь на дрова. Земля обработывается крестьянами сосѣднихъ деревень. Жители села Богородскаго всѣ заняты кожевенною промышленостію.

Здѣсь изстари выдѣлываютъ кожи. Въ настоящее время здѣсь находится 120 кожевенныхъ заведеній, въ томъ числѣ 3 каменныхъ. Лучшіе изъ нихъ; Ст. Пчелина, Анд. Маркова, Алек. Александрова, Ал. Жирнова, Ѳед. Маркова и Петра Кубышкина. На этихъ заводахъ ежегодно выдѣлывается разныхъ кожъ на сумму 300 тысячъ. При всѣхъ заводахъ работниковъ до 450 человѣкъ, которые получаютъ отъ хозяевъ плату отъ 40 до 150 р. сер. въ годъ.

Воздѣлываютъ кожи *бараньи, яловочныя, выростки, опойки подошвенныя* и *коневые*. Бараньи и яловочныя (выростки, опойки) дѣлаются и бѣлые и черные, а выростки и черные и красные. Выдѣлка богородскихъ кожъ впрочемъ во многомъ уступаетъ кожамъ другихъ заводовъ Нижегородской губерніи: арзамасскимъ, мурашкинскимъ, катунскимъ и спасскимъ. Это оказалось на бывшей въ 1849 году нижегородской выставкѣ сельскихъ произведеній.

Кожа - сырье получается для богородскихъ заводовъ на нижегородской ярмаркѣ, и кромѣ того большое количество кожъ привозится въ самое Богородское на базары изъ разныхъ мѣстъ. Независимо отъ привоза сырыхъ кожъ, пригоняется въ Богородское до 12,000 калмыцкихъ барановъ, которыхъ здѣсь рѣжутъ, и выдѣлываютъ ихъ кожи. Зола и *шадрикъ* для золенья кожъ привозится сухимъ путемъ изъ Васильевскаго уѣзда, а также изъ Мамадыша Казанской губерніи. Известь покупается Ардатовскаго уѣзда въ деревняхъ: Березникахъ и Ключицахъ,

жители которыхъ ломаютъ алебастръ, находящійся въ большомъ количествѣ на берегу Оки. Ивовое корье доставляется съ острововъ и *поемныхъ* мѣстъ по Окѣ и Волгѣ, а также съ Ветлуги. Говорятъ, будто въ дубы употребляютъ и березовую кору. Деготь идетъ изъ Темникова (Тамбовской губерніи). Постное масло изъ села Стексова и другихъ мѣстъ Ардатовскаго уѣзда. *Сандалъ* и квасцы покупаются на ярмаркахъ нижегородской и ростовской.

Сбываются кожи на ярмаркахъ нижегородской, ростовской, лебедянской, шахминской и ковровской.

Привозъ матеріяловъ и сбытъ произведеній идутъ сухимъ путемъ.

Прежде крестьяне села Богородскаго поставляли много кожъ въ Давыдково (Ярославской губерніи). Тамъ ихъ кроили и шили изъ нихъ рукавицы. Давыдковскіе рукавичники плохо разсчитывались съ богородскими кожевниками; бывшій помѣщикъ, узнавъ объ этомъ, вызвалъ въ Богородское двухъ–трехъ закройщиковъ изъ Давыдкова, которые и показали нехитрый способъ кроенія рукавицъ. За швецами дѣло не стало: сами пришли изъ окрестныхъ селеній и изъ–за Пьяны изъ–подъ Мурашкина. Рукавичный промыселъ привился къ новому мѣсту, сношенія съ Давыдковымъ были прерваны, постороннимъ швецамъ отказали въ работѣ, и теперь въ Богородскомъ шьютъ рукавицы только одновотчинные, получая за работу по 15 коп. асс. съ пары. Работаютъ они по домамъ изъ хозяйскаго матеріяла, а на заведеніяхъ самихъ хозяевъ ихъ отчищаютъ, смазываютъ и посредствомъ особой машины тиснятъ по краямъ разныя незатѣйливыя украшенія. Въ годъ сошьютъ всего до милліона паръ; изъ этого 600,000 отправляется въ Петербургъ. Въ Петербургъ посылаютъ рукавицы *кучерскія,* т. е. съ длинными *крагенами,* а въ Москву, на нижегородскую ярмарку и въ другія мѣста идутъ рукавицы *русскія,* т. е. съ короткими и узкими краями. Рукавицы изъ русской бараньей кожи стоятъ 35 коп., изъ калмыцкой 30 к. сер. Изъ русскаго барана выходитъ 4, а изъ калмыцкаго 5 паръ рукавицъ. Слѣдовательно, въ Бого-

родскомъ рукавицъ приготовляется ежегодно на сумму около 300,000 р. сер. Лучшія рукавицы Петра Кубышкина, который за свое производство получилъ похвальный листъ на нижегородской выставкѣ 1849 года. Кромѣ того здѣсь въ 1860 году считалось 95 шорниковъ, выдѣлавшихъ прекрасной ямской упряжи на 30 т. р. сер. Жители занимаются также производствомъ валеныхъ сапогъ и войлоковъ. Сверхъ упомянутыхъ кожевенныхъ заводовъ въ селѣ существуютъ: чугунный заводъ, на которомъ отливаются чугунные горшки, и мѣднолитейный, на которомъ выдѣлываютъ паровые котлы, кубы, ретификаторы и холодильники для винокуренныхъ заводовъ.

При такомъ состояніи промышлености, крестьяне села Богородскаго болѣе нежели зажиточны. Изъ нихъ одинъ Марковъ имѣетъ милліонъ, другой Марковъ имѣетъ 800,000, Пчелинъ 400,000; все, разумѣется, на ассигнаціи. Имѣющихъ капиталы во 100 и въ 150 тысячъ на ассигнаціи болѣе десяти человѣкъ. Въ многихъ домахъ живутъ на купеческую ногу, имѣютъ по четыре, по пяти кровныхъ рысаковъ, до которыхъ большіе охотники.

Народъ красивъ: почти всѣ рослы, темнорусы, съ чисто русскимъ обликомъ. Мордовскаго типа, столь замѣтнаго во многихъ мѣстностяхъ Нижегородской губерніи, здѣсь совершенно не видно. Одѣваются нарядно. Любопытно посмотрѣть на богородскихъ крестьянъ въ лѣтніе праздники на гуляньяхъ въ обширномъ и прекрасномъ господскомъ саду. Мущины въ синихъ долгополыхъ суконныхъ кафтанахъ съ сборами позади, въ плисовыхъ штанахъ и въ красныхъ рубахахъ, не рѣдко шелковыхъ; на головѣ поярковая или пуховая шляпа, прямая, ровная или московскимъ шпилькомъ. Нѣкоторые кафтаны замѣняютъ сибиркою, т. е. длиннополымъ сюртукомъ съ сборами на бокахъ — переходъ отъ русскаго кафтана къ нѣмецкому костюму. При сибиркѣ появляются изрѣдка и жилеты, но галстуковъ вовсе нѣтъ. Платокъ на шеѣ русскій простолюдинъ считаетъ за одно съ брадобритіемъ; только рекрутъ — наемщикъ надѣваетъ его. То фряжскій обычай.... Не надѣнетъ его русскій крестья-

нинъ, а если въ трескучій морозъ онъ и навертитъ платъ, то все-таки не на шею, а на воротъ полушубка. Женщины на гуляньяхъ Богородскаго ходятъ особнякомъ. Дѣвушки въ шелковыхъ и кумачныхъ сарафанахъ, въ бѣлыхъ какъ *кипень* миткалевыхъ рукавахъ, въ шелковыхъ, золотыхъ и жемчужныхъ повязкахъ, ходятъ вереницами, сплетясь руками; у каждой въ правой рукѣ бѣлый платокъ. Водятъ хороводы, но только однѣ дѣвушки; мущины и близко не подходятъ.

Богородскій крестьянинъ смышленъ, предпріимчивъ и довольно честенъ. Грамотность довольна сильна; въ селѣ 4 училища, въ которыхъ учителями мѣстные священники. Въ прежнее время жители Богородскаго придерживались раскола, о чемъ есть упоминаніе и въ нижегородскомъ лѣтописцѣ; теперь расколъ прекращенъ.

27. Село Павлово.

Кому не извѣстны павловскія издѣлія? Почти всякій изъ насъ обѣдаетъ съ павловскимъ ножемъ и вилкою, чинитъ перо павловскимъ ножичкомъ, носитъ платье, скроенное павловскими ножницами, запираетъ свои пожитки павловскимъ замкомъ; съ нѣкотораго времени и бриться стали павловскими бритвами. Сподручно сбывать свои произведенія досужимъ павловцамъ: Нижегородская ярмарка подъ бокомъ, къ тому же сосѣди ихъ, вязниковскіе и гороховскіе офени, снуя вѣкъ свой вдоль и поперекъ по Русской землѣ, доходя до Иркутска и Кяхты, разносятъ въ коробкахъ своихъ павловскія издѣлія и извѣстность села Павлова. Тысячъ десять дюжинъ двулезвейныхъ перочинныхъ ножей павловскихъ персіяне ежегодно увозятъ съ нижегородской ярмарки въ свою сторону, гдѣ затупивъ имъ остріе, дѣлаютъ своего рода вилки. Павловскіе замки, врѣзанные въ павловскіе же и макарьевскіе сундуки, идутъ въ Бухару, Хиву, Ташкентъ; даже на границахъ Афганистана находили эти сундуки, и видали, какъ дивуются туземцы звону отпиравшаго и запиравшаго хитростнаго замка павловскаго.

Горячіе поклонники села Павлова называютъ его русскимъ Бирмингамомъ. Преувеличено это сравненіе, но тѣмъ не менѣе Павлово все-таки чрезвычайно замѣчательно по своей промышлености. Велико это селеніе, широко раскинулось оно по высокому берегу Оки; въ немъ насчитается болѣе тысячи домовъ, болѣе 700 слѣсарныхъ верстаковъ, болѣе 7000 населенія; но все-таки одному селу не сдѣлать того огромнаго количества металлическихъ издѣлій, которое ежегодно расходится по бѣлу свѣту подъ названіемъ павловскихъ. Сосѣднее съ Павловымъ село Ворсма и еще тридцать два селенія Горбатовскаго уѣзда (Нижегородской губ.) занимаются приготовленіемъ этихъ произведеній. Большая часть этихъ селеній принадлежала прежде графу Шереметеву.

Павловскій слѣсарный округъ занимаетъ до 200 квадратныхъ верстъ, и ограничивается рѣками Окою и Кишмою, кромѣ того Тумботинскій приходъ на лѣвой сторонѣ Оки противъ Павлова. Въ округѣ этомъ заключается до 40 селеній, а въ нихъ болѣе 20,000 жителей, 1,500 пришлыхъ работниковъ. Эти жители работаютъ болѣе чѣмъ на 2,000 верстакахъ въ 200 кузницахъ.

Главныя мѣста въ этомъ слѣсарномъ округѣ — Павлово и Ворсма. Павлово не смотритъ селомъ; это городъ и городъ не рядовой. По высокому, чрезвычайно красивому берегу Оки расположены узкія кривыя улицы, мѣстами мощенныя деревомъ; девять церквей, которыя можно назвать великолѣпными, красуются по горѣ; тридцать обширныхъ каменныхъ домовъ, тысяча деревянныхъ городской постройки, усадьбы, обнесенныя досчатыми заборами, кипучая дѣятельность, многолюдные базары, пристань, все это придаетъ Павлову видъ одного изъ хорошихъ уѣздныхъ городовъ. Народъ здѣсь красивъ, и хотя и бѣденъ, но щеголеватъ; за то здѣсь же рядомъ съ бѣдностью живутъ такіе богачи, какіе и въ городахъ на рѣдкость, отсюда напр. вышелъ въ купцы Акифьевъ, живущій теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ, владѣтель нѣсколькихъ милліоновъ. Много жителей средней руки — очень зажиточныхъ. Всѣ они особенно отлича-

ются набожностію, приверженностью къ святой церкви, и дѣлаютъ значительные вклады въ храмы Господни. Одинъ Акифьевъ пожертвовалъ на соборную церковь сто тысячъ. Здѣсь нѣтъ ни одного раскольника; бывшіе прежде обратились къ единовѣрію и построили двѣ каменныя церкви, изъ которыхъ одну можно назвать даже великолѣпною.

Ворсма въ 12 верстахъ отъ Павлова на большой дорогѣ, послѣ построенія московско-нижегородскаго шоссе называющейся «старою московскою». Оно расположено по косогору надъ рѣкой Кишмой и широкимъ прекраснымъ озеромъ, разлившимъ свои воды, посреди которыхъ какъ бы изъ озера выходятъ бѣлыя стѣны и зданія монастыря Островоезерскаго. Ворсма не такъ красива, какъ Павлово, но также, какъ и оно, имѣетъ городской видъ: улицы широки и прямы, усадьбы обнесены досчатыми заборами, красивыя церкви, сады при красивыхъ домахъ и къ тому же кипучая промышленость; жители набожны, и здѣсь нѣтъ раскольниковъ, которые всѣ обращены къ единовѣрію, и построили въ Ворсмѣ каменную церковь. Земля здѣсь суглинистая, мѣстами песчаная, хлѣбъ родится плохо и требуетъ сильнаго удобренія. Въ большихъ селеніяхъ ея къ тому же мало: такъ, напримѣръ, при селѣ Ворсмѣ ея считается только 2,845 десятинъ, т. е. менѣе двухъ десятинъ на ревизскую душу. Въ Павловѣ немного побольше, но все менѣе трехъ десятинъ. Землю эту отдаютъ въ кортому немногіе жители, занимающіеся хлѣбопашествомъ. Такихъ въ Ворсмѣ не болѣе 65 семействъ, въ Павловѣ десять. Берутъ землю павловскую въ кортому и жители сосѣднихъ деревень, которые платятъ за то отъ полутора до двухъ рублей ассигнаціями за четверть *). Въ самомъ селѣ Павловѣ лошадей почти не держатъ, ибо онѣ не нужны; мастеровому человѣку некуда ѣздить, ибо сбытъ его работы на мѣстѣ, и много такихъ домовъ найдете вы въ этомъ селѣ, которые обветшали и почти развалились

*) Въ десятинѣ полторы четверти.

уже, не видавъ на своемъ поросшемъ травою дворѣ лошади; при многихъ домахъ и воротъ нѣтъ, одна калитка для прохода людей и коровы. — При такомъ порядкѣ вещей навозъ въ Павловѣ дорогъ, землепашцы платятъ коп. по 10 сер. за возъ. Сѣно съ обширныхъ приокскихъ луговъ идетъ на прокормленіе коровъ, и большею частію отвозится въ лодкахъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ во время ярмарки вѣренъ и выгоденъ сбытъ его. — По деревнямъ есть семейства, которыя преимущественно занимаются земледѣліемъ; но и тутъ по зимамъ земледѣльцы садятся за верстаки. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр. Меленкахъ, Заплатинѣ, Крюковѣ, занимающіеся земледѣліемъ передаютъ заботу о землѣ старикамъ, а сами только недѣли на двѣ въ лѣто оставляютъ верстакъ для пашни. Впрочемъ, землепашество и здѣсь считается выгоднымъ. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ въ Меленкахъ: «какъ бы земли было вдоволь, кто бы сталъ за верстакъ; и теперь лошадь есть, такъ и ладно: паши. — Старикъ-то больше пашней возьметъ, нежели нашъ братъ щипцами; у него пашня пашней, а мастерство мастерствомъ — вѣдь зимой-то и старички садись за слѣсарную работу». Если исключить изъ общаго количества работниковъ — такъ называемыхъ фабрикантовъ, т. е. тѣхъ, на которыхъ работаетъ бѣдность, словомъ, если исключить тѣхъ, которыхъ народъ зоветъ хозяевами, останется около 20,000 населенія обоего пола, которое въ потѣ лица своего, при тяжкой работѣ въ круглый годъ, едва выработываетъ на свое пропитаніе. Правда, что павловцы всѣ и всегда «въ сапогахъ»; но здѣсь это не составляетъ признака довольства: работаетъ дома павловецъ босикомъ, сапоги же надѣваетъ онъ, только выходя изъ дому, а ему домосѣду рѣдко приходится уходить со двора и почти никогда вонъ изъ села. Сапоги для него дешевле лаптей. Не смотрите и на то, что этотъ работникъ носитъ ситцевую рубаху, а жена его въ ситцевомъ сарафанѣ; это не роскошь; нѣтъ, нужда заставила его одѣваться въ ситецъ; у него нѣтъ земли для посѣва льна, у жены его нѣтъ ни гребня, ни

ткацкаго стана; она помогаетъ своему мужу: глянчитъ ножи, полируетъ ихъ. Десятикопѣечный ивановскій ситецъ дешевле пестряди и холста, которые для павловца недоступны. Бѣдный работникъ работаетъ на хозяина изъ его матеріяловъ понедѣльно; каждую субботу бываетъ разсчетъ, и онъ получаетъ до 4 руб. сереб. На это онъ долженъ содержать себя и весь домъ, ибо у него нѣтъ хозяйства: и хлѣбъ, и дрова, и одежда— все съ базара. Болѣзнь или другая какая-либо причина остановки въ работѣ повергаетъ его въ безъисходную бѣдность.

Другой разрядъ работниковъ, которые работаютъ на себя или же по заказамъ фабрикантовъ. Имѣя маленькія деньги, онъ покупаетъ свои матеріялы и продаетъ издѣлія по вольной цѣнѣ скупщикамъ на базарахъ, раздаетъ въ долгъ офенямъ, или сбываетъ богатымъ фабрикантамъ. Въ этомъ разрядѣ рабочаго класса замѣтно довольство; нѣкоторые изъ этого разряда продаютъ свои издѣлія на базарахъ, бывающихъ въ Павловѣ и Вязьмѣ, и сидятъ на мосту на нижегородской ярмаркѣ. Изъ нихъ одни работаютъ своей семьей, а другіе имѣютъ и работниковъ; разбогатѣвъ вслѣдствіе счастливыхъ обстоятельствъ, такой мастеровой дѣлается фабрикантомъ.

Павловская промышленость существуетъ издавна: еще при Петрѣ Великомъ здѣсь были слесари, которые впослѣдствіи стали дѣлать и ружья, научившись у туляковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Павловѣ было 270 верстаковъ, и цѣнность выработываемыхъ издѣлій во всемъ слесарномъ округѣ доходила до 105,000 руб. ассиг.; въ истекшей половинѣ XIX ст. особенно развилась эта промышленость. Но не болѣе 25 лѣтъ тому назадъ она получила свою самобытность, и усовершенствовалась. До того времени лучшіе мастера издѣлія свои отправляли въ С.-Петербургъ къ Канаплю и друг.; тамъ на павловскія издѣлія клали англійскія клейма, и они преспокойно сбывались за чужеземныя. Ворсменскій крестьянинъ Иванъ Семеновъ Завьяловъ своимъ неутомимымъ усердіемъ достигъ извѣстности, и первый не убоялся на издѣліяхъ клеймить *свое имя*

русскими буквами. Своимъ трудолюбіемъ онъ поборолъ самаго страшнаго для всякаго русскаго фабриканта врага: предубѣжденіе, что русскія руки неспособны сдѣлать вещь, подобную иноземной. На выставкахъ петербургскихъ, московскихъ, варшавскихъ и нижегородскихъ, издѣлія Завьялова заслужили особенное вниманіе, и здѣсь всѣ убѣдились, что русскія руки могутъ дѣлать хорошія слесарныя издѣлія, и тогда-то имя даровитаго мастера, Завьялова, стало знаемо по всей Русской землѣ. Завьяловъ за свои издѣлія получилъ много наградъ: право употреблять государственный гербъ на своихъ произведеніяхъ, медали, почетный кафтанъ, почетные отзывы. — Требованіе на его вещи увеличивались съ каждымъ годомъ, работа кипѣла, и Завьяловъ едва успѣвалъ исполнять многочисленные заказы для Москвы и Петербурга. Съ легкой руки Завьялова пошли въ ходъ и другіе мастера: *Ив. Колякинъ* изъ Павлова, прежде того работавшій на Канапля, и *Петръ Горшковъ* изъ Павлова же, получившій первую извѣстность въ 1843 году на московской выставкѣ, и доведшій свои издѣлія до такой степени совершенства, что имъ едва ли не придется взять первенство предъ всѣми подобными русскими издѣліями. Эти главные мастера, а также и другіе второстепенные, держатъ въ рукахъ своихъ павловскую промышленость, и масса рабочаго класса совершенно зависитъ отъ нихъ. — Явленіе тоже самое, какъ и въ ткацкихъ мѣстностяхъ шуйскихъ и ивановскихъ.

Нельзя сказать, чтобы изъ многочисленныхъ мастеровъ Павлова, Ворсмы и др. селеній только одни Завьяловъ, Калякинъ, Горшковъ и имъ подобные могли выдѣлывать отличныя издѣлія. Напротивъ, иногда въ бѣдности, въ безъисходной нищетѣ, скрывается такой работникъ, который не только не уступитъ первостатейному мастеру, но даже превзойдетъ его. Но у него нѣтъ ни денегъ, ни извѣстности, и нужда заставляетъ его кормиться работою на богатыхъ, которые раздаютъ матеріялы изъ выработки. Трудно бѣдняку, продовольствующемуся всѣмъ покупнымъ, трудно ему при ограниченной платѣ за трудъ выйти

изъ толпы работниковъ, завести свою самобытную дѣятельность, самому продавать свои издѣлія и стать на ряду съ первостатейными. У него достанетъ и умѣнья и терпѣнья сдѣлать вещь не хуже той, которая, выходя изъ его же дома въ первоначальной степени отдѣлки, только очищается у богача, гдѣ на нее наложатъ пышное клеймо съ государственнымъ гербомъ и именемъ извѣстнаго мастера, и тѣмъ возвысятъ цѣнность въ четыре или пять резъ. Другой и отдѣлалъ бы свою вещь точно также, и ни одинъ самый опытный глазъ не отыскалъ бы разницы въ его издѣліи съ издѣліемъ знаменитаго фабриканта; но при его скудныхъ доходахъ гдѣ возьметъ онъ капиталъ, необходимый и на заготовку матеріяловъ и на собственное обезпеченіе? А потомъ, какъ онъ сбудетъ свои издѣлія при недостаткѣ кредита и извѣстности?—Продастъ скупщикамъ на павловскомъ базарѣ, отдастъ въ долгъ офени. Но ни тотъ, ни другой не дастъ ему хорошей цѣны, а офени въ долгъ ему и отдать нельзя. Правда, примѣра не бывало, чтобы ходебщикъ денегъ не платилъ при разсчетѣ не только съ подобными мелкими промышленниками, но даже по забору на большія суммы (безъ всякой росписки) у богатыхъ торговцевъ на нижегородской ярмаркѣ. Но павловцу не стать имѣть съ нимъ дѣло — мѣсяцевъ двѣнадцать, восемнадцать. Къ тому же вязниковецъ наровитъ взять вещь «подешевле да посердитѣй»; дай ему вещь съ англійсками буквами, которыя въ захолустьяхъ принесутъ ему нѣсколько лишнихъ процентовъ барыша. — Какая же тутъ извѣстность? И ставитъ другой на своемъ русскомъ издѣліи англійскія буквы, часто безъ всякаго смысла, и раскупаются они многими жителями отдаленныхъ мѣстъ, вѣрующими въ сердечной простотѣ въ чужеземное происхожденіе павловскаго товара. Много такихъ вещей съ англійскими клеймами уходятъ и въ Персію, и быть можетъ, иной туристъ, увидѣвъ павловскій поречинный ножикъ, преобразовавшійся въ персидскую вилку, подумаетъ, что она завезена изъ родной его Британіи, тогда какъ изъ Павлова свезли ее къ Макарію, а здѣсь ку-

пилъ ее армянинъ или персіянинъ, да и увезъ во владѣніе шаха.

Матеріялы получаются павловцами изъ слѣдующихъ мѣстъ: англійская сталь изъ Петербурга, русская съ заводовъ Боронина и Шмакова въ Ворсмѣ, Сахариныхъ въ Горбатовѣ и съ заводовъ нижегородскихъ. На этихъ заводахъ сталь куютъ изъ желѣза демидовскаго и юрузанскаго, а также и катаевскаго. Въ Ворсмѣ выковывается до 7,660 пудъ, въ Горбатовѣ до 4,500 ежегодно. Заводъ Боронина самый старинный въ Нижегородской губерніи, но его сталь ярка и уступаетъ стали нижегородской, которая, и особенно Рукавишникова и Пятова, отличнаго достоинства: въ полировкѣ чиста, въ изломѣ мелка, ровна безъ раковистыхъ зернъ и безъ плёнокъ. Польское серебро, мѣдь, черепаха, перламуръ, слоновая и мамонтовая кость, олешій и простой рогъ, дерево черное и кокосовое, наждакъ закупаются павловцами на нижегородской ярмаркѣ, всего для Павлова, Ворсмы и другихъ мѣстъ, на сумму 32 т. руб. сереб. Угли привозятъ въ Павлово, изъ подъ Горбатова и изъ Владимірской губерніи, а въ другія мѣстности, напр. въ Ворсму, Золино и проч. изъ лѣсныхъ дачъ графа Шереметева, Горбатовскаго уѣзда Хвощевской и Панинской вотчинъ; почти половина потребнаго горючаго матеріяла поступаетъ отсюда. Въ Ворсму угли привозитъ по зимамъ и мордва Терюшевской волости Нижегородскаго уѣзда. Въ сложности угли обходятся отъ 15 до 20 к. за четверть, а дрова по 2 р. 15 к. за однополѣнную сажень. Дровъ, кромѣ получаемыхъ изъ шереметевскихъ дачъ, для одной Ворсмы покупается до 2 т. саж. на сумму 4,300 руб.; углей же покупныхъ до 36 т. четвертей, на сумму 6,300 р. с. Политуру многіе мастеровые, напр. Калякинъ, приготовляютъ сами изъ окисла желѣза, которое отпадаетъ во время ковки; его растираютъ въ порошокъ, просѣваютъ, обливаютъ сѣрной кислотой, потомъ прокаливаютъ, и политура готова. Въ Павловѣ и Ворсмѣ выдѣлывается разнаго рода ножевой товаръ, ножницы, кинжалы и шпаги. Оружіе

здѣшнее, однако, далеко уступаетъ тульскому. Въ Павловѣ дѣлаютъ также вѣсовыя коромысла; изъ заводчиковъ этого рода особенно замѣчателенъ Бабыринъ, котораго вѣсы съ опущеннымъ внизъ указателемъ на нижегородской выставкѣ 1849 г. обращали на себя вниманіе, хотя и стояли рядомъ съ вѣсами Семеновскаго уѣзда и вѣсами знаменитаго Вѣсовщикова, нижегородскаго цеховаго, котораго издѣлія считаются первыми въ своемъ родѣ, и которыя заслужили золотую медаль. Кромѣ того въ Павловѣ работаютъ молотки, щипцы сахарные и свѣчные, щетки для суконныхъ и шелковыхъ фабрикъ, замки и проч. Работаютъ также сундуковъ тысячъ по шести и болѣе, и сбываютъ ихъ на нижегородской ярмаркѣ бухарцамъ и армянамъ. По деревнямъ занимаются выдѣлкою того или другаго издѣлія исключительно: такъ напр. въ Меленкахъ работаютъ только свѣчные щипцы и замки, — въ Завалищахъ, Золинѣ, Заплатинѣ, Крюковѣ, Богдановѣ исключительно одни значки, равно какъ и въ Панинѣ, гдѣ впрочемъ только два слесарныхъ заведенія; въ Вязовкѣ—однѣ ножницы, въ Таринскомъ—ножи и замки, въ Миртовыхъ селѣ и деревнѣ, Хрѣновѣ, Тумбожинѣ, Долотковѣ, Булатниковѣ, Рыбинѣ, Давыдковѣ, Козловкѣ, Шульгинѣ и Щербининѣ — одни ножи; въ остальныхъ селеніяхъ ножи и ножницы. Въ селѣ Сосновскомъ, невходящемъ впрочемъ въ составъ павловскаго округа, но находящемся неподалеку отъ него, есть также замочники, и кромѣ того дѣлаютъ тамъ глухари (звонки для лошадей).

Кромѣ того въ Ворсмѣ находятся 200 кузницъ для чернодѣльной работы. Работа здѣсь безпрерывная: дѣлаютъ топоры, крестьянскіе ножи и множество ножницъ для стрижки овецъ. Для точенія топоровъ, мотыгъ, долотъ и лопатъ на этихъ кузницахъ находятся двадцать колесъ, приводимыхъ въ движеніе лошадьми, и болѣе 80 точильныхъ колесъ для точенія ножей; эти приводятся въ движеніе руками работниковъ.

Выдѣлывается разнаго рода издѣлій павловскихъ: въ Ворсмѣ на 53 т. р., въ Павловѣ на 37 т. р., въ другихъ селеніяхъ на 25 т., всего на 115 т. руб. сер.

Цѣнность нѣкоторыхъ вещей удивительно низка: такъ работники деревни Меленокъ продаютъ въ Павловѣ свои щипцы съ пружинами за двугривенный. Есть ножи столовые по 1 р. сер. за дюжину, перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ за дюжину 20 к. сер. Эти–то ножи отправляются на востокъ.

Сбываютъ свои произведенія скупщикамъ, которые берутъ товаръ на базарахъ Павлова и Ворсмы; огромные транспорты по Окѣ отвозятся ежегодно на нижегородскую ярмарку, гдѣ на мосту и въ особыхъ желѣзныхъ рядахъ вы можете увидѣть огромнѣйшій запасъ павловскихъ издѣлій. Фабриканты продаютъ высшіе сорты въ Москвѣ и въ Петербургѣ; мало вещей раскупается на ярмаркѣ Ростовской и въ Малороссіи; вязниковскіе офени развозятъ павловскія вещи повсюду; чернодѣльная работа Ворсмы идетъ на нижегородскую ярмарку; ножницы для стрижки овецъ въ огромномъ количествѣ отправляются въ южныя губерніи.

Такова павловская промышленость, столь замѣчательная по своему развитію и оборотамъ.

28. Село Иваново.

Ситецъ одѣваетъ весь низшій классъ въ Россіи, за исключеніемъ только тѣхъ деревушекъ, въ которыхъ онъ еще не успѣлъ вытѣснить пестрядныя и набойчатыя ткани, такъ долго у насъ господствовавшія. Теперь каждая крестьянка имѣетъ, по крайней мѣрѣ, двѣ ситцевыя перемѣны, то есть два, болѣе или менѣе пестрыхъ сарафана. Часто даже женское бѣлье шьется изъ ситца, напримѣръ, та часть рубашки, которая остается видна при сарафанѣ; вслѣдствіе чего бабы наши нерѣдко бываютъ похожи на росписныя яйца съ своими ярко–розовыми рукавами при красныхъ съ желтыми разводами сарафанахъ и такихъ же пестрыхъ платкахъ. Въ праздникъ вы не увидите ни одного парня безъ новой ситцевой рубахи до того яркаго цвѣта, что у васъ зарябитъ отъ нея въ глазахъ. Ребятамъ переходитъ

тотъ же ситецъ по наслѣдству отъ родителей: искусныя руки матерей быстро превращаютъ свой изорванный сарафанъ въ душегрѣйку для десятилѣтней дочки Ѳени или рубаху малолѣтнему Ванюхѣ. По торжественнымъ же днямъ и мелюзга является въ обновахъ, такъ же лоснящихся, какъ и ихъ жирнонамазанные волосенки.

По городамъ все тотъ же ситецъ одѣваетъ всѣхъ кухарокъ, прачекъ, горничныхъ и мѣщанокъ. На дворникахъ, водовозахъ и кучерахъ мы видимъ по большей части ситцевыя рубахи. Даже барыни и барышни наши на скромныхъ дачахъ Парголова, Мурина и тому подобныхъ, появляются лѣтомъ въ ситцевыхъ платьяхъ.

При такомъ громадномъ употребленіи ситца, разныхъ цѣнъ и достоинствъ, понятно, что рѣшеніе вопроса, изготовляется ли этотъ ситецъ внутри страны или привозятъ его изъ иностранныхъ земель, становится однимъ изъ важныхъ и занимательныхъ вопросовъ; а потому я и обращу вниманіе читателей нашихъ на мануфактурную промышленость села Иванова, нашего русскаго Манчестера, названнаго въ народѣ золотымъ дномъ, который фабрикуетъ до 1 милліона кусковъ ситца въ годъ (до 50 милліоновъ аршинъ) суммою на $7^1/_2$ милліоновъ рублей.

Село Иваново находится на сѣверѣ Владимірской губерніи, недалеко отъ границы ея съ Костромской, въ Шуйскомъ уѣздѣ (въ 30 верстахъ на востокъ отъ Шуи), на рѣчкѣ Уводи, притокѣ Клязьмы. Оно состоитъ изъ небольшаго селенія, собственно называемаго Ивановымъ, и нѣсколькихъ слободъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, и которыя составляютъ его продолженіе. Иваново, со всѣми слободами, заключаетъ въ себѣ 17,000 жителей, изъ которыхъ приписаны къ мѣсту 7,000 (въ Вознесенскомъ посадѣ 1,550 душъ, а въ Ивановѣ 5,450), остальныя десять тысячъ только временно тутъ проживаютъ. Все это народонаселеніе работаетъ на 150 фабрикахъ и занято пряденіемъ, тка-

чествомъ, бѣленіемъ, мытьемъ, заварками, припарками, слесарнымъ дѣломъ, рѣзьбою манеровъ (трафаретовъ для набивки узоровъ), словомъ, производствомъ ситца и головныхъ и шейныхъ платковъ и разными подготовительными къ этому средствами. Кромѣ этихъ семнадцати тысячъ, работаютъ на Иваново 200,000 душъ окрестнаго населенія Владимірской и Костромской губерній. Ивановскій ситецъ такъ сильно отличается отъ всѣхъ другихъ ситцевъ своею пестротой и дешевизной, что передалъ свое названіе всѣмъ ситцамъ подобнаго рода.

Въ селѣ бываютъ два раза въ недѣлю до того значительные базары, что они по своимъ оборотамъ вполнѣ замѣняютъ для фабрикантовъ ярмарки и биржи; такъ что Иваново, по его мануфактурной и коммерческой дѣятельности, надо считать у насъ важнѣйшимъ пунктомъ хлопчато-бумажнаго производства.

О существованіи собственно села Иванова упоминаютъ уже историческіе памятники XVI столѣтія. При Іоаннѣ Грозномъ, оно считалось въ числѣ черныхъ волостей и было пожаловано имъ, въ 1561 году, одному изъ знатныхъ родовъ Суздальской земли: князьямъ Темрюковичамъ-Черкасскимъ, въ родѣ которыхъ оно оставалось почти два столѣтія, и только въ 1741 году перешло, какъ приданое княжны Черкасской, въ родъ Шереметевыхъ, которые владѣлъ имъ до освобожденія крестьянъ. До половины XVIII столѣтія, село Иваново не выдавалось впередъ между промышленными селеніями Владимірской губерніи, не смотря на то, что ивановцы постоянно занимались ткачествомъ холстовъ и пестряди, шерстобитствомъ и плотничествомъ; но, такъ-какъ всѣ эти ремесла успѣшнѣе процвѣтали въ другихъ селеніяхъ Шуйскаго уѣзда и даже въ другихъ уѣздахъ Владимірской губерніи, то село Иваново не имѣло въ то время особеннаго значенія. Однако въ началѣ XVIII столѣтія ивановскіе торжки были уже такъ значительны, что обратили на себя вниманіе начальства и, указомъ Петра I, была учреждена въ селѣ Ивановѣ, въ 1705 году, таможенная изба для сбора пошлинъ съ товаровъ.

Набивка цвѣтныхъ узоровъ на тканяхъ была перенесена въ Россію иностранными купцами и, еще въ половинѣ XVIII сто-

лѣтія, хранилась фабрикантами въ тайнѣ. Это печатаніе тканей, обогатившее впослѣдствіи Иваново и поставившее его на ряду съ извѣстными европейскими мануфактурными городами, началось съ набивки холстовъ и полотенъ, то есть, такъ называемой, *набойки*. Не ранѣе какъ въ 1751 году появляется въ Ивановѣ первая ситцевая и миткалевая фабрика. Въ половинѣ XVIII столѣтія, Григорій Бутримовъ съ нѣкоторыми другими ивановскими крестьянами, отправился въ Шлиссельбургъ (можетъ быть, съ цѣлью изучить ситцевое производство) и работалъ тамъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ иностранныхъ фабрикантовъ. Возвратясь въ Иваново, онъ положилъ основаніе первой ивановской ситцевой фабрикѣ. Его примѣру вскорѣ послѣдовалъ Грачевъ, а потомъ Соковъ, Усовъ и Гарелинъ. Послѣдній былъ родоначальникомъ извѣстной фамиліи Гарелиныхъ, стоящей теперь во главѣ ивановской фабрикаціи, по количеству своихъ заведеній и оборотовъ, равно какъ и по техническимъ усовершенствованіямъ производства. Устройство всѣхъ этихъ фабрикъ относится къ 1750 и 1770 годамъ. На этихъ первыхъ фабрикахъ, и вообще въ первое время введенія мануфактурной бумажной промышлености, набивка миткалей шла наравнѣ съ набивкой полотенъ и холстовъ, столько времени занимавшихъ дѣятельность ивановскихъ крестьянъ. Работалось это на ручныхъ станкахъ, такъ называемыхъ, кустарникахъ, которые и теперь еще существуютъ въ Ивановѣ. Покойный Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, во время путешествія своего по губерніямъ Россіи въ 1863 году, осмотрѣвъ заведенія первостатейныхъ ивановскихъ купцовъ: Зубкова и Гарелина, фабрики которыхъ усовершенствованы по всѣмъ новѣйшимъ открытіямъ, захотѣлъ видѣть и первоначальное производство кустарниковъ и заѣхалъ осмотрѣть одно изъ этихъ маленькихъ заведеній, принадлежащее вдовѣ Гандуриной. «Вошли мы,—пишетъ составитель путешествія,—въ скромное, тѣсное помѣщеніе, гдѣ Его Высочество встрѣтила вдова съ хлѣбомъ и солью, окруженная многочисленными дѣтьми, изъ которыхъ старшія уже при дѣлѣ и ведутъ его по слѣдамъ отца. Послѣ шипящаго пара, грома

машинъ, послѣ огромныхъ моекъ миткаля, гдѣ промываются въ сутки цѣлые десятки тысячъ аршинъ, послѣ всего этого гама, шума и гигантскихъ размѣровъ производства, странно было видѣть прародительское производство ситца: какъ два работника скромно печатали на ручныхъ станкахъ ситцы; какъ на шестѣ, руками же, опускали въ краску. Вѣка, казалось, прошли между двумя производствами, между фабрикой Зубкова и избой Гандуриной, а вѣдь какъ еще недавно цѣлое Иваново работало почти исключительно такимъ способомъ. Мелкое производство держится покуда исключительно тѣмъ, что машинное печатаніе не нашло еще способа употреблять больше извѣстнаго числа колеровъ, тогда какъ ручное производство можетъ употреблять гораздо болѣе. Но еще одинъ шагъ, и бѣдное кустарное производство должно будетъ уступить. Уже и теперь ему трудно бороться съ машиной и капиталомъ, производящимъ въ огромныхъ размѣрахъ.»

Въ скоромъ времени хлопчато-бумажныя ткани вытѣснили льняныя, и ивановцы, бросивъ всѣ прежнія производства и ремесла, занялись исключительно ситцевой фабрикаціей, такъ что съ 20 годовъ нынѣшняго столѣтія льняное производство совершенно пало и замѣнилось хлопчато-бумажнымъ. Двѣ главныя причины способствовали этому перевороту; одна внѣшняя: изобрѣтеніе и усовершенствованіе хлопчато-бумажныхъ машинъ, что произвело переворотъ, не только въ нашей мануфактурной промышлености, но и въ промышлености всей Европы; другая чисто внутренняя: наложеніе большихъ пошлинъ на ввозъ изъ-за границы хлопчато-бумажныхъ тканей и совершенное запрещеніе, въ 1822 году, ввоза ситцевъ иностранныхъ фабрикъ. Эти тарифы, прекративъ вредную для нашихъ начинающихъ фабрикъ конкуренцію иностранцевъ, быстро привлекли капиталы къ нашему хлопчато-бумажному производству, и оно, постоянно распространяясь, перешло не только на набивку и печатаніе тканей, но и на самое тканье и пряденіе бумаги, чѣмъ прежде мы постоянно заимствовались отъ иностранцевъ.

Сожженіе Москвы не мало тоже содѣйствовало къ возвыше-

нію ивановскихъ фабрикъ: рабочіе, оставшись безъ дѣла, нахлынули изъ Москвы въ Иваново и усилили его фабричную дѣятельность. Требованіе на ивановскіе товары сильно увеличилось вслѣдствіе уничтоженія московскихъ фабрикъ; кромѣ того, сами фабрики много выиграли въ производствѣ, черезъ опытное содѣйствіе оставшихся въ Россіи плѣнныхъ иностранцевъ, которыхъ ивановцы пригласили къ себѣ на фабрики. Все это, вмѣстѣ съ увеличеніемъ сбыта нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Среднюю Азію и Закавказье и съ возрастающимъ развитіемъ роскоши и вкуса въ народной массѣ, имѣло благодѣтельное вліяніе на развитіе и усовершенствованіе хлопчато-бумажныхъ фабрикъ.

Самымъ блестящимъ періодомъ села Иванова, по увеличенію числа фабрикъ и обогащенію фабрикантовъ, былъ промежутокъ времени отъ 1825 по 1840 годъ: въ это время ивановцы (большая часть которыхъ состояла изъ раскольниковъ) успѣли отрѣшиться отъ предразсудковъ, не допускавшихъ ихъ до сближенія съ иностранцами, и вошли въ сношенія съ коммиссіонерами различныхъ націй и всѣми торговыми городами Европы и Азіи; такъ что имена ивановцевъ не только стали появляться на ряду съ именами первостатейныхъ нашихъ купцовъ и фабрикантовъ, но получили даже европейскую извѣстность, и одинъ изъ нихъ, Зубковъ, получилъ медаль на всемірной лондонской выставкѣ въ 1862 году.

Съ возрастаніемъ капиталовъ, улучшался, разумѣется, и бытъ ивановскихъ фабрикантовъ; а затѣмъ мало-по-малу стала проникать къ нимъ и потребность образованія, такъ что вскорѣ произошла замѣчательная перемѣна къ лучшему во всей ихъ внутренней и внѣшней обстановкѣ. Понятно, что при такомъ ходѣ дѣлъ, крѣпостное право становилось все тягостнѣе для ивановцевъ, и они никакъ не могли примириться съ мыслію, что, не только все ихъ имущество, но и они сами находятся въ полной зависимости отъ помѣщика, что всѣ ихъ фабрики и дома построены на землѣ Шереметевыхъ, что не только оброки ихъ постоянно увеличиваются, но и всѣ доходы, которые они

надѣялись получить съ построеннаго ими каменнаго гостинаго двора, поступаютъ въ пользу Шереметева, что *они — богатые купцы* должны подчиняться вотчинной конторѣ!

Немудрено, что воля сдѣлалась идеаломъ, къ которому всѣ они неудержимо стремились; стремленіе это всего замѣтнѣе стало съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Но, съ другой стороны, и помѣщикамъ не хотѣлось выпустить изъ своихъ рукъ курицы, несшей золотыя яйца, и они не хотѣли и слышать о выкупѣ крестьянъ, платившихъ имъ такіе громадные оброки. Не смотря однако на всѣ затрудненія, нѣкоторымъ богатѣйшимъ семьямъ удалось таки выйти изъ крѣпостнаго сословія, внося за себя невѣроятныя суммы, доходившія до 20,000 рублей съ души, и въ селѣ Ивановѣ, пріобрѣтшемъ уже въ десятыхъ годахъ европейскую извѣстность, является только въ 1825 году первый вольноотпущенный Шомовъ. Въ 1827 году откупился Гарелинъ, одинъ изъ первыхъ нынѣшнихъ фабрикантовъ и почетныхъ гражданъ, и только въ 1831 году сдѣлался свободнымъ Зубковъ, отецъ фабриканта, получившаго медаль на всемірной выставкѣ.

Освободившись изъ податнаго сословія и приписавшись въ купечество, богатые ивановцы все-таки остались въ зависимости отъ помѣщика и вотчинной конторы, такъ какъ всѣ ихъ капиталы, заключающіеся въ фабрикахъ и другихъ строеніяхъ, оставались на землѣ Шереметевыхъ, которые никакъ не соглашались продать имъ эту землю, а отдавали въ арендное содержаніе на 25-лѣтній срокъ, съ условіемъ не продавать находящіяся на ней строенія никому, кромѣ ивановцевъ или самого помѣщика.

При пересрочкахъ арендная плата часто увеличивалась и доходила до громадныхъ цыфръ; недавно одинъ изъ богатыхъ купцовъ долженъ былъ платить 2,000 рублей за одну только землю, находящуюся подъ его собственнымъ домомъ и садомъ, а въ сороковыхъ годахъ фабрика платила 10,000 аренды за занимаемую ею землю. Къ вотчинной конторѣ, притѣснявшей откупившихся, присоединились ивановцы, остававшіеся еще оброч-

ными. Они съ завистью смотрѣли на своихъ собратій вольныхъ людей, и всѣми силами старались вредить имъ. Слѣдствіемъ всего этого явилась непримиримая вражда между вольноотпущенными, сторону которыхъ приняли правительственныя лица, и оброчными, присоединившимися къ вотчинной конторѣ. Эти враждебныя столкновенія партій усилили только безпорядки, которыми всегда отличалось Иваново; воровство, грабежъ и поджоги стали повторяться чаще, и вели за собою наказаніе кнутомъ и ссылку въ Сибирь. Купцы, видя плохой исходъ всего этого, стали хлопотать о пріобрѣтеніи собственной земли, и такъ какъ въ самомъ селѣ Ивановѣ не было никакой возможности пріобрѣсти для нихъ земли, то они стали мало-по-малу скупать у разныхъ владѣльцевъ смежные ихъ селу участки и переносить на нихъ свои заводы и другія строенія. Такъ еще въ 1820 году была куплена купцомъ Лепетовымъ земля, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ села Иванова, по ту сторону рѣки Уводи. Лепетовъ построилъ на ней себѣ домъ и другія зданія, необходимыя при его торговлѣ бумажной пряжью. Года черезъ три его примѣру послѣдовали и другіе купцы, и вскорѣ застроилась цѣлая слобода, названная по своему приходу Ильинской. До 1842 года, слобода эта имѣла сильное вліяніе на край въ торговомъ и мануфактурномъ отношеніяхъ: здѣсь находились огромные склады и распродажа бумажной пряжи шуйскихъ купцовъ, братьевъ Киселевыхъ, выписывавшихъ на нѣсколько милліоновъ бумаги изъ Англіи, и другія первостатейныя заведенія ивановскихъ фабрикантовъ, какъ, напримѣръ, Бабурина.

Въ 1838 году купецъ Зубковъ купилъ землю въ Дмитровской слободѣ, лежащей на правомъ берегу Уводи въ верстѣ отъ Иванова, и построилъ на ней ситцевую фабрику. По его примѣру, скоро и эта слобода застроилась фабриками и домами бывшихъ ивановскихъ крестьянъ; а затѣмъ возникла и третья слобода—Троицкая: въ 1841 году, почетный гражданинъ Гарелинъ купилъ, изъ третьихъ рукъ, бывшую землю графа Шереметева и большую часть ея уступилъ даромъ мѣщанамъ, быв-

шимъ крѣпостными Грачева. Въ Ивановѣ многіе купцы, находясь еще въ оброчномъ состояніи, имѣли своихъ крестьянъ, которыхъ они покупали на имя Шереметева и приписывали къ своимъ фабрикамъ. Крестьяне эти, приписавшись въ мѣщанство по разнымъ городамъ, поселились въ Троицкой слободѣ.

Вознесенскій посадъ, которому было назначено судьбой соединить всѣ эти слободы въ одно цѣлое и, уничтоживъ ихъ самостоятельность, расшириться на ихъ счетъ, началъ застраиваться вмѣстѣ съ Троицкой слободой только въ 1844 году. Онъ образовался на землѣ бывшаго ивановскаго крестьянина Грачева, сдѣлавшагося однимъ изъ извѣстныхъ московскихъ купцовъ. Впослѣдствіи земля эта перешла къ разнымъ владѣльцамъ и была распродана по участкамъ ивановцамъ, вышедшимъ изъ податнаго сословія и приписавшимся къ купечеству. Съ дозволенія правительства, всѣ эти слободы были присоединены къ Вознесенскому посаду и извѣстны теперь подъ этимъ однимъ общимъ именемъ. Вознесенскій посадъ тянется по взгорью на лѣвомъ берегу Уводи, противъ своего бывшаго гнѣзда села Иванова, отъ котораго онъ никакъ не могъ фактически отдѣлиться, не смотря на всѣ старанія своихъ обитателей и на вражду и борьбу ихъ съ бывшими своими односельцами. Положеніе посада довольно живописно, но стройка его слишкомъ однообразна и портитъ видъ своей неизящной правильностью въ противоположность селу Иванову, которое строилось по горамъ и оврагамъ, какъ Богъ послалъ, безъ всякаго предвзятаго плана, какъ приходилось удобнѣе для хозяина; потому вы и теперь встрѣтите, собственно въ селѣ Ивановѣ, подлѣ высокихъ бѣлокаменныхъ церквей, многоэтажныхъ каменныхъ домовъ, дворцовъ и огромныхъ фабричныхъ корпусовъ, полуразвалившіяся лачужки, живописно и небрежно расположившіяся на той землѣ, которая взростила сосѣдей ихъ богачей, точно и онѣ, вмѣстѣ съ своими хозяевами, надѣятся измѣнить свой видъ, подобно всѣмъ этимъ богатымъ купцамъ, еще такъ недавно бывшимъ оброчными крестьянами графа Шереметева.

Всякая крайность вызываетъ крайность. Такъ и жители Воз-

несенскаго посада, помня непріязненныя отношенія крѣпостныхъ ивановцевъ къ нимъ—свободнымъ людямъ и къ ихъ перемѣщенію, старались вредить, чѣмъ только можно, прежнему своему гнѣзду, не смотря на то, что многіе изъ нихъ до того сжились съ роднымъ селомъ, что, перенеся свои фабрики на вновь ими купленную землю, остались жить сами въ селѣ Ивановѣ.

Борьба завязалась упорная. Купцы выстроили въ посадѣ огромный каменный гостиный дворъ и старались перевести къ себѣ всю лавочную и базарную торговлю села Иванова. Торговля эта имѣетъ огромное значеніе не только для фабрикантовъ, но и для всей Владимірской губерніи, такъ какъ въ Ивановѣ бываютъ по два раза въ недѣлю базары, на которыхъ производятся всѣ важнѣйшіе обороты, а 489 лавокъ его ведутъ торгъ по мелочамъ. Но, не смотря на все это, вознесенцамъ таки удалось выхлопотать у мѣстнаго начальства запрещеніе торговать въ Ивановѣ, такъ какъ села не имѣютъ у насъ по закону права такой торговли. Запрещеніе это, къ удовольствію вознесенцевъ, поставило бы Иваново въ самое затруднительное положеніе, если бы привычка не взяла свое: никто не хотѣлъ торговать и нанимать лавокъ въ посадѣ, а всѣ, по старому, шли въ Иваново.

Борьба дошла до того, что соперничали между собою не только фабрики и лавки того и другаго селенія, но даже улицы и соборы ихъ. О борьбѣ этой заговорили и наши журналы, такъ какъ въ обоихъ лагеряхъ появились свои литераторы, письменно отстаивавшіе близкіе ихъ сердцу и карману интересы. Эти литераторы, вмѣстѣ съ механиками, колористами, купеческими прикащиками и всей развитой молодежью, составляютъ среднiй классъ въ селѣ Ивановѣ, классъ самый образованный и развитой, къ которому принадлежатъ также и иностранцы, состоящіе при фабрикахъ; только послѣдніе не принимали никогда участія въ ожесточенной борьбѣ партій.

Этотъ среднiй классъ былъ почти весь за меньшую братію— ивановцевъ и отстаивалъ интересы ихъ въ газетахъ и журналахъ.

Манифестъ 19 февраля 1861 года, освободивъ крестьянъ, прекратилъ эти враждебныя отношенія и соединилъ ивановцевъ съ вознесенцами. Въ это время имъ было не до междоусобій, они общими силами отстаивали свои интересы, интересы бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, пришедшіе въ окончательное столкновеніе съ правами бывшихъ ихъ владѣльцевъ.

23 апрѣля 1863 года была введена уставная грамота въ селѣ Ивановѣ. Земли поступили въ надѣлъ крестьянамъ по 2 десятины на ревизскую душу. Всей земли 5,756 десятинъ, (486 квадр. сажень) изъ которой 235 десятинъ занято усадьбами села Иванова. Помѣщику платится оброка по 7 р. 20 коп. съ души, всѣхъ же повинностей оброчныхъ взимается по раскладкѣ 22 рубля съ тягла.

Чтобы дать понять читателямъ, какой видъ имѣетъ теперь Иваново съ бывшимъ врагомъ своимъ Вознесенскимъ посадомъ, мы приведемъ описаніе г. Безобразова, изъ записокъ котораго мы такъ много заимствовали для этого очерка: «И по характеру своего быта, и по наружности, Иваново есть городъ; съ своими выселками, Вознесенскимъ посадомъ и слободами, оно составляетъ одну неразрывную единицу населенія, почти даже сплошнаго; только внѣшнія, искусственныя условія жизни этого цѣльнаго организма могутъ разрывать его на части. Притомъ, Иваново имѣетъ со стороны и нѣсколько издали даже физіономію до такой степени городскую и пожалуй, въ мануфактурномъ отношеніи, европейскую, какой недостаетъ большей части нашихъ городовъ. Таково впечатлѣніе, производимое Ивановымъ: группа фабричныхъ строеній, посреди нихъ множество дымящихся паровыхъ трубъ и церковныхъ куполовъ, безконечный рядъ мытальныхъ и заварочныхъ заведеній, расположенныхъ на рѣкѣ Уводи; внутри разнообразное и оживленное народонаселеніе, исключительно преданное городскимъ занятіямъ, въ городской одеждѣ и городскихъ экипажахъ; ряды гостиницъ и лавокъ; площади, кипящія два раза въ недѣлю (во время ярмарокъ) народомъ всѣхъ возможныхъ сословій. Но всему этому не достаетъ присутственныхъ мѣстъ, по которымъ различаются

у насъ города отъ селъ. Зато Иваново имѣетъ особенность въ своей физіономіи, какой нѣтъ въ нашихъ оффиціальныхъ городахъ: эта особенность — чрезвычайная противоположность въ наружности построекъ и совершенная неправильность въ планѣ. Вы видите здѣсь многоэтажные каменные дома новѣйшей архитектуры посреди развалившихся лачугъ, остатковъ русской патріархальной деревни, запоздавшихъ подлѣ огромныхъ фабричныхъ корпусовъ; вообще здѣсь существуютъ человѣческія жилища, богатыя и бѣдныя, всякихъ назначеній — жилища, росшія по мѣрѣ надобности, одно подлѣ другаго, не спрашиваясь ни у архитектора, ни у строительной коммиссіи. Совершенно отличнымъ отъ этого безпорядочнаго, но живаго мѣста, представляется Вознесенскій посадъ, распланированный по всѣмъ новѣйшимъ соображеніямъ, съ своимъ Невскимъ проспектомъ, но мертвый и уединенный. Что касается до картины всего этого вблизи и въ своихъ деталяхъ, то она не представляетъ ничего изящнаго и сколько-нибудь примѣчательнаго; только на нѣкоторомъ разстояніи съ высокаго берега Уводи, эта тѣсная груда строеній, обвитая внизу шевелящимся фабричнымъ людомъ, а сверху дымомъ паровиковъ, которые безпрестанно оглушаютъ воздухъ свистомъ, имѣетъ какой-то особенный, непривычный въ Россіи, запахъ мануфактурнаго города, внушающаго почтеніе. Такъ и вообще, чтобы вполнѣ оцѣнить Иваново и понять его великое общественно-историческое значеніе въ нашемъ народномъ быту — необходимо взглянуть на него и обнять это значеніе на нѣкоторомъ разстояніи отъ Иванова, вдали отъ мелочей и дрязгъ его жизни».

«Въ Ивановѣ можно изучить постепенность всѣхъ, безъ изъятія, размѣровъ, коммерческихъ дѣлъ, всѣхъ формъ промышлености и всѣхъ видовъ фабричныхъ заведеній; здѣсь нагромождена, одна подлѣ другой, всѣ ступени промышленнаго развитія. Эти ступеин начинаются съ первостатейныхъ купцовъ (негоціантовъ въ полномъ смыслѣ слова), которые не имѣютъ вовсе собственныхъ заведеній, а только раздаютъ пряжу крестьянамъ, домашнимъ ткачамъ, по деревнямъ, чрезъ такъ называемыхъ коммиссаровъ,

и потомъ отдаютъ вытканный крестьянами миткаль печатать или пропускать на валахъ на фабрикахъ; подлѣ этого рода коммерческихъ операцій стоятъ обширныя, механическія паровыя фабрики съ пиротинами, многоколерными машинами, со всѣми утонченіями современной техники; спускаясь ниже по ступенямъ разныхъ категорій фабричнаго производства и техники, мы найдемъ здѣсь бокъ о бокъ съ громадными механическими заведеніями мельчайшихъ мастерковъ, или такъ называемыхъ кустарниковъ, мелочниковъ, горчечниковъ, которые до сихъ поръ печатаютъ ситцы на ручныхъ станкахъ XVIII столѣтія и всячески охраняютъ свой товаръ отъ солнечнаго луча и воды, которыхъ ихъ ситецъ, какъ они говорятъ, *не одолѣваетъ*. Наконецъ, мы здѣсь же найдемъ самыхъ мелкихъ торгашей, которые спекулируютъ и живутъ единственно насчетъ полученія нѣсколькихъ фунтовъ пряжи, или нѣсколькихъ аршиновъ ситца въ кредитъ, для продажи тотчасъ же на наличныя деньги. Все это: и механическая и домашняя фабричная промышленость, и крупные и мелкіе капиталы, и европейское знаніе дѣла, и полное въ немъ невѣжество удивительнымъ образомъ здѣсь перемѣшивается, переплетается, сталкивается, тѣснитъ и давитъ одно другое, хотя и никакъ не подавляетъ».

Надо прибавить, что г. Безобразовъ писалъ это въ 1861 году, и что многое измѣнилось въ Ивановѣ за эти семь лѣтъ: во-первыхъ, говорятъ, кустарное производство почти совершенно пало; потомъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ, 11 марта 1865 года не только утверждены недѣльные базары въ селѣ Ивановѣ (по понедѣльникамъ и четвергамъ), но дозволена селу ярмарка (Крестовоздвиженская отъ 14 по 26 сентября), а посаду дозволена Всесвятская (недѣльная съ перваго воскресенья послѣ Троицынаго дня). Наконецъ, въ Вознесенскомъ посадѣ устроенъ 8 іюня 1862 года общественный банкъ (съ основнымъ капиталомъ въ 13 тысячъ) и, съ 19 февраля 1868 года открыто училище для дѣтей мастеровыхъ и рабочихъ. Программа этого училища показываетъ, что оно устроилось не изъ одного желанія не отставать отъ городовъ, но съ яснымъ пониманіемъ не-

обходимости хорошей подготовки для будущихъ фабрично-рабочихъ. Въ уставѣ училища сказано: «Оно имѣетъ цѣлію, во-первыхъ, предоставить дѣтямъ лицъ, служащихъ при фабрикахъ, религіозно-нравственное развитіе. Во-вторыхъ, приготовить изъ нихъ будущихъ прикащиковъ, конторщиковъ и разнаго рода мастеровыхъ». Въ программѣ училища особенно замѣтно желаніе познакомить дѣтей съ отечественной исторіей и географіей, и доставить имъ средства изучить устройство машинъ и фабричное производство. Съ развитіемъ училища, предполагается открыть еще классъ съ дополнительнымъ курсомъ техническаго рисованія и нѣкоторыхъ ремеслъ, необходимыхъ при ситцевомъ производствѣ.

Но, не смотря на всѣ эти улучшенія села, показывающія прогрессъ развитія его жителей, еще и теперь послѣдніе бываютъ лишены весною всякаго сообщенія съ сосѣдними городами и селами. Причиной этому, разумѣется, плохое состояніе нашихъ проселочныхъ дорогъ, совершенно не проходимыхъ въ извѣстное время года. Выпишемъ нѣкоторыя интересныя подробности о состояніи этихъ дорогъ весною 1867 года. «Вслѣдствіе холодной весны и поздняго таянія снѣговъ», говоритъ корреспондентъ «Владимірскихъ Вѣдомостей», нынѣшнія проселочныя дороги наши были чрезвычайно худы. Кромѣ грязи и пучинъ, мѣстами онѣ были затоплены водою, даже и тамъ, гдѣ находятся постоянные мосты, такъ что черезъ нѣкоторыя рѣки, за неимѣніемъ подъѣзда къ мостамъ, торговцы должны были переѣзжать на плотахъ съ большой опасностью и значительными расходами. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить бывшая переправа черезъ рѣку Тезу въ селѣ Дуниловѣ, гдѣ, не смотря на постоянный мостъ, проѣзжающіе должны были переправляться на плотахъ съ платою по 3 р. сер. съ тройки. Такой трудный путь былъ причиною малаго стеченія народа, что влекло въ свою очередь къ плохой торговлѣ на ярмаркахъ, и торговля ивановскими ситцами шла очень тихо. По той же причинѣ и подвозъ сѣна на ярмарку пріостановился, и оно доходило до 1 рубля за пудъ. Въ началѣ распутицы цѣлыя три недѣли не

было подвоза никакихъ товаровъ въ здѣшнія мѣстности, также и отправки отсюда; двѣ недѣли нельзя было проѣхать изъ мѣстности въ мѣстность налегкѣ. Полторы недѣли невозможно было проѣхать, даже верхомъ, изъ села Танкова до Вознесенскаго посада (30 верстъ разстоянія). Мѣстности были положительно разъединены: по случаю снятія мостовъ невозможно было почти пробраться пѣшеходу; когда же навели мосты, и снѣгъ и вода немного сошли, сообщеніе хотя и возобновилось, но съ большими затрудненіями, доказательствомъ чего можетъ служить то, что плата за провозъ товара отъ Новковъ до Иванова (70 верстъ разстоянія) по 17 іюля стояла 60 к. сер. съ пуда, т. е. вчетверо противъ цѣнъ хорошаго пути».

Изъ всего этого ясно видно, какъ необходимо тутъ хорошее сообщеніе и какъ важенъ проектъ шуйско-ивановской желѣзной дороги. Проектъ этотъ утвержденъ Государемъ 2 мая 1867 года. Эта желѣзная дорога соединитъ Иваново съ Шуей, а Шую съ Новками, станціей Нижегородской желѣзной дороги. Длина строящей дороги 83 версты. Стоимость, по вычисленію инженеровъ, 5 милльоновъ, т. е. 60 тысячъ съ версты. Строитъ ее частная компанія. Съ грустью приходится замѣтить, что проектъ этотъ не такъ радостно былъ принятъ жителями села, какъ это можно было предположить; немногіе фабриканты вполнѣ понимаютъ необходимость этой дороги, и содѣйствуютъ ея строенію. Въ Ивановѣ, какъ и во всѣхъ мануфактурныхъ городахъ, высшее сословіе немногимъ отличается въ своемъ развитіи отъ низшаго сословія. Недаромъ говорятъ ивановскіе плебеи: «Что Вознесенскій посадъ! Это купцы только въ свою славу построили, фамильны (аристократичны) больно стали, а вчера были такіе же мужики, какъ и мы». Тутъ такъ быстро люди наживаются и разоряются, что немудрено каждому бѣдняку мечтать о богатствѣ и значеніи, когда сосѣдъ его милліонеръ начиналъ торговать съ такимъ же ничтожнымъ капиталомъ, какъ и онъ. Тутъ нѣтъ ни одного торговаго дома, ведущаго свое начало съ XVIII столѣтія, развѣ только одни Гарелины, да и тѣ раздѣлились на нѣсколько фирмъ. Паденіе здѣсь такъ же быстро, какъ и обогащеніе, и нищій

села Иванова, протягивая руку за милостыней, часто говоритъ: «Не гнушайтесь мной, вчера былъ въ золотѣ». Эта невольная зависть бѣдняковъ къ богачамъ, на которыхъ они привыкли смотрѣть какъ на равныхъ себѣ, служитъ поводомъ къ враждебнымъ столкновеніямъ низшаго класса съ высшимъ — рабочихъ съ фабрикантами. Враждебныя отношенія эти чувствовались уже во время борьбы села съ посадомъ, когда къ послѣднему примкнула вся денежная аристократія, постоянно дѣйствовавшая противъ мелкихъ торговцевъ, заселявшихъ село Иваново. Но главнымъ предметомъ неудовольствія служатъ злоупотребленія фабрикантовъ въ отношеніи рабочихъ, которыхъ они страшно тѣснятъ: вмѣсто денегъ расплачиваются съ ними бракованнымъ товаромъ, взыскиваютъ штрафы, о которыхъ глухо упоминается въ условіяхъ, вычитаютъ ежемѣсячно извѣстную сумму денегъ на поддержку больницъ, о которыхъ бѣдный классъ и слышать не хочетъ, увѣряя, что тамъ и лекарство-то отравлено фабрикантами; наконецъ *берутъ* многое *силкомъ*, по выраженію рабочихъ.

Немудрено, что все это заставляетъ часто возставать рабочихъ, и они массами покидаютъ фабрики и дѣлаютъ между собою складчины деньгами или вещами, перебиваясь, такимъ образомъ, во время продолжительныхъ своихъ споровъ съ фабрикантами. Складчины эти тѣмъ удобнѣе устраивать мастеровымъ, что они постоянно живутъ дружными артелями на фабрикахъ; между тѣмъ какъ фабриканты пикируются между собою и, увлекаясь мелочными интересами и тщеславіемъ, находятся постоянно въ недружелюбныхъ отношеніяхъ. Въ спорахъ рабочихъ съ фабрикантами принимаетъ большое участіе средній классъ, и тутъ онъ является на сторонѣ притѣсняемыхъ и печатно заявляетъ о злоупотребленіи разбогатѣвшихъ ивановцевъ. Закончимъ свой очеркъ словами. Г. Безобразова, обрисовывающими въ общихъ чертахъ сходство внутренняго быта всѣхъ ивановцевъ, начиная съ богатѣйшихъ фабрикантовъ и кончая начинающими мастерками: «Какъ ни разнообразны положенія разныхъ участниковъ этого мануфактурнаго міра, и

какъ ни различны условія существованія всего ивановскаго люда — весь онъ представляетъ одну стройную нравственную картину. Занятія и утѣхи во всѣхъ слояхъ здѣшняго общества тѣ же самыя; всѣ здѣсь отлично понимаютъ другъ друга. Различіе между разными группами людей здѣсь не болѣе, какъ между собственноручнымъ составленіемъ красокъ для ситца и самоличнымъ надзоромъ за этимъ дѣломъ; да и то надзоръ безпрестанно соединяется съ собственноручными *химическими опытами.* Различія здѣсь не болѣе какъ между виномъ различныхъ качествъ, упивающимъ различные классы общества: отъ 3 руб. виноградной бутылки иностранной укупорки до очищенной хлѣбной водки, да и тотъ и другой напитокъ безпрестанно между собою смѣшиваются при употребленіи. Кстати здѣсь замѣтимъ, что пьянство составляетъ одинъ изъ общественныхъ недуговъ ивановскихъ жителей; хотя этому недугу не чужды и другія населенія Россіи, но здѣсь онъ достигаетъ исключительно грандіозныхъ размѣровъ. Этотъ недугъ также соединяетъ въ одно гармоничное цѣлое всѣ слои ивановскаго народонаселенія и служитъ значительнымъ примиряющимъ началомъ между противоположностями быта. Кореннаго нравственнаго различія во внутреннемъ образѣ жизни и обиходѣ разныхъ группъ ивановцевъ рѣшительно не замѣчается; различіе здѣсь болѣе кажущееся и наружное: купеческіе капиталы владѣютъ многоэтажными каменными домами, съ кабинетами, гостиными и залами, отдѣланными со всѣмъ комфортомъ и роскошью столичной знати; они одѣты по послѣдней модѣ, и даже парижской и лондонской модѣ; но они скорѣе владѣютъ всѣмъ этимъ комфортомъ и этими утонченіями жизни, *нежели въ нихъ живутъ.* Въ этихъ убранныхъ палатахъ они принимаютъ, а живутъ въ другихъ, совсѣмъ неубранныхъ комнатахъ и конторахъ, близко подходящихъ, по своему запаху и виду, къ самому незатѣйливому жилищу простолюдина. Добудетъ денегъ любой изъ сѣраго ивановскаго народа — и завтра же заживетъ и одѣнется такъ, что вы никакъ не отличите его отъ самаго знатнаго вознесенца а разрядится онъ, непремѣнно и разрядитъ

въ пухъ прахъ свою жену, если не для собственнаго удовольствія, то хоть людямъ на показъ. Впрочемъ, одежда вообще не служитъ различіемъ въ Ивановѣ; она если не у всѣхъ одинакова, то также опять не качественно, а только количественно. Народнаго костюма здѣсь нѣтъ и слѣдовъ; кринолины сдѣлались гораздо болѣе народною одеждою, чѣмъ сарафанъ. Притомъ въ Ивановѣ есть замѣчательный обычай, который низводитъ женскій туалетъ и женское тщеславіе на самую крайнюю степень демократическаго равенства: женскія платья отдаются здѣсь напрокатъ. Этимъ объясняется тайна, которой мы сперва никакъ не могли понять: жены простыхъ мастеровыхъ, заработывающихъ какихъ-нибудь 300 р. сер. въ годъ, выходятъ гулять въ сто рублевыхъ шелковыхъ платьяхъ. Какіе-нибудь 10 р. сер. экстернаго прибытка могутъ доставить это удовольствіе любой ивановской женщинѣ. А тщеславіе наряда, тщеславіе быть одѣтой не лучше, а богаче другихъ, играетъ одну изъ главныхъ ролей въ жизни Иванова».

29. Сарепта.

Въ 1763 году нѣсколько иностранцевъ обратились къ императрицѣ Екатеринѣ II съ просьбою отвести имъ земли для населенія между Астраханью и Саратовомъ. Государыня, видя несомнѣнную выгоду для Россіи отъ заселенія этого края, тогда еще пустыннаго, изъявила на это свое согласіе и оказала матерьяльное пособіе поселенцамъ, даровавъ имъ на первое время значительныя льготы. Плодородіе почвы, прекрасный климатъ вскорѣ привели сюда новыхъ переселенцевъ, и число колонистовъ постоянно возрастало. Въ скоромъ времени пришлецы заняли все пространство отъ Царицына къ западу, такъ что для управленія колонистами устроена особая контора. Но правительство не мѣшало переселенцамъ свободно распоряжаться въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, и это-то обстоятельство заставляло иностранцевъ охотно покидать отечество. Между этими

колоніями Сарепта, основанная въ 1765 г. Моравскими братьями, къ которымъ присоединились впослѣдствіи выходцы изъ Голландіи и Германіи, стала быстро развиваться и въ настоящее время считается образцовою какъ по благосостоянію жителей, такъ и по трудолюбію и образу жизни колонистовъ.

Сарепта живетъ промышленостью; но виды промысловъ, на которые въ особенности обращалась дѣятельность жителей, нѣсколько разъ измѣнялись. Какъ скоро въ той или другой отрасли промышленнаго дѣла начиналась сильная конкурренція или измѣнялись благопріятныя условія, и промыселъ становился невыгоденъ колоніи, она оставляла его и принималась за другой; такимъ образомъ Сарепта съ самаго основанія получила для края значеніе разсадника новыхъ промысловъ. Въ началѣ завелись въ Сарептѣ мельницы мукомольныя и лѣсопильныя: тогда въ Сарептѣ было много воды, но потомъ, съ оскудѣніемъ ея, мельничное дѣло затихло. Сарепта славилась до 1823 года ткацкими фабриками, и въ связи съ ними распространилось въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ прядильное дѣло; сарептская бумага получила извѣстность въ Россіи и вывозъ ея усилился; въ эту пору ткацкія фабрики въ Сарептѣ ввели въ производство новую матерію, извѣстную подъ названіемъ сарпянки; но когда ткацкія фабрики въ Россіи расширили свое производство, и англійская бумага стала вытѣснять сарептскую, это дѣло ослабѣло въ Сарептѣ, а въ замѣнъ того распространилось красильное производство. Въ Сарептѣ заводились и суконныя фабрики; этотъ промыселъ прекратился, какъ скоро оказались неблагопріятныя для него условія. Табачная фабрика въ Сарептѣ была первая въ Саратовской губерніи и донынѣ пользуется извѣстностью такъ же, какъ мыльный и свѣчной заводы; но табачныя плантаціи въ Сарептѣ теперь почти уже оставлены, и фабрикація ослабѣваетъ вслѣдствіе конкурренціи, ею же возбужденной. Разведеніе винограда, тутовыхъ плантацій, выдѣлка сахару изъ сорго—за все это и за многое другое принималась сарептская промышленость; но опыты не всегда удавались.

Но горчичное производство издавна началось въ Сарептѣ и до сихъ поръ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали здѣсь сѣять горчицу; но въ Сарептѣ мало мѣстъ удобныхъ для посѣва, такъ какъ горчица всего лучше растетъ на влажныхъ мѣстахъ. Такихъ мѣстъ довольно въ степныхъ лощинахъ между Волгой и Дономъ, въ Черноярскомъ и Царевскомъ уѣздахъ Астраханской губерніи. Отсюда почти весь урожай горчицы поступаетъ въ Сарепту на заводы. Можно сказать, что Сарепта завела, Сарепта и поддерживаетъ здѣсь горчичныя плантаціи между жителями. Ежегодно весною фабриканты раздаютъ крестьянамъ сѣмена для посѣва, и затѣмъ, по окончаніи уборки, весь сборъ доставляется на фабрику по цѣнамъ, смотря по урожаю, отъ 80 коп. до 1 р. 50 к. за пудъ. Урожаи въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма различные, потому что зависятъ отъ множества непредвидимыхъ условій погоды и климата: при хорошемъ урожаѣ десятина даетъ до 80 пудовъ, что бываетъ рѣдко, а при плохомъ собирается и не болѣе 3 пудовъ съ десятины. Сосѣдніе съ Сарептой крестьяне охотно разводятъ горчицу, потому что сбытъ ея готовъ тотчасъ послѣ уборки; въ неурожайные годы фабриканты даютъ имъ деньги впередъ, въ видѣ задатка, безъ процентовъ. Основателемъ горчичной фабрикаціи въ Сарептѣ былъ Конрадъ Нейцъ, съ 1801 года; работа производилась у него сначала на ручной, а потомъ на лошадиной мельницѣ, но до 1815 года обработывалось не болѣе 1,000 пудовъ. Потомъ фабрика досталась по наслѣдству Гличу и распространилась значительно, такъ что теперь на новой фабрикѣ обработывается уже не менѣе 30,000 пудовъ. Кромѣ ея существуетъ въ Сарептѣ другая фабрика, г. Кноблоха, и по примѣру Сарепты, заведены подобныя фабрики въ селѣ Чамурлыкахъ Астраханской губерніи и въ Дубовскомъ посадѣ.

Заводъ братьевъ Гличъ въ нынѣшнемъ видѣ существуетъ съ 1852 года. Онъ помѣщается въ новомъ каменномъ 4-хъ ярусномъ зданіи, которое по вышинѣ своей и виду выдается изъ ряда остальныхъ домовъ въ Сарептѣ. Заводъ дѣйствуетъ паровою машиной въ 18 лошадиныхъ силъ. Горчичное сѣмя въ

мѣшкахъ поднимается прямо въ верхній этажъ и доставляется на очистительную машину. Отсюда очищенное сѣмя спускается въ третій этажъ и падаетъ на первые, — потомъ, во второмъ этажѣ, на вторые вальки, гдѣ оно щелушится. Пройдя черезъ вальки, зерна опять поднимаются въ 4-й этажъ посредствомъ черпальной машины и поступаютъ на механическія терки; съ тероки транспортные винты переносятъ ихъ на вѣяльную машину. Отсюда совсѣмъ очищенное сѣмя пересыпается трубою въ нижній этажъ. Здѣсь рабочіе кладутъ сѣмя подъ жернова для размолу и составленія горчичнаго тѣста. Тѣсто должно подвергнуться нагрѣванію и для этого устроенъ особый паровой аппаратъ, подъ названіемъ жаровни, съ механическими мѣшалками. Изъ согрѣтаго тѣста добывается масло гидравлическимъ прессомъ. Выжимки изъ-подъ масла поступаютъ опять подъ жерновъ и обращаются въ порошокъ, изъ котораго посредствомъ просѣвательныхъ цилиндровъ дѣлаются разные сорта горчицы. Нынѣшніе владѣльцы завода, братья Гличъ, сдѣлали въ немъ значительныя усовершенствованія, въ особенности по примѣненію механической силы вмѣсто ручныхъ работъ; зимою заводъ отопляется парами отъ машины. При немъ существуетъ для ремонта свое механическое и слесарное заведеніе.

Осмотрѣвъ заводъ, взойдемъ черезъ крыльцо верхняго этажа на открытую террасу, съ которой открывается прекрасный видъ на всю колонію съ рѣкою Сарпой и на широкую степь вокругъ. Непривычному взору странно видѣть эту степную равнину, голую, сухую, покрытую остатками травъ, сожженныхъ солнцемъ; только весною да осенью развивается здѣсь растительность, но съ половины мая до августа невыносимые жары вмѣстѣ съ сухимъ туманомъ, теплыми восточными и юговосточными вѣтрами уничтожаютъ здѣсь всякую зелень. Близъ самой колоніи степь принимаетъ однако же менѣе однообразный видъ; на югъ и на западъ тянутся отроги Ергеневскихъ горъ, которыхъ высота близъ Сарепты доходитъ до 400 футовъ; кое-гдѣ виднѣются лѣсистые островки. Подъ колоніей и садами не болѣе 58 десятинъ; но къ ней принадлежитъ по планамъ всего 15,821

десятинъ, въ числѣ коихъ 10,000 солончаковъ, такъ что пахатной и сѣнокосной земли приходится около 1,000 дес., да 874 десятины лѣсу, сберегаемаго съ особенною заботливостью. Вблизи самой колоніи уже виднѣются кибитки астраханскихъ калмыковъ, которыхъ кочевья подходятъ къ дачамъ Сарепты.

Съ высокой террасы мы могли слѣдить за извилистымъ теченіемъ рѣки Сарпы, впадающей въ Волгу, въ разстояніи одной версты отъ колоніи. Она состоитъ изъ ряда озеръ или солончаковъ, соединяющихся въ общемъ теченіи. Озера эти тянутся отъ Сарепты къ югу въ Астраханскую степь на 200 верстъ, и питаются степными источниками такъ скудно, что въ жаркіе мѣсяцы даже пересыхаютъ; оттого Сарепта нуждается въ водѣ и дорожитъ ею. Близъ колоніи есть два ключа, изъ которыхъ вода проведена въ поселеніе деревянными трубами, изъ одного на 340, изъ другаго на 1,300 саженъ; поддержаніе этихъ водопроводовъ стоитъ не менѣе 500 рублей въ годъ. Центральное водохранилище устроено въ садикѣ, огороженномъ посреди городской площади; изъ него вода проводится въ фонтаны, устроенные на каждой улицѣ, а также въ фабрики и заводы. Водопроводы доставляютъ въ Сарепту ключевой воды около 1,000 ведеръ въ часъ; но этого количества было бы недостаточно, потому что, по условіямъ здѣшняго климата и при продолжительныхъ засухахъ, сады, плантаціи и поля требуютъ искусственнаго поливанія. Для этого, вскорѣ по учрежденіи колоніи, рѣка Сарпа была запружена плотиной, въ 15 саженъ длины, съ 4 шлюзами. Посредствомъ этой плотины удерживается весной снѣговая вода, собственно для поливки садовъ, производящейся водоподъемными машинами, дѣйствующими лошадиною силой. Нужда заставила здѣшнихъ жителей заботиться о сбереженіи воды всѣми способами. Поемныхъ луговъ и естественныхъ займищъ нѣтъ въ Сарептѣ, а сѣна, получаемаго изъ степей, далеко не хватаетъ для прокормленія скота, и потому въ низменныхъ мѣстахъ устроены также малыя плотины, куда весною стекаетъ съ горъ снѣговая вода; ей даютъ разлиться

по лугамъ и потомъ направляютъ ее особымъ каналомъ въ рѣку Сарпу.

Какъ ни мала однако же рѣчка, сарептяне дорожатъ и гордятся ею, соединяя съ нею память о началѣ своей колоніи. Когда первые учредители колоніи, пять членовъ евангелическаго братскаго общества, отправились въ 1765 г. въ Царицынъ, осматривать мѣста для своего поселенія, эта пустопорожняя степь, служившая до тѣхъ поръ мѣстомъ передвиженія и кочевья дикимъ племенамъ монгольскимъ, напомнила набожнымъ гернгутерамъ странствованіе пророка Иліи черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту, и слова сказанныя имъ вдовѣ сарептянкѣ, что «мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ и чванецъ елея не умалится». Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой, и избрали эмблемой для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ. Не мало было затрудненій при основаніи Сарепты: всѣ строительные матеріялы и работниковъ надо было привозить издалека, всѣ инструменты для обзаведенія выписывать изъ-за границы. Русское правительство помогало имъ щедрою рукой, но и при этихъ вспоможеніяхъ только неослабное терпѣніе и постоянное трудолюбіе могло удержать ихъ на пустынномъ мѣстѣ и утвердить въ немъ промыслы, которыми держалась и до сихъ поръ держится колонія. Поселенцамъ приходилось жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ нападенія кубанскихъ татаръ, кабардинцевъ и калмыковъ большой орды. Въ пугачевщину жители должны были бѣжать изъ своей колоніи. Пугачевъ ее разграбилъ такъ, что по возвращеніи на мѣсто, надобно было все заводить сызнова. Съ пособіемъ отъ правительства колонія въ скоромъ времени поправилась и процвѣла снова; но жестокіе пожары 1812 и 1823 года два раза разоряли ее. Послѣдній былъ такъ гибеленъ, что многіе жители рѣшились оставить Сарепту. Однако же щедрое пособіе отъ императора Александра I и на этотъ разъ дало ей возможность поправиться. Она процвѣтаетъ и теперь, сколько можно судить по наружному ея виду и по сло-

вамъ тѣхъ жителей, съ которыми удалось намъ говорить. Они, повидимому, очень довольны своимъ положеніемъ. Они пользуются до сихъ поръ значительными льготами, которыя были предоставлены колоніи при ея основаніи. Они освобождены отъ рекрутской, квартирной, подводной и прочихъ повинностей, платятъ только поземельную подать по $7^1/_4$ коп. съ десятины, внося ее черезъ свое управленіе; пользуются правомъ свободнаго винокуренія и пивоваренія и свободной продажи вина въ предѣлахъ своего округа; по торговлѣ и промысламъ уволены отъ записки въ гильдію; только фабрики, учрежденныя въ колоніи, обязаны платить по 30 коп. со стана или по проценту съ капитала. Они управляются сами собою безъ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей, состоя только въ зависимости отъ министерства государственныхъ имуществъ. Управленіе внутренними церковными и гражданскими дѣлами въ Сарептѣ состоитъ изъ одного епископа или пресвитера братской евангелической церкви, одного младшаго пастора, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія. Для внутренняго судебнаго производства и для расправы по гражданскимъ дѣламъ учреждено у нихъ правленіе евангелическаго братскаго общества изъ двухъ начальниковъ, одного юстиціаріуса и двухъ выборныхъ засѣдателей. Правленіе это, считаясь наравнѣ съ магистратами, не подчинено никакому присутственному мѣсту и состоитъ въ зависимости только отъ министерства госуд. имуществъ, которому даетъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Въ судебныхъ дѣлахъ дѣятельность его примирительная, и не было еще примѣра, чтобы судебное дѣло между жителями Сарепты доходило до разбирательства общихъ судебныхъ мѣстъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ жители подчинены общему суду; но съ самаго основанія Сарепты въ ней, сказываютъ, не было ни одного уголовнаго дѣла. Всѣхъ жителей въ Сарептѣ около 450 обоего пола, и около 600 постороннихъ людей работаютъ на ея фабрикахъ и заводахъ. Ежегодные общественные расходы на содержаніе колоніи и жалованье должностнымъ лицамъ простираются до 10,000 р. и покрываются доходами съ обще-

ственныхъ промысловъ, общественной торговли и личнымъ сборомъ.

Послѣ осмотра фабрики Глича, сада и виноградныхъ плантацій Гильделфальда, мы отправились гулять по широкимъ и чистымъ улицамъ колоніи. На дорогѣ попался намъ обязательный сарептянинъ, который вызвался быть нашимъ путеводителемъ; намъ совѣстно было сказать ему, что намъ хотѣлось бы побывать въ одномъ изъ домиковъ, которые такъ привѣтливо глядѣли на насъ изъ-за зелени, и посмотрѣть, какъ живутъ сарептяне дома. Наконецъ мы рѣшились и спутникъ нашъ, одинъ изъ здѣшнихъ горчичныхъ фабрикантовъ, предложилъ намъ войдти въ его домъ, который случился тутъ же по близости. Съ улицы къ дому примыкало небольшое крыльцо. Десятилѣтній мальчикъ, сынъ хозяина, въ красной шелковой дѣтской рубашкѣ, отворилъ намъ дверь, и любезный хозяинъ прямо изъ передней провелъ насъ въ большую залу, очень опрятно убранную, увѣшанную картинами и портретами. Въ одномъ концѣ комнаты стоялъ прекрасный рояль: въ Сарептѣ почти всѣ занимаются музыкой, особливо женщины. Рояль принадлежалъ хозяйкѣ, и мы спѣшили ознакомиться съ ея нотами, которыми была наполнена стоявшая въ углу этажерка. Здѣсь прежде всего попался намъ Гуммель, потомъ Бетговенъ, котораго, по словамъ хозяина, особенно любятъ въ колоніи, Мендельсонъ—Бартольди... Вся этажерка была наполнена классическими именами, обозначавшими вкусъ здѣшнихъ любителей музыки. На роялѣ лежало впрочемъ и нѣсколько новыхъ вальсовъ небольшою кучкой; въ другихъ тетрадяхъ видѣли мы собраніе шведскихъ и нѣмецкихъ гимновъ и пѣсенъ. Между нотами лежали тетрадки нѣмецкихъ журналовъ для юношества, нумера Gartenlaube и т. п. Черезъ нѣсколько времени вошла хозяйка, которая всѣмъ намъ показалась очень любезною, и мы не замѣтили, какъ прошло болѣе получаса въ разговорѣ, очень интересовавшемъ насъ. Мы слышали, что жизнь гернгутеровъ скучна и тосклива: ничего похожаго на скуку и угрюмость не замѣтили мы въ своихъ хозяевахъ. Они казались очень веселы, привѣтливы, слово-

охотливы, и не знали, какъ нахвалиться своею жизнью въ Сарептѣ. Здѣсь, говорили они, мы не знаемъ, что такое скука, мы всегда заняты, и когда бываемъ въ Саратовѣ, ждемъ не дождемся возвращенія домой. Впрочемъ хозяйка наша выѣзжала изъ Сарепты только разъ въ жизни, но не далѣе Саратова, и то ненадолго. Каждый изъ членовъ этой маленькой общины занятъ своимъ дѣломъ цѣлое утро. Вечера они проводятъ въ семьѣ; многіе занимаются музыкой, читаютъ (въ Сарептѣ есть общая библіотека, кромѣ того почти въ каждомъ домѣ есть своя небольшая библіотека), выписываютъ журналы и мѣняются ими другъ съ другомъ для чтенія. «Правда ли, что у васъ запрещены танцы?» спрашивали мы. «Да, — отвѣчалъ съ улыбкою хозяинъ:—то-есть прямаго и рѣшительнаго запрещенія нѣтъ, но танцы у насъ вообще не одобряются. Зато,—прибавилъ нашъ хозяинъ:—въ музыкѣ предоставляется полнѣйшая свобода. Одинъ изъ нашихъ пасторовъ прекрасно знаетъ музыку, и онъ главный директоръ музыкальныхъ занятій у насъ въ Сарептѣ.» Этого пастора особенно хвалилъ нашъ хозяинъ. «Когда бъ вы видѣли,—говорилъ онъ:—какъ этотъ пасторъ любитъ дѣтей нашихъ и объ нихъ заботится. Онъ у насъ первый учитель дѣтей нашихъ.»

Каждый вечеръ въ Сарептѣ бываетъ богослуженіе, на которое сходится собраніе, впрочемъ не обязательно. Здѣсь поются гимны и читаются иногда «Missionsbriefe,» извлеченіе изъ писемъ и донесеній о дѣйствіяхъ и судьбѣ миссіонеровъ гернгутеровъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстно, что миссіонерство составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей гернгутерскаго общенія и общины гернгутерскія высылаютъ миссіонеровъ во всѣ части свѣта. Изъ числа нынѣшнихъ сарептскихъ пасторовъ одинъ родился въ Гренландіи, а другой въ Лабрадорѣ. Съ 1732 евангелическое братство гернгутеровъ заявило съ успѣхомъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Вестъ-Индіи, на Суринамѣ, въ южной и средней Африкѣ, у индійцевъ Сѣверной Америки и между эскимосами. Главнымъ побужденіемъ ихъ при выборѣ приволжскихъ степей для поселенія была близость калмыковъ,

между которыми они задумали распространять христіанство. До 1815 года нѣсколько членовъ Сарептскаго общества постоянно занимались изученіемъ калмыцкаго языка; одинъ изъ нихъ, Шмидтъ, бывшій послѣ того академикомъ, предпринялъ, по порученію Россійскаго Библейскаго Общества, переводъ Новаго Завѣта на калмыцкій языкъ, и окончилъ переводъ Евангелія отъ Матѳея, напечатанный въ 1815 году, на счетъ Библейскаго Общества. Сарептскіе миссіонеры занялись распространеніемъ этого перевода между калмыками; первые опыты ихъ миссіонерской дѣятельности имѣли успѣхъ, но съ 1823 года эти опыты прекратились, такъ какъ гернгутерамъ положительно запрещено было причислять калмыковъ къ своему обществу, и первыя калмыцкія семьи, обращенныя въ христіанство сарептскими миссіонерами, причислены къ православной церкви.

Въ Сарептѣ видно очень мало молодыхъ людей: они по большей части въ отлучкѣ. Я спрашивалъ у одного изъ здѣшнихъ жителей, гдѣ его сыновья. Оказалось, что одинъ—въ Саратовѣ, живетъ коммиссіонеромъ, другой — въ Германіи, доканчиваетъ курсъ наукъ въ одной изъ богословскихъ семинарій, третій — въ Сарептѣ, занимается при аптекѣ. Въ Сарептѣ есть своя школа, хорошо устроенная, для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно. Учители выписываются изъ Германіи, а курсъ, не ниже гимназическаго. Вообще всѣ члены сарептскаго общества умѣютъ читать, писать и знаютъ ариѳметику. Сарептяне считаютъ необходимымъ учить своихъ дѣтей и русскому языку, но учитель русскаго языка у нихъ не изъ русскихъ: они приготовили для этого нѣмца, пославъ предварительно въ Петербургъ для систематическаго изученія русскаго языка. Почти всѣ сарептяне, по крайней мѣрѣ мужчины, говорятъ довольно свободно по-русски, и это для нихъ необходимость, потому что по своимъ торговымъ и промышленымъ дѣламъ они должны входить въ безпрерывныя сношенія съ русскими и брать русскихъ работниковъ на свои фабрики. И наоборотъ, здѣсь не рѣдкость встрѣтить русскаго работника, который свободно говоритъ по-нѣмецки; даже нѣкоторые калмыки выучились нѣмецкому языку.

О калмыкахъ вообще слышали мы отъ сарептянъ добрые отзывы: «Калмыки — все равно что дѣти,» говорили намъ, но въ то же время жаловались, что между сосѣдними калмыками сильно развито конокрадство.

По случаю пріѣзда въ колонію Великаго Князя сарептяне устроили торжественное богослуженіе. Мы отправились пѣшкомъ въ церковь, которая помѣщается въ особенномъ домѣ на площади: храмъ состоитъ изъ одной большой четвероугольной залы, безъ всякихъ украшеній, кромѣ повѣшенной на стѣнѣ картины съ изображеніемъ Распятія. Стѣны просто выбѣлены; наверху съ обѣихъ сторонъ сдѣланы хоры: на однихъ помѣщалась часть собранія, на другихъ — хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ; въ послѣднихъ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепчикахъ съ розовыми лентами. Вдоль залы съ одной стороны поставлены были рядами скамьи, занятыя братьями и сестрами въ праздничныхъ платьяхъ. Съ другой стороны по стѣнѣ, на возвышеніи, стоялъ простой покрытый столъ для проповѣдника, и рядомъ со столомъ еще рядъ скамеекъ и стульевъ, на которыхъ мы заняли мѣста вслѣдъ за Великимъ Княземъ. Кромѣ прихожанъ, въ церкви помѣстилось стоя множество народа, собравшагося изъ любопытства; въ числѣ прочихъ тутъ стояли и калмыцкіе гелюны въ своихъ желтыхъ костюмахъ. Богослуженіе открылось гимномъ изъ Сотворенія Міра Гайдна, который исполнили весьма удовлетворительно пѣвчіе на хорахъ съ аккомпаниментомъ инструментальной музыки. Потомъ всталъ съ своего мѣста пасторъ, и вслѣдъ за нимъ поднялось все собраніе. На немъ была церемоніальная пасторская одежда съ бѣлою манишкою; но намъ сказывали, что вообще эта одежда не употребляется при богослуженіи Гернгутеровъ, и пасторы ихъ остаются въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Обратясь лицомъ къ собранію, пасторъ произнесъ торжественнымъ, но монотоннымъ голосомъ благодарственную молитву о благоденствіи Государя Императора, Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всего царствующаго дома: молитва была довольно продолжительна, а послѣ молитвы все собраніе стоя пропѣло пре-

красный гимнъ, который всѣмъ намъ очень понравился, и мелодіей и ея исполненіемъ. Музыка имѣетъ очень важное значеніе и въ богослуженіи Гернгутеровъ и въ домашней жизни. Особенно всѣ дѣйствія и событія, имѣющія религіозное значеніе, освящаются музыкою. Каждый хоръ или каждый отдѣлъ общественный имѣетъ свои гимны на разные случаи. Въ Гернгутѣ, какъ скоро умираетъ членъ общины, раздается съ высокой башни, при трубномъ звукѣ, гимнъ, по которому можно распознать, къ какому хору принадлежалъ умершій: каждый хоръ имѣетъ свою погребальную пѣснь. При звукахъ трубъ, съ музыкою несутъ тѣло на кладбище. Въ день пасхи главное торжество совершается на кладбищѣ, куда вся община отправляется съ музыкою на восходѣ солнца. Для богослуженія у Гернгутеровъ назначены собранія, по нѣскольку разъ въ день, обыкновенно три раза, по $^3/_4$ заразъ, и послѣднее богослуженіе соединяется всегда съ пѣніемъ тѣхъ стиховъ, которые относятся къ такъ-называемому дневному лозунгу, или библейскому тексту: выборка и назначеніе такихъ текстовъ дѣлается обыкновенно на каждый годъ для всей общины центральнымъ церковнымъ или синодальнымъ собраніемъ. Замѣчателенъ еще у Гернгутеровъ обычай частаго причащенія, которому всякій разъ предшествуетъ такъ называемая вечеря любви: на этой вечерѣ, съ молитвами и пѣніемъ разносятся всѣмъ присутствующимъ чай, молоко и хлѣбное печенье.

Извѣстно, что у Гернгутеровъ всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ-называемые хоры, какъ—то: хоры дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, холостыхъ сестеръ, вдовцовъ, вдовъ, и каждый хоръ имѣетъ своего блюстителя или блюстительницу, обязанныхъ наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. На блюстителѣ лежитъ обязанность приготовлять членовъ своего хора къ причастію, въ которомъ по правилу участвуютъ всѣ черезъ четыре воскресенья: для этого онъ съ каждымъ по одиночкѣ бесѣдуетъ о душевномъ его состояніи, вмѣсто исповѣди. Въ Гернгутѣ холостые братья вмѣстѣ съ молодыми людьми, кончившими курсъ

ученья, живутъ въ одномъ т. наз. братскомъ домѣ, гдѣ занимаются ремеслами и работами вмѣстѣ; точно также живутъ сестры, вдовицы и вдовцы. Даже и состоящіе въ бракѣ раздѣлены по хорамъ, хотя живутъ въ домахъ своихъ. Собраніе или совѣтъ старшинъ наблюдаетъ за хорами чрезъ блюстителей или предстоятелей.

Сарепта имѣетъ многихъ противниковъ, которые не могутъ примириться съ мыслью, что посреди русскаго населенія и на русской землѣ существуетъ островокъ нѣмецкихъ людей, которые, не имѣя органической связи съ землею и чуждые быту ея, живутъ себѣ лишь на пользу, тяготѣя въ чужой національности и не раздѣляя съ русскимъ населеніемъ общихъ государственныхъ и земскихъ тягостей. Это мнѣніе людей, не сочувствующихъ Сарептѣ, можно понимать и не соглашаясь съ нимъ, но мнѣ представляется въ немъ увлеченіе и крайность національнаго чувства или отвлеченнаго разсужденія. Кажется, что не переставая быть русскимъ человѣкомъ и не ослабляя національнаго чувства, можно терпѣть въ русской землѣ такое явленіе, какъ Сарепта и даже сочувствовать ему: на это есть основательныя причины.

Сарептскіе гернгутеры, пожалуй, гости въ нашей землѣ, но этихъ гостей мы вызвали и приняли, и притомъ, по особенностямъ своего общественнаго устройства, они повсюду казались бы гостями и составляли бы особенный островъ. Эти гости, можетъ-быть, прямо не заинтересованы въ нашей домашней экономіи: но они не враждебны ей, и этого покуда довольно. Войдя къ намъ въ домъ, они никого не вытѣснили; они заняли пустой уголъ, который безъ нихъ, по всей вѣроятности, оставался бы пустымъ и до сего времени. Если они завели въ нашей пустынѣ цвѣтущій островокъ, и поддерживаютъ его до сихъ поръ въ цвѣтущемъ видѣ, мы можемъ только радоваться этому, хотя бы они работали на себя, думая о своей пользѣ: работая на себя, умножая свои капиталы, они и намъ приносятъ пользу хоть тѣмъ однимъ, что создаютъ движеніе тамъ, гдѣ его не было прежде. Можетъ быть, въ дру-

томъ обществѣ, достигшемъ цѣльнаго экономическаго развитія. Сарепта, съ ея особенностями и привилегіями, была бы явленіемъ уродливымъ, заѣдала бы чужой хлѣбъ, колола бы глаза несправедливостью: у насъ, при неравномѣрности нашего экономическаго развитія и особенно въ томъ пустынномъ краѣ, гдѣ Сарепта находится, она имѣетъ значеніе и можетъ процвѣтать, ничѣмъ не оскорбляя національнаго чувства. Что касается до ея привилегій, — можно спорить о мѣрѣ, до которой онѣ могутъ простираться; но нельзя отрицать, что безъ этихъ привилегій невозможно было бы существованіе Сарепты въ степяхъ Царицынскихъ. Люди, близко знакомые съ краемъ, говорили намъ, что нельзя сомнѣваться въ великой пользѣ, которую приноситъ ему Сарепта: занимая много рукъ своими промыслами, она многихъ кормитъ. Еще важнѣе то нравственное и экономическое дѣйствіе, которое производитъ примѣръ ея; отъ нея распространились въ краю промыслы, о которыхъ прежде здѣсь не думали; она поддерживаетъ экономическое движеніе, заводя у себя безпрестанно новые промыслы и оставляя ихъ, какъ скоро они успѣли войдти въ обращеніе: въ этомъ отношеніи особенно важно, какъ сказывали намъ, вліяніе Сарепты на остальныя нѣмецкія колоніи Саратовской и Самарской губерній.

30. Рыбинскъ.

Удивительное впечатлѣніе производитъ Рыбинскъ на каждаго, кто первый разъ посѣщаетъ его! Рыбинскъ расположенъ на берегу Волги, противъ самаго устья Шексны. Весною и лѣтомъ, въ самый развалъ судоходства, Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ до 230 саженей, покрывается сплошною массою судовъ, составляющихъ подобіе моста, такъ что по этому импровизированному мосту легко перейти съ одного берега на другой. А какъ разнообразенъ и пестеръ этотъ мостъ! Въ одномъ углу останавливается невольно глазъ на легкой изящной бѣлозеркѣ, съ двумя стройными мачтами и опрятной палу-

бой, а тамъ торчитъ безобразный шитикъ съ плоскимъ дномъ, крутыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ и длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но за то нѣтъ барки, которая бы не была изукрашена самой узорчатой рѣзьбой, при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную и единственную роль играютъ топоръ да ножъ, — изрѣдка развѣ долото.

Наибольшее скопленіе судовъ въ Рыбинскѣ бываетъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ; сюда приходитъ ежегодно съ нижнихъ частей Волги отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ, а отсюда отправляется до 8-ми тысячъ слишкомъ судовъ. Городское населеніе, простирающееся въ обыкновенное время до 11,000 душъ обоего пола, достигаетъ въ лѣтнее время громадной цифры 100,000 душъ. Главная причина такого скопленія судовъ и такого стеченія народа заключается въ томъ, что отъ Рыбинска волжскій фарватеръ мельчаетъ, и кладь должна перегружаться съ судовъ большихъ размѣровъ на суда болѣе мелкія, предназначенныя для плаванія по каналамъ. Поэтому-то вся дѣятельность Рыбинска состоитъ въ выгрузкѣ, нагрузкѣ и перегрузкѣ товаровъ; для этой-то операціи прибываетъ громадное число рабочихъ и собирается разнаго рода людъ — хозяева, прикащики, коммиссіонеры, лоцманы, коноводы и разнаго рода спекулянты. Зная число приходящихъ судовъ и усиливающагося населенія во время навигаціи, можно себѣ представить легко, какое движеніе, какая жизнь и суета должна быть въ Рыбинскѣ, и какъ все это пестрое, пришлое населеніе толкается, бѣгаетъ, кричитъ и кишитъ на обоихъ берегахъ Волги, и на берегахъ Шексны, и на разнообразныхъ пристаняхъ и на верфи — этой единственной по своему значенію пристани.

Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и подраздѣляется на нѣсколько отдѣленій или пристаней, въ которыхъ размѣщаются суда, смотря по ихъ грузу, по ихъ назначенію и по потребностямъ. Такъ напр., барки, застигнутыя здѣсь позд-

нимъ временемъ, остаются на зимовку въ Черемухинской пристани, нарочно для этого предназначенной. Такое систематическое размѣщеніе необходимо для сохраненія порядка въ пристани, гдѣ собирается иногда разомъ до 2,000 и болѣе барокъ.

Между судами, наиболѣе употребительными по верхней Волгѣ, по ея притокамъ въ этихъ частяхъ и по каналамъ, первое мѣсто занимаютъ барки и полубарки. Барки имѣютъ отъ 17 до 18 саженей въ длину и отъ 3 — 4 саж. ширины, подымая до 7,000 пудовъ грузу; полубарки во всемъ схожи съ барками, но при той же ширинѣ имѣютъ 12 саж. длины, подымая отъ 4 — 5,000 пудовъ грузу. Вообще должно замѣтить, что почти каждая значительная рѣка, каждая водяная система имѣетъ свои исключительно ей принадлежащія суда, какъ-то: вышневолоцкія суда, тихвинки, соминки, бѣлозерки и друг., хотя многія изъ нихъ, не смотря на свои особенныя названія, отличаются самыми незначительными особенностями другъ отъ друга.

Въ послѣднее время главная отправка грузовъ изъ Рыбинска въ С.-Петербургъ производится преимущественно по Маріинской системѣ. Отправка судовъ Вышневолоцкимъ путемъ уменьшается потому, что судоходство встрѣчаетъ здѣсь препятствія отъ долговременнаго скопленія каравановъ въ Вышнемъ-Волочкѣ для спуска въ пороги, отъ чего провозная плата обходится дороже Маріинскаго пути. Тихвинскій путь, хотя короче обѣихъ системъ, и по немъ доставляется кладь изъ Рыбинска въ Петербургъ въ 30 или 40 дней, но за то большою помѣхой считается здѣсь мелководіе рѣкъ, вслѣдствіе чего кладь можетъ доставляться только въ соминкахъ, маломѣрныхъ лодкахъ, поднимающихъ груза всего отъ 2 — $2^1/_2$ тысячъ пудовъ. Маріинскій же путь болѣе безопасный и болѣе выгодный, такъ какъ менѣе мелководенъ, и провозная плата по немъ обходится дешевле.

Отъ Рыбинска вверхъ по Шекснѣ введена новая система пароходства. До сихъ поръ на нашихъ судоходныхъ рѣкахъ существовало для буксированія судовъ съ грузомъ два рода

пароходовъ: 1) *буксирные* или *тяжелые*, на которыхъ преимущественно перевозятся цѣнные товары, грузимые или на самый пароходъ, или на находящіяся при нихъ баржи, и 2) *кабестанны*, т. е. суда съ полнымъ паровымъ приборомъ, сила котораго устремлена на воротъ или шпиль, на который наматывается канатъ отъ завознаго якоря, заброшеннаго на полверсты впередъ. Къ этимъ двумъ видамъ присоединился теперь третій — *туэры*, т. е. паровыя суда, движущіеся по желѣзной цѣпи, погруженной на дно рѣки. Система движенія та же, что съ завознымъ якоремъ коноводокъ и кабестанныхъ пароходовъ, но разница въ томъ, что точки опоры парохода находятся въ цѣпи, положенной на днѣ рѣки и укрѣпленной у Череповца почти за 200 верстъ. Эта цѣпь навивается и приводитъ въ движеніе пароходъ, тянущій за собой большія барки съ грузомъ. Компанія этого цѣпнаго пароходства намѣрена вышеописаннымъ способомъ буксировать суда по рѣкамъ Шекснѣ, Окѣ и Москвѣ отъ Рыбинска до Бѣлозерскаго канала и отъ Нижняго-Новгорода до Коломны и Москвы. Эти туэры окажутъ благодѣтельное вліяніе тѣмъ, что совершенно устранятъ конную тягу и неразлучную съ нею заразу, этотъ бичъ для нашего скотоводства.

Главную кладь судовъ, подвозимыхъ къ Рыбинску, составляетъ *хлѣбный товаръ:* мука ржаная и крупичатая, рожь, овесъ, ячмень и т. д., доставляемыя съ Волжскихъ и Камскихъ пристаней губерній: Казанской, Вятской, Симбирской и Нижегородской. *Пшеница* получается изъ Самарской и Саратовской. Далѣе слѣдуетъ *сало* — изъ Самарской, Пермской, Оренбургской и Тамбовской; *корабельный лѣсъ* — изъ Вятской, Казанской и Пермской; *хлѣбный спиртъ* — изъ Пензенской, Тамбовской и Нижегородской; *мочальныя издѣлія* — изъ Вятской, Казанской, Костромской и Нижегородской; *желѣзо, мѣдь* и *металлическія издѣлія* — изъ Пермской и Оренбургской. Само рыбинское купечество ведетъ торгъ: хлѣбомъ, колоніальными товарами, судовыми припасами и постройкою судовъ. На верфи Николо-Абакумовской пристани строится ежегодно разнаго рода

судовъ отъ 250 до 325; на канатной фабрикѣ братьевъ Журавлевыхъ изготовляется ежегодно канатовъ до 200,000 пудовъ, преимущественно для внутренняго потребленія.

Канатная фабрика братьевъ Журавлевыхъ заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ. Она существуетъ съ 1858 года, на берегу р. Шексны при Николо-Абакумовской пристани, и дѣйствуетъ паровою машиною низкаго давленія въ 60 силъ. Пенька, для этой фабрики, закупается въ Орловской губерніи, которая по ровности и плотности волокна не имѣетъ себѣ подобной въ цѣломъ свѣтѣ; закупленная пенька треплется въ Орлѣ, потомъ грузится на суда, отправляется въ Рыбинскъ и тамъ складывается въ обширные каменные амбары. (Запасъ пеньки, на этой фабрикѣ, во всякое время бываетъ не менѣе 200,000 пудовъ). Изъ амбаровъ бунты съ пенькою перевозятся на вагонахъ по желѣзно-конной дорогѣ на фабрику, поднимаются машиною въ четвертый этажъ, гдѣ ихъ развязываютъ и пеньку сортируютъ по качествамъ. Разсортировавши, кладутъ пеньку на вагонъ и везутъ по устроенной въ 4-мъ этажѣ желѣзной дорогѣ, съ которой спускаютъ прямо въ чесальни, находящіяся въ третьемъ и второмъ этажахъ фабрики. Тутъ она переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія: одни чешутъ, другіе прядутъ, третьи опускаютъ въ кипящую смолу, четвертые наматываютъ, пятые вытягиваютъ, скручиваютъ и т. д., и все это совершается съ помощью машинъ. Тутъ же при фабрикѣ находятся лѣсопильный заводъ, слесарное заведеніе и кузница, дѣйствующія силою той же фабричной паровой машины. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ людей, работающихъ на фабрикѣ (числомъ до 850 чел.), нѣтъ ни одного иностранца, кромѣ нѣмца механика, состоящаго при паровой машинѣ, — всѣ остальные русскіе, не исключая и мастера, заправляющаго всѣмъ канатнымъ производствомъ. Изъ большихъ паровыхъ машинныхъ фабрикъ Россіи извѣстны только двѣ въ Петербургѣ, Казалета и Гота, да третья Журавлевыхъ.

Канатная фабрика братьевъ Журавлевыхъ не можетъ не возбудить общей мысли о канатномъ дѣлѣ въ Россіи. Никакая

страна въ мірѣ не производитъ пеньки такого превосходнаго качества, какъ Россія, и всеобщая потребность въ канатахъ прямо указываетъ на издѣліе, въ которомъ наша промышленность могла бы выдержать конкуренцію съ иностранными фабриками того же рода. А между тѣмъ, хотя въ послѣднее время вывозъ пеньки въ Англію значительно и усилился, но сбытъ канатовъ еще крайне затруднителенъ для русскихъ фабрикантовъ, не имѣющихъ своихъ торговыхъ домовъ за границей.

Годовой оборотъ мѣстной торговли Рыбинска доходитъ до 5—6 милліоновъ р. сер., доходы городскіе простираются ежегодно до 60 тыс. (43 тыс.) р. сер., а расходы до 27 тысячъ. Изъ этихъ остатковъ составился капиталъ, и эти средства дали возможность городу основать общественный банкъ и устроить купеческую биржу, съ цѣлью дать правильное движеніе торговымъ оборотамъ и поставить рыбинскую пристань на степень благоустроеннаго внутренняго порта. Но, къ сожалѣнію должно сказать, что большая часть Рыбинскаго и иногороднаго купечества, придерживаясь старины, ведетъ свои коммерческіе обороты въ тайнѣ и всѣ сдѣлки производитъ или на площади въ толпѣ чернорабочихъ, либо дома, либо въ гостиницахъ и харчевняхъ за чаемъ и закуской. При такомъ настроеніи торговаго сословія прекрасный биржевой залъ пустъ и служитъ нерѣдко мѣстомъ сценическаго представленія какого-нибудь странствующаго артиста! Въ этомъ же зданіи помѣщается судоходная расправа, и возлѣ него выстроена галлерея для лоцмановъ. Рыбинская биржа — это одно изъ лучшихъ зданій; оно выходитъ однимъ фасадомъ на берегъ, откуда открывается широкій видъ на Волгу и на Шексну.

Не смотря на то, что Рыбинскъ владѣетъ богатыми средствами, онъ имѣетъ тотъ же грязный видъ и тѣ же неудобства, какъ и всѣ наши города. Въ лѣтнюю пору на набережной осаждаютъ прохожаго толпы нищихъ, привлекаемые сюда купеческимъ обычаемъ одѣлять въ праздники всю нищую братію; отъ скопленія чернорабочихъ невыносимая вонь и страшная нечистота. Внутри гостинаго двора поражаетъ васъ тоже убій-

ственное зловоніе, на городскомъ бульварѣ душитъ васъ смрадъ печей, жгущихъ известку, которыми усѣянъ весь противоположный берегъ; нѣтъ ни хорошихъ мостовыхъ, ни хорошихъ гостиницъ, ни хорошей больницы. Всѣ эти неудобства происходятъ, конечно, вслѣдствіе отсутствія потребности у самихъ жителей чистоты и опрятности, такъ рѣзко кидающагося вездѣ въ глаза.

Рыбинскъ прежде былъ просто *Рыбною слободою*, которая по своему удобному географическому положенію съ открытіемъ искусственнаго водянаго сообщенія, получила новое значеніе и съ 1778 года переименовалась въ уѣздный городъ Рыбинскъ, значеніе котораго постоянно возрастало, и который теперь занимаетъ равное мѣсто съ Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью по объему своихъ оборотовъ, по числу судовъ и по своему огромному значенію въ Волжской торговлѣ, для которой онъ служитъ центромъ. Рыбинскъ, посредствомъ канала, Александра Виртембергскаго, соединяетъ область Волги съ Архангельскомъ и съ рѣчною областью Сѣверной Двины; вся торговля по Волгѣ и ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, въ Рыбинскѣ, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многоразличныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея. Рыбинскъ образовалъ собою особую торговую границу въ волжскомъ судоходствѣ, это послѣдняя, но главная приволжская станція на пути въ сѣверную столицу.

Какъ ни выгодно положеніе Рыбинска въ торговомъ отношеніи, надо замѣтить, что еще не достаетъ ему одного и весьма важнаго предмета — это желѣзной дороги до Петербурга. При существованіи ея не было бы того застоя въ хлѣбной торговлѣ, который нынѣ случается и вводитъ въ убытки торговое сословіе, а слѣдовательно, вредитъ и пользамъ государства. Если бы существовала желѣзная дорога, тогда въ половинѣ мая хлѣбъ былъ бы въ Петербургѣ, а въ іюнѣ поспѣлъ бы на иностранные рынки, когда цѣны на него еще высоки; тогда какъ сплавляемый по водянымъ путямъ онъ доходитъ до Петербургскаго порта едва въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Въ это время цѣны на

хлѣбъ за границей падаютъ, вывозъ становится невыгоднымъ, и хлѣбъ либо остается на рукахъ непроданнымъ, либо сбывается съ убыткомъ. Эти препятствія привели рыбинскихъ торговцевъ къ убѣжденію, что устройство желѣзной дороги отъ *Рыбинска* до *Бологова,* для соединенія его съ николаевскою желѣзною дорогою, есть одна изъ насущныхъ потребностей нашей внутренней промышлености. Въ настоящее время эта вѣтвь желѣзной дороги, принявшая нѣсколько другое направленіе, подъ названіемъ Рыбинско-Осеченской, уже строится.

31. Великій Новгородъ.

«Померкла слава твоя, градъ великій, и великолѣпіе твое исчезло навѣки, стало баснею народною. Напрасно любопытный странникъ, среди печальныхъ развалинъ, захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярослава, — никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: «Здѣсь былъ Новгородъ!»

Карамзинъ.

Съ именемъ Великаго-Новгорода соединяется исторія обширнаго сѣвернаго края Руси, то въ связи съ образованіемъ государства, то въ значеніи самостоятельной области, которая пользовалась почти полными правами внутренняго распорядка и стояла въ особыхъ, независимыхъ отношеніяхъ къ остальнымъ областямъ Россіи, въ отношеніяхъ, успѣшно сохраняемыхъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Имя Новгорода встрѣчается на первыхъ страницахъ бытописанія сѣверной Руси; съ его основаніемъ соединяются первые успѣхи колонизаціи славянъ въ сѣверномъ краѣ государства, далеко внесшей съ собою свѣтъ вѣры христіанской, развитіе промышлености и торговли. Кромѣ того Новгородъ долгое время служитъ торговымъ рынкомъ, связывающимъ Русь съ Западною Европою.

Такое обширное значеніе Новгорода, возвысившагося изъ незначительной колоніи славянъ до могущественной метрополіи «*Го-*

сподина и Государя Великаго Новгорода», объясняется прежде всего выгоднымъ его положеніемъ. Пространство, которое занимали новгородскія владѣнія, принадлежитъ къ области озерной, которая въ IX вѣкѣ была крайнею границею колонизаціи славянъ на сѣверѣ. Въ самой срединѣ этой области лежитъ озеро Ильмень, принимающее въ себя со всѣхъ сторонъ довольно значительные водные пути, каковы: рѣки Шелонь, Ловать и Волховъ. Тутъ же берутъ начало притоки Волги: Мста, Молога и Шексна. Такимъ образомъ, озерная область могла легко сообщаться какъ съ землями, прилегавшими къ берегамъ Финскаго залива, такъ и съ землями, лежащими по Волгѣ и ея притокамъ. Изъ оз. же Ладожскаго, по р. Свири и по Онежскому озеру новгородцамъ былъ открытъ путь въ Заонежье, въ землю кореловъ и далѣе на сѣверъ, въ предѣлы нынѣшней Архангельской губерніи. Не мало значенію Новгорода способствовало также и то, что онъ приходился въ сѣверной части великаго воднаго пути *«изъ Варягъ въ Греки»* т. е. изъ Балтійскаго моря или вообще изъ Западной Европы въ Черное или въ Византію, въ то время самую образованную страну на востокѣ. По этому пути издавна двигались сѣверныя дружины на югъ Европы, и совершались древнія торговыя сношенія.

Побережье озера Ильменя было издавна заселено первобытными жителями сѣверной Европы, финнами и чудью. Утѣсняемые другими народами въ южной Европѣ, народы обширнаго славянскаго племени перешли на берега Западной Двины и Днѣпра, и отсюда заселили различныя мѣста нынѣшняго государства россійскаго. Нѣкоторые изъ нихъ двинулись къ сѣверу, пробираясь на озера Чудское и Ильмень. Превосходя образованіемъ финскихъ дикарей, ильменскіе переселенцы легко подчинили ихъ своему вліянію и основали при истокѣ р. Волхова изъ оз. Ильменя свою колонію, которая сдѣлалась средоточіемъ поселеній сѣверныхъ славянъ. Утративъ свое первоначальное имя, они назывались новгородцами. Когда совершилось переселеніе славянъ на Ильмень, неизвѣстно. Первое извѣстіе

нашихъ лѣтописей является не ранѣе IX столѣтія, когда лѣтописецъ повѣствуетъ, что на новгородскія области нападали отважные завоеватели — варяги, приплывавшіе изъ-за Балтійскаго моря и облагавшіе новгородцевъ данью. Полагаютъ, что первоначальное поселеніе славянъ было на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ бѣдное рыбацкое селеніе, называемое *Городище* (въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода), многократно упоминаемое въ нашихъ лѣтописяхъ почти до конца XIII вѣка. Мѣсто это, будучи окружено съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой топкими болотами, могло служить въ IX вѣкѣ надежнымъ убѣжищемъ отъ внѣшнихъ нападеній. Городище, такимъ образомъ, имѣло видъ острова, въ окружности не болѣе $1^1/_2$ версты, особенно при разлитіи весенней воды. По этому понятно, что съ увеличеніемъ населенія жителямъ Городища становилось тѣсно, и они должны были искать другаго мѣста, болѣе удобнаго. Это, будто бы, обстоятельство вызвало потребность построить другой городъ, который, въ отличіе отъ стараго города *(городища)*, названъ *новымъ городомъ*, или *Новгородомъ*. По преданію, въ городищѣ жилъ Рюрикъ, и мѣсто это, находящееся вблизи Юрьева монастыря, понынѣ называется *Князево*. Тамъ былъ и холмъ, на которомъ стояло требище Перуна, гдѣ нынѣ церковь и скитъ, принадлежащіе Юрьевскому монастырю. Какъ бы то ни было, время основанія Новгорода въ точности едва ли можетъ быть опредѣлено. Впрочемъ, доказываютъ, что онъ положительно основанъ Рюрикомъ, и ссылаются при этомъ на варіянты лѣтописей, гдѣ говорится: «*и пріидоша* (3 брата) *къ Словеномъ, первѣе срубиша* (862 г.) *городъ Ладозу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ... и прія* (по смерти братьевъ, въ 864 г.) *Рюрикъ власть всю единъ и пришедъ къ Ильменю, и сруби городъ подъ Волховымъ и прозваша и Новъгородъ*».

Преемникъ Рюрика Олегъ, пользуясь великимъ воднымъ путемъ, двинулся на югъ и перенесъ свою резиденцію въ Кіевъ, гдѣ жили славяне земледѣльцы — въ противоположность новгородскимъ — торговымъ. Кіевъ сдѣлался первопрестольнымъ го-

родомъ *Русской земли,* а Новгородъ назвался *землею Новгородскою.* Такъ древнее сѣверное заселеніе славянъ, послуживъ основаніемъ Русскому государству, образовало отдѣльную, сильную городскую общину Новгородскую.

Географическое положеніе Новгородской земли давало возможность ея жителямъ совершать безпрестанныя плаванія во всѣ стороны. Характеръ этихъ плаваній былъ преимущественно торговый. На дальній сѣверо-востокъ они плавали потому, что ихъ тянули туда торговые интересы; ибо самые выгодные предметы торговли Новгорода съ европейскимъ Западомъ были произведенія звѣроловства и въ особенности мѣха. Но были путешествія новгородцевъ и съ другою цѣлью. Новгородскіе удальцы, нетерпѣвшіе стѣсненія своего произвола, искали раздолья, простора, подвиговъ вдали отъ Земли Новгородской. Такимъ образомъ въ XIV вѣкѣ составились шайки *ушкуйниковъ* (отъ слова *ушкуй* — лодка особой постройки). Они ѣздили, главнымъ образомъ, по Волгѣ, грабили и жгли по дорогѣ и наводили страхъ на востокѣ нынѣшней Россіи. Слѣдствіемъ путешествій новгородцевъ было то, что вездѣ строились новгородскія селенія, и владѣнія Новгорода расширялись все болѣе и болѣе. Въ XIV вѣкѣ они уже занимали нынѣшнія губерніи: Новгородскую, Псковскую, С.-Петербургскую, болѣе или менѣе значительную часть Тверской и большія части Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и часть Пермской.

Основаніе власти и силы составлялъ городъ Новгородъ. Ему подчинялись всѣ другіе города, управляемые намѣстниками, опредѣляемыми Новгородомъ. Всѣ жители Новгорода, хотя и переселившіеся въ другой городъ или область, считались вольными людьми Новгорода, равными другъ другу, съ одинакими правами на участіе въ дѣлахъ государственныхъ, владѣніе имѣніемъ и господство надъ землями и народами, покоренными Новгородомъ.

Вся автономія Великаго Новгорода опиралась на *вѣче* — народное собраніе. По старымъ русскимъ понятіямъ, вѣче,

въ обширномъ значеніи, не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ, юридическимъ. Подъ этимъ названіемъ вообще разумѣлось народное сходбище, законное-правосознательное и незаконное-мятежное. При такой неопредѣленности значенія слова вѣче, существовало однако въ Новгородѣ большое вѣче, т. е. полное законное собраніе, и оно-то юридически составляло верхъ законной власти и правленія Великаго Новгорода. Созвать вѣче— значило представить дѣло на обсужденіе народа, и потому всякій, кто считалъ себя въ правѣ говорить предъ народомъ, могъ и созвать вѣче. Ударъ въ вѣчевой колоколъ былъ знакомъ, что есть требованіе народнаго голоса. Случалось, что созывалъ вѣче князь; но это не по какому-нибудь особенно признанному за нимъ праву, а потому что князь, какъ правитель, естественно, имѣетъ и поводы и необходимость говорить съ народомъ. Вѣроятно, вѣча собирались и посадниками, которые, будучи предводителями, находились въ необходимости совѣтоваться съ народомъ. Вѣче устанавливало приговоры по управленію, договоры съ князьями и съ иностранными землями, объявляло войны, заключало миръ, призывало на княженіе князей, избирало владыкъ; дѣлало распоряженія о сборѣ войска и охраненіи страны; уступало въ собственность или кормленіе зѐмли; опредѣляло торговыя права и качество монеты; иногда ставило міромъ церкви и монастыри; установляло правила и законы: было, такимъ образомъ, законодательною властью, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлось судебною, особенно въ дѣлахъ, касающихся нарушенія общественныхъ правъ. Всѣ граждане, не только одного Новгорода, но и всей Новгородской земли, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре, такъ и черные люди, имѣли право быть на вѣче дѣятельными членами. Обыкновенно большое вѣче собиралось на Торговой сторонѣ, на Ярославовомъ дворищѣ, гдѣ стояла вѣчевая башня, съ возвышеніемъ со ступенями. Это возвышеніе служило трибуною; съ него говорили къ народу. На башнѣ висѣлъ колоколъ, звонъ котораго имѣлъ, вѣроятно, что-нибудь особенное, почему его можно было узнать среди множества колоколовъ. Въ вѣчевой башнѣ

помѣщалась вѣчевая изба, т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту.

Ежегодно вѣче избирало *посадника* или правителя Новгорода (бургмейстера). Ему вручали печать и власть. Онъ управлялъ всѣми внутренними и внѣшними дѣлами, распоряжалъ жизнью и смертью гражданъ, съ отвѣтственностью за злоупотребленіе власти передъ вѣчемъ и заключалъ договоры отъ имени Новгорода. Помощниками ему были младшіе посадники, тысяцкіе, сотскіе, старосты, тіуны и совѣтъ людей степенныхъ или отличенныхъ богатствомъ и заслугою.

Духовное управленіе ввѣрялось владыкѣ, независимо правившему церковью, кромѣ того, что онъ былъ главнымъ совѣтникомъ посадника и засѣдалъ на вѣчѣ, какъ верховный пастырь. Онъ поставлялъ и смѣнялъ епископовъ и всѣхъ другихъ духовныхъ особъ.

Новгородъ имѣлъ постоянныя воинскія дружины, отчасти изъ новгородцевъ, отчасти наемныя. По опредѣленію вѣча, всѣ новгородцы, кто былъ въ силахъ, принимались за оружіе. Предводителями войска въ походѣ были посадники и *Князь Новгородскій*, избираемый вѣчемъ, не изъ новгородцевъ, но изъ знаменитыхъ, русскихъ княжескихъ родовъ. Онъ занималъ первое мѣсто на вѣчѣ, жилъ въ особенномъ дворцѣ, имѣлъ почетную стражу, особенные доходы; но общественная власть его была весьма ограничена, и вѣче могло смѣнить его и даже удалить изъ Новгорода. Подобныя смѣны и удаленія князей были въ Новгородѣ нерѣдки. Призваніе и пріемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобіе усыновленія земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ извѣстными условіями, которыя ему семья имѣла право предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловать крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйдти изъ Новгорода, — только долженъ былъ явиться на вѣчѣ и сложить съ себя цѣлованье.

Упомянувъ выше о первомъ поселеніи славянъ на *городищѣ* и потомъ объ основаніи Новгорода, сообщимъ здѣсь нѣкоторыя сохранившіяся подробности объ его внутреннемъ расположеніи.

Городъ Великій–Новгородъ или *посадъ Новгородскій*, расположенный по теченію р. Волхова, въ двухъ верстахъ отъ его истока изъ озера Ильменя, посреди болотистой равнины, на небольшомъ возвышеніи, раздѣлялся на двѣ половины или стороны: *Торговую* на восточномъ и *Софійскую* на западномъ берегу Волхова. Первая имѣла также названіе *Купецкой*, потому что тамъ сосредоточивалась торговля; вторая называлась еще *Владычнею*, ибо тамъ жилъ новгородскій владыка. Центромъ города былъ *дѣтинецъ* или собственно *градъ*, на Софійской сторонѣ. Это было просторное мѣсто, обнесенное стѣною съ башнями и воротами. Внутри находилась патрональная церковь *Св. Софіи премудрости Божіей* и дворъ владыки. Кромѣ того было тамъ еще нѣсколько церквей, судебная изба и дворы, построенные улицами. Дѣтинецъ новгородскій былъ обширнѣйшій между подобными срединными укрѣпленіями русскихъ городовъ. Дѣтинецъ былъ сначала деревянный и русскіе, живя просторно на посадахъ, при городахъ и застѣнкахъ (т. е. за стѣнами города) въ дѣтинцѣ селились только въ случаѣ внѣшней опасности, не боясь тѣсноты, которая и была причиною сильныхъ пожаровъ. Въ 1049 году деревянный дѣтинецъ сгорѣлъ. О заложеніи каменнаго города въ лѣтописяхъ говорится въ первый разъ въ 1032 году. На воротахъ дѣтинца, въ каменныхъ башняхъ устроивались церкви. Обычай этотъ совпадалъ съ понятіемъ о важности и святынѣ города. Городъ — мѣсто защиты противъ враговъ, долженъ быть всегда готовъ на отраженіе нападеній и нуждался въ Божьей помощи. Церкви на входахъ какъ-бы осѣняли его небесной благодатью. Городъ былъ мѣстопребываніемъ владыки и духовнаго управленія всей Новгородской Земли; городъ былъ глава земли; его первоначальное значеніе было то, что въ немъ должны укрываться жители въ случаѣ непріятельскаго нашествія; городъ былъ мѣстомъ верховнаго суда и храненія казны Великаго–Новгорода; все

ето вмѣстѣ давало особенную важность и требовало помощи и благословенія свыше дѣтинцу, называемому часто просто городомъ.

За предѣлами дѣтинца простирался городъ Новгородъ — городъ въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, раздѣленный на *концы.* На Софійской сторонѣ полукружіемъ около дѣтинца располагались три конца: *Людинъ* или *Гончарскій, Загородный* и *Неревскій.* На Торговой сторонѣ было два конца: *Словенскій* и *Плотницкій.* Названія концовъ указываютъ нѣсколько на древнюю исторію города. Такъ Словенскій, вѣроятно, былъ древнимъ мѣстомъ поселенія славянъ ильменскихъ. Названія Гончарскій и Плотницкій указываютъ на древнія занятія жителей гончарнымъ и плотничнымъ ремеслами. Другое названіе Гончарскаго конца — Людинъ, должно, повидимому, происходить отъ сословія людей или людиновъ, въ противоположность боярамъ и княжеской дружинѣ. Въ дѣтинцахъ или *градахъ* русскихъ обыкновенно помѣщались князья, бояре и дружина — военная сила; у стѣнъ града располагался посадъ, гдѣ жили невходившіе въ число бояръ и дружины и носившіе общее названіе людей или людиновъ. Такъ было вѣроятно и въ Новгородѣ: и Людинъ конецъ былъ посадомъ, въ древности примыкавшимъ къ дѣтинцу. Названіе Загороднаго конца показываетъ, что эта часть вошла въ составъ Новгорода позже остальныхъ и нѣкогда существовала, не составляя отдѣла города. Нѣкоторыя названія улицъ также указываютъ на ихъ древнее историческое значеніе. Такъ Волосова улица въ Людинѣ концѣ напоминаетъ древнее божество Волоса, которому, вѣроятно, здѣсь въ языческія времена происходило поклоненіе и гдѣ впослѣдствіи поставили церковь Св. Власія, по созвучію имени этого святаго съ именемъ языческаго божества. Варяжская, иначе Варецкая улица въ Словенскомъ концѣ названа такъ отъ близости Варяжскаго (Нѣмецкаго двора), отъ построенной на ней римско-католической церкви и, вѣроятно, отъ того, что тамъ жили иноземцы, которыхъ въ Новгородѣ называли общимъ именемъ варяговъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ Прусская улица

въ Загородномъ концѣ, простиравшаяся отъ прусскихъ воротъ дѣтинца до прусскихъ воротъ во внѣшнемъ валѣ. Эта улица была мѣстомъ жительства бояръ, стояла какъ-то особнякомъ въ исторіи города, и нерѣдко на нее обращалась вражда черни изо всего города. Названіе Пруссы, которое давалось постоянно обитателямъ этой улицы, само-собой указываетъ на ихъ первоначальное происхожденіе. Тамъ-то вѣроятно поселились первые пришельцы прусско-варяжскаго племени, явившіеся вмѣстѣ съ князьями, и къ нимъ-то должны относиться слова лѣтописца о новгородцахъ изъ рода Варяжскаго, принесшихъ въ Новгородъ названіе Руси «отъ Варягъ бо прозвашася Русью». Ихъ потомки, ославянившись, продолжали, однакожъ, долго сознавать свое особое происхожденіе, носить племенное названіе своихъ предковъ, составлять въ извѣстной степени самобытную корпорацію въ отношеніи другихъ частей города и предковской памяти, проявлять аристократическія наклонности, вызывавшія, естественно, столкновенія съ массою прочаго населенія.

Тотъ отличительный характеръ соединенія русскихъ земель въ удѣльно-вѣчевой системѣ, которыя слагались на правахъ собственной самобытности, но въ связи съ другими землями, отпечатлѣлся рѣзкими чертами на составѣ Великаго-Новгорода. Каждый конецъ въ Новгородѣ, какъ каждая земля въ удѣльно-вѣчевой федераціи, составлялъ самъ по себѣ цѣлое; жители назывались *кончане;* въ общественныхъ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, каждый конецъ выражалъ себя своей корпораціей; во время переговоровъ съ чужеземцами, посылалъ отъ себя депутатовъ, слѣдовательно въ дѣлахъ, касавшихся всего Новгорода, изъявлялъ свое участіе какъ часть, сознающая свое отдѣльное существованіе; внутри имѣлъ свое управленіе, свое дѣлопроизводство, свои собранія. Не только конецъ, но и улица, составляя часть конца, имѣла значеніе самобытной корпораціи. Жители улицъ носили названіе *уличанъ*, имѣли свое управленіе, выбирали своихъ улицкихъ старостъ и являлись въ общественныхъ дѣлахъ, какъ члены сознательно признаваемаго общества. Такимъ образомъ нѣсколько улицъ, будучи каждая въ

отношеніи къ другимъ до извѣстной степени самобытнымъ тѣломъ, всѣ вмѣстѣ составляли конецъ, а всѣ вмѣстѣ концы — составляли Великій-Новгородъ.

Торговая сторона, будучи, какъ показываетъ ея названіе, мѣстомъ торговли, была въ тоже время мѣстомъ народоправленія. Въ Словенскомъ концѣ былъ торгъ — средоточіе торговыхъ оборотовъ, и въ немъ же мѣсто, называемое Ярославовымъ дворищемъ (т. е. мѣстомъ, гдѣ нѣкогда существовалъ Ярославовъ дворъ). Здѣсь въ разныя времена построено было значительное количество церквей, и между ними стояла вѣчевая башня; на ней висѣлъ вѣчевой колоколъ, созывавшій народъ для совѣщанія. Здѣсь собиралось вѣче на широкомъ майданѣ, вплоть до берега. Въ окрестностяхъ этого мѣста были расположены иностранные торговые дворы. Такимъ образомъ, Словенскій конецъ, будучи гнѣздомъ славянскаго элемента въ Новгородѣ, былъ до послѣднихъ дней центромъ вѣчевой и торговой жизни. Изъ Словенскаго конца отъ вѣча шелъ черезъ Волховъ, прямо въ Людинъ конецъ, мостъ, уставленный разными торговыми помѣщеніями.

Весь этотъ городъ изъ пяти концовъ былъ окруженъ землянымъ валомъ, а за нимъ рвомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на валу сдѣланы были каменныя башни или костры. По всей линіи, сверху вала, поставленъ былъ деревянный частоколъ, называвшійся *острогомъ*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, внѣшняя сторона вала была окаймлена болотами, озерами, ручьями и протоками. Но этотъ внѣшній валъ, который, какъ мы сказали, огибалъ весь Новгородъ, т. е. дѣтинецъ, обведенный также валомъ и пять концовъ, не составлялъ послѣдней границы городскихъ построекъ. За валомъ, на значительное пространство, во всѣ стороны, простирались посады, прилегавшіе къ монастырямъ, построеннымъ около Новгорода въ большомъ количествѣ. Они считались не въ Новгородской землѣ, а въ самомъ Новгородѣ. Опредѣлить съ точностью черту этого собственно городскаго пространства — невозможно. Окрестности Новгорода болотисты и въ сильные разливы покрывались водою, исключая высокихъ

мѣстъ, гдѣ нынѣ стоятъ монастыри. Вѣроятно, посады строились на этихъ болѣе удобныхъ мѣстахъ. Посады съ дворами, разсѣянные тамъ-и-сямъ, съ огородами и садами при дворахъ, придавали Новгороду видъ огромнѣйшаго города, котораго части были въ разныхъ направленіяхъ разрѣзаны между собою пустыми мѣстами, протоками, рощами, а во время сильной весенней половоди казались выходящими изъ широкаго озера.

Какъ городъ Новгородъ дѣлился на пять концовъ, такъ новгородскія владѣнія дѣлились на пять частей, называвшихся *пятинами*, установленіе которыхъ относится ко временамъ глубокой древности. Пятины были слѣдующія: *Вотская* съ городами: Ладога, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ), Корела (Кексгольмъ); *Шелонская* съ городами: Старая-Русса, Порховъ, Иванъ-городъ; *Деревская*: Курскъ, Холмъ; *Обонежская* и *Бѣжецкая*, гдѣ городовъ не было. Всѣ названные города, въ отношеніи къ Новгороду, назывались *пригородами*.

Какъ извѣстно, черезъ Россію лежалъ великій торговый путь изъ Скандинавіи въ Византію. По этому пути Скандинавія получала произведенія Востока и произведенія Греціи. Кромѣ того нѣтъ сомнѣнія, что древніе славянскіе прибалтійскіе города вели торговлю съ Россіею; послѣ паденія славянскихъ городовъ, возникли на южномъ побережьи Балтійскаго моря нѣмецкіе, которые получили отъ нихъ преемственно эту торговлю. Центромъ торговой дѣятельности въ XII вѣкѣ на всемъ балтійскомъ бассейнѣ былъ на островѣ Готландѣ городъ Висби. Важнѣйшій источникъ его обогащенія была торговля съ Восточною Европою. Туземнымъ центромъ этой торговли, за предѣлами германскаго міра, былъ Новгородъ. Въ XII вѣкѣ новгородцы посѣщали Готландъ и проживали тамъ для торговыхъ операцій, а готландцы жили въ Новгородѣ и имѣли здѣсь свою факторію, Готскій дворъ. О многочисленности тѣхъ и другихъ можно судить по тому, что на Готландѣ существовала русская церковь, а въ Новгородѣ была варяжская. Торговыя сношенія Новгорода въ XII вѣкѣ не ограничивались Готландомъ, но велись также съ южнобалтійскими нѣмецкими городами. Новгородцы посѣ-

щали эти города и проживали тамъ, напр. въ Любекѣ. Вскорѣ нѣмцы вступили въ готландскую корпорацію, мало-по-малу стали брать первенство надъ туземцами и, наконецъ, совершенно ихъ вытѣснили. Разомъ съ этимъ и прибалтійская торговля Новгорода перешла въ руки нѣмцевъ, и въ Новгородѣ возникъ другой торговый дворъ, рядомъ съ Готскимъ—Нѣмецкій. Но въ исходѣ XII вѣка въ системѣ торговыхъ отношеній совершился переворотъ: въ XII вѣкѣ безпорядки въ Германіи, вредные для торговли, п будили города для своей безопасности соединиться въ союзъ. Такъ образовалась *нѣмецкая ганза*. Городъ Любекъ быстро возвысился и сталъ во главѣ союза; нѣмецкій торговый дворъ въ Новгородѣ подчинился Любеку. Такимъ образомъ здѣсь началось соперничество двухъ торговыхъ дворовъ, и въ XIV вѣкѣ Готскій дворъ находился уже въ подчиненіи у Нѣмецкаго, т. е. сталъ въ полную зависимость отъ ганзы. Готскій или Готландскій дворъ былъ уже не особое торговое учрежденіе, а только зданіе, принадлежащее Нѣмецкому двору.

Нѣмцы старались держаться въ Новгородѣ особою колоніею, которая управлялась собственными правилами. Внутреннія дѣла Нѣмецкаго двора ни въ какомъ случаѣ не подлежали разсмотрѣнію и вмѣшательству новгородскаго правительства. Нѣмцы могли свободно пріѣзжать въ Новгородъ и проживать въ своемъ Нѣмецкомъ дворѣ на извѣстныхъ для нихъ условіяхъ: Новгороду до этого не было дѣла. Новгородъ обязывался принимать подъ свою отвѣтственность иноземныхъ купцовъ, коль скоро они достигали острова Котлина, составлявшаго границу Новгородской Земли. Доплывши до Котлина, иноземцы посылали передовыхъ до устья Невы и давали о себѣ знать. Тогда Великій-Новгородъ высылалъ пристава и отряжалъ купцовъ для принятія гостей, — они провожали ихъ до самаго Новгорода. Новгородъ ручался за безопасность гостей, но избавлялся отъ всякой отвѣтственности, если они не дали о себѣ знать и не просили содѣйствія новгородскаго правительства. Приставая къ берегу въ Новгородѣ, они платили незначительную пошлину, болѣе

какъ благодарность за содѣйствіе къ благополучному прибытію судна. Иноземцамъ предоставлялась свободная торговля не только въ городѣ, но и по всей Новгородской Землѣ; позволялось торговать и съ инородцами въ Ижорѣ и Корелѣ; но Великій-Новгородъ не принималъ на себя отвѣтственности, если бы что-нибудь дурное случилось въ путешествіи съ иноземнымъ торговцемъ.

Внутренній бытъ и управленіе Нѣмецкаго двора опредѣлялось правилами, утвержденными отъ Ганзейскаго союза. Эти правила назывались *Скры* и были прибиты въ нѣмецкихъ дворахъ для всеобщаго и постояннаго свѣдѣнія. Духъ корпораціи, общій въ то время въ торговомъ мірѣ, какъ по трудности дѣйствовать единично, такъ и по причинѣ путевыхъ опасностей, требовавшихъ взаимнаго содѣйствія къ ихъ преодолѣнію, составлялъ главную черту нѣмецкой корпораціи въ Новгородѣ. Иноземцы прибывали въ Новгородъ артелями или «адмиралтействами», которыя имѣли до нѣкоторой степени свою самостоятельность, и всѣ вмѣстѣ, по отношенію къ двору или факторіи, составляли цѣлое. Устройство Нѣмецкаго двора носило подобіе дорожной компаніи, и должностныя лица выбирались каждый разъ путешественниками, пріѣзжавшими только на время въ Новгородъ. Постоянныхъ иностранныхъ торговцевъ—жильцовъ въ Новгородѣ не было, его только посѣщали. Время пребыванія иноземныхъ купцовъ въ Новгородѣ было ограничено: лѣтніе (водопутные) жили до послѣдней навигаціи, зимніе (сухопутные)—до послѣдняго зимняго пути.

Всѣ проживавшіе въ Нѣмецкомъ дворѣ имѣли сословное дѣленіе на мейстеровъ, кнехтовъ и учениковъ. Мейстеры были хозяева; прибывавшіе на ихъ счетъ кнехты—ихъ прикащики или подручники. Мейстеры составляли совѣтъ, дѣйствовавшій сначала независимо, а потомъ подчинившійся ганзеатическому собранію. Ганзеатическое собраніе избирало альдермана двора, главнаго чиновника. Альдерманъ двора имѣлъ право суда и даже право казнить смертію, былъ блюститель порядка, велъ сношенія съ начальствомъ ганзейскаго союза и съ русскими; от-

пускалъ купцовъ, позволялъ и запрещалъ ввозъ и покупку товаровъ. Онъ совмѣщалъ въ себѣ все правленіе; власть его была почти деспотическая, такъ-что остальныя должностныя лица были въ сущности его подручники. Кромѣ альдермана двора, было еще два альдермана Св. Петра. На нихъ лежала экономическая часть и отчасти полицейская, потому что они смотрѣли за соблюденіемъ правилъ. Всѣ должностныя лица были выборныя, и никто не могъ отказываться отъ возлагаемой на него должности. Къ должностнымъ лицамъ принадлежалъ также священникъ: подобно альдерманамъ, онъ не былъ постояннымъ жильцомъ Нѣмецкаго двора, а пріѣзжалъ и уѣзжалъ съ лѣтнею или зимнею кампаніею. По малограмотности нѣмецкихъ купцовъ, священникъ исправлялъ должность секретаря.

Все купечество раздѣлялось на коллегіи или артели. Каждая артель помѣщалась въ особомъ отдѣленіи: онѣ назывались «дортсы.» Дортсы эти были внутри двора, двухъ-этажные дома, на подклѣтяхъ. Артель выбирала себѣ хозяина, завѣдывавшаго всѣмъ механизмомъ обыденной жизни. Кромѣ дортсовъ были еще во дворѣ другія зданія: клѣти, больница, пивоварня, мельница и церковь. Товары лежали въ клѣтяхъ, которыхъ было четыре. Церковь была сдѣлана на подвалѣ, гдѣ хранились товары; но нѣкоторые, по тѣснотѣ, были въ самой церкви, такъ что рядомъ съ алтаремъ стояли бочки вина; здѣсь же висѣли вѣсы; по стѣнамъ вѣшали тюки съ товаромъ; только на алтарь, подъ страхомъ наказанія, не было позволено класть товаровъ. То, что не помѣщалось ни въ клѣти, ни въ церкви, хранилось въ особомъ магазинѣ. Каждый тюкъ или бочка должны были носить на себѣ значекъ хозяина, чтобы не перемѣшать товаровъ по ихъ принадлежности, и тотъ, кто нарушалъ это правило, подвергался пени. Такимъ образомъ Нѣмецкій дворъ составлялъ кучу отдѣльныхъ строеній, обнесенныхъ толстымъ заборомъ. Ворота вечеромъ на глухо запирались, а по двору спускались большія цѣпныя собаки.

Всѣ льготы и привиллегіи, которыми новгородцы щедро надѣляли своихъ гостей—купцовъ нѣмецкихъ, наконецъ вѣковое

ихъ торговое знакомство не произвели нравственнаго единенія между туземцами и гостями. Контора нѣмецкая запрещала даже отдѣльнымъ членамъ своей общины вступать съ русскими въ торговое общество и давать имъ въ кредитъ тавары и даже деньги. Сближеніе съ русскими дозволялось на столько, на сколько это могло быть полезно для общества. Такимъ образомъ контора сознавала необходимость знанія русскаго языка, и держала у себя переводчиковъ; для этой цѣли ихъ съ дѣтства отдавали учиться къ русскимъ людямъ. Удаляя всякую конкуренцію, община располагала цѣнами товаровъ, какъ продаваемыхъ, такъ и покупаемыхъ по своему произволу и потому продавала нѣмецкіе товары какъ можно дороже, русскіе—какъ можно дешевле. Чтобъ удерживать постоянно дорогія цѣны на свои товары, запрещалось въ разныя времена торговцамъ привозить отдѣльно товаровъ болѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы такимъ образомъ не было большаго изобилія, которое повлекло бы за собою пониженіе цѣнъ. Нѣмцы назначали цѣны русскимъ товарамъ сами: изъ русскихъ всегда были такіе, которые не могли упрямиться и выжидать, а должны были продавать по томъ, почемъ имъ даютъ, и такимъ образомъ низкія цѣны утверждались. Тѣ, которые хотя бы и не хотѣли продавать своихъ товаровъ по такимъ цѣнамъ, рано или поздно были къ этому принуждены: продать было некому, кромѣ нѣмецкаго двора. А какъ сырые продукты доставлялись купцамъ отъ сельскаго и рабочаго люда, мелкихъ торговцевъ, то богатые купцы должны были давать производителямъ и первоначальнымъ покупателямъ дешево. Такимъ образомъ, производительность края вознаграждалась слишкомъ скупо, а покупка чужихъ товаровъ обходилась, въ сравненіи съ своими средствами, слишкомъ дорого. Новгородская торговля была болѣе выгодна для нѣмцевъ, чѣмъ для благоденствія туземнаго края. Итакъ, не смотря на продолжительную торговлю, богатства края не увеличивались. Новгородская волость служила предметомъ эксплуатаціи для нѣмцевъ. Нѣмцы запрещали своимъ членамъ показывать русскимъ какую-нибудь технику, чтобъ они не переняли чего-ни-

будь и не пустились сами на фабричное производство. Чрезъ это ослабилось бы вліяніе иноземцевъ и перевѣсъ иноземныхъ гостей передъ туземцами. Въ торговыхъ сдѣлкахъ господствовало недовѣріе: нѣмцы часто обвиняли русскихъ въ недобросовѣстности и обманахъ. Словомъ, во всей торговлѣ имѣлись въ виду исключительно выгоды своего общества; поэтому новгородская контора старалась также вытѣснить всякое совмѣстничество другихъ иностранцевъ въ Новгородѣ. Не смотря, однако, на всѣ ея старанія, она не могла достичь этого вполнѣ, и въ Новгородъ пріѣзжали также фландрійцы и ломбардцы.

Изъ привозимыхъ нѣмецкими купцами товаровъ, болѣе всего въ расходѣ были сукна разныхъ сортовъ, нидерландскія и вестфальскія полотна. Изъ лучшихъ сортовъ суконъ считались красныя, особенно любимыя русскими. Въ большомъ количествѣ привозили вина и пиво, которое продавали оптомъ, бочками. Вино было однимъ изъ главныхъ предметовъ и между прочимъ сладкое вино, тѣмъ болѣе что Новгородъ снабжалъ имъ весь русскій міръ для церковныхъ службъ. Привозили металлическія вещи, напримѣръ, нѣмецкія иголки и металлы въ кускахъ: олово изъ Швеціи, изъ Богеміи желѣзо, свинецъ изъ Испаніи, шелкъ, пергаментъ, котораго расходилось очень большое количество, впослѣдствіи писчую бумагу, стекло, копченое мясо, сушеную рыбу и хлѣбъ, въ случаѣ голода въ Новгородѣ или войнъ съ восточною Русью, когда нельзя было получать хлѣбъ изъ плодороднѣйшихъ русскихъ странъ. Привозъ металловъ вообще подвергался стѣсненіямъ со стороны сосѣдей. Серебро и золото возить не дозволялось, потому что благородные металлы считались преимущественно признаками богатства. Желаніе же ганзы было таково, чтобы Новгородъ держать побѣднѣе, и принуждать новгородцевъ брать за свои товары не деньгами, а нѣмецкими товарами. Новгородъ этого не понималъ и продавалъ иностранцамъ серебро, получаемое изъ-за Камы.

Уступая перевѣсъ нѣмцамъ въ торговлѣ съ Западомъ, Новгородъ держалъ въ своихъ рукахъ торговлю съ остальною Россіею. Вездѣ и во всякое время можно было встрѣтить новго-

родскихъ купцовъ: одни направляли свою торговую дѣятельность на сѣверъ, въ Корелу, на Онегу и назывались обонежскими купцами. Другіе ѣздили на Двину и въ Пермь, третьи торговали въ Суздалѣ и Владимірѣ. Расширяя кругъ торговыхъ занятій на востокѣ, новгородцы плавали по Волгѣ и составляли компанію подъ именемъ низовскихъ гостей. Поволжье привело новгородцевъ въ соприкосновеніе съ восточнымъ міромъ. Они вели торговлю съ хивинскими и персидскими купцами, получая восточныя произведенія, и передавали ихъ на Западъ.

Изъ товаровъ, которые Новгородъ получалъ изъ внутри материка, первое мѣсто занимаютъ мѣха и шкуры, и этотъ предметъ составлялъ главнѣйшее богатство Новгорода. Въ средніе вѣка мѣха повсемѣстно составляли щегольство нарядовъ, и Новгородъ былъ, такимъ образомъ, поставщикомъ этого товара на цѣлую Еврпу. Мѣха собольи, лисьи, бобровые, куньи получались изъ Заволочья, Печоры, Югры и Перми двумя способами: посредствомъ государственной дани и покупокъ. Даньщики отправлялись туда отъ правительства, сбирали съ подвластныхъ инородцевъ мѣха и доставляли ихъ въ новгородскую казну. Кромѣ мѣховъ, съ сѣвера новгородцы получали китовое и моржевое сало, морскихъ птицъ, а на берегахъ Ваги производили деготь и поташъ. Изъ Перми и Югры новгородцы получали серебро, которое, вѣроятно, доставалось изъ сибирскихъ рудниковъ, обработываемыхъ издавна на берегахъ Енисея, по изысканіямъ Палласа. Большія выгоды отъ добычи мѣховъ должны были побуждать торговцевъ поселяться по близости къ сѣверо-восточнымъ странамъ, и такимъ способомъ образовалось свое мѣстное купечество на Двинѣ и Заволочьѣ.

Кромѣ этихъ товаровъ вывозными статьями служили кожи, ленъ, конопля и воскъ. Кожи посылались за границу не только сырыя, но и обдѣланныя: юфть, сколько извѣстно, единственный фабричный товаръ, выпускаемый изъ русскаго міра. Ленъ и коноплю новгородцы частію получали изъ своихъ владѣній, а также покупали въ Восточной Россіи. Воскъ, получаемый изъ странъ приволжскихъ, отправлялся за границу въ боль-

шомъ количествѣ; католическая набожность дѣлала этотъ матеріялъ предметомъ первой необходимости. Изъ предметовъ торговли, потребляемыхъ собственно внутри Россіи, первое мѣсто занимали хлѣбъ и рыба. Новгородская Земля не могла производить хлѣба достаточно для внутренняго потребленія и получала его изъ болѣе плодородныхъ краевъ Россіи. Сначала хлѣбъ получался изъ Приднѣпровья, а потомъ, послѣ его разоренія—изъ Приволжья. Рыбная торговля была весьма значительною въ Новгородѣ. Обычай хранить посты поддерживалъ эту торговлю; купцы нанимали рыболововъ, доставлявшихъ имъ рыбу, и возили ее на продажу въ города. Памятью о значительности рыбной торговли служатъ пѣсни о Садкѣ, богатомъ гостѣ, который свое баснословное богатство пріобрѣлъ рыбными промыслами.

Купцы новгородскіе, въ торговомъ отношеніи, составляли компаніи или артели, сообразно или направленію своей торговли, напр., купцы заморскіе, купцы низовскіе, — или же по предметамъ торговли, напр., купцы—прасолы, т. е. торгующіе съѣстнымъ товаромъ, купцы—суконники, торгующіе сукнами, рыбники, хлѣбники и проч. Соединяясь между собою въ торговое товарищество, они принимали покровительство какой нибудь церкви и святаго патрона. Каждый членъ компаніи, вступая въ нее, обязанъ былъ давать вкладъ вь пользу своего товарищества и сверхъ того на церковь патрона. Это дѣлалось одинъ разъ и называлось *вложенье въ купечество*. Купецъ, сдѣлавшись такимъ образомъ членомъ товарищества, назывался, по отношенію къ этому товариществу, *пошлый купецъ* и оставался имъ до смерти; — дѣти его уже сами собою, безъ собственнаго личнаго вклада, были, какъ родители, членами товарищества. Это артельное устройство торговли, вѣроятно, имѣло вліяніе на то, что въ Новгородѣ торговый механизмъ носилъ особый отпечатокъ, отличный, напримѣръ, отъ московскаго; въ Новгородѣ не было рядовъ въ томъ смыслѣ, какъ въ Москвѣ. Хотя въ Новгородѣ въ XVI вѣкѣ и были заведены торговые ряды по московски; но все-таки еще оставались и гостиные дворы, сохранившіе много особенностей, по которымъ

можно нѣсколько угадывать старину. Это длинныя зданія съ отдѣленіями внутри, называемыми амбарами и лавками. Амбары были отдѣленія просторныя; тамъ помѣщалось нѣсколько пріѣзжихъ торговцевъ со своими товарами; лавки были маленькія отдѣленія для одного или двухъ: товары лежали въ коробьяхъ и висѣли на жердяхъ. Другіе амбары, обыкновенно внизу подъ описанными выше, назначались для громоздкихъ товаровъ: тамъ кучами лежали соль, сухая рыба, яблоки, шерсть въ рогозинахъ и пошевахъ, и прочая. Товары городскихъ купцовъ хранились въ церковныхъ подвалахъ, въ пристройкахъ около церквей и даже въ самыхъ церквахъ. Въ старину хозяева пріобрѣтали въ домъ необходимое въ большихъ запасахъ на продолжительное время; не было такихъ каждодневныхъ потребностей, какъ теперь; не было нужды устроивать и мелочныхъ лавокъ; торговля не дробилась такъ, какъ теперь. Если кому нужно сдѣлать покупку, онъ отправлялся прямо къ купцу въ домъ; купецъ доставалъ ему товаръ или изъ своей домашней клѣти, или шелъ въ церковь и оттуда бралъ его. Нужды были не сложны, а роскошь обращалась къ немногимъ предметамъ, напримѣръ, посудѣ, платью; потребности комфорта не измѣнялись быстро и часто: то, что годилось отцу, годилось и сыну. Поэтому покупки большею частію были оптовыя. Хозяинъ скорѣе могъ обойтись безъ нѣкоторыхъ потребностей, чѣмъ удовлетворять ихъ мелочными покупками. Оттого-то, быть можетъ, и не видно существованія мелочныхъ лавокъ. Понятно, что гостиные дворы были необходимы въ торговомъ городѣ; пріѣзжій находилъ тамъ и пристанище своимъ товарамъ, и себѣ квартиру; а хозяинъ, жившій своимъ домомъ, могъ и торговать у себя въ домѣ, и лавка была у него скорѣе для храненія товара, чѣмъ для продажи. Съѣстные припасы и разныя мелкія хозяйственныя статьи вседневнаго обихода продавались на торгу обыкновенно съ возовъ и саней, на которыхъ пріѣзжали поселяне въ извѣстные недѣльные дни; городскіе прасолы выставляли свои снадобья на стольцахъ, скамьяхъ и носильцахъ. Хлѣбы продавали хлѣбники и калачники передъ своими

пекарнями. Лѣтомъ съ обѣихъ сторонъ Волхова пригоняли въ городъ къ большому мосту плоты съ разными сельскими произведеніями: тутъ были разнаго рода зерновой хлѣбъ, толокно, сухая рыба, хмѣль, орѣхи, воскъ, медъ, соль. ягоды (особенно клюква и брусника), зола, солодъ. Торгъ происходилъ на берегу; богатые купцы и хозяева закупали у поселянъ оптомъ и свозили себѣ по дворамъ, иногда же выгружали товары на берегъ, сваливали ихъ у церквей, и тамъ происходила раскупка. Въ ряду пригоняемыхъ по Волхову на продажу предметовъ важное мѣсто занималъ древесный товаръ. Отъ большихъ и частыхъ пожаровъ эта торговля была развита въ Новгородѣ. Приплавляли во множествѣ строевой лѣсъ, доски, брусья, тесъ, дрова, лучину, уголья, мохъ для конопаченья стѣнъ и, наконецъ, готовые срубы для хоромъ, повалушъ, горницъ и клѣтей.

Въ Новгородской землѣ обычнымъ временемъ торговли были ярмарки; ихъ было множество по пригородамъ и погостамъ. Ярмарки отправлялись по поводу праздниковъ и продолжались по недѣлямъ и больше, смотря по важности торговаго пункта, такъ что купцу можно было цѣлый круглый годъ разъѣзжать по ярмаркамъ изъ одной жилой мѣстности въ другую; и это было въ обычаѣ у купцовъ. На такихъ ярмарочныхъ торжищахъ толпились купцы не только новгородскіе и новгородскихъ пригородовъ и волостей, но и другихъ земель: псковичи, москвичи, рязанцы, тверичане, бѣлозерцы, торосчане, смоляне и литвины. Торжища собирались близъ разныхъ монастырей на ихъ храмовые праздники; поѣздки туда совершались вмѣстѣ и для торговли, и на богомолье. Всѣ эти торжки были въ тѣ времена сборнымъ мѣстомъ сношеній: туда пріѣзжали не только закупщики товаровъ и продавцы, но и хозяева для закупки домашняго обихода. Эти торжки были и мѣстомъ развлеченія:— тутъ заводились корчмы съ пьяными напитками; тамъ скоморохи потѣшали народъ зрѣлищами. Поэтому, кромѣ тѣхъ, которые являлись туда поживиться, были и такіе, которые пріѣзжали туда проматывать состояніе, — одни Богу молиться, другіе бѣса тѣшить. Сообщенія происходили по рѣкамъ, и потому торжки

заводились въ такихъ мѣстахъ, которыя прилегали къ водному пути. Въ этомъ отношеніи Новгородская волость представляла большія удобства, потому что изъ Новгорода во всѣ стороны развѣтвлялся водяной путь. Переѣзжали съ торжка на торжокъ на учанахъ, ладьяхъ, стругахъ; гребцы стекались толпами на работу къ пристанямъ: этотъ промыселъ питалъ значительную часть чернаго народа. Другіе держали сухопутныя подводы на волокахъ между рѣками. Такимъ образомъ, торговля имѣла странствующій характеръ.

Мѣры и вѣсы въ Новгородской землѣ были своеобразны, и даже послѣ паденія независимости долго оставались особенности, отличныя отъ обычаевъ другихъ земель. Сыпучія тѣла измѣрялись коробьями, которые подраздѣлялись на зобни: каждый коробъ имѣлъ три зобня, зобень два ползобня. Другія болѣе массивныя мѣры сыпучихъ тѣлъ были пузъ и пошевъ. Это были глазомѣрныя единицы. Болѣе опредѣленная мѣра была окова, дѣлившаяся на четыре четверти, а каждая четверть вѣсила до $8^1/_2$ пудовъ. Каждая четверть дѣлилась на двѣ осьмины. Соль продавалась пошевами. Для жидкихъ тѣлъ употреблялись бочки и ведра. Ведро дѣлилось на посадки. Для мѣры суконъ и матерій существовали локти, но эти товары чаще продавались кусками, носившими названіе матеріи; величина была разная. Вѣсъ въ Новгородѣ для тяжелыхъ товаровъ былъ капь—12 нынешнихъ пудовъ. Другой, болѣе меньшій вѣсъ былъ пудъ. Еще меньшій — гривна или фунтъ. Вѣсы назывались скалвы. Для предотвращенія недоразумѣній, въ Новгородѣ существовали скалвы, утвержденныя правительствомъ. Въ торговлѣ съ нѣмцами въ употребленіи былъ нѣмецкій вѣсъ, который новгородцы неохотно принимали, и если случалось имъ продавать на него свои товары, то оставались въ потерѣ. Мѣры и вѣсы вообще существовали собственно только для предотвращенія споровъ. Обыкновенно торговля въ Новгородѣ рѣдко происходила на вѣсъ и мѣру, а чаще всего на единицы, имѣвшія неопредѣленное значеніе, въ родѣ пуза, пошева, короба, зобня, вѣника—для сѣна и соломы. Когда одинъ покупалъ у другаго

то размышлялъ, какой объемъ извѣстнаго товара можетъ удовлетворить его потребностямъ на извѣстное время и по этому дѣлалъ покупку. Такъ, напримѣръ, соль продавалась пошевами. Хозяинъ зналъ, на сколько ему, примѣрно, пойдетъ пошевъ, и покупалъ такимъ образомъ. Точно также и покупая тягучія тѣла, напримѣръ, сукно, покупщикъ смотрѣлъ на кусокъ и соображалъ, что изъ него можно сдѣлать.

О монетѣ въ древнія времена нашей исторіи есть достовѣрныя свѣдѣнія. Послѣ открытія нѣжинскаго клада, послѣ разработки этого вопроса нашими учеными, нѣтъ возможности въ настоящее время признавать старую гипотезу о томъ, что у насъ встарину звонкой монеты не было, а замѣняли ее кожаные лоскутки. Въ Новгородѣ приготовленіе звонкой монеты было тѣмъ возможнѣе, что новгородцы издавна получали слитки закамскаго серебра изъ Перми и Югры. Но несомнѣнно то, что до XV вѣка въ общественномъ понятіи представленіе цѣнности соединялось неразрывно не съ выраженіемъ ея посредствомъ монетныхъ знаковъ, а съ предметами, составлявшими дѣйствительно драгоцѣнную потребность жизни. Такими предметами преимущественно передъ другими были мѣха. Поэтому единица, выражавшая цѣнность, была куна, куница, т. е. понятіе о цѣнности извѣстной вещи слагалось такъ, что за эту вещь можно пріобрѣсть столько-то куньихъ мѣховъ. Почему именно куница, а не другой мѣхъ получилъ это значеніе, указываетъ то, что куній мѣхъ былъ изъ всѣхъ мѣховъ средняго достоинства — не слишкомъ низкій, не слишкомъ высокій. Для означенія болѣе низкихъ цѣнностей служили бѣлки или векши; то есть, примѣняя это названіе, выражали цѣнность вещи тѣмъ, что за нее можно пріобрѣсть бѣличій мѣхъ.

Наибольшая монетная единица была *гривна* — слово, первоначально означавшее опредѣленное металлическое шейноо украшеніе, кольцо, потомъ вѣсъ и, наконецъ, монету, по отношенію къ вѣсу. Гривной, въ монетномъ смыслѣ, назывался отрубокъ метала въ гривну вѣсомъ. Но гривна была двоякая: большая и малая — фунтъ и полфунта; потму и от-

рубки были двоякаго рода — гривна въ фунтъ и гривна въ полфунта. Эти гривны выражали вѣсъ и повѣрялись вѣсомъ; для этого существовали городскіе денежные вѣсы: *гривенка рублевая,* для взвѣса отрубковъ, называемыхъ, по причинѣ ихъ разсѣченія на части, «рублями.» Какъ отрубки были разные, то за отрубками большей величины удержалось названіе рублей, а половины ихъ называли полтинами. Мелкой монеты отдаленной древности не найдено, но есть мелкія монеты новгородскія уже XIV и XV вѣка. Онѣ величиною въ гривенникъ; на одной сторонѣ изображеніе князя, сидящаго съ мечемъ въ рукѣ, а передъ нимъ стоящій человѣкъ подаетъ ему свитокъ; на иныхъ между ними крестъ; на нѣкоторыхъ встрѣчаются еще прибавленія, напримѣръ, буква С или три точки надъ головою князя или два обручика за подающимъ свитокъ. По всей окраинѣ кругомъ точки. На другой сторонѣ надпись: *Великаго Новгорода.* Можно догадываться, что человѣкъ, подающій князю свитокъ, есть символическое изображеніе Новгорода, подающаго князю договорную грамату.

Очеркъ торговли древняго Новгорода мы заключимъ пѣснею о Садкѣ, гдѣ купецъ въ народномъ воззрѣніи принимаетъ образъ эпическаго богатыря — удалаго, рѣшительнаго.

«Садкó, иначе Садкѐ, былъ бѣдный гусляръ: — играть на почетныхъ пирахъ, тѣшить музыкой и пѣснью веселую бесѣду богатыхъ людей — то его хлѣбъ и его утѣшеніе. Однажды перестаютъ его звать на пиры. Проходитъ три дня. Пошелъ Садкò къ Ильмень-озеру, сѣлъ на бѣлъ-горючъ камень и заигралъ въ свои гусельки. Вдругъ вода заколебалась въ озерѣ. Садкó изумился, перестаетъ играть, ворочается въ городъ. Идетъ день за днемъ и прошло три дня. Садка не зовутъ на пиръ. Садкó съ тоски пошелъ къ озеру; и опять сталъ наигрывать на своихъ гусляхъ; и опять видитъ — вода заколебалась въ озерѣ. Садко опять изумляется, перестаетъ играть и ворочается въ Новгородъ. День прошелъ, другой прошелъ. Садкó въ уныніи идетъ къ озеру и опять играетъ на гусельцахъ. По прежнему вода заколебалась: но либо горе было уже такъ велико у

Садка, что онъ не испугался, либо явленіе послѣдовало сейчасъ за колебаніемъ воды, такъ что Садко́ не успѣлъ отойти отъ озера, только — выходитъ изъ озера молодецъ — это самъ Ильмень-озеро, божество озера. Молодцу Ильмень-озеру пришлась въ утѣху игра Садкова. Онъ хочетъ наградить его: онъ посылаетъ его въ Новгородъ — предложить богатымъ купцамъ новгородскимъ удариться объ закладъ, что въ Ильмень-озерѣ есть рыба съ золотыми перьями. Купцы никогда не видывали такого дива и будутъ утверждать, что нѣтъ такой рыбы. Но на днѣ озера есть много диковинъ; никто ихъ не видитъ; ихъ откроетъ божество водное тому, кому само пожелаетъ открыть. Садко́ возвращается въ Новгородъ и вдругъ его зовутъ на почестный пиръ; онъ гостей утѣшаетъ; они его угощаютъ виномъ. Когда Садко́ подгулялъ, сталъ онъ тогда говорить: «Я знаю чудо-чудное — золотоперую рыбу въ Ильмень-озерѣ». Купцы говорятъ ему: «Нѣтъ, и быть не можетъ такого чуда въ Ильменѣ-озерѣ!» Садко́ предложилъ закладъ. Самъ онъ бѣдный гусляръ — нечего ему ставить на закладъ, кромѣ буйной головы: онъ ее и ставитъ на закладъ. «Вы купцы, люди богатые, говоритъ Садко́, поставьте три лавки краснаго товара». Купцы такъ увѣрены, что золотоперой рыбки нѣтъ въ озерѣ, что согласились. Тогда Садко́ поѣхалъ съ ними на озеро; закинули неводъ — золотоперая рыбка; другой разъ закинули — другая золотоперая рыбка; закинули третій разъ—тоже. Купцы отдали ему три лавки съ краснымъ товаромъ. Съ тѣхъ поръ Садко́ сталъ торговать — расторговываться, получать барыши: и сталъ Садко́ изъ бѣднаго гусляра богатый гость новгородскій.»

Такимъ образомъ, управляемые общимъ народнымъ совѣтомъ, не стѣсняемые въ правахъ и занятіяхъ, пріученные къ отвагѣ своими путешествіями, легко подчиняя дикарей хитростью, деньгами и силою противясь русскимъ князьямъ, новгородцы являлись сильными властителями сѣвера, посредниками князей, и отдаленностью и мѣстностью спаслись отъ гибели подъ игомъ монгольскимъ. Но обстоятельства измѣнились, и что возвело Новгородъ къ величію, сдѣлалось также причиною гибели его.

Новгородъ, утвердивъ, съ легкой руки Ярослава Мудраго, свою политическую независимость, могъ, подъ шумъ удѣльныхъ браней, легко усиливаться, возвышаться, распространяя съ успѣхомъ свою территорію. Это возвышеніе продолжалось до второй половины XIV вѣка, когда вмѣсто нѣсколькихъ безсильныхъ, враждующихъ между собою княжествъ, сосѣдомъ новгородцевъ явилось одно сильное — Московское. Какъ море, все затопляющее, разливалась Москва, отнимая права и занимая области новгородскія. Такъ подрывалась мало по малу политическая сила Новгорода, и наконецъ, послѣ двухъ гибельныхъ для Новгорода войнъ съ Іоанномъ III (въ 1471 и 1477 г.), Новгородъ совершенно лишился своей политической самобытности, своего самоуправленія и само-суда и призналъ Іоанна III своимъ государемъ. Вотъ какъ говоритъ о паденіи Новгорода Карамзинъ:

«Паденіе Новгорода знаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ и внѣшнихъ. Такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига монголовъ, Новгородъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестью. Сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые новгородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностью умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новгородскія въ XV вѣкѣ уже не представляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искусства, ни успѣховъ блестящихъ. Что, кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства, видимъ мы въ послѣднихъ, рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, Литовскаго или Московскаго. Къ счастію,

наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.»

Послѣ политическаго своего паденія, Новгородъ ненадолго сохранилъ и свое торговое значеніе, какъ рынокъ, связывавшій московское государство съ Западною Европою. Разоренія, претерпѣнныя Новгородомъ отъ Іоанна Грознаго во второй половинѣ XVI вѣка, и открытіе англичанами Бѣломорскаго (Двинскаго) пути нанесли значительный ударъ торговлѣ Новгорода. Онъ не могъ уже болѣе подняться, тѣмъ болѣе, что въ началѣ XVIII вѣка Петръ Великій, понявъ всю важность для Россіи Ладожско-Невскаго пути, построилъ на этомъ пути свой городъ. Этотъ городъ не только затмилъ Новгородъ своею торговлею, но сдѣлался еще столицею русскаго государства. Нынѣ Новгородъ — губернскій городъ съ 18-ю т. жителей, тогда какъ при Іоаннѣ Грозномъ въ немъ было отъ 50 до 60 тыс. Не смотря на устройство въ 1837 г. Вишерскаго канала, когда суда уже стали обходить Новгородъ, не смотря на значительное разстояніе его отъ Московской желѣзной дороги, Новгородъ, находясь въ главномъ водномъ центрѣ Россіи, и въ настоящее время пользуется немаловажнымъ торговымъ значеніемъ.

Какъ самый Новгородъ, такъ и все пространство Новгородской губерніи можно назвать живою лѣтописью прошедшаго. Къ сожалѣнію, время и люди многое истребили, изгладили, стерли съ лица земли. И дивиться-ли? Сколько разъ огонь и мечъ ходили по новгородскимъ областямъ! Сколько разъ все было выжжено, попалено головнею, залито кровью! Теперь время гибели прошло, и на могилахъ отцовъ безпечно живетъ новый человѣкъ. Онъ не помнитъ и не знаетъ, что было до него на мѣстѣ его жилища. Потомки съ какимъ-то ожесточеніемъ уничтожаютъ послѣдніе слѣды былаго. Ветшаетъ-ли древнее зданіе — мало того, что его передѣлываютъ — нѣтъ! его уничтожаютъ, и то, на чемъ лежала печать столѣтій, замѣняется бѣдною новизною, зависящею отъ нелѣпой прихоти новаго человѣка, зданіемъ на часъ, которое сломаетъ и замѣнитъ новою прихотью другое поколѣніе.

Вотъ бѣдный нынѣшній Новгородъ, среди лѣсовъ и болотъ выстроенный по плану, и похожій на кладбище, усѣянное памятниками. Неужели же это древній Новгородъ, Великій Новгородъ? Гдѣ святая Софія, вольное вѣче, Ярославовъ дворъ, гдѣ множество храмовъ и обителей новгородскихъ, гдѣ чудный дворъ Маренѳы Посадницы и гостиный дворъ Ганзейскій?.... Померкла слава новгородская, и почти ничего не осталось послѣ Новгорода. Нѣтъ древнихъ стѣнъ, валовъ и дѣленій новгородскихъ въ нынѣшнемъ Новгородѣ. Земляной валъ, окружающій городъ, насыпанъ въ новѣйшее время. Вмѣсто древняго дѣтинца видите ветхія, перестроенныя въ позднѣйшее время, стѣны Кремля, съ древнимъ Софійскимъ соборомъ. Кругомъ него на Софійской сторонѣ и на другомъ берегу по Торговой сторонѣ (имена ихъ сохранились донынѣ) расположены правильныя, прямыя улицы *). Вотъ кое-гдѣ возвышаются колокольни бѣдныхъ старыхъ церквей и обителей, возобновленныхъ въ позднѣйшее время.

Св. Софія, можно сказать, единственный памятникъ, уцѣлѣвшій среди разрушеній времени, пожаровъ, разореній. Это соборъ съ шестью позолоченными главами, мрачный, тѣсный, съ древнимъ иконостасомъ, мѣстами царскимъ и святительскимъ, гробницами князей и владыкъ новгородскихъ. Новгородскій Софійскій соборъ основанъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ. Еще прежде того, на мѣстѣ нынѣшняго собора построена была церковь св. Іоакима и Анны первымъ епископомъ новгородскимъ Іоакимомъ. Лѣтописецъ, говоря о построеніи этого храма, прибавляетъ, что Іоакимъ въ сей же церкви «*служиша до Софіи*,» т. е. до построенія Софійскаго собора. Въ 989 г. Іоакимъ поставилъ церковь св. Софіи деревянную, дубовую, съ 13 верхами. Церковь эта стояла на Пискупли, улицѣ на берегу Волхова. Она славилась внутренними украшеніями, въ 1045 г. она сгорѣла, и въ этомъ то году, при второмъ епископѣ,

*) Нѣкоторыя улицы сохранили свои древнія прозванія: Чудинцова, Легоща, Холопья, Рогатица и пр.

Лукѣ Жидятѣ, Владиміръ Ярославичъ положилъ основаніе каменной церкви, также во имя св. Софіи. Храмъ строился семь лѣтъ царьградскими архитекторами. Лѣтописецъ называетъ церковь эту «весьма прекрасною и превеликою» и разсказываетъ слѣдующее обстоятельство: когда призванные изъ Царьграда живописцы хотѣли находящійся въ главѣ или куполѣ собора образъ Спасителя написать съ благословляющею десницею, то три раза находили ее вновь сжатою. Наконецъ, въ четвертое утро послышался невидимый гласъ: «не пишите меня съ благословляющею рукою, ибо въ этой рукѣ я держу Великій Новгородъ, и когда разожму ее, тогда и будетъ окончаніе.» Изображеніе это въ такомъ видѣ сохранилось донынѣ.

Со времени основанія Софійскій соборъ часто подвергался опустошеніямъ отъ пожаровъ и непріятелей, но всякій разъ былъ возобновляемъ, безъ передѣлки стѣнъ. Поправки, измѣнившія нѣсколько его архитектуру, были сдѣланы въ 1688 и 1692 г., когда митрополитъ Корнелій приподнялъ полъ, прежнія узкія окна увеличилъ, нѣкоторыя окна пробилъ вновь и выломалъ три круглые столба; остальныя исправленія касались только кровли и иконописи. Въ соборѣ замѣчательны нѣсколько древнихъ иконъ, особенно образъ Софіи — Премудрости Божіей и образовъ апостоловъ Петра и Павла и Всемилостиваго Спаса, византійскаго стиля, древняя стѣнная живопись и остатки мозаики въ алтарѣ.

На *полатяхъ* собора находится библіотека и ризница. Библіотека богата, но не описана и не осмотрѣна ученымъ образомъ донынѣ. Въ ризницѣ показываютъ древнія облаченія новгородскихъ святителей, древнія и новыя церковныя утвари, вещи Петра Великаго, вериги святыхъ, знамена стрѣльцовъ и проч. Въ особенной кладовой хранятся рѣзные образа, свезенные сюда со всей Россіи, когда Петръ Великій, сообразно съ уставами церкви православной, велѣлъ вынести изъ церквей всѣ рѣзные образа, большею частію произведенія грубаго ваянія.

Особенную достопамятность составляютъ на паперти собора западныя двери, деревянныя, обитыя мѣдными досками, кото-

рыя соединяетъ рама. Ихъ называютъ корсунскими. Извѣстно, что такъ назывались у насъ произведенія византійскаго стиля, которыя въ первый разъ вывезены были Владиміромъ изъ Херсона (Корсуня). Новгородцы вѣрили, что двери ихъ вывезъ изъ Корсуня Владиміръ и подарилъ Новгороду. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что корсунскіе двери — есть памятникъ нѣмецкой литейной работы XII—XIII вѣка. Изображенія на нихъ разны и перемѣшаны съ эмблемами, портретами, миѳологіею.

Тутъ же, въ Кремлѣ, подлѣ Софіи, на площади поставленъ въ 1862 г. памятникъ тысячелѣтія Россіи, исполненный по рисункамъ и моделямъ художника Микѣшина на заводѣ Никольса и Плинке. Онъ состоитъ изъ верхней части—бронзовой и нижней—гранитной. Верхняя часть заключаетъ семь группъ съ 19 фигурами и державу; нижняя составляетъ подножіе, заключающее облицеванный бронзою постаментъ, карнизъ изъ сердобольскаго гранита надъ барельефами, самые барельефы и цоколь изъ того же гранита подъ ними. Самая верхняя группа состоитъ изъ двухъ фигуръ и изображаетъ православную вѣру, какъ главное основаніе нравственнаго возвышенія русскаго народа. Слѣдующія за тѣмъ шесть группъ, поставленныя вокругъ шара, изображающаго державу, олицетворяютъ шесть главныхъ эпохъ русской исторіи, а именно: Рюрикъ — основаніе государства Россійскаго (862 г.), Владиміръ — введеніе христіанства въ Россіи (988 г.), Димитрій Донской — начальное освобожденіе отъ ига татарскаго (1380 г.), Іоаннъ III—основаніе единодержавія царства русскаго (1462 г.), Михаилъ Ѳеодоровичъ — возстановленіе единодержавія избраніемъ на престолъ дома Романовыхъ (1613 года); Петръ Великій — преобразованіе Россіи и основаніе имперіи россійской (1721 г.). Затѣмъ слѣдуетъ подножіе памятника, на средней части котораго находится сплошной барельефъ съ изображеніемъ замѣчательныхъ мужей и женщинъ. Изъ изображенныхъ на барельефѣ лицъ можно указать на слѣдующія: Кириллъ и Меѳодій, Ольга, Владиміръ, Несторъ, патріархъ Никонъ, Георгій Конисскій — какъ просвѣтители Россіи; Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ III, Сильвестръ

и Адашевъ, царица Анастасія Романовна, Гермогенъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, Филаретъ Романовъ, царь Алексѣй Михайловичъ, Артамонъ Матвѣевъ, Петръ I, Бецкій, Екатерина II, графъ Сперанскій — какъ государственные люди; Александръ Невскій, Димитрій Донской, Марѳа Посадница, Mининъ и Пожарскій, Ермакъ, Сусанинъ, графъ И. С. Салтыковъ, графъ Мининъ, князь Суворовъ, князь Кутузовъ-Смоленскій, князь Паскевичъ–Эриванскій, Нахимовъ — какъ люди военные и герои; Ломоносовъ, Фонъ–Визинъ, Волковъ, Дмитревскій, Крыловъ, Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Пушкинъ, Гоголь, Глинка, Брюловъ, Шевченко, Бортнянскій — какъ поэты, художники и артисты.

Словомъ, весь памятникъ служитъ нагляднымъ изображеніемъ жизни Россіи въ теченіе ея тысячелѣтняго существованія.

32. Москва.

«Кто хочетъ знать Россію — побывай въ Москвѣ».
Карамзинъ.

Москва существуетъ болѣе семи столѣтій, если даже отнести ея основаніе не ранѣе какъ къ XII вѣку. Въ этотъ громадный промежутокъ времени она успѣла пережить столько событій, что самое топографическое ея положеніе должно было измѣниться и теперь едва можно указать на нѣкоторыя мѣста, сохранившія видъ тѣхъ отдѣльныхъ возвышенностей, на которыхъ, судя по преданіямъ, должны были появиться зачатки этого города, занявшаго, подобно Риму, семь холмовъ. Первый холмъ — *Боровицкій*, на вершинѣ котораго теперь находится колокольня Ивана-великаго. Съ этого, должно быть, холма, какъ съ самаго высокаго, сынъ Мономаха, великій князь Суздальскій Юрій Долгорукій, обозрѣвъ всѣ окрестности села Кучкова, велѣлъ заложить малъ древянъ градъ Москву. Второй холмъ на Покровкѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь Успенія Богородицы. Третій—занятъ Тверской частью, и на вершинѣ его помѣщается

Страстной монастырь. Четвертый и пятый холмы извѣстны подъ названіемъ: Трехъ горъ и Вшивой горки. Лефортовская часть занимаетъ шестой холмъ, а послѣдній находится на правомъ берегу Москвы-рѣки.

Основаніе Москвы, какъ основаніе всѣхъ древнихъ замѣчательныхъ городовъ, теряется въ баснословныхъ преданіяхъ, изъ которыхъ можно заключить, что народъ нашъ съ давнихъ временъ видѣлъ въ Москвѣ свою избавительницу отъ междоусобій и разъединенія удѣльныхъ князей нашихъ и смирительницу крамольныхъ бояръ, что подтверждается слѣдующимъ сказаніемъ: Князь Кіевскій Юрій Владиміровичъ Долгорукій, проѣзжая въ 1158 году во Владиміръ, къ сыну своему Андрею, богатыми селами боярина Кучки, которыя находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Москва, былъ оскорбленъ этимъ бояриномъ. Кучка, возгордившись зѣло, не только не почтилъ великаго князя, но даже поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать боярина смерти, а дѣтей его отослалъ сыну своему Андрею.

Прекрасное мѣстоположеніе селъ, лежавшихъ по обоимъ берегамъ Москвы-рѣки и за Неглинной, плѣнило князя, и онъ велѣлъ заложить тутъ городъ и прозвалъ его по имени рѣки Москвою. Пріѣхавъ къ сыну своему Андрею, Юрій женилъ его на Улитѣ, дочери казненнаго боярина, и, заповѣдавъ сыну распространять городъ Москву и населить его людьми, возвратился въ Кіевъ.

Лѣтописи же въ первый разъ упоминаютъ о Москвѣ въ 1147 году, а именно въ нихъ говорится, что въ этомъ году Суздальско-владимірскій князь Георгій или Юрій Владиміровичъ Долгорукій угощалъ въ Москвѣ Святослава Ольговича Сѣверскаго и другихъ князей, бывшихъ его союзниками противъ великаго князя Изяслава Мстиславича.

Хотя сынъ Георгія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій и продолжалъ владѣть Москвою, но не жилъ въ ней: онъ любилъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и, сдѣлавшись великимъ княземъ, сдѣлалъ его стольнымъ городомъ, потому что великое княжество

Кіевское было въ то время сильно разорено усобицами князей южно-русскихъ.

Первый князь, называвшійся московскимъ, былъ Михаилъ Храбрый, меньшой братъ Александра Невскаго, но ему досталась въ удѣлъ Москва совершенно разоренная, потому что одинадцать лѣтъ передъ этимъ, во время втораго нашествія татаръ подъ предводительствомъ Батыя въ 1237 году, она была ограблена и выжжена ими. Впрочемъ Москва скоро оправилась отъ этого погрома и, въ 1282 году, князь ея Даніилъ, сынъ Александра Невскаго, участвуетъ уже въ дѣлахъ князей, вступаетъ съ ними въ союзъ противъ Литвы и черезъ три года празднуетъ побѣду надъ этими сильными врагами; съ княженія Даніила Александровича начинаетъ усиливаться Москва и изъ бѣдной волости князей Владимірскихъ, управляемой воеводами, становится центромъ отдѣльнаго княжества Московскаго, не смотря на то, что въ 1293 году она опять была опустошена татарами. Князь Даніилъ Александровичъ, въ продолженіи всего княженія своего, хлопоталъ о сохраненіи и расширеніи своего удѣла. Такъ, онъ въ 1300 году обнесъ Москву крѣпкой деревянной стѣною и заставилъ братьевъ своихъ выѣхать изъ Москвы въ Тверь, то есть не далъ имъ удѣловъ. Такъ, онъ ходилъ съ ратью на Рязань, присвоилъ себѣ Коломну, волость князей рязанскихъ, а самого князя содержалъ плѣннымъ въ Москвѣ. Особенно усилилась Москва отъ присоединенія къ ней Переяславльской области, которую Даніилъ получилъ послѣ смерти своего дяди князя Переяславльскаго. Отъ этого пріобрѣтенія Москва вдругъ стала на ряду съ первыми княжествами, и Георгій, сынъ Даніила, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ еще Можайскъ, является уже соперникомъ князя тверскаго и объявляетъ свои притязанія на великокняжескій Владимірскій столъ. Это домогательство послѣ кровавыхъ междоусобій оканчивается наконецъ тѣмъ, что сынъ Даніила, Іоаннъ Калита, дѣлается великимъ княземъ, послѣ чего не только самъ переѣхалъ жить изъ Владиміра въ Москву, но убѣдилъ и митрополита Петра переселиться въ нее, и съ тѣхъ поръ Москва стала счи-

таться столицею великихъ князей, а затѣмъ и всей Россіи. Митрополиты, переселясь въ Москву, много помогали возвышенію московскихъ князей, ибо они отлучали отъ церкви цѣлые города, шедшіе противъ Москвы. Такъ, Псковъ, пріютившій врага Іоанна, Александра Тверскаго, долженъ былъ со слезами отпустить его въ Литву, потому что преемникъ митрополита Петра, Ѳеогностъ, проклялъ псковичей за ихъ покровительство князю тверскому.

Постоянно заискивая у хана и возя богатые дары въ орду, Іоаннъ Калита выхлопоталъ себѣ позволеніе собирать подать со всѣхъ городовъ русскихъ. Это было большимъ облегченіемъ для народа, потому что татары страшно грабили русскихъ. Но не объ одномъ народѣ заботился Калита, онъ не забывалъ и себя при сборѣ и даже тѣснилъ жителей богатыхъ городовъ, какъ напр. Новгорода и Ростова, вслѣдствіе чего могъ пріобрѣсть и оставить дѣтямъ своимъ богатыя волости. Такъ, онъ большею частью посредствомъ денегъ присоединилъ къ своему княжеству: Звенигородъ, Рузу, Лопасну, Серпуховъ и Перемышль и помогъ старшему сыну Симеону, задаривъ оставленными богатствами татаръ, утвердиться на московскомъ престолѣ. Хотя Іоаннъ въ завѣщаніи своемъ и раздѣлилъ Москву и другія свои владѣнія между тремя сыновьями: Симеономъ, Іоанномъ и Андреемъ, но онъ положилъ конецъ раздробленію на удѣлы, давъ несравненно болѣе волостей Симеону и обязавъ меньшихъ его братьевъ завѣщать ему свои удѣлы, въ случаѣ если бы они умерли бездѣтными; а ханъ, подкупленный богатыми подарками Симеона, не только отдалъ ему великокняжескій столъ, но всѣхъ остальныхъ князей русскихъ *«далъ ему подъ руку»*. Какъ воспользовался этимъ Симеонъ, можно видѣть изъ одного названія *Гордаго*, которое ему дали современники.

Политику Калиты продолжали и его дѣти, а духовенство сильно поддерживало ихъ. При внукѣ Калиты, Димитріи Донскомъ, св. Сергій, игуменъ и основатель Троицко-Сергіевской Лавры, ѣздилъ въ Новгородъ и Рязань уговаривать князей не идти противъ великаго князя, и когда князь нижегородскій не

согласился примириться съ Димитріемъ Донскимъ, то Св. Сергій запретилъ церковную службу въ Нижнемъ и заперъ церкви этого города. При Димитріи Донскомъ Московское княжество увеличилось присоединеніемъ Стародуба, Галича и Ростова.

Въ то время, какъ Москва усиливалась, Золотая Орда сильно ослабѣла, такъ что Димитрій пересталъ платить даже дань татарамъ, вслѣдствіе чего Мамай двинулъ всѣ свои полчища на землю Русскую. Испросивъ благословеніе у Св. Сергія, помолившись въ Успенскомъ, и тогда уже каменномъ, соборѣ, поклонившись мощамъ митрополита Петра, Димитрій выступилъ изъ Москвы 20 августа 1380 года. Послѣ знаменитой Куликовской битвы, когда впервые русскіе побѣдили татаръ, великому князю доложили, что погибло въ этой битвѣ: 40 бояръ московскихъ, 12 князей Бѣлозерскихъ, 30 новгородскихъ посадниковъ, 20 бояръ коломенскихъ, 40 серпуховскихъ, 20 переславскихъ и т. д. *) всего же войска погибло 133 тысячи. Но главное было сдѣлано, и русскіе почувствовали свою силу и татары не наводили болѣе на нихъ паническаго страха, хотя черезъ два года послѣ Куликовской побѣды, ханъ Тохтамышъ обманомъ овладѣлъ Москвою, разграбилъ и сжегъ ее, а Димитрія принудилъ снова платить себѣ дань.

Но что была тогда эта Москва, столько разъ уже видавшая враговъ, столица великихъ князей и мѣстопребываніе митрополитовъ русскихъ! Это было огромное, мало еще застроенное пространство, дѣлившееся на *городъ*, мѣсто, обнесенное стѣною, то есть Кремль или крѣпость, *Посадъ*, строенія внѣ Кремля, что мы теперь привыкли называть городомъ, *Загородье*, слободы московскія, примыкавшія къ посаду, гдѣ жили торговцы, про-

*) Изъ этого перечня видно, какъ сильны были при Димитріи Донскомъ князья Московскіе. Москвѣ обязаны были помогать ратью слѣдующія области: Звѣнигородъ, Коломна, Можайскъ, Ржевъ, Серпуховъ, Волоколамскъ, Дмитровъ, Боровскъ, Переславль, Владиміръ, Юрьевъ, Муромъ, Мещера, Стародубъ, Суздаль, Городецъ, Кострома, Нижній, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Молога, Галичъ, Бѣлозерскъ и Устюгъ.

мышленники и разные ремесленники, и *Замоскворѣчье*, строенія за Москвой-рѣкой. Въ городѣ или Кремлѣ находилось три каменныхъ собора: Успенскій, Архангельскій и Преображенскій. Они были малы, тѣсны и освѣщались только узкими, щелевидными окнами со слюдою, вмѣсто стеколъ, и желѣзными рѣшетками, вслѣдствіе чего постоянный мракъ господствовалъ внутри зданій. Главы церквей тогда еще не золотились. Остальныя строенія Кремля: церкви, дворецъ князя, палаты митрополита и домы бояръ были всѣ деревянные и немногимъ отличались отъ теперешнихъ избъ крестьянъ нашихъ. Кремль занималъ самое возвышенное мѣсто, Боровицкій холмъ; за нимъ шли посады, то есть прежнія отдѣльныя села, вошедшія въ составъ города. Это были разновладѣльческія сельскія поселенія, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ, духовенству и богатымъ боярамъ; они состояли изъ небольшихъ избъ и были окружены не только садами, но цѣлыми рощами, куда красныя дѣвицы ходили за грибами. Преданіе говоритъ, что недалеко отъ Кремля, гдѣ теперь Газетный переулокъ, около церкви Успенія на Вражкахъ, былъ прежде лѣсной бугоръ, и рѣка Неглинная, при своемъ разливѣ, образовывала тутъ такое болото, что можно было легко утонуть въ немъ. Во время непріятельскаго нашествія, все, что было внѣ Кремля, предавалось грабежу и пламени, почему каждый спѣшилъ спастись въ Кремль, который и тогда уже представлялъ довольно сильную крѣпость. Димитрій Донской, послѣ Всесвятскаго пожара (1365 года), истребившаго всѣ строенія въ Москвѣ, вмѣстѣ съ дубовыми стѣнами Кремля, обнесъ его каменною стѣною: *тое же зимы* (1367 года), говоритъ лѣтописецъ, *повезоша каменья къ городу. Тое же весны начаша строитъ городъ каменъ*,, съ желѣзными стрѣльницами и воротами: Боровицкими, Флоровскими и Константино-Еленскими. Изъ духовной Димитрія Донскаго видно, что городъ дѣлился на три части, изъ которыхъ только одна принадлежала великому князю Василію, другая — потомству князя Владиміра Андреевича, а третья раздѣлена была между князьями, Юріемъ, Андреемъ и Петромъ. Вообще Москва дѣлилась на участки, принадлежав-

шіе разнымъ лицамъ до Алексѣя Михайловича, и только съ изданіемъ его *уложенія* получила настоящее значеніе города.

При сынѣ Димитрія Донскаго, Василіи I, два раза татары вторгались въ землю русскую, первый разъ подъ предводительствомъ Тамерлана въ 1395 году. Москва представляла въ это время необыкновенную, для нашего времени, картину: церкви были отворены день и ночь, народъ со слезами молился о спасеніи отъ приближающагося врага, съ теплой вѣрою встрѣчалъ икону Владимірской Божіей Матери, которую великій князь велѣлъ перенесть изъ Владиміра въ Москву. Молитва народа была услышана: Тамерланъ, направлявшійся къ Москвѣ, вдругъ остановился и вскорѣ отступилъ за предѣлы нашего отечества. Въ память этого событія великій князь Василій соорудилъ каменную церковь Благовѣщенія Божіей Матери, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ народъ встрѣтилъ икону Владимірской Божіей Матери.

Второй разъ врагъ, подъ предводительствомъ Эдигея, былъ подъ самыми стѣнами московскими. Составитель «Историческаго путеводителя по Москвѣ» разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Слухъ объ неожиданномъ врагѣ достигъ до Москвы уже тогда, когда не было времени думать о явномъ сопротивленіи. Великій князь, оставя снова своего дядю въ Москвѣ, отправился въ Кострому для собранія войска. Ни стѣны кремлевскія, ни пушки, о которыхъ упоминается здѣсь въ первый разъ, ни извѣстное мужество защищавшаго Москву не могли успокоить московскихъ жителей: уныніе овладѣло всѣми, особенно когда князь приказалъ, для удобнѣйшей защиты Кремля, сжечь всѣ посады. Нѣсколько тысячъ домовъ запылало. Жители, лишенные крова и не впускаемые въ Кремль, какъ тѣни, бродили на своихъ пепелищахъ, наполняя воздухъ воплями и рыданіями!» Но Эдигей и 400,000 татаръ простоялъ три недѣли подъ стѣнами московскими, опустошилъ всѣ окрестныя области, но не рѣшился на приступъ и, взявъ съ великаго князя откупъ въ 3 тысячи рублей, ушелъ изъ Россіи.

Но, не смотря на эти бѣдствія, княжество московское все-таки было сильнѣе другихъ княжествъ и начиная съ Василія I,

велико княжескій престолъ не оспаривается другими князьями у князей московскихъ, а сынъ его, Василій II Темный, послѣдній изъ князей ѣздилъ въ орду и былъ торжественно вѣнчанъ на великое княженіе не во Владимірѣ, какъ это было прежде, а въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ и, еще при своей жизни, безъ всякихъ препятствій назначилъ преемникомъ своимъ сына своего Іоанна, впослѣдствіи названнаго Великимъ, съ котораго начинается новая эпоха для всей Россіи: она изъ великаго княжества становится государствомъ московскимъ. Іоаннъ III во-первыхъ осуществилъ давнишнюю тайную мысль великихъ князей московскихъ, соединивъ въ одно цѣлое разъединенные удѣлы. Такъ онъ покорилъ Тверь и Новгородъ Великій съ колоніей его Вяткой, присоединилъ къ московскому государству удѣлъ Верейскій, подчинилъ своей власти князей Рязанскихъ, Суздальскихъ, Черниговскихъ, Рыльскихъ, Трубчевскихъ и другихъ. Во-вторыхъ не только пересталъ быть данникамъ татаръ, но и подчинилъ Казань, покорилъ Пермь и завоевалъ землю Югорскую. По словамъ лѣтописца всѣ Сѣверовосточныя русскія земли были покорены «*съ большимъ насиліемъ московскимъ*,» вслѣдствіе чего сложились старинныя пословицы: «Живи, живи, ребята, пока Москва не провѣдала.» «Московская правда» «Въ Москву идти—голову нести».

Іоаннъ III распоряжался уже и князьями не какъ старшій въ родѣ, но какъ полновластный государь. Съ боярами онъ держалъ себя гордо, грозно, заставлялъ ихъ давать себѣ письменныя обязательства (записи), что они не уѣдутъ ни въ Литву, ни къ государямъ братьямъ его и никуда до самой ихъ смерти и совѣтовался съ ними рѣже, чѣмъ его предшественники. Съ Іоанна III титулъ великихъ князей московскихъ сталъ писаться: «Іоаннъ, Божіею милостію, Государь всея Руси и великій князь владимірскій, и московскій, и новгородскій, и псковской, и тверской, и угорской, и болгарской.» При немъ же былъ измѣненъ государственный гербъ. До 1472 г. на гербѣ изображали ангела, держащаго въ рукѣ кольцо, и человѣка съ обнаженымъ кинжаломъ, а съ 1472 г.—Льва, терзающаго змѣю. Іоаннъ

велѣлъ замѣнить эти изображенія съ одной стороны греческимъ двуглавымъ коронованнымъ орломъ, съ другой — гербомъ Москвы: всадникъ, попирающій дракона, съ надписью вокругъ: «великій князь, Божіею милостію государь всея Руси.» Счастливѣе этого символическаго сочетанія трудно выбрать: не нуждались болѣе наши государи ни въ кинжалахъ для междоусобій, ни въ львахъ, грозно оборонявшихся отъ змѣй земли родной, государь московскій, подобно всаднику, уничтожилъ анархію удѣловъ въ видѣ лютаго змѣя и, подобно орлу, воспарилъ съ распростертыми крыльями, приводя въ трепетъ враговъ своихъ.

Сдѣлавшись полнымъ властелиномъ государства московскаго, Іоаннъ III сталъ входить въ сношенія съ иностранными государствами, выписывать искусныхъ архитекторовъ и живописцевъ, и Москва, изъ ничтожнаго городка, о которомъ упоминалось вскользь еще въ половинѣ XIII столѣтія, въ концѣ XV дѣлается столицей царей русскихъ, первымъ торговымъ городомъ въ Россіи и застраивается многими каменными зданіями. Древній Успенскій соборъ, пришедшій въ такую ветхость, что его нужно было поддерживать деревянными столбами, совершенно перестраивается искуснымъ болонскимъ архитекторомъ, Фіоравенти, котораго Іоаннъ нарочно для этого выписалъ изъ Венеціи. Другой старый соборъ—Архангельскій тоже былъ перестроенъ Іоанномъ, который перенесъ въ него тѣла великихъ князей, начиная съ Іоанна Калиты. Съ этого времени стали хоронить въ этомъ соборѣ нашихъ государей съ Іоанна III до Петра Великаго. Іоанномъ же были воздвигнуты: соборъ Благовѣщенскій, церковь Іоанна Лѣствичника, Грановитая Палата, каменный великокняжескій дворецъ, посольскій домъ, и укрѣпленъ Кремль башнями и стрѣльницами съ тайниками, подземными ходами и слухами. Для расширенія города велѣно перенести за Неглинную церкви и дворы, чтобъ межъ городскими стѣнами и строеніемъ оставалось полое мѣсто «Застѣнье» въ сто десять саженъ. По этому случаю «церкви старая, извѣчныя вынесены изъ города вонъ, да монастыри старинные съ мѣста переставлены и кости мертвыхъ выношены за Дорогомилово,

да на тѣхъ мѣстахъ садъ саженъ.» Видя, что государь любитъ украшать свою столицу, митрополитъ и знатные бояре построили себѣ каменныя палаты, и Кремль въ началѣ XVI вѣка принялъ видъ европейскаго города. Въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ Герберштейномъ о Россіи въ началѣ XVI вѣка, встрѣчается и описаніе Москвы: «Москва, расположенная на равнинѣ, издали блестѣла куполами своихъ безчисленныхъ церквей и бѣлыми кремлевскими стѣнами съ башнями. Каменные дома были рѣдки и окружены темною грудою деревянныхъ строеній среди садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались отдѣльными городками. Въ слободахъ жили купцы и ремесленники, селившіеся на просторѣ; они сѣяли хлѣбъ и косили траву передъ своими домами по обѣимъ сторонамъ улицы. Одинъ Кремль все еще считался городомъ; всѣ другія части Москвы, весьма обширной, назывались предмѣстіями, такъ какъ не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутыхъ берегахъ Яузы стояло множество мельницъ; Неглинная, будучи запружена, имѣла видъ озера и наполняла водою кремлевскій ровъ. Улицы были тѣсны и грязны, но сады очищали и освѣжали воздухъ: надо прибавить къ этому, что знатнѣйшіе бояре все еще жили въ Кремлѣ въ деревянныхъ хоромахъ, что гостиный дворъ, обнесенный каменной стѣною, отличался красотою своихъ лавокъ, а Москва-рѣка покрывалась въ зимнее время шалашами, въ которыхъ торговали хлѣбомъ, мясомъ, дровами, лѣсомъ, сѣномъ и т. п.»

При сынѣ Іоанна III, Василіи III, была присоединена послѣдняя отдѣльная область Новгородъ-Сѣверская. Бояре при этомъ великомъ князѣ не имѣли почти голоса и писались холопьями государевыми. Сынъ Василія, Іоаннъ IV Грозный былъ уже вполнѣ самодержавный государь Россіи съ титуломъ царя. При немъ уже прежнія татарскія царства Казанское и Астраханское сдѣлались владѣніями Россіи.

Уже изъ этого краткаго историческаго очерка видно, что Москва имѣетъ значеніе, какъ центръ, около котораго сосредоточилось и окрѣпло наше государство, какъ хранительница па-

мятниковъ постояннаго усиленія его. Не видно въ ней только слѣдовъ тяжелыхъ испытаній, которыя она такъ мужественно переносила и отъ которыхъ такъ скоро оправлялась: до Іоанна IV она пять разъ выгорѣла до тла, 15 разъ болѣе половины ея было опустошено пожарами, 5 разъ она была опустошена врагами, изъ этого числа 3 разъ татарами. При Іоаннѣ IV было тоже два ужасныхъ пожара въ 1547 году, слѣдствіемъ которыхъ былъ бунтъ и убіеніе дяди царя, Юрія Глинскаго. Карамзинъ описываетъ ужасы этихъ пожаровъ слѣдующимъ образомъ: «12 апрѣля сгорѣли лавки въ Китаѣ-городѣ съ богатыми товарами, гостинные, казенные дворы, обитель Богоявленская и множество домовъ отъ Ильинскихъ воротъ до Кремля и Москвы-рѣки. Высокая башня, гдѣ лежалъ порохъ, взлетѣла на воздухъ съ частію стѣны, пала въ рѣку и запрудила ее кирпичами. 20 апрѣля обратились въ пепелъ за Яузою всѣ улицы, гдѣ жили гончари и кожевники; а 21 іюня около полудня, въ страшную бурю, начался пожаръ за Неглинной, на Арбатской улицѣ, въ церкви Воздвиженія; огонь лился рѣкою, и скоро вспыхнулъ Кремль, Китай и Большой посадъ. Вся Москва представляла зрѣлище огромнаго пылающаго костра подъ тучами густаго дыма: деревянныя зданія исчезали, каменныя распадались, желѣзо рдѣло какъ въ горнилѣ, мѣдь текла. Ревъ бури-трескъ огня и вопль людей отъ времени до времени былъ заглушаемъ взрывами пороха, хранившагося въ Кремлѣ и другихъ частяхъ городѣ. Спасали единственно жизнь: богатство праведное и неправедное гибло. Царскія палаты, казна, сокровища, оружіе, иконы, древнія хартіи, книги истлѣли. Митрополитъ молился въ храмѣ Успенія, уже задыхаясь отъ дыма; силою вывели его оттуда и хотѣли спустить на веревкѣ съ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ: онъ упалъ, расшибся и едва живой былъ отвезенъ въ Ново-Спасскій монастырь. Изъ собора вынесли только образъ Маріи, писанный св. Петромъ митрополитомъ, и правила церковныя, привезенныя Купріаномъ изъ Константинополя. Славная Владимірская икона Богоматери оставалась на своемъ

мѣстѣ; къ счастію, огонь, разрушивъ кровли и паперти, не проникъ во внутренность церкви.»

«Къ вечеру затихла буря, и въ три часа ночи угасло пламя; но развалины курились нѣсколько дней, отъ Арбата и Неглинной до Яузы и до конца Великой улицы, Варварской, Петровской, Мясницкой, Дмитровской, Тверской. Ни огороды, ни сады не уцѣлѣли; деревья обратились въ уголь, дрова въ золу. Сгорѣло 1700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Нельзя, по словамъ современниковъ, ни описать, ни воообразить сего бѣдствія. Люди съ опаленными волосами, съ черными лицами, бродили какъ тѣни среди ужасовъ обширнаго пепелища: искали дѣтей, родителей, остатковъ имѣнія; не находили и выли, какъ дикіе звѣри. Счастливъ, кто, умилясь душею, могъ плакать и смотрѣть на небо.» Утѣшителей не было.

22 іюля 1547 года кончился этотъ ужасный пожаръ, и 30 іюля этого же года ханъ крымскій съ 100 тысячнымъ войскомъ шелъ къ Москвѣ и хотѣлъ уже переправиться черезъ Оку, но былъ отраженъ русскими войсками. Въ 1571 году, татары, подъ предводительствомъ крымскаго хана, Девлетъ Гирея, подступили къ самой Москвѣ. Ханъ велѣлъ зажечь посады, и пламя такъ сильно распространилось, что не было возможности тушить огонь. Толпы полуобгорѣлыхъ жителей тщетно стремились къ Кремлю; ворота Кремля, по приказанію главнаго воеводы, были завалены, и несчастные гибли въ улицахъ. Въ три часа—посады, Китай-городъ и вся Москва до Кремля превратились въ кучу пепла. Множество воиновъ и жителей погибло. До 1584 года были видны въ Москвѣ слѣдствія этого опустошенія, жителей изъ 200 тысячъ осталось только 30 т. и встрѣчалась много еще развалинъ, пустырей, не смотря на то, что груды жемчуга и золота приводили въ изумленіе иностранцевъ, посѣщавшихъ Іоанна IV.

Еслибы не эти ужасныя опустошенія, можно было бы встрѣтить въ Москвѣ памятники всѣхъ почти важнѣйшихъ событій нашего отечества, но и теперь въ ней сохраняются они, хотя не въ томъ видѣ, но большею частью на тѣхъ же дорогихъ

для насъ, по воспоминаніямъ, мѣстахъ. Такъ, вы найдете тамъ: *Богоявленскій монастырь*, основанный еще въ 1302 г. Даніиломъ Александровичемъ, отцомъ Іоанна Калиты, вѣроятно, въ память присоединенія Переславской области къ княжеству московскому; *церковь Іоанна Лѣствичника* въ колокольнѣ Ивана Великаго, построенную Іоанномъ Калитою въ память побѣды надъ псковичами; *соборъ св. Архангела Михаила*, построенный имъ же въ благодарность за избавленіе отъ голода 1332 года. Начало успѣшной борьбы нашей съ татарами напоминаетъ намъ Кремль, такъ какъ каменныя стѣны его были заложены Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ въ 1367 году. Памятниками заботливости первыхъ святителей московскихъ о Москвѣ, которую они избрали своимъ мѣстомъ жительства, служатъ монастыри: Андроніевскій, Чудовъ и Симоновъ, построенные митрополитомъ Алексѣемъ. Благовѣщенскій соборъ напоминаетъ намъ счастливое избавленіе отъ татаръ, шедшихъ на насъ подъ предводительствомъ Тамерлана въ княженіе Василія I, сына Димитрія Донскаго. Василій II Темный, вышедши побѣдителемъ изъ борьбы съ Шемякою и отразивъ татаръ, построилъ церковь Іоанна Предтечи въ бору, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла по преданію, древняя деревянная церковь, построеніе которой легенды относятъ къ временамъ отшельника Букола, жившаго тутъ еще до построенія Москвы. Гостунскій соборъ напоминаетъ удаленіе татаръ изъ Кремля: гордая дочь греческаго императора, Софія, супруга Іоанна III, не могла переносить близости татаръ, занимавшихъ зданіе въ самомъ Кремлѣ и слѣдившихъ за дѣйствіями великихъ князей нашихъ. Она послала богатые дары женѣ хана, прося ее выхлопотать дозволеніе перевести подворье ордынское, на мѣстѣ котораго она желаетъ построить храмъ, вслѣдствіе какого-то видѣнія. Ханъ, склоненный просьбами жены своей, согласился, и татары были переведены изъ Кремля за Москву-рѣку, а на мѣстѣ подворья ихъ, около 1477 года, была сооружена деревянная церковь Николы Льнянаго, которую замѣнилъ Василій Іоанновичъ каменнымъ соборомъ во имя св. Николая Гостунскаго.

Одинъ изъ колоколовъ Успенскаго собора еще яснѣе говоритъ намъ о силѣ великихъ князей нашихъ во время Іоанна III. Онъ перевезенъ въ 1478 году изъ Новгорода Великаго, вслѣдствіе прекращенія вѣча и присоединенія гордаго Новгорода къ московскому государству.

Церковь Спаса на болванкѣ построена Іоанномъ III на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ изломалъ басму ханскую, вмѣсто того, чтобы принять ее съ честью, стоя на соболяхъ, какъ это дѣлали до него великіе князья наши. Разумѣется, ханъ Ахметъ хотѣлъ жестоко наказать такую дерзость и, заключивъ союзъ съ королемъ польскимъ, Казимиромъ, двинулся на Россію. Но сама природа родной страны нашей вооружилась на враговъ Россіи; морозы заставили удалиться плохо одѣтыхъ татаръ, и митрополитъ установилъ ежегодный крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь къ иконѣ Владимірской Божія Матери въ память совершеннаго избавленія Россіи отъ ига татарскаго.

Дѣвичій монастырь построенъ за посадомъ, около Москвы Василіемъ III въ память возвращенія Смоленска.

Іоаннъ IV, празднуя въ день Покрова Богородицы въ 1558 году взятіе Казани и покореніе царства казанскаго (1552 г. октября 2), заложилъ у Флоровскихъ воротъ храмъ во имя Покрова, который всѣмъ извѣстенъ теперь подъ именемъ Василія Блаженнаго и обращаетъ общее вниманіе своей пестротой и странной, но оригинальной архитектурой.

Въ царствованіе сына Іоанна Грознаго, Θеодора, Москва въ послѣдній разъ испытала нашествіе татаръ въ 1591 году. Но распорядительный правитель Годуновъ, братъ жены царя, не растерялся, не смотря на то, что большая часть войска нашего находилась въ Новгородѣ и Псковѣ. Онъ предоставилъ извѣстнымъ боярамъ защищать Москву, а войско расположилъ въ двухъ верстахъ отъ города, устроивъ тамъ подвижной, дощаный городокъ съ полотняной церковію во имя св. Сергія, въ которой поставилъ икону, бывшую съ Дмитріемъ Донскимъ въ знаменитой куликовской битвѣ. Цѣлый день пушки гремѣли со стѣнъ кремлевскихъ, битва была упорная, и много татаръ по-

гибло подъ стѣнами московскими; наконецъ Казы-Гирей долженъ былъ прекратить битву и бѣжать изъ Россіи.

Подъ распорядительнымъ правленіемъ Годунова, Москва скоро оправилась отъ этого нашествія. Сдѣлавшиеь правителемъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ Россіи при слабомъ царѣ Ѳеодорѣ, онъ продолжалъ помогать народу въ его нуждахъ и послѣ страшнаго пожара московскаго, въ 1591 г., выстроилъ на свой счетъ цѣлыя улицы домовъ и снабдилъ всѣмъ необходимымъ погорѣлыхъ. Сдѣлавшись царемъ, Годуновъ продолжалъ тѣснить знатныхъ бояръ, въ которыхъ онъ видѣлъ искателей престола, имъ занимаемаго. Но для народа онъ оставался тѣмъ же мягкимъ и благоразумнымъ правителемъ, заботился, чтобы бѣдный классъ не былъ притѣсняемъ богатымъ сословіемъ, облегчилъ подати и хотѣлъ завести народныя школы; но послѣднему воспротивилось духовенство. Будучи самъ хорошо образованъ, онъ заимствовалъ много хорошаго у иностранцевъ и, заботясь постоянно обо всемъ государствѣ, Москвѣ придалъ видъ европейскаго города. «Москва сдѣлалась пріятнѣе для глазъ не только новыми каменными зданіями», говоритъ Карамзинъ, «но и расширеніемъ улицъ, вымощенныхъ деревомъ и менѣе прежняго грязныхъ. Число красивыхъ домовъ умножилось: ихъ строили обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ два или три жилья, съ большими крыльцами, съ досчатыми свислыми кровлями, а на дворахъ ставили лѣтнія спальни и каменныя кладовыя. Высота дома и пространство двора означали знатность хозяина. Бѣдные мѣщане еще жили въ черныхъ избахъ; у людей избыточныхъ въ лучшихъ комнатахъ были изразцовыя печи. Для предупрежденія гибельныхъ пожаровъ, чиновники воинскіе лѣтомъ ежедневно объѣзжали городъ, чтобы вездѣ по изготовленіи кушанья гасить огонь. Москва, то есть Кремль, Китай *), Царевъ или Бѣлый городъ, новый деревянный **), Замоскво-

---

*) Или Красный городъ обнесенъ былъ рвомъ и стѣной во время правленія Елены Глинской, матери Іоанна IV.

**) Стѣны его были построены Ѳеодоромъ Іоанновичемъ.

рѣчье и дворцовыя слободы за Яузою имѣли тогда въ окружности болѣе двадцати верстъ. Между слободами за Яузою одна называлась Нѣмецкою слободою и населялась, кромѣ четырехъ или пяти тысячъ воиновъ, служившихъ Ѳеодору, нѣмцами, занимавшимися при Іоаннѣ продажею водки и меда. Въ Кремлѣ считалось 35 каменныхъ церквей, а всѣхъ въ столицѣ болѣе четырехсотъ, кромѣ придѣловъ. Отъ пяти тысячъ колоколовъ шелъ такой гулъ по городу въ праздничные дни, что разговаривавшіе не могли слышать другъ друга. Главный колоколъ, вѣсомъ въ тысячу пудовъ, висѣлъ на деревянной колокольнѣ, среди кремлевской площади; въ него звонили, когда царь ѣхалъ въ дальній путь, и возвращался въ столицу, или принималъ знаменитыхъ иностранцевъ. Китай городъ, обведенный кирпичною, небѣленою стѣною и соединяемый съ Замоскворѣчьемъ мостами: деревяннымъ или живымъ и каменнымъ, всего болѣе украшался великолѣпною готическою церковью Василія Блаженнаго и гостинымъ дворомъ, раздѣленнымъ на 20 особенныхъ рядовъ: въ одномъ продавались шелковыя ткани, въ другомъ сукна, въ третьемъ серебро и проч. На Красной площади лежали огромныя пушки. Въ городской же части находились дома богатыхъ бояръ, знатныхъ сановниковъ, дворянъ, именитыхъ купцовъ и богатый арсеналъ или пушечный дворъ. Въ Бѣломъ—городѣ, названномъ такъ отъ выбѣленныхъ стѣнъ, Литейный дворъ, на берегу Неглинной, Посольскій, Литовскій, Армянскій; площади: Конская и Сѣнная, мясной рядъ, домы дѣтей боярскихъ, людей приказныхъ и купцовъ. Въ деревянномъ городѣ или Скородомѣ, т. е. наскоро выстроенномъ въ 1591 году, жили мѣщане и ремесленники. Вокругъ зданій зеленѣлись рощи, сады, огороды, луга, у самаго дворца косили сѣно, и три сада государевы занимали не малое пространство въ Кремлѣ. Мельницы, одна на устьѣ Неглинной, другая на Яузѣ, представляли сельскую картину. Нѣмецкая слобода и Красное село, гдѣ жило семьсотъ ремесленниковъ, не принадлежали къ городу.

Такова была Москва, когда пронеслась по ней вѣсть, что Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго, живъ и идетъ съ большой ратью на

Россію. Годуновъ объявилъ прямо боярамъ, что они подставили самозванца, и не ошибся: воеводы царскіе говорили народу, что трудно воевать противъ природнаго государя и пили на пирахъ за здоровье Димитрія. Народъ не зналъ чему вѣрить и за кого стоять, войско тоже сражалось нерѣшительно и, лишь только узнали о скоропостижной смерти Бориса Годунова, передалось на сторону самозванца, который торжественно въѣхалъ въ Москву 20 іюня 1605 года.

Погубивъ Годунова и все его семейство, бояре думали править государствомъ въ лицѣ поставленнаго ими царя; но Димитрій окружилъ себя иностранцами и показывалъ явное пренебреженіе къ русскимъ вельможамъ. Этого они не снесли. Шуйскій, Голицынъ и другіе взволновали москвичей, увѣривъ ихъ, что новый царь еретикъ и хочетъ ввести латинскую вѣру въ Россіи. Шуйскій съ своими приверженцами двинулся 17 мая 1606 года къ Кремлю и ворвался въ дворецъ. Димитрій былъ убитъ.

Съ этихъ поръ начинается самая страшная эпоха для Москвы. Она, съ начала существованія своего, хлопотавшая вмѣстѣ съ князьями своими о соединеніи въ одно цѣлое разъединенныхъ частей Россіи, подпадаетъ подъ вліяніе людей, дѣйствующихъ ради личныхъ своихъ выгодъ; бояре, желавшіе захватить въ свои руки правленіе, играли судьбою всего государства, а Москва помогала имъ. Такъ, они на царство выбрали безъ представителей другихъ городовъ Василія Шуйскаго, потомъ, недовольные его правленіемъ, подняли противъ него народъ во имя новыхъ самозванцевъ и наконецъ, интригуя другъ противъ друга, и не желая видѣть на престолѣ котораго-нибудь изъ среды своей, рѣшились отдать престолъ московскій сыну короля польскаго. Подъ предлогомъ почетнаго посольства, они отослали къ Сигизмунду самыхъ честныхъ и дѣльныхъ бояръ, во главѣ которыхъ стояли: митрополитъ Филаретъ и Голицынъ. Первый былъ имъ опасенъ какъ отецъ молодаго Михаила Романова, второй самъ имѣлъ права на россійскій престолъ. Съ удаленіемъ лучшихъ людей изъ Москвы, оставшіеся бояре стали тайно сноситься съ Сигизмундомъ и впустили по-

ляковъ въ Кремль. Занявъ Москву, поляки стали грубо и жестоко обращаться съ русскими, а бояре продолжали враждовать между собою и выпрашивать себѣ милостей у короля польскаго. Подобно прежнимъ удѣльнымъ князьямъ, бояре хлопотали только о своихъ мелкихъ интересахъ, не думали о народѣ и готовы были продать полякамъ свою родину. Одинъ патріархъ Гермогенъ, по примѣру прежнихъ московскихъ святителей, крѣпко стоялъ за спокойствіе всего государства и за вѣру православную. Онъ, не смотря на угрозы Салтыкова, не подписалъ граматы, въ которой бояре предписывали посламъ отдаться безусловно на волю Сигизмунда, за что и былъ посаженъ подъ стражу. Но, по счастію, не всѣ жители Москвы забыли, что они русскіе. Какъ только подступилъ Ляпуновъ съ войскомъ къ Москвѣ, простой народъ безъ оружія сталъ биться съ поляками. Послѣдніе спаслись только пожаромъ города, который они зажгли въ разныхъ мѣстахъ. Вся почти Москва сгорѣла, уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ.

Въ это время въ разныхъ концахъ Россіи читались плачевныя граматы разоренныхъ и угнетаемыхъ городовъ, отовсюду слышались неудовольствія на бояръ, желаніе идти очистить Москву отъ враговъ общихъ, и наконецъ, нижегородцы поднялись первые. Воодушевляемые Мининымъ, поддерживаемые граматами духовенства, предводительствуемые искуснымъ полководцемъ, княземъ Пожарскимъ, они двинулись къ Москвѣ. Испуганные этою вѣстью, поляки послали бояръ уговаривать патріарха запретить нижегородцамъ идти далѣе; но Гермогенъ отвѣчалъ имъ: «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія московскаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!»

Ободренный примѣромъ нижегородцевъ, народъ русскій сталъ стекаться подъ знамена Пожарскаго, вытѣснилъ поляковъ изъ Москвы и приступилъ къ избранію царя.

Это было дѣломъ уже не одной Москвы, какъ при избраніи Шуйскаго, а большая часть областей прислала своихъ представителей, и Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ былъ избранъ сообща

на россійскій престолъ. Избавленная отъ крамолъ боярскихъ, Москва является опять тѣмъ, чѣмъ была до Дмитрія, и съ юнымъ царемъ своимъ продолжаетъ трудиться и собирать для всего народа русскаго: она вмѣстѣ съ Михаиломъ присутствуетъ при казни врага спокойствія—Заруцкаго, усмиряетъ казаковъ, борется съ поляками и шведами за русскія области.

Послѣ окончанія войны съ поляками, возвращенный изъ плѣна, Филаретъ Никитичъ былъ сдѣланъ патріархомъ и сталъ, вмѣстѣ съ молодымъ государемъ, заботиться объ устройствѣ государства, которое находилось въ самомъ плачевномъ состояніи, а Москва была выжжена поляками: Китай, Бѣлый и Земляной городъ были превращены въ пепелъ, все сгорѣло, кромѣ внутреннихъ строеній Кремля и слободъ за Яузою. Но, хотя Кремль не былъ выжженъ поляками, за то зданія были совершенно разорены и ограблены ими: золотая Царская и другія палаты остались безъ крышъ, половъ, лавокъ, дверей и оконъ. Храмы до того были разорены, что въ нихъ нельзя было служить. Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ строить каменные дома вмѣсто деревянныхъ и завести богадѣльни при церквахъ и монастыряхъ. Тоже дѣлалъ и Алексѣй Михайловичъ. Но съ Петра Великаго Москва начинаетъ утрачивать свое значеніе какъ столица всей Россіи.

Государь, не находя сочувствія къ преобразованіямъ въ своей столицѣ, оставилъ ея каменные дворцы и палаты и перешелъ жить со всѣмъ дворомъ въ плохо выстроенный деревянный дворецъ Петербурга, города безъ прошедшаго, но съ сильной надеждой на будущее. Оставивъ Москву, Петръ все таки заботился о древней столицѣ московскихъ государей. Отъ частыхъ пожаровъ появились опять скородомы, то есть неправильные, наскоро выстроенные дома, которые портили размѣръ улицъ не только Бѣлаго города, но самыхъ аристократическихъ частей города Москвы, какъ Китая—города и Кремля, въ которыхъ снова тѣснились шалаши, мазанки и печуры; безпорядокъ и тѣснота строеній давали пищу новымъ пожарамъ и мѣшали проѣзду экипажей. Петръ велѣлъ снести всѣ эти безобразныя

пристройки и придать болѣе правильный видъ улицамъ. Въ 1708 году онъ повторилъ указъ строить въ Кремлѣ и Китаѣ каменныя зданія людямъ всякихъ чиновъ, а въ 1712 году дозволилъ строиться желающимъ на земляхъ, принадлежавшихъ прежде стрѣльцамъ и оставшихся пустыми послѣ казней и выселенія послѣднихъ; также разрѣшилъ онъ въ Москвѣ вольный торгъ кирпичемъ, камнемъ, глиной и известью. Въ іюнѣ 1714 года велѣлъ строить каменные дома даже въ земляномъ городѣ и отмѣнилъ этотъ указъ только снисходя къ недостаточности средствъ жителей этой бѣдной части города. Хотя каменныя постройки были остановлены имъ въ Москвѣ и по всей Россіи въ концѣ 1714 года, вслѣдствіе недостатка каменщиковъ въ Петербургѣ, но въ 1718 году снова указано имъ строить вновь каменные дома въ Москвѣ, старыя строенія переставить по улицамъ въ линію и передъ домами частныхъ лицъ мостить мостовыя. Петръ же перемѣнилъ старую тяжелую и грубую архитектуру на новую и удобнѣйшую, а въ 1722 году возобновилъ Кремль и построилъ новый дворецъ на Яузѣ.

Елизавета Петровна любила Москву и пріѣзжала часто жить въ ней, не смотря на то, что въ началѣ царствованія ея оставались ужасные слѣды Троицкаго пожара, испепелившаго въ 1739 году всю Москву до Москвы-рѣки, и истребившаго въ ней множество древнихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ. Въ февралѣ 1742 года, во время коронованія Елизаветы, еще было много пепелищъ и пустырей не застроенныхъ, много казенныхъ и частныхъ зданій полуразрушенныхъ. Нѣкоторыя церкви стояли безъ кровлей, главъ и крестовъ, другія обгорѣли снаружи и треснули отъ пожара. Кремлевскія стѣны, имѣвшія лѣстницы, кровли и мосты деревянныя, сильно пострадали отъ огня и мѣстами поросли травой и даже деревьями. Вообще видъ Москвы въ это время былъ не блестящъ. Въ Кремлѣ все еще существовали каменные и даже деревянные дома, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, монастырскія подворья и даже кладбища около церквей. Отъ Ивановской колокольни шла каменная ограда съ желѣзными рѣшетками до Архангельскаго собора. Кромѣ ка-

менной стѣны, Кремль былъ обнесенъ бастіонами и рвами. На улицахъ Китая, между великолѣпными и огромными строеніями тѣснились опять мазанки съ завалинами и шалаши, покрытые лубьемъ и рогожами, а между каменными рядами находились кабаки, харчевни и выносные очаги. Площади и перекрестки были загромождены телѣжками, въ которыхъ вывозили изъ убогихъ домовъ подкидышей и мертвецовъ. Божедомы, сидя при нихъ, просили прохожихъ пожертвовать на гробы и саваны, да на содержаніе малышей. Тутъ же становились такъ называемые крестовые попы, нанимавшіеся для богослуженія по домашнимъ церквамъ и получившіе свое названіе отъ крестцовъ или перекрестковъ, на которыхъ стояли. Сюда же выводили колодниковъ изъ тюремъ и остроговъ выпрашивать себѣ подаяніе унылымъ и жалобнымъ пѣніемъ. Лобное мѣсто окружено было казенными и частными прилавками и ступенями; ниже его находился кабакъ и большія пушки. Подъ деревяннымъ мостомъ, ведшимъ въ Кремль, гнѣздились мелочные торговцы и нищіе. На Воскресенскомъ мосту стояли по обѣ стороны лавки и шалаши, гдѣ торговали на рогожкахъ платьемъ, разной ветошью и желѣзной и оловянной посудой. Ветшавшія стѣны Бѣлаго города еще примыкали однимъ концомъ къ Кремлю, другимъ къ Китай-городу. Но не только въ Земляномъ городѣ, но и въ Бѣломъ—находились еще на улицахъ колодези, кузницы и разныя другія мастерскія. Мѣстами виднѣлись деревья, оставшіяся отъ прежнихъ рощей, глубокіе овраги, ручьи, пруды и слѣды болотъ, хотя тутъ находилось 103 церкви, артиллерійскій дворъ, коммисаріатъ и суконная фабрика. Вокругъ Землянаго города лежали предмѣстья съ слободами. Въ слободахъ были построены дворцы, Лефортовскій и Анненгофскій; въ саду послѣдняго находился оперный домъ. За Москвою рѣкою помѣщались загородные дворцы.

Елизавета обнесла Москву землянымъ валомъ и велѣла строить дома по плану. Пожары въ 1748 и 1753 годахъ дали случай расширить улицы и переулки. Для прекращенія пожаровъ, Елизавета велѣла уничтожить шалаши, харчевни и

избы, очистить отъ строеній площади, перенести кузницы и мастерскія за городъ. Она возобновила и украсила многія зданія въ Москвѣ и основала тутъ универститетъ въ 1755 году, съ двумя гимназіями: Дворянской и Разночинной.

Екатерина тоже немало заботилась объ Москвѣ; она издала въ 1766 году указъ межевать Москву и ея окрестности и велѣла построить разныя городскія зданія въ Кремлѣ, Китаѣ, Бѣломъ и Земляномъ городахъ. Въ 1771 году, послѣ мороваго повѣтрія, она приказала перенести всѣ кладбища за городъ. По плану 1775 года, улицы и площади въ Москвѣ сдѣлались прямѣе и шире. Красная площадь была очищена отъ лавокъ, прилавковъ, шалашей и тому под., и вся эта мелочная торговля перенесена въ Ильинскую улицу. Лобное мѣсто, бывшее прежде изъ кирпичей, перестроено было вновь изъ дикаго камня и остается до сихъ поръ въ этомъ видѣ. Наконецъ Екатерина оказала огромную услугу Москвѣ, велѣвъ провести водопроводы отъ селеній Мытищъ, славящихся своими ключами чистой и свѣжей воды.

Въ 1812 году Москва испытала послѣдній страшный погромъ. Вотъ какъ очевидцы разсказываютъ о занятіи Москвы французами.» Со взятія Смоленска (занятаго Наполеономъ 6 августа) началось переселеніе русскихъ. Нельзя описать картины появленія въ Москвѣ изгнанныхъ врагами семействъ. Каждый часъ встрѣчались на улицахъ выселявшіеся изъ Минска, Витебска и др. мѣстъ. Нѣкоторые русскіе чиновники шли пѣшкомъ съ женами и дѣтьми, другіе, выѣхавъ поспѣшно, не находили своихъ близкихъ. Сама Москва пустѣла съ каждымъ часомъ: изъ присутственныхъ мѣстъ, монастырей и церквей вывозили все, что можно было вывезть, не давъ замѣтить народу, что боятся вторженія непріятеля. Вмѣстѣ съ выходцами смоленскими, привезенъ былъ въ Москву образъ Смоленскія Божія Матери. 26 августа въ день Бородинской битвы вынесли его изъ Успенскаго собора, чтобы отправить его изъ Москвы въ болѣе надежное мѣсто. Народъ, собравшійся на площадь передъ соборомъ, прикладываясь къ

образу, восклицалъ: » И Ты, наша заступница, покидаешь насъ! »....

Различные слухи пошли по городу, рождалось какое-то недовѣріе другъ къ другу, даже непріязнь. Болѣе двухъ столѣтій нога непріятеля не была въ Москвѣ.—Грустное зрѣлище представляла столица послѣ Бородинской битвы: тысячи повозокъ тянулись съ окровавленными ранеными, лишенными рукъ, ногъ и обезображенными ранами. Москвичи старались всѣми силами помочь этимъ несчастнымъ и снабдить ихъ всѣмъ нужнымъ, нисколько не думая, что сами подвергаются опасности. Всѣ были увѣрены, что Москву не выдадутъ врагамъ, и многіе изъ лагеря отправляли сюда свои пожитки. Еще 30 августа московскій градоначальникъ сдѣлалъ воззваніе московскимъ поселянамъ къ защитѣ города, а 31 числа конные чиновники появились изъ Драгомиловской заставы, крича народу: «Спасайтесь»! Все пришло въ смятеніе, военные обозы потянулись по Москвѣ, лавки запирались, улицы и дома пустѣли. Въ обширной Москвѣ нельзя было найти самаго необходимаго, а лошадей нельзя было нанять ни за какія деньги. Оставшіеся жители, припрятавъ все, что у нихъ было подороже, запирались въ домахъ своихъ и только украдкой выглядывали на улицу. По многимъ церквамъ прекратилось богослуженіе, лавки и магазины запирались, все увозилось, а чего нельзя было увести, закапывали въ землю или закладывали въ стѣны. Настала страшная дли жителей ночь, ихъ приводили въ ужасъ вой оставленныхъ, голодныхъ собакъ и неистовые крики арестантовъ. Выпущенные изъ тюремъ и остроговъ, они разбивали кабаки и трактиры и пьяные буйствовали по улицамъ. Тревога распространилась по окружавшимъ Москву селеніямъ: внезапное появленіе по большимъ дорогамъ множества каретъ и разныхъ повозокъ взволновало жителей селъ и деревень: они называли покидавшихъ Москву измѣнниками, а сами, не зная, на что рѣшиться, бѣжали тоже въ лѣсъ.

1 сентября Наполеонъ двинулъ двѣ колонны къ Москвѣ, и нашъ военный совѣтъ рѣшилъ провести русскія войска чрезъ

Москву. Повѣстили московское начальство, которое не знало, что дѣлать и какимъ способомъ предупредить оставшихся объ угрожавшей имъ опасности. Въ 11 часовъ вечера Растопчинъ увѣдомилъ только преосвященнаго Августина, что непріятель у самой Москвы, и совѣтовалъ ему поспѣшить удалиться по Владимірской дорогѣ; остальные жители ничего не знали о приближеніи враговъ; даже раненые, которыхъ было до 11 тысячъ, не были вывезены изъ Москвы и погибли отъ голода, холода и жестокости французовъ...

Въ набатъ бить не рѣшились, и все было тихо въ Москвѣ, когда 2 сентября въ три часа по полудни въ толпѣ русскаго арьергарда, бѣжавшаго отъ Троицкихъ воротъ, раздался крикъ: «Православные, спасайтесь, французы идутъ за нами!» Настало общее смятеніе. Объятые страхомъ, москвичи бросились изъ Кремля къ Москворѣцкому мосту. Собиравшіеся защищаться побросали взятое ими изъ арсенала оружіе и бѣжали вмѣстѣ съ другими. Вскорѣ вѣстовая пушка французовъ повѣстила, что непріятель уже въ Кремлѣ.

Не смотря на безпорядокъ спасавшихся, какая-то томящая тишина господствовала нѣсколько часовъ въ городѣ, точно вступившій непріятель и оставшіеся жители Москвы замерли въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Вдругъ, къ ночи, по темному небу разлилось страшное зарево пожара, загорѣлись: москательный рядъ и гостиный дворъ въ Китай-городѣ, Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ и Винный дворъ за Каменнымъ мостомъ. Пламя, не находя себѣ преградъ, полилось потокомъ изъ улицы въ улицу и обхватило всю Москву. Изъ тучъ клубившагося дыма вылетали огненные языки пламени, раздуваемаго сильнымъ вихремъ; горящія головни летали въ воздухѣ и, падая на людей и зданія, осыпали ихъ огненнымъ дождемъ. Жаръ былъ такъ силенъ, что камни мостовой раскалились, и металлы плавились въ огнѣ. Огонь перешелъ и на Москву-рѣку и уничтожилъ на ней барки и суда съ сѣномъ, хлѣбомъ и дровами. Отъ дыма и жара народъ задыхался по улицамъ и, не зная,

куда укрыться отъ пламени, спасался въ церкви, рощи, огороды и погреба....

Солдаты русскаго арьергарда, расположившіеся на ночлегъ въ пяти верстахъ отъ Москвы, уныло глядѣли на пылающую Москву, грустно повторяя: «Горитъ матушка Москва, горитъ!»

Наполеонъ, тщетно прождавъ изъявленія покорности русскихъ и ключей города, въѣхалъ наконецъ 3 сентября въ опустѣвшую и пылающую Москву и велѣлъ тотчасъ принять мѣры къ прекращенію пожаровъ, поручилъ управленіе города своимъ приближеннымъ и предписалъ имъ заботиться о продовольствіи войскъ. Но, не смотря на всѣ старанія, французамъ не удалось ни созвать разбѣжавшихся окрестныхъ крестьянъ и жителей города, ни достать какихъ-нибудь съѣстныхъ припасовъ. Оставшіеся жители укрывались въ подвалахъ и погребахъ, не появлялись на улицахъ, и городъ казался совершенно пустымъ. Видя, что никакими средствами не можетъ возбудить къ себѣ довѣрія русскихъ и убѣдить ихъ доставлять съѣстные припасы своимъ солдатамъ, Наполеонъ рѣшился принудить ихъ къ тому силою и 20 человѣкъ крестьянъ, не соглашавшихся доставлять провіантъ французамъ, были обвинены ими въ зажигательствѣ и разстрѣляны на мѣстѣ нынѣшняго Александровскаго сада. Безъ признаковъ робости подходили несчастные къ роковому столбу, къ которому ихъ привязывали, и, перекрестясь, ожидали покойно своей смерти. Примѣръ этой казни только ожесточилъ оставшихся, и Наполеонъ не зналъ, что предпринять. Войска его, разсчитывавшія на огромную добычу отъ взятія Москвы, погибая отъ голода въ пустыхъ стѣнахъ все еще горѣвшаго города, принялись за грабежъ и разныя безчинства. Начались отвратительныя сцены по всѣмъ угламъ Москвы. Отъ грабившихъ не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни даже союзникамъ: они отнимали послѣдній кусокъ хлѣба, раздѣвали донага, мужчинъ употребляли вмѣсто вьючныхъ лошадей, заставляя ихъ возить на себѣ разныя тяжести и подгоняя ихъ фухтелями и шомполами. Трескъ горѣвшихъ деревянныхъ домовъ и грохотъ распадавшихся зданій вторилъ воплямъ несчастныхъ жертвъ.

Изъ Москвы успѣли вывезти только Патріаршую соборную ризницу; большая же часть богатствъ церковныхъ оставалась по монастырямъ и церквамъ; французы грабили ихъ и превращали въ казармы хлѣбные магазины, конюшни и бойни. Кремль былъ занятъ бивуакомъ, большіе образа употреблялись вмѣсто кроватей и дровъ, церковная утварь — вмѣсто посуды, а изъ ризъ французы дѣлали себѣ одежду и одѣяла.

Мародеры разбрелись по окрестнымъ селеніямъ и грабили народъ, который наконецъ сталъ отбиваться: не только мужики, но и бабы вооружились дубинами, косами и цѣпами. Казаки, гоняясь за французами, врывались даже въ улицы Москвы.

Видя, что невозможно оставаться на зимнихъ квартирахъ въ Москвѣ, и получивъ вѣсть о пораженіи своихъ войскъ, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы 7 октября въ пять часовъ утра, приказавъ Мортье взорвать Кремль, въ зданія котораго было натаскано много разныхъ горючихъ матеріаловъ. Но французамъ удалось взорвать только немногія строенія: Филаретовскую и Среднюю колокольни и Рождественскую церковь, причемъ высокая колокольня Ивана Великаго треснула, и одинъ изъ самыхъ большихъ ея колоколовъ сорвался и разбился. Груды камней завалили всю Ивановскую площадь. Кромѣ того былъ взорванъ арсеналъ и сожженъ императорскій дворецъ. Два дня длились пожары послѣ выхода непріятеля и наконецъ угасли, не находя себѣ пищи среди выжженныхъ пустырей. Казалось, долго не оправится Москва послѣ такого погрома, но вышло иначе, и въ 1813 году праздновали уже освященіе Кремлевскихъ зданій, при отдѣлкѣ которыхъ придерживались прежняго ихъ стиля. Воскресла Москва, похорошѣла, застроилась многими зданіями, расширила свои улицы, продолжаетъ пользоваться почетомъ. Государи наши коронуются въ ея Успенскомъ соборѣ и являются по прежнему народу на знаменитомъ Красномъ крыльцѣ; но прежняго своего мѣста Москва все-таки не могла занять и остается на второмъ планѣ, уступая первенство Петербургу, не знающему азіятскихъ привычекъ и зорко глядящему на Европу въ окно, прорубленное Петромъ Великимъ.

Но почему же Москва сохраняетъ названіе сердца Россіи? Мы, привыкшіе повторять изрѣченія мудрецовъ, не только не усвоивъ ихъ мысли, но часто даже не понявъ всей глубины ея, повторяемъ и это сравненіе, не придавая ему большаго значенія, между тѣмъ какъ трудно подобрать что-нибудь болѣе подходящее для опредѣленія Москвы. Не говоря уже о прежнихъ ея заслугахъ, о которыхъ мы только что упомянули въ нашемъ краткомъ очеркѣ, о томъ времени, когда каждое движеніе въ нашемъ отечествѣ заставляло биться это сердце отъ радостныхъ или горестныхъ ощущеній, сравненіе это вѣрно до сихъ поръ, въ отношеніи ея фабричныхъ производствъ и торговли. Москва составляетъ центръ нашей торговли, какъ сердце — центръ нашего кровообращенія. Какъ къ сердцу вѣны доставляютъ кровь, которая, пройдя черезъ легкія и получивъ надлежащій цвѣтъ, расходится по артеріямъ для питанія всѣхъ частей тѣла и поддержанія жизненныхъ силъ въ человѣкѣ, такъ и къ Москвѣ всѣ наши губерніи шлютъ большую часть своихъ необработанныхъ продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы та, обработавъ ихъ, разослала снова по всѣмъ городамъ и селеніямъ.

Начиная съ XIV столѣтія, Москва была уже важнымъ торговымъ городомъ и главнымъ складочнымъ мѣстомъ внутреннихъ произведеній и иностранныхъ товаровъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Новгородомъ Великимъ — союзникомъ Ганзы, вела торговлю съ Литвою, Польшею, Царь-градомъ, Азовомъ и даже съ Азіей, посредствомъ татарскихъ купцовъ. Торговля съ татарами не всегда была безопасна, но, не смотря на это, русскіе постоянно торговали съ ними, доставляя татарамъ европейскія шерстяныя матеріи, а отъ нихъ получая лошадей. Венеціанецъ Барбаро говоритъ, что русскіе въ XV вѣкѣ посылали свои суда по Волгѣ въ Астрахань за солью. Въ концѣ XV вѣка, въ царствованіе Іоанна III, между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествія эти были очень затруднительны по недостатку пристанища, продовольствія и по частымъ разбоямъ, а потому купцы старались везти свои товары въ то время, когда астраханскій царь посылалъ подарки вели-

кому князю Московскому. Съ этимъ посольствомъ ежегодно отправлялись до 300 русскихъ и восточныхъ купцовъ съ товарами, а татары гнали за караваномъ цѣлыя стада лошадей. Лошадей этихъ вели татары не только для продажи, но кормились ими на пути, такъ какъ они не брали съ собою хлѣба. Путь каравана шелъ на Рязань и Коломну. По словамъ венеціанскаго посла Кантарини, дороги почти тутъ не существовало, негдѣ было укрыться отъ дождя или зноя и путникамъ приходилось ночевать подъ открытымъ небомъ, ограждаясь повозками въ видѣ укрѣпленія. Въ этой безбрежной пустынѣ путешественники не встрѣчали ничего, кромѣ верблюдовъ, растерянныхъ лошадей и татаръ съ повозками. Вообще пути сообщенія въ Россіи находились въ самомъ дурномъ состояніи, и какъ трудны были переходы на востокѣ, вслѣдствіе пустынной мѣстности, такъ на сѣверѣ служили препятствіемъ густые лѣса и топкія болота. По словамъ Павла Іовія, Россія XVI стол. представляла непреодолимыя препятствія лѣтомъ по причинѣ грязи и дурныхъ дорогъ: весной отъ таянія снѣговъ, поля превращались въ болота, и лужи часто стояли до осени. Одна изъ главныхъ торговыхъ дорогъ, изъ Новгорода въ Ивань—городъ, шла по узкимъ невыносимымъ тропинкамъ, среди лѣсовъ и степей: не было ни гостинницъ, никакого пріюта для путешественниковъ. Не лучше была и дорога отъ Новгорода къ Москвѣ, а путь изъ Москвы въ Литву на Смоленскъ былъ непроходимъ лѣтомъ, такъ что одна только дорога изъ Пскова въ Ригу была нѣсколько удобнѣе и населеннѣе. Этого достаточно, чтобы понять, почему наша торговля шла успѣшнѣе зимою и отчего преимущественно въ это время съѣзжалось въ XV столѣтіи въ Москву множество купцовъ изъ Польши и Германіи для покупки мѣховъ, — товара, занимавшаго первое мѣсто между вывозными товарами московскаго государства.

Въ XV столѣт. въ Россіи было три торговые пункта: чрезъ Новгородъ и Псковъ шла торговля съ Ганзейскими городами; чрезъ Кіевъ привозились товары: Персіи, Индіи, Аравіи и Си-

ріи; чрезъ Нижній Новгородъ было сообщеніе съ Астраханью, которая вела торговлю съ Сибирью, Хивой и Бухарой.

Когда въ концѣ XV вѣка московскіе государи, освободясь отъ татарскаго ига, сдѣлались самостоятельными и присоединили къ своимъ владѣніямъ Новгородъ и Псковъ, то Москва стала средоточіемъ обширной заграничной торговли, а въ 1488 году вся почти торговля разореннаго Новгорода перешла въ Москву, потому что Іоаннъ III выселилъ въ Москву, Владиміръ и другіе города, около 18,000 самыхъ богатыхъ семействъ Новгорода и захватилъ товаръ у 50 ганзейскихъ купцовъ. Съ этихъ поръ Москва вступаетъ въ прямыя сношенія съ Ганзою чрезъ Нарву и Лифляндію и въ половинѣ XVI столѣт. лавки обширнаго московскаго каменнаго гостинаго двора поражали иностранцевъ разнообразіемъ и богатствомъ своихъ товаровъ. Несмотря на широкіе размѣры торговли, не всѣ иностранцы въ XVI вѣкѣ пользовались правомъ торговать въ Москвѣ и обязаны были показывать всѣ привозимые ими товары чиновникамъ, которые отбирали все лучшее въ казну, платя купцамъ по цѣнамъ мѣста отправки ихъ, что было очень не выгодно для нихъ, такъ какъ они большею частью продавали свои товары втрое дороже въ Россіи. Во второй половинѣ XVI вѣка, чрезъ покореніе Казани и Астрахани, русскіе стали торговать непосредственно съ Хивою и Бухарою, и Москва стала средоточіемъ азіатской торговли, а съ открытіемъ Бѣломорскаго порта, вошла въ прямыя сношенія съ англичанами, которые тщетно пытались захватить всю торговлю Россіи въ свои руки. Іоаннъ IV дозволилъ имъ торговать только въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ внутреннихъ городахъ, а въ Казань и Астрахань они не могли ходить безъ особеннаго царскаго дозволенія. При царѣ Ѳеодорѣ, Борисъ Годуновъ дозволилъ англійской компаніи продолжать торгъ безпошлинно оптомъ, и дозволилъ имъ держать подворья въ Москвѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Вологдѣ и у морской пристани. Вступивъ на престолъ, онъ продолжалъ оказывать покровительство англичанамъ, но не давалъ имъ большихъ льготъ передъ другими иностранными торговцами, такъ что голландцы,

не смотря на всѣ происки англичанъ, пользовались при немъ значительными правами и, хотя устье Сѣверной Двины находилось еще исключительно въ рукахъ англичанъ, торговали вмѣстѣ съ фламандцами и датчанами чрезъ Ревель, Ригу и Дерптъ. Въ XVII вѣкѣ Бѣломорскій портъ сталъ открытъ и для другихъ иностранцевъ, и въ Архангельскъ приходило ежегодно отъ тридцати до сорока англійскихъ, голландскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ и другихъ иностранныхъ кораблей.

Въ этомъ же столѣтіи русскіе, чрезъ покореніе Сибири, вошли въ торговыя сношенія съ китайцами. Главный пунктъ этой торговли былъ Тобольскъ, потому что китайцамъ не позволено было ѣздить въ европейскую Россію. Часть вымѣненныхъ или купленныхъ у китайцевъ товаровъ отправлялась въ Москву; другая, чрезъ Архангельскъ, за границу.

Вообще Москва была средоточіемъ всей торговой дѣятельности Россіи. Значеніе ея еще увеличивалось тѣмъ, что само правительство занималось торговыми операціями: самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, современникъ Алексѣя Михайловича, былъ первый купецъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорчатые товары, металлическія вещи, всякія драгоцѣнности, словомъ, все, что европейцы привозили лучшаго въ Россію. Русскіе купцы обязаны были туда же доставлять лучшіе сибирскіе мѣха, моржевую кость и другіе дорогіе продукты сѣвера. Изъ своихъ сокровищницъ цари жаловали приближенныхъ и продавали товары своимъ подданнымъ и иностранцамъ. Въ Москвѣ жили знатные и богатые бояре, слѣдовательно, большая часть привезенныхъ товаровъ сбывалась въ столицѣ. Изъ Москвы отправлялись въ провинцію на службу важные сановники и дѣлали передъ отъѣздомъ разныя закупки. Въ Москвѣ жили богатѣйшіе оптовые торговцы, гости и гостинные люди, а потому значительная часть вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ собиралась здѣсь для отправки къ Архангельскому порту.

Сильное стремленіе князей московскихъ соединить вокругъ Москвы разъединенныя части Россіи отразилось и на торговлѣ. Вся торговля Россіи управлялась Москвою, которая давала ей

вѣсъ, мѣру, монету и направленіе. Московскіе купцы и торговые люди были ближе къ правительству, чѣмъ торговцы другихъ городовъ, вслѣдствіе чего переходъ въ московскіе купцы считался почетнымъ, и согласіе на это правительства принималось за милость.

Круглый годъ велась дѣятельная торговля въ Москвѣ, но особенно она оживлялась зимой, послѣ привоза свѣжихъ заграничныхъ товаровъ изъ Архангельска. Греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане и другіе иностранные купцы посѣщали столицу, а нѣмцы составляли даже значительную часть ея народонаселенія. Вслѣдствіе мѣноваго характера нашей торговли, въ Москвѣ можно было купить произведенія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи и т. д. почти за ту же цѣну, какъ на мѣстѣ ихъ производства. Всюду въ Москвѣ встрѣчались лавки и для каждаго рода товаровъ были тутъ особенные ряды и рынки. Весь Китай–городъ, обнесенный красною стѣною, наполненъ былъ однѣми лавками, большею частью каменными. Однѣ изъ нихъ, принадлежа казнѣ, отдавались въ аренду, другими владѣли частныя лица.

Въ Москвѣ находилось три большихъ гостиныхъ двора: Старый, Новый и Персидскій. Новымъ дворомъ называлось большое каменное четырехъ–угольное зданіе въ два этажа, выстроенное Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году. Верхъ и низъ этого зданія занятъ былъ лавками, а въ срединѣ находился большой дворъ, занимавшій почти четыре квадратныхъ сажени. Дворъ этотъ игралъ роль биржи и торговые люди сходились сюда для разныхъ сдѣлокъ. Тутъ помѣщались огромные городскіе вѣсы и зимою трудно было пробраться между санями, наполненными товарами, загромождавшими весь дворъ. Лавки этого двора принадлежали казнѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были заняты товаромъ, принадлежавшимъ государю, и открывались только въ извѣстные дни, другія отдавались отъ казны въ оброчное содержаніе по 18 и 25 рублей въ годъ. Старый гостиный дворъ, тоже казенный, не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ но-

вый, вслѣдствіе чего лавки его отдавались казною дешевле первыхъ.

Двѣсти сводообразныхъ лавокъ Персидскаго гостинаго двора были наполнены произведеніями Персіи; въ нихъ торговали: персіяне, армяне и русскіе. Прежде продажа персидскихъ товаровъ принадлежала исключительно казнѣ, но потомъ разрѣшено было торговать ими всѣмъ нашимъ купцамъ.

Кромѣ этихъ большихъ гостиныхъ дворовъ въ Москвѣ находилось еще много другихъ, какъ напримѣръ: шведскій, на берегу рѣки Неглинной; литовскій и армянскій, на Срѣтенской; греческій, у Богоявленскаго монастыря и наконецъ англійскій, у св. Максима Исповѣдника (на Варваркѣ). Послѣдній существовалъ только до уничтоженія привиллегіи англійской компаніи. Кромѣ этихъ дворовъ, спеціально предназначенныхъ для торговли, шелъ торгъ и на Посольскомъ дворѣ: въ свитѣ иностранныхъ пословъ пріѣзжали купцы съ товарами и вели торговлю на этомъ дворѣ. Къ этому надо прибавить еще множество рядовъ, устроенныхъ для розничной торговли, потому что въ гостиныхъ дворахъ дозволено было торговать только оптомъ. Ряды эти получили свои названія отъ продаваемыхъ въ нихъ товаровъ и назывались: вѣтошный, охотный, пряничный, птичій, харчевный, крашенный, суконный, свѣчной, житный, мучной и т. д. и помѣщались въ разныхъ частяхъ города. Два послѣднихъ находились въ Царь или Бѣломъ городѣ, гдѣ помѣщались хлѣбники и калачники съ своими мастерскими и казенные питейные дома. Тутъ же продавалось мясо и пригонялся скотъ, назначенный на убой. Всѣ ремесленники, серебрянники, мѣдники, скорняки и тому подобные имѣли свои ряды, не были забыты даже продавцы кнутовъ и тростей. Улица отъ персидскаго двора до Москвы-рѣки шла мимо овощнаго ряда, гдѣ торговали всякаго рода овощами, лѣтомъ — въ лавкахъ, а зимою — въ погребахъ; въ концѣ ея находился рыбный рынокъ, тянувшійся къ Москвѣ-рѣкѣ, противъ Козьяго болота. Зимою тутъ лежали груды замороженной рыбы, доставляемой изъ Новгорода, Ярославля, Астрахани и другихъ мѣстъ. Лѣтомъ

запахъ тутъ былъ до того нестерпимый, что иностранцы не могли ходить, не зажимая себя носа; впрочемъ въ самомъ торговомъ центрѣ Москвы, въ Китай-городѣ, грязь и зловоніе были тоже невыносимы.

Торговая дѣятельность была разлита по всей Москвѣ, рынки ея два раза въ недѣлю (въ базарные дни) кипѣли народомъ; лѣтомъ большой привозъ бывалъ на большомъ рынкѣ, у церкви Василія Блаженнаго, гдѣ происходила просто давка отъ множества собиравшагося тутъ народа. Постоянный торгъ шелъ на Красной площади; тутъ можно было закупить все для домашняго хозяйства, и было даже отведено особое мѣсто для женщинъ, продававшихъ издѣлія домашней работы, а около самаго Кремля мелочные торговцы продавали всякую всячину въ шалашахъ, рундукахъ и т. под. Близъ Красной площади шелъ рядъ винныхъ погребовъ, которыхъ иностранцы насчитывали до двухсотъ; въ нихъ, кромѣ нашего вина и медовъ, продавались и иностранныя вина. Нѣкоторые рынки имѣли свое спеціальное назначеніе; такъ на Ивановскомъ рынкѣ шелъ торгъ людьми; тутъ продавались плѣнники и совершались подъячими купчія крѣпости; остальные рынки носили названіе продаваемаго на нихъ товара: рыбный, дровяной, хлѣбный, сѣнной, конскій и т. д. На послѣдней площади продавались преимущественно татарскія лошади, которыхъ пригоняли ежегодно въ Москву изъ Астрахани тридцать шесть тысячъ.

Не смотря на благочестіе русскихъ, купцы наши торговали и по праздникамъ, но зато въ полдень лавки ежедневно запирались, и вся Москва спала мертвымъ сномъ, послѣ сытнаго русскаго обѣда. Передъ небольшими лавками торговцы укладывались спать на улицѣ.

Къ Москвѣ шло шесть торговыхъ путей. *Вологодскій* или *архангельскій* шелъ на Вологду, Ярославль, Ростовъ и Переславль; *новгородскій путь* на Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ и Валдай, *поволжскій путь* шелъ Москвою-рѣкою до Коломны, отъ Коломны до Нижняго Окою, и далѣе по Волгѣ; *сибирскій путь* шелъ водою до Соликамска, а оттуда сухимъ

путемъ въ Тобольскъ; *смоленскій путь* направлялся въ Литву и Польшу, *украинскій путь* на Кіевъ. По этимъ путямъ доставляли въ Москву фабричные и колоніальные товары, иностранныя и сырыя произведенія русскія, и по этимъ же путямъ Москва разсылала товары во всѣ концы Россіи.

Собщеніе между Москвой и другими городами происходило посредствомъ ямовъ, то есть небольшихъ селеній, въ дворахъ которыхъ жили ямщики, обязанные содержать извѣстное число лошадей, за что освобождали ихъ отъ прочихъ повинностей и надѣляли участкомъ земли. Ямы эти строились по большимъ дорогамъ отъ важнѣйшихъ пограничныхъ пунктовъ; такихъ селеній при Іоаннѣ Грозномъ было до трехсотъ. Дворы эти ставились на разстояніи 6, 10 и даже 12 миль. Ямскія лошади предназначались собственно для государевыхъ гонцовъ и людей, ѣхавшихъ по службѣ, но ими могли пользоваться частныя лица, только они должны были имѣть видъ изъ приказа и платить прогоны. Обыкновено ѣздили въ одну лошадь, зимой — въ саняхъ, лѣтомъ—въ небольшой телѣжкѣ. Ѣзда была очень быстра, особенно зимой. Отъ Архангельска до Вологды ѣздили въ саняхъ восемь сутокъ, отъ Вологды до Москвы пять сутокъ, а изъ Новгорода въ Москву шесть или семь сутокъ.

Съ основаніемъ Петербурга, хотя вся заграничная торговля обратилась къ Петербургскому порту, Москва однако же не потеряла своего коммерческаго значенія, ибо, находясь въ срединѣ самаго населеннаго и промышленнаго края Россіи, сдѣлалась главнымъ складочнымъ мѣстомъ для иностранныхъ товаровъ, которые развозятся изъ нея по внутреннимъ ярмаркамъ и отправляются отсюда даже въ Азію. Изъ Петербурга Москва стала получать европейскія и колоніальныя произведенія. Съ сухопутной границы идутъ къ ней преимущественно мануфактурные товары, для закупки которыхъ московскіе купцы стали посѣщать лейпцигскія ярмарки. Восточная торговля осталась въ рукахъ московскихъ купцовъ; изъ Турціи и Персіи доставляются въ Москву: шелкъ, хлопчатая бумага, бумажная пряжа, шали и другія тамошнія ткани. Изъ Бухары и Хивы получаются:

хлопчатая бумага сырцомъ и пряденая, бумажныя ткани, шали и проч. Изъ Китая чрезъ Кяхту: чай, китайка или нанка и шелковыя матеріи. Почти вся кяхтинская и сибирская торговля сосредоточивается въ рукахъ московскихъ купцовъ, которые отправляютъ въ Сибирь разные товары нужные сибирякамъ и китайцамъ, и закупаютъ сибирскіе мѣха для продажи въ Европѣ, Турцію и Персію, а чай и китайку сбываютъ внутри Россіи.

Обратимся теперь къ фабричной дѣятельности Москвы. Въ исходѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій основались въ Москвѣ и окрестностяхъ первыя суконныя, полотняныя, шелковыя, бумажныя, стеклянныя, фаянсовыя и фарфоровыя фабрики. Петръ I построилъ пушечный дворъ въ Бѣломъ-городѣ и литейный заводъ въ Земляномъ-городѣ. Въ продолженіи XVIII столѣтія развилась и усовершенствовалась въ Москвѣ выдѣлка шелковыхъ, бумажныхъ и набивныхъ тканей, кожевеннаго товара, фаянса, волоченаго и пряденаго золота и серебра, и другихъ произведеній, которыми теперь славятся московскія фабрики.

Въ третьемъ и четвертомъ десяткахъ нынѣшняго столѣтія, благодаря охранительной тарифной системѣ, развитіе мануфактурной промышлености Московской губерніи было такъ значительно, что теперь находится въ ней болѣе тысячи значительныхъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ вырабатывается издѣлій на сумму около 40 милліоновъ руб. сер., а въ самой Москвѣ до 600 фабрикъ, вырабатывающихъ товару на 20 милліоновъ.

Въ Москвѣ болѣе 90 шерстяныхъ и суконныхъ фабрикъ, на которыя идетъ въ огромномъ количествѣ шерсть, добываемая съ овецъ, верблюдовъ и другихъ домашнихъ животныхъ южной Россіи. Болѣе 70 фабрикъ приготовляютъ разныя шелковыя ткани, на которыя идетъ, кромѣ иностраннаго шелку, весь шелкъ Кавказа. Болѣе 20 кожевенныхъ заводовъ занято выдѣлкою кожъ нашихъ домашнихъ животныхъ: бычачьихъ, бараньихъ, козловыхъ, верблюжьихъ, телячьихъ и тому подобныхъ. Болѣе 50 табачныхъ заводовъ, на которые идетъ табакъ, разводимый въ южной и юго-восточной Россіи.

Фабрики салотопенныя и свѣчныя (болѣе 15) обработываютъ сало, доставляемое нашими степными губерніями.

Около 70 фабрикъ занимаются выдѣлкою разныхъ вещей изъ металловъ, получаемыхъ съ нашихъ горныхъ заводовъ. Около пятидесяти изъ нихъ дѣлаютъ мѣдную и накладнаго серебра посуду, булавки, крючки, золоченыя и простыя пуговицы, золоченыя и мишурныя украшенія, позументъ, бахраму, блестки, канитель, проволоку и тому подобное.

На 13 заводахъ обработываютъ воскъ, идущій изъ южной и средней Россіи. До 20 и болѣе мебельныхъ и до 30 экипажныхъ заведеній потребляютъ не малое количество лѣса, сплавъ котораго идетъ по верхнему теченію Москвы-рѣки. Въ Москву сплавляется одного строеваго лѣса до 2 милліоновъ брусьевъ и бревенъ; 10 солодовенныхъ и 8 гончарныхъ заводовъ употребляютъ много ржи и глины. Наконецъ 30 разныхъ фабрикъ употребляютъ въ дѣло различные матеріялы, доставляемые нашими внутренними губерніями, напримѣръ: ленъ, пеньку, горчицу, картофель, поташъ, различное тряпье, кости и т. д.

Кромѣ этихъ фабрикъ, занимающихся преимущественно обработкой внутреннихъ произведеній Россіи, въ Москвѣ находится около 170 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, 14 заведеній приготовляютъ помаду и духи, болѣе 10 дѣлаютъ рояли, фортепьяно и органы, болѣе 10 заняты химическимъ и до 25 часовымъ производствомъ.

Такое огромное количество фабрикъ значительно увеличиваетъ народонаселеніе Москвы: въ ней около 40 тысячъ фабричныхъ, и 30 тысячъ ремесленниковъ, что составляетъ нѣсколько болѣе 5 части всего ея народонаселенія, такъ какъ по отчетамъ 1867 года показано въ Москвѣ 368,103 жителя. Огромное это народонаселеніе требуетъ множество съѣстныхъ припасовъ, которыми не могутъ снабжать ее одни ея уѣзды, не отличающіеся особеннымъ плодородіемъ, и въ Московскую губернію идетъ огромный сбытъ продуктовъ нашихъ плодородныхъ губерній. Однихъ быковъ пригоняется въ Москву изъ Воронежской гу-

берніи и Земли Донскаго войска до 100 тысячъ головъ. Полтавская губернія и Земля Донскаго войска доставляютъ въ нее 20 тысячъ барановъ. Кромѣ того зимой привозится до 500 тысячъ пудовъ мерзлаго мяса и множество разной живности, доставляемой губерніями: Нижегородской, Рязанской и Тульской. Рыба съ Оки, Волги и Дона получается водою и сухимъ путемъ болѣе чѣмъ до 250 тысячъ пудовъ. Постнаго конoплянаго масла доставляетъ преимущественно Орловская губернія болѣе ста тысячъ пудовъ. Соли привозится съ Нижегородской пристани до 600 тысячъ пудовъ. Изъ петербургскихъ заводовъ сахару 300 тысячъ пудовъ. Иностранныя вина идутъ изъ Петербурга, а крымскія съ Нижегородской пристани.

Все это, разумѣется, не уничтожается одной Москвой: быковъ отправляютъ отсюда въ Петербургъ болѣе 20 тысячъ головъ, сахаръ идетъ въ другія губернія чрезъ Москву, а для чая, котораго привозится до 50 тысячъ ящиковъ, Москва давно служитъ складочнымъ мѣстомъ.

Устройство желѣзныхъ дорогъ усилило торговую дѣятельность Москвы и пророчитъ ей прочную и блестящую будущность. Чрезъ нихъ она приблизилась къ Петербургу и Западной Европѣ, и продолжаетъ болѣе и болѣе соединяться со всѣми отдаленными частями Россіи, интересы которыхъ все сильнѣе соединяются съ ея интересами. Отъ Москвы идетъ 5 желѣзныхъ дорогъ: на сѣверо-западъ Николаевская. На сѣверъ отъ Москвы строится Ярославская дорога. На сѣверо-востокъ проведена Ниже-городская и строится Шуйско-ивановская. На югъ: — Воронежская и Курская. Воронежская дойдетъ до Азовскаго моря, а Курская чрезъ Кіевъ и Одессу до Чернаго моря съ вѣтвью къ Австрійской границѣ.

Такимъ образомъ Москва въ скоромъ времени сдѣлается средоточіемъ всѣхъ нашихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, посредствомъ которыхъ она войдетъ въ прямыя сношенія съ самыми отдаленными странами Россіи, Востока и Запада, и тогда вполнѣ исполнится ея настоящее значеніе — быть посредницей между рынками Европы и Азіи.

Какъ же послѣ этого назвать Москву, какъ не сердцемъ Россіи!

Прошло болѣе семи столѣтій, а Москва остается все тѣмъ же своеобразнымъ, чисто русскимъ городомъ съ своими кривыми улицами, затѣйливыми домами и множествомъ церквей, часовенъ и колоколень, съ колоколами всевозможныхъ размѣровъ и голосовъ, которые такъ удивляютъ пріѣзжихъ иностранцевъ. Откуда бы вы ни посмотрѣли на Москву, прежде всего васъ поразитъ въ ней безчисленное множество церквей съ позолоченными, посеребренными, зелеными, голубыми и разноцвѣтными куполами самаго разнообразнаго вида. Самыя церкви отличаются не менѣе разнообразной архитектурой. Тутъ вы встрѣтите всевозможныя: и квадратную, и овальную, и круглую... и все это выкрашено самыми яркими цвѣтами: свѣтло-голубымъ, зеленымъ или украшено пестрыми фресками огромныхъ размѣровъ. Между этими, господствующими своей высотой и размѣрами зданіями тѣснится каменная и деревянная стройка всевозможной архитектуры, носящей на себѣ большею частью отпечатокъ барской прихоти и желанія щегольнуть какими-нибудь колоннами, фронтономъ или портикомъ въ древне-греческомъ вкусѣ, не разбирая, на сколько это вяжется съ остальнымъ зданіемъ; и часто изъ-за портика съ бѣлыми колоннами выглядываетъ домъ, выкрашенный красной краской или деревянный домишко съ зелеными ставнями. Но такъ какъ все это окружено садами, дворами и даже огородами, то представляетъ издали живую и разнообразную картину. За каменной стѣной съ бойницами расположенъ Кремль съ его общенародными зданіями; а подлѣ него, отдѣленный только Красной площадью, помѣщается чисто торговый Китай-городъ, огромный гостиный дворъ котораго ясно указываетъ назначеніе торговой Москвы. Купечество скупило и большую часть домовъ отживающаго свой вѣкъ барства, нѣкогда кичливо строившагося въ Бѣломъ-городѣ, опоясывающемъ Кремль съ Китай-городомъ. Далѣе, отдѣленный широкимъ бульваромъ, тянется Земляной-городъ съ своими незавидными, большею частью одно-этажными

строеніями, а тамъ далѣе пойдутъ пустыри и рощи съ довольно большими прудами. Всюду просторъ, зелень, говорящіе о непривычкѣ и неумѣньѣ москвичей стѣснять себя въ чемъ бы то ни было.

«Раскинулась и растянулася Москва, говоритъ В. Бѣлинскій, кажется куда огромный городъ! А походите по ней и вы увидите, что ея обширности много способствуютъ длинные, предлинные заборы. Огромныхъ зданій въ ней нѣтъ: самые большіе дома не то чтобы малы, да и не то чтобы велики были и не щеголяютъ архитектурнымъ достоинствомъ. Въ архитектуру ихъ вмѣшался геній древняго Московскаго царства, который остался вѣренъ своему стремленію къ семейному удобству. Стоитъ часъ походить по кривымъ и косымъ улицамъ Москвы, и вы тотчасъ же замѣтите, что это городъ патріархальной семейности: дома стоятъ особнякомъ, почти при каждомъ есть довольно обширный дворъ, поросшій травою и окруженный службами. Самый бѣдный москвичъ, если онъ женатъ, не можетъ обойтись безъ погреба и, при наймѣ квартиры, болѣе заботится о погребѣ, въ которомъ будутъ храниться его съѣстные припасы, нежели о комнатахъ, въ которыхъ онъ будетъ жить. Нерѣдко у самаго бѣднаго женатаго москвича является мечта: когда-нибудь перестать *шататься* по квартирамъ и зажить своимъ домкомъ. И вотъ, съ горемъ по поламъ, призвавъ на помощь родное «авось», покупаетъ онъ или нанимаетъ на извѣстное число лѣтъ пустопорожнее мѣсто въ какомъ-нибудь захолустьѣ и, лѣтъ пять, а иногда и десять, строитъ домишко о трехъ окнахъ, покупая матеріалы то въ долгъ, то по случаю, изворачиваясь такъ и сякъ. И наконецъ наступаетъ вожделенный день переѣзда въ собственный домъ. Домишко плохъ, да за то свой, и притомъ съ дворомъ, стало быть, можно куръ водить и теленка есть гдѣ пасти; но главное при домишкѣ есть погребъ, чего же болѣе? Такихъ домишекъ въ Москвѣ безчисленное множество, и они то способствуютъ къ ея обширности, если не ея великолѣпію. Мудрено ли послѣ того, что принцу де-Линь показалась Москва не городомъ, а сборищемъ четы-

рехъ сотъ или пяти сотъ замковъ съ окружающими ихъ деревнями. Домишки эти попадаются на лучшихъ улицахъ Москвы, между лучшими домами; также какъ каменные большіе дома попадаются въ самыхъ отдаленныхъ и плохихъ улицахъ. Для русскаго, который родился и жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, Москва точно также изумительна, какъ и для иностранца, и, въѣзжая въ первый разъ въ Москву, онъ въѣдетъ въ новый для него міръ. Тщетно будетъ онъ искать главной или лучшей московской улицы, которую могъ бы онъ сравнить съ Невскимъ проспектомъ Петербурга. Ему покажутъ Тверскую, и онъ съ изумленіемъ увидитъ себя посреди кривой и узкой, по горѣ тянущейся улицѣ, съ небольшою площадкой, прилегающей къ ней съ одной стороны; самый огромный и красивый домъ, который считался бы въ Петербургѣ весьма скромнымъ въ отношеніи величины и изящества. Съ страннымъ чувствомъ увидѣлъ бы онъ, привыкшій къ прямымъ линіямъ и угламъ, что одинъ домъ выбѣжалъ на нѣсколько шаговъ на улицу, какъ будто для того, чтобы посмотрѣть, что дѣлается; а другой отбѣжалъ на нѣсколько шаговъ назадъ, какъ будто изъ спѣси или изъ скромности, смотря по его наружности; что между двумя довольно большими домами скромно и уютно помѣстился ветхій деревянный домишко и, прислонившись боковыми стѣнами своими къ стѣнамъ сосѣднихъ домовъ, кажется, не нарадуется тому, что онѣ не даютъ ему упасть и защищаютъ отъ снѣга и дождя; что, подлѣ великолѣпнаго моднаго магазина, лѣпится крохотная табачная лавочка или грязная харчевня, или таковая же распивная. И еще болѣе удивился бы нашъ петербуржецъ, почувствовавъ, что въ странномъ гротескѣ этой улицы есть своя красота. Все тоже встрѣтилъ бы онъ и на Кузнецкомъ Мосту, за исключеніемъ деревянныхъ домишекъ, вмѣсто которыхъ онъ увидѣлъ бы каменные дома съ модными, до того миніатюрными магазинами, что ему пришло бы въ голову: ужъ не заѣхалъ-ли онъ въ царство лиллипутовъ....

Лучшее украшеніе Москвы это ея бульвары, которымъ Петербургъ имѣетъ полное право завидовать. Тутъ, то спускаясь

подъ гору, то подымаясь въ гору, онъ бы увидѣлъ со всѣхъ сторонъ амфитеатры крышъ, перемѣшанныхъ съ зеленью садовъ, и будь при этомъ вмѣсто церквей минареты, счелъ бы себя перенесеннымъ въ какой-нибудь восточный городъ, о которомъ читалъ въ Шехеразадѣ. Многія улицы въ Москвѣ, какъ то: Тверская, Арбатская, Поварская, Никитская и обѣ линіи по сторонамъ Тверскаго и Никитинскаго бульваровъ, состоятъ преимущественно изъ *господскихъ* (московское слово) домовъ. И тутъ вы видите больше удобства, чѣмъ огромности или изящества, во всемъ и на всемъ печать семейственности: удобный домъ, обширный, но тѣмъ не менѣе для одного только семейства, широкій дворъ съ многочисленной дворней въ лѣтніе вечера у воротъ; вездѣ разъединенность, особность; каждый живетъ у себя дома и крѣпко отгораживается отъ сосѣда.

Москва гордится своими историческими древностями, она сама историческая древность и во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи! Но, какъ она сама, такъ и ея допетровскія древности представляютъ странное зрѣлище смѣси стараго съ новымъ: отъ Кремля остался одинъ чертежъ, потому что его ежегодно поправляютъ и въ немъ возникаютъ новыя зданія. Духъ новаго вѣетъ и на Москву и стираетъ мало-по-малу ея древній отпечатокъ.»

33. Троицко-Сергіевская Лавра.

«Много монастырей поставлено отъ князей, отъ «бояръ и отъ богатства; но, не таковы они, ка«ковы поставленные слезами, пощеніемъ и мо«литвою.»

Слова лѣтописца.

До XVIII столѣтія монастыри имѣли громадное значеніе въ нашемъ отечествѣ. Монахи являются первыми миссіонерами, христіанства въ Россіи. Они борятся съ волхвами и обличаютъ народъ въ остаткахъ язычества. Уважаемый нашъ профессоръ Соловьевъ говоритъ: «Въ людяхъ описываемаго вре-

мени (во второй половинѣ XI столѣтія) нетрудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это пріобрѣли по-праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіево-печерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полуязыческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ, встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли собою высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывались не словомъ, а дѣломъ. Внѣ стѣнъ монастырскихъ грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ стѣнахъ монастыря: одинъ ѣстъ черезъ день просфору, носитъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, но вздремнетъ иногда сидя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плечи въ землю, чтобы убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновый хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобы заглушить въ себѣ корыстолюбивые помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, міррянинъ переселялся въ другой, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнеся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Θеодосій (преемникъ основателя Кіево-печерской Лавры, Св. Антонія) поддержалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновеніе съ великимъ княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ

пещеры; злобился на св. Антонія за расположеніе его къ Всеславу Полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ».

Владѣя большими участками земли, пожалованными и завѣщанными нашими князьями и царями, и получая огромные вклады отъ частныхъ лицъ, монастыри раздѣляли свои доходы съ бѣдной и страждущей братіей, для чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были устроены особенные дворы для нищихъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Монастыри обносились обыкновенно крѣпкими стѣнами, служившими убѣжищемъ для окрестныхъ жителей при нападеніи непріятеля, и монахи часто кормили въ стѣнахъ своихъ цѣлыя населенія деревень. Обиженный бѣднякъ нерѣдко шелъ съ жалобой на неправильный судъ къ какому нибудь весьма уважаемому настоятелю, по просьбѣ котораго, судья долженъ былъ перерѣшить дѣло. Помогая народу въ его нуждахъ, монахи заслужили любовь, довѣріе и уваженіе его. Какъ общество уважало духовенство, видно изъ похвальныхъ рѣчей князьямъ нашимъ при ихъ погребеніи: между разными похвальными подвигами князя обыкновенно упоминалось, что онъ почиталъ, снабжалъ и утѣшалъ духовенство. Когда санъ посла не ограждалъ еще вполнѣ его личности отъ смерти или заточенія, то выбирались обыкновенно въ послы лица духовныя, и уваженіе народное къ сану ихъ спасало не рѣдко ихъ отъ смерти. Настоятели монастырей были по большей части люди умные и, по тогдашнему времени, хорошо образованные. Они имѣли постоянныя сношенія съ важными лицами въ государствѣ и съ самыми князьями нашими, которые совѣтовались съ ними въ дѣлахъ своихъ, и нерѣдко видимъ мы иноковъ посредниками въ спорахъ княжескихъ. Отрѣшившись отъ міра и не боясь сильныхъ князей, они часто говорили имъ горькую правду и укрощали иногда ихъ необузданные характеры.

Монастыри помогали своими богатствами государямъ въ трудное время войны, а сами государи нерѣдко искали успокоенія отъ трудовъ своихъ въ монастырскихъ кельяхъ.

Монахи были первыми нашими писателями, и труды спасавшихся въ Кіево-печерской лаврѣ составляютъ почти всю литературу нашу XI вѣка. Хотя по нѣкоторымъ памятникамъ и видно, что образованіе въ этомъ вѣкѣ стало уже проникать въ высшіе слои нашего общества, но все-таки оно больше всего сосредоточивалось въ лицахъ духовныхъ. Лѣтописи наши велись духовенствомъ, преимущественно монахами; такъ дошли до насъ двѣ сѣверныя лѣтописи: Новгородская и Суздальская, и двѣ южныя: Кіевская и Волынская. И мудрено ли, что лѣтописи удобнѣе всего было писать въ монастыряхъ, когда монахи имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него; въ монастырь же онъ являлся съ вѣстью объ окончаніи предпріятія. Такъ какъ большею частью духовныя лица отправлялись послами, то имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ преговоровъ, въ которыхъ они участвовали вслѣдствіе своего умѣнія убѣждать словами писанія и хорошаго знанія принятыхъ формъ и умѣнья написать договоръ. Должно предполагать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей.

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства, и духовныя лица имѣли возможность знать подробности отношеній князя къ другимъ князьямъ и къ своимъ подданнымъ. Сопровождая войско, они могли подробно знать о всѣхъ походахъ и, будучи посторонними наблюдателями и находясь между приближенными князя, могли сообщить извѣстія вѣрнѣе, чѣмъ сами ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ.

Монастыри способствовали также развитію торговли въ нашемъ отечествѣ. Народъ, стекаясь въ извѣстный день для поклоненія какой-нибудь чудотворной иконѣ, приносилъ съ собою разныя домашнія произведенія, которыя, разумѣется, хо-

рошо сбывались при многочисленномъ стеченіи народа. Такъ устроились ярмарки: Макарьевская (впослѣдствіи Нижегородская) при Желтоводскомъ монастырѣ, Коренная при Знаменскомъ, около Курска, и другія. Доходы съ подобныхъ ярмарокъ поступали въ монастырь, и въ XVI и XVII столѣтіяхъ монастыри вели обширную торговлю, пользуясь разными преимуществами. Такъ Троицкая лавра получила въ XVI вѣкѣ привилегію торговать безпошлинно солью и разными другими товарами. Соловецкій монастырь, владѣвшій соляными промыслами, имѣлъ право продавать безпошлинно до 130,000 пудовъ соли въ Казань, Нижній, Москву или промѣнивать ее на хлѣбъ, масло, медъ, сукна, мѣха, овчины, лошадей и тому подобное. Другіе монастыри пользовались правомъ безпошлинно торговать извѣстнымъ количествомъ хлѣба, рыбы, масла, скота и покупать разныя фабричныя производства для монастырскаго обихода.

Во многихъ городахъ и въ разныхъ торговыхъ пунктахъ, напримѣръ, по волокамъ, монастыри имѣли свои подворья, которыя пользовались разными льготами въ торговомъ отношеніи и бывали иногда оченъ обширны, какъ напримѣръ монастырскій дворъ въ Вологдѣ, который имѣлъ шестьдесятъ саженъ въ длину и восемъ поперекъ. Монастырскою торговлею занимались довѣренные старцы, купчины, т. е. комиссіонеры и монастырскіе слуги. Наконецъ въ монастыряхъ извѣстны были и разныя искусства: монахи занимались живописью и мозаикою, умѣли и олово лить и церковъ покрыть и выбѣлить.

Самыми замѣчательными монастырями были, разумѣется, помѣщавшіеся недалеко отъ столицъ. Такъ до XII столѣтія была знаменита Кіево-печерская лавра, а потомъ Троицко-Сергіевская.

Основаніе Сергіевскаго монастыря близъ Москвы было счастливымъ предзнаменованіемъ для Московскаго княжества, постоянно старавшагося стать во главѣ прочихъ княжествъ. Хотя Москва и была столицей и мѣстопребываніемъ митрополитовъ нашихъ, но ей недоставало лавры, которую она могла бы сопоставить пещерамъ древней столицы — Кіева. И вотъ явился

Св. Сергій и олицетворилъ въ себѣ св. Антонія и Θеодосія Печерскихъ.

Во время княженія сына Іоанна Калиты, Симеона Гордаго (1340—1353), Стефанъ и Варфоломей, дѣти одного богатаго и знатнаго ростовскаго дворянина, пожелали удалиться отъ мірскихъ заботъ и, найдя для себя удобное мѣсто въ глухомъ лѣсу въ 64 верстахъ отъ Москвы, очистили въ чащѣ небольшое мѣсто и принялись строить себѣ общую келью. Находясь еще въ мірѣ, Варθоломей отличался кротостью, терпѣніемъ, любовію къ родителямъ. Онъ съ юношескихъ лѣтъ желалъ сдѣлаться отшельникомъ, но не рѣшался оставить своихъ старыхъ родителей и жилъ съ ними даже тогда, когда они перешли въ Хотьковъ монастырь, въ которомъ постриглись. Овдовѣвшій братъ Варθоломея, Стефанъ, постригся тоже въ этомъ монастырѣ и когда скончались родители, мощи которыхъ находятся подъ спудомъ въ Хотьковѣ, братья оставили этотъ монастырь и удалились въ пустыню.

Настоящіе труженники, они трудомъ и молитвою желали заглушить въ себѣ всякія грѣховныя побужденія и, работая цѣлые дни и питаясь корками чернаго хлѣба, размоченнаго въ водѣ, они преодолѣли уныніе и страхъ, не разъ овладѣвавшіе ими въ этомъ глухомъ мѣстѣ, окруженномъ на нѣсколько верстъ дремучимъ лѣсомъ, и не только поставили свою келью, но выхлопотали позволеніе у митрополита Θеогноста, поставить маленькую церковь во имя Св. Тройцы, которую вскорѣ и соорудили на самой вершинѣ занимаемой ими горы.

Кончивъ постройки, жизнь отшельниковъ стала еще однообразнѣй; Стефанъ не вынесъ ее и, оставивъ брата, ушелъ жить въ московскій Богоявленскій монастырь. Много испытаній перенесъ Варθоломей, оставшись одинъ среди дремучаго лѣса, наполненнаго дикими звѣрями. Кругомъ него на цѣлые десятки верстъ не было никакого жилья и ему часто приходилось бороться съ голодомъ, холодомъ и жаждою; но онъ все переодолѣлъ и, убѣдившись, что можетъ переносить отшельническую жизнь, принялъ на 23 году постриженіе вмѣстѣ съ именемъ

Сергія. Какъ не уединенно жилъ Св. Сергій, но слава о его подвигахъ стала распространяться и много явилось къ нему желающихъ раздѣлить труды его; долго не соглашался Святой принять къ себѣ сподвижниковъ, но наконецъ, склонившись на ихъ мольбы, позволилъ имъ построить себѣ келью и нѣкоторыя кельи срубилъ и поставилъ самъ для братій. Долго мѣсто это сохраняло характеръ пустыни и даже не было проложено пути удобнаго къ жилищамъ отшельниковъ, а вела къ нимъ только одна узкая тропинка.

Братья жили безъ устава, руководствуясь однимъ примѣромъ Святаго. Въ храмѣ ежедневно отправлялись полунощница, утреня, часы, вечерня и часто еще сходилась туда братья на молитву; литургія же служилась тогда только, когда приходилъ въ монастырь какой нибудь священникъ, такъ какъ между спасавшимися не было іереевъ, а Св. Сергій не считалъ себя достойнымъ принять на себя ни санъ священника, ни игумена. Онъ хотѣлъ оставаться просто однимъ труженникомъ: кололъ самъ дрова для братіи, носилъ на своихъ плечахъ на гору воду въ двухъ водоносахъ, готовилъ кушанье, пекъ просфоры, словомъ, исполнялъ всю тяжелую монастырскую работу. Иноки, будучи не въ состояніи убѣдить Св. Сергія принять игуменство и не желая видѣть у себя кого нибудь другаго настоятелемъ, хотѣли разойтись. Страхъ быть причиной уклоненія отъ воздержной жизни заставилъ Св. Сергія принять наконецъ священство и игуменство, и онъ былъ посвященъ въ Переяславлѣ Волынскимъ епископомъ Афанасіемъ. Три года игуменства Св. Сергія братья не превышала числа Апостоловъ, а когда одинъ изъ 12 умиралъ или оставлялъ монастырь, то былъ тотчасъ же замѣняемъ вновь поступавшимъ. Это число нарушилъ архимандритъ Симонъ, оставившій свое настоятельство въ Смоленскѣ и пришедшій спасаться въ обитель Св. Сергія. На его деньги соорудили новую церковь, обширнѣе первой, и вскорѣ число братій стало увеличиваться мало по малу и окрестности монастыря заселились земледѣльцами, которые по словамъ Св. Епи-

фанія, «исказиша пустыню и не пощадиша и состовиша села и дворы многи».

Путь къ обителямъ сталъ шире, и скоро проложена была около самаго монастыря большая дорога изъ Москвы въ сѣверные города. Но окрестныя мѣста еще были такъ дики, что во время преемника Св. Сергія, Преподобнаго Никона (отъ 1392—1428 года) въ нихъ ловили бобровъ по рѣкамъ.

Не смотря на окружавшія монастырь селенія, жизнь спасавшихся была очень тяжелая, ибо монастырь не имѣлъ никакихъ доходовъ и существовалъ подаяніемъ. Св. Сергій не позволялъ братіи ходить за сборомъ, не желая, чтобы иноки были въ тягость обществу и жили на чужой счетъ, но, трудясь самъ, заставлялъ и ихъ трудиться. Случалось монахамъ съ игуменомъ не ѣсть по нѣскольку дней, и самъ Св. Сергій работалъ изъ-за куска гнилаго хлѣба и носилъ сермягу всю въ заплатахъ. За неимѣніемъ воска часто братія сходилась въ церковь при свѣтѣ лучины; нерѣдко недоставало вина для совершенія таинства и ѳиміама для кажденія, а за недостаткомъ пергамента, книги церковныя писались на березовой корѣ.

Кротость и смиреніе Св. Сергія являлась наружу при всѣхъ важныхъ случаяхъ его жизни; онъ не повѣрилъ, что грамота патріарха константинопольскаго прислана ему, и принялъ ее вмѣстѣ съ присланными: крестомъ, парамономъ и схимой только съ разрѣшенія митрополита, Алексѣя. Впослѣдствіи, когда митрополитъ Алексѣй, умирая, хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ, онъ смиренно отказался, сказавъ: «Прости меня, Владыко, я отъ юности моей не былъ златоносцемъ, а въ старости моей хочу въ ниществѣ пробыть.» Какъ ни уговаривалъ его митрополитъ и другіе, Святой отклонилъ отъ себя эту почесть. Часто голодавшая братія роптала на Св. Сергія, но онъ переносилъ все съ кротостью и терпѣніемъ, и мало-по-малу довольство водворилось въ его обители, и онъ сталъ дѣлиться съ бѣдными, получавшими пріютъ и пищу въ монастырѣ. Но, удалившись отъ мірскихъ почестей, онъ продолжалъ сочувствовать своему народу и возникающему государству Московскому.

Много есть преданій о помощи, которую онъ подавалъ больнымъ тѣломъ и душою. Не разъ примирялъ онъ враждовавшихъ князей; такъ по порученію Димитрія Донскаго Св. Сергій ходилъ въ Нижній-Новгородъ съ цѣлью примирить враждовавшихъ братьевъ Бориса и Дмитрія Константиновичей, и склонить ихъ къ повиновенію великому князю, желавшему, чтобы Нижній принадлежалъ старшему, Дмитрію. Не успѣвъ достичь своей цѣли убѣжденіемъ, онъ съ разрѣшенія митрополита велѣлъ прекратить службу въ церквахъ Нижняго и тѣмъ помогъ великому князю смирить неповинующихся князей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ снова оставилъ свое уединеніе и ѣздилъ въ Рязань увѣщевать Олега Рязанскаго прекратить враждебныя отношенія свои къ Дмитрію Донскому. Наконецъ въ самую рѣшительную минуту для Россіи, когда Мамай двинулъ всѣ свой полчища на нашу землю, Св. Сергій убѣдилъ Дмитрія вступить въ бой съ Мамаемъ. «Должно тебѣ, Государь, сказалъ онъ, пещись о врученномъ тебѣ отъ Бога Христоименитомъ стадѣ и съ помощію Его получить побѣду!» Два схимника, бывшіе въ мірѣ воинами и отличавшіеся своею тѣлесною силою, Александръ Пересвѣтъ и Андрей Ослабя были отпущены Св. Сергіемъ въ войско великаго князя, и когда Дмитрій, выступивъ противъ татаръ, былъ смущенъ множествомъ Мамаевыхъ полчищъ и не рѣшался вступить въ бой, то Св. Сергій послалъ ему съ борзоходцемъ въ лагерь хлѣбъ Богородичный и письменное посланіе, въ которомъ увѣщевалъ его не бояться сильнаго врага, а съ Божіей помощію вступить съ нимъ въ бой.

Дмитрій подумалъ и велѣлъ переправляться своимъ войскамъ за Донъ. Это было вечеромъ 7 сентября 1380 года, а утромъ на другой день все было готово къ битвѣ, и до 200,000 русскихъ ратниковъ занимало Куликово поле. Великій князь ѣздилъ по рядамъ войска и ободрялъ ратниковъ. Но не одно ободрѣніе княжеское дѣйствовало на нихъ: они знали, что благочестивой и праведной жизни Сергій благословилъ его на битву и предрекъ побѣду. Между ними находился воинъ, покрытый

схимой, безстрашно глядѣвшій на татарскую рать и готовый во имя Бога пожертвовать собою для спасенія своей родины.

Ободренные благословеніемъ Святителя и примѣромъ своего князя, находившагося въ рядахъ ихъ, наши полки шли рѣшительно и безстрашно на встрѣчу безчисленной татарской рати, толпы которой, какъ туча, густо и тѣсно двигались на нихъ. Наконецъ изъ рядовъ непріятельскихъ отдѣлился огромнаго роста татарскій богатырь, Телебей, и сталъ громко похваляться своею силою и удалью, и вызывать себѣ поединщика. Тогда выступилъ Пересвѣтъ. Онъ былъ нѣкогда бояриномъ Брянскимъ и отличался своимъ мужествомъ; теперь же шлемъ его покрывала схима, возложенная на него св. Сергіемъ. Принявъ благословеніе священника, онъ сѣлъ на боеваго коня и съ громкимъ крикомъ: «Отцы и братія, простите меня грѣшнаго!» во всю лошадиную прыть понесся на татарина. Оба богатыря налетѣли другъ на друга и разомъ ударили въ копья. Кони отъ сильнаго удара присѣли на заднія ноги, и богатыри оба мертвые свалились на землю. Тогда затрубили трубы, возвѣщая общій бой, и обѣ рати двинулись другъ на друга. Въ то время какъ наши войска мужественно бились съ татарами, св. Сергій стоялъ съ братіею на молитвѣ въ своей обители, и утѣшалъ иноковъ, предсказывая побѣду. Преданіе говоритъ, что онъ называлъ по имени убіенныхъ и приносилъ молитвы за упокой души ихъ. Такъ народъ вѣрилъ въ сочувствіе святыхъ иноковъ и дорожилъ молитвами ихъ. Всѣмъ извѣстенъ исходъ Куликовской битвы, многихъ пришлось помянуть св. Сергію, но побѣда осталась за нами, и Дмитрій Донской пріѣхалъ вскорѣ благодарить св. Сергія за помощь, оказанную ему совѣтомъ и воодушевленіемъ войскъ, и далъ монастырю нѣсколько селъ во владѣніе.

Не смотря на дружбу великаго князя, который сдѣлалъ его воспріемникомъ двухъ сыновей своихъ, св. Сергій продолжалъ держать себя смиренно, и только любовь его къ родинѣ заставляла его оставлять свои тяжелые труды и являться совѣтникомъ князя. За полгода до своей кончины, онъ передалъ санъ игу-

мена ученику своему, Никону, а самъ проводилъ время въ безмолвіи и уединеніи и тихо скончался въ 1392 году на 78 году своей жизни.

При Никонѣ монастырь былъ опустошенъ Эдигеемъ; но братія спаслась вмѣстѣ съ настоятелемъ своимъ. Вернувшись по удаленіи непріятеля, преподобный Никонъ, съ помощью князя Звенигородскаго, воздвигнулъ новый храмъ во имя св. Троицы, и съ этихъ поръ обитель стала богатѣть и распространяться; государи наши не переставали заботиться о ней, дѣлали дорогіе вклады и ходили пѣшкомъ на поклоненіе мощамъ преподобнаго, открывшихся въ 1422 году, черезъ тридцать лѣтъ, послѣ кончины святаго. Такія путешествія назывались Троицкими походами и совершались не только лѣтомъ, но и зимою и особенно въ дни памяти св. Сергія: 5 іюля и 25 сентября. По дорогѣ цари и царицы собственноручно подавали милостыню нищимъ и дарили народъ.

Не смотря на богатство обители, монахи долго помнили заповѣдь св. Сергія, — сохранять во всемъ воздержаніе, и не выходить ни подъ какимъ предлогомъ за ограду церковную. Такъ, они не могли проводить въ половинѣ XV вѣка епископа Боровскаго Пафнутія, посѣтившаго ихъ, и сохраняли до временъ Іоанна Грознаго обычай не раздѣлять богатой трапезы, которой имъ приходилось угощать у себя именитыхъ посѣтителей.

Передъ походомъ въ Казань, Іоаннъ IV обратился съ молитвой къ св. Сергію, и въ рѣшительный часъ битвы, прибылъ къ нему инокъ съ крестомъ, образомъ, святой водой и просфорой. Казань была взята, и Іоаннъ IV сдѣлалъ большія пожертвованія монастырю. — Онъ построилъ церкви во имя Сошествія св. Духа и Преподобнаго Никона; пожертвовалъ въ Троицкій соборъ серебряную позолоченную раку св. Сергію, образъ живоначальной Троицы въ золотой ризѣ, украшенный драгоцѣнными камнями, золотое блюдо, вѣсомъ въ 18 фунтовъ, и много другихъ драгоцѣнныхъ вещей. Во второй половинѣ XVI вѣка, учреждена была архимандрія въ Троицкомъ монастырѣ.

Преемники Грознаго, Θедоръ, а особенно Годуновъ, пожертвовали много драгоцѣнностей монастырю.

Годуновъ украсилъ золотомъ и драгоцѣнными камнями другой, чудотворный образъ св. Троицы, пожертвовалъ богатый покровъ на мощи св. Сергія и разные драгоцѣнные церковные сосуды, воздухи и т. под.

Кромѣ этихъ вещей, много было вкладовъ и пожертвованій отъ другихъ членовъ царской фамиліи и частныхъ лицъ, многіе монастыри, села и пустоши приписаны были къ Лаврѣ, и доходами съ нихъ пользовался монастырь. Все это составляло огромныя сокровища, которыми такъ сильно хотѣлось овладѣть полякамъ во времена самозванцевъ.

Разбивъ на голову полки, посланные Шуйскимъ ограждать дорогу къ Лаврѣ, — тридцатитысячная армія обложила обитель 23 сентября 1608 года; въ ней находились: поляки, литовцы, русскіе измѣнники, пришедшіе съ Тушинскимъ воромъ, татары, черкесы и казаки. Польскій воевода Сапѣга расположилъ свой станъ съ югозападной стороны монастыря, близъ нынѣшней Дмитровской дороги; Лисовскій — у Терентьевской рощи, на берегу рѣчки. Польскіе воеводы писали къ троицкимъ воеводамъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, убѣждая ихъ къ сдачѣ, обѣщаніями богатыхъ наградъ отъ самозванца и грозя, въ случаѣ сопротивленія, не пощадить никого при взятіи монастыря.

Укрѣпленія обители были не надежны. Еще Θеодоръ Іоанновичъ писалъ въ одной изъ своихъ граматъ по управленію, что «Городу, то есть укрѣпленію монастыря, безъ подѣлки быть не мочно.» Въ этихъ-то непрочныхъ стѣнахъ, находилось всего до 2,500 человѣкъ, способныхъ защищаться, считая въ этомъ числѣ всю братію, слугъ монастырскихъ, жителей окрестныхъ селеній, сбѣжавшихся въ монастырь и 609 человѣкъ подкрѣпленія, присланнаго Шуйскимъ, подъ начальствомъ двухъ воеводъ: князя Долгорукова и Голохвастова. Остальное населеніе монастыря только могло быть въ тягость осажденнымъ: это были старики, дѣти, больные и женщины; между послѣдними находилась жена короля Лифляндскаго Марθа Владиміровна,

дочь князя Старицкаго; Ксенія, дочь Годунова и много другихъ монахинь и клирошанокъ, женъ ратниковъ и поселянъ, искавшихъ убѣжища въ монастырѣ, такъ какъ посады монастырскіе были разорены, по приказанію нашихъ воеводъ, боявшихся, чтобы они не достались въ руки непріятеля. Монастырь не обладалъ большими запасами провизіи, — только одного хлѣба было такъ много, что даже во время осады его вывозили въ Москву; но хлѣбъ этотъ былъ еще въ зернѣ, а мельницы находились за стѣнами монастырскими.

Не смотря на все это, архимандритъ Іосифъ и старцы отвѣчали польскимъ воеводамъ: «Да вѣдаетъ ваше темное державство, что напрасно прельщаете Христово стадо Православныхъ Христіанъ! Какая польза человѣку, возлюбить тьму больше свѣта и преложить ложь на истину? Какъ же намъ оставить вѣчную, святую, истинную свою, Православную, Христіанскую вѣру, Греческаго закона, и покориться новымъ еретическимъ законамъ, которые прокляты четырьмя Вселенскими Патріархами? или, какое пріобрѣтеніе оставить намъ своего Государя-Царя и покориться ложному, врагу и вамъ латынѣ иновѣрной? Уподобиться жидамъ или быть еще хуже ихъ!»

Осада началась 3 октября. Стѣны и башни монастыря тряслись отъ залповъ 63 орудій, на нихъ направленныхъ; но вредъ, наносимый ими, былъ ничтоженъ.

Видя, что не такъ легко взять монастырь, непріятель сталъ вести подкопы подъ него, но осаждаемые мѣшали ему частыми вылазками.

13 октября, Сапѣга выступилъ изъ лагеря и двинулъ своихъ на приступъ; но осажденные мужественно встрѣтили напавшихъ и отразили ихъ. На другой день утромъ, они сожгли оставленныя непріятелемъ орудія, и всѣ ходили съ образами по стѣнамъ монастырскимъ, благодаря Бога за счастливое избавленіе.

Не смотря на безстрашіе защищавшихся, которые иногда спускались по веревкамъ, чтобы нечаянно нападать на непріятеля, положеніе осажденныхъ было ужасно: каждый возъ сѣна,

каждая связка дровъ стоили жизни; — все это приходилось отбивать у непріятеля. Осенью, пока еще было тепло, — толпы народа могли жить на открытомъ воздухѣ; а когда начались морозы, то всѣ столпились въ келіяхъ. Отъ тѣсноты, сырости и недостатка свѣжей воды, открылась цынготная болѣзнь въ монастырѣ, истреблявшая иногда до ста человѣкъ въ день. Не было возможности предпринимать вылазокъ съ немногочисленнымъ и истощеннымъ народомъ; а изъ Москвы подкрѣпленія присылались рѣдко и то не болѣе ста человѣкъ. Всѣ видѣли невозможность устоять при такихъ обстоятельствахъ, но о сдачѣ не думали, а только еще съ большимъ упованіемъ обращались съ молитвой къ святому Сергію, твердо вѣря, что онъ не оставитъ своей обители. И св. Сергій, вмѣстѣ съ другими святыми, не разъ являлся разнымъ лицамъ въ монастырѣ, поддерживалъ упавшихъ духомъ воиновъ и осажденныхъ и уничтожалъ замыслы измѣнниковъ, желавшихъ предать его обитель врагамъ.

Прошелъ годъ, монастырь все еще былъ окруженъ непріятелемъ; защищавшихся осталось не болѣе двухъ сотъ человѣкъ; на стѣны выходили всѣ, даже женщины; за неимѣніемъ достаточнаго количества снарядовъ, защищались камнями, кипяченой смолой, сѣрой и варомъ. Наконецъ, Скопинъ-Шуйскій, разбивъ непріятеля, 18 октября, прислалъ монастырю отрядъ въ девять сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Жеребцова. — Ободренные этою помощью, воины и поселяне съ новой силой стали нападать на непріятеля, и, наконецъ, Сапѣга долженъ былъ отступить 12 января 1610 года, послѣ безуспѣшной шестнадцатимѣсячной осады. Иноки не вѣрили своему избавленію и, только по прошествіи недѣли, рѣшились извѣстить объ этомъ царя. Въ память избавленія, установили ежегодный крестный ходъ по стѣнамъ монастырскимъ. Одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ, при осадѣ, архимандритъ Іосифъ, удалился, по благополучномъ окончаніи ея, въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, гдѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими иноками, при взятіи этого монастыря Самозванцемъ и войсками Сапѣги.

И такъ, когда Суздаль, Владиміръ, Переславль, Ростовъ и другіе сѣверные города охотно или по неволѣ признали Самозванца, Троицкая Лавра не только выдержала сильную и продолжительную осаду, но еще помогала Москвѣ. Такъ по просьбѣ Шуйскаго, келарь Авраамій велѣлъ отпустить изъ троицкихъ, московскихъ запасовъ двѣсти четвертей ржи и продавать ее народу, втрое дешевле противъ стоявшей тамъ цѣны. Еще до осады, — Шуйскій взялъ изъ обители 18,355 рублей и во время осады, Палицынъ снабдилъ его 1,900 рублями. По окончаніи осады, Троицкая Лавра продолжала помогать царю деньгами и сокровищами, не смотря на свое бѣдственное состояніе.

Послѣ Іосифа архимандритомъ Троицкой Лавры былъ кроткій Діонисій, тотъ самый, который, будучи простымъ монахомъ, смиренно отвѣчалъ поносившему его на рынкѣ: «Да, братъ! Я въ самомъ дѣлѣ такой грѣшникъ, какъ ты обо мнѣ подумалъ. Еслибъ я былъ настоящій монахъ, то не бродилъ бы по этому рынку, не скитался бы между мірскими людьми, — а сидѣлъ бы въ своей келіи. Прости меня грѣшнаго, Бога ради, въ моемъ безуміи.» Но, въ августѣ 1611 года, нужно было не одно смиреніе монахамъ, — народъ нуждался въ помощи и поддержкѣ, и вотъ Діонисій являетъ неутомимую дѣятельность: онъ вмѣстѣ съ келаремъ Аврааміемъ разсылаетъ граматы, въ которыхъ убѣждаетъ народъ: «Постоять за благочестіе и отечество крѣпко и мужественно»; даетъ Ляпунову двѣсти пятьдесятъ человѣкъ слугъ монастырскихъ и стрѣльцовъ, посылаетъ Пожарскому свинецъ, порохъ и даже снаряды, вынутые изъ осадныхъ орудій монастырскихъ, убѣждаетъ братію и слугъ монастырскихъ служить бѣдствующей братіи, кто чѣмъ можетъ, заводитъ въ подмонастырскихъ слободахъ страннопріемные дома и больницы.

Братія согласились довольствоваться на трапезѣ овсянымъ хлѣбомъ и водою, чтобы сберечь пшеницу и ржаной хлѣбъ, для раненныхъ. По окрестнымъ лѣсамъ и дорогамъ разосланы были люди, собирать тяжело раненныхъ и приводить въ обитель и погребать мертвыхъ. Женщины, которымъ монастырь

далъ пріютъ и содержаніе, безпрестанно шили и мыли рубашки больнымъ и саваны мертвымъ. Старецъ Дорофей, келейникъ преподобнаго Діонисія, днемъ и ночью разносилъ отъ него больнымъ и раненнымъ платье, полотенца и деньги.

Какъ нуждался народъ въ поддержкѣ нравственной и физической, видно изъ описанія профессора Соловьева о состояніи народа во время втораго самозванца: «Русскіе тушинцы и козаки, пишетъ онъ — не только хладнокровно смотрѣли на поруганіе сана священническаго и иноческаго,—но и сами помогали иновѣрцамъ въ этомъ оскверненіи и поруганіи. Жилища человѣческія превратились въ логовища звѣрей; медвѣди, волки, лисицы и зайцы свободно гуляли по городскимъ площадямъ; а птицы вили гнѣзда на трупахъ человѣческихъ. Люди смѣнили звѣрей въ ихъ лѣсныхъ убѣжищахъ, скрывались въ пещерахъ, непроходимыхъ кустарникахъ; искали темноты,—желали скорѣйшаго наступленія ночи, но ночи были ясны: вмѣсто луны, пожарное зарево освѣщало поля и лѣса; охота за звѣрями смѣнилась теперь охотою за людьми, которыхъ слѣды отыскивали гончія собаки. Козаки, если гдѣ не могли истребить сельскихъ запасовъ, то сыпали въ воду и грязь и топтали лошадьми; жгли дома, съ неистовствомъ истребляя всякую домашную рухлядь; гдѣ не успѣвали жечь домовъ, тамъ портили ихъ, разсѣкая двери и ворота, чтобы сдѣлать ихъ неспособными къ обитанію. Тушинцы и поляки вносили развратъ въ общество, продавая должности разнымъ недостойнымъ лицамъ, пользовавшимся всеобщимъ безпорядкомъ».

Когда Москва была разорена и козаки самозванца свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы бѣглецовъ съ разныхъ сторонъ устремились къ Троицкому монастырю, — и страшно было смотрѣть на нихъ: одни были изломаны, обожжены; у другихъ ремни изъ хребтовъ вырѣзаны, волосы съ головъ содраны, руки и ноги обсѣчены; многіе приходили въ монастырь, для того только, чтобъ исповѣдаться и пріобщиться, а потомъ умереть; многіе не успѣвали достигнуть монастыря

и умирали на дорогѣ. Монастырь, слободы, окрестныя деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими.»

Пособіе всѣмъ страждущимъ и несчастнымъ подавала обитель во все время борьбы нашей съ поляками въ Москвѣ.

Когда Пожарскій медлилъ двинуть своихъ ратниковъ изъ Ярославля, то Діонисій посылалъ къ нему инока за инокомъ, убѣждая идти на поляковъ, и такъ какъ Пожарскій все еще не рѣшался двинуться къ Москвѣ, поѣхалъ къ нему самъ Авраамій Келарь и такъ сильно подѣйствовалъ на него своими убѣжденіями, что 14 августа 1612 года,—Пожарскій съ своимъ войскомъ, былъ уже въ Лаврѣ; а 18-го архимандритъ Діонисій, совершивъ молебствіе, благословлялъ его и все христолюбивое воинство идти на поляковъ, за вѣру и отечество. Келарь Авраамій пошелъ вмѣстѣ съ ними и много содѣйствовалъ къ успѣшному занятію Москвы. Онъ то примирялъ ссорившихся воеводъ, то именемъ святаго Сергія ободрялъ воиновъ въ самой битвѣ, то убѣждалъ казаковъ не покидать войска; а когда казаки, показывая свое изорванное платье, требовали платы отъ дворянъ, онъ предложилъ имъ послѣднія свои сокровища—священныя ризы. Казаки опомнились, не рѣшились взять облаченія и поклялись не отступать отъ столицы, пока не освободятъ ее отъ иноземцевъ.

Помогая во всемъ освободителямъ отечества,—монахи торжествовали и побѣду съ ними; такъ архимандритъ Діонисій вмѣстѣ съ другими духовными лицами служилъ благодарственный молебенъ на лобномъ мѣстѣ, послѣ изгнанія поляковъ изъ Москвы.

Въ Богоявленскомъ монастырѣ, въ которомъ обыкновенно останавливались настоятели Троицкой Лавры, Аврамій Палицинъ собиралъ голоса, при избраніи царя земскимъ совѣтомъ. Онъ же повѣстилъ съ лобнаго мѣста народъ о избраніи на царство Михаила Θеодоровича Романова и участвовалъ въ посольствѣ, отправленномъ къ вновь избранному государю. Проѣзжая въ Москву, царь пробылъ недѣлю въ Троицкой обители, готовясь молитвами къ трудному дѣлу правленія. По ходатай-

ству Діонисія, государь подтвердилъ права монастыря и велѣлъ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ вотчинъ монастырскихъ, возвращать на мѣсто.

Вскорѣ обитель оправилась отъ вреда, нанесеннаго ей непріятелемъ; стѣны и башни ея были исправлены; сгорѣвшія и разрушенныя келіи перестроены, и приписанные къ ея владѣніямъ крестьяне стали собираться и понемногу устраиваться.

Между тѣмъ новая опасность готовилась обители: Чаплинскій, идя въ 1618 году на соединеніе съ войсками королевича Владислава, явился 24 сентября подъ стѣнами Лавры; но жители посада и монастырскіе ратники вступили съ нимъ въ бой и вытѣснили его изъ стрѣлецкой слободы. Келарь Аврамій велѣлъ выжечь посады, готовился къ новому приступу, и точно, въ ноябрѣ, королевичъ, отраженный отъ Москвы, со всѣми своими силами двинулся къ монастырю, но не рѣшился напасть на него и вступилъ въ переговоры съ Москвою. 1 декабря, было заключено между Польшей и Россіею перемиріе на 14 лѣтъ, въ деревнѣ Деулинѣ, близъ Троицкой Лавры.

Не смотря на пользу, которую принесъ архимандритъ Діонисій своему отечеству,—онъ былъ обвиненъ въ ереси, вслѣдствіе попытки очиститъ требникъ отъ погрѣшностей, вкравшихся въ него.—Послѣ разныхъ пытокъ и униженій, хотѣли сослать его въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; но такъ какъ путь къ этому монастырю былъ еще занятъ поляками, то его заточили въ Новоспасскомъ монастырѣ, и только по возвращеніи митрополита Филарета изъ плѣна, Діонисій оправдался на соборѣ, созванномъ по этому случаю въ Москвѣ, и могъ удалиться въ свою обитель.

Государи продолжали искать въ стѣнахъ монастырскихъ успокоенія, нравственной поддержки, а иногда и защиты. Алексѣй Михайловичъ приносилъ въ обители святаго Сергія благодареніе Богу за побѣду надъ поляками. Правительница Софія, съ царями Іоанномъ и Петромъ, скрылась въ этотъ монастырь, узнавъ о возмущеніи Хованскаго, и пробыла въ немъ

полтора мѣсяца, то есть все время смутъ стрѣлецкихъ послѣ казни Хованскихъ.

Петръ Великій два раза искалъ убѣжища въ этой обители: первый разъ вмѣстѣ съ Софьей, когда одинъ изъ стрѣльцовъ чуть не убилъ его въ самомъ алтарѣ одной изъ церквей монастырскихъ; другой разъ,—онъ прискакалъ въ Лавру въ шесть часовъ утра, 8 августа 1689 года, узнавъ о замыслѣ стрѣльцовъ на свою жизнь. Усталый и разстроенный, семнадцатилѣтній Петръ бросился на постель, какъ только вошелъ въ свои покои, и, заливаясь слезами, разсказалъ прибѣжавшему архимандриту Викентію о заговорѣ Шакловитаго и угрожающей ему опасности, прося у настоятеля защиты. Въ этотъ же день собрались въ монастырь мать государя, Наталія Кирилловна, его жена, сестра и разныя придворныя, преданныя ему лица.

Крѣпкія стѣны обители, защитивъ Петра отъ враговъ его, помогли ему рѣшительно дѣйствовать въ дѣлѣ царевны и стрѣльцовъ. Отсюда онъ вытребовалъ Шакловитаго, Голицына и другихъ заговорщиковъ; отсюда онъ писалъ старшему брату Іоанну о необходимости удалить Софью отъ правленія; отсюда пришло повелѣніе заточить ее въ Новодѣвичій монастырь.

Въ монастырѣ былъ пытанъ и казненъ Шакловитый съ его сообщниками; тутъ же было рѣшено сослать въ Пустозерскъ В. В. Голицина: словомъ, надежныя стѣны монастыря помогли Петру уничтожить враговъ своихъ и утвердиться на престолѣ; вслѣдствіе чего, онъ оказывалъ постоянное покровительство этому монастырю, и хотя и пользовался часто его богатствами *), но оставилъ монастырь на особомъ положеніи: въ

*) Въ 1682 году, по указу Петра, взято изъ монастыря 14,000 рублей, въ 1605 году, по его же указу,—50,000 рублей, на ратныхъ людей; въ слѣдующемъ году: 40,000 рублей, для того-же,—изъ которыхъ возвращено было 20,000 рублей. Въ 1698 взято 7,000 на кораблестроеніе. Въ 1699 году: 30,000 на ратныхъ людей; 1701 — 5,000 рублей, для того же.

1701 году, не были отписаны отъ него вотчины, какъ это было сдѣлано съ прочими монастырями; въ 1724 году не былъ ограниченъ въ немъ штатъ иноковъ и т. д.

Анна Іоанновна завела при монастырѣ семинарію, въ которой учили дѣтей духовныхъ и церковныхъ служителей древнимъ языкамъ, философіи, богословіи и т. п.

Изъ архимандритовъ Троицкой Лавры, особенно замѣчательны по своему необыкновенному уму и образованію: Платонъ Левшинъ и митрополитъ Московскій Филаретъ.—О послѣднемъ считаемъ лишнимъ говорить, такъ какъ всей Россіи извѣстны труды этого знаменитаго пастыря, скончавшагося въ 1868 г.

Платонъ же Левшинъ, будучи еще просто преподавателемъ въ Сергіевской семинаріи, обратилъ на себя вниманіе Екатерины, которая выбрала его въ законоучители къ наслѣднику престола, Павлу Петровичу. Возведенный въ архимандриты Троицкой Лавры, онъ постоянно заботился объ устройствѣ и украшеніи этой обители: перестроилъ и отдѣлалъ многія зданія, пришедшія въ ветхость,—въ томъ числѣ украсилъ живописью внутренность Троицкаго собора и построилъ ризницу, въ которую перенесъ всѣ монастырскія сокровища, и теперь въ ней хранящіяся. — Его содѣйствіемъ былъ сдѣланъ замѣчательный покровъ на престолъ, который оцѣненъ въ полтора милліона.

Собирая сокровища въ свою ризницу, — обитель охотно жертвовала изъ нихъ отечеству, въ тяжелыя для него времена; такъ въ 1807 году преосвященный Платонъ прислалъ на земское ополченіе двадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ семь тысячъ были отъ Лавры, двѣ тысячи — отъ самого преосвященнаго, а остальное—отъ монастырей, зависѣвшихъ отъ Лавры.— Потомъ въ 1812 году, онъ доставилъ еще правительству семьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, двѣ тысячи пять-сотъ рублей серебромъ и слишкомъ пять пудовъ серебра въ слиткахъ и посудѣ; и въ то время, когда Москву покидали несчастные жители, онъ явился въ нее, чтобъ благословить русскія войска на борьбу съ вторгнувшимся въ средину Россіи врагомъ, и

еще разъ взглянуть на дорогую ему Москву. Въ народѣ говорили: «Еслибъ Платонъ появился на полѣ битвы передъ русскимъ воинствомъ, еслибъ онъ сказалъ»..... Но Платонъ былъ тогда до того престарѣлымъ, что едва передвигалъ, отказывающіяся служить ему, ноги. Онъ удалился въ Спасо-Виѳанскій монастырь, построенный имъ въ трехъ верстахъ отъ Лавры, болѣе извѣстный подъ именемъ Виѳаніи, такъ названной по Преображенскому своему собору, который отличается оригинальной архитектурой.

Внутри этой церкви сдѣлана искусственная гора, на подобіе Ѳавора, на которой въ память Преображенія Христова построенъ небольшой храмъ; гора убрана мохомъ, кустарникомъ, цвѣтами и даже маленькими животными; съ правой стороны идетъ входъ ко храму по лѣстницамъ, прикрытымъ выпуклостями горы, а по срединѣ проложены ступеньки, въ видѣ извивающейся тропинки, къ самымъ царскимъ вратамъ верхняго храма. Внутри горы устроенъ другой алтарь въ память Лазарева Воскресенія, бывшаго въ Виѳаніи; верхній храмъ заключаетъ въ себѣ много рѣдкостей между иконами и утварью церковной; но вмѣстѣ съ изяществомъ отличается и простотой. Много другихъ замѣчательныхъ мѣстъ окружаютъ Лавру, какъ напримѣръ деревянная церковь, построенная еще архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Авраміемъ, перенесенная митрополитомъ Филаретомъ въ Геѳсиманскій скитъ; вся дорога отъ Москвы до Троицы усѣяна памятниками прошлаго. Въ селѣ Алексѣевскомъ Карамзинъ засталъ еще деревянный одно-этажный дворецъ Алексѣя Михайловича, бани и другія строенія.

Въ селѣ Ростокинѣ, народъ встрѣчалъ Іоанна Грознаго, когда тотъ возвращался побѣдителемъ изъ Казани.

Селенія Большія и Малыя Мытицы замѣчательны своими водопроводами, снабжающими до сихъ поръ Москву чистою и свѣжею водою. Вода эта проведена въ Сухареву башню, которая служитъ ей резервуаромъ.

Въ селеніи Братовщина останавливались на перепутьи наши цари, во время своихъ походовъ на поклоненіе святому Сер-

гію.—Тутъ находился ихъ лѣтній дворецъ съ вышками. Карамзинъ засталъ еще одинъ изъ боярскихъ теремовъ, для отдохновенія,—въ родѣ бесѣдки на столбахъ, гдѣ сквозной вѣтеръ освѣжалъ отдыхавшихъ въ знойное время.—Тутъ находились тоже дворцы Елисаветы и Екатерины II. Въ Братовщинѣ встрѣтили бояре и народъ избраннаго ими на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, ѣхавшаго въ Москву, послѣ усердной молитвы у гроба преподобнаго Сергія.

Въ 12 верстахъ отъ Лавры, немного влѣво, находится село Воздвиженское, куда удалилась правительница Софія съ братьями царями въ началѣ смуты стрѣлецкой. Тутъ же былъ казненъ начальникъ стрѣльцовъ Хованскій съ сыномъ. — Въ этомъ же селѣ, дано было знать Софьѣ въ 1689 году, что ей не дозволено ѣхать на свиданіе съ братьями въ Троицкій монастырь.

Вправо отъ дороги находится Хотьковъ монастырь, въ которомъ покоятся мощи родителей святаго Сергія.

Въ 8 верстахъ отъ Лавры видна старинная каменная часовня съ деревяннымъ крестомъ и образами внутри. Здѣсь братія встрѣчала обыкновенно святаго Сергія, всегда ходившаго пѣшкомъ, когда онъ возвращался въ свою обитель изъ Москвы или изъ котораго-нибудь изъ основанныхъ имъ монастырей.

Далѣе виднѣется гора Волкуша, на которой архимандритъ Діонисій благословлялъ войска, шедшія въ Москву съ Пожарскимъ. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря находится село Деулино, въ которомъ заключенъ былъ договоръ съ королевичемъ Владиславомъ, вслѣдствіе котораго онъ отказался отъ своихъ притязаній на россійскій престолъ.

Еще далеко до Лавры, виднѣется ея высокая колокольня, равняющаяся по вышинѣ Ивану Великому. Приближаясь къ бѣлымъ стѣнамъ обители, невольно обратишь вниманіе на земляныя укрѣпленія бывшаго тутъ польскаго лагеря и на ровъ, выкопанный съ восточной стороны, для удержанія непріятеля въ 1609 году. Теперь на немъ построены два каменные моста.

Смотря на восемь церквей обители, ея богатую ризницу, дворцы царскіе и прочія зданія,—вспоминаешь дремучій лѣсъ и въ немъ бѣднаго труженника, въ изорванномъ платьѣ, строющаго себѣ убогую келію, съ цѣлью заживо погребсти себя здѣсь. И изъ этой-то убогой келіи воздвиглась трудами и усердіемъ царей, монаховъ и народа обитель, столь замѣчательная въ исторіи нашего отечества.

34. Нижній-Новгородъ.

Нижній-Новгородъ, живописно раскинутый по высокому правому берегу Волги, у самаго впаденія въ нее Оки, занимаетъ одну изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей поволжья. Наискось отъ него, въ углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Оки и правымъ берегомъ Волги расположена ярмарка, составляющая какъ бы отдѣльный городъ, съ своими храмами разныхъ исповѣданій, ярмарочной конторой, большимъ каменнымъ гостинымъ дворомъ, домомъ губернатора, театромъ и множествомъ другихъ каменныхъ и деревянныхъ построекъ. Далѣе, вверхъ по Окѣ, тянется Кунавино. Эта слобода играетъ не послѣднюю роль въ ярмарочномъ быту; тутъ помѣщаются всѣ временные посѣтители ярмарки, вслѣдствіе чего слобода застроилась каменными домами, трактирами, гостиницами, лавками, погребками, булочными и т. п.; въ ней 2 каменныхъ церкви, 87 каменныхъ, 429 деревянныхъ зданій и 9 заводовъ; все это придаетъ ей чисто городской характеръ.

Нижній-Новгородъ основанъ былъ великимъ княземъ Суздальскимъ Юріемъ Всеволодовичемъ, въ концѣ XII или въ началѣ XIII столѣтія. Три побудительныя причины имѣлъ великій князь Суздальскій для основанія Нижняго-Новгорода: во-первыхъ, хотѣлъ имѣть свой Новгородъ (какъ воспоминаніе прежнихъ владѣній князей Суздальскихъ Новгородомъ-Великимъ), во-вторыхъ, хотѣлъ имѣть сторожевой городъ противъ мордвы и болгаръ. Лучшаго мѣста онъ не могъ выбрать, находясь у Оки и Волги, Нижній могъ

владычествовать и надъ мордвой, жившей по Окѣ, и надъ болгарами, жившими по Волгѣ.

Нижній-Новгородъ пережилъ набѣги мордвы и болгаръ и опустошенія татаръ, находясь въ составѣ Суздальскаго удѣла, и испыталъ, какъ сторожевой пунктъ восточной Россіи, всю тяжесть постоянной борьбы нашей съ кочевыми народами. Съ 1350 года Нижній сталъ называться столицею великихъ князей Суздальскихъ, съ тѣхъ поръ какъ Константинъ Васильевичъ сдѣлалъ его мѣстомъ своего пребыванія. Съ этого же времени начинается и соперничество Нижняго съ Москвою. Долго боролся онъ за свою независимость; но, наконецъ, Москва побѣдила, и онъ, подобно другимъ городамъ русскимъ, вошелъ въ составъ московскаго государства, и князья его при Іоаннѣ III стали называться только намѣстниками московскими.

Не смотря на это, Нижній-Новгородъ не утратилъ своего значенія, какъ въ политическомъ, такъ и въ промышленномъ отношеніи. Его Кремль, построенный еще въ 1508 году, дѣлалъ Нижній одной изъ важныхъ крѣпостей Россіи. Въ немъ особенно хорошо укрѣплена была сѣверная часть Кремля, выходящая къ Волгѣ, потому что татары появлялись большею частью съ этой стороны. Промышленость и торговля Нижняго были и тогда уже значительны. Онъ снабжалъ внутренніе города рыбою, хлѣбомъ и солью, доставляемою ему Строгоновыми изъ нынѣшней Пермской губерніи. Кромѣ того, нижегородцы торговали масломъ, сукномъ, шубами и овчинами. Для этого торга былъ выстроенъ въ нижнемъ посадѣ города деревянный гостиный дворъ, а для склада соли и хлѣба большіе магазины. Въ концѣ XVII столѣтія Нижній-Новгородъ считался по доходу шестымъ городомъ въ московскомъ государствѣ (онъ доставлялъ казнѣ ежегодно 7,000 руб. доходу) и имѣлъ сильное вліяніе на области, находившіяся отъ него къ востоку и юго-востоку, такъ какъ на него шелъ путь изъ нихъ въ Москву и другіе внутренніе города русскіе. Въ смутное время Нижній-Новгородъ не только самъ отбивался отъ полчищъ самозванца, но ходилъ усмирять поднявшуюся мордву и, соединившись съ войсками Ляпунова, пы-

тался вытѣснить поляковъ изъ Москвы въ 1611 году. Наконецъ, въ самую тяжкую минуту для Россіи, когда Москва была занята поляками, когда вѣрѣ православной и самому существованію государства русскаго грозила явная опасность, нижегородцы, по вдохновенному слову своего простаго гражданина Минина и подъ предводительствомъ своего храбраго князя Пожарскаго, избавили Москву а вмѣстѣ съ нею и Россію отъ поляковъ.

Успокоившись отъ вторженія иноземцевъ, Нижній-Новгородъ сталъ понемногу устраиваться вмѣстѣ со всею землею русскою; торговля его приняла правильный оборотъ, и онъ, изъ сторожеваго пункта, сдѣлался торговымъ центромъ восточной Россіи. Но особенно выигралъ Нижній-Новгородъ отъ перенесенія въ него макарьевской ярмарки въ 1816 году. Ярмарка эта находилась прежде въ 80 верстахъ отъ Нижняго, на лѣвомъ, луговомъ берегу Волги. Въ началѣ XV столѣтія св. Макарій построилъ тамъ Желтоводскій монастырь; но его вскорѣ разорили татары, и св. Макарій долженъ былъ удалиться съ учениками своими на рѣку Унжу (притокъ Волги съ лѣвой стороны, въ Костромской губерніи), гдѣ и скончался. Только при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1624 году, былъ возобновленъ монастырь этотъ инокомъ Аврааміемъ, который перенесъ съ Унжи чтимую народомъ икону св. Макарія, на поклоненіе которой сталъ стекаться народъ въ Желтоводскій монастырь. Особенно бывало велико стеченіе народа каждое 25 іюля, въ день кончины св. Макарія, вслѣдствіе чего въ этотъ день тутъ устроился торгъ крестьянскими издѣліями: холстами, поярковыми шляпами, деревянной посудой, валенками, овчинами и т. п.; а затѣмъ онъ преобразовался въ ярмарку, названную Макарьевской.

Вскорѣ на Макарьевскую ярмарку перешла вся торговля Казани, а съ покореніемъ Сибири, она сдѣлалась важнымъ торговымъ пунктомъ между Москвою, сибирскими городами и Китаемъ.

Во второй половинѣ XVII столѣтія ярмарка такъ усилилась, что обратила на себя вниманіе правительства, и въ 1648 году, указомъ царя Алексѣя Михайловича, постановлено было торго-

вать на ней безпошлинно только пять дней, а по прошествіи этого срока вносить плату по положенію. Въ концѣ XVII столѣтія на Макарьевскую ярмарку стали съѣзжаться московскіе и другіе иногородные купцы, а изъ указа 1691 года видно, что въ это время ярмарку стали посѣщать и иностранцы. Всѣ пошлины и доходы ярмарки были отданы царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ монастырю и ярмаркой постоянно завѣдывали архимандриты. Преемники царя Михаила то отымали, то вновь возвращали эти доходы монастырю, и только Петръ Великій окончательно отнялъ ихъ у монастыря въ 1718 году.

Въ 1755 году были выстроены впервые казенные деревянные балаганы (до этого времени торговцы занимали помѣщенія монастырскія), и доходы съ нихъ стали поступать въ казну, а въ 1809 году былъ открытъ казенный каменный гостиный дворъ. Но мѣстность, занимаемая Макарьевской ярмаркой, была очень неудобна для торговли: низменный лѣвый берегъ Волги, на которомъ она находилась, затоплялся ежегодно при разливѣ рѣки, а въ остальное время года песчаный грунтъ его составлялъ большія затрудненія при перевозкѣ и складѣ товаровъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ неудобствъ, не разъ являлась мысль перевести ярмарку на другое мѣсто; когда же, въ 1816 году, сгорѣлъ каменный гостиный дворъ, то проектъ этотъ не встрѣтилъ болѣе затрудненій, и ярмарка была переведена въ Нижній-Новгородъ. Для помѣщенія ея отвели мысъ, образуемый соединеніемъ Оки съ Волгой, или такъ называемую стрѣлку близъ Нижняго-Новгорода. Въ продолженіи пяти лѣтъ ярмарка помѣщалась во временныхъ деревянныхъ балаганахъ, а съ 1822 года занимаетъ каменный гостиный дворъ.

И до сихъ поръ Нижній-Новгородъ удерживаетъ за собою значеніе одного изъ доходныхъ и важныхъ пунктовъ Россіи: онъ ключъ къ востоку, онъ центръ всей нашей торговли съ Азіей. Чрезъ него лежитъ путь въ Бухару, Китай и Туркестанъ, пріобрѣтающій все болѣе и болѣе значенія для Россіи. Онъ заключаетъ въ себѣ громадный складъ всего того, что вырабатываютъ наши фабрики; онъ биржа Москвы, на которой

рѣшаются всѣ важнѣйшія дѣла нашей внутренней торговли. Едва ли найдется, пишетъ г. Безобразовъ,— на всей нашей государственной территоріи пунктъ, болѣе важный по всей совокупности своихъ географическихъ условій, чѣмъ то мѣсто, на которомъ происходитъ нынѣ макарьевская ярмарка, эта главная уставщица всего ярмарочнаго торга всей внутренней нашей торговли. Это мѣсто — уголъ, образуемый насупротивъ Нижняго-Новгорода сліяніемъ Оки съ Волгой, на лѣвомъ берегу первой и на правомъ послѣдней. Здѣсь Волга, прикасающаяся своими истоками къ басейну Балтійскаго моря и искусственно даже соединенная съ нимъ, а потому и со всѣми коммерческими путями Европы и всего образованнаго міра, и оканчивающая свое теченіе въ басейнѣ центральной Азіи, въ другомъ историческомъ мірѣ,— принимаетъ въ себя одинъ изъ двухъ главнѣйшихъ своихъ притоковъ (Оку). Не такъ далеко отъ впаденія Оки въ Волгу находится устье и другаго самаго великаго притока Волжскаго басейна — Камы, соединяющей этотъ пунктъ съ самыми дальнѣйшими сѣверными и сѣверо-восточными краями Россіи — съ Ураломъ и Сибирью.

Такимъ образомъ, нынѣшнее мѣсто макарьевской или нижегородской ярмарки болѣе или менѣе соединено, посредствомъ водяныхъ сообщеній, съ самыми противоположными и отдаленными краями Россіи, а водяныя сообщенія пока преобладаютъ надъ всѣми другими путями внутреннихъ нашихъ сообщеній и пока наиболѣе опредѣляютъ собою направленіе всѣхъ нашихъ коммерческихъ путей. Русскіе купцы въ сужденіяхъ о значеніи Нижегородской ярмарки справедливо указываютъ на воды, какъ на главное и неотъемлемое ея богатство. Дѣйствительно, едва ли найдутся у насъ въ другомъ мѣстѣ такія воды и съ такимъ настоящимъ и такимъ прошедшимъ. Чтобы вполнѣ понять всю важность Волжскаго басейна, стоитъ вспомнить только, что чрезъ Каму идетъ по Волгѣ въ Нижній: чай изъ Китая, марена и шелкъ изъ Бухаріи, мѣха изъ Сибири, соль изъ Перми, желѣзо съ уральскихъ заводовъ. Сама Волга несетъ безчисленное множество баржъ и другихъ судовъ: съ хлѣбомъ (доста-

вляемымъ изъ нашихъ хлѣбныхъ губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Саратовской), съ рыбой, изъ Каспійскаго моря, Урала и Дона, съ солью изъ Эльтонскаго озера, съ саломъ изъ Самары, кожами изъ Казани. Пароходы доставляютъ по ней: марену изъ Астрахани, вино изъ Кизляра, горчицу изъ Сарепты, шелкъ съ Кавказа. Такъ какъ желѣзная дорога отъ села Иванова до Нижегородской желѣзной дороги еще не готова, то хлопчатобумажные и льняные товары и другія произведенія Владимірской губерніи идутъ вмѣстѣ съ костромскими тоже по Волгѣ. Ока доставляетъ произведенія Тульской, Рязанской и отчасти Московской губерній. Сверхъ того Нижегородская ярмарка, какъ одно изъ важнѣйшихъ средоточій водяныхъ сообщеній Россіи, какъ ближайшее къ Москвѣ и самое многолюдное средоточіе Волжскаго басейна, представляетъ нынче наиболѣе удобствъ для пересылки товаровъ. Здѣсь не только главный на Волгѣ центръ пароходства и судоходства, но здѣсь также собираются подрядчики и для сухопутной доставки товаровъ въ самые отдаленные края Россіи. Всѣ эти операціи сосредоточены около ярмарочныхъ пристаней, которыя составляютъ особый міръ на ярмаркѣ, и на которыхъ расположены въ шалашахъ и балаганахъ самыя конторы доставщиковъ товаровъ. И если, напримѣръ, иной разъ невозможно прямо отправить товаръ изъ кагого-нибудь фабричнаго села Владимірской или Нижегородской губерній въ мѣсто, отстоящее на какую-нибудь сотню верстъ, то съ нижегородской ярмарки его легко отправить куда угодно, хотя на край свѣта. И для этого не нужно даже везти сюда самый товаръ. Но главное значеніе ярмарки заключается прежде всего и болѣе всего, въ распредѣленіи товаровъ внутренняго нашего потребленія между средними и мелкими или вообще розничными торговцами (такъ называемыми городовыми, то есть мѣстными купцами, закупающими здѣсь товары изъ первыхъ рукъ, у самихъ фабрикантовъ или у гуртовщиковъ. Въ этомъ главная экономическая сила нижегородской ярмарки для внутренней торговли и фабричной промышлености Россіи,

отчасти также и для иностранной. — Покупка товара городовыми купцами у гуртовщиковъ, съѣздъ *городовыхъ* къ Макарію, вотъ, кажется намъ, важнѣйшая часть этого торга, далеко преобладающая надъ всѣми другими его элементами, какъ бы нѣкоторые изъ нихъ ни были значительны; и вотъ также причина того могущественнаго вліянія, которое имѣетъ макарьевскій торгъ на весь механизмъ нашего народнаго хозяйства.

Главный торгъ Нижегородской ярмарки состоитъ изъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, чая, желѣза, соли, сибирскихъ мѣховъ, кожъ и рыбы, а потому мы разберемъ подробнѣе торговлю этими товарами. Хлопчато-бумажное производство составляетъ одно изъ главныхъ производствъ Россіи; оно захватываетъ до 120 милліоновъ капитала, а на Нижегородскую ярмарку идетъ этого товара до 15 милліоновъ и болѣе. Ситцы и другія хлопчато-бумажныя ткани доставляются на ярмарку преимущественно Владимірской, Московской и Костромской губерніями, цѣлыя селенія которыхъ заняты бумагопряденіемъ и ткачествомъ, а потому благосостояніе этихъ промышленныхъ губерній тѣсно связано съ Нижегородской ярмаркой, на которой производится главный сбытъ всѣхъ этихъ товаровъ. Если красный товаръ на ярмаркѣ шелъ хорошо, то зимою работа увеличится на фабрикахъ и потребуетъ болѣе рукъ; если же сбытъ и запросъ были плохи, то работниковъ потребуется меньше и фабричному народу труднѣе будетъ прокормить себя. Москва доставляетъ на ярмарку ситцы высшихъ добротъ, а Владимірская губернія, въ главномъ представителѣ своемъ селѣ Ивановѣ, заваливаетъ ее своими дешевыми, яркими ситцами, идущими въ большомъ количествѣ въ Азію и во всѣ деревни южно-восточной Россіи. Для ивановцевъ Нижегородская ярмарка важнѣе всѣхъ прочихъ ярмарокъ; на ней одной они сбываютъ товару болѣе, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ ярмаркахъ, а ивановскіе фабриканты кромѣ того тутъ же получаютъ вѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ текущаго года, что для нихъ составляетъ вопросъ первой важности. Отъ рѣшенія вопроса, хорошъ или плохъ урожай, или, другими сло-

вами, много или мало останется у крестьянъ денегъ на покупку краснаго товара, зависитъ весь дальнѣйшій ходъ дѣлъ фабричныхъ. На ярмаркѣ же фабриканты ситцевъ дѣлаютъ заказы фабрикантамъ миткалей, а тѣ въ свою очередь заказываютъ извѣстное количество пряжи, и такимъ образомъ закупщикамъ хлопка становится извѣстно, сколько приблизительно надо имъ закупить его къ слѣдующему привозу. Какъ громаденъ долженъ быть сбытъ ивановскихъ красныхъ товаровъ, видно изъ одного того, что для ивановцевъ оказалось невозможнымъ помѣщать ихъ всѣ въ отведенныхъ для нихъ рядахъ каменнаго казеннаго гостинаго двора, и они должны были устроить на свой счетъ другіе ряды, идущіе отъ Армянской церкви къ Кунавину. Въ старыхъ ивановскихъ рядахъ идетъ торгъ оптомъ, а въ вновь выстроенныхъ производится розничная торговля, а потому тутъ большею частью торгуютъ кустарники и горшечники, т. е. мелкіе торговцы. Во все продолженіе ярмарки существуетъ постоянная связь между нею и фабриками, такъ что въ случаѣ недостатка въ какомъ-нибудь ситцѣ, тотчасъ же дается знать на фабрику, и тамъ, усиленной работой, изготовляется къ сроку нужное его количество. На большихъ ивановскихъ фабрикахъ могутъ изготовить до 300 кусковъ ситцу въ день. Тутъ же на ярмаркѣ азіатскіе купцы заказываютъ къ слѣдующему году ситцы въ азіатскомъ вкусѣ, съ узоромъ до того крупнымъ и пестрымъ, что такой ситецъ только и можно продавать на Востокѣ какимъ-нибудь киргизамъ и бухарцамъ, которые нынче стали тоже носить нашъ ивановскій ситецъ. Въ свою очередь, ситцевые фабриканты закупаютъ у азіатцевъ бухарскій хлопокъ и марену (краску для ситцевъ). Но такъ какъ на азіатскихъ торговцевъ положиться никакъ нельзя, потому что у нихъ часто въ пробныхъ тюкахъ хлопокъ бываетъ лучшаго достоинства, а въ краску они насыпаютъ каменьевъ для вѣсу, то хлопоты, сопряженныя съ такимъ надуваніемъ, и недоброкачественность бухарскаго хлопка заставляютъ фабрикантовъ предпочитать ему американскій, — доставляемый черезъ Ливерпуль, хотя тотъ несравненно дороже, и бухарскій хлопокъ идетъ въ незначительномъ коли-

чествѣ и только на самые низшіе сорты бумажныхъ тканей. Красные товары идутъ въ Нижній большею частью по Окѣ и Волгѣ; только Московская и Петербургская губерніи присылаютъ ихъ по желѣзной дорогѣ, и хотя станція нижегородской желѣзной дороги Новки и переименована въ Шуйско-Ивановскую, но на нее почти не доставляется товара, такъ какъ ивановцы находятъ болѣе дешевымъ отправлять его черезъ Плесъ по Волгѣ. Къ сентябрю нынѣшняго года должна быть открыта Ивановская желѣзная дорога, по которой товаръ будетъ доставляться прямо изъ Иванова на нижегородскую желѣзную дорогу.

Не менѣе важна также торговля кяхтинскими чаями, которые, вмѣстѣ съ краснымъ товаромъ, устанавливаютъ, какъ говорятъ, цѣны всѣмъ остальнымъ товарамъ ярмарки, то есть, только когда установится на ярмаркѣ цѣна чаямъ и сдѣлаются заказы ситцамъ, начинается настоящій торгъ другими, не такъ важными для ярмарки, товарами, потому что большинство крупныхъ московскихъ купцовъ болѣе или менѣе заинтересовано въ дѣлахъ чайной и хлопчато-бумажной торговли, а другіе торговцы выжидаютъ, какой оборотъ примутъ дѣла этихъ *тузовъ*, для того чтобы возвысить или понизить цѣну своихъ товаровъ. Чай, какъ извѣстно, доставляется изъ Китая двумя путями; первая доставка его идетъ караванами изъ Кяхты, по большому сибирскому тракту на Иркутскъ, Томскъ, Тюмень и Пермь и наконецъ, по Камѣ и Волгѣ въ Нижній. Это собственно русско-азіатская чайная торговля, въ которой не участвуютъ иностранные купцы. Вторая доставка идетъ моремъ изъ Кантона или изъ Шанхая и находится въ рукахъ англичанъ. Только въ 1862 года дозволено ввозить въ Россію чай, идущій моремъ изъ Китая или такъ называемый кантонскій, и въ этомъ же году онъ явился уже на нижегородской ярмаркѣ и произвелъ переворотъ въ кяхтинской торговлѣ, потому что вслѣдствіе этой конкуренціи русскіе торговцы стали обращать болѣе вниманія на достоинство доставляемаго ими чая. Переходъ чая отъ сибиряковъ въ первыя руки, или такъ называемая *расцѣнка чаевъ*, составляетъ

первое дѣйствіе чайнаго торга на Макарьевской ярмаркѣ; къ нему приступаютъ послѣ многочисленныхъ и продолжительныхъ совѣщаній, запитій и закусокъ. Отъ этого дѣйствія, называемаго также *развязкой* чайнаго дѣла, зависитъ судьба товара на цѣлый годъ и судьба многочисленныхъ городовыхъ купцовъ, въ теченіе недѣли и болѣе, ежели нужно, чающихъ движенія воды у дверей палатокъ партіонныхъ торговцевъ и коммисіонеровъ, главенствующихъ въ своемъ каменномъ Китайскомъ ряду надъ всѣмъ людомъ чайнаго торга. Извѣстіе о развязкѣ, совершающейся посреди глубочайшаго молчанія участниковъ и окруженной таинственностію, на подобіе священнодѣйствія, мигомъ разносится по ярмаркѣ. «Чай пошелъ во вторыя руки.» Эта торжественная минута въ былое время и считалась самымъ трагическимъ моментомъ Макарьевской ярмарки, — моментомъ, господствующимъ надъ ея судьбой. Милліоны, уплаченные за кяхтинскій чай, приводятъ, говорили, въ движеніе всю ярмарку. Сибиряки закупаютъ и заказываютъ мануфактурные товары, фабриканты и торговцы мануфактурныхъ товаровъ расплачиваются съ своими кредиторами, покупаютъ и заказываютъ нужные для нихъ товары и матеріалы и т. д. Наконецъ, съ окончаніемъ чайной развязки, ярмарочный міръ и во главѣ его толстые сибиряки подымались къ разъѣзду, *ко дворамъ* (какъ говорится по владимірски) и къ прощанью наставала самая шумная эпоха. Справедливъ или преувеличенъ господствовавшій въ прежнее время взглядъ на развязку съ чаемъ, нынѣ эта развязка вовсе не имѣетъ такого значенія для ярмарки.

Весь чай помѣщается на Сибирской пристани. Здѣсь въ концѣ этой пристани, позади ободьевъ, мочалъ, тряпья, поташу и шадрику тянутся по обѣ стороны балахнинской дороги укутанные рогожами цибики съ чаемъ. Они поставлены въ ряду на длинныхъ шестахъ. По одну сторону отъ нихъ течетъ Волга, которая около этого мѣста наноситъ цѣлый островъ песку, на которомъ помѣщается складъ сырыхъ кожъ; по другую—обширное поле. Здѣсь одинъ изъ крайнихъ предѣловъ ярмарки. Отъ

всемірнаго торжища долетаютъ сюда одни неясные звуки. Тамъ шумъ и гамъ, здѣсь тихо и мирно. Въ концѣ каждаго склада находится баракъ, покрытый рогожами, гдѣ помѣщаются прикащики. Большею частію здѣсь вы встрѣтите кяхтинскихъ.

Но рѣшеніе чайнаго дѣла совершается не здѣсь, а въ каменныхъ рядахъ; сюда пріѣзжаютъ только посмотрѣть чаи и достать совками пробы. Тамъ повѣряются чайныя фактуры. Каждый чайный коммисіонеръ (не слѣдуетъ смѣшивать московскихъ коммисіонеровъ съ кяхтинскими) имѣетъ у себя отъ тѣхъ лицъ, чай которыхъ ему сданъ на продажу, особыя описанія каждаго цибика чая, съ означеніемъ его вѣса, сорта и достоинства. Такія описанія на торговомъ языкѣ называются *фактурами*. Каждый купецъ, желающій совершить покупку чая, по этимъ фактурамъ выбираетъ себѣ чай по желанію. Сорты же чая покупателямъ извѣстны и обмана при продажѣ не бываетъ. Иные цибики вовсе не вскрываются.

Желѣзо составляетъ тоже важную отрасль ярмарочной торговли. Оно идетъ изъ Уральскихъ заводовъ по притокамъ: Чусовой и Бѣлой и является въ Нижній необработаннымъ и въ дѣлѣ. Перваго привозится несравненно болѣе, а именно на сумму отъ 5 до 6 милліоновъ. Такъ называемаго желѣза въ дѣлѣ привозится только на сумму до $1\frac{1}{2}$ милліона, — но за то оно является въ самомъ разнообразномъ видѣ: въ видѣ ножей, ножницъ, винтовъ, проволокъ, цѣпей, петлей, подковъ, лопатъ, замковъ, топоровъ, ведеръ и т. п. вещей. Кромѣ Уральскаго желѣза, на ярмаркѣ появляется желѣзо съ малоизвѣстныхъ заводовъ Нижегородской и Владимірской губерній; но для послѣднихъ Нижегородская ярмарка не такъ важна, какъ для Уральскихъ, потому что заводы Нижегородской и Владимірской губерній, находясь въ многолюдной и промышленной части Россіи, могутъ продавать выдѣлываемое ими желѣзо на мѣстѣ. Заграничное желѣзо привозится на ярмарку только въ издѣліяхъ. Чугунъ привозится изъ губерній: Нижегородской, Тамбовской и Владимірской. Желѣзо обыкновенно идетъ на ярмарку на баркахъ, выгружается на берегу Оки и склады-

вается въ особыхъ деревянныхъ балаганахъ, въ такъ называемой желѣзной линіи. Для удобнѣйшей его доставки на желѣзную дорогу проведена отъ этихъ балагановъ къ платформамъ конножелѣзная дорога. Цѣна желѣза обыкновенно опредѣляется по прибытіи на ярмарку лицъ, слѣдившихъ въ продолженіи года за ходомъ работъ на Уральскихъ заводахъ. Отъ нихъ получаются точныя свѣдѣнія, какое количество привезено желѣза, какого оно достоинства, и сколько барокъ сѣло на мель при сплавѣ по Чусовой. (Рѣка эта подымаетъ барки съ желѣзомъ только въ продолженіи какихъ-нибудь семи дней; вообще она судоходна только весной, во время полноводья, а лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти совсѣмъ пересыхаетъ). Перейдя, подобно чаю, черезъ многія руки, желѣзо попадаетъ наконецъ къ городовымъ купцамъ, которые везутъ его въ Петербургъ, Москву, Ригу и во всѣ внутреннія промышленныя губерніи. За границу русскаго желѣза идетъ мало; лучшіе сорты его отправляются черезъ Петербургъ въ Англію, а худшіе — черезъ Астрахань въ Персію. Мѣди и олова привозится на ярмарку на сумму около милліона рублей. — И то и другое является больше въ дѣлѣ. Помѣщается оно вмѣстѣ съ желѣзомъ, хотя доставляется изъ Москвы, Арзамаса, Тулы, Ярославской и Вятской губерній. Всѣ мѣдныя и оловянныя издѣлія, состоящія изъ церковной утвари, колоколовъ, домашней посуды, колокольчиковъ, бубенчиковъ, петлей, скобокъ и т. п., развозятся по близъ лежащимъ отъ Нижняго Новгорода городамъ, а посуда идетъ даже въ Сибирь и Среднюю Азію. Изъ вышесказаннаго нами видно, какъ трудна доставка желѣза по малосудоходной рѣкѣ Чусовой, — а потому заводчики ждутъ съ нетерпѣніемъ утвержденія проэкта желѣзной дороги, которая, соединивъ Тюмень съ Пермью или Елабугой, дастъ имъ возможность свободно доставлять по Волгѣ желѣзо, по мѣрѣ приготовленія его на ихъ заводахъ, что, разумѣется, значительно удешевитъ товаръ и будетъ способствовать къ правильному обороту капиталовъ.

Теперь перейдемъ къ торговлѣ мѣхами. — На Нижегородской ярмаркѣ торгъ идетъ преимущественно выдѣланными мѣхами,

такъ какъ по большей части невыдѣланныя шкуры скупаются нашими и иностранными купцами на Ирбитской ярмаркѣ, выдѣлываются внутри Россіи и привозятся уже готовыми на Нижегородскую ярмарку. Но и невыдѣланныхъ мѣховъ привозится не мало въ Нижній. Изъ Сибири идутъ: *соболь*, ловлей котораго занимаются преимущественно якуты, *бѣлка*, большой ловъ которой происходитъ по берегамъ Оби, Енисея, Лены, *волки* и *медвѣди*, *хорьки*, *сурки*, *выхухоль*, *горностай* и т. д. Кромѣ сибирскихъ, невыдѣланныхъ мѣховъ привозятъ много и изъ Европейской Россіи, напримѣръ изъ сѣверо-восточной части ея доставляются: бѣлка, волки, медвѣди, горностай. Средняя часть ея снабжаетъ заячьими и кошачьими шкурками, а съ юга идутъ мерлушки. Кромѣ того сюда привозятся лисьи и волчьи шкуры изъ Бухаріи, выдра и лисица изъ Персіи. Торговцы мѣхами являются какъ продавцами, такъ и покупателями: они привозятъ готовые мѣха на ярмарку и закупаютъ тутъ же у прасоловъ невыдѣланныя шкуры. Выдѣлкою заячьихъ мѣховъ занимаются промышленники въ Ярославлѣ, Арзамасѣ, Дуниловѣ и кромѣ Нижегородской ярмарки, продаютъ ихъ на коренной (въ Курскѣ), Ильинской (въ Полтавѣ), Успенской и Покровской (въ Харьковѣ). Но лучшія скорняжныя заведенія находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Калугѣ и Казани.

Выдѣланныхъ мѣховъ привозится въ Нижній на сумму отъ 4 до 5 милліоновъ, — невыдѣланныхъ до 2 милліоновъ. Большая часть мѣховъ помѣщается въ каменномъ пушномъ ряду и въ новыхъ Ивановскихъ рядахъ и расходится съ ярмарки по всей Россіи, преимущественно же по Украйнѣ. Не малая часть идетъ въ Западную Европу; меньше же всего отпускается теперь въ Китай, гдѣ мѣновая наша торговля замѣтно упадаетъ.

Не менѣе мѣховъ привозится на ярмарку и разныхъ кожъ: выдѣланныхъ, сырыхъ и сушеныхъ, всего на сумму до 4 милліоновъ. Прасолы, ѣздя по всей Россіи, скупаютъ по деревнямъ, заводамъ и городамъ кожи коровъ, телятъ, лошадей, жеребятъ, оленей и верблюдовъ, солятъ ихъ или сушатъ и везутъ на Нижегородскую ярмарку. Выдѣлываются кожи по всей Россіи; но осо-

бенно занимаются этимъ промысломъ въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской и Тверской, а кожевенный товаръ, т. е. сапоги, башмаки, коты, галоши и т. п. доставляютъ преимущественно Костромская и Тверская губерніи. Въ одномъ селѣ Богородицкомъ (Нижегородской губерніи) приготовляютъ рукавицъ до милліона паръ.

Остается теперь сказать намъ о послѣдней крупной торговлѣ ярмарки, въ которой болѣе всего заинтересована Астрахань,— о торговлѣ рыбою. На Нижегородскую ярмарку идетъ большая половина всего лова въ низовьяхъ Волги и Каспійскаго моря. О громадности этого лова можно заключить по доходу, получаемому съ бассейна Каспійскаго моря, который опредѣляютъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, отъ 11 до 13 милліоновъ руб. сер. Съ 1865 года произошелъ большой переворотъ въ рыбномъ промыслѣ; до этого времени берега Каспійскаго моря отдавались въ откупа, такъ что только крупные торговцы, внесшіе годовую плату за дозволеніе ловить рыбу, могли ловить ее у береговъ; мелкимъ же промышленникамъ дозволялось закидывать сѣти въ мѣстахъ не менѣе трехъ саженъ глубиною, — а извѣстно, что на такой глубинѣ рыба ловится труднѣе. Указомъ 1865 года дозволено каждому рыбаку, купившему билетъ, выѣзжать въ лодкѣ на промыселъ и ловить рыбу тамъ, гдѣ онъ найдетъ для себя удобнѣе, такъ что теперь богачи имѣютъ только то преимущество передъ бѣдняками, что могутъ взять большее число билетовъ и выслать по нимъ большее количество лодокъ. Многіе находили, что казна понесетъ большой убытокъ, отказавшись отъ откуповъ и объявивъ ловъ вольнымъ; но въ результатѣ оказывается совсѣмъ другое: бравшіе на откупъ рыбныя мѣста въ Каспійскомъ морѣ платили прежде казнѣ отъ 150 до 160 тысячъ въ годъ, но съ каждымъ годомъ они находили предлогъ уменьшать эту плату, наконецъ довели ее до 118 тысячъ. Теперь же, съ учрежденіемъ платы по билетамъ, казна стала получать до 230 тысячъ.

На ярмарку идетъ рыба всѣхъ сортовъ, начиная съ такъ называемой красной, крупной рыбы, какъ напр. севрюга, осетръ,

бѣлуга, бѣлорыбица и т. п., и кончая мелкой: судаками, лещами, окунями, сельдями и т. д. Все это доставляется въ баржахъ на гребневскую пристань, на сумму до 5 милліоновъ руб. сер. Цѣну на нее установляютъ оптовые купцы; ея придерживаются и мелкіе торговцы, продающіе рыбу въ мелочныхъ рыбныхъ Нижегородскихъ рядахъ. Цѣна, установленная на Нижегородской ярмаркѣ, имѣетъ вліяніе на цѣны всей рыбной торговли Каспійскаго бассейна, и въ этомъ заключается главное значеніе этой ярмарки для торговли рыбою. Вмѣстѣ съ рыбою доставляется на баржахъ икра севрюжья, бѣлужья и осетровая, на сумму до 200 тысячъ, тюленій жиръ и кожи до 400 тысячъ, рыбій клей и визига. Двухъ послѣднихъ идетъ менѣе всего на Нижегородскую ярмарку, потому что большая часть, вмѣстѣ съ икрою, отсылается чрезъ Царицынъ и Азовское море заграницу.

Изложивъ поверхностно самые главные предметы торговли, нельзя не наименовать еще нѣкоторые, имѣющіе тоже немаловажное значеніе на ярмаркѣ, какъ напримѣръ: сукна, которыя привозятся только съ фабрикъ внутреннихъ губерній, въ особенности изъ Москвы, на сумму до 4 милліоновъ; всего же русскаго товара, на который употребляется шерсть, привозится на сумму до 11 милліоновъ. Кромѣ того торгуютъ тутъ заграничными сукнами. Пока шла въ Кяхтѣ только мѣновая торговля, сукна составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ ярмарочной торговли; но теперь сибиряки принимаютъ только въ Нижнемъ партіи суконъ, заказанныхъ ими въ Москвѣ, но не покупаютъ болѣе на ярмаркѣ. Такой же чисто биржевой характеръ имѣетъ и торговля саломъ, доставляемымъ изъ Самарской губерніи. Въ самой Самарѣ находится 10 большихъ салотопенныхъ заводовъ, на которыхъ бьютъ ежегодно до 100,000 рогатаго скота и до 800,000 овецъ. Добываемаго тутъ сала малая часть идетъ черезъ Нижній, но главныя сдѣлки между иностранными купцами, закупающими его, и нашими купцами и заводчиками совершаются на Нижегородской ярмаркѣ. Кромѣ того не мало привозится товару, выдѣлываемаго изъ сала: свѣчъ сальныхъ доста-

вляется на сумму до 100,000 руб. и болѣе, стеариновыхъ на сумму отъ 250 до 300 тысячъ, мыла тоже отъ 270 до 300 тысячъ.

Для возрастающей и улучшающейся у насъ льняной промышлености Нижегородская ярмарка тоже не служитъ главнымъ рынкомъ; тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего года крестьянки окрестныхъ губерній сносятъ въ Нижній выработываемые ими пестрядь и холстъ и продаютъ этотъ товаръ торговцамъ. На ярмарку же привозится полотна и холста на сумму около 380 тысячъ руб., а тику и пестряди, выдѣлываемыхъ во Владимірской и Костромской губерніяхъ, на сумму до полумилліона рублей. На такую же сумму и больше, привозится полотенцевъ, скатертей и салфетокъ.

Шелкъ идетъ на ярмарку больше выдѣланный, чѣмъ невыдѣланный. Послѣдній доставляется изъ Закавказья, Персіи и Бухары на сумму отъ 100 до 150 тысячъ,—а выдѣланный идетъ изъ Москвы и ея уѣздовъ, на сумму до 6 милліоновъ руб. сер. Особенно много расходится на ярмаркѣ золотой насыпи, газа и парчи; послѣдняя стоитъ 45 руб. аршинъ и дороже. Все это идетъ на ризы и разныя церковныя принадлежности, а также на сарафаны мѣщанокъ и зажиточныхъ крестьянокъ, и привозится на сумму до полумилліона. Золотыхъ и серебряныхъ позументовъ, для которыхъ также шелкъ необходимъ, привозится на сумму до $1^1/_2$ милліона. Вино на Нижегородскую ярмарку доставляется изъ Кизляра, отъ 300 до 500 тысячъ ведеръ. Но всѣхъ товаровъ и перечесть трудно. Однихъ сундуковъ привозится на ярмарку до 200 тысячъ. Они идутъ преимущественно въ Среднюю Азію, — но не малое количество ихъ расходится и по Россіи. Сундуки эти бываютъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и достоинства. Тутъ вы увидите сундуки, сплошь окованные желѣзомъ, изъ села Павлова, Нижегородской губерніи, стоющіе отъ 50 до 75 руб. за штуку, и Московскіе деревянные, окованные, съ затѣйливыми замками, одинъ замокъ которыхъ стоитъ иногда 40 руб. Нижне-тагильскіе сундуки, кедроваго дерева, и размалеванные макарьевскіе

ольховые, обитые иногда жестяными листами, и наконецъ сундуки, продаваемые по 4 руб. за шесть штукъ. Тутъ привозится горчица изъ Сарепты (нѣмецкой колоніи Саратовской губерніи) 6 тысячъ пудовъ, на сумму отъ 40 до 45 тысячъ руб., и русскаго курительнаго табаку (преимущественно изъ Саратовской же губерніи) на сумму до полутора милліона руб. Москательныхъ и аптекарскихъ товаровъ на сумму до 4 милліоновъ, часовъ на 500 тысячъ руб., модныхъ галантерейныхъ товаровъ на милліонъ, жемчугу на 25 тысячъ и сахару на 2 милліона руб., фортепіанъ и органовъ на 300 тысячъ, иконъ на 225 тысячъ. Кошмъ и войлоковъ (которые замѣняютъ нашимъ крестьянамъ тюфяки) на 600 тысячъ, мочалъ (изъ Уфимской губерніи) отъ 500 до 600 тысячъ руб., кулей (изъ посада Дубовки, Саратовской губерніи, по Волгѣ) на сумму отъ 200 до 250 тысячъ, поташу и шадрику на сумму до 180 тысячъ.

Весь оборотъ Нижегородской ярмарки можно опредѣлить отъ 100 до 120 милліоновъ — цыфра, имѣющая громадное значеніе въ нашей торговлѣ, особенно если обратить вниманіе на то, что тутъ идетъ торгъ большею частью нашими русскими произведеніями. Изъ главныхъ отраслей ярмарочной торговли только одинъ чай не принадлежитъ Россіи, но и тотъ обогащаетъ нашихъ же сибирскихъ, московскихъ и ивановскихъ купцовъ, первыхъ—какъ торговыхъ посредниковъ между Китаемъ и Россіей, вторымъ же даетъ средства сбыть свои товары въ Азію.

Считаемъ не лишнимъ перечислить еще разъ, какіе города и губерніи Россіи болѣе всего заинтересованы Нижегородскою ярмаркой и какія изъ главныхъ ихъ производствъ идутъ на эту ярмарку. *Москва* сбываетъ здѣсь свои сукна,—хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя издѣлія, выдѣланные мѣха, золотыя и серебрянныя вещи, парчи, позументы, церковную утварь, мѣдную и оловянную посуду, вызолоченныя и высеребренныя пуговицы, фортепіаны и органы, свѣчи, москательный русскій товаръ, перчатки, чулки, модный женскій товаръ, иконы, писанныя на холстѣ, книги. *Владимірская* губернія: ситцы и миткаль (Шуя и Иваново), образа,

(Холуй и Мстеры), тикъ и пестрядь (села Дунилово и Васильевское), стекла и хрусталь, яблоки, вишни, счеты, щетки, фабричныя полотна. *Нижегородская:* чугунныя, хорошо отлитыя издѣлія, — стальныя издѣлія селъ: Павлова и Ворсмы,— (въ послѣднемъ находится знаменитая фабрика Завьялова), косы, сундуки, росшивы, бѣлянки и другія суда *), мебель, щепныя издѣлія **), канаты, шляпы, валенки ***), иконы на холстѣ, фабрикованныя вина. *Костромская:* разныя небольшія суда, хлопчатобумажныя издѣлія, лѣсъ, поташъ и шадрикъ, смолу и деготь, щепной товаръ, короба, топоры, колокола, фабричныя полотна и пестрядь. *Пермская:* соль, желѣзо и мѣдь (заводовъ Яковлева, Демидова и другихъ), сундуки (съ Нижне-Тагильскаго завода), воскъ. *Тульская:* стальныя, хорошо выдѣланныя, вещи, мѣдные самовары и кофейники, чугунъ въ грубыхъ издѣліяхъ. *Калужская:* полупарусныя равендукъ, фламское полотно, чугунныя грубыя издѣлія, стекла и хрусталь, выдѣланные мѣха. *Казанская:* хлѣбъ, козловый сапожный товаръ, выдѣланные мѣха, дорожные экипажи, колеса, телѣги, ободья, рогожи, мочалы, поташъ, шадрикъ, сало, сальныя свѣчи, воскъ, кумачь. *Саратовская:* хлѣбъ, горчицу, табакъ, рыбу, яблоки, арбузы, кулей на сумму отъ 200 до 250 тысячъ, конскій волосъ. *Астраханская:* рыбу, икру, рыбій жиръ и клей, визигу, виноградъ. *Оренбургская:* желѣзо (съ заводовъ: Сухозанета и княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской), поташъ и шад-

---

*) Въ 10 верстахъ отъ Нижняго Новгорода, вверхъ по Волгѣ, въ селѣ Сорошовѣ, Балахнинскаго уѣзда, учреждена въ 1849 году верфь на которой строются желѣзные пароходы русскими мастерами и изъ русскихъ матеріаловъ: желѣзо для нихъ доставляется на здѣшнюю фабрику съ Уральскихъ заводовъ и изъ Костромской губерніи, — снасти съ фабрикъ Нижняго и Мурома, а все остальное изготовляется на мѣстѣ и только однѣ трубки для трубчатыхъ котловъ выписываются изъ Англіи. Со времени основанія этой верфи на фабрикѣ этой сдѣлано 15 паровыхъ машинъ.

**) Въ Нижегородской губерніи находится 536 токарныхъ фабрикъ, на которыхъ выдѣлывается разныхъ деревянныхъ вещей на 11 милліоновъ.

***) Изъ Балахнинскаго и Семеновскаго уѣздовъ, гдѣ находится до 600 валичныхъ заведеній.

рикъ, ободья, сало, конскій волосъ, воскъ. *Симбирская:* хлѣбъ, лубъ, мочала, кули, поташъ и шадрикъ, пухъ и перья гусиныя. *Тверская:* сапожный товаръ (преимущественно изъ села Камры), сафьянные сапоги и туфли, шитыя золотомъ (изъ Торжка), кожи. *Ярославкая:* фабричныя полотна, скатерти, салфетки, полотенца, заячьи мѣха. *Самарская:* хлѣбъ, кожи, сало. *Тамбовская:* хлѣбъ, простыя чугунныя вещи. *Вятская:* дорожные экипажи, колеса, телѣги, ободья, мочала, рогожи, лубъ, лапти, поташъ. *Пензенская:* хлѣбъ, пухъ, гусиныя перья.

Торговля русскими произведеніями замѣтно усиливается; особенно хорошо идутъ фабричныя издѣлія и товары, изготовляемые для крестьянъ.

Окончимъ описаніе Нижняго общею его картиною во время ярмарки. Мостъ, соединяющій городъ съ ярмаркою, давно уже наведенъ и во всю длину его, на цѣлую версту, разставлены оренбургскіе казаки, обязанные крикомъ «Легче!» останавливать и ретивый бѣгъ пары лошадей проѣзжаго помѣщика и легонькую побѣжку съ перебоемъ лошаденки извощика нижегородскаго на пролеткѣ или на колибрѣ и заѣзжаго казанца на своей оригинальной долгушкѣ. Положимъ, что вы уже на срединѣ моста, поспѣшите обернутся назадъ и полюбоваться чуднымъ видомъ Нижняго-Новгорода, который уступитъ въ этомъ отношеніи только Костромѣ или Кіеву, но превосходитъ всѣ города Россіи. Городъ весь раскинулся на высокихъ горахъ. Далеко влѣво, за самую высокую гору цѣпляется зубчатая стѣна древняго кремля, помнящаго доблестный подвигъ Пожарскаго и Минина. Ближе къ ярмаркѣ широкой змѣей вьется длинный подъемъ въ городъ; еще правѣе прилѣпились къ горѣ старинныя церкви и зданія Крестовоздвиженскаго монастыря; нѣсколько выше прикрѣплены полуразрушенные деревянные домики бѣдныхъ обывателей, раздѣленные густою зеленью садовъ, которые далеко отошли отъ домовъ ихъ владѣльцевъ. Дальше и выше за горою весь Нижній съ своими оригинальными домами, стѣны которыхъ большею частью выкрашены красною подъ кирпичъ краскою; но самаго города уже не видать съ моста и

только часть его «*Нижній-базаръ*», имѣющій большое отношеніе къ ярмаркѣ, составляетъ красивую, сплошь каменную набережную Оки, надъ которою высится старинная церковь на каменной, довольно высокой насыпи. Обернитесь направо, и цѣлый сплошной рядъ мачтъ судовъ съ хлѣбомъ бросается вамъ въ глаза, мѣшая проникнуть дальше: кажется, всѣ суда Волги и Оки, всѣ эти расшивы, барки и т. п. собрались сюда, чтобы запрудить устье и всю Волгу направо и налѣво отъ города, и щегольнуть разнохарактерными, пестрыми флагами съ изображеніемъ цѣлыхъ картинъ въ родѣ похищенія Прозерпины, прогулки Нептуна съ огромною свитою нереидъ и тритоновъ, или ловли кита, бросающаго огромный столбъ воды въ лодку звѣропромышленниковъ. Тутъ васъ прежде всего поражаетъ пестрота, безвкусіе и безграмотность надписей именъ хозяевъ и названій судовъ, красующихся на кормѣ; самыя суда отъ верху донизу размалеваны всѣми цвѣтами радуги и, кажется, въ самой пестротѣ этой спорятъ другъ передъ другомъ. Оглянитесь налѣво: широкая, глубокая, черная бездна Оки потянулась вдаль въ своихъ крутыхъ берегахъ; кое-гдѣ мелькаютъ по ней лодки, перевозящія пѣшеходовъ и управляемыя русскими мужиками въ своихъ оригинальныхъ шляпахъ гречневикомъ. Между тѣмъ вы подвигаетесь дальше впередъ, ближе къ самой ярмаркѣ: мостъ какъ будто кончился, то есть вы не видите уже подъ нимъ черной Оки, которую смѣнили пески, разстилающіеся подъ вашими ногами, направо и налѣво застроенные амбарами для склада хлѣба и лѣсу, постоялыми дворами для извощиковъ или такъ называемымъ «*кругомъ*». Направо пестрѣютъ раскрашенные садки для рыбы. Толкотню на мосту встрѣчающихся экипажей смѣняетъ новая толкотня, не менѣе затрудняющая проходъ и проѣздъ. Толпятся огромныя кучи мужиковъ оборванныхъ, съ изнуренными, страшно загорѣлыми лицами. Здѣсь вы рѣшительно можете прислушаться ко всѣмъ нарѣчіямъ и встрѣтить ихъ представителя.

Нижегородская ярмарка въ полномъ разгарѣ: на двухъ башняхъ китайской архитектуры, обращенныхъ къ Окѣ, выкинуто

два флага; въ гостиномъ дворѣ нѣтъ ни одного номера пустаго. Всѣ они наполнились произведеніями всѣхъ возможныхъ русскихъ городовъ. За Окой, на огромной песчаной косѣ, обрамленной съ другой стороны желтыми водами Волги, выстроился новый городъ, рѣшительно не имѣющій нужды и ничего общаго съ тѣмъ, который чудною панорамою раскинулся на горахъ противоположнаго берега. Въ этомъ городѣ все свое, начиная отъ собора, армянской церкви и мечети до мѣстопребыванія военнаго губернатора и ярмарочной конторы и оканчивая возможными удобствами обыденной жизни. Самый Нижній на время переселился сюда, закрывъ свой гостиный дворъ, и ежедневно отправляя за Оку чуть-ли не половину своего населенія. Двигаясь по мосту изъ города къ ярмаркѣ, вы встрѣтите толпы людей съ загорѣлыми лицами, по видимому совершенно праздныхъ, — но на самомъ дѣлѣ только временно праздныхъ — бурлаки, пришедшіе наниматься въ нынѣшній годъ уже на вторую путину. Завтра же, можетъ быть, они, по зову урядчика, по найму судо-хозяевъ, которымъ всегда нуженъ и дорогъ работникъ, накинутъ на плечи лямку и тяжелымъ, порывистымъ шагомъ въ перевалку побредутъ по луговой сторонѣ матушки Волги, въ предшествіи вѣчнаго своего шишки, человѣка, болѣе другихъ изможденнаго, но болѣе другихъ знающаго мѣстность. Запоютъ они свои завѣтныя пѣсни, которыя такъ хороши на Волгѣ и такъ однообразны и небогаты содержаніемъ. Только бы съ ноги не сбиваться, да подхватывать въ разъ, — а за словомъ у нихъ не стоитъ дѣло. Тамъ придутъ они на завѣтный бугорокъ, гдѣ-нибудь на Телячьемъ броду, достанутъ изъ чередоваго мѣшечка горсточекъ пятокъ крупицы, да вольютъ въ котелокъ ведерко воды кормилицы Волги, и сытъ бурлакъ-трудовой человѣкъ, и опять онъ ломаетъ свою путину все дальше и дальше, все туже и туже.

Мостъ еще не кончился, но передъ вашими глазами начался уже рядъ лавокъ, въ которыхъ хотя и производится торговля, но мелочная; шапками, картузами, шляпами, сапогами и прочимъ добромъ, необходимомъ въ быту крестьянскомъ.

Между тѣмъ къ концу моста васъ окончательно начинаетъ поражать близость ярмарки; со всѣхъ сторонъ на встрѣчу тянутся длинные обозы, запирающіе проходъ дальше; толпа дѣлается гуще и разнообразнѣе, говоръ становится громче и сильнѣе и нѣсколько напоминаетъ базаръ въ какомъ-нибудь маленькомъ дальнемъ городкѣ или торговомъ селеніи; но еще нѣсколько десятковъ шаговъ — и вы уже на самой ярмаркѣ. Длинная, широкая улица потянулась съ моста, образуемая досчатыми балаганами, выстроенными наскоро, на живую нитку. Всѣ они выкрашены сѣренькой краской, какъ бы для того, чтобы скрыть ихъ вопіющій недостатокъ; но тутъ пока только старое платье, зазывныя приглашенія въ родѣ апраксинскихъ или гостинодворскихъ московскихъ, съ тѣми же неудачными приглашеніями купить то, что уже у васъ есть, и съ такою же настойчивостію. И здѣсь также готовы васъ ухватить за руки и силою втащить въ лавку, если дадите хоть малѣйшій поводъ къ этому. Мужиковъ и бабъ подгородныхъ торгаши просто таскаютъ за руки силой.

Вамъ двѣ дороги — одна налѣво, мимо грудъ дынь и арбузовъ къ центру ярмарки, двумъ завѣтнымъ флагамъ и такъ называемому главному дому, — другая прямо, къ театру. Выберите послѣднюю и будете имѣть удовольствіе видѣть Новинское или Исакіевскую площадь во время святой недѣли или масляницы. Цѣлая площадь обстроена балаганами съ заманчивыми картинами и вывѣсками. Тамъ намалевано цѣлое поле сраженія; здѣсь цѣлая пирамида людей, исковерканныхъ въ различныхъ фантастическихъ положеніяхъ. Изъ нѣкоторыхъ балагановъ раздаются выстрѣлы, — одинъ сильнѣе прочихъ. Проходившая толпа праздныхъ мужиковъ ухаетъ. Мужики переглянутся, улыбнутся, отпустятъ доморощенную остроту и пройдутъ дальше.

Между тѣмъ вы дѣлаете еще нѣсколько шаговъ впередъ и передъ вами большое сѣрое зданіе театра, все облепленное афишами, на которыхъ буквами въ вершокъ обозначены имена заѣзжихъ столичныхъ артистовъ. Тѣ же афиши пестрятъ всѣ

городскіе фонарные столбы сверху до низу; но публики привлекаютъ, противъ ожиданія, мало. Обогнувши театръ и повернувши немного налѣво, вы вскорѣ очутитесь въ самомъ центрѣ ярмарки, который можно считать у главнаго дома. Отъ него прямо потянулись ряды каменныхъ корпусовъ гостинаго двора, раздѣленныхъ между собою на двѣ половины узенькимъ бульваромъ. Бульваръ этотъ ведетъ до огромнаго ярмарочнаго собора съ одной стороны, а съ другой примыкаетъ къ главному корпусу, въ которомъ временно помѣщается ярмарочное управленіе. Здѣсь находятся магазины персидскихъ товаровъ, съ своими горбоносыми, смуглыми, краснощекими хозяевами въ пестрыхъ халатахъ, съ длинными, ни къ чему не нужными рукавами, и въ высокихъ мерлушечьихъ шапкахъ. Тутъ же, въ одномъ углу, пріютились издѣлія Екатеринбурга: всѣ эти топазовыя, аметистовыя, сердоликовыя печатки, перстни, вазы, тарелки, чашечки и проч. Попадаются на глаза и небольшіе шкапчики, въ которыхъ пріѣзжій оптикъ разложилъ свои инструменты и токарь — свои бездѣлушки. По вечерамъ здѣсь играетъ музыка и бродятъ толпы городскихъ фатовъ и иногородныхъ заѣзжихъ гостей, между кучами сундуковъ, ящиковъ, на которыхъ чинно-важно сидятъ уставшіе.

Одинъ выходъ изъ главнаго дома ведетъ васъ къ Окѣ. Онъ съ двухъ сторонъ окруженъ цѣлымъ рядомъ извощиковъ, потому что это главный подъѣздъ изъ города, — а другой выходитъ на бульваръ. Отъ послѣдняго главный домъ отдѣленъ небольшой площадкой. Это мѣсто сходки для мелочныхъ торгашей: тутъ и мальчишка лакей, стащившій у барина нѣсколько томовъ журналовъ старыхъ годовъ, и человѣкъ, приплевшійся изъ Москвы продавать свою ваксу, которая способна сдѣлать сапоги ваши на цѣлую недѣлю чище зеркала и которая не боится ни дождя, ни грязи, ни пыли, а въ сущности дрянь, какую только себѣ представить можно; тутъ же протискается впередъ и казанскій татаринъ съ коробкой мыла. Всѣ эти люди съ утра, вытащившись изъ своихъ конуръ, гдѣ-нибудь въ подвалѣ Кунавина, начинаютъ обыкновенно свое путешествіе по

трактирамъ; мимоходомъ только останавливаются они у главнаго дома и Богъ вѣсть, въ какихъ занятіяхъ проводятъ вечеръ.

Всюду вы видите это кропотливое желаніе продать, навязать вамъ товаръ, какъ это встрѣчается на любой толкучкѣ въ столицахъ; но этого торговаго движенія цѣлой Россіи, движенія нѣсколькихъ милліоновъ рублей, собственно предполагаемой вами ярмарки, въ томъ значеніи, какъ вы привыкли понимать это относительно другихъ губернскихъ городовъ нашихъ, вы, рѣшительно, противъ ожиданія, не видите, не замѣчаете. Все это сосредоточено въ трактирахъ, такъ какъ тамъ рѣшаются важнѣйшія торговыя дѣла. Нерѣдко, впрочемъ, увидите вы передъ рядами, въ которыхъ производится оптовая продажа, десятокъ возовъ, которые нагружаются шерстью, цыбиками чаю, бочками сахару, винъ и пряностей. Возы эти, нагружаемые татариномъ, даютъ вамъ еще нѣкоторое право заключить о близости коммерческихъ сдѣлокъ; но посмотрите въ тоже время на дороги, ведущія отъ Нижняго на Вятку, Кострому, Казань и Москву и тогда уже вамъ дѣлается несомнѣннымъ полный разгаръ ярмарки. Нѣтъ, кажется, никакой возможности пробраться вашему экипажу между безконечными вереницами возовъ, уставившихъ въ своемъ медленномъ движеніи всю дорогу, съ своими неизмѣнными мужиками по сторонамъ. Молча плетутся они, страдая отъ всѣхъ перемѣнъ прихотливой погоды и только по привычкѣ перенося скуку однообразнаго пути, на который обрекли они себя по нуждѣ и по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Три-четыре раза успѣваютъ они отправить довѣренный имъ товаръ на своемъ страхѣ и полной отвѣтственности за его цѣлость. Хозяева отправляютъ съ ними только одного прикащика, а сами ѣдутъ уже въ концѣ ярмарки, на тройкѣ, въ тарантасѣ.

Но вернемся на ярмарку: мимо мечети и рядовъ, наполненныхъ цѣлыми кучами невыдѣланныхъ кожъ, гдѣ хозяевами сидятъ исключительно одни татары, вы можете пройдти на сибирскую пристань. Но здѣсь, кромѣ огромныхъ грудъ всякаго товару, безчисленнаго множества возовъ, то и дѣло прибывающихъ и отъѣзжающихъ, вы ничего не встрѣтите, но за то ясно

видите результатъ ярмарки. Это, кажется, единственное мѣсто, гдѣ она принимаетъ свой настоящій видъ; тутъ уже не видно прогуливающихся, какъ въ гостиномъ дворѣ, но все это трудъ; здѣсь суетливость не безполезна, но направлена къ извѣстной, прямо положеной цѣли. Если утомителенъ для васъ этотъ однообразный видъ ломовой работы, видъ рогожъ, веревокъ, крючьевъ, — поспѣшите на ярмарку, — тамъ, вѣроятно, уже играетъ по рядамъ музыка, направляющаяся къ главной цѣли своей, (на цѣлый вечеръ) подъ арки главнаго дома. Но пройдите всѣ ряды, два, три, нѣсколько разъ взадъ и впередъ и здѣсь вы не найдете ничего оригинальнаго. Здѣсь тѣже наряды и тоже гулянье, тѣже перерыванья въ лавкахъ, однимъ словомъ, все тоже, что и вездѣ, и Нижній въ этомъ случаѣ не представляетъ ничего самобытнаго.

Между тѣмъ незамѣтно настаетъ вечеръ: густой мракъ опустился на всю ярмарку и ея окрестности; ярче другихъ мѣстъ освѣщены площадки передъ главнымъ домомъ, гдѣ толпятся неопредѣленныя тѣни, съ одной стороны для найма изизвощиковъ въ городъ, — съ другой съ неопредѣленною цѣлью. По бульвару шмыгаютъ взадъ и впередъ другія тѣни; нѣкоторыя сидятъ на скамейкахъ, — сколько позволяетъ различить это тусклый свѣтъ фонарей, слабо мерцающихъ у гостинаго двора, который весь уже запертъ, кромѣ пяти-шести чередовыхъ магазиновъ. Хозяева ихъ забрались наверхъ своихъ номеровъ, гдѣ въ маленькихъ комнатахъ пьютъ въ десятый разъ чай и ужинаютъ, вмѣстѣ съ главными прикащиками. Вотъ уже въ рѣдкихъ окнахъ надъ лавками мерцаютъ огоньки, бросающіе свой слабый свѣтъ на бульваръ и мостовыя; подъ арками главнаго дома еще гремитъ нѣкоторое время музыка и толкается огромная масса гуляющихъ. Музыка къ десяти часамъ кончится; персіяне и армяне къ одиннацати спѣшатъ напиться чаю и, закусивъ въ сухомятку, запереть свои магазины, чтобъ тутъ же улечься спать до другаго утра. Толпы гуляющихъ, послѣ ухода музыкантовъ, дѣлаются все рѣже и рѣже; подъ арками становится тише, огонь гаснетъ. Сквозь отворенную

дверь къ Окѣ несется прохлада, слышенъ стукъ сторожей въ доски, дальній лай собакъ изъ города, и послѣдній звукъ рожка отъѣзжающаго омнибуса.

35. С.-Петербургъ.

Въ первыхъ годахъ прошедшаго столѣтія Петербурга еще не существовало. Мѣсто, занимаемое имъ, было совершенно пусто и безлюдно: разбросанные острова, поросшіе мохомъ, кустарникомъ и хвойнымъ лѣсомъ, представляли большею частью непроходимыя болота и чащи, гдѣ водились дикіе звѣри, что доказываютъ самыя названія этихъ острововъ, каковы: Березовый (петербургскій), Заячій (гдѣ теперь крѣпость), Лосій (Васильевскій), Дикій или Еленевый (Аптекарскій), и такъ далѣе; и только по правому берегу Малой Невки, гдѣ нынѣ Выборгская сторона, да по берегамъ Охты и Большой Невы виднѣлись кое-гдѣ разбросанныя финскія селенія, жители которыхъ занимались рыболовствомъ. Къ нимъ-то обращались обыкновенно за лоцманами, хорошо изучившими фарватеръ Невы, суда, шедшія къ Ніеншанцу, шведской крѣпости, расположенной подлѣ небольшаго, нѣкогда торговаго городка, на берегу Неву при впаденіи въ нее Охты, немного ниже теперешней корабельной верфи, а въ 1701 походившаго на селеніе.

Стоило ли, кажется, вести такую упорную войну изъ-за этихъ болотистыхъ мѣстъ? Стоило ли, въ особенности, возобновлять ее Петру, хорошо понимавшему всю трудность борьбы нашей съ такимъ сильнымъ и хорошо дисциплинированнымъ и прекрасно вооруженнымъ войскомъ, каково было войско Карла XII. «Зѣло чудесно,» писалъ Петръ къ Апраксину въ іюнѣ 1701 года, «что отразили злобнѣйшихъ Шведовъ.... Поздравляю съ нечаяннымъ счастіемъ!»

Послѣ побѣды Шереметева при Эрестфорѣ, онъ писалъ: «слава Богу! мы дошли до того, что можемъ побѣждать Шве-

довъ, — сражаясь двое противъ одного, но скоро станемъ побѣждать ихъ и съ равными силами.»

Важна должна была быть причина, побуждавшая Петра Великаго продолжать эту трудную войну и вести наступательныя движенія. Цѣль эта была: во что бы то ни стало,—утвердиться на Балтійскомъ морѣ, и тѣмъ сблизить Россію съ западной Европой. И, вотъ, отнявъ у Шведовъ Нотебургъ, прежній новгородскій Орѣшекъ, переименованный потомъ Петромъ въ Шлюссельбургъ (ключъ къ морю), войска русскія двинулись въ апрѣлѣ 1703 года внизъ, по правому берегу Невы. Шли они лѣсами большими и малыми и завидѣли наконецъ шведскій городокъ, занимавшій на болѣе десятины земли: то были Канцы или Ніеншанцъ, сторожившій устье Невы. Противъ городка, за Охтою, тянулся посадъ, состоящій изъ четырехъ сотъ домиковъ, госпиталя и двухъ церквей: нѣмецкой и шведской. Осмотрѣвъ невское устье, приступили 30 апрѣля вечеромъ къ бомбардированію крѣпости, и 1 мая Канцы сдались. Преображенскій полкъ, въ рядахъ котораго находился царевичъ Алексѣй, занялъ крѣпость, которую вскорѣ Петръ переименовалъ въ Шлотбургъ. Петръ Великій лично принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ самъ командовалъ лодками, когда тѣ спускались внизъ по Невѣ, для рекогносцировки шведскаго флота, стоявшаго близъ устьевъ рѣки.

Поздравляя Петра со взятіемъ Шлотбурга, Виніусъ писалъ: «этимъ отверзошася пространная порта, безчисленныхъ вамъ прибытковъ.»

Разрушивъ до основанія шведскую крѣпость, Петръ, вскорѣ послѣ побѣды, осматривалъ пріобрѣтенную имъ мѣстность и выбиралъ удобное мѣсто, для заложенія новой крѣпости, которая бы охраняла устья Невы.

На берегу пустынныхъ волнъ,
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ... Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; — бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ

Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ...
И думалъ онъ:
«Отсель, грозить мы будемъ Шведу
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду; —
Природой здѣсь намъ суждено,
Въ Европу прорубить окно, —
Ногою твердой стать на морѣ.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ
И запируемъ на просторѣ!»

И вотъ, 16 мая, на безлюдномъ Лосьемъ острову, застучалъ топоръ и началась строиться батарея, для охраненія петербургской крѣпости, заложенной на Заячьемъ островѣ, переименованномъ Петромъ въ Лустъ-Эйландъ (веселый островъ). Въ этомъ же году, для преграждепія непріятелю входа въ Неву, заложена у Финскаго залива, на островѣ Котлинѣ, крѣпость и названа Кроншлотомъ (Кронштадтъ). Проэктъ укрѣпленія былъ составленъ самимъ Петромъ, а исполнителемъ его былъ Менщиковъ.

Обезпечивъ Петербургъ отъ внезапнаго нападенія съ моря, Петръ занялся устройствомъ такъ давно желаемаго имъ флота на Балтійскомъ морѣ и повелъ дѣло такъ быстро, что при осадѣ Выборга (въ маѣ 1710 года), посланная имъ въ подкрѣпленіе Апраксину флотилія, пробравшаяся съ изумительною рѣшимостью сквозь льдины, покрывавшія еще Финскій заливъ, — состояла уже изъ двухъ сотъ двадцати шести судовъ. Устройство флота не мѣшало Петру принимать личное участіе въ постройкѣ петербургской крѣпости, бастіоны которой строились подъ надзоромъ самого государя и его приближенныхъ; вслѣдствіе чего каждый бастіонъ, сохранилъ названіе своего распорядителя: Государевъ, Нарышкинъ, Трубецкой, Зотовъ, Головкинъ и Меньшиковъ.

Въ этой деревянной крѣпости съ шестью бастіонами въ 1705 году находились: деревянная церковь Петра и Павла, выстроенная на берегу канала, вырытаго вдоль всего острова, для снабженія водою гарнизона въ случаѣ осады. Церковь эта была выкрашена снаружи подъ желтый мраморъ и оканчивалась тремя шпицами, на которыхъ по праздничнымъ днямъ развивались флаги. Подъ однимъ изъ остроконечныхъ шпицовъ помѣщалось нѣсколько колоколовъ, на которыхъ, за неимѣніемъ часовъ, нарочно приставленный Петромъ, мастеръ вызванивалъ музыкальную піесу и потомъ ударами повѣщалъ жителей о времени дня. Подлѣ Петропавловскаго собора, на каналѣ же, стояла лютеранская церковь святой Анны, а противъ собора находился арсеналъ или цехаузъ, небольшое деревянное строеніе, выкрашенное такъ же, какъ и церковь.

На Петербургскомъ острову, соединенномъ съ крѣпостью деревяннымъ подъемнымъ мостомъ, построенъ былъ еще въ 1703 году деревянный дворецъ или домикъ Петра Великаго, до сихъ поръ сохранившійся, благодаря каменному зданію, построенному Екатериной II и покрывающему его въ видѣ футляра. Дворецъ этотъ состоитъ изъ небольшихъ сѣней съ двумя свѣтелками по сторонамъ, стѣны которыхъ обиты холстомъ. Одна изъ нихъ обращена теперь въ часовню, въ которой постоянно толпятся и богатые, и бѣдные, и взрослые, и малые. Снаружи, домъ выкрашенъ подъ кирпичъ въ голландскомъ вкусѣ, и крыша его украшена по серединѣ мортирой, а по бокамъ зажженными бомбами. Не далеко отъ дворца помѣщались деревянныя палаты князя Меньшикова, деревянный дворецъ вдовствовавшей супруги царя Іоанна, нѣсколько домовъ и хоромъ, въ которыхъ жили знатнѣйшія лица. Тутъ же были построены торговые ряды, состоявшіе изъ бревенчатыхъ лавокъ, грубо обтесанныхъ на манеръ избъ. Далѣе находилась первоначальная биржа. Наискось отъ дворца недалеко отъ берега Невы, стояла знаменитая Австерія фрегатовъ, въ которой часто пировалъ Петръ Великій, потѣшая своихъ гостей фейерверками. Сюда же заѣзжалъ онъ,

послѣ обѣдни съ своими приближенными, выпить чарку водки передъ обѣдомъ.

Адмиралтейская часть, застроенная теперь лучшими зданіями Петербурга, была въ то время почти совсѣмъ пуста. Въ ней находилось адмиралтейство, на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь; но тогда оно состояло изъ деревянныхъ магазиновъ, окружавшихъ съ трехъ сторонъ квадратную площадь, открытую на Неву. На этой площади строились корабли и спускались на воду. Противъ открытой на Неву стороны, надъ главными воротами, находились комнаты, для засѣданія адмиралтействъ-коллегіи, крыша которыхъ оканчивалась довольно высокимъ шпицомъ. Адмиралтейство было огорожено землянымъ валомъ и пали́садомъ, за которыми шли дома или скорѣе избы для работающихъ на верфи.

На Царицыномъ лугу стояло лагеремъ войско. На островахъ: Аптекарскомъ, Васильевскомъ, Каменномъ виднѣлись разныя батареи, а по берегу Фонтанки тянулись деревни, батареи, построенныя русскими, и развалины древнихъ шведскихъ укрѣпленій. Вообще весь городъ въ 1705 году походилъ на обширную деревню, постройки которой то жались другъ подлѣ друга, то были разбросаны среди лѣсовъ и болотъ. Низкій деревянный домикъ въ два-три окна, съ острою крышей, крытою дранью, берестой или просто соломой, съ наружнымъ крыльцомъ, тѣсными сѣнями и съ двумя, рѣдко съ тремя комнатами, считался приличнымъ жилищемъ для важнѣйшаго лица. Таковъ былъ парадизъ, въ которомъ отдыхалъ душею Петръ Великій, утомленный тяжелой борьбой съ врагами внутренними и внѣшними.

Но «Петербургъ строился экспромтомъ,» говоритъ Бѣлинскій, — «въ мѣсяцъ дѣлалось то, чего бы стало на цѣлый годъ. Казалось, сама судьба хотѣла забросить столицу Россіи въ этотъ непріязненный и враждебный человѣку край, гдѣ небо блѣдно-зелено, тощая травка мѣшается съ ползучимъ верескомъ, сухимъ мохомъ, болотными порослями и сѣрыми кочками; — гдѣ царствуетъ колючая сосна и печальная ель, и не всегда нарушаетъ ихъ однообразіе чахлая береза; гдѣ болотистыя испа-

ренія разливаютъ въ воздухѣ сырость и проникаютъ въ каменные дома и кости человѣка; гдѣ нѣтъ ни весны, ни лѣта, ни зимы, но круглый годъ свирѣпствуетъ гнилая и мокрая осень, которая пародируетъ то весну, то лѣто, то зиму... Казалось, судьба хотѣла, чтобы, спавшій дотолѣ непробуднымъ сномъ, русскій человѣкъ, кровавымъ потомъ и отчаянною борьбою — выработалъ свое будущее. Можетъ быть, въ болѣе благопріятномъ климатѣ, среди менѣе враждебной природы, при отсутствіи неодолимыхъ препятствій, русскій человѣкъ скоро возгордился бы своими легкими успѣхами и его энергія снова уснула бы, не успѣвъ даже проснуться вполнѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, въ 1703 году, въ Петербургѣ работало уже около двадцати тысячъ человѣкъ, преимущественно плѣнныхъ шведовъ и финновъ; впослѣдствіи, по указу Петра, собирались сюда работники со всѣхъ концовъ Россіи: русскіе, татары, калмыки, козаки, финны и т. д. Какъ не охотно шли они на работы, видно даже изъ народныхъ пѣсенъ того времени. И какъ было охотно идти имъ, когда ихъ ждала неблагодарная, болотистая почва, гдѣ съ трудомъ находили сносную землю и за нѣсколько верстъ таскали ее въ старыхъ мѣшкахъ, рогожахъ и просто въ полахъ своего платья. Вдали отъ родныхъ и семьи, работающимъ приходилось терпѣть страшный недостатокъ во всемъ, не смотря на раздаваемое имъ жалованье. Народу собиралось столько, что не доставало помѣщенія и часто даже необходимой пищи. Укрывались въ шалашахъ, посреди болотъ и питались часто одними тощими овощами и тухлой рыбой,— вслѣдствіе чего гибли тысячами. По примѣрнымъ вычисленіямъ современниковъ, сооруженіе петербургской крѣпости стоило жизни ста тысячамъ переселенцевъ. Работники такъ привыкли видѣть умирающихъ и мертвыхъ, что относились къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ: вынесутъ мертвеца на видное мѣсто, зажгутъ передъ нимъ восковую свѣчу и ждутъ подаянія на похороны, состоявшія въ томъ, что мертвеца обвертывали въ рогожу, обвязывали веревкой и опускали въ могилу. Самыя работы были страшно изнурительны по недостатку рабочихъ инструмен-

товъ, и разумѣется, каждый старался отдѣлаться отъ этихъ работъ. Кто былъ побогаче, тотъ откупался, и изъ этихъ-то суммъ шло работникамъ жалованье по шести рублей на шесть мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ они обязаны были постоянно работать.

Въ первыя десять лѣтъ существованія Петербурга невозможно было ничего достать въ окрестностяхъ его, кромѣ дичи, рыбы и нѣсколькихъ тощихъ овощей; въ хлѣбѣ и другихъ необходимыхъ припасахъ чувствовался сильный недостатокъ, потому что вслѣдствіе перемѣщенія въ него множества рабочихъ, истощался весь небольшой запасъ страны и при малѣйшемъ замедленіи подвоза съѣстныхъ припасовъ изъ Москвы, Ладоги, Новгорода и Пскова, цѣны на нихъ страшно возвышались и рабочимъ приходилось голодать. Не только мѣстность самаго города, но и окрестности его были низки и болотисты, покрыты густымъ лѣсомъ, безъ дорогъ и тропинокъ, такъ что, покинувъ большую дорогу, путешественникъ рисковалъ попасть въ болото. На всю страну было два торныхъ пути, до того плохо устроенныхъ, что весною и осенью встрѣчались десятками лошади, издохнувшія въ упряжи между трясинами. Всюду виднѣлись только кустарникъ да тундра, почти не встрѣчалось воздѣланныхъ полей; деревни, мызы и селенія попадались только на значительномъ другъ отъ друга разстояніи; къ нимъ не было проложено дорогъ, и крестьянинъ пробирался по навыку и снаровкѣ. Волковъ было такъ много, что они даже въ городѣ нападали на людей и запряженныхъ лошадей. Въ 1714 году волки напали въ Петербургѣ на часоваго у литейнаго двора, свалили его съ ногъ и такъ поранили, что онъ умеръ отъ ранъ, а товарищъ его, прибѣжавшій на помощь, былъ разорванъ и съѣденъ волками. Въ самомъ центрѣ города, не далеко отъ дома Меньшикова, одна женщина была съѣдена голодными волками. Подобные случаи были тутъ не рѣдкость.

Въ первыя двадцать лѣтъ существованія Петербурга, въ садахъ его, голландцы и нѣмцы не могли развести ни плодовъ, ни ягодъ, не смотря на всѣ свои старанія и, только на Ва-

сильевскомъ островѣ, въ садахъ Менщикова дождались наконецъ ягодъ.

Какъ Москва страдала отъ пожаровъ, такъ Петербургъ бѣдствовалъ отъ наводненій. Еще до основанія Петербурга, прибрежные жители вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ разливовъ Невы не строили себѣ прочныхъ жилищъ, а жили въ небольшихъ рыбачьихъ хижинахъ, и лишь только, по ихъ примѣтамъ, можно было ждать сильной бури съ моря, они разбирали свои жилища, складывали ихъ въ плоты и, привязавъ къ деревьямъ, спасались сами на Дудерову гору. До 1725 года было въ Петербургѣ шесть наводненій; при одномъ изъ нихъ 5 ноября 1721 г., Нева произвела страшное опустошеніе въ Петербургѣ. Юго-западный вѣтеръ, дувшій въ продолженіи девяти дней, поднялъ воду болѣе чѣмъ на 1 сажень выше обыкновеннаго уровня, и она произвела убытку на семь милліоновъ рублей:—многіе дома были разрушены до основанія; подвалы съ товарами наполнились водою; всѣ сады были затоплены и перепорчены. Крѣпостныя работы тоже много пострадали. Началось это наводненіе въ 11 часовъ утра. Вода проникала въ улицы и дома съ необыкновенною силою. Рѣка представляла страшное зрѣлище; множество оторванныхъ судовъ пустыхъ и съ людьми неслись по водѣ; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ черепицы съ крышъ, и только около половины втораго часа вода стала убывать.—Не смотря на всѣ эти бѣдствія, Петербургъ росъ и украшался и вскорѣ, изъ небольшой крѣпостцы, окруженной плохими деревянными домами и узкими, неправильными улицами, онъ сталъ главнымъ городомъ Ингерманландской губерніи. Самая заселенная часть его была въ то время Петербургская сторона: тутъ мы видимъ въ 1715 году набережную, убитую крѣпкими деревянными сваями, и нѣкоторыя улицы уже мощеными. По правую сторону крѣпостнаго кронверка селились преимущественно важныя государственныя лица и приближенные Петра, такъ что на набережной среди мазанковыхъ домовъ красовались каменныя палаты Головкина и Шафирова. (Въ залѣ послѣдняго, славившейся своею обширностью, проис-

ходило въ 1726 года первое засѣданіе акедеміи наукъ). На довольно обширной площади стоялъ деревянный Троицкій соборъ, сохранившійся до нашихъ временъ, благодаря Елисаветѣ Петровнѣ, обновившей его въ первоначальномъ его видѣ. Площадь, окружающая соборъ, была свидѣтельницей самыхъ разнообразныхъ зрѣлищъ: тутъ Петръ дѣлалъ парадные разводы, тутъ праздновалась Полтавская годовщина, при чемъ служили благодарственный молебенъ въ шатрѣ. По этой же площади двигались, выдѣлывая разные фарсы, пестрыя толпы разнообразныхъ масокъ во время маскарадовъ, длившихся по цѣлымъ недѣлямъ; тутъ же наказывали и казнили преступниковъ. Окружающая соборъ мѣстность была самое бойкое и торговое мѣсто Петербурга.

На Большой Невкѣ противъ Выборгской стороны стояли сотнями струга, на корыхъ привозили изъ Ладоги, Новгорода и другихъ мѣстъ разные товары и съѣстные припасы. За Кронверкомъ на Сытной площади, загроможденной лавчонками и лотками, бывала такая толкотня, что покупавшіе рисковали потерять вмѣстѣ съ шляпами и свои напудренные парики. Это былъ первый толкучій рынокъ Петербурга.

Въ крѣпости былъ уже оконченъ каменный Петропавловскій соборъ, а земляной валъ крѣпости и такіе же бастіоны замѣнены массивными каменными зданіями съ казематами. По лѣвую сторону крѣпости, на самомъ берегу Невы, стоялъ деревянный Мытный дворъ, крытый лубками. Тутъ складывались: мука, горохъ, сало и прочіе необходимые продукты. По берегу Малой Невы тянулась русская слобода, гдѣ жили самые небогатые люди.

Такова была въ 1714 году Петербургская сторона, самая аристократическая и промышленная часть города. Черезъ Большую Невку отъ нея, на Выборгской сторонѣ, стояли каменные госпитали и заводы, а противъ Карповки находилась церковь св. Самсонія Страннопріимца, построенная въ память побѣды подъ Полтавою. На кладбищѣ этой церкви, находившейся

уже внѣ городскихъ строеній, велѣно было хоронить всѣхъ, не разбирая вѣроисповѣданій.

Адмиралтейская часть тоже сильно измѣнилась. Отъ адмиралтейства къ Александро-Невскому монастырю, основанному въ 1710 году, Петръ велѣлъ прорубить въ 1713 году прямую дорогу въ лѣсу, получившую названіе большой перспективы или Невскаго проспекта. Подлѣ Адмиралтейства, на берегу Невы поставлена была деревянная церковъ Исаакія Далматскаго,— первообразъ нынѣшняго Исаакіевскаго собора, построенная изъ разобраннаго чертежнаго амбара, принадлежавшаго адмиралтейству; недалеко отъ нея помѣщался Большой канатный дворъ, на которомъ приготовлялись канаты и другія корабельныя оснастки;—далѣе шли дома корабельныхъ и шлюпочныхъ мастеровъ.

На берегу Невы близъ устья Фонтанки, гдѣ теперь Лѣтній садъ, стоялъ уже каменный двухъ-этажный лѣтній дворецъ Петра. Выстроенъ онъ въ голландскомъ вкусѣ съ позолоченными рамами и расписанными внутри стѣнами. Сохранившіяся въ первобытномъ своемъ видѣ комнатныя украшенія, рѣзьба изъ дерева, часть мебели и наконецъ огромныя изразцовыя печи кухни, изъ которой кушанья подавались прямо въ столовую, чрезъ нарочно для этого устроенное отверзтіе, наглядно знакомятъ насъ съ тогдашними потребностями общества и домашнею жизнію Петра Великаго. Садъ, окружающій дворецъ, былъ уже тогда обширенъ и красивъ: длинныя аллеи его, усаженныя липами, дубами и даже плодовыми деревьями, привлекали и тогда, какъ и теперь, толпы гуляющихъ. На сѣверной сторонѣ сада находились три длинныя, открытыя галлереи, въ которыхъ танцовали и закусывали на ассамблеяхъ. Въ саду были фонтаны и помѣщался звѣринецъ и оранжереи.

На мѣсто новаго эрмитажа стоялъ каменный зимній дворецъ Петра. Далѣе по Невѣ шли дворцы разныхъ лицъ царской фамиліи и при одномъ изъ нихъ была устроена, любимой сестрой царя Наталіей Алексѣевной, богадѣльня для старухъ и больныхъ женщинъ; это было первое подобнаго рода учрежденіе въ Петербургѣ.

Дворцы эти были меньше и бѣднѣе домовъ, красующихся нынче на Дворцовой набережной; они были выведены въ одинъ этажъ съ тяжелыми и неуклюжими каменными мезонинами.

На мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца, стоялъ большой мазанковый почтовой дворъ. Въ немъ останавливались пріѣзжіе. Это была казенная гостинница, въ которой Государь давалъ часто ассамблеи или другое знатное увеселеніе; въ этихъ случаяхъ, разумѣется, всѣмъ пріѣзжимъ приходилось перебираться отсюда. Нынѣшняя литейная часть, носившая въ то время названіе Московской стороны, была застроена только по берегу Невы, и кончалась большимъ дворомъ, въ которомъ помѣщалась смола для судовъ, и гдѣ теперь институтъ для дѣвицъ (Смольный монастырь), получившій отъ него свое названіе. Затѣмъ пространство между Фонтанкою, Мойкою и Невскимъ Проспектомъ оставалось почти не застроеннымъ до 1725 года и гдѣ теперь находятся наилучшія улицы Петербурга: Караванная, Итальянская, Малая Садовая и Михайловская, тамъ росли еще густые лѣса.

Петръ, нетерпѣливо желавшій украсить свой парадизъ, запретилъ «подъ опасеніемъ лишенія всего имѣнія и ссылки, производить каменныя строенія гдѣ-либо въ Россіи, кромѣ Петербурга» а такъ какъ въ послѣднемъ очень трудно было доставать камень, то всѣ суда, приходившія съ Ладожскаго озера, и всѣ подводы, доставлявшія въ Петербургъ какой-нибудь матеріалъ или товаръ, обязаны были привозить по нѣскольку камней, цифра и вѣсъ которыхъ съ точностію были опредѣлены, и сдавать ихъ оберъ-коммиссару, завѣдывавшему постройками въ Петербургѣ.—Кромѣ того, Петръ велѣлъ переселиться въ Петербургъ тремъ-стамъ пятидесяти богатымъ дворянскимъ семействамъ, богатымъ купцамъ и зажиточнымъ мастеровымъ и строить въ немъ себѣ дома въ отведенныхъ для этого мѣстахъ по утвержденному Государемъ плану. Городскіе дома предписано было строить мазанковые, на каменныхъ фундаментахъ съ черепичными или дерновыми крышами, а кто не былъ въ состояніи вывести вдругъ каменный фундаментъ, тому дозволялось ставить

домъ на столбахъ, а потомъ подводить подъ него фундаментъ. За несоблюденіе этихъ постановленій, провинившіеся «наказывались съ жестокостью, — яко явные преступники». Освобождались отъ насильственнаго переселенія только русскіе, бывшіе за границей или посылавшіе туда своихъ дѣтей.

Понятно, какъ неохотно бояре оставляли свои полуазіатскіе московскіе дома, для Петербурга,—«обильнаго,—по словамъ ихъ,—только слезами, да болотами!» Когда царь уѣзжалъ изъ Москвы въ Петербургъ, то надобно было прибѣгать къ военной силѣ, чтобы принудить знатныхъ и придворныхъ выѣхать изъ Москвы въ новую столицу.

Петръ Великій не только заботился о самомъ городѣ Петербургѣ, но и объ окрестностяхъ его, и въ 1714 году существовали уже многіе загородные дворцы и между прочимъ Екатеринггофскій, построенный въ память побѣды, одержанной тутъ надъ шведами въ 1703 году, вслѣдствіе чего устроено гулянье каждое 1 мая. Обычай этотъ сохраняется и до сихъ поръ. Деревянный дворецъ этотъ, подаренный Петромъ Екатеринѣ, сохранился почти въ томъ же видѣ до сихъ поръ.

Съ 1718 года началъ застраиваться Васильевскій островъ. Петръ, замѣтивъ неудобства низменной Петербургской стороны, рѣшилъ: оставить тутъ только плохенькіе домики мастеровыхъ, а всѣ хорошія зданія перенесть на Васильевскій островъ, такъ что къ концу царствованія Петра на островѣ ужъ находились: Государствъ-Коллегія, въ двѣнадцати отдѣльныхъ корпусахъ, гдѣ теперь помѣщается университетъ, Академія Наукъ, таможня, переведенная съ Троицкой площади, удивлявшая современниковъ своими золотыми и серебряными обоями, и гостиный дворъ.

Меньшиковъ и тутъ явился однимъ изъ первыхъ исполнителей желаній государя, построивъ подлѣ Коллегіи огромный трехъ-этажный, каменный домъ, крытый желѣзными листами краснаго цвѣта, фронтонъ и украшенный шестью большими статуями; по боковымъ выступамъ находились балконы съ огромными княжескими коронами, комнаты были со сводами и

отличались своей роскошной меблировкой и разными драгоцѣнными украшеніями. Домъ этотъ превосходилъ обширностію и изяществомъ всѣ тогдашніе дворцы, такъ что иностранные принцы и посланники дивились его громадности и великолѣпію; въ обширной его залѣ, находившейся въ среднемъ этажѣ, происходили обыкновенно всѣ торжественныя собранія, пиры и свадьбы знатныхъ лицъ. Домъ этотъ существуетъ и теперь; въ немъ помѣщается Первое Павловское военное училище. Отъ этого дома шелъ громадный садъ, доходившій до Малой Невы. Въ немъ помѣщались разныя строенія, принадлежавшія тоже князю,—какъ напр. деревянный посольскій домъ, каменная церковь съ куполами, обитыми жестью, и съ курантами на башнѣ, домъ его дворецкаго Соловьева, считавшійся однимъ изъ лучшихъ домовъ тогдашняго времени, оранжереи, скотный дворъ и даже мельницы. Садъ украшенъ былъ цвѣтниками, фонтаномъ и обведенъ затѣйливой рѣшеткой. Отъ этого сада шла аллея ко взморью, поперекъ всего Васильевскаго острова (нынѣшній Большой проспектъ), — и оканчивалась башней, служившей маякомъ. Съ этой башни видны были всѣ окрестности. Отсюда начиналась галерная гавань, заселенная морскими нижними чинами. За Галерной гаванью шла французская слобода, въ которой жили мастеровые и ремесленники.

Итакъ самая видная часть Васильевскаго острова была занята строеніями, принадлежавшими князю Меньшикову, что объясняетъ намъ, почему весь островъ назывался одно время Меньшиковымъ. Его же имя носилъ и рынокъ, находившійся на мѣстѣ нынѣшней Румянцовской площади; этотъ рынокъ былъ перенесенъ потомъ къ церкви св. Андрея Первозваннаго, отъ которой получилъ свое теперешнее названіе. — Далѣе на островѣ, по берегу Невы къ взморью, находились подворья: Новгородскаго епископа Θеофана Прокоповича, Рязанскаго Стефана Яворскаго, Троицко-Сергіевскаго монастыря, Рязанское и Казанское. Остальныя части острова были всѣ покрыты еще лѣсомъ, — который дозволялось безпрепятственно рубить, еще при Петрѣ II.

Устраивая любимую столицу, Петръ не терялъ изъ виду ея назначенія и старался поставить ее во главѣ заграничной торговли съ Западомъ, подобно тому, какъ Москва стояла во главѣ нашей внутренной и восточной торговли. Въ этомъ случаѣ, какъ и вездѣ, онъ дѣйствуетъ круто, и идетъ прямо къ цѣли: въ 1713 году издаетъ указъ везти весною главные отпускные товары—пеньку и юфть не въ Архангельскъ, а въ Петербургъ; а остальные товары доставлять туда же, изъ всѣхъ близкихъ къ новому порту мѣстъ. А чтобы дать возможность доставлять товары къ новому порту и изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, Петръ въ 1719 г. кладетъ начало къ осуществленію своей давнишней мысли, соединить Неву съ Волгою, велитъ рыть каналъ Ладожскій, для предохраненія судовъ отъ бурнаго озера, и дозволяетъ вырыть частному лицу Вышневолоцкій каналъ.

Эти каналы открыли удобный водяной путь къ С.-Петербургу, обезпечили дальнѣйшіе успѣхи его торговли и сдѣлали его центромъ торговли съ Западомъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, когда отмѣнена была стѣснительная мѣра противъ архангельской торговли, среднее число кораблей, приходившихъ къ этому городу, доходило до сорока, — тогда какъ въ Петербургъ приходило ихъ до 330.

Водяныя системы Тихвинская и Маріинская, сдѣлавъ сообщеніе еще удобнѣе, сблизили Петербургъ съ отдаленнѣйшими городами Россіи, и онъ сосредоточилъ въ себѣ по отпуску и привозу заграничныхъ товаровъ болѣе трети всей внѣшней торговли.

Главный вывозъ изъ Россіи чрезъ этотъ портъ состоитъ изъ необработанныхъ продуктовъ: хлѣба, сала, пеньки, льна, желѣза, грубаго холста, канатовъ и веревокъ, простой кости, невыдѣланныхъ кожъ, щетины и лѣснаго товару. Изъ иностранныхъ товаровъ на особенно большія суммы привозятся въ Петербургъ по Балтійскому морю: хлопчатая бумага, виноградныя вины, машины и колоніальные товары. По Варшавской дорогѣ идутъ въ Петербургъ преимущественно заграничныя мануфактурныя издѣлія. Вообще въ настоящее время къ Петербургу

приходитъ до 2500 кораблей, а торговые обороты его составляютъ свыше 120 м. р., т. е. болѣе $^1/_3$ всѣхъ оборотовъ нашей внѣшней торговли.

Сверхъ того Петербургъ поглощаетъ столько съѣстныхъ припасовъ и разныхъ мануфактурныхъ произведеній, что имѣетъ большое вліяніе на внутреннюю торговлю хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, равно какъ и на сбытъ бумажныхъ московскихъ товаровъ, ярославскихъ, архангельскихъ и другихъ полотенъ и разныхъ другихъ русскихъ издѣлій. Такихъ товаровъ привозится въ Петербургъ на 50 м. р.

Съ легкой руки Петра Великаго, при которомъ въ Петербургѣ уже существовало 38 фабрикъ, между тѣмъ какъ ихъ было тогда въ Москвѣ только 39, а во всей Россіи 230, число — фабрикъ въ Петербургѣ быстро увеличивалось и изъ цыфры 86 существовавшихъ при Екатеринѣ II, мы встрѣчаемъ въ отчетахъ 1865 года цыфру 346 фабрикъ, занимающихъ видное мѣсто между другими мануфактурами Россіи, не смотря на то, что произведенія ихъ расходятся большею частью только между жителями этого города и одни сахарные заводы снабжаютъ, черезъ Москву и Нижній, многія наши внутреннія губерніи. На этихъ четырехъ заводахъ рафинируется сахарный песокъ на сумму болѣе 7$^1/_2$ милліоновъ рублей. Песокъ этотъ доставляется преимущественно изъ свекловичныхъ заводовъ южныхъ нашихъ губерній.

Петербургскія фабрики отличаются прочностью выдѣлываемыхъ на нихъ вещей и красивою отдѣлкою ихъ, — вслѣдствіе чего, произведенія ихъ идутъ въ значительномъ количествѣ въ губернскіе города и расходятся между богатымъ народоселеніемъ ихъ; а взамѣнъ, въ Петербургъ доставляются, для небогатаго сословія разныя дешевыя, плохой выдѣлки издѣлія Москвы и другихъ городовъ нашихъ. Кромѣ того, по недостаточному количеству выдѣлываемаго товара на здѣшнихъ заводахъ, доставляются сюда, въ немаломъ количествѣ, разныя фабричныя издѣлія нашихъ внутреннихъ фабрикъ.

Итакъ, не смотря на всѣ предсказанія о скоромъ паденіи этого города, вызваннаго изъ болотъ, по словамъ нѣкоторыхъ, однимъ капризомъ великаго человѣка, Петербургъ по мановенію этого же человѣка не только удержалъ значеніе столичнаго города, но и сдѣлался первымъ торговымъ и фабричнымъ городомъ Россіи.

—

Послѣ кончины Петра Великаго Петербургъ не переставалъ украшаться. Такъ при Елизаветѣ Петровнѣ начали строить, въ 1754 году, великолѣпный зимній дворецъ, по плану одного изъ замѣчательныхъ архитекторовъ того времени, графа Растрели. По планамъ же Растрели были тоже построены на Невскомъ: Аничковскій дворецъ, Гостиный дворъ и домъ Воронцова. Въ царствованіе Елисаветы въ Петербургѣ уже считалось 150 т. жителей. Но до Екатерины Великой въ Петербургѣ еще много было деревянныхъ домовъ; поэтому современники Екатерины II имѣли полное право говорить, что Екатерина приняла городъ деревянный, а оставила каменный. Дѣйствительно, при ней было построено много красивыхъ и полезныхъ зданій, какъ-то: публичная библіотека, арсеналъ, Академія художествъ мраморный и Таврическій дворцы, каменный театръ; при ней, начали строить нынѣшнюю биржу и знаменитый мраморный Исакіевскій соборъ, начатый по плану Ринальда, а оконченный въ 1858 году, по плану Монферана. При ней лѣвый берегъ Невы, Екатерининской каналъ и Фонтанка были обложены дикимъ камнемъ, сооруженъ монументъ Петру I и знаменитая рѣшетка Лѣтняго сада.

Но, не смотря на гранитныя набережныя, великолѣпные дворцы и замѣчательные дома придворныхъ, Петербургъ и при Екатеринѣ II не былъ еще похожъ на теперешній. Между кварталами, застроенными огромными и красивыми домами, являлись улицы, какъ будто перенесенныя изъ дальняго глухаго городка или деревни, болотистые пустыри и рощи. Ад-

миралтейская площадь отъ бульвара и начала Невскаго проспекта, была совершенно почти пуста, и только въ 1788 году, Екатерина выстроила тутъ три огромные каменные дома, на мѣстѣ нынѣшняго главнаго штаба. Дворцовая площадь и весь кварталъ отъ нея къ Милліонной и Невскому представляла сырой лугъ, поросшій изрѣдка кустарниками, среди которыхъ паслись дворцовыя коровы; Конюшенная улица была застроена лачужками. За Михайловской, плохо обстроенной улицей, гдѣ теперь дворецъ Михаила Павловича съ его пристройками, построенными при Александрѣ I, тянулись огороды. Фонтанка служила чертою города и лѣвый берегъ ея состоялъ изъ топкаго болота, черезъ которое мѣстами только шли насыпи. Охотничій дворъ, въ которомъ изъ-за низкаго забора, выглядывали полуразвалившіяся избы, занималъ мѣсто нынѣшняго Технологическаго института, и все пространство между Обуховскимъ и Загороднымъ проспектами занималъ пустырь. Эта пестрота и рѣзкіе переходы отъ красиво застроенныхъ улицъ къ пустырямъ сильно поражали непривычный глазъ иностранца. Хотя Екатерина II совершенно отмѣнила принудительныя мѣры къ заселенію столицы, но народонаселеніе ея продолжало увеличиваться и въ 1796 году считалось въ Петербургѣ болѣе двухъ-сотъ двадцати восьми тысячъ жителей, и для большаго удобства въ полицейскомъ управленіи, городъ съ его предмѣстьями раздѣленъ былъ на девять частей: три Адмиралтейскія, Васильевская, Выборгская Литейная, Рождественская, Каретная и Московская.

Александръ I такъ украсилъ Петербургъ, что его не узнавали пріѣзжіе. При немъ были сооружены: Казанскій соборъ, Адмиралтейство, главный штабъ, Ассигнаціонный банкъ, горный корпусъ, артиллерійское училище, медико-хирургическая академія и многія другія зданія, окончена биржа, перестроенъ Большой театръ, сгорѣвшій въ 1812 году, и устроены бульвары и площади. При этомъ государѣ Петербургъ сильно пострадалъ въ наводненіе 7 ноября 1824 года, которое было сильнѣе всѣхъ, когда-либо здѣсь происходившихъ. Въ городѣ

и его окрестностяхъ погибло 480 человѣкъ, 462 дома совершенно уничтожены, а 3681 зданіе повреждены. Кромѣ того погибло много товаровъ и домашняго скота.

Очевидецъ такъ описываетъ это страшное наводненіе: «Канунъ 7 ноября предвѣщалъ готовившееся несчастіе: дождь шелъ съ самаго утра, вѣтеръ былъ рѣзокъ, холоденъ и дулъ съ чрезвычайной силой; къ ночи вода уже значительно возвысилась; но жители города, отвыкшіе отъ наводненій, не предпринимали никакихъ мѣръ для спасенія своего имущества, предполагая, что по обыкновенію вода убудетъ къ утру. Въ ночь однако поднялся свѣжій, юго-восточный вѣтеръ и, съ часу на часъ усиливаясь, превратился наконецъ въ сильную бурю. Въ исходѣ 10 часа утра о гранитную набережную Невы, противъ дворца, съ шумомъ разбивались уже волны, безпрерывно гонимыя бурею. Выраженіе какого-то недоумѣнія, удивленія или любопытства, виднѣлось на лицахъ толпившагося тутъ народа. Они еще не предвидѣли близкаго и неотразимаго несчастія. Вскорѣ вода брызнула изъ подземныхъ трубъ, потомъ хлынула черезъ гранитные затворы рѣкъ и каналовъ, — и, съ смутнымъ шумомъ, широкими волнами полилась по улицамъ, не захватывая только трехъ частей: Литейной, Каретной и Рождественской. Зимній дворецъ, какъ скала, стоялъ среди бурнаго моря, выдерживая со всѣхъ сторонъ натискъ волнъ, съ ревомъ разбивавшихся о крѣпкія его стѣны и орошавшихъ его брызгами, почти до верхняго этажа.

На Невѣ вода кипѣла, какъ въ котлѣ, и съ неимовѣрной силой обратила вспять теченіе рѣки. Дома на набережной казались парусами кораблей, нырявшихъ среди волнъ. Всѣ мосты были сорваны и разнесены на части.—Два судна сѣли на гранитный парапетъ, противъ Лѣтняго сада; барки и другія суда съ быстротою молніи неслись, какъ щепки вверхъ по рѣкѣ. Люди оцѣпенѣли въ ожиданіи неминуемой гибели; огромныя массы гранита были сдвинуты съ мѣста или вовсе опрокинуты.

Съ другой стороны дворца, на площади, подъ небомъ, почти чернымъ, темнозеленоватая вода вертѣлась, какъ въ огромномъ водоворотѣ; по воздуху, высоко поднимаясь и быстра крутясь, носились широкіе листы желѣза, сорванные съ крышъ строившихся зданій главнаго штаба и буря играла ими, какъ пухомъ. Длинные деревянные тротуары, соединявшіе заборы этихъ недоконченныхъ зданій, представляли плотину, на которую съ ревомъ напирали волны; наконецъ, поднявшись выше этой преграды, вода полилась въ Малую Милліонную. Большая Милліонная была перегорожена огромною баркою, вдвинутою водою изъ узкаго переулка, выходившаго на Неву. Люди, застигнутые водою, лѣзли въ окна, на фонари, цѣплялись за карнизы и балконы домовъ, взбирались на верхушки деревьевъ, окаймлявшихъ бульвары, садились на имперіалы каретъ. Лошади тонули въ запряжкѣ.

На набережной Васильевскаго острова происходило такое же опустошеніе. По Невѣ плыли брусья краснаго дерева, ящики и тюки съ товарами. У перваго кадетскаго корпуса, нынѣ Павловскаго училища, стояла барка съ сѣномъ; такія же двѣ помѣстились подлѣ нынѣшняго Университета. По линіямъ еще были разметаны барки съ дровами и углемъ. Къ балкону одного дома прибило два большихъ транспортныхъ судна; часть разбитаго сельдянаго буяна, находившагося на Васильевскомъ островѣ, занесена была на Петербургскую сторону, гдѣ близь Троицкой церкви стояло нѣсколько барокъ съ огромнымъ грузомъ.

По улицамъ первой Адмиралтейской части плавали кресты, занесенные съ дальнихъ кладбищъ.

Въ мѣстахъ, около залива расположенныхъ, бѣдствія были еще ужаснѣе,—вода тутъ доходила до шестнадцати футовъ.— Въ Гавани, на Канонерскомъ и Гутуевскомъ островахъ, въ Екатерингофѣ и деревняхъ, расположенныхъ на берегу залива, люди почти не находили себѣ никакого спасенія. Рабочіе чугуннаго завода, хотя и были распущены при началѣ наводненія, но не успѣли возвратиться въ свои жилища и, спасаясь

на крышахъ завода, видѣли гибель своихъ близкихъ и всего своего имущества.

Въ два часа по полудни, петербургскій военный губернаторъ Милорадовичъ ѣздилъ въ катерѣ по Невскому проспекту, спасая погибающій народъ; многія частныя лица помогали ему на своихъ лодкахъ. Въ началѣ третьяго часа вода стала убывать и къ ночи не покрывала болѣе улицъ, оставленныхъ ею въ самомъ жалкомъ видѣ: фонари всѣ были переломаны, вслѣдствіе чего мракъ господствовалъ всюду. Во многихъ мѣстахъ образовались провалы, по многимъ улицамъ не было проѣзду. Сотни людей рыдали надъ тѣлами близкихъ или оплакивали потерю всего своего состоянія. Сотни людей остались безъ пріюта, безъ хлѣба, почти безъ одежды и грустно сидѣли на остаткахъ уничтоженныхъ жилищъ своихъ.»

На другой день начались добровольныя пожертвованія въ пользу пострадавшихъ, и правительство приняло всѣ мѣры для пособія несчастнымъ.

Обводный каналъ, опоясывающій Петербургъ отъ Александро-Невской лавры вплоть до устья Невы противъ Рѣзваго острова, охраняющій его отъ сильныхъ и опасныхъ разливовъ Невы, вырытъ въ царствованіе Николая I. При немъ же продолжалось сооруженіе Исакіевскаго собора, оконченнаго только въ настоящее царствованіе. Онъ же поставилъ замѣчательную колонну Александру I, перестроилъ Зимній дворецъ послѣ пожара 1837 года, отдѣлалъ Мраморный—для Константина Николаевича и утвердилъ планы дворцовъ Николая и Михаила Николаевичей, построилъ и отдѣлалъ Новый эрмитажъ, дозволилъ Стенбокъ-Фермору выстроить Пассажъ, построилъ зданія Сената и Синода, Технологическій институтъ и театры: Александринскій и Михайловскій, расширилъ прежнія улицы и проложилъ новыя. Но самымъ замѣчательнымъ памятникомъ его царствованія послѣ Обводнаго канала, Благовѣщенскій, нынѣ Николаевскій каменный мостъ съ чугунными перилами, перекинутый черезъ Неву, недалеко отъ дворца Николая

Николаевича *). Мостъ этотъ установилъ постоянное сообщеніе между центромъ Петербурга и Васильевскимъ островомъ, а чрезъ послѣдній съ Выборгской и Петербургской сторонами, тогда какъ до него эти части бывали совершенно разъединены съ центромъ города во все время движенія льда по Невѣ, такъ какъ всѣ деревянные мосты Невы не могутъ выдержать напора льда, вслѣдствіе чего ихъ и разводятъ.

Нынѣ царствующій государь, заботясь болѣе всего о спокойствіи и удобствахъ жизни ввѣреннаго ему народа, обратилъ вниманіе и на внѣшнія удобства столицы: при немъ выстроены красивыя и хорошо расположенныя зданія Александровскаго рынка за Вознесенскимъ мостомъ, Александровская и Маріинская линіи по Садовой противъ Гостинаго двора, перестроена и очищена Сѣнная площадь, возвышенъ берегъ, на которомъ помѣщается Галерная гавань, проведены конножелѣзныя дороги отъ Васильевскаго острова до Московской желѣзной дороги и отъ Никольскаго рынка до Невскаго проспекта, многіе площади обращены въ сады, при церквахъ разводятся палисадники, нѣкоторые дворцовые сады открыты для публики, дома и улицы содержатся въ чистотѣ и опрятности и освѣщены газомъ; водопроводы снабжаютъ жителей Петербурга чистою невскою водою и забавляютъ его отъ пыли и пожаровъ. Вслѣдствіе всего этого Петербургъ по красотѣ и въ гигіеническомъ отношеніи неуступаетъ лучшимъ столичными городамъ западной Европы. Къ несчастію, городъ расположенъ на такомъ плоскомъ мѣстѣ, что нельзя любоваться частями его, не помѣстившись на верху какого-нибудь очень высокаго зданія, какъ напримѣръ Адмиралтейства, съ верхней галлереи котораго мы и представимъ видъ города. Повернитесь на востокъ, къ Охтѣ, и вы увидите

---

*) Мостъ этотъ построенъ нашимъ русскимъ инженеромъ Кербедземъ, которому приходилось бороться со всѣми трудностями, встрѣчающимися при работахъ этого рода, сосредоточенными здѣсь вмѣстѣ: 1) большая ширина рѣки, 2) большая глубина 3) большая скорость теченія и 4) жидкій иловатый грунтъ дна на глубину превышающую глубину рѣки, — все это затрудняло работу.

на правомъ берегу Невы, за тупымъ мысомъ лѣваго берега, то мѣсто, гдѣ находились 165 лѣтъ тому назадъ укрѣпленія города Ніена, жителямъ котораго и не снилось, какъ застроятся, впродолженіи полутора столѣтія, эти пустынные берега протекавшей между лѣсомъ Невы. Теперь взгляните на сѣверъ. Передъ вами бывшая лучшая часть столицы: Петербургская сторона, изрѣзанная узкими улицами и широкими садами и огородами. Тутъ теперь живетъ самое небогатое населеніе Петербурга, мимо котораго мчатся лѣтомъ изъ душнаго центра дорогіе экипажи, относящіе своихъ богатыхъ владѣльцевъ на острова, красивыми группами лежащіе къ сѣверо-западу отъ Петербургской стороны. Передъ массой зелени Петровскаго парка виднѣется большое зданіе военной гимназіи; за нимъ глаза ваши еще остановятся на большомъ красномъ зданіи Первой военной гимназіи, а тамъ невольно мелькомъ пробѣгутъ незамѣтную Петербургскую сторону, чтобы отдохнуть на красивыхъ островахъ.

Вправо отъ крѣпости, за деревяннымъ, сохранившимъ свой древній стиль Троицкимъ соборомъ, хранится какъ святыня едва замѣтный маленькій домикъ великаго человѣка, вызвавшаг «изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ» громадный городъ. Площадь, окружающая эти два дорогіе для насъ памятника, видѣла много веселыхъ и грустныхъ событій, большей части которыхъ мы не можемъ болѣе сочувствовать, благодаря геніальному Петру, такъ круто выведшему свой народъ на путь развитія.

На востокъ, за Большой Невкой тянется Выборгская сторона съ Медико-хирургической Академіей, прекрасно устроенными госпиталями и разными заводами. Между громадными каменными зданіями и скромными деревянными домиками жителей, выдѣляется своей древней архитектурой церковь Сампсонія и переноситъ насъ опять во времена Петра.

Но пора обратиться къ теперешнему центру города. Отъ Лѣтняго сада, помнящаго ассамблеи и банкеты Петра, идетъ по набережной Невы сплошной рядъ роскошно отдѣланныхъ домовъ, перемежающійся дворцами и оканчивающійся громаднымъ и строгаго стиля зданіемъ Зимняго дворца, занимающаго пространство

уѣзднаго города и заключающаго въ залахъ своихъ громадныя богатства и рѣдкости. Особенно наполненъ ими Новый Эрмитажъ, — великолѣпное и изящно отдѣланное зданіе, пристроенное ко дворцу, въ громадныхъ, поражающихъ своей роскошью, залахъ котораго помѣщаются собранія картинъ и статуй иностранныхъ и русскихъ художниковъ, богатая библіотека и собраніе рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ вещей въ такъ называемой Петровской галлереѣ. Высокія, темныя стѣны дворца мѣшаютъ вамъ разсмотрѣть Дворцовую набережную; но вы можете ее видѣть съ обсерваторіи Академіи Наукъ и налюбоваться вдоволь на зеркальную поверхность Невы, отражающую въ себѣ всѣ эти мастерскія произведенія человѣческихъ рукъ, такъ великолѣпно украсившія ея берега.

Обратясь на юго-востокъ, вы увидите противъ Зимняго дворца, по ту сторону огромной Дворцовой площади, украшенной памятникомъ Александру I, громадный полукругъ главнаго штаба съ тріумфальными воротами, образующими посрединѣ замѣчательную арку, украшенную трофеями и колесницей какого-то тріумфатора. Отъ Адмиралтейства, подобно расходящимся лучамъ, тянутся вдоль всего Петербурга три главные проспекта: Невскій, Гороховый и Вознесенскій. Невскій вначалѣ идетъ между двумя почти сплошными стѣнами магазиновъ, подражающихъ Парижу своими роскошными, завлекающими и красиво расположенными вещами, манящими прохожихъ изъ-за цѣльныхъ зеркальныхъ стеколъ. Тутъ самая капризная барыня можетъ найти все ей необходимое, начиная съ щегольскихъ ботинокъ и кончая тончайшими духами; тутъ любитель изящнаго залюбуется на эстампы и гравюры, выставленные у Бегрова, Даціаро, Фельтэна и т. д., и непремѣнно зайдетъ взглянуть на картины русскихъ современныхъ художниковъ, наполняющихъ залы постоянной выставки. Тутъ, рядомъ съ конторой извѣстнаго нотаріуса или банкира, помѣщается французскій парикмахеръ или перчаточникъ; подлѣ книжной лавки, выглядываютъ изъ оконъ кандитерской сладкіе пирожки и конфекты; а возлѣ тысячныхъ бриліянтовыхъ вещей, гордо красующихся на

бѣлыхъ подставкахъ, бѣдный мальчикъ продаетъ въ корзинкѣ спички, бумагу или что нибудь подобное. До Казанскаго моста вы не встрѣтите тутъ ни одного дома, неиспещреннаго съ верху до низу вывѣсками всевозможныхъ размѣровъ. Тутъ вы на всякомъ шагу видите неистощимое умѣнье показать свой товаръ лицомъ и неудержимое желаніе затмить сосѣда и переманить къ себѣ покупателя. Недаромъ же отъ 3 до 5 часовъ послѣ полудня торцовая мостовая Невскаго проспекта покрывается блестящими экипажами, и широкіе его плитные тротуары исчезаютъ подъ несмѣтной толпой гуляющихъ. Особенно хорошъ Невскій вечеромъ, когда освѣщенъ газомъ: всѣ эти безчисленные магазины кажутся чѣмъ то волшебнымъ. Но Казанскій соборъ, модель церкви Петра и Павла въ Римѣ, быстро измѣняетъ картину. Передъ вами вдругъ открывается большая площадь съ храмомъ, отъ котораго огромнымъ полукругомъ тянутся колоннады изъ известковаго желто-сѣраго камня. Замѣчательно, что зданіе это выстроено одними русскими мастерами безъ участія иностранцевъ. Иконостасъ главнаго алтаря поражаетъ своимъ богатствомъ: онъ весь изъ литаго серебра съ колоннами изъ сибирской яшмы. На него пошло 100 пудовъ серебра. Изъ нихъ 40 пудовъ пожертвовано казаками, которые, отбивъ у французовъ въ 1812 году часть награбленнаго ими въ Россіи серебра, состоявшую преимущественно изъ окладовъ образовъ и церковныхъ сосудовъ, переплавили его въ слитки и отдали на украшеніе собора. Рѣшетка у трехъ иконостасовъ тоже литая, серебряная. Чудотворный образъ Казанскія Божіей Матери украшенъ драгоцѣнными каменьями; но большая часть другихъ образовъ храма безъ окладовъ и написана лучшими нашими художниками; между ними особенно замѣчательны образа Брюлова и Бруни, находящіеся въ алтарѣ. Передъ колоннадами собора, по обѣимъ сторонамъ площади, стоятъ помятники Кутузову и Барклаю де-Толли. Съ этого мѣста, только лѣвая сторона Невскаго сохраняетъ свой характеръ, правая же его сторона становится менѣе пестрой: тутъ вы видите низкіе некрасивые ряды фруктовыхъ лавокъ, наполненные всѣми га-

строномическими затѣями, начиная отъ земляники въ декабрѣ мѣсяцѣ до американскихъ пикльсъ. Далѣе идутъ такіе же низенькія, но только съ колоннами, серебрянныя лавки, за ними Городская Дума съ тяжелыми гранитными ступенями, у которыхъ скромно пріютилась маленькая деревянная книжная лавочка, за ней Гостиный дворъ, съ своими полуазіатскими крытыми наружными галлереями. За Гостинымъ дворомъ вы непремѣнно остановитесь передъ огромнымъ, прекрасно устроеннымъ зданіемъ публичной библіотеки и отдохнете на немъ отъ всей этой пестроты, отуманившей васъ на минуту. Тутъ напоминаетъ вамъ, что въ Петербургѣ есть небогатый классъ добросовѣстныхъ труженниковъ и поклонниковъ науки и литературы, классъ этотъ не малъ, если Екатерина нашла для него нужнымъ устроить эту громадную библіотеку. На площади, отдѣляющей зданіе библіотеки отъ Аничкова дворца, стоитъ нашъ русскій театръ, помнящій и Асенькову, и Мартынова, и Самойловыхъ и многихъ другихъ артистовъ, не мало способствовавшихъ къ развитію вкуса въ зрителяхъ. За сквэромъ театра, начинается Аничковъ дворецъ, построенный еще при Елисаветѣ. Вамъ страннымъ покажется, какъ въ такое отдаленное время, когда Невскій былъ еще малозастроеннымъ бульваромъ, съ двумя тріумфальными воротами, могли тутъ появиться подобныя зданія; но взгляните на Фонтанку и вспомните, что при Елисаветѣ преимущественно застраивался правый берегъ этой рѣки, и васъ не удивитъ болѣе домъ-дворецъ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, помѣщающійся по ту сторону Аничкова моста, украшеннаго великолѣпными лошадьми работы извѣстнаго русскаго скульптора барона Клодта. За этимъ мостомъ вы начинаете чувствовать, что приближаетесь къ концу Невскаго: торцовая мостовая прекращается, дома, хотя все еще громадные, не такъ испещрены вывѣсками, и вотъ вы наконецъ у воксала Московской желѣзной дороги. До двадцати улицъ, пересѣкающихъ съ обѣихъ сторонъ Невскій проспектъ, наполнены тоже большею частью магазинами; но есть между ними и такія, въ которыхъ преобладаютъ дома аристократовъ, какъ напри-

мѣръ Большая Морская, ведущая на Исакіевскую площадь, посрединѣ которой стоитъ Исакіевскій соборъ, а передъ нимъ памятникъ Николаю I. Площадь застроена громадными и великолѣпными зданіями, между которыми находится дворецъ В. К. Маріи Николаевны, заключающій въ стѣнахъ своихъ много рѣдкостей, между прочимъ превосходныя картины лучшихъ иностранныхъ и русскихъ художниковъ. Но величина всѣхъ этихъ зданій теряется передъ громадностью Исакіевскаго собора, фундаментъ котораго занимаетъ площадь, имѣющую въ длину отъ востока къ западу 52 саж. 12 верш., а въ ширину отъ юга къ сѣверу 45 саж. $2\frac{1}{2}$ арш. Соборъ можетъ вмѣстить въ себѣ болѣе 5 тысячъ человѣкъ. Чтобы дать хотя малое понятіе о громадности этого зданія, мы приведемъ цифры главныхъ размѣровъ его. Наружныя стѣны нижняго корпуса въ 16 сажень 1 арш. вышины, а все зданіе въ 47 сажень 2 арш., считая отъ фундамента до креста средняго большаго купола. Золоченый червоннымъ золотомъ куполъ этотъ видѣнъ болѣе чѣмъ за 30 верстъ въ окружности; крестъ его желѣзный, рѣзной и обложенъ мѣдными золочеными листами. Стѣны собора выведены снизу изъ гранита, а выше изъ кирпича, обложеннаго плитами сѣраго финляндскаго мрамора. Наружныя колонны и ступени изъ красно-сѣраго гранита, а статуи и барельефы темной бронзы. Колонны, поддерживающія портикъ, почти въ 8 саж. вышины, по величинѣ своей считаются между первыми монолитами въ мірѣ. Но онѣ не поразятъ васъ своею громадностію, потому что онѣ совершенно пропорціональны относительно главныхъ дверей, вышиною въ 7 саж. и оконъ въ 5 саж. На сооруженіе собора пошло разныхъ металловъ 110,108 пуд. *). Внутри собора стѣны выложены бѣлымъ и цвѣтнымъ мраморомъ и краснымъ порфиромъ; полъ изъ мраморныхъ цвѣтныхъ плитъ, а ступени и площадь передъ алтаремъ, за золоченой бронзовой рѣшеткой, краснаго порфира. Три арки иконостаса тянутся во всю ширину церкви и

---

*) Золота пошло 6 пудовъ, бронзы—18 тысячъ пуд., мѣди—2,939 пуд., кованаго желѣза—29,374 пуд., чугуна 59,789 пудовъ.

маскируютъ предѣлы ея. Весь иконостасъ изъ бѣлаго мрамора и покрытъ снаружи образами, въ промежуткахъ которыхъ помѣщены 10 мѣдныхъ колоннъ, обложенныхъ малахитомъ, съ бронзовыми золочеными базами и капителями. Эти колонны вышиной въ 16 арш. и на нихъ пошло 1,200 пудовъ малахиту, добытаго въ Пермской губерніи.

Образа главнаго иконостаса будутъ сдѣланы всѣ мозаиковые, но теперь изъ нихъ готовы только 8 нижнихъ иконъ, а на мѣстахъ остальныхъ остаются еще пока прекрасной живописи оригиналы нашихъ лучшихъ художниковъ. Образа вставлены прямо въ бѣлый гладкій мраморъ иконостаса, карнизы котораго покрыты бронзовыми массивными украшеніями, что составляетъ какъ бы рамы иконамъ. Царскія врата вылиты изъ бронзы и украшены по бокамъ колоннами изъ драгоцѣннаго ляписъ-лазури. Въ придѣлахъ иконастасы бѣлаго гладкаго мрамора съ малахитовыми украшеніями и превосходными бронзовыми группами Пименова. Бѣлыя мраморныя стѣны, отдѣляющія ихъ отъ главнаго алтаря и служащія сѣверными дверями послѣднему, покрыты превосходной рѣзьбой, также какъ и всѣ бордюры большихъ образовъ, помѣщающихся на красивыхъ, бѣлаго мрамора, аркахъ собора.

Отъ Исакіевскаго собора къ Невѣ виднѣются: стройная и прекрасныхъ размѣровъ Конногвардейская церковь Благовѣщенія, дворецъ великаго князя Николая Николаевича, Сенатъ и Синодъ; а подлѣ нихъ, на площади, знаменитая статуя Петра I, указывающая Россіи на Неву, соединяющую ее съ Балтійскимъ моремъ и Западной Европой.

Самая торговая, изъ выходящихъ на Невскій, улицъ — это Большая Садовая. Она ведетъ отъ гостинаго двора прямо на Сѣнную площадь, застроенную деревянными балаганами, въ которыхъ продается разная живность, рыба, зелень, дешевые фрукты, фаянсовая, деревянная и глиняная посуда и т. п. Рынокъ этотъ особенно оживляется за недѣлю до Рождества. Въ это время вся часть Садовой, прилегающая къ Сѣнной, и Обуховскій проспектъ вплоть до моста загромождаются дере-

венскими санями, съ которыхъ крестьяне прямо продаютъ привозимую ими живность. Неуклюжи наскоро сколоченные балаганы, бѣдны и грубы простыя сани, мѣшающія проѣзду экипажей; но за то тутъ, этотъ толпящійся народъ, выводящій изъ терпѣнія мимо проходящихъ, можетъ купить всю необходимую для него провизію по самой дешевой цѣнѣ. Говорятъ, что скоро площадь будетъ очищена отъ этихъ деревянныхъ построекъ, которыя замѣнятся правильными рядами. За Сѣнной, по обѣ стороны Обуховскаго моста, находятся многія огромныя каменныя зданія, какъ напримѣръ Институтъ Путей сообщенія, Обуховкая больница, Константиновское военное училище, Технологическій институтъ и такъ далѣе.

Теперь повернитесь на сѣверо-западъ и полюбуйтесь видомъ совершенно въ другомъ вкусѣ. Передъ вами Васильевскій островъ, соединенный съ Адмиралтейскою частью постояннымъ каменнымъ мостомъ, своей смѣлостью удивляющимъ инженеровъ Европы. Въ концѣ моста, въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинаются подвижныя части его, стоитъ граціозная гранитная часовня съ мозаиковымъ изображеніемъ св. Николая внутри и св. Александра Невскаго снаружи, вправо отъ моста вы видите прочное массивное зданіе Академіи художествъ, залы которой прекрасно передѣланы въ нынѣшнемъ году и въ нихъ мастерски сгруппированы и разставлены разныя художественныя произведенія. Въ нихъ же находится драгоцѣнная галлерея графа Кушелева-Безбородко, завѣщанная графомъ академіи. Противъ этого зданія, по обѣимъ сторонамъ широкихъ гранитныхъ ступеней, ведущихъ къ Невѣ, стоятъ два громадныхъ гранитныхъ сфинкса, привезенныхъ изъ Египта въ царствованіе Екатерины II. На Румянцовской площади между Академіей и Павловскимъ военнымъ училищемъ разбитъ сквэръ, составляющій какъ бы рамку для памятника графа Румянцова. Далѣе за Павловскимъ училищемъ, вдоль гранитной набережной вы видите: университетъ, академію наукъ съ замѣчательнымъ, въ научномъ отношеніи кабинетомъ рѣдкостей, бѣлое зданіе Биржи, пестрые маяки и такъ далѣе.

Взгляните налѣво, и васъ поразитъ цѣлый лѣсъ мачтъ купеческихъ кораблей, между которыми рѣзко отдѣляются красныя и черныя трубы большихъ и малыхъ пароходовъ, пристани которыхъ кажутся цѣлыми домами, правда очень ничтожными сравнительно съ большими каменными зданіями, окаймляющими набережную Невы, между которыми возвышаются морской корпусъ и горный институтъ. Этотъ блестящій рядъ домовъ кончается темной полосой фабрикъ и заводовъ, занимающихъ всю оконечность острова, называемую Чекушами.

Бросимъ послѣдній взглядъ на Петербургскую сторону, съ которой мы начали обзоръ нашъ, съ которой сталъ застраиваться Петербургъ по волѣ геніальнаго человѣка, предвидѣвшаго все его громадное будущее значеніе, и вспомнимъ слова великаго поэта:

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
Полночныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ; нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темно-зелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

36. Русь въ пословицахъ.

1. Столицы и губернскіе города.

Новгородъ — отецъ, Кіевъ — мать, Москва — сердце, Петербургъ — голова.

Питеръ — кормило, Москва — кормъ.

Москва создана вѣками, Питеръ — милліонами.

Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ.

Матушка Москва бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, православная, словоохотливая.

Славится Москва невѣстами, колоколами, да калачами.

Москва людна и хлѣбна.

Въ Москвѣ сорокъ сороковъ церквей.

Въ Москвѣ каждый день праздникъ. (По множеству церквей).

Новгородъ, Новгородъ, и постарше стараго.

Псковичи — капустники, мякинники, ершеѣды.

Тверитяне въ приглядку съ сахаромъ чай пьютъ.

Ярославль городъ — Москвы уголокъ.

Ярославцы: красавцы, бѣлотѣльцы, пѣсенники, запѣвалы, чистоплюи, конфетчики, кукушкины дѣтки (потому что мужики дома не сидятъ).

Нижній — сосѣдъ Москвѣ ближній: дома каменные, люди желѣзные. Воды много, а почерпнуть нечего. (Хотя Нижній лежитъ на двухъ большихъ рѣкахъ, но нуждается въ водѣ).

Вятскіе ребята хватскіе: семеро одного не боятся, а кто больше съѣстъ, — тотъ и молодецъ.

Владимірцы стерлядники, каменщики, клюковники. По клюкву, по ягоду клюкву.

Орловцы — безменщики.

Тулякъ — стальная душа. Блоху на цѣпь посадили. Присядь, бачка, чижи летятъ. (Туляки оружейники, птицеловы).

Смоляне — крупенники, мезговники. — (Мезга — сосновая заболонь, которую мѣшаютъ въ хлѣбъ).

Полтава сидитъ на горѣ, какъ пава, а въ грязи, какъ жаба.

Архангельцы моржеѣды, шанежники.

Астраханцы — икорники, бѣлужники. Въ Астрахани и коровы рыбу ѣдятъ (соленую).

Донцы — осетерники, балычники, станичники. На Дону ни ткутъ, ни прядутъ, а хорошо ходятъ.

Крымцы — селедники, садовники.

Кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ пыли не видалъ.

2. Уѣзды.

Бѣлозерцы — бѣлозерскіе снетки.

Демьянцы — гаршечники; по гаршки.

Валдайцы — колокольники.

Боровичане — волнушечники, водохлебы (т. е. чайники), луковники. Луку, луку, зеленаго [1]).

Осташи — ершеѣды, сапожники, золотошвеи.

Кимряки — лѣтомъ штукатуры, зимой чеботары. [2])

---

[1]) Бѣлозерскъ, Демьянскъ, Валдай и Боровичи — уѣздные города Новгородской губерніи.

[2]) Осташковъ уѣзд. гор. Тверской губерніи. Кимры — село Корчевскаго уѣзда Тверской губерніи.

Ростовцы — огородники, птичники, каплунники.

Романовцы — схорони концы. Барана въ зыбкѣ закачали (укравъ спеленали и положили въ зыбку, чтобы спрятать) [1].

Галичане — овчинники, мѣховщики.

Кинешемцы и Рѣшемцы — суконники.

Ветлужане — санники. Санникъ да тележникъ, а выѣхать не на чемъ.

Варнавинцы — медовики.

Судиславцы — грибовники. [2])

Васильцы — стерлядники.

Княгининцы — шапошники. Шапками обозъ задавили.

Мурашкинцы — тулупники.

Городъ Балахна стоитъ пòлы распахня (потому что растянулась по Волгѣ версты на три)

Арзамасцы — гусятники, луковники, малевàны (иконописцы).

Семеновцы — теплый, валеный товаръ. [3])

Суздальцы — богомазы. Георгія за мѣсто Пятницы (св. Параскевіи) промѣняли (т. е. продали, потому что образа не продаютъ, а мѣняютъ).

Въ Суздалѣ да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться.

---

[1]) Ростовъ, Романовъ и Борисоглѣбскъ — уѣзд. гор. Ярославской губ.

[2]) Галичъ, Кинешма, Ветлуга, Варнавинъ, Судиславль уѣзд. города Костромской губерніи. Решма — село Кинешемскаго уѣзда.

[3]) Васильсуркъ, Княгининъ, Балахна, Арзамасъ, Семеновъ—у. гг. Нижегородской губерніи. Мурашкино — Княгининскаго уѣзда той же губерніи.

Юрьевцы — Китешники.

Ковровцы — офени, коробейники, приходимцы; картавые (за офенскій языкъ) [1]).

Вязмичи — пряничники, коврижники. Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписаные. Вязьма въ пряникахъ увязла [2]).

3. Народы.

Русскимъ Богомъ да русскимъ царемъ святорусская земля стоитъ.

Русскій народъ — царелюбивый.

Русская кость тепло любитъ.

Русскій человѣкъ хлѣбъ соль водитъ.

Руси есть веселіе пити, не можетъ безъ того быти.

Русскій терпѣливъ до зачина.

Русскій человѣкъ — добрый человѣкъ.

Русакъ уменъ, да заднимъ умомъ.

Бей русскаго — часы сдѣлаетъ. Русскій, что увидитъ, то и сдѣлаетъ. Русскій догадливъ, себѣ на умѣ. — Русскій человѣкъ любитъ авось, небось, да какъ нибудь.

Русскій человѣкъ и гулливъ и хвастливъ.

Въ русскомъ брюхѣ и долото сгніетъ.

Что русскому здорово, то нѣмцу смерть.

Калмыкъ подъ собой кобылу съѣлъ. Ай, молодца: широка лица, глаза узенька, кость пятка.

---

[1]) Суздаль, Вязники, Шуя, Юрьевъ, Ковровъ — уѣздные города Владимірской губерніи.

[2]) Вязьма — уѣзд. гор. Смоленской губ.

Татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ.

Цыгану безъ обмана дня не прожить.

Фараоново отродье.

Гдѣ жидъ не прошелъ, такъ цыганъ пролѣзетъ.

Цыганъ, что голоднѣе, то веселѣе.

Рѣка Обь — остяцкій богъ.

Гдѣ два оленя прошло, тамъ тунгусу большая дорога.

Упрямъ, какъ рыжій зырянинъ.

Черемиса, что миса: чистое и поганое пожираетъ.

Чуваши, хоть сто человѣкъ, — всѣ вмѣстѣ говорятъ.

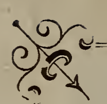
Чудь бѣлоглазая. Лопь — сыроѣды. Колдуны.

Литвины: мякинники. Литовскій колтунъ. Лапотники. Магерки (бѣлыя валеныя шляпы).

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

VIII. Великорусскій край.

Цѣна полному сочиненію изъ пяти томовъ, 5 р.
Отдѣльно: первому тому 75 к., второму 1 р., третьему 75 к
четвертому 1 р., пятому и послѣднему 1 р. 50 к.
Каждый томъ продается отдѣльно.

